

Д. А. Милютин
ДНЕВНИК

1891 — 1899

Д. А. Милютин

ДНЕВНИК

Д. А. Милютин

ДНЕВНИК

генерал-фельдмаршала

графа

Дмитрия Алексеевича

Милютина

1891–1899

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л. Г. ЗАХАРОВОЙ

РОССПЭН
Москва
2013

ББК 63.3(2)51

М60

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-00321а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 13-01-16039д*

Предисловие *Л. Г. Захаровой*

Подготовка текста, комментарии и указатели *М. А. Волхонского,
Л. Г. Захаровой, А. В. Мамонова, Т. А. Медовичевой, Л. И. Тютюнник*

Подбор иллюстраций *В. А. Астанкова, А. В. Мамонова,
С. А. Эжитута*

Милютин Д. А.

М60

Дневник. 1891–1899 / Д. А. Милютин ; под ред. Л. Г. Захаровой. –
М. : Политическая энциклопедия, 2013. – 774 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1840-1

В заключительном томе «Дневника» Д. А. Милютина освещается его путешествие 1891 года, участие в коронационных торжествах 1896 года и установке памятника императору Александру II в Москве в 1898 году. В «Дневнике» бывший военный министр, находившийся не у дел и проживавший преимущественно в Крыму, описал события конца царствования Александра III и первых лет правления Николая II, размышлял о внешней и внутренней политике России. Среди его собеседников – императоры и члены императорской фамилии, С. Ю. Витте, П. Л. Лобко, Н. В. Муравьев, Н. Н. Обручев, Б. Н. Чичерин и другие видные государственные и общественные деятели второй половины XIX – начала XX века.

Текст «Дневника» публикуется без каких-либо сокращений. Издание иллюстрировано, снабжено комментариями и указателями. Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей России.

ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-8243-1840-1

© Волхонский М. А., Захарова Л. Г.,
Мамонов А. В., Медовичева Т. А.,
Тютюнник Л. И., составление, предис-
ловие, комментарии, указатели, 2013
© Политическая энциклопедия, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга завершает двенадцатитомное издание мемуарного наследия выдающегося государственного деятеля XIX века Дмитрия Алексеевича Милютин¹. По структуре, содержанию и стилю изложения публикуемый дневник 1891–1899 гг. непосредственно продолжает предыдущий том за 1882–1890 гг. Обе эти книги дневника Д.А. Милютин писал после отставки, навсегда покончив с официальной государственной службой и покинув Петербург, в уединении, в своем уютном имении Симеиз.

Один общий сюжет связывает их воедино – это путешествие за границу в 1889 г. и 1891 г. «При всех своих наклонностях домоседа, – записывает Милютин 10 июня 1891 г., – я чувствую однако же в своем добровольном заточении потребность по временам освежиться умственно и нравственно в другой, более просторной атмосфере. Два года тому назад испытал я благотворное влияние путешествия; решаюсь ныне повторить этот опыт» (с. 38). Для того чтобы посмотреть в первую очередь еще не знакомые страны – «малоизвестную» Испанию, Алжир, Тунис, которые в дневнике значатся как «Алжирия», «Тунисия», Милютин начинает путешествие на одном из лучших и больших пароходов «Русского общества пароходства и торговли» – «Россия». Проходя Босфор и Дарданеллы, всматривается «с помощью бинокля в классическую местность Древней Трои»; одновременно отмечает, что на пароходе 300 переселяющихся в Палестину русских евреев; не ускользает от его пристального взгляда и празднование годовщины Французской революции на всех военных пароходах, стоящих в Босфоре и Золотом Роге. Так проявляется эта характерная для Милютина-туриста способность подмечать все многообразие событий и фактов, важных и совсем незначительных, встречающихся на пути.

Как всегда Милютин не оставляет без внимания ни один исторический памятник на своем пути, обращает внимание на их состояние как свидетельство отношения людей и властей к своему прошлому. Вдохновенно пишет о природе, например о Греции: «Вообще острова Архипелага представляют грациозные силуэты...» Но особенно его интересует благоустроенность городов и сел и достаток населения. Экономический, технический, культурный прогресс, характерный для европейских стран, невольно наводит на размышления о России. Он восхищается «общим видом довольства и благосостояния», хорошо отстроенными селениями, а еще больше – единством народа, сложившегося в нацию. «Нет в Европе страны более демократичной, чем Греция, – записывает он в Афинах

7(19) июля 1891 г. – Самый бедный рабочий подает руку богачу или савоннику. В публичной жизни сливаются все слои, высшие и низшие: простолудин и министр, даже сам король и принцы, пользуются одними и теми же вагонами tramway'я. Между тем не замечается ни малейшего нахальства, ни грубости со стороны низших классов относительно высших. Простой народ весьма добродушен... Богатство пользуется большим почетом и влиянием... Надобно отдать справедливость здешним богачам, что они не скупаются на жертвования в крупных размерах на пользу общественную» (с. 51–52).

Доехав до Италии, при переезде из Неаполя в Рим Милютин оставляет в дневнике запись 19(31) июля: «С завистью смотрю на чудную страну; это – сплошной сад: виноградники, маслины, фруктовые деревья. Тут и там виднеются на высотах селения, городки, старинные башни» (с. 69). Итальянские железные дороги не заслуживают, по мнению мемуариста, прежних упреков. Поезд «expresso» идет со средней скоростью 40 верст в час. Но, попав в Лондон из Дувра спустя неделю, констатирует: «Поезд несется с быстротою 80 километров в час». А весь переезд из Парижа в Лондон за 8 часов признает «изумительно» быстрым.

«Вообще в настоящем путешествии, – размышляет автор дневника в записи 11(23) августа 1891 г., – наиболее интересует меня сравнение того, что вижу теперь, с тем, что осталось у меня в памяти от впечатлений за полвека назад. Наглядно замечаю, насколько в течение этого времени Европа изменилась в своем внешнем виде и в быте народа. Изменение это замечается преимущественно в больших городах, которые перестраиваются заново: прежние средневековые характерные постройки исчезают и заменяются зданиями по одному общему шаблону; улицы уширяются; пробиваются новые, широкие проспекты в виде аллей или бульваров; устраиваются площади, скверы с памятниками. В санитарном отношении – успех громадный. Вместе с тем изменяется и население: оно теряет свой типичный оттенок; национальные костюмы совсем уже исчезли в городах» (с. 86–87)².

Постоянно возникают у мемуариста размышления о России в связи с увиденным в Европе. Посетив Голландию, которая всегда славилась своим цветоводством, он записывает 11(23) августа: «Что бы нашим крымским землевладельцам позаимствовать здесь умение устраиваться со вкусом и комфортом при весьма скромных средствах» (с. 87). И в Амстердаме Милютин нашел большие перемены: город «принарядился, вычистился, распространился, но состояние «домика Петра Великого» его огорчило. «Если со стороны русского правительства (которому принадлежит ныне этот исторический домик) не будет обращено более внимания на поддержку его, то по прошествии еще 50 лет от него совсем не останется ничего», – размышляет Милютин. И приходит к грустному заключению: «Мне думалось: как много мы, русские, кричим о русской самобытности, о русской старине, о русской национальности, а между тем на деле

ни в одном народе нет такой беззаботности относительно сохранности и восстановления памятников исторических» (с. 94). А следом другое размышление, иного характера, но тоже невеселое. Посетив во Франции город Люшон, погуляв в публичном саду и по улицам до 10 часов вечера, Милютин оставил в дневнике 28 августа (10 сентября) такую запись: «...какими пустяками довольствуется европейская публика для своего развлечения и увеселения; и тем не менее эта *всесословная "публика"* (курсив мой. – Л. З.) живет и по-своему наслаждается жизнью, тогда как у нас на Руси только хмурится и жалуется на судьбу» (с. 112). В этой записи обращает внимание акцент, сделанный на *всесословность* европейской публики одним из главных деятелей Великих реформ в России, видимо, совсем не случайно. Он понимает, что сословность, мешающая созданию нации, так и не была преодолена в России в конце XIX века.

Еще одно сравнение не в пользу России. Посетив Алжир и Тунис, Милютин приходит к заключению об умелом владычестве французов на завоеванных территориях: «Покидая французскую колонию в Африке, я должен воздать справедливость французам в том, что они сумели в какие-нибудь 50–60 лет прочно утвердить свое владычество в мусульманской стране не одною лишь военною силой, но и нравственным воздействием. Туземное население офранцужено более, чем наши кавказские горцы обрусилась... Все это дает французскому владычеству в этой стране явное преимущество пред нашими успехами в гражданственности и культуре на Кавказе...» [запись 6(18) октября 1891 г.; с. 190].

Но особенно удручающее впечатление на Милютина производит работа чиновников таможни при возвращении из заграничного путешествия домой – в Севастополь. «Нигде, ни в одном порту пассажир не встречает таких формальностей, таких проволочек и такого пренебрежения к публике, как у нас», – записывает он 24 октября (5 ноября) 1891 г. (с. 209).

Спустя полгода (в апреле 1892 г.) по поводу приезда в Крым и захваченного на один день в Симеиз А.Ф. Кони Милютин пишет: «Посещение такого умного, многосторонне образованного и даровитого человека доставило мне большое удовольствие». И далее: «Все, что слышал от Кони о ходе дел в Петербурге, о настроении общества и теперешних государственных деятелях, – произвело на меня грустное впечатление. Многие припоминали мы из прошлого и скорбели о настоящем. Всего же печальнее то, что никаких светлых надежд не усматривается и в будущем» (с. 226). А в конце того же 1892 г., объясняя пропуски в своих дневниковых записях, Милютин среди других причин называет, пожалуй, главную: «ничего не вижу отрадного». Когда в связи с 60-летием служебной деятельности Милютина в Симеиз неожиданно явился генерал-майор П.Ф. Лузанов, профессор Военно-юридической академии и помощник начальника Главного военно-судного управления, для вручения адреса юбиляру, в дневнике 8 ноября 1893 г. появилась запись: «От него наслы-

шался я много интересных рассказов о ходе дел в петербургских административных сферах вообще и, в частности, в Военном министерстве. Во всех его рассказах очень мало утешительного и очень много возмутительного» (с. 281). Этот мотив становится затем постоянным в дневниковых записях Милютина.

В этой книге «Дневника» много об Александре III, об его характере, вообще о личности, о последних месяцах жизни. 21 сентября 1894 г., увидев императора в Ялте, Милютин отмечает: «...особенно поражают каждого неожиданность, внезапность, с которыми совершилось превращение здорового, цветущего, мощного человека в слабого, немощного больного». Через месяц, после смерти Александра III, газеты, как пишет Милютин, были «почти исключительно» переполнены известиями скорби и сочувствия об этой утрате; «везде воздаются похвалы усопшему царю, как «*миротворцу*» (подчеркнуто в тексте. – Л. З.), как честному и правдивому властителю многомиллионного народа. В этом отношении действительно император Александр III оказал великую заслугу человечеству». И тут же как профессиональный историк Милютин, не поддаваясь пафосным суждениям прессы, твердо и убежденно заключает: «Общая же оценка минувшего царствования еще слишком преждевременна. История не придаст, конечно, никакого значения появившимся уже в некоторых газетах патетическим дифирамбам» (с. 332).

Однако свое мнение не историка, а современника Милютин высказывает, хотя и своеобразно. Не прямо, а опосредованно. В приложении к дневниковой записи от 30 декабря 1894 г. Милютин приводит выписку из анонимного письма от 16–18 ноября на имя В.И. Ламанского по поводу сказанной им в Славянском обществе речи при воцарении императора Николая II. Содержание этого письма позволяет судить о восприятии царствований Александра II и Александра III самим Милютиным, который нашел нужным привести его на 12-ти страницах своего дневника. Автор анонимного письма³ возмущен, что последователь славянофилов Ламанский в своей речи ничего сказал о земстве. «В стенах самого Славянского общества я живо помню еще в 80-х годах, – с негодованием писал автор, – горячие отзывы о земстве... В № 10 Известий Общества за 1887 г. было написано: “без помощи и поддержки народа, без участия и содействия общества ни одно государство не может стоять, не только развиваться”. Не могу поверить, чтобы в настоящее время славянофилы отказались от земства». В письме подчеркивался тот факт, что о внутренней политике Александра III ничего не сказано. Между тем, продолжает автор, «только прямым указанием недостатков и бедствий современной действительности славянофильство может искупить пред русским народом грех, который оно взяло на себя 13 лет тому назад». Благодаря союзу с М.Н. Катковым и Д.А. Толстым утверждалось в письме, «славянофилам, удалось достигнуть своей первой, ближайшей цели – воспрепятствовать появлению в России слабого подобию западноев-

ропейских правовых и представительных форм». И далее говорится о пагубности сословной политики – многочисленных покровительственных мер дворянству в ущерб многомиллионному крестьянству. Толков о крестьянстве как носителе «русских народных начал» много, а в действительности осуществляются «мероприятия исключительно ограничительные и запретительные». Такая позиция автора письма, несомненно, была близка Милютину, который всегда последовательно выступал против сословности, за «создание народа» или «всесословной публики». Перечислив множество примеров покровительственных мер по отношению к дворянству и ограничительных – к крестьянству, автор письма обобщал свои наблюдения: «Если мы обратимся в заключение к основной посылке славянофильского государственного мировоззрения – к вопросу о правде в общественной жизни и доверии между царем и народом, то нарисуетесь ужасающая картина. Никогда со времен Николая I официальная ложь не находила такого распространения и значения, как в недавнем прошлом». Именно этими явлениями и тенденциями, определившимися в царствование Александра III, объясняется уход в отставку Н.Х. Бунге, продолжавшего в меру сил дело Великих реформ царствования Александра II, заявившего «о невозможности дальше увеличивать податное бремя». Автор письма осуждал «выколачивание (в буквальном смысле слова) недоимок из населения», пережившего ужасный голодный 1891 г., также широкое участие государства в биржевых операциях и усиленное покровительство крупной промышленности.

Переживаемый период характеризуется в письме «самым пышным расцветом всеопекающей бюрократии и чиновничества». Параллельно и одновременно с этим «поприще общественной деятельности, предоставленное выборным, становится все уже». Распространение всеильного авторитета министра внутренних дел и административных распоряжений сказалось на ограничении суда независимого и беспристрастного, равного для всех – «этого драгоценного наследия» царствования Александра II. В области свободы совести и слова также были введены стеснения, которые погубили ряд изданий, «способных правдиво отражать жизнь». Та же политика в сфере народного образования – от университетов до начальной школы. После перечисления всех пагубных явлений последнего десятилетия аноним задается вопросом: «Неужели же теперь, когда это всего нужнее, когда переживаемое тяжелое настоящее является в значительной степени делом славянофилов, – не найдется у них сил для раскрытия полной правды?». «Ответ даст нам жизнь, ближайшее будущее», – убежден автор письма, с которым, можно с уверенностью сказать, Милютин был солидарен. Во всяком случае, на протяжении последующих лет понимание и ощущение неблагополучия в развитии государственного и общественного организма страны у него только усиливалось, о чем свидетельствуют записи дневника.

Кульминацией именно такого восприятия российской действительности можно считать запись в дневнике от 30 марта 1899 г. «Грустное настроение навяло на меня письмо, полученное от Бориса Николаевича Чичерина... “Куда это мы идем?” – вопрошает он самого себя, – “И что сулит будущее нашему отечеству?”...» Эти тревожные восклицания следуют после перечня вопросов, составляющих «злобу дня»: финляндский, студенческие волнения, нападки на земские учреждения, в особенности общий упадок нравственности в личном составе правительства и администрации, хаос в понятиях всех слоев общества. Разделяя тревоги соратника и друга о судьбе отечества, Милютин еще раз убеждается в правильности своего решения отказаться от всякой официальной деятельности после убийства Александра II и изменения правительственного курса, провозгласившего «незыблемость самодержавия» вместо развития и осуществления целей и общей стратегии Великих реформ. Смена царствований в 1894 г. не принесла никаких позитивных изменений. «Стало быть недуг, – заключает Милютин, сам отвечая на вопрос Чичерина, – останавливающий прогресс России, имеет корни глубоко, в самой почве и нечего ждать лучшего в будущем» (с. 520).

Эта мысль повторяется, становясь лейтмотивом последних записей дневника. 15 июля 1899 г. Милютин записывает: «Переживаемое время необыкновенно обильно политическими событиями; но я не касаюсь их, замкнувшись в тесную рамку своего стариковского существования. Все происходящее в разных частях света так несимпатично, что хотелось бы оставаться в полном неведении» (с. 525). 7 октября 1899 г.: «Отсутствие общего плана и недостаток выдержки всегда составляли самую слабую сторону русской политической деятельности и главную причину безуспешности ее. Ближайшие примеры – Польша, Балтийский край, реформы императора Александра II и проч. и проч. Та же слабая сторона и в нашей политике внешней. Сегодня одно веяние, завтра другое. А в вопросе финляндском, более чем в каком-либо другом, требуются от наших государственных деятелей выдержка и зрело обдуманый план действий... Вся история русского владычества в этой завоеванной стране выказывает наглядно нашу непоследовательность» (с. 531–532).

Поражает этот пронизательный, проникновенный взгляд (можно сказать, снайперский глаз) Милютина на настоящее и будущее России, настолько глубокий, что многие его оценки, наблюдения, предвидения и сегодня воспринимаются как вполне современные.

Понимая и чувствуя, что его время, его эпоха завершается, 31 декабря 1899 г. Милютин пишет: «С наступления 1900-го года прерываю свой дневник... Конеч». Однако в 1900 г. еще делает несколько записей. «Сила привычки берет свое», – как он сам объясняет 1 апреля 1900 г. Но уже спустя два месяца, 28-го мая Милютин признается: «Чем дальше, тем все менее охоты вести его (дневник. – Л. З.)». Последняя запись – 5 июля. История же издания мемуаров

Д.А. Милютин растянута на сто лет, отразив тяжелую судьбу самой России.

* * *

Именно в этой книге дневника в записи 22-го сентября 1892 г. узнаем, что Д.А. Милютин окончил составление своих «воспоминаний». Последними были страницы о пребывании на Кавказе в 1856–1860 гг. «Остается перечитать и исправить этот отдел; затем вся исписанная кипа бумаги сложится в сундук, вероятно навсегда, – как тогда казалось мемуаристу. – Потратив более десяти лет на составление этих “воспоминаний”, я не обольщаю себя никакими иллюзиями на счет значения и будущей участи этой работы». Эта запись оканчивается совсем мрачным предположением, что при вторичном окончательном решении вопроса: «что делать с этим старым хламом? – тогда последует решение – сжечь!» (с. 233, 234). Эту безнадежность такого оптимистичного и жизнестойкого человека, каким всегда был Дмитрий Алексеевич, можно объяснить усталостью от напряженного ежедневного труда в весьма преклонном возрасте – на девятом десятке лет. Однако по размышлению он принял мудрое решение. Как это часто бывает, помог случай.

Из отдельных разрозненных записей 1900 г. узнаем, что 6 марта приехала и временно поселилась у Милютиных больная учительница Александра Михайловна Перцова, о которой просила дочь Ольга, одновременно рекомендуя ее для чтения вслух своей слепой матери. Дмитрий Алексеевич согласился. А уже 1 апреля Перцова «предложила мне, – как пишет Милютин, – заняться перепискою начисто моего дневника, если не всего, то, по крайней мере, за те годы, в которые содержатся в нем наиболее любопытные данные в смысле исторического материала». Милютин принял это предложение с удовольствием и решил начать с 1876 г. «Выбрал я этот год для начала работы в том соображении, – пишет он 8 апреля, – что годы 1876–1879 в моем дневнике заключают в себе наиболее интересный материал для будущего историка» (с. 696, 697). Втянувшись в работу, добросовестная, трудолюбивая и, видимо, благородная учительница, не желая пользоваться гостеприимством доброжелательного хозяина дома, переписала набело не только дневник, но и воспоминания, т. е. все мемуарное наследие Милютина с 1816 до 1899 г. Так возник список, составленный под наблюдением и с поправками самого Милютина, которым пользуются все исследователи и который лег в основу данного издания.

По свидетельству трех дочерей Д.А. Милютина (княгини Е. Шаховской, графини О. Милютиной, княгини Н. Долгорукой), 14 марта 1912 г. «тридцать две переплетенных тетради “Воспоминаний” и “Дневника” генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, переписанные при жизни и под руководством графа для печати, пере-

даются нами, его дочерями, Императорской Николаевской Военной Академии». Милютин определил и круг лиц, под редакцией которых могло быть осуществлено это издание: А.Ф. Кони, Н.Ф. Дубровин, П.А. Бобринский⁴.

Из дневника М.М. Богословского (запись 24 мая 1916 г.) узнаем, что в заседании Императорского Русского географического общества вел. кн. Николай Михайлович говорил о возможности издать мемуары Д.А. Милютина при обсуждении вопроса о подготовке к юбилею столетия Александра II⁵. Исторические события, потрясшие страну, разрушили не только планы, но памятник царю-освободителю. Что касается мемуаров Милютина, генерал-майор Г.Г. Христиани успел издать первый том в Томске, куда эвакуировалась Николаевская Военная академия. Однако после гибели А.В. Колчака и его режима публикация надолго прервалась, и было вовсе забыто намерение издать весь богатейший архив Милютина, подтвержденное Христиани в 1918 г.

Из долгого забвения мемуары Д.А. Милютина вернул Юрий Владимирович Готье в своем блистательном исследовании «Борьба правительственных группировок и Манифест 29 апреля 1881 г.»⁶. А спустя 10 лет и, возможно, под влиянием этой работы, его ученик Петр Андреевич Зайончковский, вернувшийся с фронта и ставший заведующим Отделом рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, издал дневник Д.А. Милютина за 1873–1882 гг.⁷ Почему Петр Андреевич, склонный к фундаментальным, масштабным проектам, остановился только на десяти годах богатейшего уникального наследия Милютина, долгое время оставалось неясным. До тех пор пока в 1999 г. не был опубликован дневник С.С. Дмитриева. Вот эта важная запись от 25 апреля 1952 г.: «Был на заседании совета Рукописного отдела Ленинской библиотеки, в котором “Петя” Зайончковский пустил было пробный шар о возможности опубликования “Воспоминаний” Д.А. Милютина. Их примерный объем 200 п. л., томов 8. Нечкина осторожно, Сергей Александрович Макашин, С.А. Никитин и я прямо высказались против этой затеи. А *затем дикая* (курсив мой. – Л. З.) – превратить Рукописный отдел Ленинской библиотеки в издателя Полного собрания бумаг Милютина!»⁸ В этом перечне имен, выступавших против издания мемуаров Милютина, мне было непонятно присутствие С.А. Макашина – большого знатока и ценителя источников личного происхождения, уже издавшего первый том биографии М.Е. Салтыкова-Щедрина. Своим недоумением я поделилась с коллегой и другим учеником Петра Андреевича – профессором Стэнфордского университета Терри Эммонсом. Он, как это часто бывает, нашел разумное объяснение поставленному вопросу. Он предположил, что Макашин, услышав резкие критические оценки самой идеи издания мемуаров Милютина, руководствовался одной целью – уберечь Отдел рукописей от возможных карательных санкций. Вполне допускаю, даже уверена, что так оно и было.

Заслуживает внимания и тот факт, что публикация дневника Д.А. Милютинина под редакцией П.А. Зайончковского снабжена его основательным, большим биографическим очерком о мемуаристе – военном министре Александра II⁹. В те годы это было и смело и ново.

Значение публикации дневника Д.А. Милютинина для историков, изучающих Россию XIX века, высоко оценил Е.В. Тарле¹⁰. Однако «Воспоминания», охватывающие более полувека, оставались лежать в архиве, мало востребованные историками, хотя и всегда доступные в фонде Милютинина и в списке, и в автографе. Именно эта невостребованность «Воспоминаний» поразила меня, когда я изучала их только за период 1860–1862 гг., работая в 1970-х гг. над рукописью о подготовке отмены крепостного права. Недавно, приводя в порядок свою библиотеку и рукописи, я нашла конспект этой части «Воспоминаний», на полях которого отмечено: «Очень мало использованы в литературе, странно». Видимо, это впечатление врезалось в память навсегда, и когда в постперестроечное время издательство «Современник» обратилось ко мне с предложением опубликовать что-то интересное, я вспомнила о мемуарах Милютинина за 1860–1862 гг. Договорились. Я с удовольствием срочно принялась за работу, сформировав маленький коллектив (к. и. н. Л.И. Тютюник и Т.А. Медовичева, моя ученица, сотрудники Отдела рукописей). Рукопись сверенного с автографом списка Милютинина, снабженная комментариями, указателями, была сдана своевременно, были подготовлены и выверены наборный экземпляр, затем верстка. Но тут срыв. Издательский редактор Лариса Михайловна Исаева позвонила и буквально рыдая сообщила, что «Современник» переориентируется на литературу более «легкого жанра» и отказывается от Милютинина. Я очень расстроилась. Но, поразмыслив, спустя два-три дня подумала, что может быть, это к лучшему, что мемуарное наследие Д.А. Милютинина заслуживает полного издания от 1816 до 1899 г., а не выборочного за отдельные периоды. И такое время, наконец, наступило. Помог случай.

Однажды, где-то около середины 1990-х гг. по телевизору выступал Н.С. Михалков; говорил об Александре III с таким упоением, как будто перевоплощаясь в монарха. Я подумала: «Надо же, как любит царя. А у него есть издательство “Тритэ”. Пойду-ка я, представлю Д.А. Милютинина сторонником монархии, вдруг возьмется за издание». И пошла в Малый Козихинский переулок. Но встретила там не Михалкова, а Алексея Леонидовича Налепина, которого, к счастью, не надо было ни в чем убеждать. Он сразу понял ценность мемуаров Милютинина, и я подписала договор об издании. Первая книга за 1816–1843 гг. вышла тиражом в 3 тыс. экз., следующие за 1843–1856 и 1860–1862 гг. – по 2 тыс. экз. Далее издательство Н.С. Михалкова не могло поддерживать тираж даже на уровне 1 тыс. Надо было искать другого издателя. Тут я вспомнила, что на презентации в Фонде культуры первого тома, вышедшего в 1997 г., директор издательства РОССПЭН Андрей Константинович Сорокин предложил

в случае необходимости обращаться к нему. Так я и поступила. «Случай», в который я верю, в очередной раз помог. У Сорокина вышло уже 8 книг мемуаров Милютина, надеюсь, что выйдет и очередная, последняя.

В заключение приношу глубокую сердечную благодарность всем, кто участвовал в подготовке издания, в первую очередь неизменным безотказным, надежным коллегам-помощницам – Т.А. Медовичевой и Л.И. Тютюнник, которые прошли со мной весь путь от первого до последнего тома; моим ученикам, участвовавшим в комментировании и составлении указателей к отдельным томам, М.А. Волхонскому, А.В. Мамонову, а также О.В. Большаковой, А.А. Комзоловой; С.А. Экшту, постоянно участвующему в иллюстративном оформлении издания; издателям А.Л. Налепину и А.К. Сорокину; директору Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко и сотрудникам архива М.В. и А.В. Сидоровым, И.С. Тихонову и Е.А. Чирковой. Особая благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, который оценил этот проект и поддерживал его; а также всем сочувствующим, откликающимся на это издание, своим вниманием поддерживающим стремление продолжать и завершить полное издание мемуаров Д.А. Милютина – бесценного литературно-культурного памятника XIX столетия.

Л.Г. Захарова

-
- ¹ См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1997; То же. 1843–1856. М., 2000; То же. 1856–1860. М., 2004; То же. 1860–1862. М., 1999; То же. 1863–1864. М., 2003; То же. 1865–1868. М., 2005; То же. 1869 – начало 1873. М., 2006; *Он же.* Дневник. 1873–1875. М., 2008; То же. 1876–1878. М., 2009; То же. 1879–1881. М., 2010; То же. 1882–1890. М., 2010.
  - ² Ср.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 324–414.
  - ³ См. Приложение II, а также комментарии 218 и 219 настоящего издания.
  - ⁴ Порядок имен дается согласно Милютину. См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 39.
  - ⁵ *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 197.
  - ⁶ Исторические записки. 1938. Т. 2. С. 240–299.
  - ⁷ См.: *Дневник Д.А. Милютина* / Под ред. П.А. Зайончковского: В 4 т. (1873–1882). М., 1947–1950.
  - ⁸ Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 4. С. 124–125.
  - ⁹ См.: *Зайончковский П.А.* Д.А. Милютин: Биографический очерк // *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 338–404.
  - ¹⁰ *Тарле Е.В.* Дневник Милютина как исторический источник // Вопросы истории. 1949. № 10. С. 109.

ОТ РЕДАКТОРА

Этой книгой завершается первое полное издание «Дневника» Д. А. Милютина в пяти томах, которое охватывает период с апреля 1873 г. до декабря 1899 г. За первые 10 лет (начало 1873 – 1882 г.) «Дневник» был издан профессором П. А. Зайончковским в 1947–1950 гг.¹, тогда заведовавшим Отделом рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (вскоре после демобилизации и возвращения с фронта). Эта часть «Дневника» была переиздана с восстановлением небольших купюр и существенными дополнениями в комментариях (большинство из которых даны впервые) и аннотированном указателе имен, а также с указателем географических названий, иллюстрациями и приложениями.

По томам материал «Дневника» распределяется несколько иначе, чем это сделано П. А. Зайончковским. Осуществленная им публикация вышла в свет в четырех книгах: т. I (1873–1875), т. II (1876–1877), т. III (1878–1880), т. IV (1881–1882). В полном издании «Дневника» составители решили распределить материал следующим образом: т. I (1873–1875), как это и было у Зайончковского; т. II (1876–1878), чтобы события русско-турецкой войны и восточного кризиса заключались в одной книге; т. III (1879–1881) завершался последним годом государственной деятельности Милютина; дневниковые записи за 1882–1899 гг., сделанные в отставке, вдали от Петербурга, в годы, проведенные в кругу семьи, в уединении своего любимого прибежища на южном берегу Крыма в Симеизе, издаются в последних двух томах – IV и V.

«Дневник» Д. А. Милютина за 1873–1899 гг., автограф и список, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в его фонде (Ф. 169). Список составляет 12 единиц хранения (К. 5. Ед. хр. 7–9; К. 6. Ед. хр. 1–5; К. 7. Ед. хр. 1–4). Автограф соответственно составляет 27 единиц хранения (К. 2. Ед. хр. 5–8; К. 3. Ед. хр. 1–5; К. 4. Ед. хр. 1–14; К. 5. Ед. хр. 1–4).

Текст «Дневника» Милютина публикуется без всяких купюр и полностью соответствует хранящемуся в его фонде списку, сверенному с автографом. Наиболее существенные разночтения между ними, а также позднейшие примечания Д. А. Милютина приводятся в подстрочных сносках. Там же дается перевод иностранных слов и выражений.

Авторская правка Д. А. Милютина, имеющая стилистический характер, не оговаривается. Текст «Дневника» печатается по новой орфографии, знаки препинания, в случае ошибочной расстановки или отсутствия, ставятся в соответствии с синтаксическими правилами. Абзацы

даются по оригиналу. Подчеркивания, сделанные автором, передаются курсивом. Сохраняются и присущие эпохе и лично автору особенности написания отдельных слов, имен и названий (противуположный, панфлет, противудействие, Симеис, Алжирия, Тунисия, Брюсель, Лисабон), а также грамматических форм (на poste, в роле, на бале, коллегов, пред, чрез и т. д.). Недописанные автором имена собственные дописываются в прямых скобках, общепринятые же и часто повторяющиеся сокращения слов, обозначающих титулы, чины, род войск в тексте раскрываются без скобок. Пропуск отдельных букв, слогов, явные опуски исправляются без оговорок. Вычеркнутые автором при редактировании записи за отдельные дни помещены в прямых скобках.

Публикаторы выражают глубокую благодарность за поддержку и содействие изданию Российскому гуманитарному научному фонду и за помощь в иллюстрировании издания Государственному архиву Российской Федерации и лично его директору д. и. н. С.В. Мироненко; а также сотрудникам ГА РФ Е.А. Чирковой, И.С. Тихонову, В.А. Астанкову, а также к. и. н. Н.М. Корневой, д. филос. н. С.А. Экштуту, А.И. Ольденбургеру, М.О. Филипповой и Е.В. Мамоновой.

Л.Г. Захарова

---

¹ Дневник Д.А. Милютина / Под ред. П.А. Зайончковского: В 4 т. (1873–1882). М., 1947–1950.

1891-й год

13-го января. Воскресенье. – Ночью выпал снег, и вся* местность кругом дома** окуталась белым саваном. На севере суровая зима; сильные метели; заносы на железных дорогах. Письма и газеты страшно запаздывают. Даже телеграммы новогодние из Петербурга получались здесь не ранее 4-го числа, а иные лишь 6-го.***

За непогодой, сидя большею частью дома, посвящаю все свое досужное время работе над своими воспоминаниями.

14-го января. Понедельник. – Неожиданная и радостная весть: телеграммою из Москвы дочь Надя просит родительского благословения на вступление в брак с князем Владимиром Ростиславовичем Долгоруким, родным братом нашего ялтинского знакомого Михаила Ростиславовича. Немедленно же ответили, также по телеграфу, сердечным поздравлением. Хотя всякий брак есть более или менее азартная игра, однако ж в настоящем случае мы можем рассчитывать на благоприятные шансы: жених, сколько нам известно, человек уже немолодой, вдовец, пользуется прекрасною репутацией; Надя также уже не первой молодости, характера спокойного, рассудительная, благодушная. Окончательное водворение ее в Москве, при скромной семейной жизни – вполне согласуется с ее вкусами и желаниями. Вот почему можем мы за нее порадоваться.

15-го января. Вторник. – Сегодня посетили нас будущие наши родственники князь Михаил Ростиславович и княгиня Лидия Алексеевна Долгорукие. Полученное ими вчера же известие от князя Владимира было и для них такою же неожиданною новостью, как для нас. Они, кажется, довольны предстоящею свадьбой; с нами очень любезны.

---

* окрестность

** покрылась

*** Принужденный много сидеть дома

16-го января. Среда. – Обедал у нас Павел Дмитриевич Хрущов. Вторую зиму проводит он в Ялте с женою и детьми. Это приятный собеседник*, с которым можно вести разговор обо всем, что представляет интерес научный и общественный.

18-го января. Пятница. – Телеграмма из Москвы, за общию подписью невесты и жениха, о намерении их справить свадьбу здесь, в Алупской церкви, чему, конечно, мы очень рады. Отвечали полным одобрением.

19-го января. Суббота. – Еще неожиданная весть, еще свадьба в семье: племянник мой Юрий Милютин письмом из-за границы извещает о своей помолвке с младшею дочерью графини Елены Сергеевны Сумароковой-Эльстон, Сашей Сумароковой, как привыкли мы называть ее. Это прекрасная девушка; можно вполне порадоваться за Юрия.

Ночью опять выпал снег и все кругом снова побелело.

23-го января. Среда. – Хотя снег еще лежит на шоссе, однако ж мы решились наконец** съездить в Ялту, чтобы отдать визит Долгоруким и повидаться с другими знакомыми нашими.

2-го февраля. Суббота. – Жена уехала в Севастополь навстречу ожидаемой завтра нашей невесты***.

В самую минуту отъезда жены подъехал сосед наш Сергей Иванович Мальцов. Более двух часов провели мы с ним вдвоем в беседе о давно прошедших временах, передавая друг другу свои старческие воспоминания.

3-го февраля. Воскресенье. – Вечером возвратилась жена и с нею дочь Надя – веселая и счастливая.

5-го февраля. Вторник. – Несмотря на дурную погоду и выпавший свежий снег****, приехали к нам к обеду Долгорукие (князь Михаил Ростиславович и княгиня Лидия Алексеевна), чтобы познакомиться с нашей невестой Надей*****.

---

* с удовольствием провел с ним несколько часов времени в интересной беседе.

** сегодня

*** Почти в ту самую минуту, когда дорожная карета была подана к подъезду, подъехал наш сосед Сергей Иванович Мальцов. Он был в духе, просидел со мною вдвоем более двух часов. Как старики мы разговорились о давно прошедших временах, передавая друг другу свои старческие воспоминания.

**** сегодня

***** Оба они очень милые личности. Отобедав у нас, поспешили возвратиться к себе в Ялту

Вчера получил я премилое письмо от невесты племянника Юрия – графини Александры Феликсовны Сумароковой-Эльстон.

[11-го февраля. Понедельник. – Обедали у нас сегодня Чичерины и Петр Фе[дорович] Самарин. Ожидал в среду приезда жениха. От Алеши, наконец, телеграмма, что здоровье его поправилось и что надеется быть на свадьбе].

13-го февраля. Среда. – Первое* знакомство с будущим мужем моей дорогой Нади. Князь Владимир Ростиславович Долгорукий, прибыв вчера вечером в Ялту, сегодня утром приехал сюда с братом своим князем Михаилом Ростиславовичем и княгиней Лидией Алексеевной, а под вечер прибыл прямо из Севастополя сын князя Владимира, отставной лейтенант князь Михаил Владимирович. Последний вечером же уехал в Ялту со своим дядей, а князь Владимир Ростиславович остался у нас. Свадьба окончательно назначена на 22-е февраля, в будущую пятницу. Единогласно решено справить ее как можно скромнее, без всякой торжественности¹.

15-го февраля. Пятница. – Поездка в Ялту. Родственный обед у князя Михаила Ростиславовича Долгорукого. Навестили Кочубеев, Самариных и Чичериных. Вместе с Петром Федоровичем Самариным осматривал я приобретенный им земельный участок (позади участка кочубеевского), где он собирается строить себе дом.

[17-го февраля. Воскресенье. – Ночью выпал снег и теперь утром лежит кругом довольно толстым слоем, хотя термометр показывает температуру выше 0°, а по временам даже выглядывает солнце.

20-го февраля. Среда. – Вчера посетили нас Бутеневы, а сегодня князь Михаил Ростисла[вович] Долгорукий, который провел у нас большую часть дня. Вчера и сегодня погода прекрасная; оба утра я мог совершать обычные свои пешеходные прогулки. На солнце температура доходила вчера до 25° Реомюра].

22-го февраля. Пятница. – Знаменательный день в семейной моей хронике: справили свадьбу дочери Надежды с князем Владимиром Ростиславовичем Долгоруким. Вчера вечером прибыл из Харькова мой сын, чтобы исполнить роль шафера своей сестры; из

---

* свидание

*Князь
В.Р. Долгорукий
и княгиня
Н.Д. Долгорукая*

Ялты же приехал* шафер жениха – его сын, князь Михаил Владимирович Долгорукий. К полудню собрались в Алупскую церковь все приглашенные лица из Ялты: Кочубеи, Чичерины, Самарины, Бутеневы. Брат жениха князь Михаил Ростиславович Долгорукий с его женой, в качестве посаженного отца и посаженной матери, прибыли заранее к нам в Симеис. В церкви познакомились мы с прибывшим нарочно из Харькова родственником жениха – Антоном Ивановичем Малиновским. Присутствовал также и сосед наш Сергей Иванович Мальцов. Обряд венчания совершился обычным порядком и по окончании его все приглашенные приехали к нам в дом на трапезу**. Еще засветло гости разъехались, а

---

* другой

** Стол был накрыт на 20 приборов. Все обошлось хорошо, просто, без лишних церемоний.

новобрачные занялись последними приготовлениями к предстоящему им дальнему путешествию. Распростились мы с ними и усадили в дорожную карету около 11 часов вечера.

Тяжелый был день. Во мне боролись два противоположные чувства: с одной стороны, радовался я за свое любимое детище, видя на ее лице живое выражение счастья и любви; с другой же – едва сдерживал слезы, думая о разлуке с нею, о пустоте, которую оставит она по себе в нашей домашней обстановке. При всем старании милой моей Нади утешить мою грусть уверениями, что с замужеством нисколько не ослабнет привязанность ее к семье*, я все-таки не могу разуверить себя в справедливости народного выражения, признающего замужнюю дочь «отрезанным ломтем». С отъездом новобрачных остаемся мы с женой вдвоем, как Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной** 2.

23-го февраля. Суббота. – Утром получили из Севастополя приятную телеграмму о благополучном и удобном переезде наших новобрачных. Они прибыли туда к 7 часам утра – ранее, чем можно было рассчитывать при езде на извозчичьих лошадях. Из Севастополя выедут они по железной дороге, курьерским поездом, в 5 часов вечера.

Вчера и сегодня получается множество поздравительных телеграмм, одни – на имя новобрачных, другие – на имя мое или жены. На все приходится отвечать по телеграфу же.

Сын провел с нами еще утро и после раннего обеда выехал на почтовых лошадях, чтобы поспеть в Севастополь к отходу почтового поезда.

28-го февраля. Четверг. – Вчера ездил с женой в Ялту; провели там весь день***, посетили всех бывших у нас на свадьбе. Ялта – в полном разгаре масленичных развлечений; нет другого разговора, как о вчерашнем любительском спектакле с концертом и танцами «в пользу ялтинских беднячков». На остальные дни масленицы еще готовится целый ряд удовольствий: пикников, кавалькад, концертов, между тем как серьезная, мыслящая часть общества

---

* и даже еще укрепитя

** по крайней мере, на первое время, если не навсегда, пока не выяснится участь, планы и настроения Ольги.

*** к Кочубеям попали на завтрак с блинами, обедали же у Долгоруковых, в промежутке же посетили всех других приезжавших к нам на свадьбу.

Н.В. Исаков

собирается поочередно в том или другом доме на чтение вслух и беседы нравственно-религиозного содержания.

С прошлой субботы установилась прекрасная, теплая и ясная погода. Иные дни мы сидели до самого вечера с открытой дверью на балкон. Долго ли будет продолжаться эта благодать? Уже сегодня на море – непроглядный туман.

Вчера, в отсутствие наше, приезжал к нам из Ливадии генерал Евреинов, заменивший полковника Плева.

Печальная весть о смерти Николая Васильевича Исакова. Давно ли виделся я с ним в Ялте* и, прощаясь, выражал надежду увидеть его снова в Крыму в предстоящую осень³. Слышал я потом, что уже пред выездом из Ялты он чувствовал себя плохо; что имел несколько сильных пароксизмов болезни сердца, так что боялись уже за его жизнь. Но выдержал он путешествие благополучно и в первое время в Петербурге чувствовал себя хорошо. Что было непосредственной причиной его кончины – пока не знаю. Очень

---

* беседовал с ним

мне жаль его; это был хороший, симпатичный человек. Служебные мои с ним отношения всегда были самые приятные; ни разу не случилось между нами малейшего разномыслия. Грустно думать, как все мои сослуживцы и приятели один за другим сходят в могилу. Скоро останусь в полном одиночестве, как старое, засохшее дерево, уцелевшее одиноко на меже.

6-го марта. Среда. – Еще неожиданная свадьба: князь Михаил Владимирович Долгорукий, сын моего нового зятя, помолвлен с Софьей Михайловною Баратынской – одною из двух молодых барышень-сестер, проживающих эту зиму в Ялте у Долгоруких*. Получив сегодня вечером по телеграфу извещение от самого жениха, мы, разумеется, сейчас же ответили ему сердечным поздравлением, а вместе с тем телеграфировали и в Москву, отцу жениха.

Сегодня утром удалось мне сделать дальнюю и приятную прогулку за Лимен, к Кикенеису. Погода прекрасная**.

9-го марта. Суббота. – Поездка в Ялту, вдвоем с женой. Завтракали у Долгоруких. Жених и невеста дышат счастьем; радостно смотреть на них. Предполагают свадьбу справить после Пасхи в тамбовском имении Баратынских.

Навестили Бутеневых и Чичериных. У последних собралось целое общество, кажется, опять для какого-то чтения, которое мы расстроили своим появлением. Познакомился с французским князем (или принцем) Мюратом, женатым на русской (Сомовой) и живущим уединенно на южном берегу Крыма, в небольшом имении жены близ Кучук-Ламбата.

На возвратном пути из Ялты в Симеис заехали в Ливадию к генералу Евреинову***.

13-го марта. Среда. – Обедал у нас П.Д. Хрущов. Проведенные с ним целых шесть часов прошли незаметно в занимательном разговоре, преимущественно о предметах научных.

Вечером посетил нас генерал-майор Орлов, гофмаршал двора великого князя Николая Николаевича.

15-го марта. Пятница. – Во время обычной своей утренней прогулки в Алупку зашел я в Воронцовский замок к генерал-майору Орлову, у которого просидел довольно долго; наслушался много

---

* (князя Михаила Ростиславовича и княгини Лидии Алексеевны).

** даже было жарко.

*** Погода теплая и безветренная.

рассказов о ходе болезни и настоящем состоянии великого князя Николая Николаевича.

После обеда посетила нас княгиня Долгорукая с женихом и невестой.

20-го марта. Среда. – В отсутствие моей жены (ездившей в Ялту по делам) посетили нас генерал Евреинов с женой, недавно только приехавшей из Петербурга.

[23-го марта. Суббота*. – В прошлую ночь поднялся вдруг сильный западный ветер, пошел дождь и затем разразилась страшная гроза.

Утро пасмурное, густой туман. К обеду приехали из Ялты Хрущовы и оставались часов до 5 пополудни.]

26-го марта. Вторник. – Получил из Тифлиса от классного топографа Орлова вычерченный им начисто снятый мною** план имения с приложением трех фотографических копий. План вышел прекрасный.

1-го апреля. Понедельник. – Ездил с женой в Ялту, где навестили наших приятелей. Там узнали прискорбную весть, что великая княгиня Ольга Федоровна, которую ждали в Ай-Тодор еще в субботу, заболела в пути, как говорят, дифтеритом*** и должна была остановиться в Харькове****. Пока мы были еще в Ялте, получено по телеграфу известие, что она уже скончалась.

Какой новый, внезапный удар великому князю Михаилу Николаевичу, вслед за постигшим уже его семейным горем. На днях с удивлением прочли мы в газетах, что второй сын его, великий князь Михаил Михайлович, *исключен* из службы; наименование некоторых частей войск именем Его Высочества отменено. Такое строгое, до сих пор беспрецедентное***** наказание особы императорской фамилии (двоюродного брата царствующего Государя), разумеется, крайне удивило всех*****, не знавших повода к тому. В публике ходили слухи, что года два тому назад он задумал было жениться на одной петербургской барышне – дочери весьма из-

---

* Вчера вечером.

** в 1889–1890 гг.

*** Впоследствии оказалось – плевритом. (Прим. Д.А. Милютина.)

**** в гостинице.

***** С другим молодым великим князем Николаем Константиновичем при покойном Государе поступлено было также строго, но в более мягкой форме, менее резко. (Прим. Д.А. Милютина.)

***** не знавших причины или повода к такому решению участи молодого великого князя.

*Великий князь
Михаил
Михайлович,
графиня
С. де Торби
и их дочь*

вестного генерала Н.П. И[гнатъева] и что браку этому воспротивились тогда родители молодого великого князя и сам Государь. Поэтому первым предположением у каждого было: не вздумалось ли ему осуществить свое намерение тайком и тем навлечь на себя гнев царский? Однако ж, по слухам, распространившимся уже в Ялте, оказывается совсем другое, хотя также романическое похождение влюбчивого молодого человека, изменившего прежней своей страсти. Подождем более положительных разъяснений*.

По просьбе генерала Дубровина отправил я ему в Петербург через ялтинскую контору транспортирования кладей целый тюк с корреспонденцией покойного графа П.Д. Киселева. Никто лучше

---

* В Ялте навестили мы наших хороших знакомых: Долгоруковых, Кочубеев, Чичериных, Самариных, Хрущовых, а на возвратном пути отдали визит Евреиновым в Ливади.

*Великий князь
Николай Николаевич Старший*

Дубровина не сумеет воспользоваться этим историческим материалом.

5-го апреля. Пятница. – Сегодня приехали к обеду Чичерины; с удовольствием провели с ними несколько часов.

В Ялте положительно ожидают на будущей неделе приезда Их Величеств.

6-го апреля. Суббота. – Опять гости: князь Мих[аил] Рост[иславович] и княгиня Лидия Алексеевна Долгоруковы.

По вечерам читаю вслух записки Б.Н. Чичерина (рукописные), именно главу VI-ю, в которой описывается московский литературный и ученый кружок 1856–1858 гг. Весьма интересно и большею частью верно, беспристрастно. В числе упоминаемых лиц встречаю много знакомых⁵.

10-го апреля. Среда. – Толки о приезде Их Величеств замолкли. На запрос мой генералу Евреинову он ответил, что в Ливадии не имеют пока никаких приказаний по этому предмету.

13-го апреля. Суббота. – В прошлую ночь, в 3-м часу, кончил жизнь великий князь Николай Николаевич. Об этом узнал я утром, проезжая чрез Алупку в Ялту. Уже два дня тому назад

---

* своих исторических исследований, изданий.

ходил слух между нашими рабочими о кончине несчастного больного. Преждевременный этот слух объясняется тем, что уже тогда произошел резкий поворот к худшему в его болезни. В этот же день возвратились из Петербурга профессор Ковалевский и гофмаршал генерал Орлов. Вчера приехал великий князь Николай Николаевич младший с намерением сопровождать больного отца в предполагавшемся* переезде его в Петербург. Но молодой великий князь застал отца уже в предсмертной агонии. Врачи старались по возможности протянуть его жизнь всprыскиваниями морфия и всякими возбуждательными средствами. Напрасно было длить страдания больного. Для него смерть была самым желательным выходом из жалкого, безотрадного положения. И для окружающих** – смерть больного есть избавление от тяжелой, невыносимой жизни, которую вели они при нем*** уже несколько месяцев****. От генерала Орлова узнал я многие подробности болезни и кончины великого князя. Теперь, разумеется, все озабочено приготовлениями к перевозу тела в Петербург; все, что нужно для этого, крайне трудно добыть и устраивать в здешнем захолустье. В предстоящую ночь будут бальзамировать труп, и с завтрашнего дня начнутся панихиды по два раза в день*****.

В Ялте уже знали о кончине великого князя до моего туда приезда*****. На улицах замечалось какое-то выходящее из будничного обычая оживление; множество полицейских и жандармов в чистеньких, праздничных мундирах. Не ждут ли приезда губернатора? Или не по случаю ли Вербной субботы? На террасе гостиницы «Россия» встретил я генерала Гонецкого, командующего войсками Виленского округа; мы давно с ним не виделись и не с первого взгляда узнали друг друга; видно, и он нашел во мне такую же перемену, какую нашел я в нем. В Ялту наехало уже довольно много временных посетителей; зимние же обитатели разъезжаются; многие уже уехали, в том числе князь Виктор Иванович Барятинский с его семьей и Хрущовы. Мне удалось еще повидать-

---

* перемещении

** его, полагаю

*** целую зиму

**** хотя они и показывают полную самоотвержения преданность своему начальнику.

***** заведенным порядком.

***** не знаю почему.

ся сегодня с Чичеринными, Кочубеями и Самаринными*. Чичерину возвратил я прочитанную главу его записок (воспоминаний) и получил от него следующую**.

14-го апреля. Воскресение. – В час дня панихида в Алушке. Съехалось довольно много лиц обоего пола; прискакал и губернатор; явилось все ялтинское начальство; набралось немало и военных. Тело еще не в гробу, а просто на столе, под простыней. Несколько священников и диаконов совершили обряд с полною торжественностию. Из Петербурга еще не получено приказаний насчет перевозки тела. Выехал оттуда, в звании церемониймейстера, мой двоюродный брат граф Павел Сергеевич Киселев***.

16-го апреля. Вторник. – Вторично был я на панихиде. Сегодня тело покойного великого князя уже в гробу, на катафалке; голова открыта. Не видав великого князя почти пять лет, я нашел большое изменение в его лице. Перевозят тело в субботу (Страстную) в Ялту, откуда водою в Севастополь.

17-го апреля. Среда. – Был у меня граф Павел Сергеевич Киселев, двоюродный мой брат, приехавший вчера в Алушку в качестве церемониймейстера от Двора. В течение 10 лет, что мы с ним не виделись, он заметен постарел.

Прочел я в газетах о смерти графини Антонины Дмитриевны Блудовой, слышшей в наших высших сферах политической женщиной, истой патриоткой и славянофилкой. Было время, когда она относилась ко мне очень сочувственно и обращалась ко мне по разным случаям. На мой взгляд, она была женщина добрая, образованная, но весьма односторонняя. На ней отражался поблекший давно ореол ее отца.

Еще сошла в могилу одна великая знаменитость – фельдмаршал Мольтке. Имя его, конечно, сохранится в истории нашего века как замечательного стратега****.

19-го апреля. Пятница. – Был на вечерней панихиде в Алушке, чтобы поклониться в последний раз гробу покойного велико-

---

*[Самарин] водил меня по своему ископанному участку, на котором приступлено к постройке будущего его дома.

** Долгоруковых же не застал дома, так что мне не удалось проститься с ними, они уезжают через неделю, в самый день Светлого Воскресения. Также не застал и Евреиновых, к которым заехал на возвратном пути. Поэтому приехал домой ранее обыкновенного, еще засветло. Погода была прекрасная.

*** Погода опять испортилась, довольно сильный восточный ветер

**** но только этою специальностью и ограничивается значение это его.

го князя; вынос тела назначен ночью, в 4 часа^{*}. На последних панихидах не присутствовал сын покойного, Николай Николаевич младший; говорят, что дня два тому назад он почувствовал сильные боли в животе, вроде судорог. Этою же болезнью страдал и покойный отец его.

По окончании панихиды зашел к графу П.С. Киселеву проститься с ним^{**}.

20-го апреля. Суббота. – Вынос гроба покойного великого князя из замка Алупки совершился в 6 часов утра с обычным обрядом и торжественностью; процессия следовала до Ялты, где у самого мола стояла одна из трех прибывших из Севастополя канонерских лодок. Около 11 часов гроб перенесен на канонерку, при салютационной пальбе с флотилии. Было около 12^{1/4} часов, когда флотилия прошла мимо Симеиса. Около 5 часов она прибудет в Севастополь, а около 8 часов вечера гроб будет перевезен на железнодорожный поезд.

Погода – как по заказу; море совсем гладкое; днем жарко.

Гуляя сегодня в Алупском парке, встречал я группы туристов, прибывших в Крым из Одессы под знаменем учредившегося там «Горного клуба», в подражание «Альпийским клубам» в Западной Европе⁶. Хотя сомневаюсь в том, что стадные экскурсии по Крыму принесут какие-либо плоды для науки, однако ж все-таки сочувствую этому клубу более, чем всяким другим, посвященным почти исключительно карточной игре.

21-го апреля. Светлое Воскресенье. – Первый день Пасхи провели совершенно спокойно, дома^{***}. Продолжаю по вечерам читать вслух записки Б.Н. Чичерина (рукописные), в высшей степени интересные по содержанию и написанные прекрасным языком. Таким образом, прежний выдающийся юрист, обратившийся на склоне лет в ученого естествоиспытателя, оказывается сверх того и даровитым^{****} литератором.

[**23-го апреля. Вторник.** – После обеда посетили нас Евреины.]

---

* Оказалось, однако, что час перенесен на 6 часов утра.

** Сегодня, наконец, наступила теплая погода. Ночью слышан был дальний гром.

*** Только под вечер посетила нас барышня Гаевская, недавно поселившаяся в нашем соседстве у Громаковой. Обрадовала нас телеграмма из Петербурга от сына, извещающего о своем приезде сюда в будущую среду. Из телеграммы Оли оказывается, что она уже в Москве.

**** беллетристом [писателем].

25-го апреля. Четверг^{*}. – Вчера приехал сын, прямо из Петербурга; к сожалению, опять на очень короткое время. Сегодня же приезжали Чичерины проститься пред отъездом в тамбовское свое имение.

В числе привезенных сыном новостей узнали с прискорбием о смерти нашей давнишней приятельницы Александры Николаевны Грот, бывшей Мухортовой, вышедшей потом замуж за Константина Карловича Грота. Скончалась она в Канне, после продолжительной и тяжелой болезни.

26-го апреля. Пятница. – Сегодня посетил нас Александр Фомич Петрушевский, отставной генерал, служивший в канцелярии Военного министерства, автор прекрасной биографии Суворова⁷. Бедный страдалец, прожив почти восемь месяцев в Ялте, уезжает на север без малейшего облегчения тяжелой болезни, которую сам признает неизлечимую^{**}.

28-го апреля. Воскресенье. – Отправил в две противоположные стороны поздравительные телеграммы обоим обвенчанным сегодня четам: в Париж – племяннику Юрию Милютину и в Тамбов (станция Умет) – князю Михаилу Владимировичу Долгорукому^{***}.

Посетил нас Михаил Константинович Ону, нынешний посланник наш в Афинах, так радушно принявший меня в Константинополе в 1889 году. После путешествия в Индию и на Цейлон с наследником цесаревичем⁸ он съездил в Петербург и оттуда возвращается теперь на свой пост в Афины. Свидание с этим любезным дипломатом доставило мне большое удовольствие; быть может, удастся мне еще в текущем году воспользоваться вторично его радушием и любезностью, если состоится предполагаемое мною новое путешествие за границу^{****}.

---

* К обеду приехали Чичерины с Марией Алексеевной Кочубей, <проститься пред отъездом в тамбовскую деревню>, оставались у нас до 6 часов вечера. С Чичериными простились, вероятно, надолго: они уезжают из Крыма в кирсановскую свою деревню, вероятно, в воскресенье. Все эти дни стоит прекрасная погода.

** Каждое утро гуляю с сыном пешком. Сегодня вместе заходили мы с визитом к нашему соседу Сергею Ивановичу Мальцову.

*** После обеда неожиданный посетитель: М.К. Ону.

**** И буду опять в Греции. Вместе с Ону посетил нас доктор Ов[ся]нный. В последние три дня сильный восточный ветер очень освежил воздух.

*Великий князь
Михаил Николаевич
и Д.А. Милютин*

30-го апреля. Вторник. – Отъезд сына в Харьков. Опять остаемся мы с женой вдвоем.

5-го мая. Воскресенье. – Был у меня прошлогодний жилец наш – топограф Орлов, который в текущем году производит съемку южного берега, но уже в восточной его части**. Я повторил ему на словах благодарность за перечерченный им начисто*** план нашего имения; он же упросил меня предоставить ему брульон моей съемки для хранения его «на память» в Кавказском Военно-топографическом отделе****.

---

* В 10 часов утра простились мы с сыном; уехал он в Севастополь, откуда по железной дороге вернется в Харьков, с остановкою на один день в Симферополе по случаю скачек.

** между Урзуфом и Алуштой.

*** снятый мною

**** Просьба его высказана была от имени самого начальника отдела генерала Жданова, так настойчиво, что я должен был согласиться, несмотря на весьма неказистую отделку моего запачканного брульона

7-го мая. Вторник. – Ездил с женой в Ялту; посетили там и по пути нескольких знакомых. Везде только и разговора о странном покушении на жизнь наследника цесаревича в Японии⁹. Полученные доселе газетные известия не разъясняют этого загадочного события. Во всей России служат благодарственные молебствия за спасение молодого великого князя.

В Ливадии ожидают прибытия великого князя Георгия Александровича, а вместе с тем готовятся на случай приезда Их Величеств.

20-го мая. Понедельник*. – Посетил нас И.К. Айвазовский. Заметно постарел, глуховат; но** все еще без усталости работает.

22-го мая. Среда. – Провел целый день в Ялте, в ожидании возвещенного приезда императрицы с великою княжною Ксенией Александровной, великими князьями Георгием Александровичем, Михаилом Николаевичем и Александром Михайловичем. И предыдущие дни уже были суетливы, по неопределенности сведений об ожидаемом приезде; в нынешний же день вся Ялта на ногах с самого утра. Мы с женой, приехав туда в 11 часов утра, попали как будто в какой-то вихрь: не только ялтинские обыватели, но и множество приезжих из ближних и дальних окрестностей были в непрерывном движении, наведывались друг у друга о часе приезда высоких гостей. В числе приезжих нашли мы немало старых знакомых, с которыми не виделись многие годы: князь Григорий Григорьевич Гагарин (художник) и Раевский с их семьями, Александр Петрович Озеров, графиня Клейнмихель, губернатор и губернаторша (Лазаревы), князь Вяземский (нынешний директор Департамента уделов), баронесса Фредрихс с неразлучною своею сожительницею Сабининой; не говорю уже о местных начальствующих лицах и *tutti quanti****... В особенности неожиданна была встреча с Надеждою Арсеньевной Бартеньевой – древней фрейлиной императрицы Александры Федоровны****. По собственному ее показанию, ей теперь 70 лет, но на вид она осталась прежнею фрейлиной, какую я помню с пятидесятых годов. Другой уцелевший представитель давно минувших времен – Владимир Павлович Титов, больной и дряхлый, также не побоялся вмешать-

---

* неожиданное посещение

** с прежним жаром

*** всех прочих (*ит.*).

**** с которой знакомство мое началось в Крымскую войну¹⁰.

ся в толпу, ожидавшую на моле в продолжение нескольких часов появления на море броненосца «Адмирал Корнилов», на котором императрица следовала от Севастополя.

Прождали мы до 7 часов вечера. Наконец, раздались пушечные выстрелы и появилась из-за Ливадского мыса целая эскадра военных судов, сопровождавших Ее Величество. Встреча* происходила со всею обычною торжественностию: почетный караул, военная музыка, ковры, цветы в изобилии, множество дам, толпа народа на стенке мола, расставленные шпалерами учебные заведения обоого пола** и проч. и проч. Императрица чрезвычайно любезно обошла всех встречавших. В числе многих других и я поцеловал ее руку, так же, как и у великой княжны; затем подошел я к великим князьям. Михаил Николаевич сердечно обнял меня; мы крепко пожали друг другу руки. Великий князь Георгий Александрович сильно изменился с тех пор, как видел я его в последний раз (в 1886 году)***; вид его страшно болезненный, хотя и говорят, что он несколько поправился от перенесенной им недавно тяжелой болезни¹¹. Великий князь Александр Михайлович также очень переменялся, но в благоприятном смысле: это рослый, красивый молодой человек****. В свите, сопровождающей императрицу и великих князей, кроме гофмаршала князя Оболенского и его жены (рожденной графини Апраксиной), с удовольствием встретился я с графом Александром Олсуфьевым, с врачом Алышевским и другими*****.

Новые знакомства: с командиром Крымского Татарского дивизиона, полковником Транзе – преемником моего сына, и с известным путешественником по Средней Азии полковником Громбчевским, который здесь случайно, проездом***** опять в Среднюю Азию.

26-го мая. Воскресенье. – По приглашению императрицы ездили мы с женой в Ливадию***** – к обедне и завтраку. Императрица была очень любезна и обходительна; в ней особенно пле-

---

* была совершенно приличная

** все как следует

*** я не узнал бы его

**** имеет вид совершенно здоровый.

***** Домой (т. е. в Симеис) воротились мы только к 10 часам вечера.

***** в ту же Среднюю Азию для новых исследований.

***** простояв обедню, завтракали, потом заходил к Оболенским и Евреиновым, и к 4 часам были дома.

няют простота и непринужденность обращения. Великий князь Михаил Николаевич также обошелся со мною очень ласково и предварил меня о своем намерении приехать ко мне в Симеис во вторник утром. Кроме нас приглашены были: Н.А. Бартеньева, баронесса Фредрихс с Сабининой, губернатор Лазарев и командующий войсками Одесского округа граф Мусин-Пушкин.

28-го мая. Вторник. – Великий князь Михаил Николаевич удостоил меня своим посещением: приехав прежде 10 часов утра, пробыл более полутора часа*. С замечательным спокойствием говорил он о** горестных для него событиях последнего времени. Внезапная кончина великой княгини Ольги Федоровны, вслед за безумным поступком сына Михаила Михайловича, по собственному выражению Михаила Николаевича, надломила всю его жизнь. Уезжая от меня, он намеревался проездом чрез Алупку зайти в те комнаты замка, где жил и скончался великий князь Николай Николаевич. О другом своем больном брате Константине Николаевиче сообщил мне сведения весьма неутешительные: после некоторого улучшения в его состоянии, по-видимому, наступил период нового*** упадка, так что, по мнению Михаила Николаевича, большой едва ли проживет до конца года¹².

Завтра ожидают в Ливадии приезда королевы Греческой Ольги Константиновны с дочерью****¹³.

Вчерашний вечер провели у нас вторично княгиня Урусова, дочь соседа нашего С.И. Мальцова, с двумя милыми ее дочерьми. Сегодня они покидают Симеис и возвращаются в свое***** заграничное имение близ Зальцбурга.

4-го июня. Вторник. – Сегодня происходила в Ялте торжественная закладка новой церкви (во имя Св. Александра Невского), которая строится в самой центральной части города на собранные по подписке суммы. Инициатором и главным руководителем в этом благом деле – Василий Аркадьевич Кочубей, который и пригласил нас на нынешнее торжество. Все распоряжения по церемонии делались энергично***** Мариею Алексеевной

---

* в оживленной и непринужденной беседе.

** о самых жгучих предметах, самых чувствительных для него

*** ослабления и упадка

**** Следуя совету Михаила Николаевича, я воздержусь от поездки по этому случаю в Ливадию или в Ялту.

***** обычное местопребывание – Berchtesgaden.

***** и умною

Кочубей с полным успехом. Присутствовали Государыня императрица, королева Греческая и великие князья*. Императрица, по своему обыкновению, обошлась любезно и внимательно со всеми присутствовавшими; королева также отнеслась очень радушно ко всем ей знакомым лицам, в том числе и меня удостоила разговором. При воспоминании о былом времени слезы навернулись у нее на глазах, когда речь коснулась положения несчастного ее отца**.

После церемонии закладки храма императрица с королевою ездили в устроенный графинею Клейнмихель приют Красного Креста***.

5-го июня. Среда. – Посетил нас**** генерал-лейтенант Павлов, командир 7-го армейского корпуса, старый офицер Генерального штаба на Кавказе. Он получает ныне новое назначение помощником командующего войсками Варшавского округа специально для заведывания привисленскими нашими крепостями и войсками, в районе этих крепостей расположенными. Павлов приехал для свидания с великим князем Михаилом Николаевичем.

9-го июня. Воскресенье. – Сегодня императрица с королевою Греческою, обеими их дочерьми и великими князьями Михаилом Николаевичем и Георгием Александровичем выехали из Ливадии и около полудня отплыли из Ялты в Севастополь на пароходе «Адмирал Корнилов» в сопровождении трех броненосцев, нескольких миноносок и канонерских лодок.

Ее Величество была так внимательна и любезна ко мне и жене моей, что пригласила нас сегодня в Ливадию, запросто, к обедне (в 10 часов утра), так что мы тут и откланялись, вместо того, чтобы ехать (в парадной форме) на ялтинский мол, где были официальные проводы. Императрица и королева***** простились с нами очень

---

* Молодой архитектор Краснов показывал проект, по которому будет возводиться постройка: фасад довольно грандиозный для того тесного пространства, которое возможно было занять под новый храм. В числе присутствовавшей публики, разумеется, мы (с женой) нашли много знакомых.

** Торжество окончилось около часа пополудни.

*** После обеда (в гостинице) я сделал довольно большую прогулку по высотам, господствующим над городом, по таким местам, где не случалось мне бывать прежде. Между прочим, полюбопытствовал взглянуть на постройку дома Петра Федоровича Самарина. Возвратились мы домой в Сименс около 8 часов вечера.

**** и обедал у нас

***** обошлись с нами ласково.

радушно. Они обе обворожают всех простотою своего обращения.

С минуты выезда Их Величеств Ливадия вдруг опустела, как по магическому жезлу; мы оставались еще некоторое время у Евреиновых, отобедали у них и возвратились вечером домой*.

10-го июня. Понедельник**. – При всех своих наклонностях домоседа я чувствую однако же в своем добровольном заточении потребность по временам освежиться умственно и нравственно в другой, более просторной*** атмосфере. Два года тому назад испытал я благотворное влияние путешествия; решаюсь ныне повторить этот опыт. Еще в прошлом году, в бытность А.И. Лаврентьева в Крыму, сговорились мы с ним предпринять вместе путешествие по Испании. К такому путешествию он готовился уже несколько лет и надеялся осуществить свой план осенью нынешнего года вместе с женою и сестрой. Обе дамы весьма образованные****, привычны к путешествиям, умеют путешествовать с толком, они даже изучают предварительно язык той страны, куда предпринимают путешествие. С такими спутниками было бы для меня***** особенно

---

* в 6-м часу вечера.

** *Первоначально*: «При всей своей наклонности к уединенной, домашней жизни»

*** европейской

**** и даровиты

***** заманчиво заглянуть <ознакомиться> в Испанию – страну своеобразную, вообще мало<известную> знакомую, в которой странствования более или менее затруднительны незнанием местного языка. Имея же в виду путешествие по Испании примерно в сентябре месяце, я задумал побывать в Алжире, Тунисе, а на возвратном пути домой остановиться в Греции, чтобы познакомиться с замечательными ее остатками древности в удобное для того время года, более основательно, чем два года тому назад, когда я не мог по причине жаркого времени где-либо побывать, кроме Афин.

Нынешний посланник наш в Греции М.К. Ону, посетивший нас несколько месяцев тому назад, очень уговаривал меня побывать в Греции в октябре или ноябре, вызываясь доставить мне все удобства для осмотра замечательнейших мест Эллады. Все это весьма соблазнительно, и я решаюсь в исходе этого месяца пуститься в путь опять из Севастополя чрез Константинополь, чтобы предварительно, в жаркое время, заглянуть в некоторые приморские страны, еще невиданные мною (Сардинию, Корсику), затем заглянуть <приехать> в Париж, чтобы получить от нашего военного агента, бывшего адъютанта моего барона Фредрихса указания и рекомендации для поездки в Алжир, и в конце августа съехаться с Лаврентьевыми там, где они в одном из лечебных пунктов горной Франции (Виши или Ouxles-bains), где они будут в это время находиться, и уже вместе с ними на-

приятно объехать Испанию – страну своеобразную, малоизвестную, где странствования должны более или менее затрудняться незнанием местного языка. Удобнейшее время года для поездки туда – сентябрь и октябрь. Применительно к этому сроку задуман мною такой план путешествия: выехать в исходе текущего месяца, опять морем из Севастополя, чрез Константинополь; в продолжение двух летних месяцев (июля и августа) плавать по Средиземному морю, заглянуть в некоторые, еще невиданные мною приморские страны (как то Корсика, Сардиния); затем, в начале сентября, встретиться где-либо в южной Франции или в Пиренеях с Лаврентьевыми и вместе с ними объехать Испанию; откуда рукой подать в Алжир и Тунис; а на возвратном пути к дому, в конце октября и начале ноября, воспользоваться любезным предложением нашего посланника в Греции, М.К. Ону, объехать вместе с ним некоторые из замечательнейших древностей этой классической страны. Таков мой общий, предварительный план; подробности исполнения, конечно, будут зависеть от непредвиденных обстоятельств. До сих пор еще не имею положительного уведомления от Лаврентьевых о том, состоится ли их путешествие. Между тем принимаются уже мною все приготовительные меры к отъезду на пароходе, отходящем из Севастополя 3-го числа. В то же время собирается в путь и жена моя, в намерении провести лето у дочерей в Рязанской и Эстляндской губерниях.

правиться в Испанию. Таков мой план, но удастся ли вполне выполнить его – еще не знаю.

До сих пор не имею положительного уведомления от Лаврентьевых о том, состоится ли их путешествие. Уже довольно давно вовсе не получал от него писем; опасаюсь, не приключилась ли с ним какая-нибудь болезнь. Очень жаль будет, если он откажется от своего плана путешествия и если мне придется <опять> странствовать по Испании в одиночестве. Я даже <думал> в таком случае отложить свое путешествие> колебался в своем решении, но после некоторого колебания, решаюсь все-таки пуститься в путь, не ожидая окончательного известия от Лаврентьева. Как ни тягостно <бывает> одиночество в предстоящем мне путешествии, но желание рассеять одолевшую меня грусть настоящей моей домашней обстановки берет верх – и сегодня же сделаны мною первые распоряжения для приготовления к выезду: написал в банк о высылке кредитива, губернатору таврическому – о доставлении паспорта, известил дочерей и Лаврентьева о предстоящем выезде, и проч. <В то же время и жена моя собирается в путь, намереваясь провести лето у дочерей.> Чтобы воспользоваться рейсами наших пароходов чрез Пирей, должен отправиться из Севастополя 30-го июня, а не то – двумя неделями позже.

[14-го июня. Пятница. – Не странно ли, что в нашей пустынной глуши выдаются иногда такие дни, как нынешний и вчерашний, когда с утра до вечера приходится принимать и занимать гостей. Вчера обедали у нас Кочубеи – муж и жена с тремя детьми; приезжали из Алупки знакомиться два новые лица: г[осподин] Чеховский (управляющий государственными имуществами Таврической и Екатеринославской губерний)¹⁴ и Мороз (инспектор сельского хозяйства на Кавказе), а г-жа Кондзеровская, тетка сироток <наших прошлогодних> Вержбицких, гостивших у нас в прошлом году, приехав на лето в Симеис, также пришла познакомиться с нами. Сегодня же еще новое знакомство – ялтинский городской голова отставной генерал-майор Хвоцинский, а к обеде заехали к нам по пути из Ялты в Севастополь новобрачные – Татариновы, проводящие медовый месяц в путешествиях.

17-го июня. Понедельник. – Весь день провел в Ялте: утром рыскал по магазинам, для некоторых покупок к предстоящему путешествию; обедал у Кочубеев, а после обеда отдал визиты графу Ностицу и Хвоцинским. Гроза и дождь освежили воздух.]

19-го июня. Среда. – Наконец получил от А.И. Лаврентьева давно ожидаемое* известие о решении интересующего меня вопроса – насчет предполагавшегося путешествия в Испанию; к сожалению – решение отрицательное: Лаврентьевы отлагают это путешествие до другого года, намереваясь в нынешнее лето ограничиться поездкою на воды в Германии или южной Франции**¹⁵. Итак, мне суждено совершить и предположенную поездку по Испании в том же одиночестве, в каком уже привык я странствовать.

[25-го июня. Вторник. – Еще раз пришлось побывать в Ялте, чтобы закончить свои приготовления к путешествию. Обедал опять у Кочубеев, а на возвратном пути заехал в Ливадию к Евреиновым, чтобы проститься с ними. Ялта совсем пуста; дни очень жаркие.]

---

* с нетерпением письмо

** <Очень сожалею об этом.> Это весьма огорчает меня, откладывать мое путешествие на год – рискованно в мои старческие лета, да и <невозможно> неудобно уже отменять предположенный выезд, к которому все приготовления уже сделаны. Паспорт заграничный уже в моем кармане. Решаюсь опять пуститься одиноко в дальний путь и ни в чем не изменяю прежнего своего плана, хотя и предвижу, что мне предстоит в странствованиях по Испании много скуки и затруднений. Впрочем, *авось* навернется какой-нибудь приятный спутник. <Рассчитываю> Быть может, удастся мне в Париже с помощью барона Фредрикса обставить мое дальнейшее путешествие некоторыми удобствами. Отвечал почтенному А.И. Лаврентьеву.

29-го июня. Суббота. Севастополь. – В 8 часов утра выехал я из Симеиса, на почтовых лошадях, и ранее 2-х часов пополудни был уже в гостинице «Киста». В первый раз вижу эту гостиницу в новом преобразованном виде, по образцу лучших европейских отелей*. Вечером навестил генерал-лейтенанта Павлова**. Облекся в гражданский костюм.

30-го июня. Воскресенье. Пароход «Олег»***. – Генерал Павлов приехал проститься со мною и довез меня до пристани. Пароход отчалил в 9 часов утра. Как и в прежние мои переезды, я опять единственный пассажир в 1-м классе; зато 3-й класс переполнен, преимущественно восточным людом. Капитаном на «Олеге» тот же добродушный Роллер, который прежде был на «Владимире». Начало нашего плавания – спокойное и приятное; но к вечеру поднялся довольно сильный ветер и постепенно волнение так усилилось****, что я должен был уйти в свою каюту.

1/13-го июля. Понедельник. Буюк-дерэ. – С приближением ко входу в Босфор качка значительно уменьшилась, но погода серая; небо заволочло тучами. На воде не только не жарко, но даже прохладно. Какая странная случайность: в третий раз попадаю в Цареград в неприглядную погоду, когда серая завеса застилает всю великолепную панораму Босфора, Золотого Рога и Стамбула.

Около часа пополудни, проходя мимо Буюк-дерэ, пароход останавливается для передачи почт-пакета в русское посольство. Я воспользовался случаем, чтобы тут же сойти на берег, предпочитая провести сутки (до отхода парохода в Пирей) в приятном обществе наших дипломатов, чем одиноко в какой-нибудь гостинице Перы. К пароходу выслан от нашего военного стационара катер, в который и спустился я по трапу; но в тот момент, когда ступил я одною ногой на борт катера, кормовая часть его по оплошности

---

* Во весь остаток дня не выходил почти из каюты.

** но не застал его дома. Он получил новое назначение – помощником командующего войсками Варшавского округа специально по командованию привислянскими крепостями и расположенными в них войсками. Это – вновь созданная должность, которая в случае войны будет иметь большое значение.

*** Пароход «Олег», заменивший «Владимира» на линии Севастополь – Константинополь – отходит в 9 часов утра. К самому выходу моему из гостиницы приехал ко мне генерал Павлов, который и довез меня до пароходной пристани.

**** что я почувствовал на себе неприятное влияние качки и должен был лечь в своей каюте.

Константинополь

матросов отодвинулась от трапа; я не мог, конечно, удержаться в равновесии и чуть было не упал в воду; только благодаря силе одного из матросов, схватившего меня за руку и втащившего на катер, не пришлось мне выкупаться или утонуть в Босфоре; вся беда ограничилась тем, что замочил одну ногу по колено*.

Оставив свой дорожный мешок в одной из маленьких гостиниц на берегу Босфора (Hôtel de l'univers или Hôtel Gambetta), я пошел немедленно в посольство; к** сожалению, узнал я от portier***, что сам посол и почти все наши дипломаты уехали в город; оставались в Буюк-дерэ только Александр Николаевич Свечин, да две дамы: Ел[изавета] Ив[ановна] Нелидова и М.И. Иванова (жена первого драгомана). Свечин, как оказалось, живет в том самом отеле, где я остановился, даже рядом с отведенной мне комнаткой. Это было для меня счастливой находкой. Свечин встретил меня очень любезно и предложил сделать прогулку в экипаже в окрест-

---

* Позже оказалось и другое последствие – боль в правой руке или вернее – в предплечье. (Прим. Д.А. Милютина.)

** досаде моей.

*** Привратник, швейцар (фр.).

ности Буюк-дерэ. Он повез меня в так называемый Белградский лес (от близлежащего селения Белграда) и к запрудам, от которых берет начало водопровод, снабжающий водой весь Константинополь. Двойной, обширный резервуар образуется колоссальными каменными сооружениями («бенды»), уже заметно обветшалыми; вода просачивается сквозь толщу тесаного камня. Бассейны эти окружены прекрасною растительностию; в тени развесистых дубов, каштанов, чинаров ищут прохлады живописные группы съезжающей сюда разноплеменной публики.

Налюбовавшись растительностию и живописными ландшафтами, возвратились мы в Буюк-дерэ как раз к тому времени, когда собрались туда все отсутствовавшие дипломаты. Посол Александр Иванович Нелидов пригласил меня к обеду (в 8 часов вечера) вместе со Свечиным и двумя Смирновыми (один прежний мой знакомый Алексей Александрович, другой – молодой, вовсе не родственник с первым). Тут же, пред обедом, встретился я с генеральным консулом Лаговским, его секретарем Преображенским, обоими нашими военными агентами в Константинополе и Афинах – полковниками Пешковым и Рауш-Траубенбергом. Посол и в настоящее время, так же как два года назад, живет без семьи: при нем только младший, малолетний сын и сестра Елизавета Ивановна; жена же его, Ольга Дмитриевна, ведет дела в имении, занимается литературой и собирается ехать за границу.

После позднего обеда общество собралось у первого драгомана Иванова, где и закончил я свой вечер.

2/14-го июля. Вторник. Пароход «Россия». – Утром, в Буюк-дерэ, по приглашению Ивановых пришел я к ним к первому завтраку, после которого любезная хозяйка с одною из дочерей предложили мне сделать прогулку в обширном и тенистом саду посольства. Потом зашел я проститься к Александру Ивановичу Нелидову, а вслед за тем он сам посетил меня вместе с советником посольства Жадовским, с которым ранее я не был знаком. Жадовский заместил Ону в конце 1889 года, т. е. после моего обратного проезда чрез Константинополь. Около 11 часов утра отправился я в Терапию, где живет полковник Пешков. Он пригласил меня к завтраку вместе со старшею из барышень Ивановых. Терапия находится на том же берегу Босфора, как и Буюк-дерэ, в расстоянии полчаса езды. Там находятся посольства английское и французское. Пешков же занимает там один из домов, купленный русским правительством секретно, на подставное имя. Позади этого дома

круто поднимается в гору сад, доходящий вплоть до турецкой батареи, возведенной на высшей точке горы. Пешков показывал мне производимые им втайне топографические работы. Он оказывается не только дельным офицером Генерального штаба и искусным съемщиком, но также и художником в живописи и архитектуре. Им составлен и нарисован проект памятника, который предполагено возвести в Сан-Стефано над общею (братскою) могилой русских воинов, кости которых разбросаны в разных пунктах Турции и Болгарии. Проект кажется мне весьма удачным; он уже одобрен высшими петербургскими властями, и требуемые для сооружения его суммы ассигнованы. Пешков не ограничился рисунком и планом, но своеручно изготовил и деревянную модель проектированного памятника¹⁶.

К 3-м часам пополудни по распоряжению посла пришел в Терапию посольский паровой катер («Мушка»), на котором я и добрался до Золотого Рога в обществе с Марией Ивановной Ивановой, Пешковым, Рауш-Траубенбергом и Свечиным. Они все проводили меня до парохода «Олег», с которого, забрав свой багаж, я перешел на пароход «Россия», готовый уже поднять якорь.

Сегодня празднуется годовщина Французской республики; стоящие в Босфоре и в Золотом Роге военные пароходы расцвечены пестрыми флагами. В посольстве французском назначен раут¹⁷.

Ровно в 5 часов вечера тронулись мы из Золотого Рога в Мраморное море. «Россия» есть один из лучших и больших пароходов Русского общества пароходства и торговли¹⁸; нигде не видел я такого удобного и просторного расположения кают. Капитан его – Алексей Леонтьевич Маркахов, старый моряк, очень любезный, держит свой пароход в порядке*. Мне было очень приятно иметь спутниками Рауш-Траубенберга, возвращавшегося из России к своему посту в Афины, и князя Мурузи, ехавшего в Каир, где я познакомился с ним в 1889 году; оба они любители фотографии; на всем пути ловили красивые виды или группы.

Лишь только пароход наш вышел из Босфора в Мраморное море, разом ветер стих и продолжавшаяся уже два дня зыбь в проливе заменилась совершенно гладкою темно-синиею поверх-

---

* и еще один английский адвокат, переезжающий из Константинополя в Александрию. Мне было весьма приятно иметь спутниками Рауша и <князя> Мурузи, с обоими можно было вести о многом беседу;

ностью*. Однако ж к вечеру надвигаются со всех сторон черные тучи; горизонт то и дело озаряется** зарницей, а далее – вот и над нами раздаются громовые раскаты, молния беспрестанно освещает группы лежащих*** на палубе бедных пассажиров 3-го класса, и, наконец, хлещет на них проливной дождь. Целые семьи с малолетними детьми прячутся в трюм, где, кроме нескольких коров, скучено до 300 переселяющихся в Палестину русских евреев¹⁹.

3/15-го июля. Среда. – В 6 часов утра пароход наш «заштопорил» в Дарданеллах у Конак-Калеси (или Калэ-Султанье) для обычной формальности получения пропуска. Спутники мои с рассветом выскакивают из своих кают, выносят на палубу фотографический аппарат, чтобы снять виды дарданельских укреплений. По выходе из пролива пароход наш плавно подвигается вдоль азиатского берега; мы всматриваемся с помощью бинокля в классическую местность Древней Трои²⁰; минуем знаменитую Безикскую гавань²¹, между твердою землею и островками Лагусса (Таузон) и Тенедос. Позже обрисовывается профиль большого острова Митилена (или Лесбоса). Плавание наше продолжается при самых благоприятных условиях. Солнце садится за горами длинного острова Эвбеи, на светлом фоне, и оставляет по себе долгий след в ярко-красной полосе западного горизонта.

4/16-го июля. Четверг. Афины. – Пройдя ночью каналы д'Очо (между островами Эвбеей и Андрос) и Зейский (между берегом Аттики и островом Зея), пароход наш еще до света приблизился к Пирею и должен заштопорить, в ожидании рассвета. В 6-м часу утра мы уже в Пирейской гавани. Посланник наш в Афинах, М.К. Ону, предваренный из Буюк-дерэ о моем приезде, распорядился, чтобы выслан был к пароходу гребной катер от нашего стационара «Уралец» и вместе с тем пригласил меня остановиться у него, так как он, за отсутствием семьи, оставался совершенно в одиночестве в обширной квартире. Я охотно принял это любезное предложение****. Подплыв на русском катере к таможене, вместе с

---

* Пароход плавно <проходит> плывет мимо Принцевых островов. Мы в со-
тый раз восхищаемся дивным видом на обе стороны: вправо на взгромож-
денные амфитеатром купола и минареты стамбульских мечетей и сераля,
на серые стены стамбульского замка; слева на непрерывную полосу белых
построек Скутари, а далее на изящные силуэты Принцевых островов.

** дальнею

*** под нами

**** Семья посланника проводит лето во Франции, и сам он собирается ехать
туда же на днях.

полковником Траубенбергом, и миновав все формальности таможенные, мы вместе взяли экипаж и доехали в три четверти часа до Афин, ранее прихода железнодорожного поезда. На пути видели мы заметные следы недавнего дождя, освежившего воздух. Проездом мимо гостиницы «Victoria», где полковник Траубенберг остановился на первое время, я расстался с ним и один доехал до русского посольства, занимающего отдельный трехэтажный дом в одном из новосозданных кварталов, за королевским садом, почти на окраине города. Для меня приготовлена просторная и удобная комната рядом с кабинетом Михаила Константиновича. Пред фасадом дома, чрез улицу, густая зелень королевского сада; поверх ее из моего окна виден Акрополь^{*}.

М.К. Ону принял меня так радушно, как я ожидал. С первых же слов он сделал мне очень заманчивое предложение – быть его спутником в предстоящем плавании на стационаре, канонерской лодке «Уралец», кругом всего полуострова Мореи, на Ионические острова, с остановками в Наварине, Занте, Кефалонии, Корфу и далее до самого Неаполя, откуда он намерен проехать сухопутно чрез Рим, Флоренцию и Мон-Сенис в Париж, где проживает его семья. Предложение это очень мне улыбается; предполагаемое плавание на русском военном судне, в обществе с приятным спутником – конечно, несравненно заманчивее предполагавшихся мною морских переездов на грязных итальянских пароходах, в полном одиночестве^{**}. Михаил Константинович предполагал выехать уже сегодня; но отложил до субботы, т. е. до того самого дня, в который и я намеревался выехать из Патраса на Бриндизи. Однако ж он^{***} еще не получил из Петербурга формального отпуска и каждый день ожидает с нетерпением ответной телеграммы. Как бы то ни было, предложение его принято мною с истинным удовольствием. Если даже я и останусь несколько лишних дней в Афинах, то все-таки буду в выигрыше.

После короткой беседы с моим гостеприимным хозяином я переделся и, пока не было еще слишком жарко, пошел на телеграф, чтобы отправить обещанную мною жене телеграмму, а затем в банк для получения золотой монеты по кредитиву нашего Петер-

---

* Местоположение дома и самая постройка весьма комфортабельны.

** и дальнейший путь посланника до Парижа вполне совпадает с моим путем.

*** еще не уверен в том, удастся ли ему отправиться в назначенный срок, так как он еще не получил

бургского международного банка. По пути успел полюбоваться новыми, изящными постройками: Академии, университета, палаты депутатов, строящимся еще зданием Публичной библиотеки; зашел к Бахметьеву, которого не застал; он проводит лето на даче в Кефисии и не будет сегодня в городе.

Стало уже очень жарко, когда я вернулся домой к завтраку (в 12¹/₂ часов). В тени свыше 28° Реомюра (35° Цельсия). Встав сегодня чуть не с рассветом и после довольно утомительной утренней прогулки по накаленным улицам афинским*, я отдохнул с удовольствием в прохладной комнате, недоступной солнечным лучам, но затем снова вышел из дому вместе с Рауш-Траубенбергом, чтобы сделать предобеденную прогулку по тенистому королевскому саду**.

Отобедали мы вдвоем с хозяином между 8 и 9 часами вечера на открытом балконе, среди зелени, при свете луны. С наслаждением надышавшись освеженным вечерним воздухом, рано разошлись по своим комнатам, чтобы отдохнуть от знойного дня.

В настоящее время в Афинах нет никого из королевской семьи. Король на водах за границу (кажется, в Aix-les-bains), королева в Павловске. Наследный принц Константин, на которого возложены обязанности регента – живет с младшим братом Николаем в Татое. Принц Георг еще не возвратился из своего дальнего путешествия на Восток²².

5/17-го июля. Пятница. – Встал рано и в 7 часов утра уже вышел из дому, чтобы обойти, пока еще не очень жарко, самые замечательные остатки Древних Афин. Начав с величественных колонн так называемого «Олимпциона», где условился я сойтись с Раушем, мы обошли руины у южной подошвы Акрополя: театра Дионисия (Dionysos), Асклепиона, портика Эвмена, Одеона Ирода Аттического; отсюда поднялись мимо предполагаемой темницы Сократа и могилы Кимона на крутую гору, на вершине которой торчит обрывок древнего памятника Филопаппоса. Отсюда открылась нам обширная и великолепная панорама: все остатки Дре-

---

* я с наслаждением сбросил свою одежду и растянулся на широкой кровати. Однако ж часа три спустя, выспавшись и освежившись

** На этот раз этот сад не произвел на меня такого же приятного впечатления, как в первое мое посещение Афин два года назад; мне показалось, что сад содержится не в таком же опрятном виде, как тогда, – что, впрочем, можно приписать настоящему времени года и отсутствию королевской фамилии <королевского семейства.>

них Афин и весь новый город с ближайшими его окрестностями под нашими ногами, как на плане; к югу – море, Пирей, Фалеры; к западу – Саламинский пролив, на берегу которого белеются дома городка Саламина, Элевзинская бухта, а далее – горизонт огражден горами Скарманга и Эгалеос, в виде большого полукруга; к северу – горами Парнес (или Озео); к востоку – горами Пентелик и Гимет (Hymette), а ближе над самым городом высится крутая гора Ликабет с часовнею Св. Георгия на вершине. Налюбовавшись вдоволь этим видом, обошли мы другие разбросанные остатки древних эллинских сооружений на высотах Пникса (предполагаемая трибуна афинских ораторов), Нимф (где ныне выстроена Астрономическая обсерватория), древнего Ареопага и в заключение поднялись по новой отлогой дороге на самый Акрополь. Еще с большим, чем в первый раз²³, вниманием осматривал я* сохранившиеся дивные остатки Пропилеев, Парфенона, Эректиона; снова восхищался неподражаемою гармониею и пропорциональностью, которыми создания древних греческих зодчих отличались от всех подражаний новых времен.

Уже довольно усталые и прожженные почти вертикальными лучами солнца, мы спустились с Акрополя и продолжали путь** по грязным закоулкам городским. Рауш направился к своему отелю «Victoria», а я – мимо королевского дворца в русское посольство***. В сенях встретил Юрия Петровича Бахметьева, который пригласил меня**** к себе в Кефисию, к обеду, в тот же вечер. С удовольствием принял я это приглашение и к 5 часам сошлись мы втроем с Бахметьевым и Траубенбергом на станции железной дороги, ведущей в Кефисию. Переезд туда, несмотря на частые остановки в пути, совершается в какие-нибудь 40 минут. В Кефисии встретила нас на станции любезная супруга Бахметьева, о которой упоминал я в своем дневнике 1889 года²⁴. Пешком дошли мы все вместе до занимаемой Бахметьевыми маленькой дачи, скромной, но весьма уютной. Несмотря на миниатюрные размеры домика, у Бахметьевых гостит тетка их – вдова поэта графа Алексея Константиновича Толстого. С нею встретился я как со старою знако-

---

* вторично

** все пешком

*** Было уже около полудня, когда я вновь в поту и пыли <пыльный> встретил на лестнице посольства Юрия Петровича Бахметьева.

**** и Рауша ехать вместе с ним по железной дороге в Кефисию и обедать у него.

мой*; несмотря на ее лета и на седые волосы, она еще очень бодра, разговорчива, добродушна.

В ожидании обеденного часа (8 часов вечера) сидели мы на небольшой площадке, под тенью развесистых деревьев. То и дело появлялись разные посетители, приходившие из соседних дач или приезжавшие из города. Так познакомился я в короткое время с несколькими новыми лицами: с бывшим греческим посланником в Петербурге, а ныне посланником в Константинополе – Маврокордато; с итальянским посланником в Афинах – Fe d'Ostiani; с богатым землевладельцем в Кефисии – Теодором, женатым на одесской гречанке, и другими.

После обеда пришлось нам недолго наслаждаться свежим воздухом при лунном освещении, на маленькой террасе наших гостеприимных хозяев. Вместе с Траубенбергом и итальянским посланником возвратился я в город с последним вечерним поездом, почти к полуночи.

6/18-го июля. Суббота. – Вот уже и наступил день, в который М.К. Ону предполагал выехать из Афин, а все еще нет ответа из Петербурга, что крайне расстраивает наши планы. Однако ж я решаюсь еще подождать до вторника, хотя мне в Афинах нечего делать и дальнейшее здесь пребывание в настоящее жаркое время не представляет ничего привлекательного.

Нынешнее утро посвятил я обоим музеям: так называемому «Национальному» (Εθνικον или Κεντρικον Μουσειον) и «Политехнику». Оба эти музея я уже видел два года тому назад и теперь нашел в них мало перемены. Первый остается в том же недоконченном состоянии: собранные в нем находки древнего ваяния все еще не установлены окончательно; некоторые залы закрыты или совсем пусты, самые стены требуют окраски и очистки. «Политехникон» находится в более готовом виде и порядке; но и там нет строгой системы** в размещении драгоценных коллекций.

Сегодня, кажется, еще жарче, чем в предшествующие дни. Хозяин мой предложил мне сделать вместе с ним поездку за город – в Фалеры, где он обыкновенно пред обедом купается в море. Около 6 часов вечера сели мы на поезд tramway'я (парового) и,

---

* сейчас же завязался между нами живой разговор о наших общих знакомых и близких, о наших путешествиях и планах. Ей должно быть уже гораздо за 60 лет.

** в расположении хранящихся в разных отделах музея

проехав половину пути до Фалер, прошли остальную половину пешком до места купален, откуда железная дорога разветвляется, направо – в новые Фалеры, налево – в старые. К обеденному часу, т. е. к 8 часам вечера, мы пришли на сборный пункт съезжающей сюда афинской публики, к роскошному отелю-ресторану; уселись за один из множества столиков, расставленных на прибрежной площадке. Обед дали нам прекрасный, за 5 франков с персоны; бутылка местного отличного вина* дается за 2 франка: дешевизна немислимая у нас. Во время и после обеда бродящие итальянские музыканты и певица улаждали слух публики. Встретили мы тут несколько соотечественников: познакомился я с капитаном нашего стационара Молласом, с консулом в Пирее Генрихсеном (служившим некогда на Кавказе, когда я занимал там должность начальника Главного штаба); с нашим инженером путей сообщения профессором Брандтом, командированным сюда для покупки драг (черпательных машин), остающихся без употребления по ликвидации дел компании Коринфского канала. Ныне для довершения работ этого канала образовалась новая компания, с устранением прежнего вожака старой компании генерала Тюрра.

К 10 часам вечера возвратились мы в город по той же железной дороге, по которой выехали за четыре часа ранее. В это время было уже довольно прохладно за городом; в самых же улицах афинских, накаленных в течение дня, все еще душно. Поезд tramway'я остановился на площади Конституции (перед дворцом королевским) в то самое время, когда на эту красивую площадь дебушировала шумная толпа народа с факелами, флагами, частью в открытых экипажах, частью пешком, с оглушительными криками, при бенгальских огнях и взвивавшихся по временам ракетах. Это одна из обычных демонстраций по случаю предстоящих завтра выборов городского головы (мэра, по-здешнему Δῆμαρχος, демарх). С любопытством подошли мы ближе к пути процессии: оказалось, что эта демонстрация в пользу** некоего афинского богача Михаила Мелас, который, по-видимому, имеет наиболее шансов на успех. Весь город уже несколько дней в напряженном состоянии; каждый вечер собирались на улицах толпы народа для агитации в пользу того или другого кандидата. Еще вчера, по возвращении из Кефисии, натыкались мы на такие сборища, слышали их крики,

---

* (Lannos et Poche)

** одного из кандидатов

пение, и сегодня узнали, что столкновения избирателей разных партий не обошлись без кровопролития; было несколько раненых. Не знаю, как обойдутся сегодняшние еще более страстные демонстрации, предшествующие непосредственно самым выборам. По крайней мере, на наших глазах процессия прошла чрез площадь Конституции и по улице Стадион без особенных приключений: все ограничивалось криками, маханием флагами, рукоплесканиями стоявшей на тротуарах толпы при появлении возимых в экипажах портретов превозносимого кандидата. Мне говорили, что агитация, устраиваемая в пользу каждого кандидата, обходится ему недешево; что в прежние выборы того же Михаила Мелас, который теперь снова является главным кандидатом, операция эта стоила ему до 120 тысяч франков*.

7/19-го июля. Воскресенье. – Несмотря на дальность русско-го посольства от наиболее шумных и оживленных частей города, и здесь слышны были в продолжение всей ночи крики, пение избирателей, подготовляемых попойкою и бражничанием к открываемому с раннего утра заявлению народной воли. В течение всего нынешнего дня продолжалось возбужденное состояние всего городского населения, избиратели толпятся у входов церквей, где выставлены избирательные урны; баллотировке в городские головы и в члены городского совета подлежат до 180 кандидатов. По улицам шумное движение; полупьяные избиратели разъезжают в больших открытых извозчичьих экипажах, с криками и пением; пред домами главных кандидатов теснятся толпы... Не только между городскими обывателями, но и в кружках иностранцев, дипломатов нет другого разговора, как только о «шансах» того или другого кандидата. К вечеру уже высказалось несомненное большинство на стороне Михаила Меласа, которому симпатизируют и наши дипломаты.

Нет в Европе страны более демократичной, чем Греция. Самый бедный рабочий подает руку богачу или сановнику. В публичной жизни сливаются все слои, высшие и низшие: простолюдин и министр, даже сам король и принцы, пользуются одними и теми же вагонами tramway'я. Между тем не замечается ни малейшего нахальства, ни грубости со стороны низших классов относительно высших. Простой народ весьма добродушен; но в то же время пре-

---

* Было уже близко к полуночи, когда мы возвратились домой, на сон грядущий.

клоняется пред золотым тельцом. Богатство пользуется большим почетом и влиянием. Не только бедняк, но и сравнительно достаточный человек не постыдится при случае обсчитать простака или иностранца на несколько драхм. С другой стороны, надобно отдать справедливость здешним богачам, что они не скупятся на пожертвования в крупных размерах на пользу общественную. На каждом шагу видишь то великолепное здание, выстроенное на иждивение такого-то лица; то прекрасный парк или сквер, разведенный таким-то богачом; то благотворительное заведение, устроенное другим капиталистом. Какими бы средствами ни были скоплены богатства таких личностей, все-таки готовность их к широкой благотворительности приносит им честь. Ей следует в значительной степени приписать поразительное в новые времена возрастание общественного и городского благоустройства в Греции при крайней скудости финансов государственных.

В городе сегодня очень жарко; кроме маленькой утренней прогулки по тенистой аллее вдоль королевского сада, я не выходил из дому до 6-го часа^{**}. Из Петербурга все нет ответа на телеграммы посланника^{***}. Ону решается выехать во всяком случае завтра вечером, даже не дождавшись разрешения, в том соображении, что проезд его до Корфу не составляет еще выезда из пределов Греческого королевства^{****}; а до прибытия в Корфу пройдет еще дня четыре или пять.

В 6-м часу заехал за мною Ю.П. Бахметьев, чтобы вместе ехать в Кефисию. Мне было, конечно, приятнее еще раз провести там вечер, чем оставаться в одиночестве, в душном городе, среди обезумевшей, шумной толпы. Так как сегодня Бахметьев и Ону приглашены на обед к одному из министров, живущему летом в Кефисии, то я сговорился с Траубенбергом отобедать там же в ресторане^{*****}. Мы заняли один из столиков на террасе, среди зелени. Тут же встретили нескольких знакомых: капитана Моллас,

---

* несметные

** Написал письмо к жене и читал газеты.

*** Непонятно такое невнимание к представителю России со стороны министра и его товарища (Шишкина)²⁵.

**** страны, в которой он состоит представителем России

***** Мы заняли один из столиков на открытом воздухе, на площадке среди зелени. Поднявшийся с полудня довольно сильный ветер очень освежил воздух. Отобедали мы очень хорошо, при лунном освещении.

итальянского посланника и других. С последним поездом железной дороги возвратился я в город*.

8/20-го июля. Понедельник. – И сегодня ограничился я утром только короткою прогулкой по тенистой аллее** королевского сада и затем оставался дома до самого вечера. Когда дневной жар несколько умерился, мы с М.К. Ону отправились опять в Фалеры; отобедали за отдельным столиком на площадке ресторана. К нам подсел и командир канонерки «Уралец» капитан 2 ранга Моллас (Петр Павлович); тут же обедали многие знакомые наши: Бахметьевы, полковник Траубенберг, русские инженеры путей сообщения, русский консул в Пирее Генрихсон; также очень милая русская дама Бергель, жена одного из офицеров канонерки. Возле ресторана театр; сегодня представление новой модной французской пьесы «Le parfum»***, как говорят, крайне неприличной. Поэтому-то и съехалась на это представление многочисленная публика, в которой прекрасный пол чуть ли не составляет большинство. На представлении присутствовал и младший из принцев королевского дома Николай.

В 10 часов вечера мы (т. е. Ону и я) переехали с берега на канонерку и заняли назначенные нам помещения. Мне уступил капитан собственную каюту; Ону занял другую в рубке сверху палубы. «Уралец» небольшое**** судно, но помещения наши очень удовлетворительны. Вооружение состоит из трех больших пушек 8-дюймовых и нескольких скорострелок Гочкиса.

9/21-го июля. Вторник. Канонерка «Уралец». – С рассветом снялись с якоря; идем от $8\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{2}$ узлов в час. Вправо остаются острова Эгина, Порос, Гидра. В начале слабая качка, но потом море совсем гладкое, того великолепного темно-синего цвета сафира***** , который свойствен Средиземному морю. Капитан знакомит меня с офицерами, представляет команду. Число всех людей экипажа доходит до 165 человек. Сам капитан Моллас кажется челове-

---

* Рауш остался ночевать в Кефисии, где он намерен совсем поселиться на время летних жаров.

** на которую выходит дом посольства, а потом не выходил из дому, пока было жарко, занимался своим дневником, чтением газет русских и укладкою своего багажа. В 7-м часу вечера отправились мы с М.К. Ону по tramway в Фалеры.

*** «Аромат» (фр.).

**** судно, но чистенькое

***** Так в тексте. Очевидно, имеется в виду «сафира». (Прим. публ.)

ком добродушным, обходительным, очень любезным в обществе. Мы же с Ону не можем нахвалиться его услужливостью и вниманием.

Плавание наше началось при самых благоприятных условиях. Под вечер проходим уже между одною из трех южных оконечностей полуострова Мореи, мысом Malia и островом Чериго, Древней Цитерой. Вообще острова Архипелага представляют грациозные силуэты; но прибрежные горы, круто спускающиеся к морю, большую частью безлесны и пустынны; только в долинах виднеются белые жилища среди зелени виноградников и маслин. Мыс Malia обрывается голыми скалами, на уступе которых белеется одиночный домик. Другую – самую южную оконечность Мореи – мыс Матапан – проходили мы уже в темноту.

10/22-го июля. Среда. – На рассвете, обогнув мыс Галло, входим в узкий пролив, ведущий в знаменитую бухту Наваринскую*. Посланник наш имел в виду осмотреть построенный на берегу бухты** памятник над могилою убитых в*** славном бою 1827 года русских моряков²⁶. Бухта, не очень обширных размеров, окаймлена со всех сторон красивыми горами; вправо – на самом берегу – городок Неокаструм, на месте древнего Pilos; рядом с ним – каменные стены и башни прежней турецкой крепости. Слева бухта ограждена длинным, узким, скалистым островом Сфагия или Сфактерия, который оканчивается к югу странными, отвесными, как бы размытыми водой уступами. В образовании их заметны явные признаки землетрясений, часто постигающих здешние страны. На вершине южной оконечности острова возведен французами памятник, видный со всех сторон. Наш же русский памятник, устроенный в 1872 году адмиралом Басаргиным, отыскали мы, только вступив в самую бухту и увидев на одном из отвесных утесов берега надпись крупными белыми буквами «Черноморец». Выйдя тут на берег, поднялись мы по крутой тропинке к маленькой постройке, в которой устроена очень скромная греческая часовня, и возле нее нашли искомый памятник. Он состоит из гладкого камня, в форме параллелепипеда, огражденного железною решеткою и обсаженного кипарисами. На камне надпись гласит, кем и когда сооружен памятник... и только; о тех же, чьи кости погребены

---

* интересную, особенно для моряков.

** русский

*** знаменитом

ны тут – ни слова. Несмотря на недавнее сооружение, памятник уже теперь с изъянами, кое-как залепленными руками живущего тут же в будочке сторожа грека. Есть поблизости и другой более заметный памятник, неизвестно кем возведенный, но еще менее прочный: простой деревянный крест вставлен в груды набросанных камней. Стыдно было нам смотреть на эти ребяческие сооружения, сравнительно с красивым французским памятником. Посланник Ону выразил желание соорудить на более видном месте что-нибудь более приличное для русского имени; а пока капитан нашей канонерки приказал матросам обновить окраску решетки. Многие смельчаки, ловкие как козы, взобрались на отвесные скалы, еще выше надписи «Черноморец» и в свою очередь увековечили посещение свое Наваринской бухты новой надписью: «Уралец, 1891». Моряки наши воспользовались также случаем, чтобы запастись тут хорошою пресною водой. Пробыв на берегу часа три, мы снялись с якоря около 10 часов утра и по выходе из исторической бухты, снова поплыли по гладкой, синеватой поверхности моря, вдоль берегов Аркадийского (или Кипарисского) залива.

В 6-м часу вечера подходим к городу Занте, на острове того же имени; расположенный амфитеатром по берегу залива, он обгибает полукружием подошву крутой горы, на которой высится старинная крепость с почерневшими от времени стенами. К сожалению, густая мгла и дым какой-то фабрики застилают вид красивого городка и выглядывающих на заднем плане гор. На канонерку выезжает русский консульский агент Доминикини, местный житель, плохо говорящий по-французски, вовсе не знакомый с русским языком и притом, как вскоре оказалось, человек малоразвитый; не было возможности что-либо выведать от него даже относительно самого острова. Съезжаем на берег с капитаном и несколькими офицерами, чтобы воспользоваться вечернею свежестью и прокатиться по ближайшим от города окрестностям. Долго приходится искать экипажей: городок еще в возбужденном состоянии вследствие только что закончившихся выборов городского головы и членов муниципалитета. На площадке, пред новым большим зданием театра, расставленные у кофейной столики заняты группами обывателей. Город имеет вполне физиономию городов итальянских; вообще на Ионических островах заметны на всем следы продолжительного венецианского владычества²⁷.

---

* расстилавшийся

Дождавшись, наконец, трех экипажей в одиночку и разместившись в них по три в каждом, проезжаем чрез весь городок и по ближайшим его окрестностям. После дневного жара, вечер восхитительный; бывшая ранее мгла рассеялась. Страна прелестная: вся равнина, окаймленная со всех сторон горами, сплошь покрыта виноградниками, маслинами и разными южными растениями; есть и пальмы, но довольно тощие; изгороди из крупных кактусов и алоэ. Здесь преимущественно разведен коринфский виноград, из которого выделяется сладкое вино; но главный сбыт его в виде сухих ягод, известных у нас под именем коринки. Греки претендуют на нас за то, что Россия не потребляет их коринки в таких размерах, как, например, Англия, Голландия и другие страны. Вся внутренность острова составляет как бы сплошной сад, среди которого разбросаны виллы, фермы, а по скатам окрестных гор белеются большие селения. Кое-где на горах видны маленькие пространства, вспаханные под пшеницу и маис; но при всем трудолюбии народа, хлебопашество здесь не может прокормить населения, даже на 3 месяца в году. Хлеб привозится большею частию из России; зато вывозятся с Ионических островов оливковое масло, фрукты, в особенности* упомянутая выше «коринка». Кроме того, собственно Занте славится своим мылом.

Около 10 часов вечера возвратились мы на канонерку. Каюты показались нам крайне душными после свежего вечернего воздуха на острове. Вдобавок вода в порте заражена отвратительным зловонием.

11/23-го июля. Четверг. – Встали рано; в 6 часов утра сходим уже на берег, где встречает нас консул с экипажем. Проехав несколько верст по береговой, вновь устроенной хорошей дороге (к югу от города), возвращаемся по той же прекрасной равнине, которою любовались вчера, а затем въезжаем на самую вершину горы, где чернеют стены старой крепости. Укрепления ее ныне совсем заброшены; уцелевшие прежние строения обращены в тюрьму; но с высшей точки крепости открывается обширный, прекрасный вид на весь остров и далеко на море.

На возвратном пути к порту, сделали визит консулу; он живет в собственном доме, с двумя братьями и двумя незамужними, но и немолодыми сестрами. Все три брата Доминикини проводили нас

---

* мелкий сушеный виноград.

на канонерку, а в 11 часов мы снялись с якоря и пошли к северу, к острову Кефалонии.

Переход этот продолжается всего часа четыре с половиной. Море гладкое, ярко-синего цвета; жарко даже на палубе, под тентом. Проходя вдоль западного берега острова Кефалонии, любуемся густо разбросанными большими селениями и отдельными домами среди зелени садов и виноградников. Прибрежные высоты скрывают от наших глаз главный городок острова Аргостоли, расположенный на берегу маленькой, глубоко вдающейся вовнутрь острова бухточки. С моря не виден даже вход в эту бухточку до того момента, когда приходится уже круто поворотить судно вправо и почти назад, чтобы подойти к городу*. В бухточке находим английский крейсер «Phaethon»; лишь только наша канонерка бросила якорь, с крейсера выезжает к нам английский офицер с приветствием от командира. Позже оба командира английского крейсера и русской канонерки, по принятому обычаю, обменялись визитами. Многочисленные суда британского флота разбросаны по всем морям, так что во всех портах, куда ни попадешь, наверно встретишь английский военный флаг.

Немедленно по приходе нашем к Аргостоли, выехал для встречи посланника русский консул в Кефалонии Инглези. Он, так же, как и в Занте, из туземных богатых греков, хотя по имени должен быть происхождения английского и женат на англичанке. Но он жил долго в России, занимался коммерческими делами в Таганроге и Мариуполе, сколотил, по-видимому, порядочное состояние; говорит по-русски, хотя и плохо. Он несравненно развитее и дельнее зантского консула. Было около 5 часов вечера, когда мы сошли на берег; немедленно нашлись два хороших экипажа – большие четырехместные ландо, запряженные парой здоровых лошадей. В один уселись мы с Ону и консул, а в другой – командир канонерки с тремя офицерами. Выехав из маленького городка по берегу бухты (через которую англичанами построен длинный мост), продолжали путь по нижней дороге, проложенной англичанами же по долине, сплошь покрытой садами и виноградниками, с разбросанными среди них усадьбами и целыми селениями. И здесь так же, как на Занте, жители не щадили трудов для разработки каждого сколько-нибудь пригодного для культуры клочка земли; даже да-

---

* На полях подлинника Д.А. Милютин нарисовал схему бухточки и пунктиром обозначил заход в нее корабля. (Прим. публ.)

леко на вершинах гор видны небольшие вспаханные площадки. Впереди нашего пути, на вершине крутой горы, видны остатки старинных укреплений Св. Георгия, ныне заброшенных. Дорога постепенно поднимается на высоты, окаймляющие долину с юго-запада. Поворотя назад по этой верхней дороге, мы увидели слева морской берег. По гребню высот такое же население, такие же сады и виноградники, как и в долине. Уже в сумерки спустились в город, осмотрели на берегу то место, где устроена мельница, приводимая в движение морской водою. Кажется на вид будто вода из бухты течет по каналу под мельничное колесо вверх и будто потом исчезает неизвестно куда. Такое противоестественное явление указывается всем любопытным путешественникам как диковинка. Но, разумеется, ничего противоестественного тут нет: течение воды по каналу вверх только кажущееся, а исчезает вода в скважины береговых пород, состоящих из туфа, продырявленного, как губка.

После весьма короткого визита консулу и его жене, возвратились мы на канонерку и около 8 часов вечера снялись с якоря. Выйдя из бухты и пролива между мысом Св. Николая и маяком на острове Гвардиано, снова пошли плавно вдоль западного берега острова Кефалонии. Вечер великолепный; море гладкое, как зеркало, отражает восходящий месяц.

Бывшие за несколько дней ранее бурные выборы муниципалитета на острове Кефалонии не обошлись без нескольких убитых и раненых, так что правительством признаны недействительными и должны будут возобновиться по прошествии некоторого времени. В беспорядках этих обвиняют крайнюю демократическую партию, которой почему-то присвоено прозвище «ломбардов» и которую наши консула приравнивают к* русским нигилистам. Однако ж, по их же отзывам, вообще на Ионических островах население благоденствует; здесь почти нет нищеты. Верю тому, видя просторные двух- и трехэтажные дома здешних деревень и отдельных ферм; благообразный вид жилищ, одежды и всей обстановки здешнего населения. Еще бросается в глаза множество церквей как в городах, так и в селениях. Постройка их большею частию относится ко временам владычества здесь венецианцев, которые со своею тонкою политикой, оказывали всячески покровительство восточному вероисповеданию и систематически воздерживались

---

* к нашим нигилистам.

О. Корфу

от католической пропаганды. Той же политике следовали потом и англичане. Однако ж влияние католицизма выразилось в самой архитектуре церквей, которых внутреннее устройство, с плоскими, вызолоченными и расписанными потолками напоминает церкви итальянские, стиля «ренессанс». Вдоль стен устроены сидалища с перегородками, что также несвойственно восточному церковному обычаю.

Сегодня день Св. Ольги. Посланник Ону и командир канонерки Моллас оба отправили еще утром, из Занте, поздравительные телеграммы королеве эллинов, которая чрезвычайно благоволит русским морякам и даже балует их. Впрочем, не одни только наши моряки и русские, живущие в Греции, с восхищением говорят о королеве, но и в греческом народе она чрезвычайно популярна. Многие из греков благоговеют пред нею и называют святою женщиной. Греция обязана ей многими благотворительными учреждениями**.

12/24-го июля. Пятница. – Рано утром выхожу на палубу. Гладкая поверхность воды; еще свежо. Вправо – видны явственно гористые берега Эпира, большею частью оголенные и пустынные;

---

* даже

** Вспомнил и я именины моей Ольги.

слева – берега острова Корфу, также гористые, но гораздо более богатые растительностью и признаками населенности. Почти до самых вершин гор на острове, среди зелени, белеют селения и отдельные жилища. Около 9 часов утра подходим к самому городу Корфу. Уже издали старая цитадель его, расположенная в несколько ярусов, на выдающейся скале над самым морем, производит внушительное впечатление. Теперь она разоружена и не имеет во все военного значения. Самый город, некогда также обнесенный здоровыми каменными стенами с бастионами и канонирами, ныне разрастается из-за этой тесной ограды. О нем я уже писал в своем дневнике 1889 года. Скажу только, что с тех пор прибавилось несколько построек в новых кварталах с южной стороны старого города и закончены производившиеся тогда работы по устройству тут же эспланады, бульвара и прибрежной дороги, ведущей к загородному королевскому дворцу «Mon heros»*. На этот раз меня преимущественно интересовали окрестности города, по общему отзыву, чрезвычайно живописные и богатые растительностью. Посланник Ону также очень желал познакомиться с островом, кажется, в чаянии со временем переселить сюда свою семью на летнее время. К тому же и капитан наш заявил, что ему необходимо простоять в Корфу дня два, чтобы запастись углем, разными припасами и, кстати, почиститься.

По заведенному порядку, лишь только канонерка наша стала на якорь, подплыл к ней наш консул Маркетти (Marchetti) – богатый местный землевладелец, бывавший не раз в России, человек весьма порядочный и дельный. М.К. Ону обрадован врученною ему, из Петербурга, так давно ожидаемую телеграммою, с разрешением отпуска во Францию. Только теперь он успокоен и доволен. Немедленно съезжаем на берег; у пристани уже готов нарядный ландо, в котором и покатали мы втроем по улицам города, а потом и за город, по береговой дороге, о которой уже упомянуто мною, к королевскому дворцу «Mon heros», верстах в трех от города. Дворец этот служил в прежнее время летнею резиденцией английского генерал-губернатора, а после присоединения Ионических островов к Греческому королевству²⁸, принесен городом в дар королю, который и проводил здесь летние месяцы несколько лет сряду, пока не устроил себе загородного пребывания в Татое. С тех же пор король Георг уже перестал приезжать в Корфу, к не-

---

* Mon heros – мой покой, мое отдохновение (фр.)

удовольствию корфиотов. Самый дворец не представляет ничего замечательного; но вид с балкона его великолепный; окружающий его сад богат роскошною южною растительностью. Здесь, как и в некоторых других частных садах, прекрасные экземпляры пальм, разные сорта экалиптуса*, бананы; не говорю уже о кактусах, апельсиновых и лимонных деревьях**.

Несмотря на наступивший уже дневной зной, мы продолжили прогулку до возвышенной площадки, называемой «Саппопе», откуда открывается прелестный вид на маленький морской залив Каликлопуло, при входе в который торчит над поверхностью воды так называемая скала Улиса – живописный островок, с монастырем, осененным группою кипарисов. С площадки виден вдали новый дворец, выстроенный австро-венгерскою императрицею Елизаветой, эксцентричною женщиной, положившей уже несколько миллионов на эту затею. Налюбовавшись живописным видом, возвратились мы в город по другой дороге, чрез сплошной сад, мимо нескольких вилл. По словам консула, здесь почти не бывает зимы; термометр редко спускается ниже нуля***.

По возвращении в город консул пригласил нас к завтраку, познакомил с женой своей, рожденной Ралли, но воспитанной в Англии****. Приглашен также и капитан Моллас, завтрак был на славу*****. Предполагалось в тот же день совершить вечером более дальнюю прогулку. Поэтому консул пригласил нас остаться у него в доме, и каждому из гостей отведена была комната для отдохновения. Как во всех южных странах, здесь в обычае – спать после завтрака, в жаркие часы дня. Однако ж мы с капитаном не последовали общему обычаю, и все время провели вдвоем в разговоре.

К 5 часам вечера, как было условлено, съехались к консулу***** еще несколько офицеров с канонерки, и все мы отправились, в трех экипажах, по прекрасной дороге, в северо-западную часть острова, верст за 10 или 12 от города. И здесь мы восхищались общим видом довольства и благосостояния; сплошь тянутся по скатам гор вино-

---

* Имеется в виду экалитт. (Прим. публ.)

** Погуляв немного по этому прекрасному саду

*** и никогда не бывает мороз [больше] 2° Реомюра.

**** она не красива, но симпатична.

***** с разными винами и фруктами.

***** кроме нас троих

градники, маслины, другие фруктовые деревья; в разных местах видны большие, хорошо обстроенные селения. Один недостаток – в проточной воде; жители большею частью довольствуются колодезной водою. На острове Корфу нет коринфского сорта винограда, а разведены другие сорта, из которых выделяется вино красное и белое, закупаемое большею частию заграничными виноделами для переделки. Выдерживают вино только некоторые землевладельцы в небольшом количестве для собственного употребления. Здешнее вино имеет вкус и запах смолистые; но консул угощал нас своим красным вином, выдержанным 10 лет, и без означенной примеси: оно совершенно напомнило мне наше саперави. Замечу, что в здешних странах виноградники имеют совсем иной вид, чем наши: кусты посажены не рядами, а почти вплотную; ни кольев, ни других подпорок – не употребляют, так как кустам не дают расти высоко. Местные хозяева убеждены в том, что такая система дает больший сбор, чем наша; однако ж проверить это мнение не нашел я возможным, так как никаких цифровых данных не приводят.

Доехав до одной небольшой деревушки (все-таки с каменными домами в несколько этажей), взобрались мы на вершину холма, с которого открылся обширный вид на всю северную часть острова и на омывающее его с обеих сторон море. Среди горных кряжей, видим довольно обширное пространство совершенно гладкое, горизонтальное, как будто заплывшее озеро, ныне покрытое сплошь виноградниками и садами.

Возвратились мы в город в 9-м часу вечера. Посланник пригласил все общество к обеду в здешней лучшей гостинице «St. George», а затем все мы возвратились на канонерку. Нагрузка угля была уже окончена; но предстоит на завтрашний субботний день общее мытье всего судна.

13/25-го июля. Суббота*. – Посланник и командир канонерки с утра сошли на берег, чтобы сделать в городе несколько визитов; предполагавшаяся дальняя прогулка, с общего согласия, была отменена; и я также сошел на берег, чтобы не мешать усиленной чистке судна. В тенистой аллее эспланады провел я большую часть утра до часа завтрака. Сегодня в Корфу празднуется местный святой Спиридоний; еще со вчерашнего вечера началось

---

* Предназначавшаяся на нынешний день дальняя поездка опять в северную часть острова потребовала бы слишком много времени, и потому пришлось бы возвращаться в самое жаркое время дня.

чествование его: когда мы возвращались с нашей прогулки, улица, по которой пришлось нам въехать в город, была иллюминирована разноцветными фонарями; в церкви, посвященной святому, совершалась торжественная вечерняя служба. Сегодня утром также торжественная служба в соборе, где покоятся мощи угодника.

К завтраку опять были мы приглашены к консулу; к обеду же консул и его жена были приглашены капитаном на канонерку. Моряки с привычною им ловкостью и смышленностию, пользуясь электрическим освещением судна, устроили весьма удачно обеденный стол на палубе, и судовой повар (по морскому техническому языку – «кок») приложил все свое старание и умение, чтобы угостить консула приличным обедом. Вечер прекрасный; темное небо испещрено яркими звездами. Около 11 часов гости простились с нами и уехали.

14/26-го июля. Воскресенье. – До сих пор не могли мы хвалиться счастливым плаванием; зато сегодня море напомнило нам, что не всегда оно так балует пловцов. Снявшись с якоря около 6 часов утра, мы шли сначала совершенно спокойно вдоль восточного берега острова Корфу; но лишь только обогнули его южную оконечность и, оставив влево островок Паксос, вышли из ряда островов в открытое море, началась чувствительная зыбь при северо-западном ветре. Чем далее подвигались мы наперез Адриатического моря, тем более усиливалось волнение; качка была так сильна, что укачало не только посланника и меня, но и некоторых моряков*. Я пролежал весь день, хотя к вечеру волнение начало стихать по мере того, как мы выходили из адриатических вод, под прикрытие берегов Калабрии.

15/27-го июля. Понедельник. – К рассвету мы увидели прямо пред собою гористый берег. Капитан недоумевал, где именно мы находимся, предполагая, что течение морское могло отнести нас южнее взятого направления и что в таком случае пред нами мог оказаться уже восточный берег Сицилии. Приостановив ход судна, моряки взяли за секстант, чтобы астрономически определить место. Оказалось, что пред нами еще берег Калабрии, около мыса Стилло, а потому пришлось взять направление почти к югу, чтобы обогнуть мыс Spartivento. Моряки приписывали свое недоумение тому обстоятельству, что один из показанных на морской карте маяков перенесен на новое место. Потерянное время

---

* как матросов, так и офицеров.

капитан надеялся наверстать усилением хода судна. Мы пошли уже со скоростью 11 узлов в час. К общей радости нашей, море совсем успокоилось; ни следа вчерашней трепки. В течение утра производилось экипажу учение артиллерийское; показывали мне расположение зарядных погребков, устройство торпед, исправление девиации магнитной стрелки*.

В первом часу дня обогнули мыс Спартивенто и взяли направление на север в Месинский пролив. Мне приятно было опять увидеть знакомые уже местности. Не знаю почему, они на этот раз не произвели на меня такого же впечатления, как за два года назад. При входе в пролив и потом при выходе из него встретили мы несколько судов итальянского флота; по-видимому, происходили морские маневры. Итальянцы очень кичатся своими грозными броненосцами; но моряки наши невысокого мнения о достоинстве и умелости их флота. Порт Месинский сильно укрепляется; с моря видны многие батареи, уже вооруженные. Два года тому назад их не было.

При выходе из Месинского пролива прошли мы то место, которому древние придавали какое-то страшное значение – между Сцилой и Харибдой²⁹. В сущности – Сцила – есть просто один из мысов Калабрийского берега, с красивым городком, расположенным амфитеатром; а Харибда – ни что иное, как водоворот, происходящий от встречи двух противоположных течений: одного из пролива в Тирренское море, другого обратного из этого моря в пролив. Влево видны силуэты островов Липарских и между ними особенно рельефно обрисовывался на ярко-красном фоне вечерней зари правильный конус вулканического островка Стромболи. Прошли мы очень близко от него, так что могли ясно разглядеть окаймляющие его подошву деревеньки и отдельные жилища. Замечательна беззаботная неустрашимость населения, гнездящегося у подошвы вулкана, без всякой возможности спасения в случае беды. Стромболи – вулкан не потухший; деятельность его продолжается и ныне, хотя с промежутками. Приближаясь к нему с юга, еще засветло, мы видели на вершине только редкий, едва заметный дымок, но пройдя несколько севернее островка, уже с наступлением темноты, замечали по временам совершенно явственно огненные вспышки из отверстия, образо-

---

* компаса, и т. д.

Неаполь

вавшего на северном склоне волкана, немного ниже вершины конуса. При некоторых вспышках заметна была светлая полоска вытекавшей лавы, доходившей до самого берега и угасавшей в море. Это было зрелище чрезвычайно любопытное и совершенно неожиданное.

Вечер прекрасный; море гладкое; матросы распевают песни на палубе, а некоторые пустились в пляску, несмотря на тяжелую в течение дня работу. В 8 часов бьют зорю³⁰; команда выстраивается на палубе; раздается стройное пение молитвы. Кругом нас все утихает; слышны только всплески воды под винтами судна. Не хочется спускаться в душную каюту.

16/28-го июля. Вторник. Неаполь. – Большую часть ночи провел без сна, вероятно, от духоты, притом весь искусан мустиками. Около 8 часов утра проходим между мысом Соренто и островом Капри. Утренняя мгла заволакивает как бы дымкою восхитительные берега залива Неаполитанского. Над вершиной Везувия густое облако дыма; но извержения лавы, о которых так недавно писали в газетах, по-видимому, прекратились. Около 11 часов входим в порт. «Уралец» становится кормою к молу, рядом с итальянскими военными судами. Прощаемся с нашими любезными

моряками*. «Уралец» простоит в Неаполе дней десять или более, а потом пойдет к Мессине и Мальте. Посланник Ону решается, не останавливаясь в Неаполе, продолжать путь по железной дороге прямо до Парижа, в нетерпеливом желании скорее свидеться со своею семьей. Мы вместе сходим на берег, миновав таможенные формальности, благодаря рекомендации нашего афинского приятеля Fe d'Ostiani. Тут на пристани распростился я с моим любезным спутником, в надежде снова встретиться в Патрасе или в Афинах в исходе октября. Он направился прямо на станцию железной дороги, а я к тому же отелю Vesuvio (Hôtel du Vesuve), где останавливался два года назад.

Едва успел я** расположиться в своем номере, как уже посетили меня капитан Моллас и с ним здешний наш генеральный консул Антон Адамович Сержпутовский, родной брат бывшего адъютанта моего, ныне отставного генерала***. Несмотря на свое утомление после бессонной ночи, я пошел ходить по городу до наступления обеденного времени в отеле****, а после обеда, часу в 10-м вечера, пред сном, еще раз прошелся по villa Nationale, где играла военная музыка.

После двенадцати дней, проведенных мною в приятном сообществе с почтенным Михаилом Константиновичем Ону и с любезными нашими моряками, вот я снова остаюсь в одиночестве, среди иностранцев. В этот первый вечер уединения обдумываю дальнейший свой маршрут. До предположенного мною путешествия в Испанию остается в моем распоряжении еще более шести недель. В течение этого времени считаю полезным побывать хотя несколько дней в Париже, с тем, чтобы там, с помощью любезного барона Фредерикса, получить от французского военного министра необходимые разрешения и рекомендации для задуманной мною поездки в Алжир и Тунис; а раз, что я буду в Париже, является вопрос: не придется ли отступить от составленного мною предварительного плана путешествия, и взамен предполагавшихся странствований, в жаркое время года, по берегам Средиземного

---

* с выражением: до свидания.

** справиться со своим туалетом

*** Приехали также в отель муж и жена Бергель с намерением переместиться сюда же из какого-то другого плохого отеля, куда попала madame Berger, приехавшая только вчера вечером через Патрас и Бриндизи.

**** (в 7¹/₂ часов вечера): прошелся по villa Nationale, заходил в некоторые магазины для закупок.

моря, употребить означенные шесть, семь недель на экскурсию к северу – в Англию или Голландию. На этом соображении и останавливаюсь. Во всяком случае отсюда, из Неаполя, направляюсь кратчайшим путем в Париж, с одною только остановкою, дня на два, в Риме.

17/29-го июля. Среда. – Опять бессонная ночь, опять и еще пуще проклятые мустики и комары, а вдобавок адский шум под моими окнами на набережной от непрерывно проезжающих экипажей и нагруженных двухколесных возов. Особенно невыносим обычный здесь крик возниц и погонщиков для понукания ослов, этот протяжный, гнусливый возглас а-а-а*.

В 8 часов утра, по своему обыкновению, пошел я бродить по городу. Очень обрадован найденною на почте телеграммою жены. Большую часть утра провел в музее; каждый раз вижу его с новым удовольствием³¹. Отдал визит консулу. Обедал за общим столом в отеле.

18/30-го июля. Четверг. – Поездка на остров Исхию. Пароход «Саргі» отходит от пристани Immaculatella в 9 часов утра. Довольно сильная качка; многих дам и даже некоторых мужчин укачало. Проходим мимо острова Прочида, в близком расстоянии; островок этот, в особенности же расположенный на северной его оконечности городок – очень живописны**. Около 11 часов подходим к городку Исхиа, расположенному у подошвы характерного выдающегося из моря утеса, на котором высится старинная крепостца. Выпустив на берег некоторых пассажиров и забрав других из городка, пароход продолжает путь вдоль северного берега острова, до небольшой бухты против лежащего на высотах городка Casamicciola. На острове Исхии, так же, как и на Прочиде, повсюду разбросаны виллы, в которых проводят лето множество иностранцев и жителей Неаполя. Меня же преимущественно интересовало видеть следы бедствия, постигшего Исхию в 1883 году от страшного землетрясения. Тогда весь город Казамиччиола и окрестные жилища были совершенно разрушены; в развалинах погибло несколько тысяч человек как местных жителей, так и временных жильцов. Ныне, по прошествии 8 лет, много домов уже

---

* выводит меня из терпения. К тому же бессонница совсем для меня непривычна.

** На обоих островах проводят лето многие из жителей Неаполя и иностранцы.

вновь выстроено, как в прибрежной, нижней части городка, так и на высотах; однако ж повсюду видны еще развалины. Большие, живописно расположенные строения, служившие прежде гостиницами, остаются в разрушенном виде. Других следов сотрясения почвы не заметно; вся местность почти до вершины гор внутри острова сплошь покрыта зеленою растительностью.

Объехав в маленьком экипаже, в одиночку, полуразрушенный верхний городок, я закончил эту прогулку в одном из ресторанов или маленьких гостиниц, в которых приезжие находят приют. Избранный мною ресторан на высоте, над самою пристанью, носит древнее имя острова Исхии – Pithecusa. Гостеприимный хозяин угостил меня завтраком; оставалось еще часа два до отхода парохода обратно в Неаполь. Время это я провел на террасе ресторана, любясь прекрасным видом – в одну сторону на высокую вулканическую гору Monte Ercolano, возвышающуюся в середине острова, с остроконечными шпицами на вершине; с другой – на море и утопающие во мгле берега Неаполитанского залива.

В 3¹/₂ часа пароход «Cargi» выступил обратно к городку Исхиа и потом к Неаполю. Палуба парохода была набита битком, так что некоторым из севших в Исхии пассажирам не достало места. Несмотря на то, все были довольны и веселы, пока мы шли вдоль берега острова слышались непрерывные шутки и смех. Итальянцы в своем обществе самый добродушный и веселый народ; очень словоохотливы, скоро знакомятся между собой. Но лишь только пароход повернул на север, по прямому направлению на Неаполь, опять началась качка; мало-помалу говор и смех умолкли; многих дам опять укачало.

В 5¹/₂ часов пароход причалил к тому же месту Неаполитанской гавани, откуда вышел утром. Оставалось до обеда еще часа два. Чувствуя потребность размять ноги, после продолжительного сидения на пароходе, пошел я бродить по городу и на этот раз попал в самые грязные, вонючие улицы старого Неаполя, гнездо прежних лазарони³². Горячка перестройки города пока не коснулась еще этого невзрачного квартала. Однако ж и здесь в некоторых улицах уже строятся новые дома общеевропейского типа, в 6 и 7 этажей. По всем вероятностям, эта прогулка моя по Неаполю уже последняя. Завтра утром покину этот дивный город. Признаться, тороплюсь уехать от жары и мустик.

Во время обеда за общим столом, приходил капитан Моллас, чтобы еще раз проститься со мной.

19/31-го июля. Пятница. Рим. – Переезд из Неаполя в Рим; всего $5\frac{1}{2}$ часов пути*. С завистью смотрю на чудную страну; это – сплошной сад: виноградники, маслины, фруктовые деревья. Тут и там виднеются на высотах селения, городки, старинные башни.

В Риме остановился я в той же гостинице на Corso: «Hôtel de Rome», в которой проживал в 1889 году. Нашел ее в перестройке и почти пустую; но для меня нашлась очень комфортабельная комната. Лишь только спал зной дневной, пошел я ходить по городу: по Corso, go Piazza di Venezia, к Капитолию, на древний Форум, Колизей, Форум Траяна³³. Все это знакомо, и тем не менее радостно еще раз бросить взгляд на эти почтенные останки.

Обедал за общим столом в гостинице, в немногочисленном обществе**, и остаюсь на весь вечер дома. Чувствую большое утомление, вероятно, вследствие нескольких ночей, проведенных почти без сна.

20-го июля / 1-го августа. Суббота. – В 9-м часу утра отправился в базилику Св. Петра³⁴, пробыл там довольно долго, в ожидании часа открытия галерей Ватикана (в 10 часов). В базилике застал церковную службу, с органом и пением. С новым наслаждением любовался внутренностью храма. Затем с 10 часов до 1 часа пополудни ходил по галереям, останавливаясь лишь на предметах, наиболее выдающихся. Приятно освежить в памяти прежние впечатления.

Для входа в галереи Ватикана ныне установлен несколько новый порядок: предварительного разрешения не требуется, а взамен того взимается при входе по одному франку: это гораздо практичнее и для самих посетителей удобнее. Но по субботам – вход бесплатный и я случайно попал именно в такой день.

На пути заходил в русское посольство; узнал, что наш посол А.Е. Влангали проводит лето в Castel Gandolfo³⁵. Это упрощает мои планы. Решаюсь не оставаться долее в Риме и завтра же еду прямо в Париж.

22-го июля / 3-го августа. Понедельник. Париж. – Вчера в 8 часов утра выехал из Рима прямым поездом в Париж. В первый раз со времени моего выезда из Константинополя погода пасмурная. Чем далее на север, тем прохладнее; накрапывает дождь. Густые облака заволокли живописные горы Ривьеры. В 11-м часу

---

* (8 часов 50 минут утра – 2 часа 24 минуты пополудни).

** за столом всего 9 человек

вечера в Турине пересадка в другие вагоны. К сожалению, переезд чрез Mont Cenis в ночное время. Впрочем, вся дорога мне уже известна и нового ничего не могу сказать. Повторю только замеченное мною два года назад, что итальянские железные дороги уже не заслуживают прежних упреков в неаккуратности и халатной эксплуатации; напротив того, поезд «expresso» идет с примерною исправностию и быстротой (более 40 верст в час). От Турина до самого Парижа ехал я, не переменив вагона и большую частью только вдвоем или втроем с другими спутниками. Ночью, в Модане на французской границе, таможенный осмотр; у меня взглянули только на ручной багаж; чемодан же запломбировали для осмотра в самом Париже; но и там осмотр очень поверхностный, в виде одной формальности. Несмотря на пасмурную и даже дождливую погоду, страна на всем пути в пределах Франции производит приятное впечатление.

В Париж въехал я сегодня в 5 часов 40 минут пополудни под проливным дождем. Прямо с вокзала заехал на почту*, где нашел несколько писем. Остановился здесь, по рекомендации сына, в Hôtel des îles britanniques – небольшой гостинице в Rue de la Paix. Хозяйева ее выказывают особенное расположение к русским жильцам**; мне отвели две крошечные, но уютные комнатки; гостиница скромная, спокойная; немногочисленная прислуга очень внимательна и радушна.

Несмотря на утомительность быстрого, безостановочного переезда, я в тот же вечер посетил барона и баронессу Фредерикс, которые приняли меня с обычным своим радушием. Надеюсь получить от них полезные указания и возможные облегчения в предстоящих мне странствованиях***.

23-го июля / 4-го августа. Вторник. – Почти весь день провел на парижский лад, т. е. на улице: встал поздно, оставался дома до

---

* где к удовольствию <обрадован был> нашел три письма: от жены (еще из Крыма, с вложением письма А.И. Лаврентьева) и двух дочерей – Лизы и Нади.

** в чем и я удостоверился с первого же шага под их гостеприимный кров.

*** Из разговоров с ними уже получил некоторые данные для составления моего дальнейшего плана путешествия. Начинаю задумывать поездку в Лондон и Голландию в течение августа месяца, пока еще рано ехать в Испанию. Познакомился у них с одним <новым> священником здешней русской церкви о. Рождественским. Возвратился домой пешком, уже в 1 час ночи. Чувствую потребность размять ноги после продолжительного сидения в вагоне.

первого часа, завтракал у Фредериксов, ходил с ними в Champs Elusées смотреть Русскую азиатскую выставку (Мозера)³⁶ и там же панораму Ахульго³⁷. Выставка интересна для французов; панорама же изображает довольно типично дагестанский аул, атакованный русскими войсками; но почему приставлено тут название Ахульго, трудно объяснить: на Ахульго ничего нет похожего.

Расставшись с моими любезными спутниками, пошел я в книжные лавки искать путеводителей и карт для предстоящих мне путешествий*. Отобедав** в одном из ресторанов на Boulevard des Italiens***, провел вечер дома, чтобы заняться составлением маршрута предстоящих путешествий моих в Англию, Бельгию и Голландию.

24-го июля / 5-го августа. Среда. – Погода продолжает быть ненастной и холодной; вчера вечером, как говорят, термометр понизился до 8° Реомюра. После жаров, перенесенных мною на юге, здесь я просто зябну. Все утро бродил по городу; взобрался на вершину Монмартра, чтобы взглянуть на пресловутый новый храм «du Sacré coeur»³⁹. Постройка эта огромных размеров, но, на мой взгляд, неудачна в архитектурном отношении. Впрочем, она еще не закончена.

Возле нового храма панорама Иерусалима: работа не очень искусная и требуемой от панорамы оптической иллюзии не производит.

Обедал у Фредериксов и после обеда слушал с бароном оперу «Фауст».

25-го июля / 6-го августа. Четверг. – Завтракал у Фредериксов; потом ходил по разным частям города, по временам под дождем****.

26-го июля / 7-го августа. Пятница. – Утром – в банке Ротшильда; закупки, справки; визит госпоже Скрыпицыной. Обедал у Фредериксов, с артиллерийским генералом Чагиным, командированным в Париж по делу о заказе новых ружей французскому

---

* Приобрел несколько книжек Бедекера и, кроме того, изданный вновь Nachette'ом прекрасный географический атлас³⁸.

** около 8 часов вечера

*** еще посидел пред одним из бесчисленных cafés на бульварах и возвратился домой около 9 часов вечера. Тут только приступил к работе составления своего плана дальнейших путешествий.

**** Заходил на почту, нашел письмо от Оли. Для составления плана дальнейших моих странствований уже подобрано достаточное количество данных.

оружейному заводу. Барон Фредерикс и Чагин, вместе с юристом Барковским, разрабатывают контракт; встречают много затруднений, чтобы уладить дело.

Вечером пришли к Фредериксам генерал Рудановский и французский инженер Lallemand, много путешествовавший и только что возвратившийся из Закаспийского края; очень любезный и разговорчивый молодой человек. От него получил я некоторые полезные указания для предстоящих мне путешествий по Испании и Алжирии. С Рудановским приятно было мне свидеться, он также собирается в Лондон, где находится один из его сыновей – синолог**.

27-го июля / 8-го августа. Суббота. – Покончил все свои дела в Париже; маршрут дальнейших моих странствований готов; мог бы завтра же выехать отсюда, но приглашение Елизаветы Валерьевны Скрипицыной к обеду заставляет отложить отъезд до понедельника.

Сделал визиты Чагину и Рудановскому. Обедал у Фредериксов. Вечером у них познакомился с нашим советником посольства Коцебу и германским военным агентом.

28-го июля / 9-го августа. Воскресенье. – Утром писал письма. Пред обедом ездил с баронессой В.А. Фредерикс в Bois de Boulogne⁴⁰, чтобы навестить графиню Зинаиду Николаевну Сумарокову-Эльстон, которая только что лишилась отца (князя Н.Б. Юсупова) и приехала сюда к своей бабушке m-me Chevau. Несмотря на серую и свежую погоду, в Булонском лесу много гуляющих; прекрасный этот парк содержится отлично.

Обедал у Елизаветы Валерьевны Скрипицыной вместе с Фредериксами. Живет она совсем одиноко, на положении старой девы, в отдаленной части города; зато занимает отдельный домик с садом, что в Париже большая редкость и считается роскошью. Тесное жилище ее убрано комфортабельно; обед безупречный; беседа оживленная до 12 часов ночи.

Распростился я с гостеприимною хозяйкой и с Фредериксами; завтра покидаю Париж.

29-го июля / 10-го августа. Понедельник. Лондон***. – Приехав в 11 часов утра на вокзал северной железной дороги, встре-

---

* окончательно

** Возвратился домой уже в час ночи.

*** Переезд из Парижа в Лондон. Менее 8 часов пути (11 часов 30 минут утра – 7 часов 15 минут вечера).

тил, к большому моему удовольствию, генерала Рудановского, едущего в Лондон в одном со мною поезде. Хотя он не говорит по-английски также, как и я, однако ж можно надеяться, что нам обоим окажет большую помощь в Лондоне живущий там молодой Рудановский, изучающий китайский язык и говорящий свободно по-английски.

Погода по-прежнему пасмурная; по временам дождь. Переезд морем из Кале в Дувр неприятен; некоторых пассажиров укачало. Зато переезд из Дувра в Лондон чрезвычайно занимателен. Поезд несется с быстротою 80 километров в час; все, что видишь на пути, совсем не походит на знакомое на континенте: это обширный, прекрасный парк; везде яркая зелень; волнистая местность; в городах и селениях своеобразная архитектура. Самый въезд в предместья Лондона – поразителен. С обеих сторон железной дороги безграничная масса темных, закопченных домов и фабрик с бесчисленными трубами*; переезжая Темзу, видишь сквозь дым и вечерний туман выдающиеся над бесконечною линией городских зданий слева – высокую башню Вестминстера, справа – купол Св. Павла⁴¹. Странное впечатление производит Лондон на приезжего: он подавляет своею громадностью и в то же время наводит уныние своим темным колоритом, своею дымною неприглядною атмосферой.

Весь переезд из Парижа в Лондон продолжается всего 8 часов: изумительная быстрота. Прибыв на станцию Charing-Cross (всех железнодорожных станций в Лондоне 15), мы с Рудановским намеревались поселиться в большой гостинице, Charing-Cross-Hotel, прилежащей к самому вокзалу; но в ней не нашлось ни одной свободной комнаты и мы должны были искать другое пристанище; водворились в Hotel Victoria** – одной из первоклассных гостиниц Лондона. Помещены мы плохо, в 3-м этаже (по-нашему в 4-м); на каждом шагу незнание местного языка ставит нас в затруднение. Однако ж появление сына Рудановского вскоре вывело нас из этого неудобства. Это премилый молодой человек.

30-го июля / 11-го августа. Вторник. – Первый день пребывания в Лондоне посвящен западной части города (West-end и South-Western); втроем с Рудановскими, отцом и сыном, обошли мы лучшие и многолюднейшие улицы: Trafalgar square, Regent-Street,

---

* вся эта черная масса построек утопает в облаке дыма и вечернего тумана

** одной из самых больших и роскошных гостиниц.

Pall Mall, Piccadilly, Quadrant, Oxford-Street; парки – Green-Park, St. James-Park и Hyde-Park, попутно осматривали замечательнейшие здания и памятники; но большую часть времени употребили на осмотр Кенсингтонского музея (South-Kensington Museum). Это весьма замечательное хранилище огромного количества самых разнообразных предметов, размещенных в громадном здании и в нескольких еще отдельных павильонах. В особенности богат отдел Индии. Любопытны сохранившиеся первообразы великих изобретений: первая паровая машина Уатта, первый локомотив, первый ткацкий станок, первый телеграфный аппарат, и проч. Жаль, что некоторые из помещений не соответствуют высокому назначению своему, походя на временные бараки. Вероятно, со временем они будут заменены новыми постройками.

В продолжение почти девяти часов были мы в непрерывном движении и возвратились в свой отель только в исходе 7-го часа вечера, прямо к обеду. Припоминая впечатление, которое Лондон произвел на меня в первое мое посещение, ровно пятьдесят лет назад, я не замечаю пока значительного изменения ни в наружном виде города, ни в быте его населения⁴². Впрочем, высказывать теперь какие-либо общие заключения было бы преждевременно.

31-го июля / 12-го августа. Среда. – Сегодня большую часть утра употребили на осмотр Британского музея (British Museum). Хранилище это особенно замечательно богатым и редким собранием остатков древнего искусства, бессовестно вывезенных англичанами из Египта, Греции, Малой Азии. Здесь более чем где-либо собрано древностей, добытых из раскопок Древней Ассирии, Вавилона, Ниневии, и друг. Для археолога и антиквария это – собрание неоцененных сокровищ. Между прочим, здесь хранятся драгоценнейшие обломки афинского Акрополя⁴³. Любопытен также отдел манускриптов и первопечатных книг.

После осмотра музея, пошли мы в Regent-park, самый красивый из всех лондонских парков. Сегодня погода прояснилась и потому в парке так же, как и на улицах, более народа, чем вчера; город показался нам более оживленным. Закончили прогулку осмотром в Regent-park'e Зоологического отдела. По аллеям сада, среди гуляющей публики, чинно расхаживают слоны, на которых катаются дети и дамы.

1/13-го августа. Четверг. – Весь день провел в Cristal Palace⁴⁴, где по четвергам бывают музыка, иллюминация, фейерверк и всякие другие удовольствия для съезжающейся туда лондонской публики. Я поехал туда именно в такой день собственно в угоду

моему спутнику Рудановскому. До станции «Victoria», откуда отходит поезд железной дороги, доехали мы подземным путем, чтобы испытать все существующие в этом громадном городе способы сообщения. От станции же «Victoria» поезд идет ровно час до Cristal Palace, куда приехали мы около полудня. Более четырех часов употребили на осмотр любопытных предметов, сохранившихся от Первой всемирной лондонской выставки внутри обширного стеклянного здания; а затем гуляли по прекрасному саду, на всем пространстве которого разбросаны всякого рода забавы для публики: катальные горы, качели, лодки на озере, и т. д., и т. д. Пользуются этими забавами не только дети, но и взрослые. Катальные горы, хотя и известны за границею под названием «Русских», устраиваются однако же здесь совсем иначе, чем у нас, и надобно признаться, гораздо остроумнее. Другого рода катание устроено по канату, протянутому на значительной высоте над озером.

Нагулявшись и насмотревшись досыта, мы пообедали в одном из многочисленных ресторанов и лишь только началась иллюминация, поспешили на станцию железной дороги, чтоб избежать наплыва толпы для возвращения в город.

Хрустальный дворец, в настоящем его виде, имеет значение не столько музея, сколько народного образовательного пособия и вместе с тем загородного увеселительного места для лондонской публики средней руки.

2/14-го августа. Пятница. – Два новые знакомства: с молодым секретарем здешнего посольства Сергеем Дмитриевичем Сазоновым и причетником здешней Русской церкви Веселовским. Оба предлагают свои услуги для облегчения нам осмотра Лондона: первый – вследствие письма Варвары Андреевны Фредерикс, а второй – по знакомству своему с молодым Рудановским. С Сазоновым сговорились мы на завтрашний день, а Веселовский вызвался провожать нас сегодня же в прогулке нашей по City.

На этот раз мы осмотрели церковь Св. Павла, лондонскую «башню» (Tower)⁴⁵ и замечательнейшие здания центральной части города, в том числе выстроенное в недавнее время, в готическом стиле, великолепное здание высшего Королевского суда. В этой центральной части города нашел я большую перемену против того, что осталось у меня в памяти от первого посещения Лондона за пятьдесят лет назад: выросли новые строения громадных размеров, размножились нарядные магазины (которых в старину почти не было в улицах City), вообще, гораздо больше движения,

С.Д. Сазонов

более жизни. В известные часы дня трудно пробраться по Странду сквозь густую, движущуюся массу пешеходов и экипажей.

Расставшись с нашим сісегопе у Лондонской биржи, мы прошли по грязным улицам, примыкающим к порту, и возвратились к Лондонскому мосту (London bridge), сели тут на пароход, на котором спустились по Темзе до Гринвича, чтобы составить себе понятие о том, что называется Лондонским портом и доками. Выйдя на берег в Гринвиче, обошли часть его парка, поднялись к знаменитой его обсерватории⁴⁶, с которой открывается обширный вид на Лондон и на нижнее течение Темзы. К сожалению, густая, серая мгла, в которой тонет Лондон со всею окрестною страной, не позволяет разглядеть что-либо вдали; а сегодня притом погода совсем пасмурная.

Из Гринвича возвратились мы домой по конке, на империале омнибуса: это лучший способ передвижения для общего обзора страны или города. Проехав насквозь всю заречную часть Лондона до Вестминстерского моста, я* мог заметить, как много сде-

---

* я убедился еще раз в том,

Лондон

лано для украшения и очистки города со времени первого моего посещения столицы Англии.

3/15-го августа. Суббота. – Сегодня под руководством С.Д. Сазонова обошли Вестминстерское аббатство⁴⁷ и здание парламента⁴⁸. (Заседания палат в настоящее время закрыты.) Потом внимательно осмотрели большую картинную галерею «National Gallery», в которой есть несколько весьма ценных картин великих художников, в том числе и Рафаэля⁴⁹.

Спутник мой Рудановский по семейным своим соображениям торопится вернуться в Париж; он выехал сегодня же вечером. Простившись с ним, я поехал обедать в St. James-Club⁵⁰ по приглашению Сазонова, с которым и закончил свой вечер. Здесь познакомился с Михаилом Аполлоновичем Бутеневым, советником посольства, исправляющим теперь обязанности посла за отсутствием самого Сталя. Клубы в Англии имеют совсем иное значение, чем на континенте: каждый gentleman проводит в клубе большую часть дня; здесь принимает он гостей, здесь пишет письма, здесь у него под рукой все, что нужно для его обычной жизни.

4/16-го августа. Воскресенье. – В день воскресный нечего делать в Лондоне; а потому я избрал именно этот день для поездки в Виндзор⁵¹ с Сазоновым, Веселовским и молодым Рудановским.

Мы осмотрели замок только снаружи, входили в церковь во время службы, много гуляли по парку пешком и катались в экипаже по отдаленным частям его. Воротились в Лондон к 7 часам вечера. Погода была благоприятная для нашей прогулки.

К 8 часам вечера опять получил приглашение к обеду от М.А. Бутенева в Amphitryon-Club.

5/17-го августа. Понедельник. – Видеть Лондон не значит еще видеть Англию. При ограниченности времени, я нашел возможным побывать только в двух больших и значительных городах Англии – Ливерпуле и Манчестере: первый – есть важнейший в этой стране торговый, портовый город; второй – один из самых крупных мануфактурных пунктов. Поездка в оба эти города, при быстроте сообщений, потребовала всего два дня. Выехав из Лондона в 10 часов утра, я был уже в 2¹/₂ пополудни в Ливерпуле. Таким образом, протяжение 280 километров было пройдено поездом в 4 часа 20 минут, т. е. с быстротою 64 километров в час. Поезд останавливался только 3 раза, по 5 минут, чтобы отцепить вагоны, отделяемые в стороны по разным направлениям (в Бирмингем, Манчестер и др.). Погода была серая; тучи предвещали дождь. Многие города, мимо которых пролегает наш путь, представляют один тип, общий всем английским городам: кирпичные (нештукатуренные) закопченные дома, выстроенные по одному шаблону, вытянутые в длинные прямые линии, с бесчисленными высокими дымовыми трубами*, из которых дым стелется черным густым облаком над всем городом. Деревеньки и отдельные фермы несколько опрятнее, но также однообразны и угрюмы. Зато все пространство между этими населенными пунктами** представляется сплошным, прекрасным парком: ярко-зеленые луга напоминают собою газон наших садов; между разными участками обработанной земли разбросаны группы прекрасных деревьев; почти вдоль всего пути тянется канал, служащий путем для перевозки разных предметов хозяйства. Само собою разумеется, что вся прелесть здешней растительности объясняется исключительно чрезвычайно влажностью климата. Редкий день здесь проходит без дождя или тумана.

К Ливерпулю подошел поезд под сильным дождем. На станции железной дороги встретил меня очень любезно русский консул ба-

---

* фабрик

** довольно волнистое

рон Пиллар, двоюродный племянник покойной Нины Карловны. Ему дано было знать из лондонского посольства о моем приезде и благодаря этому извещению, я имел возможность, несмотря на дождливую погоду, в тот же день, до наступления темноты, объехать большую, или вернее, лучшую часть города. Ливерпуль имеет до полумиллиона жителей; центральная часть его напоминает лучшие улицы Лондона: такие же капитальные, громоздкие здания, также закопченные; такое же сильное движение в улицах, такое же множество магазинов, лавок, разных торговых контор; наконец, и окраины города – так же, как и в Лондоне, грязны, угрюмы, с однообразными кирпичными домами. Но главная, существенная часть Ливерпуля – это его громадные доки, которые тянутся на протяжении до 12 верст вдоль правого берега реки Mersey и частью по берегу моря. Река Mersey очень широкая, доступная в устье большим атлантическим кораблям, отделяет Ливерпуль от другого города – Birkenhead, составляющего как бы предместье Ливерпуля, также с доками и торговыми заведениями. Для соединения двух этих частей Ливерпуля проложен под рекою туннель. В доках всегда множество судов; колоссальные магазины для склада товаров, элеваторы; тысячи рабочих целый день в движении, и несмотря на то, множество бедняков остаются праздными в ожидании работы. Кучки оборванцев ходят, сидят и лежат вдоль грязной набережной, без всяких средств для своего насущного пропитания. Здесь наглядно представляется серьезное значение рабочего вопроса.

Когда уже стемнело, консул пригласил меня к себе на обед. Он живет холостяком, хотя женат на англичанке; но она, по болезни, живет в Париже. После скромного обеда, в английском вкусе, я пошел пешком в сопровождении консула в один из лучших отелей (близ самой станции железной дороги), чтобы там переночевать. К счастью дождь в это время прекратился.

6/18-го августа. Вторник. – В 9 часов утра отправился я вместе с консулом по железной дороге в Манчестер. Переезд этот совершился всего в 45 минут. Погода прояснилась; даже выглянуло солнце, так редко* видимое в этой угрюмой стране. Однако ж и при безоблачном небе, все населенные пункты, чрез которые пронесся наш поезд, застилалась пеленою дыма, клубящегося из бесчисленных труб здешних фабрик и заводов. В самый Манчестер въехали

---

* заглядывающее <показывающееся> на эту страну.

мы так же, как бы в облако дыма. Большая часть города состоит из фабрик и заводов; только центральная часть, сравнительно незначительного размера, как будто ядро плода, напоминает лучшие улицы Лондона*, но еще более серые от копоти. Некоторые здания здесь замечательны по своей массивности и архитектуре, как например, Ратуша, в строго готическом норманнском стиле; биржа, несколько церквей, все, не исключая и недавно построенных, совсем черны.

Обойдя эту среднюю часть Манчестера, мы возвратились в 1-м часу пополудни в Ливерпуль, и имели еще время сделать прогулку по докам; вышли на самое взморье, которое в это время на значительное расстояние от берега обмелело, по случаю отлива. В крайнем доке (Alexandra dock) осмотрели мы один из самых больших заатлантических пароходов, совершающих рейсы в Америку. В 4 часа пополудни я простился на станции железной дороги с любезным консулом и в половине 9-го часа был уже в Лондоне. На этом обратном пути, при ясной, солнечной погоде, страна произвела на меня еще более, чем вчера, приятное впечатление. На беду для этой красивой страны такие солнечные дни считаются редкостью.

7/19-го августа. Среда. – С утра опять ненастье, опять дождь, а после полудня гроза с сильнейшими ударами грома.

Несмотря на то, я сделал утром большую прогулку с молодым Рудановским. Мне хотелось напоследок заглянуть в восточную окраину города, известную некогда как грязное гнездо нищеты и разврата. Мы обошли кварталы, известные под именем White Chapel, Stepney, Limehouse, где в прежнее время порядочному gentleman'у, а паче иностранцу, считалось опасным показаться без полицейского. Припоминая виденное мною самим 50 лет назад, я был удивлен совершившейся с тех пор перемене. Теперь проложены чрез эти кварталы широкие, более или менее чистые проспекты, с магазинами и лавками; даже побочные улицы и переулки, обитаемые бедняками, и, конечно, несколько грязноватые, не представляют уже ничего страшного, ничего отвратительного**. Куда делось прежнее здешнее население? Переместилось ли оно только, или совсем исчезло. Разъяснить это я не мог. Между прочим, заходили мы в здание, возведенное в последнее время, под

---

* только еще более, если возможно, темные.

** Тут видел я бедность, а не прежную нищету, не прежнее безобразие.

именем People-Palace*, в тех видах, чтобы низшему люду (рабочему) доставлять некоторые способы к** интеллектуальному развлечению и полезному препровождению свободного от работы времени. Об этом учреждении писали уже много, в том числе и в наших русских журналах. Цель, конечно, похвальная, но мне показалось, что дело устроено пока слишком в небольших размерах, сравнительно с массой рабочего населения, хотя бы даже одной восточной окраины Лондона. Теперь большая часть здания занята под выставку картин. Сомнительно, может ли рабочее население находить в этой выставке развлечение и поучение. Под громким именем народной библиотеки (library) нашли мы только небольшой шкаф с несколькими десятками дешевых учебников. Классы для технического образования (рисования и др.) устроены лишь на весьма небольшое число учащихся. Вообще мне показалось, что значение, приписанное этому учреждению, в печати слишком раздуто.

Пред обедом делал я прощальные визиты; никого не застал дома. Зашел также к рекомендованному мне бароном и баронессой Фредерикс англичанину Mr. Greenville Smith, добродушно предложившему мне свои услуги для осмотра Лондона. Я не воспользовался этими услугами, не имея в них надобности; но счел долгом вежливости посетить его, и только сегодня, накануне выезда, познакомился с ним и его супругой. Оба – очень обходительны, любезны и порядочно говорят по-французски.

Собираюсь завтра же утром покинуть Лондон и Англию; на прощание с ними выскажу в нескольких строках выносимое мною впечатление.

Ни в какой другой стране, ни в каком ином народе не встречается столько противоположностей и противоречий, как в Англии и в англичанах. Города – закопченные, угрюмые, а между ними такая яркая прелестная зелень, какую едва ли где-нибудь можно найти; колоссальные богатства, самая изысканная роскошь, громадные сооружения и рядом крайняя нищета, масса пролетариев, остающихся без работы и без средств пропитания. Такие же противоположности в характере и привычках англичан: славятся они оригиналами, причудниками, и в то же время ни один народ не подчиняется в такой степени, как они, разным мелочным, иногда

---

* Народный дом (англ.).

** нравственному

даже бессмысленным обычаям, принятым формам общежития^{*}. Отличаются англичане своею чопорностию, строгим соблюдением условных приличий, а между тем едва ли где совершается подпольно столько безнравственности. Считаются англичане народом практичным^{**}, умелым в устройстве всякого дела; и вместе с тем строго держатся как в частной, так и в общественной жизни порядков устарелых, средневековых форм, совершенно не соответствующих современной жизни, крайне неудобных, даже нелепых. Далее, славятся англичане своею «лояльностью», высокою честностию, правдивостию, а между тем в Англии более, чем где-либо, надобно остерегаться плутовства^{***}, обмана, даже просто кражи. Самый^{****} высокопочитаемый государственный муж^{*****} не поколеблется солгать^{*****} или совершить самое незаконное, неправо дело^{*****} под предлогом всеобъемлющих британских интересов. Наконец, нет народа более эгоистичного, более надменного, высокомерного, нахального, чем англичане; и в то же время нет людей более обходительных, любезных, внимательных в известных случаях, например, в домашней жизни и в отношении к людям, хорошо «рекомендованным».

В одной недавно вышедшей английской книге, где проводится довольно правдиво сравнение англичан с французами, автор, хотя и англичанин, сам признает, что у француза, в сношениях общественных, постоянно преобладает желание понравиться, быть приятным, тогда как англичанина никогда не покидает забота – сохранить свое личное достоинство.

В заключение скажу, что на меня Англия произвела впечатление подавляющее, безотрадное^{*****}. Признаюсь, что покину эту

---

* от которых малейшее отступление роняет в глазах их человека, тогда как сами чудачествуют в известных случаях, как например, вне своей страны

** и действительно, во многом они превзошли все другие народы умением дельно, разумно устроить дела, но в некоторых отношениях бросается в глаза строго сохраняющиеся принятые в частной и государственной, общественной жизни порядки старого времени.

*** морочения

**** высокопоставленный

***** не усомнится

***** обмануть для достижения

***** когда оно касается предполагаемых государственных интересов Англии <Великобритании>.

***** Угрюмость страны отчасти усугубляется ненастной погодой.

эгоистичную, несимпатичную страну не только без малейшего сожаления, но даже с радостью^{*}.

8/20-го августа. Четверг. Брюсель^{**}. – При выезде моем из Лондона, в 11 часов утра, молодой Рудановский пришел проститься со мной на вокзал железной дороги. Этот милый юноша был мне очень полезен во все время моего пребывания в Лондоне; от всего сердца поблагодарил его. Переезд мой чрез Pas de Calais был сносный, хотя погода по-прежнему серая; по временам накрапывал дождь; на море довольно крупные волны. От Кале, чрез Лиль и Турнэ (Tournai) – страна плоская, населенная, возделанная; группы деревьев оживляют картину; во многих местах торчат высокие трубы фабрик и заводов. На бельгийской границе (станция Baisieux) таможенный осмотр производился быстро и без придирок. Но по приезде в Брюсель в 8 часов вечера моего чемодана не оказалось. Меня успокаивают тем, что в Лондоне выдан мне билет на Брюсель без означения – на которую из двух здешних станций – северную или южную; надо полагать, что багаж мой найдется на южной станции, на которой была первая остановка поезда.

В Брюселе остановился я в лучшем здешнем отеле «Grand Hôtel», на boulevard Anspach – оживленнейшей части города^{***}. В тот же вечер, несмотря на ненастье, я прошелся по улице, напоминающей в вечернюю пору парижские бульвары, с ярко освещенными нарядными магазинами, кофейными и ресторанами, полными посетителей. В толпе слышен^{****} говор смешанный – то на французском языке, то на фламандском. Брюсельцы вообще очень склонны подражать всему французскому, считая свой город маленьким Парижем. Отель, где я остановился, во всем скопирован с парижского «Grand Hôtel», только в очень уменьшенном

---

* Сегодня получил я из Парижа, от барона Фредерикса, письмо с приложением письма генерала Обручева⁵², проживающего в своем имении в департаменте Dordogne. <Узнав о намерении моем ехать в Испанию> Имение это находится почти на предстоящем мне пути в Испанию. Узнав об этом, Обручев приглашает меня заехать к нему, хотя бы на самое короткое время. Приглашение это я принимаю с удовольствием и в таком смысле ответил Обручеву и барону Фредериксу. Мне приятно будет повидаться и побеседовать с бывшим моим сотрудником по службе, умным, даровитым и развитым человеком.

** Выехав из Лондона в 11 часов утра, на Дувр и Кале, я прибыл в Брюсель уже в 8 часов вечера.

*** Наскоро утолив свой голод, и несмотря на ненастье

**** попеременно

масштабе. К сожалению, и здесь в отеле так же, как на всем своем пути, не избавился я от англичан и беспрестанно слышу еще английский говор.

9/21-го августа. Пятница. – Предположение на счет моего чемодана вполне оправдалось; рано утром он был доставлен мне с южной станции (gare du Midi). К крайней досаде моей погода еще хуже, чем во все предыдущие дни: дождь льет почти безостановочно и вдобавок сильный ветер, против которого не выдержал мой ялтинский зонтик: он совсем растрепан и приходится купить новый. Это обстоятельство помешало мне исполнить предполагавшийся на нынешнее утро план первого осмотра города. Я успел пройти только очень небольшую часть его, видел немногие из замечательных зданий, входил в готический собор S-te Gudule⁵³ и довольно долго укрывался от дождя в музее так называемого «Palais du Cinquantenaire»⁵⁴. Это часть бывшего главного здания всемирной выставки 1880 года, почти уже вне города. Здесь так же, как в Лондоне (Cristal-Palace) и в Париже (Frocadero) сохранены капитальные здания выставки с находившимися в них коллекциями, состоящими преимущественно из воспроизведенных в копиях, слепках и фотографиях, знаменитейших произведений искусства разных времен и разных народов. Коллекции этого рода имеют характер образовательных пособий для массы. Однако ж в здешнем музее можно видеть и довольно любопытную коллекцию подлинных старинных (средневековых) вещей.

По выходе из музея я уже решительно не нашел возможным продолжать свои странствования по городу и должен был вернуться в извозчицкой карете прямо в отель.

Из немногочисленного виденного пока, вчера вечером и сегодня утром, могу только заключить, что кроме двух или трех улиц, в центральной части города, вообще Брюссель не может похвалиться оживлением и многолюдством. Мне приходилось проезжать по длинным, нарядным улицам – почти совсем пустынным. Замечательна площадь в самом центре города – Grande Place, вся обставленная прекрасными зданиями: с одной стороны, великолепная готическая постройка Ратуши (Hôtel de ville); против нее другое, также готическое здание, называемое «Maison du roi» или «Halle au pain», реставрированное заново и даже не совсем еще достроенное⁵⁵.

---

* красивым, очень опрятным улицам

10/22-го августа. Суббота. – Сегодня погода настолько оказалась сносной, что я мог все утро и до 6-го часа вечера бродить по городу и осмотреть все, что было намечено в моей программе*. Из множества виденных мною зданий, самым замечательным оказалось «Palais de Justice»⁵⁶, построенное с 1866 по 1883 год бельгийским архитектором Poelaert. Это одно из грандиознейших и замечательнейших произведений современного зодчества во всей Европе**. Зато и обошлась эта постройка около 50 миллионов франков. Внутри здания осмотрел я только большой зал: великолепнее и грандиознее ничего не видал. Другая новая стройка, отличающаяся своеобразностью, есть церковь S-te Marie de Schaerbeck, в самом конце (северном) длинной улицы Royale. Эта церковь отличается от всех других католических церквей тем, что в плане имеет очертание восьмиугольника, так что главную часть всего здания составляет купол, который зато подавляет собою нижнюю часть постройки. Хорош передний фасад нового здания Академии художеств (Palais des beaux arts). Вообще архитектурное дело в Брюсселе заслуживает внимания. В городе много красивых монументов и скверов. С удовольствием прошелся я и посидел в парке Леопольда, устроенном среди нового квартала того же имени. Ходил также по Ботаническому саду и по Королевскому парку, напоминающему парижский Jardin des Tuilleries*** в малом масштабе. С высот, на которых возведены Palais de Justice и monument du congres⁵⁷ – любовался обширным видом на весь нижний город и окрестности его. Взглянул и на странный, старинный фонтан, известный под названием Manneken-Pis⁵⁸.

Кроме обзора города с внешней стороны, осмотрел я четыре музея: галерею скульптурную и живописную Академии художеств, le musée de peinture moderne, le musée d'histoire naturelle и le musée Wiertz****. Первые два музея заключают в себе почти исключительно произведения фламандской школы; в числе их, конечно,

---

* по указаниям Бедекера.

** Строгий критик может найти эту постройку несколько тяжеловатую, общий характер ее более соответствует храму, пантеону, чем судебному учреждению; но при всем том составные части здания великолепны. (Прим. Д.А. Милютина.)

*** Сад Тюильри (фр.).

**** Le musée de peinture moderne – музей современной живописи; Le musée d'histoire naturelle – музей естественной истории; Le musée Wiertz – музей Вирца (фр.).

первое место занимают картины Рубенса. Музей Виртца состоит исключительно из произведений самого Виртца, недавно умершего бельгийского художника, весьма даровитого, отличавшегося фантастичностью и колоссальностью своих композиций. Что касается до музея естественной истории, то в нем наиболее замечательны очень большие скелеты допотопных животных.

Достаточно двух дней, чтоб ознакомиться с физиономией Брюсселя и с главными его достопримечательностями. Завтра утром продолжаю свой путь в Голландию*.

11/23-го августа. Воскресенье. Гаага. – Оставив свой багаж в Брюсселе, в Grand Hôtel, отправился я налегке чрез Антверпен, Дортрехт, Роттердам и Дельфт в Гаагу. В Антверпене станция железной дороги находится в самой середине города. Это главный оплот Бельгии и вместе с тем главный порт (устье Шельды). Но грозные укрепления антверпенские не вооружены и содержатся в таком виде, что для приведения их в состояние обороны потребуется очень много времени. Если б Бельгии угрожало с чьей-либо стороны нарушение нейтралитета, то, конечно, она при нынешнем образе ведения войны никак не успела бы привести свои укрепления в готовность к обороне.

В Розендале – голландская таможня; я избежал от осмотра, не имея другого багажа, кроме ручного мешка. С переездом границы заметно изменяется характер страны: пахотных полей почти нет, – все только пастбища и луга, на которых пасется крупный скот. Повсюду бесчисленные каналы со шлюзами и подъемными мостами; множество ветряных мельниц, которые здесь заменяют паровые машины для самых разнородных работ. Чрез Ваал железная дорога переходит по длинному мосту американской системы на каменных устьях. Такие же мосты переброшены и чрез все другие рукава Рейнской дельты. В Роттердаме железная дорога прорезывает весь город, так что я мог заметить в нем громадную перемену против того времени, когда я видел его в первый раз, 50 лет назад. Вообще в настоящем путешествии наиболее интересует меня сравнение того, что вижу теперь, с тем, что осталось у меня в памяти от впечатлений за полвека назад. Наглядно замечаю, насколько в течение этого времени Европа изменилась в своем внешнем виде и в быте народа. Изменение это замечается

---

* Ограничусь, впрочем, самым беглым взглядом на эту своеобразную страну.

преимущественно в больших городах, которые перестраиваются заново: прежние средневековые характерные постройки исчезают и заменяются зданиями по одному общему шаблону; улицы уширяются; пробиваются новые, широкие проспекты в виде аллей или бульваров; устраиваются площади, скверы с памятниками. В санитарном отношении – успех громадный. Вместе с тем изменяется и население: оно теряет свой типичный оттенок; национальные костюмы совсем уже исчезли в городах. Все это замечается и в Голландии, с тою однако же разницею, что здесь и новые постройки возводятся большею частью в прежнем местном стиле; города сохраняют отчасти свою типичную физиономию. За немногими исключениями, все постройки возводятся из кирпича, без оштукатурки, с высоким остроконечным щипцом (pignon). Сохранилась здесь и прежняя особенность голландских домов – необыкновенно* светлые, с разноцветными оттенками окна, часто с большими цельными стеклами, что придает самой скромной постройке какую-то уютность, комфортабельность.

В Голландии так же, как и в Англии, влажный климат способствует свежести и яркости растительности; страна эта всегда славилась своим цветоводством. Здесь человек, обиженный природою, как будто старается возместить ее бедность искусственно, неослабною работой. На окраинах городков, чрез которые проходит железная дорога, разбросаны чрезвычайно милые, уютные дачки, украшенные вьющимися растениями, окруженные клумбами цветов. Что бы нашим крымским землевладельцам позаимствовать здесь умение устраиваться со вкусом и комфортом при весьма скромных средствах.

Приехав в Гаагу в начале 2-го часа дня, я имел пред собою еще довольно времени для осмотра в тот же день города и даже ближайших его окрестностей. Остановился я в гостинице Paulez (выговаривается Пулэ), которая считается одною из лучших; но здесь и гостиницы так же, как и все прочее в Голландии, отличаются скромными размерами и простотой, сравнительно с большими городами остальной Европы. Из этого однако же не следует, что здесь и дешевле жить; напротив того – все здесь дороже, даже сравнительно с Англией. Дороговизну эту можно отчасти приписать принятой здесь крупной денежной единице – гульдену, ценность которого 2 fr. 10 cent., тогда как в Англии счет ведется в

---

* чистые

шиллингах, равных 1 fr. 25 cent.* Голландский гульден приближается к русскому рублю.

Немедленно, по подворении в гостинице, я отправился по электрической железной дороге в Схевенинг – загородное место, на берегу моря, известное морскими купаниями. И здесь нашел я громадную перемену против того, что видел в 1841 году: на самых дюнах тянется длинная полоса огромных, роскошных зданий, с** садами и террасами; все это – гостиницы, рестораны, кофейные дома, увеселительные заведения. По случаю воскресного дня и довольно сносной, хотя свежей погоды, собралась здесь масса публики: одни сидели за выставленными на террасах перед ресторанами столиками; другие – слушали музыку в залах; много толпилось и на песчаном взморье, несмотря на сильный ветер, нагонявший на берег высокие морские волны. Небо серое; море – грязного цвета, бушевало; вообще вся эта местность показалась мне настолько непривлекательною, что я поспешил возвратиться в город и притом пешком***, по прямой аллее, окаймленной дачами.

До часа обеда оставалось еще столько времени, что я успел незаметно**** обойти весь небольшой городок и видеть все, что указывается в путеводителях, за исключением, конечно, двух картинных галерей⁵⁹, которых в поздние часы дня нельзя было видеть. Впрочем, галереи эти и не представляли столько для меня интересного, чтобы оставаться в Гааге целый лишний день; а потому намереваюсь***** завтра же утром продолжать путь в Амстердам.

Припоминая впечатление, которое Гаага произвела на меня при первом моем посещении, я нахожу и здесь большую перемену, по крайней мере, во внешнем виде города. Выросли целые новые кварталы с широкими улицами или бульварами; сооружены новые памятники; прежний парк Вильгельма украсился многими красивыми домами, окруженными садами и цветниками. При всем том однако же в Гааге сохранились неприкосновенно старинные, характерные постройки и вообще прежняя физиономия города. Он

---

* В этом Голландия приближается к России.

** разведенными при них

*** что было для меня гораздо приятнее, чем на конке или в экипаже. Дорога идет среди парка, по обеим сторонам разбросаны дачи, в иных местах рестораны или кофейные дома. Множество гуляющих вдоль всей аллеи оживляло местность на всем протяжении от деревни Схевенинг до ворот города.

**** и сверх своего ожидания

***** вопреки собственному своему предположению

не гонится за другими большими столицами; в нем и теперь не более 160 тысяч жителей; это городок скромный, не шумный, даже может быть скучноватый, но милый и симпатичный.

После обеда пошел я еще в Зоологический сад, в том предположении, что там по вечерам собирается публика. Но предположение это оказалось ошибочным: я прошелся по саду в полной темноте и едва видел только несколько спавших животных. Ночные птицы в своих клетках, вероятно, дивились проходившему мимо них чудачку.

12/24-го августа. Понедельник. Амстердам. – Железная дорога из Гааги в Амстердам проходит чрез Лейден и Гарлем; городки эти, едва видные с дороги из-за окружающей их растительности, более похожи на большие селения и сохранили типичную голландскую физиономию. Прежнее, так называемое Гарлемское море, которое видел я еще в 1841 году, уже не существует: оно осушено и обращено в *пolders*, сливающиеся со всею остальною низменною поверхностью страны, отвоеванной от моря трудом человеческим.

В половине 11-го часа утра я был уже в Амстердаме. Какое громадное влияние произвело на города сооружение железных дорог: в Амстердаме главная (центральная) станция со всеми необходимыми при ней зданиями, мастерскими, сараями, жилыми постройками возведена на насыпном острове, где в прежнее время было море (Зюйдерзе, или вернее залив его И, голландское «I»). Остановился я в одной из ближайших от станции первоклассных гостиниц «Bible-Hôtel», названной так потому, что она построена на том самом месте, где существовал домик, в котором напечатана была первая Библия⁶⁰. Гостиница эта находится на обширной городской площади, среди которой разбит сквер. Немедленно же по приезде, пустился я бродить по городу* с планом в руках. На мое счастье, погода довольно сносная, хотя очень свежая. В течение 4¹/₂ часов обошел я все чем-либо замечательные части города. И здесь нашел большую перемену против виденного мною в 1841 году. Амстердам, отличавшийся тогда загрязненностью, узкими улицами, угрюмыми домами – принарядился, вычистился, распространился. Новые части города (к югу, т. е. вовнутрь страны) выстроены уже по новому образцу, с прямыми, широкими улицами, тротуарами, скверами, красивыми зданиями. К числу самых

---

* с Бедекером

Национальный музей в Амстердаме

крупных новых построек принадлежат: музей, выстроенный в старинном голландском стиле (кирпичный, неоштукатуренный) и «Paleis voor Volksvlugt» – нечто вроде парижского Palais de l'industrie, с внутренним двором, напоминающим парижский же Palais-Royal⁶¹. Даже и в старом городе многие улицы расширены; открыты площади и скверы; длинные ряды нарядных магазинов в *rez-de-chaussée* и многолюдность придают некоторым улицам оживление. Тем не менее старый город сохранил прежнюю типичную физиономию. Большею частью дома кирпичные, неоштукатуренные, с остроконечным** щипцом, узкие, иногда в 3, 2 и даже одно окно по фасаду, а высотой в 4, 5 и более этажей. В окнах светлые, иногда разноцветные, часто цельные стекла. В городе обилие зелени; тенистые аллеи по берегам бесчисленных каналов, пересекающих город во всех направлениях. К сожалению, каналы эти по-прежнему распространяют по городу невыносимое зловоние. Но ведь и пресловутая Венеция не избежала этого неудобства.

---

* Нижний этаж (*фр.*).

** верхушками

В Амстердаме по-прежнему много евреев; их считается до 40 тысяч, что составляет около $\frac{1}{10}$ части всего числа жителей. Однако ж несимпатичный этот элемент не бросается в глаза: здешнего еврея можно отличить только взглядевшись в черты лица, особенно по темным волосам, в противоположность* чистокровному голландскому населению. Проходил я и чрез еврейские кварталы, отличавшиеся в прежнее время грязью и зловонием; теперь они почти ничем не отличаются от других частей города. Заходил и в доки; смотрел, как пропускаются суда чрез шлюзы и подъемные мосты и проч.

Из замечательностей Амстердама осмотрел я сегодня Зоологический сад – один из обширнейших и богатых в Европе. Нашел в нем многочисленную публику.

Утомленный продолжительным странствованием по городу, возвратился я в отель к общему столу и после обеда уже не выходил из дому.

13/25-го августа. Вторник. – Погода не долго побаловала туристов; сегодня, с утра, опять пасмурно, ветрено, а по временам накрапывает дождь**. Но мне не пришлось слишком об этом скорбеть: все утро употребил я на осмотр музея, которого не мог видеть вчера (он закрыт по понедельникам).

Музей построен в виде двух соединенных в верхнем этаже квадратов, с внутренними дворами под стеклянными крышами. В нижнем этаже (*rez-de chaussée*) одного квадрата – богатая коллекция самых разнообразных предметов: военных, морских, церковных, домашнего быта и проч. Коллекция эта в общей сложности весьма интересна; вещи расположены систематично, по эпохам. Особенно замечателен ряд комнат, в которых воспроизведена вся внутренняя обстановка жилья в разные эпохи; в каждой комнате помещены современные подлинные вещи, с соответствующею обделкою стен, потолков и полов. Хорошо бы принять такое расположение музея за образец в московском Историческом музее: это можно назвать иллюстрациею культурной истории страны.

В другом квадрате *rez-de chaussée* занято скульптурою (большую частью слепками с знаменитых оригиналов), множеством эстампов, гравюр, фарфора, стекла и проч. Один из четырех фасов весь занят портретами голландских адмиралов.

---

* совсем светлым волосам голландского населения.

** и сильный ветер.

Домик Петра I

Второй этаж всего здания (по-здешнему первый) посвящен живописи, почти исключительно голландской школы и отчасти фламандской; почетнейшее место, разумеется, занимает Рембрандт. В голландской живописи преобладают портреты; есть даже немало больших картин, изображающих группы исторических лиц. Таким образом, этот отдел музея также служит драгоценным материалом для истории страны.

Позавтракав в отеле и пользуясь моментом бездождья, отправился я по железной дороге в Зандам (принятое у нас название «Сардам» совсем неверно). Мне любопытно было сравнить настоящий вид этого местечка с тем, какой остался в моей памяти с 1841 года. В эти пятьдесят лет совершилось в стране большое видоизменение. Куда девалась прежняя идеальная, доходившая до приторности, голландская чистота? Здесь более, чем где-либо, железные дороги изменили физиономию страны. Хотя в Зандаме и теперь улицы вымощены кирпичом, а дорожки в садах выложены разноцветными камешками или узорчатыми изразцами, но* тем более замечаются грязь и зловоние. Прежних скромных деревянных домиков, выкрашенных снаружи масляною краской,

---

* попадаются, однако ж, на этих улицах грязь и навоз.

преимущественно ярко-зеленой, обмываемых по субботам мылом – осталось уже очень немного. Вместо них построены ряды затейливых вилл, утопающих в зелени и цветниках*. Проходя по аллее, ведущей от железнодорожной станции в Зандам, заметил я ряд засохших деревьев. В той же аллее бросился мне в глаза дом с надписью над входом: «Anna Pavlovna». Это какое-то благотворительное учреждение, основанное покойною королевой, и в просторечии известное под названием «Pavlovna». Само собою разумеется, что более всего другого тянул меня к себе знаменитый «домик Петра Великого», «la cabane de Pierre le Grand»⁶². Насилу отыскал я его, и то лишь с помощью какого-то старичка. Эта русская святыня скрыта среди глухого, грязного квартала жалких домишек; нет никакой надписи, которая указывала бы туристу дорогу к исторической достопримечательности. Быть может на это есть и причина – заставить туристов пользоваться услугами набрасывающихся на них многочисленных присяжных проводников. Самый домик, заключенный, как в футляр, вовнутрь наружной, новой постройки, совсем покосился и находится в жалком виде. Я нашел в нем большую разницу против 1841 года. Если со стороны русского правительства (которому принадлежит ныне этот исторический домик) не будет обращено более внимания на поддержку его**, то по прошествии еще 50 лет от него совсем не останется ничего. Приведенная мною в путевом дневнике 1841 года безграмотная русская надпись около камина, остается и теперь без поправки. Для проверки прежнего моего указания на этот курьез, я снова списал надпись и русскую, и голландскую с педантической точностью. Вот она:

Ничево
главному
человеку
мало.

Niets is den
grooten man
te klein.

При мне в домике расхаживала целая группа иностранных туристов, которым что-то рассказывала старушка, по-видимому, за-

---

* и, вероятно, принадлежащих горожанам.

** и не примутся особые меры к поддержке

меняющая здесь сторожа. Мне думалось: как много мы, русские, кричим о русской самобытности, о русской старине, о русской национальности, а между тем на деле ни в одном народе нет такой беззаботности относительно сохранности и восстановления памятников исторических.

Хотелось мне еще заглянуть в деревеньку Брюк (Broek) и другие, виденные мною в 1841 году в Северной Голландии (Nord-Holland), оставившие во мне неизгладимое впечатление. Но на поездку эту потребовался бы целый лишний день; погода была ненадежная, а старожилы в отеле уверяли меня, что виденные мною 50 лет назад деревеньки совсем уже не таковы, какими были тогда; что относительно чистоты и щеголеватости они даже уступают Зандаму, – о котором я только что высказал свое заключение. Стоит ли в таком случае оставаться лишний день в Голландии. Решаюсь завтра же возвратиться в Брюссель, а оттуда в Париж.

Отобедав за общим столом в отеле, вечером прошелся еще раз по соседним улицам, ярко освещенным и полным народа. Такое оживление, впрочем, замечается только на известных улицах, в противоположность другим закоулкам, мрачным и мертвенным.

14/26-го августа. Среда. Брюссель. – Опять накрапывает дождь. Поезд из Амстердама чрез Утрехт на Брюссель отходит только в 1-м часу дня. Железная дорога пересекает несколько рукавов Рейна такими же длинными мостами, каковы упомянутые мною прежде. В половодье заливается очень широкая полоса; теперь же эти низменные места служат пастбищами скоту; только кое-где остаются лужи. Города и селения, чрез которые проходил поезд, в том числе и Утрехт, носят все типичный характер; но прежней пресловутой чистоты голландской уже не заметно. По мере удаления от морского берега начинают все более замечаться пахотные поля; местность постепенно переходит к характеру бельгийской страны. Такой же постепенный переход замечается и в типе построек. Железная дорога, пройдя Гильбург и Бреду, выходит в Розендале на тот же путь, по которому ехал я из Брюсселя в Гаагу. Тут же и бельгийская граница и таможенный осмотр.

В исходе 6-го часа я уже в Брюсселе; остановился в прежнем «Grand Hôtel»; но должен взять последнюю свободную комнату в 4-м этаже, по-нашему в пятом, собственно говоря – в мансардном.

15/27-го августа. Четверг. Париж. – Переезд из Брюсселя в Париж чрез Монс, Мобеж, Компьен в 6¹/₂ часов времени. На

французской границе осмотр только ручного багажа; крупный осматривается в Париже. Дорога пересекает промышленную полосу южной Бельгии и северо-восточную Франции. Местность довольно разнообразна, хорошо обработана, оживлена группами рош. Пространство, занятое лесами, даже увеличивается с приближением к Парижу: по-видимому, это насаждение новейшего времени, судя по росту деревьев и по правильной посадке их рядами. Почти во все продолжение переезда я был один в вагоне 1-го класса.

В Париже опять поместился я в «Hôtel des îles Britanniques», где меня приняли как старого знакомого. Сейчас поспешил на почту; к большой радости нашел целую пачку писем*.

В виде пробы отобедал в «Grand Hôtel» за общим столом. Роскошная и громадная зала освещена электричеством**; длинные столы; обед*** изысканный и сравнительно не дорогой (считая с вином всего 8 франков). Вечер провел у барона и баронессы Фредерикс, застал у них несколько гостей, остававшихся с обеда: трех военных агентов и бывшего турецкого посланника в Вашингтоне Аристарха-бея. Барон и баронесса по-прежнему чрезвычайно ко мне любезны; пригласили меня обедать у них во все 3 или 4 дня моего пребывания в Париже.

16/28-го августа. Пятница. – Утро провел в Луврском музее⁶³: успел осмотреть галереи скульптуры и древностей. Музей Луврский замечателен не только по обилию собранных в нем произведений искусства и древностей, но и превосходным расположением предметов, в строгой системе, с подробными объяснениями на каждом предмете****. Из множества виденных мною музеев разного рода ни в одном нет такой систематичности и таких удобств для посетителей. В некоторых же из музеев небрежность администрации в этом отношении доходит до того, что вовсе не имеется никаких надписей, ни даже номеров, как например, в только что виденном мною амстердамском. В Луврском музее особенно замечательна коллекция открытых в последнее время древностей Ассирии, Вавилона, Халдеи, Финикии. Сколько мне известно,

---

* от жены, дочерей и Лаврентьева. Само собой разумеется, что прочел немедленно все эти письма, с жадностью и удовольствием. В семье все благополучно – ну и слава Богу!

** много народа

*** хороший

**** В этом отношении Луврский музей можно назвать единственным.

Лувр. 1890-е годы

этот отдел в Лувре можно считать единственным; ничего нет подобного ни в каком другом музее.

Сделал несколько визитов, обедал у Фредериксов с Елизаветой Валерьевной Скрыпицыной и оставался у них весь вечер.

17/29-го августа. Суббота*. – Докончил осмотр Луврского музея, именно картинных его галерей. Обедал у Фредериксов и провел у них весь вечер.

18/30-го августа. Воскресенье. – Утром осмотрел музей «Conservatoire des arts et métiers»⁶⁴. Некоторые специальные отделы очень интересовали меня, хотя многое, особенно в них любопытное, я видел уже два года тому назад на здешней всемирной выставке.

Много ходил по городу; сделал несколько визитов. Обедал и вечер провел у Елизаветы Валерьевны Скрыпицыной вместе с Фредериксами.

19/31-го августа. Понедельник**. – Зашел в «Palais de l'Industrie»⁶⁵. Теперь в нем помещается «Exposition du travail national»⁶⁶.

---

* Рано утром ходил в банк.

** Ходил на почту, в надежде найти там новые письма от своих; разочарование! Одно только письмо от А.И. Лаврентьева из Швейцарии.

*** «Дворец промышленности» (фр.).

**** «Выставка народного труда» (фр.).

Громкое имя, но в сущности это нечто вроде базара из всяких вещей парижских магазинов. Там нашел я кое-какие обрывки, уцелевшие от знаменитой всемирной выставки 1889 года. В огромном здании остается много мест совсем пустых.

В отсутствие мое из отеля, заходили ко мне генерал Анненков и посланник наш в Швейцарии Андрей Федорович Амбургер. Обедал и провел вечер у Фредериксов вместе с Анненковым, с которым мне было приятно встретиться. Во Франции он пользуется громкою известностью, гораздо в большей степени, чем у нас в России. Вполне оправдывается поговорка: «nul n'est prophète dans son pays»*. Французы называют Анненкова – «le grand Russe!»**. С тех пор, как я не виделся с ним, он очень постарел на вид; но прежнюю свою живость и энергию сохранил вполне. Теперь он назначен членом Военного совета, т. е. «на покой»; однако ж он еще не теряет надежды на то, что ему будет поручено ведение великого дела сооружения Сибирской железной дороги.

20-го августа / 1-го сентября. Вторник***. – В последний раз посетил Фредериксов, завтракал у них и распростился. Они были чрезвычайно любезны и внимательны ко мне. Сделал визит**** Михаилу Константиновичу Ону*****; застал только жену его и дочь, с которыми не был прежде знаком. Меня же посетили посланник наш в Берне Андрей Федорович Амбургер и молодая чета Столыпина*****.

Завтра утром выезжаю из Парижа на юг. Почти на самом пути моем находится имение почтенного Николая Николаевича Обручева, в департаменте Dordogne, близ города Périgueux⁶⁵. Там каждый год он отдыхает от своих служебных трудов, и в настоящее время там находится. Еще во время моего пребывания в Лондоне, барон Фредерикс переслал мне туда письма Николая Николаевича, с приглашением заехать к нему на предстоящем мне пути в южную Францию, хотя бы на самое короткое время. С истинным удовольствием принял я это любезное приглашение и рад буду повидаться с прежним дорогим сотрудником.

---

* Нет пророка в своем отечестве (*фр.*).

** Великий русский (*фр.*).

*** Отправил на почту письма к жене, двум дочерям и к А.И. Лаврентьеву.

**** приехавшему сюда

***** который здесь проездом

***** Дочь бывшего моего адъютанта Ивана Арапова, друга моего сына, вышла недавно замуж за сына генерал-адъютанта Столыпина. (*Прим. Д.А. Милютина.*)

Н.Н. Обручев

21-го августа / 2-го сентября. Среда. Замок Jaure. – Выехал из Парижа скорым поездом (*garide*) в 9 часов утра. На вокзал приехали проститься со мной барон и баронесса Фредерикс. Погода серая, но без дождя. Железная дорога в Бордо проходит вблизи городов Орлеана, Тура, Пуатье и Ангулема. Последний расположен очень живописно, амфитеатром на крутой возвышенности. Вообще вся страна живописна; местность волнистая; поля и луга перемежаются перелесками. Южнее Орлеана уже попадаются остатки прежних виноградников, большую часть уничтоженных филлоксерой. На высотах среди растительности рисуются старые замки с высокими, круто поднимающимися крышами. По мере удаления от Парижа становится все теплее; чувствуется уже южная атмосфера; выглянуло солнце и стало даже жарко. Постепенно изменяется и физиономия страны: чаще видны чахлые виноградники; в садах встречаются магнолии; крестьянские постройки уже не с остроконечными, а более отлогими крышами. Местные жители говорят между собой на непонятном наречии (*patois*).

На станции Coutras, в 527 километрах от Парижа, вышел я (около 5 часов вечера) из вагона быстрого поезда и пересел в другой поезд (*omnibus*), отходящий от той станции по направлению к

Rérigueux. В половине 8-го часа на станции Neuvic покидаю поезд. Здесь встречает меня Николай Николаевич Обручев. Сердечно обнявшись и обменявшись радостными приветствиями, садимся в легкий экипаж его, в одиночку, и проехав около 12 километров, по прекрасной дороге, приезжаем около 9 часов вечера в его поместье Jaugé. У ворот встретила нас любезная и гостеприимная хозяйка (рожденная Millot) с двумя молодыми прелестными племянницами. После сытного ужина, вскоре разошлись на сон грядущий. Н.Н. Обручев уступил мне собственную свою комнату в верхнем этаже дома.

22-го августа / 3-го сентября. Четверг. – Рано утром, отворив окно, впервые после целого месяца, проведенного в Париже, в Англии и Голландии, почувствовал теплый, летний воздух*; кругом невозмутимая деревенская тишина. Хозяева встают рано. Когда сошел я вниз, они уже возвращались домой с прогулки. Сейчас же сели за утренний чай; потом хозяин повел меня по своей усадьбе, показывал сделанные им перестройки старинного замка, с высокою кровлей французского стиля, с башнями, подземелиями. Все очень уютно, все устроено разумно. Пред домом садик с цветами; с боковой стороны огород, фруктовые деревья, пруд. С прискорбием показывал мне и бывшие виноградники, истребленные филлоксерой, и небольшие новые посадки американских лоз. Пахотные поля и луга сдаются в аренду одному соседнему обывателю, на положении половников. Замок Обручева находится в непосредственном соседстве с деревенькой Jaugé, несколько разбросанной по скатам волнистой местности. Возле самого замка старинная церковь; с другой стороны красивое здание коммунальной школы. Во все стороны расходятся прекрасные, шоссированные дороги, открываются красивые виды. Кругом много перелесков. Незаметно, тихими шагами, отошли мы довольно далеко от дома и, сделав порядочный круг, возвратились только в первом часу дня, к завтраку.

После завтрака, несколько спустя, хозяйка предложила мне прокатиться с нею и с одною из племянниц, чтобы взглянуть на более отдаленные окрестности. Другая племянница осталась с хозяином дома. Приятная эта прогулка, в легком экипаже, в одиночку, дала мне возможность составить себе понятие о стране и населении. Местность, как я сказал, вообще очень живописна и

---

* освежаемый растительностью

разнообразна; с разных точек открываются виды на красивые долины, окаймленные высотами с перелесками, полями, лугами; тут и там разбросаны деревеньки и отдельные* усадьбы; удобные между ними сообщения по шоссейным дорогам. Но обратная сторона медали – обеднение населения, вследствие постигшего его бедствия – филлоксеры. Почти все прежние виноградники обратились в пустопорожние, непроизводительные пространства. Только немногие, более состоятельные обыватели успели насадить новые лозы и привести часть новых виноградников в благоустроенное состояние. Большинство же населения перебивается кое-как разными мелкими промыслами, так как пахотных полей немного; скота также мало. Говорят, что здесь нет нищеты, нет пролетариев; однако ж слышал я, что многие семьи выселяются в другие места. Жилища крестьянские, хотя и каменные, очень плохие, зимой холодные, полутемные, вследствие тяжелого налога на окна. Какая разница с жилищами фермеров в Англии, Голландии, Бельгии!

Из крупных землевладельцев большинство также разорено; бывшие аристократы** не в силах вести прежний образ жизни; мало-помалу замки их переходят в другие руки или обращаются в руины. Одного из таких разоренных аристократов встретили мы на пути: он ехал с женою, в кабриолете, к соседям – Обручевым. Мы еще застали их у Николая Николаевича по возвращении домой. Показывали мне замок их, остающийся в недостроенном виде, среди запущенных виноградников.

23-го августа / 4-го сентября. Пятница. – Вчера, после тихой, теплой погоды, вечером заволкло небо тучами и разразилась гроза. Сегодня с утра было пасмурно, но потом погода разгулялась и предпринята была дальняя прогулка, в двух экипажах, в имение графа Протасова-Бахметьева, купленное им года два тому назад у одного из разорившихся соседей Обручева. С приобретением этого небольшого имения приступлено было к перестройке бывшего там старинного дома. Работы эти еще не окончены и обойдутся недешево. Все это необдуманные прихоти богатого холостяка.

По возвращении с дальней прогулки мы с Николаем Николаевичем еще прошли пешком и между прочим зашли в школу. Одна половина ее для мальчиков, другая – для девочек; в середине

---

* хутора

** с трудом поддерживают

квартира учителя; жена его занимается преподаванием на половине девочек. Теперь каникулярное время; но учитель показывал нам устройство классов, учебники и учебные пособия. Материальное устройство удобное, опрятное; учебники в изобилии, составлены и изданы очень хорошо, со множеством картинок, портретов, географических карт и проч.*, что, конечно, придает предмету учения большую наглядность; заучиваемое детьми лучше врезывается в память.

В последние годы правительство французское сделало очень много для начального образования народа. Во всех коммунах устроены хорошие школы и на это отпущены крупные суммы из государственного бюджета, с незначительной лишь добавкою от коммун. Точно так же и проселочные дороги во всей Франции обращены в шоссированные на счет государства, при содействии коммун.

24-го августа / 5-го сентября. Суббота. Бордо. – На нынешний день предположил я распротиться с гостеприимными моими хозяевами и возвратиться на станцию Neuvic, чтобы продолжать путь по железной дороге в Бордо. Но хозяева мои уговорили меня проехать вместе с ними в Перигё, осмотреть этот город и там сесть на железнодорожный поезд. Охотно принял я это предложение: выехав из имения Обручевых в 9 часов утра, в двух экипажах, мы не торопясь проехали 24 километра по весьма живописной дороге, и были уже в первом часу дня в Перигё, главном городе департамента Dordogne, старом центре Перигора. Позавтракав в гостинице (Hôtel de France), обошли** город, ничем, впрочем, не замечательный, кроме старинного собора, нескольких монументов на площадях (Montaigne, Fénelon, Dumenil), да пресловутых пирогов перигорских (pateés au foie gras). Обручевы проводили меня на станцию железной дороги ко времени прохода поезда. Здесь я простился с ними, искренно поблагодарив за оказанный мне радужный прием. Трехдневное мое пребывание у них было для меня душевным отдыхом.

Выехав из Перигё в начале 4-го часа, я прибыл чрез час в Coutras, где должен был пересест в другой поезд, захватив с собой оставленный на этой станции чемодан. Все это удалось мне исполнить почти мгновенно. В начале 7-го часа я уже был в Бордо,

---

* что должно, конечно, весьма облегчать учение детям.

** маленький

Бордо

в гостинице «Hôtel de France». Я поспел как раз к общему столу. В первый раз случилось мне, что сосед мой – англичанин (собственно шотландец) заговорил сам со мною, и узнав, что я русский, сейчас же свел речь на политику, в весьма недоброжелательном смысле. Я поспешил прервать разговор, встав из-за стола.

Когда же совсем стемнело и улицы осветились газом и частью электричеством, я прошелся по ближайшим улицам, купил план города и отправил телеграмму в Жауре.

25-го августа / 6-го сентября. Воскресенье. – Раннее утро очень свежее; вышел я из отеля в той же суконной одежде, которую ношу с первого своего пребывания в Париже; но позже стало тепло и даже жарко, так что я должен был зайти домой и переменить костюм. В течение четырех часов с небольшим обошел я, с планом в руках, все сколько-нибудь замечательные городские улицы, площади, скверы. Бордо – один из самых больших городов Франции; в нем считается около 250 тысяч жителей. Главную характерную его черту составляет протекающая чрез него широкая река Гаронна, устье которой доступно даже для морских судов. Хотя Бордо и отдален от моря почти на 90 километров, однако ж здесь еще очень заметны изменения в высоте воды от морского

прилива и отлива. Бордо по преимуществу город торговый, портовый; он имеет небольшие доки, много контор и агентств. В центральной части его сохранились еще кривые, узкие улицы, некоторые старинные, средневековые постройки, как например, ворота, которые теперь наглядно обозначают периферию старого города и отделяют последний от новых кварталов. В этих последних уже проложены прямые, широкие улицы, с хорошими тротуарами, а иные усажены деревьями. Впрочем, и в старом городе немало прямых, красивых улиц, с множеством роскошных магазинов, ярко освещенных по вечерам электричеством. Эти улицы, конечно, и наиболее оживленные.

В Бордо сохранились довольно хорошо некоторые средневековые церкви, с высокими башнями и роскошной скульптурой на фасадах. В числе таких церквей особенно замечательны: кафедральный собор Св. Андрея, церкви St. Michel, St. Pierre, de la Sainte Croix, St. Seurin⁶⁶. Наиболее потерпевшие их части реставрированы в новейшее время. Внутренность всех этих церквей отличается прекрасными стрельчатыми сводами и простотою отделки; стены, колонны, пилястры – не расписаны. Сохранились некоторые руины римских времен, именно – небольшая часть амфитеатра, известная здесь под именем: «Ruines du Palais Gallien»* (т. е. императора Галла).

Из новых построек самые капитальные и красивые: музеи живописи и скульптуры, Palais de Justice, большой театр, здания факультетов (т. е. университета). Вообще Бордо можно назвать не только большим, но и красивым городом. Публичный сад с музеем естественноисторическим, теплицами, прудами – замечателен отличным содержанием и обилием цветов. Огромная площадь «Place des Quinconces», обсаженная по обеим сторонам деревьями, примыкает к набережной Гаронны, украшенной двумя роstralными колоннами**.

---

* «Руины дворца Галлиена» (фр.).

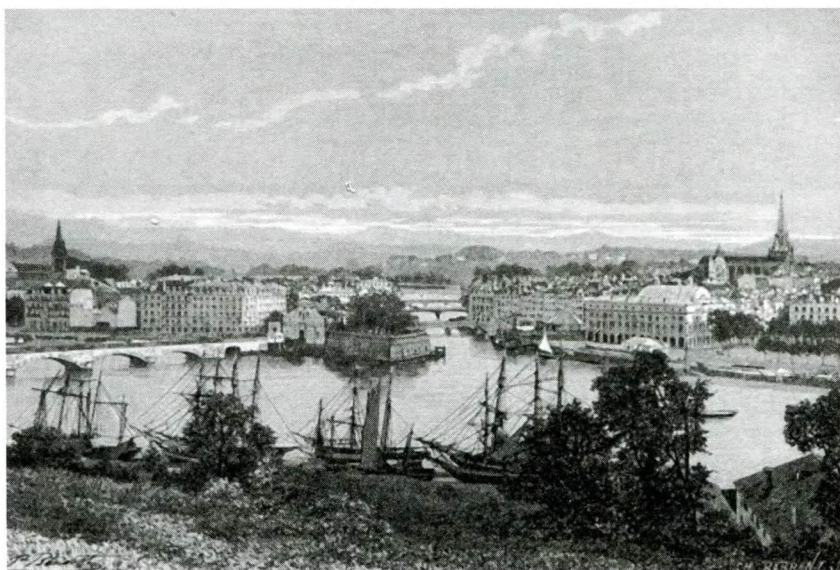
** Вообще Бордо можно назвать не только большим, но и красивым городом. Думаю, что видевший его может составить себе ясное <понятие> представление обо всех главных городах Франции. Признав вполне достаточным сделанный мною общий обзор, я не счел нужным оставаться здесь долее, и сегодня же переехал с вечерним поездом в Байону. Здесь поместился для ночлега в маленькой и плохой гостинице «de la Paix» [«Мира» (фр.)], возле самой станции железной дороги, чтобы только переночевать. <При

26-го августа / 7-го сентября. Понедельник. Байона. – Вчера вечером переехал из Бордо в Байону; переезд всего 4 часа. Занял комнату в маленькой и плохой гостинице «de la Paix», возле самой станции, собственно только для ночлега. Но провел ночь очень плохо: шум и гам на улице и на станции, да комары не дали мне заснуть. Встав сегодня рано, пошел посмотреть город. Было свежо; густой туман только что начинал редеть. Перешел по длинному каменному мосту чрез реку Адур, довольно широкою в этом месте, затем чрез старинные крепостные ворота и по другому мосту чрез речку Nive, приток Адур, вошел в главную часть города. Байона была крепостью и до сих пор сохранились Вобановские бастионы и валы⁶⁷. В настоящее время, конечно, они не имеют военного значения. Город небольшой, всего с 27 тысячами жителей, и ничем не замечательный, кроме разве старинного собора XII века, обширного, с двумя башнями, недавно реставрированными⁶⁸. В здешнем населении уже заметен особый тип, южная кровь. Это большею частию баски; говорят они между собою на языке, не имеющем сходства ни с каким другим.

Вся прогулка моя по городу длилась не более полутора часа. В исходе 9-го часа утра выехал я из Байоны с поездом, идущим в Испанию. Билет взял до Сан-Себастиана, рассчитывая, что успею взглянуть на этот испанский курорт и на возвратном пути в Байону остановиться еще в Биарице. Но этот план не удался мне, благодаря порядкам на испанской таможне. Граница испанская находится всего в 35 километрах от Байоны. Дорога пролегает по местности красивой, вблизи от моря. Здесь подходят к Бискайскому заливу только последние, отлогие отпрыски Пиренеев. Берег морской открывается от Биарица; он весь иззубрен страшными бурунами; подводные и надводные рифы обозначаются белою пеной. Миновав последний французский городок St. Jean de Luz и пограничную речку Бидасоа, поезд остановился у первой испанской станции Непдаус для таможенного осмотра. Пассажиров много; но таможенные досмотрщики не торопятся, и пока мы все были заперты в тесном и грязном помещении, – поезд наш ушел далее без пассажиров. Мне, едущему без всякого багажа, более, чем кому-нибудь из спутников, досадно это приключе-

---

всей быстроте моего обзора такого обширного города, как Бордо, я не на-
ходил однако же цели <надобности> оставаться в нем долее>.

Байона

ние. Что мне делать? Ожидать следующего поезда пришлось бы до 4-х часов пополудни и в таком случае я уже не успел бы в тот же день возвратиться в Байону. Пришлось отказаться от поездки в С.-Себастиан; тут случайно подвернулся какой-то испанский извозчик, который предложил мне свои услуги, чтобы довезти в легкой колясочке обратно на французскую станцию. С радостью принял я это предложение и застал еще на станции отходивший обратно французский поезд, на котором и доехал до Биарица.

Это очень красивый, чистенький городок, расположенный на возвышенном берегу моря; множество вилл, окруженных садами; великолепные отели расположены преимущественно вдоль возвышенной набережной, с которой отлогие спуски ведут на самое взморье (plage). Здесь-то на пресловутом пляже главное место сбора биарицкой публики. В известные часы дня, когда подходит время прилива морского, стекается сюда масса купающихся и зрителей. Первые, облеченные в самые странные, часто комичные костюмы, выходят из берегового павильона навстречу пенистым волнам; а гораздо более многочисленная и самая разнокалиберная публика располагается на песчаной отмели или на возвышенной набережной и по целым часам глазеет на волны морские, на ку-

пальчиков и купальщиц. В песке и в лужах копошится множество детей. В павильоне играет музыка*. Так проводят день за днем временные обитатели Биарица.

Давно ли видел я точно такую же картину в Голландии – в Схевенинге; но какая разница между севером и югом: там все серо; вода морская и самые волны темного, грязного цвета; здесь – яркое солнце, море светло-зеленоватое с белой пеной; на пляже песок горячий; все смотрит как-то по-праздничному.

В Биарице рассчитывал я встретить генерала Анненкова и молодую чету Столыпинах. Анненкова я нашел на террасе гостиницы «Continental», за завтраком. Тут же подошел к нам князь Мих[аил] Серг[еевич] Волконский, товарищ министра народного просвещения. После завтрака прошлись мы с Анненковым по городу, зашли к Столыпиным, которых не застали дома, а несколько позже, около 4-х часов, спустились на plage, в толпу собиравшейся в то время публики. По мере усиления прилива – увеличивалось и число купавшихся. Анненков познакомил меня с графом Монтебелло и его женой, очень красивой женщиной, и с некоторыми другими иностранцами: знакомства мимолетные и бесполезные. Пообедав в «Hôtel Victoria», я уехал обратно в Байону.

В Биарице строится колоссальная русская церковь на собранные пожертвования⁶⁹. Князь Волконский – один из деятельных участников в этом предприятии. Постройка уже доведена до купола. Люди рассудительные находят совсем напрасным сооружение такой громадной церкви для незначительного числа русских, приезжающих в Биариц.

27-го августа / 8-го сентября. Вторник. Пиренеи. Котрэ. – Выехал из Байоны утром в начале 10-го часа. По мере удаления от морского берега местность становится волнистее и живописнее; много растительности, но попадавшиеся на глаза виноградники так же плохи здесь, как и во всей Франции. До города Рау (По) Пиренеи представлялись только в виде неясного очертания сквозь утреннюю мглу. Но в По, куда я прибыл в 1-м часу пополудни, с возвышенной городской площади уже открывается величествен-

---

* Месяц спустя после моего посещения Биарица, 28 сентября (11 октября нового стиля), произошел там страшный переполох. Внезапно нахлынувшая сильная волна окатила всю многочисленную публику на пляже и даже унесла в море несколько человек, в том числе и детей. К счастью, удалось всех спасти. (Прим. Д.А. Милютин.)

ная панорама средней части хребта, с его крутыми вершинами и долинами. По – красивый городок, живописно расположенный на правом, нагорном берегу реки того же имени (gave de Pau). По краю высот тянется целая линия красивых зданий и* роскошных отелей. Я зашел в** один из них, «Hôtel Grassion», чтобы позавтракать, и потом обошел большую часть города; входил в две большие церкви готической архитектуры и в замок, возвышающийся живописно на высоте⁷⁰. К сожалению, от древнего средневекового замка уцелело очень немного – несколько башен и одна стена; большая же часть обширного здания перестроена в новейшее время.

Дождавшись в По следующего поезда железной дороги, отправился я оттуда далее до городка Лурда, откуда отходит ветвь железной дороги к местечку Pierrefitte, в одну из долин Пиренеев. На всем протяжении пути до Лурда горный хребет виден все явственнее. Лурд лежит уже у самой подошвы гор и расположен очень живописно. На одной крутой высоте старинный монастырь; на других высотах разбросаны виллы и обывательские дома. Lourdes приобрел известность только в самое последнее время, именно с 1885 года, когда распушен был слух о чудесном явлении Богородицы какой-то деревенской девочке⁷¹. С тех пор началось католическое паломничество. Выстроена великолепная церковь в готическом стиле, с роскошными каменными сводами, по которым совершаются духовные процессии. Вообще в южной Франции католичество держится крепко; на каждом шагу встречаешь здесь патеров, монахинь, сестер разных благотворительных общин. В населении замечается уже испанский тип; язык басков постепенно переходит к востоку в другой говор, который сами жители называют беарнским.

На Лурдской станции простояли мы довольно долго в ожидании другого поезда, по приходе которого, около 6 часов вечера, тронулся и наш маленький поезд вглубь горной долины, до названного местечка Pierrefitte. На этом протяжении (21 километр) долина еще довольно широка; скаты гор отлоги, отчасти обработаны, отчасти покрыты лесом. Далее Пьерфита долина так суживается и падение ее так круто, что приходится ехать на лошадях около 11 километров до известного лечебного местечка Котрэ (Cauterets). Имея в виду пробыть в Котрэ самое короткое время,

---

* хороших

** в лучший из них

я оставил свой багаж на станции в Пьерфите и с одним ручным мешком отправился в дилижансе. Дорога хорошая; но постоянный подъем так тяжел, что громоздкий дилижанс, запряженный четверкой лошадей, движется почти шагом, целых два часа. Было уже около 9 часов вечера, когда мы дотащились до Котрэ. Дилижанс останавливается у своего бюро на городской площади; отсюда дошел я пешком до гостиницы Hôtel Continental. Это одна из лучших здешних гостиниц, к тому же в ней живет графиня Муравьева-Амурская, которую обещал я навестить.

Котрэ лежит довольно высоко в горах и потому, после жаркого дня в По и Лурде, очень был чувствителен переход к горному воздуху и ночному холоду. И здесь, за несколько дней ранее, стояла такая ненастная и холодная погода, что, по словам хозяйки отеля, почти все лечившиеся минеральными водами поспешили разъехаться. В Hôtel Continental остается очень немного жильцов. Повидимому, день кончается здесь рано: в 9 часов вечера царствовал уже полный покой; столовая была в полумраке и не без некоторых хлопот получил я чашку плохого чая.

Из всех местностей в Пиренеях Котрэ имеет для меня особенное значение: это имя связано с воспоминанием о покойном брате моем Николае и сестре, которая лечилась здесь в пятидесятых годах. У меня сохранились тогдашние их письма, в которых оба они с восхищением описывали свои поездки в Пиренеях⁷².

28-го августа / 9-го сентября. Среда. – Встал рано и еще до 8 часов пошел пешком: сперва – по ближайшим улицам маленького городка, чтобы несколько ориентироваться, а потом решил прямо пуститься в дальний путь вверх по долине. Городок чистенький; есть красивые строения, несколько прекрасных гостиниц и большое здание минеральных вод, известное под названием «Thermes des oeufs»*. От этого здания ведет отличное шоссе вверх по долине к другим минеральным источникам и ваннам разных наименований. Туда в известные часы дня ходят дилижансы; но многие из пациентов ходят пешком. Шоссе разрабатывается и далее вверх по долине; но пока открыт колесный путь только версты на четыре от Котрэ. Далее идет только крутая, каменистая тропа, по которой туристы взбирают на возвышенную площадку с красивым горным озерцом – lac de Gaube, кто верхом (на коне или

---

* «Термы яиц» (фр.)

осле), а кто и пешком. Дорога эта довольно утомительна, вследствие непрерывного подъема, особенно для тех путников, которые отправляются в путь слишком в поздние часы дня, когда солнце и здесь сильно припекает. Идя тихим шагом, я употребил около двух часов, чтобы добраться до озера; стало быть расстояние до него должно быть верст 7, много 8. На этом протяжении речка ниспадает несколькими каскадами между скал. Горы по обеим сторонам покрыты хвойным лесом; только самые вершины, ближайшие к главному водораздельному хребту, обнажены и во многих местах каменисты, обрывисты. В некоторых местах долины, даже на самой тропе, видел я скалы, изборозженные странными выпуклыми линиями, параллельными между собой и пересекающимися под разными углами с другими рядами таких же параллельных линий. Как объяснить эту работу природы? Действием ли древних ледников (глетчеров), очевидно наполнявших некогда почти всю долину, или водяными растениями, на дне прежних озер, от которых теперь видим в горах только мелкие остатки? Во всяком случае, здесь представляется интересный вопрос на разрешение геологов. Не знаю, упоминается ли об этом в каком-либо специальном сочинении.

Дойдя до озера, увидел я гладкую, зеленоватую поверхность воды, а впереди вглубь долины – вершины главного водораздельного хребта, с белеющими полосами вечного снега и льда. Высота горы Vignemale считается свыше 10 тысяч футов. Величественна и внушительна картина природы в верхних частях гор альпийского характера. Усевшись в тени, под навесом, возле торчащей на самом берегу озера маленькой харчевни, я более часа любовался видом окружавшей местности. Между тем все более набиралось туристов; хозяин харчевни едва успевал удовлетворять требования всех прибывавших, проголодавшихся туристов. По примеру других, и я потребовал на завтрак форели, которою озеро изобилует.

В начале первого часа собрался я в обратный путь. Спуск, конечно, был гораздо легче, чем подъем: пешком, сокращая извилистый путь, обгонял я некоторые кавалькады. Пришел в Котрэ около 2-х часов пополудни, не чувствуя ни малейшей усталости: заходил еще в разные места и случайно попал в здание, где выставлена интересная модель центральной части Пиренеев. Модель эта сделана из пробки, в крупном масштабе, так что я мог проследить по ней пройденный мною сегодня путь.

После короткого отдыха, посетил я графиню Муравьеву. Комнаты ее в том же коридоре, где и мой номер. Она приняла меня очень радушно; много было разговоров о прошлом и настоящем. Вместе сошли мы в столовую гостиницы и после обеда, часов в 8 вечера, дружески распростились, так как я намерен завтра же, рано утром, выехать из Котрэ в дальнейший путь – чрез Лурд и Тарб в Bagnères de Luchon.

29-го августа / 10-го сентября. Четверг. Bagnères de Luchon. – Выехал из Котрэ в 8 часов утра, в легком экипаже*, чтобы лучше видеть долину, по которой прежде пришлось мне проехать в ночную темноту, в закрытом ящике дилижанса. Расстояние в 11 километров до Pierrefitte проехал я менее чем в час. В иных местах долина суживается в виде скалистого ущелья. Дорога проложена то по одному, то по другому берегу горной речки. Только с приближением к Пьерфиту она выходит на открытую долину с отлогими, обработанными скатами.

В Пьерфите взял я билет железной дороги прямо до Bagnères de Luchon; но приходилось пересаживаться два раза: в Лурде и в Montréjeau. На всем пути справа высится над равниной красивый хребет Пиренеев. Проехали мимо городка Tarbes, ничем не замечательного. От Montréjeau отходит железнодорожная ветвь к Люшону, по долине довольно широкой, населенной, обработанной. Только впереди, из-за лесистых отрогов горных, выглядывают по временам вершины главного хребта; на некоторых из них видны полосы снега.

В Luchon приехал около 2-х часов пополудни и поселился в Grand Hôtel Richelieu, в лучшем месте города, против самого заведения минеральных вод. Позавтракав наскоро, сейчас же пошел осматривать город. Прекрасное заведение минеральных вод, с обширным парком по скату прилежащей к нему горы, считается одним из лучших в Европе. Пред колоннадою его фасада площадь засажена развесистыми деревьями. Широкая аллея ведет от заведения вдоль всего городка. Другая аллея, прямо против середины здания, ведет к casino, род клуба и увеселительного заведения с прекрасным садом, в котором устраиваются гуляния, праздники, иллюминация и проч. Сегодня как раз происходит такой фестиваль. Заплатив 1 fr. 50 с. за право входа в casino в течение всего

---

* (за 8 франков)

Люшон

дня, я осмотрел великолепное здание этого заведения, с театральной залой, разными другими залами и даже музеем, в котором между прочим любопытны модели некоторых частей Пиренеев, составляющие как бы продолжение виденной мною в Котрэ, только в меньшем масштабе. Модели эти дают наглядно понятие о топографии Пиренейских гор. В саду казино уже с утра много публики. Вечером я вторично пошел туда, чтобы взглянуть на самое празднество. Сад иллюминирован развешенными фигурно разноцветными фонарями; вдоль главной аллеи от фасада здания казино к пруду – развеваются флаги, французские и русские поочередно. В 9-м часу взвился пук ракет, раздались на эстраде первые звуки музыки; многочисленная публика на террасе здания и в саду зашевелилась, аллея осветилась бенгальскими огнями и началась процессия от пруда к зданию казино: впереди толпа мальчишек с факелами и разноцветными фонарями; затем хор музыкантов из таких же мальчишек и в заключение десятка два всадников, в испанских костюмах на разбитых манежных клячах, с пиками и флюгерами. Процессия прошла по аллее к казино, при рукоплесканиях публики, – и вслед за тем раздался на эстраде русский гимн: «Боже, царя храни», а потом марсельеза, при криках толпы:

«Vive la Russie», «Vive la France»*. Между тем всадники в испанских костюмах выстроились на площадке пред террасой здания казино и потом начали выделывать на своих клячах разные фигуры, с хлопанием бичами и размахивая флюгерами. Невзыскательная публика выражала свое удовольствие, а когда процессия двинулась прежним порядком к пруду, снова раздались крики «Vive la Russie», «Vive la France», а оркестр на эстраде вторично сыграл русский гимн и марсельезу⁷³. Около 10 часов я ушел из сада домой, размышляя о том, какими пустяками довольствуется европейская публика для своего развлечения и увеселения; и тем не менее эта всесословная «публика» живет и по-своему наслаждается жизнью, тогда как у нас на Руси только хмурится и жалуется на судьбу.

Вообще Люшон произвел на меня впечатление более приятное, чем Котрэ: городок расположен просторнее; много зелени, много вилл среди тенистых садов. И климат здесь должен быть мягче: летний сезон еще в полном разгаре, тогда как в Котрэ уже пусто.

30-го августа / 11-го сентября. Пятница. Тулуза. – Сегодня на Руси празднуется Царский день; за границей в официальном мире также торжества⁷⁴. Я же, в глуши Пиренеев, предпринимаю экскурсию в дикие ущелья, к подножию снеговых пиков.

Взяв легкую парную коляску (за 15 франков), я доехал в ней по долине речки Rique и потом по ее притоку Lys до того места, где этот горный поток низвергается водопадом с огромного вертикального уступа горы, в несколько сот метров высотой. На протяжении 13 километров от Люшена проложена хорошая колесная дорога; но непрерывный подъем заставляет ехать почти все время шагом. Долина постепенно суживается. Влево к В[остоку] отделяется другая колесная дорога в Испанию, чрез перевал Venosque. Граница испанская здесь всего верстах в 4 от Люшена. Речка Lys несетя с такою быстротой, что в некоторых местах пробивает себе путь в виде глубоких воронок в скалах. Одна такая воронка или яма называется «gouffre de Boupéou»**, где проезжающие туристы обыкновенно выходят из экипажа. У подошвы же главного водопада, о котором упомянуто выше, приходится совсем покидать экипаж. Здесь, у маленькой харчевни, лошадям дается отдых, пока путник взбирается пешком или верхом по крутой, извили-

---

* «Да здравствует Россия», «Да здравствует Франция» (фр.).

** Пропасть Бунё (фр.).

Тулуза

стой и каменистой тропе до той горной площадки, с которой поток низвергается несколькими уступами сквозь узкую щель между черными горными породами. В верхней части своего падения вода пробилась бездонную пропасть, названную «gouffre d'enfer»^{*}. Упомянутая верхняя площадка очевидно была некогда дном озера. Она замыкается со всех сторон скалами, сквозь которые поток пробил себе путь в виде узких, с отвесными боками коридоров. Подобная узкая щель со стороны главного хребта, названная «Rue d'Enfer»^{**}, имеет громадные размеры, примерно (на глаз) метров 50 высотой и метров 100 или 150 длиной. Сквозь нее виден ледник, из-под которого и берет свое начало речка Lys. Место это замечательно по своей суровой дикости. Надобно видеть его собственными глазами, чтобы составить себе ясное о нем представление^{***}. Здесь явственнее, чем где-либо в горах, выказывается наглядно действие древних ледников и горных потоков.

За описанную большую щелью (Rue d'Enfer) и выше ее видны

---

* Адская пропасть (фр.).

** Дорога Ада

*** Геологам следует приезжать сюда для изучения древних ледников, действие которых...

«Пропасть Бунё» под Люшоном. 1908 г.

самые вершины водораздельного хребта с белыми полосами снега, лежащего во впадинах горы. Но высшей точки Пиренеев, горы Maladeta, находящейся уже в пределах Испании, не видно. Вообще Пиренеи не имеют подобной Альпам и Кавказу непрерывной снеговой полосы; не имеют и такого обширного разветвления в разных направлениях. Верхний гребень Пиренеев, скалистый и обнаженный, составляет очень неширокую полосу; все же остальное горное пространство, все скаты долины, богаты лесом.

Замечу еще одно отличие Пиренеев от Альпов: сюда еще не повадились появляться британские туристы. Английская речь слышится здесь гораздо реже, чем во всех других странах Европы.

Пешеходное мое восхождение длилось всего каких-нибудь полтора часа, а спуск к тому месту, где был оставлен экипаж, потребовал менее часа. Также и обратный переезд в экипаже был, конечно, гораздо быстрее, чем подъем: в половине 1-го часа я был уже в отеле* и поспел на железнодорожный поезд, отходящий из

---

* Тут только я смекнул, что нет никакой для меня цели оставаться в Люшоне до завтрашнего утра и поспешил собраться в путь.

Люшоно около 2-х часов пополудни в Тулузу, куда и прибыл я в пятом часу.

Дорога от Montréjeau идет почти по равнине, все более и более отдаляясь от гор. В Тулузе остановился я в гостинице «Tivolier»*, и, несмотря на довольно трудную утреннюю экскурсию в горы, все-таки успел до обеденного времени обойти часть города. Тулуза – один из больших городов Франции, с населением около 150 тысяч человек, но далеко не такой блестящий, как например Бордо. Здесь менее заметна современная мания перестройки и обновления городов**. Лучшая и самая оживленная улица «d'Alsace-Lograine» состоит из непрерывного ряда новых, красивых домов с блестящими магазинами и электрическим освещением. На других улицах и бульварах мало выдающихся зданий, зато много грязи. Некоторые новые постройки не отличаются вкусом, а старинные церкви, в стиле renaissance, большею частью в запущенном виде. Лучшее украшение Тулузы – это река Гарона, которая здесь уже очень широка, несмотря на близость ее истока из гор, и окаймлена хорошими набережными.

31-го августа / 12-го сентября. Суббота. – Рано утром сделал дополнительную прогулку по городу***; заходил в некоторые из старинных средневековых церквей, между прочим, в кафедральный собор St. Etienne⁷⁵. Здесь бросается в глаза**** большая странность: старинная стена переднего фасада с входною дверью и круглым над нею окном с расписанными стеклами не приходится на одной оси с позднейшею постройкою задней, алтарной части храма. Надобно полагать, что предпринятая перестройка старой церкви была приостановлена и новая, выстроенная часть была кое-как связана с оставшеюся частью древнейшей церкви. Выстроенная с боку этой старой стены безобразная башня совершенно нарушила симметрию фасада.

Тулуза отличается неприятным климатом, там постоянный ветер, поднимающий на улицах целые облака пыли. Еще одно замечание – здесь развито нищенство: на каждом шагу пристают просящие подавания дети, старухи, старики.

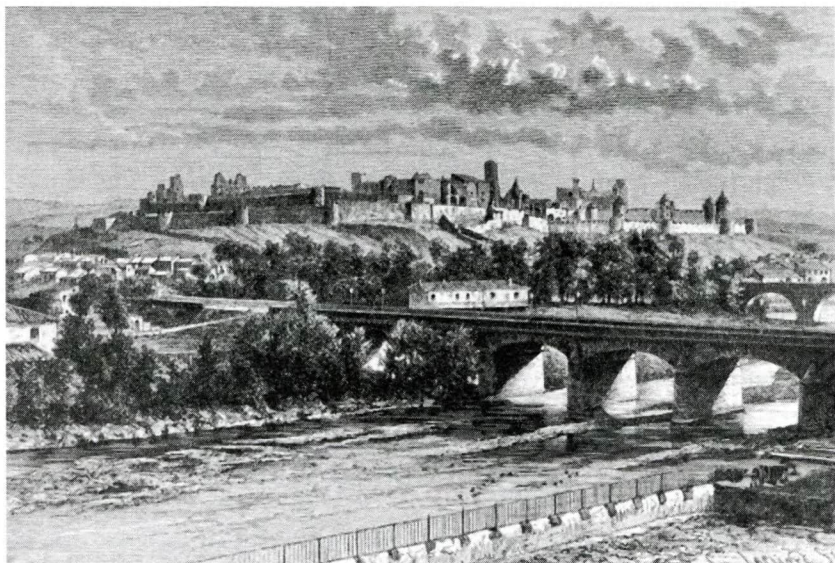
---

* считаемой лучшею

** Пока проложена только одна новая, прямая улица.

*** и остаюсь при том мнении, что Тулузу можно, пожалуй, приравнять к нашим губернским городам, если исключить ее бульвары, скверы и, в особенности, старинные средневековые церкви.

**** необъяснимая

Каркасон

В 10 часов 20 минут утра выехал я из Тулузы и во 2-м часу полудни был уже в Каркасоне. Оставив свой багаж на станции, пошел бродить по городу, в котором главную достопримечательность составляет сохранившаяся в удивительной целости средневековая крепость, на высоте, отделенной от нынешнего города рекою Од (Aude). Еще в Париже мне посоветовали непременно остановиться в Каркасоне собственно для того, чтобы видеть этот замечательный образчик седой старины. И действительно, стоит остановиться на несколько часов. Нигде в другом месте не уцелели в такой исправности средневековые укрепленные города; можно обойти кругом всю крепостную ограду, состоящую из нескольких рядов стен, с бойницами, с машикули, башнями, крытыми ходами и всеми ухищрениями тогдашней фортификации. С целым обществом туристов ходил я по волгангу этих стен, в сопровождении привратника, спускаясь и поднимаясь по каменным ступеням. Крепостные эти сооружения принадлежат, как кажется, XIII и XIV столетиям; некоторые же части их относят ко временам визиготов и даже римлян (судя по способу кладки стен). Постройки эти поддерживаются в исправном виде и по мере надобности подправляются. Все протяжение внешней ограды составляет до 1500 метров (т. е. около 1 $\frac{1}{2}$ версты). Внутри есть церкви, также старин-

ная и реставрированная; есть и жилая слободка с населением до 1500 душ.

В одной из башен древней крепости предлагаются туристам фотографические изображения этой достопримечательности. Одну из этих фотографий приобрел и я, на память.

Современный город Каркасона – не велик (около 30 тысяч жителей) и грязноват; немного нужно было времени, чтобы обойти его вдоль и поперек. Заслуживают внимания только две очень старинные церкви: одна кафедральная St. Vincent, и другая St. Michel. Обе они, подобно и Тулузскому собору (St. Etienne), не похожи на все другие средневековые храмы. В них замечается какое-то смешение форм романской, готической и даже мавританской архитектуры. В главном фасаде нет симметрии; на одном углу высятся тяжелая башня. Внутри все три церкви расписаны разноцветными узорами или украшены позолотой, чего нет в других старинных церквях Франции⁷⁶.

И здесь, так же как в Тулузе, замечается нищенство.

Уже в сумерки, усталый и проголодавшись, зашел я пообедать в Hôtel St. Jean Baptiste. Начал накрапывать дождь; но к счастью моему скоро прошел, так что не помешал мне провести вечер частью на городском бульваре, частью в café, в ожидании отхода поезда в 1-м часу ночи*.

1/13-го сентября. Воскресенье. Испания. Барселона. – В виде исключения, выбрал я ночной поезд из Каркасона в Барселону с тою целью, чтобы выиграть целый день; так как иначе пришлось бы мне остановиться еще раз в Перпиньяне, где ничего замечательного не ожидал найти. Тяжелый был переезд: пришлось несколько раз менять вагоны, возиться в темноте с испанскою таможеней, а вдобавок я почувствовал сильное расстройство желудка, благодаря скверной кухне в городах южной Франции. Всю ночь провел я без сна. От границы испанской (станция Port-bon) поезд состоит из вагонов особого устройства, похожих более на городские трамваи: целый вагон составляет одну общую залу, перегороженную скамейками на 48 пассажиров; вдоль всего поезда есть беспрепятственное сообщение, что составляет выгодную сторону этого устройства**.

---

* Вечер этот показался мне очень длинным.

** за то есть и другие невыгодные стороны.

С рассвета я мог уже* разглядеть местность по сторонам** пути. Железная дорога пролегает от Port-vendres до Port-bon по самому берегу морскому; далее отходит от него, пересекая последние отлогие ветви Пиренеев. В характере местности и культуре не заметно резкой перемены сравнительно с южной Францией; национальных испанских костюмов не видно, только в сельских постройках есть некоторая разница: здесь более домов двухэтажных; но на вид они крайне невзрачны; вместо окон – отверстия без рам; высоких крыш совсем уже не видно.

В Барселону поезд приходит около 8 часов утра. С нетерпением спешил я добраться до пристанища, чтобы оправиться от проведенной беспокойной ночи. Остановился в одной из лучших гостиниц «Hôtel des quatre nations» (de las cuatro Naciones), на самой бойкой улице (или бульваре) «Rambla». С каким удовольствием выпил я чашку чая и потом вымылся и обчистился. Как рукой снято все, что вытерпел я в ночном переезде. По своему обычаю, сейчас же пошел бродить с планом в руках и успел в течение первого же утра осмотреть лучшие части старого города. В Барселоне считается до 300 тысяч жителей; это второй город в Испании, город торговый, с превосходным портом. Пределы старого города оказались слишком тесными для его населения, и вот предпринято расширение его в огромном размере: предназначенное для нового города и большею частью уже застроенное пространство превышает, по меньшей мере, в десять раз пространство прежнего города. Таким образом, современное стремление европейских городов к распространению и перестройке нашло применение здесь в большей чем где-либо соразмерности.

Прежде всего взглянул я на Барселонский порт, признаваемый одним из лучших в Европе. Он образуется выступающим в море мысом, по продолжению которого построен длинный мол. Другие два мола, с широкими проходами, перегораживают бухту поперек, образуя два бассейна, закрытые от морского волнения: переднюю гавань и внутреннюю. В обеих гаванях стоит много коммерческих судов; деятельно производится выгрузка и нагрузка. Барселонский порт поразил меня преимущественно тем, что ни в одном другом портовом городе прилежащие к порту улицы и набережные не имеют такого опрятного, даже изящного вида,

---

* по крайней мере

** нашего

как здесь. Вдоль самой набережной тянется прекрасный бульвар, усаженный двумя рядами больших пальм попеременно с апельсиновыми деревьями. На оконечностях бульвара с одной стороны возвышается в виде колонны памятник Христофору Колумбу, с другой – памятник Антонию Лопец. От этого второго памятника тенистый бульвар (Passo Isabella) ведет к королевскому дворцу и разным правительственным зданиям; далее упирается в решетку прекрасного парка с прудом, оранжереями*, павильонами и проч.

Из парка возвратился я домой по лучшей улице старого города, прорезывающей его во всю длину, под разными названиями: Calle Fernando, Calle Jaime, Calle de la Princesa; сворачивал то вправо, то влево, чтобы взглянуть на указываемые в моем путеводителе чем-либо замечательные здания, площади, памятники. Входил я и вовнутрь некоторых старинных церквей, большею частью реставрированных в новые времена. Во всех почти церквях, как уже прежде замечено, смешаны стили романский и готический; внутренняя отделка наряднее, чем в церквях южной Франции. В некоторых местах уцелели почерневшие стены старинных монастырей.

С южной стороны города, на значительной высоте (Montjuich), виден старый форт, защищавший вход в гавань. На оконечности большого мола в старину был также форт, ныне упраздненный.

Вообще Барселона произвела на меня на первых порах впечатление приятное. В городе много зелени; бульвары, скверы, сады содержатся превосходно; по мягкости климата здесь растут в грунту, на открытом воздухе, экзотические растения. Во всех частях города население находит тенистые аллеи. Пред моим окном, по длинному бульвару названной уже улицы Rambla, постоянное движение народа, с утра до поздней ночи. Вообще город оживлен; но если б не звучал везде язык испанский, то можно было бы позабыть, что мы в Испании. Национальных костюмов вовсе не видно. Все здесь сходно с другими европейскими городами; более же напоминает города южной Италии, особенно Сицилии. И здесь замечается нищенство.

2/14-го сентября. Понедельник. – Утром прошелся по некоторым улицам старого города, по которым не случилось проходить вчера; но больше ходил по новым кварталам. Новый город так обширен, что я мог обойти лишь самую незначительную часть его.

---

* несколькими

Но прямые, пересекающиеся под прямыми углами улицы новых городов так единообразны, так шаблонны, что по немногим виденным можно составить себе представление обо всех остальных. Мы присутствуем при полном перерождении городов европейских: средневековые узкие, кривые улицы обращаются постепенно в прямые, широкие проспекты, в тенистые аллеи или бульвары. Из тесных душных домов, губительных для общественного здоровья, население мало-помалу перебирается на простор, в новые здания, соответствующие условиям гигиены. В этом отношении Барселона поражает колоссальностью возникшего нового города. Однако ж невольно задаешь себе вопрос: откуда берутся громадные капиталы, требуемые на такое роскошное перемещение, на возведение всех этих красивых, изящных зданий, на устройство широких улиц с бетонными тротуарами, аллеями, скверами, памятниками? Сегодня видел я, между прочим, новые превосходные здания университета, музея и других учреждений*, на постройку которых затрачены, конечно, безвозвратно, огромные суммы. Тот, кто дал первый пример перестройки старых городов, пресловутый Гауссман – клал в основание смелых своих предприятий финансовый расчет: наемная плата за квартиры в новых прекрасных улицах парижских должна была с избытком возместить затраченные громадные капиталы. Не все подражатели парижскому префекту выходили также удачно из предпринятых ими операций; некоторые города разорились и не могут поправить своих финансов.

Кроме того, нельзя не пожалеть о том, что новые города строятся все по одному шаблону. Исчезает всякая местная и национальная характеристика. Все европейские города будут так же однообразны и монотонны, как Турин, как города Североамериканские, как наш Васильевский остров. Будущим туристам придется искать где-нибудь в глуши, вдали от больших путей сообщения, следы прошедших эпох и отживших национальностей.

Еще одно замечание: в современной перестройке городов замечается старание зодчих выработать новый архитектурный стиль; но, к сожалению, до сих пор старания эти не привели к удовлетворительному результату. Наиболее удачные новые здания те, в которых воспроизводятся строже формы и пропорции прежних установившихся стилей; те же, в которых проявляется притяза-

---

* выстроенных, конечно, без расчета коммерческого покрыть будущими доходами израсходованный капитал.

ние на оригинальность – выходят далеко не изящны. Например, здесь, в Барселоне, построены недавно какие-то триумфальные ворота из кирпича, с узорчатой облицовкой кирпичом же разных цветов и с крайне безвкусными шишками наверху, похожими на восемь артишоков. Кирпичные постройки с отделкой тесаным камнем, по-видимому, входят в моду; но едва ли могут они конкурировать с изящными сооружениями классической архитектуры из более ценного материала. Новые попытки зодчих, подобные упомянутым воротам Барселонским, будут со временем казаться уродливостью.

Утренняя прогулка по городу закончил я сегодня довольно рано и намеревался уехать отсюда с быстрым поездом (*rapide*), в 4 часа пополудни, прямо в Мадрид. Но, увы, узнал, что поезда эти не ежедневные и что сегодня такого поезда не будет. Приходится отложить выезд до завтрашнего утреннего почтового поезда, который идет до Мадрида целые сутки. Впрочем, нет худа без добра: по крайней мере я отдохну перед вторичным ночным переездом. Живу я в гостинице довольно комфортабельно; плачу 12¹/₂ франков в день, считая со столом, т. е. с завтраком и обедом*.

Вечером пришло известие о страшном ливне, причинившем вчера многие повреждения на железных дорогах Испании и даже бедствия в некоторых центральных ее частях. Быстрый поезд (*rapide*) из Мадрида пришел в Барселону только сегодня утром, вместо вчерашнего вечера. Опасаюсь, чтобы не случилось того же с завтрашним поездом, с которым намереваюсь отправиться в Мадрид.

4/16-го сентября. Среда. Мадрид. – Ровно сутки провел в вагоне. Поезд, отходящий из Барселоны в 8 часов утра, приходит в Мадрид на другой день в тот же час. Дорога проходит чрез города Лериду и Сарагосу. Оба эти города пользуются известностью исторической; но в настоящее время не представляют ничего замечательного, а потому я не счел нужным терять целые дни, чтобы с ними познакомиться. Я спешил в Мадрид, желая пробыть там несколько дней, отдохнуть от непрерывного, в течение двух недель, скитания, а вместе с тем в надежде найти письма от своих близких.

Край, по которому идет поезд, вообще довольно гористый. Справа видны Пиренеи; но верхушки главного хребта скрывают-

---

* И теперь уже я оправился от своего желудочного расстройства, благодаря воздержанию в пище и лучшей кухне в отеле.

ся в облаках; слева, вдаль, тянется один из многих горных хребтов средней части Пиренейского полуострова. Отдельная группа невысоких, но обрывистых гор, с остроконечными вершинами Monserrat подходит к самой дороге, против городка Manresa. С приближением к Сарагосе дорога идет по местности более ровной, а потом опять врезывается в скаты хребта Guadarama. Вообще господствующий характер местности – глинистый грунт, повсюду размытый водой, в виде рытвин, котловин, пещер, почти безводный и потому большею частью бесплодный*. В тех местах, где сколько-нибудь возможна культура, растут маслины; есть и виноградники, но весьма жалкие. Лозы насажены густо, сплошь, без рядов; кусты маленькие**; но в иных местах лозы подвешены к деревьям, а кое-где, подобно французским виноградникам, оставлены между рядами лоз широкие полосы пахотной земли. Ближе к Мадриду – местность обнаженная, угрюмая; однако ж большие пространства вспаханы. Редкие деревушки состоят из серых, частью полуразрушенных домов, с окнами без рам. На всем пути попадались на станциях только немногие из местных крестьян в национальной одежде.

За два дня до моего приезда, как уже было упомянуто, пронесся по всей средней части Пиренейского полуострова страшный ливень, причинивший во многих местностях большие бедствия: много погибло людей и животных; тысячи народа остались без крова; сообщения прерваны. В той части края, по которой пришлось мне проезжать, не доходило до такого бедствия; однако ж и здесь заметны следы бывшего ливня: некоторые поля еще залиты водой; в промоинах и котловинах стоит вода, не имея стока.

В Мадриде остановился я в «Grand Hôtel de la Paix» – одном из лучших отелей на центральной площади, знаменитой Puerta del Sol⁷⁷. Гостиницу эту, слывущую самой дорогой, предпочел я другим потому, что хозяин ее француз и что здесь преимущественно останавливаются французы и бельгийцы***. Комнату отвели мне в первом этаже, с окнами на площадь. Первым делом моим было –

---

* напоминает в этом отношении окрестности Севастополя.

** от того ли, что не пускают расти вверх, или по недостатку ухода, – не знаю.

*** но она на счету самых дорогих. За одну небольшую комнату (правда в первом этаже, с окном на площадь), с завтраком и обедом, берут с меня по 20 франков в день; за всякое требование лишнего против положения, как то за утренний чай, за чашку кофе и проч. платится дополнительно.

пойти на почту; но, увы!* ни одного письма! С грустью пошел я бродить по городу. В 11 часов утра уже очень жарко, тогда как ночью и рано утром я зяб в вагоне. Вообще здесь очень резки переходы как от ночного холода к дневному жару, так и обратно от дневного жара к вечерней свежести.

От Puerta del Sol расходятся радиусами главные улицы во все стороны и ведут к новым кварталам, которые продолжают еще застраиваться. Сегодня успел я обойти довольно большую часть города; первое впечатление очень приятное. Я не ожидал найти здесь столько новых, великолепных зданий, столько красивых улиц, хорошо вымощенных и освещенных, со множеством нарядных магазинов. Наоборот, я не нашел в нем того, чего ожидал – именно оригинальности, национального характера. К Мадриду вполне применяется все, высказанное мною относительно Барселоны. Это такой же город, как все вообще европейские большие города нового пошиба. Только одно напоминает, что мы на юге – роскошная растительность в садах и скверах. Даже пресловутая площадь пред моим окном** – Puerta del Sol – ничем не отличается от подобных площадей в других городах, кроме разве несколько большего оживления, большей толпы праздных людей, с утра до поздней ночи чего-то ожидающей, без всякого дела. Национальные костюмы встречаются только как редкие исключения. Сохраняются еще у женщин черные покрывала (вуали), да неизменные опахала, которых они не выпускают из рук. На мужчинах низшего слоя попадается национальный головной убор – шапочка (beret) мягкая, плоская, с широким круглым верхом, которая, впрочем, носится и на северной стороне Пиренеев. Порода здешнего населения некрасивая; особенно редко встречаются красивые женщины. Большею частью они малорослы, смуглы, бледны, а в известные лета делаются тучны. Нигде не встречаешь столько безобразных, уродливых старух. В мужском поле сравнительно более рослых и красивых. Нищенство и здесь сильно развито. Не говорю уже о тех нищих, которые*** ходят по улицам (или на станциях железных дорог) с гитарой, подпевая крайне монотонно сиплым голосом; не говорю и о разных безногих, слепых, немощных, сидящих на

---

* опять разочарование

** знаменитая

*** просят подаяние

тротуарах с протянутой рукой; случается нередко, что порядочно одетые женщины и девочки пристают к проходящим, выпрашивая настойчиво подавания.

Сегодня, в первый же свой обход города, успел я заглянуть в картинную галерею знаменитого здешнего музея, считаемого в числе первоклассных европейских хранилищ художественных произведений⁷⁸. На первый раз прошел я только по среднему этажу, где собраны лучшие классические образцы разных школ живописи. Испанская школа, конечно, представлена наибольшим числом образцов, в числе которых преобладают Мурильо и Веласкес; но богата также и Нидерландская школа; здесь более чем где-либо, превосходных картин Рубенса; не мало также Фан-Дейка. Из разных итальянских школ много картин Тициана, Поль Веронеза и несколько драгоценных произведений Рафаэля. Всякому изучающему историю живописи следует непременно побывать в Мадриде; художник, не бывший в здешнем музее – не видал лучших образцов знаменитейших мастеров. Жаль только, что в размещении картин нет систематичности: произведения одного и того же художника встречаются в разных залах. Притом часть здания теперь ремонтируется, отчего некоторые картины помещены временно не на своих местах. Надобно надеяться, что со временем предпримется общее перемещение хранящихся здесь сокровищ.

5/17-го сентября. Четверг. – Утром обошел еще порядочную часть города, именно западную, где находятся королевский дворец, главный театр и некоторые замечательнейшие церкви. Дворец, занимающий возвышенный, нагорный берег долины Мансанареца, красивой архитектуры, представляет внушительный вид, особенно, если смотреть снизу, от реки. Он окружен садами, которые спускаются от дворца в долину. В настоящее время сады эти мало привлекательны, по случаю производящихся строительных работ и временных заборов. Зданию театра придан теперь новый, изящный фасад к стороне дворца; остальная же часть постройки остается пока прежняя*, неприглядная, красного, кирпичного цвета. От дворца спустился я к самой речке Мансанарец, перешел по каменному мосту, длиною в 70 сажень, над ничтожным ручьем, похожим в настоящее время года более на ряд грязных луж, чем на реку. Поднявшись снова в городские улицы, зашел в одну из лучших здешних церквей – San Francisco el grande – новейшей

---

* не производят эффекта

** довольно безвкусная

постройки и вовсе не похожую на все католические церкви: это обширная ротонда, напоминающая римский или парижский пантеоны, но окруженная семью часовнями в виде стольких же пристроек к центральному зданию, под куполом. Внутри церковь роскошно украшена живописью и позолотой. Заходил я и в другие церкви, но не нашел в них ничего замечательного.

После завтрака в отеле, пошел я вторично в музей для дополнительного осмотра картинной и скульптурной галерей. Картинная галерея, в верхнем этаже, включает в себе произведения новой испанской школы, отличающейся реальностью сюжетов и яркостью красок. Скульптурная галерея в нижнем этаже (*rez-de-chaussée*) не очень обширна; но включает в себе некоторые ценные антики, а также очень хорошие произведения новых художников. С удовольствием прошелся я вторично и по среднему этажу, останавливаясь только пред важнейшими картинами.

Когда пробило 4 часа – время закрытия музея, я пошел в находящийся поблизости обширный парк, называемый просто Мадридским парком, с широкими, тенистыми аллеями и обширным бассейном чистой воды; возвратился в отель мимо арки на Plaza de la Independencia, садов Buen Retiro, бульвара Prado и по прекрасной улице Alcala*.

6/18-го сентября. Пятница**. – Телеграмма от дочери из Ревеля доставлена мне из здешнего посольства. Стало быть, пребывание мое в Мадриде и даже адрес мой известны в посольстве. Вместе с тем нахожу на почте письмо от добрейшей баронессы Фредерикс, которая, желая оказать мне услугу, известила о моем приезде сюда молодого секретаря посольства барона Корфа. Все это заставляет меня нарушить свое воображаемое *incognito* и отправиться лич-

---

* Заходил в банк, для получения денег по кредитиву Петербургского банка, а также в разные агентства и *Vigean* за справками.

** Большая радость! На почте нашел пакет с письмом добрейшей Варвары Андреевны Фредерикс и с приложением писем жены моей и двух дочерей: Ольги и Нади. Письма вполне успокоительного содержания.

Так как почта открывается здесь только с 11 часов, то в ожидании этого момента я обошел северо-западную часть города; но не нашел ничего замечательного. Большая часть утра прошла в хлопотах с разменом денег и разными справками. Возвратившись в отель к часу завтрака, нахожу телеграмму от Лизы с извещением об отправленных письмах и об отъезде жены из Ревеля в Москву. Телеграмма эта как бы дополнила удовольствие, доставленное мне полученными письмами. Но меня несколько удивило то, что она дошла до меня, так как адресована в посольство.

Князь М.А. Горчаков

но в посольство. От швейцара узнаю, что барона Корфа еще нет в канцелярии, а посланник, князь Горчаков, дома и собирается сегодня же вечером ехать в Сан-Себастьян, по случаю прибытия туда великого князя Владимира Александровича с Марией Павловной. Князь Мих[аил] Ал[ександрович] Горчаков принял меня очень любезно, как товарища покойного отца его; предлагал мне всякие услуги, показывал свою коллекцию фарфоров и майолик и продержал меня довольно долго, высказывая свои политические соображения и, разумеется, выставляя более всего свои личные дипломатические успехи. В заключение он пригласил к себе в кабинет обоих своих секретарей: старшего – князя Львова и младшего – барона Корфа. Оба они, по-видимому, милые молодые люди; я сговорился с ними на завтрашнее утро – осмотреть вместе здешнюю знаменитую Агмегiа – нечто вроде нашей московской Оружейной палаты⁷⁹. Предложенные же князем Горчаковым протекции разных местных властей – я положительно отклонил.

За столом в отеле во все эти дни нет другого разговора, как о бедствиях, причиненных наводнением в средних провинциях Испании. Повсюду собираются пожертвования для помощи по-

страдавшим. По улицам ходят процессии с музыкой и вереницею простых повозок, нагруженных всяким домашним хламом, жертвующим в пользу несчастных, оставшихся без крова. Моих сожителей, туристов, преимущественно озабочивает вопрос о восстановлении сообщений по железным дорогам. Линия в Толедо прервана; на узловой станции Кацерес (Caceres) скопилось несколько поездов и, как уверяют, до 1500 пассажиров, без приюта и продовольствия. В особенности в затруднении находятся туристы, связанные в своих планах путешествия Куковскими билетами (*voyages circulaires*). К счастью своему, я свободен в выборе пути: сообщение с Лиссабоном остается открытым.

Ничего еще не упомянул я в своих заметках об испанских войсках. Да и трудно судить о них только по встречаемым на улицах единичным людям. Могу только констатировать, что войска обмундированы красиво, за исключением разве безобразной формы головного убора; солдаты имеют вид очень опрятный, чего нельзя сказать обо всех встречаемых офицерах. Генерал Анненков, видевший здесь испанские войска в строю, отзывается об их строевом обучении с похвалою; но что касается дисциплины и боевых свойств – надобно поставить вопросительный знак. Нас, воспитанных в немецкой школе строгого формализма, коробят некоторые мелочи испанских военных нравов и порядков, как например, когда часовой, с ружьем, спокойно усаживается возле своей будки на стуле и беседует с сидящими рядом с ним посторонними лицами (по нашему солдатскому выражению, «вольными»).

7/19-го сентября. Суббота. – В 10 часов утра зашел за мною барон Корф и вместе отправились мы пешком в «Armeria» – старое здание, насупротив королевского дворца. Князь Львов уже ожидал нас у входа. Armeria есть замечательное хранилище исторического оружия и военных доспехов; все предметы размещены систематично, в большом порядке, даже изящно. После завтрака пошел я один в другое хранилище: «Museo de Artilleria», находящееся вблизи Художественного музея. Здание ныне перестраивается; но вход в музей и теперь открыт для публики по субботам, за плату 1 fr. в пользу бедных. В этом музее собрана масса предметов артиллерийской материальной части как старых образцов, так и современных орудий, снарядов, ручного оружия, машин, моделей и т. д. Все это размещено в образцовом порядке. Очень похвально внимание, которое оказывается здесь личностям, ознаменовавшим себя какими-либо военными подвигами или кончившим жизнь в бою: оставшиеся от них вещественные воспоминания хранятся свято, с объяснитель-

ными ярлыками и портретами. Оба виденные мною сегодня музея полезно было бы видеть нашим ученым артиллеристам.

После Артиллерийского музея еще посетил я Академию художеств (*Academia de San Fernando*) на улице *Alcala*. Картинная галерея не велика; но хранимые здесь картины Мурильо и Рубенса считаются лучшими их произведениями. В верхнем этаже того же здания помещается Музей естественной истории; но час был уже поздний и зайти туда мне не удалось.

8/20-го сентября. Воскресенье. – Только что вернулся домой с отвратительного зрелища – боя быков (*corridos, fogos*). Представления эти даются каждое воскресенье, в 4 часа пополудни, и доставляют публике невыразимое наслаждение. Цирк вмещает в себе более 12 тысяч зрителей – и все места заняты, так что я должен был заплатить 20 fr., чтобы достать хорошее место. В качестве туриста, я поставил себе в обязанность видеть хоть раз эту варварскую забаву испанцев, – и, конечно, в другой раз меня не заманят⁸⁰. Считаю излишним рассказывать, как происходило представление; дело слишком известное. Скажу только, что я не мог досидеть до конца и после второго убитого быка ушел в грустном расположении духа. Самая печальная участь в этих представлениях выпадает на долю бедных беззащитных лошадей пикадоров: безжалостно и глупо подставляют их под рога разъяренного быка; при этом со стороны самого пикадора не проявляется ни малейшего искусства, ни даже старания увернуться от неизбежного удара. У лошади вываливаются внутренности, а пикадор снова садится на нее и вторично предает несчастное животное в жертву на потеху свирепых зрителей, которые приходят в восторг, топают ногами, махают платками. К стыду человечества, в этой зверской потехе принимают живое участие даже женщины; приучают и детей с самого младенчества смотреть на кровавое зрелище. Неужели никогда не будет положен конец этим представлениям? Вот задача, на которую должны бы обратить свою деятельность общества покровительства животным.

Независимо от излюбленного испанскою публикой представления, сегодня, по случаю воскресного дня, почти все население города высыпало на улицы. Толпы гуляющих двигаются по разным направлениям; особенно же оживлены улица *Alcala* и *Puerta del Sol*. Но вот начинает накрапывать дождь; толпа на площади редет.

9/21-го сентября. Понедельник. – Поездка в Эскуриал⁸¹. Полтора часа пути по северной железной дороге. Местность крайне непривлекательная: каменистая и бесплодная. Вместе со мною

ехали два бельгийца, много путешествовавшие; один из них бывал даже в России. В первый раз случилось мне войти в разговор с незнакомыми спутниками. Оказалось, что предположенный ими маршрут вполне совпадает с моим. Мы сговорились, приехав в Эскуриал, осматривать его вместе, взяв одного гида.

Эскуриал, как известно, есть загородный дворец, в 50 верстах от Мадрида, построенный королем Филиппом II. Это здание массивное, в тяжелом, суровом стиле. Все здесь напоминает строителя – короля, монаха, тирана-фанатика. Нам показывали нескончаемый ряд великолепных зал, с прекрасными ткаными картинами на стенах (частью нидерландской, частью мадридской работы), библиотеку с замечательными фолиантами рукописными и первопечатными; церковь, также замечательную по своим обширным и пропорциональным размерам, с многочисленными историческими достопримечательностями и картинами первостепенных художников (Рубенса, Тициана, Риберы, Веласкеса и др.). Но любопытнее всего – те скромные, угрюмые, небольшие комнаты, в которых обитал и умер сам король Филипп II. Замечателен так называемый «пантеон» – усыпальница королевской фамилии. Устройство ее чрезвычайно своеобразно: саркофаги размещены в нишах по стенам, в несколько рядов, наподобие древних катакомб или наших Киевских пещер*⁸³; но только не в темных подземельях, а в светлых роскошных залах, с изящною отделкой. По-видимому, это работа новейшего времени; ничего подобного, кажется, нигде нет.

Эскуриал не только дворец королевский, но и монастырь, с 70 монахами; в нем также помещается школа (коллегия, средне-учебное заведение); сады, в старинном вкусе, с прямыми дорожками, фигурно стриженными растениями. С балконов и террас дворца открыт обширный горизонт, не представляющий, впрочем, ничего живописного.

До отхода поезда, с которым могли мы возвратиться в Мадрид, оставалось много времени. Мы успели позавтракать в гостинице (Hôtel Miranda), долго прохаживались по пыльным улицам деревни; нашли и тут арену для боя быков. Возвратился я в свой отель уже поздно вечером.

10/22-го сентября. Вторник. – Прожив в Мадриде целую неделю – долее, чем предполагал, собираюсь выехать отсюда сегод-

---

* Вспомнил я также виденные мною в окрестностях Палермо галереи скелетов в монастыре капуцинов. (Прим. Д.А. Милюткина.)⁸²

ня вечером в Лисабон*. Предполагал в последний день заглянуть здесь в Археологический музей; но придя туда в 10 часов утра, нашел музей закрытым. Большую часть дня провел в письменной работе и сборах в дорогу**⁸⁴.

11/23-го сентября. Среда. Лисабон. – Поезд «Sud-Express» недаром называется «train de luxe»***: все доставляемые им удобства: быстрота езды, постель, ресторан и проч. – оплачиваются довольно дорого, сравнительно с обыкновенными поездами. Переезд из Мадрида в Лисабон (16 часов езды, 658 километров) обошелся около 150 франков. Мне удалось во всю дорогу оставаться в одиночестве; висевшая надо мною верхняя койка оставалась пустой. Тем не менее не могу похвалиться спокойною и удобною ночью. Проснулся я с первым лучом солнца.

Край, по которому пролегает дорога, до самой границы Португалии, такой же угрюмый, обнаженный и бесплодный, как и кругом Мадрида. Почва необыкновенно каменистая; очень крупные валуны в большом количестве разбросаны на местах сравнительно ровных и низменных, так же как на вершинах кряжей или холмов. Такие же камни высовываются из-под верхнего слоя земли. Происхождение этих валунов приписывается (так же, как и у нас на обширной равнине Европейской России) действию глетчеров в ледниковый период****.

---

* Взял билет на быстрый ночной поезд, называемый «Sud-Express», со спальными вагонами и всеми <разными> прихотями (ресторан, салон и проч.) – за которые, разумеется, приходится расплачиваться довольно дорого. За проезд 658 километров платится сверх стоимости билета (86 fr. 45 cen.), еще дополнительно 28 франков собственно за место в sleeping-cars, wagon-lit – не считая довольно высокой здесь платы за багаж. Роскошь эту я позволил себе на этот раз, собственно для того, чтобы выиграть целый день в расчете времени: с обыкновенным поездом (хотя и называемым курьерским), отходящим завтра в 8 часов утра, я прибыл бы в Лисабон только в четверг, утром, тогда как Sud-Express, отходя сегодня в 11 часов вечера, будет в Лисабоне завтра, в среду, около 3 часов пополудни. Ночной же поезд нельзя избежать ни с тем, ни с другим поездом.

** Сделал распоряжение на почте относительно писем, которые могут прийти сюда после моего отъезда; употребил затем часть дня на корреспонденцию, а потом на укладку вещей, пожитков своих в предстоящий путь.

*** Поезд-люкс (*фр.*).

**** Невольно возбуждается сомнение в таком объяснении, когда представишь себе ничтожную высоту горных хребтов относительно дальности расстояний, на которые перенесены означенные каменные глыбы.

Лиссабон

На пограничной португальской станции Margao происходит таможенный осмотр* ручного багажа пассажиров и то в самых вагонах, как пустая формальность; главный же багаж пломбируется для осмотра его в Лиссабоне.

Пограничная полоса как в Испании, так и в Португалии гориста; железная дорога входит в долину реки Таго. Чем далее, тем местность принимает более культурный характер: появляются целые рощи маслин; на горах леса частью сосновые, частью из пробкового дуба; вдоль дорог аллеи усажены экалиптусами и агавами. Городки и деревни в пределах Португалии имеют благообразный вид; дома выбеленные, опрятные; кое-где разбросаны уютные усадьбы. Чем ближе к Лиссабону, тем население гуще, земля лучше обработана; в замечательной степени развита ирригация. Вода проведена из реки Таго множеством канав, из которых она выкачивается с помощью ветреных мельниц, особого устройства. Попадают крестьяне в национальных костюмах, с широким красным кушаком, накинутою на плечи куртку, соломенной с широкими полями шляпою или фригийским колпаком на голове. Во многих

---

* только

местах видели мы сбор винограда, но и здесь виноградники очень плохи. Как в Испании, так и в Португалии филлоксера произвела уже большое опустошение.

Железная дорога несколько раз пересекает Таго по длинным железным мостам; потом следует вдоль правого ее берега до самого Лисабона. В верхних частях своих река мелководна, образует множество отмелей; только в близком расстоянии от Лисабона принимает внушительный вид широкой, судоходной реки; в самом же Лисабоне достигает 12 километров ширины; здесь уже заметно действие морского прилива и отлива. Устье Таго и составляет Лисабонский порт.

Оба берега реки при ее устье возвышены и круты. Самый город Лисабон расположен амфитеатром на скате правого (северного) берега; а против него, на высотах левого берега, видны стены и башни старинного форта Альмада и белые строения городка. Все это вместе весьма живописно. Вокруг города, на ближайшем расстоянии, много вилл, усадеб, садов с апельсиновыми, лимонными и гранатными деревьями. Вообще здесь гораздо более веет южною природой, чем в Мадриде.

В Лисабон поезд пришел в установленное время – в 3 часа 15 минут*; но пришлось долго возиться в таможене, так что до гостиницы добрались мы не ранее 4-х часов. Спутники мои, те самые два бельгийца, с которыми осматривал я Эскуриал, встретив в пути своего соотечественника, живущего уже несколько лет в Лисабоне, решили по его совету остановиться в гостинице Braganza-Hôtel; и я последовал тому же совету; на первый взгляд гостиница произвела выгодное впечатление. По своему обычаю, сейчас же вышел я для осмотра ближайших частей города; но час был уже поздний и потому успел я на первый раз видеть очень немного**.

12/24-го сентября. Четверг. – С 8 часов утра и до часа пополудни*** обошла**** значительную часть города. Прогулка довольно утомительная, потому что в Лисабоне почти нет улицы, на которой не приходилось бы то подниматься в гору, то спускаться, иногда

---

* (по лисабонскому времени, которое на 25 минут назад от мадридского)

** только самый центр города. Тем не менее я несколько ориентировался и составил себе общее понятие о физиономии Лисабона.

*** ходил пешком почти безостановочно

**** все части города, о которых что-либо упоминается в моем путеводителе.

даже по ступеням. Весь город расположен на нескольких высотах, с крутыми скатами; зато с каждой почти точки открывается живописная панорама той или другой части города. Особенно красив общий вид Лисабона с реки.

Центром города (хотя и не в геометрическом смысле) можно считать обширную квадратную площадь Praça do Comércio: три фасса ее заняты зданиями с аркадами, выстроенными по одному общему фасаду и занятыми разными правительственными учреждениями; четвертый фасс составляет набережная реки Таго; здесь главная пристань. Среди площади поставлен монумент с колоссальной конною статуей короля Дом-Жозе I (Иосифа)*. С этой площади поднимаются вверх несколько прямых улиц; все они ведут на другую красивую площадь Rosio, с памятником Дом-Педро IV***, в виде грандиозной колонны коринфского ордена. На этой же площади театр «Dona Maria», а за ним начинается великолепный бульвар Avenida da Libertada, с грандиозным обелиском, воздвигнутым в память отделения Португалии от Испании в 1640 году⁸⁵. Бульвар усажен южными деревьями и цветами; по сторонам тянутся две линии красивых домов. Это новые кварталы, выстроенные в последнее время и продолжающие еще обстраиваться. Здесь в числе новых зданий и центральная станция железных дорог, в мавританском стиле.

Вправо и влево от описанной средней части города тянутся по разным направлениям искривленные улицы старого города; во многих из них встречаются и новые постройки, красивые скверы и памятники. Вообще город богат памятниками и скверами. Последние содержатся в блестящем виде, так же как и городские сады, в которых любовался я множеством новых для меня южных растений. В особенности замечателен в этом отношении ботанический сад рядом с Политехнической школой. Из монументов замечателен воздвигнутый Камоэнсу. В Лисабоне нечего искать остатков старины, так как старый город был весь разрушен страшным землетрясением 1755 года. Сохранились только кое-какие старые обломки, послужившие материалом для новых построек. Так в здание кафедрального собора Santa Maria (в просторечии «La Sé») вошли некоторые части старых стен с изящными скульптурными

---

* с противоположного берега реки Таго.

** Так в тексте. (Прим. публ.)

*** Так в тексте. (Прим. публ.)

орнаментами в смешанном стиле – готическом и мавританском. К Собору примыкают руины старинного монастыря, с такими же красивыми узорчатыми стенами и колоннами. Все же другие церкви в Лисабоне принадлежат второй половине XVIII века или началу текущего. Некоторые из них отличаются богатою внутреннею отделкой. Самая замечательная, как по внешней архитектуре, так и по внутренней отделке – церковь «do Sagrao do Iesus» (du sacré Coeur de Iesus*), возведенная на значительной высоте, в одной из дальних частей города. Церковь эта в стиле renaissance, с большим куполом и двумя башнями на переднем фасаде, очень эффектно; с перистилия ее прекрасный вид на город.

Вообще в Лисабоне немного замечательных зданий в архитектурном отношении; но городу придает оригинальность облицовка стен многих домов кафельными плитками (изразцами). Такие дома попадаются даже в дальних, грязноватых кварталах. Кафельная облицовка встречается и во многих церквях.

В одной из церквей, куда я заходил (Mercés), застал я торжественную службу, по случаю какой-то свадьбы. С удовольствием прослушал я длинную музыкальную пьесу на прекрасном органе; но музыка эта была более похожа на оперную, чем на церковную**.

После утренней своей пешеходной прогулки, я сделал дальнюю поездку за город в экипаже, чтобы взглянуть на королевские дворцы и знаменитый старинный монастырь Convento das Jeronimos, в 12 километрах от центра города, в предместье Белем⁸⁶. Из трех дворцов королевских, один – Paço Real das Necessidades – находящийся на окраине города, с большим садом, похож более на частный, запущенный дом, чем на королевское жилище. Другой дворец – Paço Real d'Adjuda⁸⁷, совсем за городом, на значительной высоте, с красивым фасадом, – но среди довольно голой местности. Третий же – «de Belem» – на берегу Таго, окружен садами и ниоткуда не виден: в этом последнем и живет королевская семья, которая, впрочем, находится в настоящее время на морских купаньях в Каскаэсе (Cascaès). Сегодня король приезжал в Лисабон,

---

* Церковь в честь сердца Иисусова (*фр.*).

** В Лисабоне есть Академия художеств с небольшою картинною галереей, есть и Археологический музей и несколько ученых и учебных учреждений. Но за недостатком времени, я должен отказаться от посещения их, предпочитая употребить завтрашний день на поездку в Цинтру.

т. е. в Белемский дворец для приема докладов министров. Встреча короля была с некоторою торжественностью: мне случилось видеть двигавшиеся к названному дворцу войска, конные и пешие; встречались генералы и сановники, ехавшие в парадной форме. Об осмотре дворцов внутри не могло быть и речи.

Гораздо интереснее дворцов названный уже монастырь Св. Иеронима, в котором покоятся останки двух королей (Альфонса VI и Иоанна II) и двух знаменитостей Португалии – Васко-де-Гама и Камозанса. Здание это одно уцелело после страшного Лисабонского землетрясения 1755 года; оно и служит единственным образцом существовавших до того средневековых строений. Громадная церковь с несколькими великолепными входными дверями и монастырский внутренний двор с аркадами в два яруса поражают изяществом и тщательностью мелких узоров и скульптурных украшений; это истинно филигранная работа из камня. Старинная постройка постепенно реставрируется; обрушившиеся части восстанавливаются заново; рядом с древними возводятся новые постройки в том же стиле; но какими грубыми кажутся все подражания новейших времен в этом роде, как например, часовня, устроенная в этом же монастыре над гробницею португальского поэта Alexandro Herculano. Такие подражания могут только усиливать впечатление, производимое подлинными старыми образцами.

На возвратном пути в город проехал я мимо Астрономической обсерватории, построенной в недавнее время на высоте, за городом.

Из всего, что успел я в короткое время видеть в Лисабоне, могу вывести заключение только об общей физиономии города. Столица Португалии, с населением всего в 270 тысяч человек, конечно, не может мериться с нынешними большими европейскими столицами**. Многое в ней остается еще по-старому: плохая мостовая, плохие тротуары, грязь, зловоние. Однако ж и Лисабон не совсем чужд нынешнему общему стремлению городов перестраиваться и распространяться: как уже сказано выше, и здесь в последнее время положено основание новым кварталам; возводятся новые

---

* Строения бывшего монастыря ныне служат помещением для школы для сирот.

** Конечно, не может тягаться за большими европейскими столицами, даже за некоторыми большими торговыми городами, большая часть его кварталов и улиц сохраняет и ныне физиономию старых городов.

благообразные постройки; по улицам ходят разного рода омнибусы и trams; всего же более способствуют украшению города прекрасные скверы, бульвары и сады, с роскошною растительностию, возможно только в южных странах. Немногие города европейские могут соперничать с Лисабоном в живописности его положения, при такой широкой, судоходной реке, не уступающей морскому проливу. К тому же Лисабон при современном стремлении к распространению и улучшениям все-таки сохраняет оригинальность свою. Вообще я могу быть доволен тем, что в своем плане путешествия не миновал столицы Португалии.

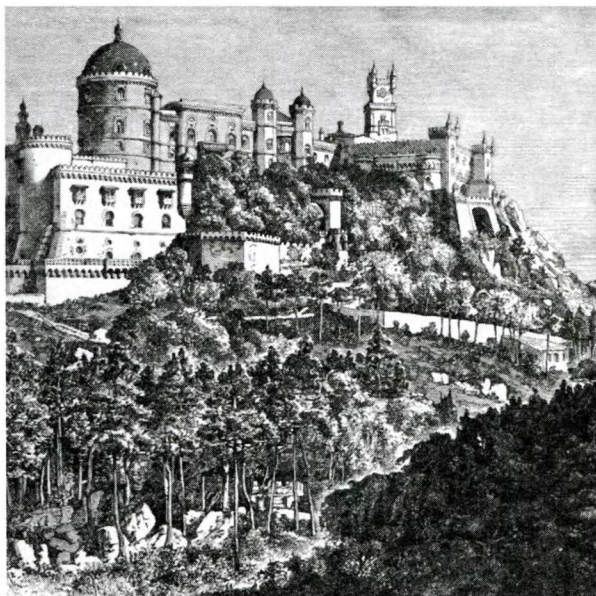
Что касается здешнего городского населения, то по внешности своей оно ничем не отличается от населения всех западноевропейских городов. Однако ж здесь несколько чаще встречается на улицах, а в особенности на набережных Таго, национальный костюм простого народа. Португальский народ образовался из смеси самых разнообразных человеческих пород, поэтому трудно подметить какой-либо преобладающий тип как в мужском, так и в женском населении. Скажу только, что здесь еще менее чем в Мадриде, встречал я красивых женщин. И здесь, как в Испании, женщины^{*} всегда носят одежду черного цвета. В простом народе головной женский убор состоит из мужской, низкой шляпы, на которую часто накладывается мягкое, шерстяное кольцо, употребляемое для облегчения обычной здесь носки тяжестей на голове. Покрывал (вуалей) подобных испанским здесь не замечал. В уличной суতোлке слух приезжего поражается странными криками разносчиков.

Еще одно замечание. Нигде не случилось мне встречать в городском населении такого добродушия, как здесь. Несмотря на совершенное незнание местного языка, отличного от всех других более известных романских наречий, всегда, когда случилось мне на улице обращаться с вопросом к местному жителю, я находил радушную готовность понять и удовлетворить иностранца. Какой-нибудь лавочник или мастеровой бросает свою работу и выходит на улицу, чтобы показать дорогу. Раз случилось, что встреченный мною полицейский, на вопрос мой о названии деревьев на бульварах, воротился назад, чтобы спросить об этом у садовника и передал мне его ответ, даже записал его в моей карманной книжке.

Монахов и даже патеров здесь почти не встречаешь, в противоположность с Мадридом и вообще с Испанией.

---

* простого и среднего слоя

Синтра

13/25-го сентября. Пятница. – Быть в Лисабоне и не видеть Синтры – это то же, что быть в Риме и не видеть папы. Синтра (Sintra) – есть деревня, в 28 километрах от Лисабона, у подножия крутой, отдельно возвышающейся горы, высотой около 582 метров (около 1900 футов) над уровнем океана. Здесь находится королевский загородный дворец – старинная, угрюмая постройка с двумя весьма странными башнями, формой своею похожие на две колоссальные черные бутылки. Здесь же по скату лесистой горы, богатой родниками и ручьями, настроено много загородных домов или вилл частных лиц, большею частью богатых обывателей Лисабона, проводящих здесь летние жаркие месяцы. Селятся здесь и иностранцы; в числе их самую роскошную виллой с великолепными садами обладает известный англичанин Кук (Cook) – царь всеевропейских туристов, глава компании, промышленяющей развозкою их по всем странам за уменьшенную плату. И деревня Синтра, и виллы с их садами и цветниками – очень милы, очень приятны для живущих в них в здоровом, свежем воздухе; но главная достопримечательность этой местности, привлекающая сюда туристов, – это два древние мавританские замка, на двух высших точках горы, живописно господствующие над обширным горизонтом от Лисабона и реки Таго до океана⁸⁸.

По совету многих, бывавших в Лисабоне, и я счел долгом побывать в Цинтре. Около 10 часов утра отправился туда по железной дороге вместе с моими знакомыми незнакомцами, бельгийскими туристами. Проезд всего час времени. От станции железной дороги наняли мы экипаж и втроем проехали почти до вершины обеих гор по прекрасной, хотя и тяжелой дороге, проложенной зигзагами чрез густой лес, богатый разнообразными южными породами деревьев. На одной из вершин нашли мы только стены и то полуразвалившиеся, старинного мавританского укрепления, с башнями, крытыми ходами, и т. п. На другой же вершине возвышается прекрасный, хорошо реставрированный замок, с высокою башней, с несколькими позолоченными куполами, с воротами, двориками и террасами замечательной арабской архитектуры. Что за оригинальная, тонкая, мелкая отделка орнаментов! Какая роскошь в вытесанных в камне узорах! Во многих местах стены наружные и внутренние облицованы разноцветными изразцами. От замка по скату горы спускаются дорожки среди роскошной экзотической растительности, цветников, фонтанов, прудов с рыбою. Пруды эти считаются также старинными, мавританской эпохи⁸⁹. С высоты обоих замков открывается очень обширный вид до океана и дальних гор. Счастливо попали мы сюда: несколькими минутами позже весь этот обширный горизонт совершенно заволокло густым туманом, так что при спуске с горы, после очень знойного дня, мы почувствовали сырость и свежесть.

Я остался вполне доволен этою экскурсией и нахожу, что Цинтра действительно заслуживает посещения. Возвратились мы в Лисабон в исходе 5-го часа, как раз вовремя, чтобы пообедать и поспеть на станцию железной дороги к отходу поезда в Севилью.

14/26-го сентября. Суббота. Севилья. – Переезд от Лисабона до Севильи продолжается ровно сутки. И на этот раз не мог я избежать ночного переезда. Ехал я опять с бельгийцами. Хотя они оказались людьми довольно легкомысленными, путешествуют просто для развлечения, в виде отдыха от обычных своих коммерческих или промышленных занятий, однако ж мне все-таки приятно иметь спутников, с которыми могу хоть иногда обменяться живым словом, притом не стесняясь нисколько в своих действиях. Они путешествуют сами по себе и я сам по себе. Большую часть пути мы оставались втроем в целом отделении вагона. На рассвете переехали португальскую границу и в первом испанском городе – Бадахосе (Badajos) остановились на два часа для таможенного

досмотра и перемены вагонов. Таможня испанская снисходительнее португальской: не роется в чемоданах, открывая их только для соблюдения формальности. Затем вторичная перемена поезда в Мериде*, где расходятся ветви железной дороги в разных направлениях. Третья остановка при новом разветвлении дорог – в Зафре (Zafra). На всем протяжении пути до этого последнего пункта местность почти равнинная. Эта часть Испании (Эстремадура) совершенно отличается от северной и средней: земля плодороднее, лучше обработана; значительные пространства засажены маслинами; виноградники – в лучшем виде, некоторые даже очень хорошо содержатся, хотя и здесь нет помина о подвязке лоз. Деревенки и маленькие города благообразны и показывают сравнительное благосостояние населения. Далее – местность становится гористой. Сьерра-Морена составляет водораздел между долинами Гвадианы и Гвадалквивира, между Эстремадурой и Андалузией; но горы здесь большею частью покрыты растительностью, а в иных местах обработаны. Железная дорога проложена с значительными уклонами и пересекает возвышения несколькими тоннелями. На некотором протяжении она пролегает чрез каменноугольную полосу; здесь по сторонам пути видны фабрики и заводы; дымящиеся, высокие трубы напоминают промышленные части Бельгии. Одно фабричное заведение, близ станции *Fábrica del Pedroso*, представляет по наружности вид весьма благоустроенного заведения, с уютными, беленькими строениями для жилья рабочих. Вообще этот край показался мне несравненно более благоустроенным, чем виденные прежде части Испании. Но чувствуется и более южное солнце: днем очень жарко; в вагоне душно.

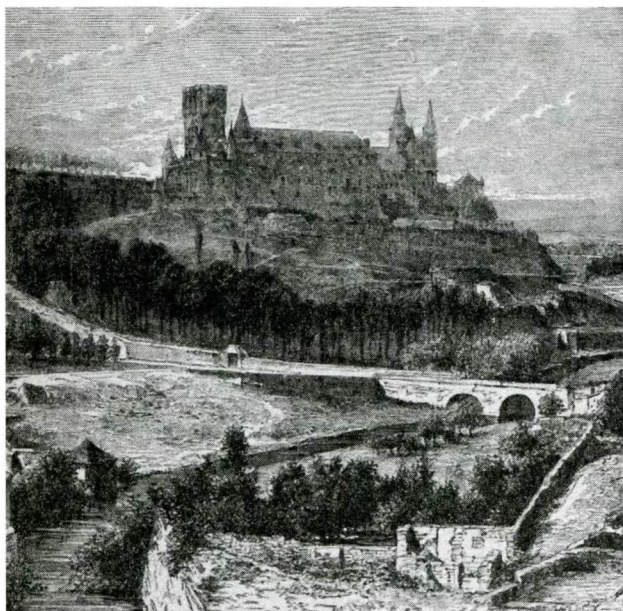
Уже стемнело, когда наш поезд спустился с горной полосы в долину Гвадалквивира. В 8 часов мы были в Севилье. Здесь остановился я, так же как и мои бельгийские спутники, в гостинице «Grand Hôtel de Madrid»**, в самом центре города.

15/27-го сентября. Воскресенье. – Большую часть ночи не мог сомкнуть глаз, несмотря на утомление от предшествующей бессонной ночи: весь искусан комарами и какими-то другими невидимыми и неведомыми насекомыми; по всему телу пятна и вол-

---

* В Мериде сохранилось, более чем в какой-либо другой местности Испании, остатков древних римских построек. К сожалению, мне не удалось их видеть. Это невыгодная сторона железных дорог. (*Прим. Д.А. Милюткина.*)

** считающуюся лучшей

Алькасар

дыри. Вдобавок каждый час под моим окном, в узком переулке, раздавался зычный и гнусливый возглас ночного сторожа. Это, по-видимому, уцелевший до сих пор от доброго, старого времени анахронизм.

С 8 часов утра пустился я бродить по городу; вернулся в отель в 1-м часу, чтобы позавтракать, а часа два спустя, когда солнце Андалузии несколько умерило свои жгучие лучи*, снова вышел, чтобы дополнить утреннюю свою прогулку.

В Севилье две главные достопримечательности: кафедральный собор⁹⁰ и Алькасар⁹¹. Первый – занимает огромное пространство и производит сильное впечатление как извне, так и внутри. В этой колоссальной, каменной массе слиты, так сказать, постройки разных эпох и различных стилей: основные части, самые замечательные по изяществу – мавританские, поглощены сооружениями средневековой готической архитектуры; позднейшими постройками эпохи Возрождения (*renaissance*) и наконец подавлены безвкусными, пошлыми пристройками новейших времен. Высокая четверугольная башня наиболее сохранила типичный характер

---

* снова пошел бродить

мавританский; но и над нею верхняя часть, служащая колокольнею, надстроена в стиле renaissance. Внутренность собора изумляет легкостью, изяществом столбов, поддерживающих готические своды. К сожалению, леса, занимающие теперь большую часть внутреннего пространства, скрывают от глаза все величие и прелесть этого чудного архитектурного произведения. Дело в том, что еще в начале XVI столетия (1511 г.) своды собора обрушились и произвели страшное опустошение внутри храма; триста лет он оставался в виде руины и только в текущее столетие приступлено к восстановлению его. Работы реставрации продолжаются и теперь как внутри, так и снаружи. Церковная служба совершается только в некоторых капеллах и боковых пристройках. Капеллы, числом до 21, кругом всего внутреннего пространства храма, заключают в себе драгоценные сокровища живописи и скульптуры; особенно замечательна одна из лучших картин Мурильо (Св. Антонио). Нельзя не скорбеть о том, что подобные сокровища искусства оставляются как бы погребенными в темных капеллах церквей и монастырей, где почти невозможно их* разглядеть.

Алькасар находится насупротив кафедрального собора; извне он представляется в мрачном виде старой крепости, с каменною, темною, зубчатою стеной. При входе в первый двор неприятно видеть кругом новые жилые постройки; но тут встречаешь сторожей, которые выдают билет для входа вовнутрь знаменитого мавританского замка и сами же за незначительную мзду служат проводниками. Хотя и здесь трудно отделить уцелевшие подлинные части настоящей арабской постройки от позднейших реставраций и дополнительных пристроек, однако ж все это сооружение в совокупности чрезвычайно эффектно. Переходя с одного двора на другой, из одной залы в другую – не налюбуйешься изяществом форм этих колонок, этих вычурных, смелых сводов и мелкою, тонкою выделкою орнаментов. Стены и полы большею частию выложены разноцветными изразцами и мозаикой. С каким вкусом подобраны цвета; как чудны узоры! Каждая зала, каждая галерея имеет свое историческое значение, связанное с традициями о королях Кастилии** Филиппе II и Филиппе III.

Есть в Севилье еще оригинальная постройка, относящаяся к началу XVI столетия и ныне составляющая собственность герцога

---

* хорошо

** преимущественно

Медина Чели (Duc de Medina Celi). Она известна под названием Casa de Pilatos⁹², потому что строитель ее Don Fadrique de Rivera, Marquiso de Tarifa, возвратившись из путешествия в Святую землю, вздумал воспроизвести в этом сооружении виденные им в Иерусалиме жилище Пилата и воспоминания о разных эпизодах последних часов жизни Спасителя. В самом осуществлении этой странной затеи испанского гранда, конечно, нечего искать исторической верности: ни в расположении частей постройки, ни в характере отделки ее внутренних частей, – нет ничего согласного с действительностью. Отделка всего ближе подходит к арабской, к отделке Алькасара: такие же дворики с аркадами кругом, такие же формы сводов, в таком же вкусе орнаменты, облицовка стен разноцветными изразцами и т. д.

Был я и в здешнем музее; но мало нашел в нем замечательного. В нижней галерее кругом двора размещены некоторые найденные в здешнем крае обломки древних статуй, частей строений, камней с надписями; затем в бывшей церкви монастырской, обращенной ныне в большую залу, собрано несколько картин, случайно сохранившихся от упраздненных монастырей. Картин немного; но в числе их есть произведения Мурильо и других известных испанских художников. К сожалению трудно разглядеть их за недостатком света в зале.

Бродя по городу, я заходил в некоторые церкви; но ничего замечательного в них не находил. Строения общественные также ничем не выдаются в архитектурном отношении, кроме разве здания Городского управления (Casas Capitulares или Ayuntamiento), замечательного тем, что в новую постройку, на одном из углов (юго-восточном) вlepена часть старинного здания в стиле renaissance, с богатой и изящной скульптурной отделкой. Такое совмещение частей старинной и новой архитектуры* вообще производит на меня впечатление заплатки из дорогой красивой ткани на дешевом, плохом платье. Заплатка эта резче выказывает бедность и шаблонность нового искусства.

В числе достопримечательностей Севильи указывается дворец герцога Монпансье (Palazo de San Telmo) с великолепными садами⁹³. Наружная архитектура этого дворца отличается только мраморным, с скульптурной работой, порталом в середине главного фасада; войти вовнутрь я не полюбоствовал. Сады заме-

---

* часто встречающееся не в одной Севилье

чательны богатством и разнообразием экзотических растений. В соседстве с этим дворцом, на берегу Гвадалквивира, устроены публичные сады, а далее по набережной реки бульвар. Предместие Triana, на левом берегу Гвадалквивира, соединено с городом двумя мостами. Сравнительно с другими большими городами, Севилья сохранила характер старых городов, с искривленными, узкими улицами, большею частью грязными и зловонными, с плохими мостовыми, узкими тротуарами, а часто и вовсе без тротуаров. Но в населении городском так же мало типичности, как и в других городах. Прежняя характерная андалузская пляска сделалась теперь потехою только в городских *caféés-chantants* и в других притонах разврата.

16/28-го сентября. Понедельник. Кордова. – Опять бессонная ночь; невидимые мои враги продолжали мучить меня до самого света; а в 7 часов я уже на ногах, чтобы улечься для выезда из Севильи в Кордову. Между этими городами менее 4 часов пути: выехав в 10¹/₂ часа утра, я рассчитывал быть в Кордове в начале 3-го часа. Но в Испании железнодорожные поезда никогда не приходят и не уходят в определенные часы. Ожидавшийся поезд из Кадикса запоздал на 40 минут, а потому и наш поезд тронулся на столько же позже, а в Кордову запоздал целым часом. Путь наш пролегал все время по долине Гвадалквивира то по одному, то по другому берегу. Местность равнинная, обработанная; много маслин и полей. Виноградники встречаются редко и те плохи. Тут и там белеются деревни с красивыми церквями. Ближе к Кордове местность становится волнистою. Гвадалквивир здесь гораздо уже, чем в Севилье. День жаркий; солнце сильно печет.

Мои бельгийские спутники остались в Севилье, чтобы насладиться травлей быков. Вместе с тем они изменили свой маршрут, намереваясь ехать из Севильи в Кадикс и оттуда прямо в Гренаду, минуя Кордову. Однако ж мы опять съедемся в Малаге**. Вчера после обеда, на прощание, мы обменялись визитными карточками.

В Кордове остановился я в гостинице «Hotel Suizo», рекомендованной мне как лучшей в этом городе. Несмотря на запоздание поезда, я все-таки воспользовался остававшимися еще до наступления темноты двумя или тремя часами времени, чтобы взглянуть на город и на главную его достопримечательность – со-

---

* национальной особенности

** к отходу парохода.

бор, сооруженный в XVI столетии внутри магометанской мечети VIII столетия⁹⁴. Мечеть занимала огромное пространство: 167 метров в длину и 119 в ширину, что составляет 19 870 квадратных метров*. Католическая церковь, заменившая мусульманскую мечеть**, заняла не более $\frac{1}{12}$ доли всего пространства мечети. И здесь, как в большей части мечетей, пред главным входом имеется дворик, усаженный апельсиновыми деревьями и пальмами, с фонтаном и с бассейном посередине. На дворик этот ведут ворота сквозь высокую башню, построенную в XVI столетии, на месте прежней арабской, разрушенной землетрясением.

Пройдя чрез ворота и чрез дворик и вступив в самую мечеть, я был изумлен представшими пред моими глазами бесчисленными рядами разноцветных мраморных колонн***, поддерживающих бесчисленные арки, сложенные в два ряда из камней двух цветов: белого и красного, попеременно. Хотя я был подготовлен чтением к предстоявшему мне впечатлению, однако ж должен сказать, что действительность превзошла ожидания. При тусклом освещении вечернего солнца, сквозь разноцветные стекла немногих просветов, было что-то фантастическое в этом творении мавританского зодчества. Католические монахи усердно постарались исказить это творение, заделав многие пролеты между колоннами гладкими стенами, заменив легкие арки тяжелыми сводами, и изящные арабески безвкусными орнаментами стиля renaissance. Сам Карл V, у которого монахи выманили разрешение на приспособление арабской мечети к требованиям католической церкви, будто бы потом, при посещении Кордовы, увидев, что наделали монахи, пожалел о том, что дал им разрешение. В настоящее время, по распоряжению испанского правительства, производятся в храме работы с целью возможного исправления**** ошибки, сделанной несколько веков назад: некоторые стены уже разобраны, чтобы открыть заделанные арабские арки; тонкие, изящные узоры арабские, мозаичные и рельефные орнаменты очищаются от покрывшего их толстого

---

* Севильский собор, отличающийся обширностью, занимает всего 15 642 квадратных метра; собор Св. Петра в Риме – 15 160 квадратных метров; собор Миланский – 8 406 квадратных метров. (Прим. Д.А. Милютина.)

** по изгнании мавров из Испании

*** На всем пространстве мечети около 600 колонн <поддерживающих почти столько же сводчатых куполов>; из числа их только 52 вошли в пространство, занятое христианской церковью. (Прим. Д.А. Милютина.)

**** вреда нанесенного

слоя штукатурки; но все эти работы реставрации арабского здания, конечно, не возвратят ему прежней гармонии и единства: не посмеют коснуться самой церкви, ни многочисленных капелл, устроенных по всем четырем фасадам мечети; ни алтарей, загородивших многие промежутки между колоннами. И в церкви, и в капеллах немало ценных произведений нового искусства; но разглядеть их невозможно по недостатку света внутри здания. Чтобы показать мне раскрытую в недавнее время чудную арабскую отделку, сторож должен был зажечь свечу на длинном шесте. Когда он освещал попеременно то одно, то другое место стены, арки, свода, – меня изумляли изящество и тщательность работы, красота узоров, подбор цветов. Нет возможности выразить словами вынесенное мною впечатление. Я был очарован и не хотелось оторваться от чудной храмины.

Что касается наружного вида здания, то можно сказать, что в нем нет ничего архитектурного, кроме разве башни, построенной, как уже сказано, в XVI столетии, с некоторою вычурностию. Все здание обнесено гладкою стеной, с придачею нелепых зубцов, кое-где статуй святых и т. п. Взглянув только снаружи на эти стены, никто не догадается, что внутри их заключается столько художественных сокровищ.

Собор – или вернее сказать мечеть – составляет единственную достопримечательность в Кордове; сам же город ничем не привлекает туриста. Кордова (по-испански Cordoba) имеет менее 50 тысяч жителей, состоит исключительно из кривых, узких, грязных улиц, вымощенных булыжником. Он остался совершенно таким же, какими были вообще города южной Европы в прежние времена. Обойдя большую часть города, я не встретил ни одного сколько-нибудь выдающегося здания, ни одной нарядной улицы, ни площади. Не встретил и ничего национального, характеристичного, кроме разве того, что многие дома имеют, по примеру древних домов, а также и арабских, – красивые внутренние дворики (ratio), часто окруженные аркадами или колоннадами, с фонтанами, с растениями и цветами. Проход с улицы во двор – обыкновенно очень опрятный, иногда нарядный, заменяет балконы или террасы наших домов и служит гостиною.

Возвратился я в отель уже впотьмах, прямо к обеденному часу.

17/29-го сентября. Вторник. – Поезд из Кордовы в Гренаду отходит в полдень. У меня было довольно времени, чтобы сделать еще раз прогулку по городу и вторично побывать в Соборе.

Мне хотелось всмотреться в чудное сооружение арабского зодчества при утреннем освещении. И действительно, я мог сегодня разглядеть многое, что вчера, при вечернем полусвете, ускользало из моего зрения. Спасибо настоящим властям, которые тщательно и осторожно обнажают арабскую изящную работу из-под варварского слоя штукатурки. Вчера мне казалось, что колонны, в первоначальном их виде, могли быть несколько выше, т. е. что основания их теперь утоплены ниже помоста, что было бы очень правдоподобно при последовавших в разные эпохи перестройках. Но как ни старался я сегодня убедиться в своем предположении, никаких положительных признаков не нашел.

Вторичная прогулка по городу подтвердила лишь вчерашнее мнение мое о Кордове. Я ничего не видел, кроме вчерашних скромных и невзрачных закоулков. Взглянул я на Гвадалквивир, огибающий город с южной стороны; на старинный каменный мост, ведущий в предместье на левом берегу реки; видел некоторые серые, мрачные ворота, уцелевшие от разрушенных городских стен; прошел по парку Victoria, разведенному на северо-западной окраине города, близ железнодорожной станции, и когда солнце начало уже сильно припекать, возвратился в отель, чтобы забрать свой багаж и поспеть на станцию железной дороги.

Гренада. И сегодня выезд из Кордовы запоздал на три четверти часа, опять в ожидании прихода поезда из Мадрида. Мы тронулись позже половины первого часа. Дорога идет до станции Bobadilla большею частью по равнине; от этой же станции одна ветвь направляется в Малагу, а другая отделяется влево, на Гренаду. Эта вторая часть пути более гористая; дорога идет вдоль подошвы горного края, невысокого, с округленными вершинами, но местами обрывистого. Скаты гор обработаны; более всего масличных деревьев, которые сажаются рядами, с большими промежутками, вспаханными и засеянными. Много плантаций молодых; не разводятся ли они взамен бывших виноградников?

В Гренаду приехали уже в 9 часов вечера. Нигде еще, даже в самой Испании, не случалось мне видеть на железнодорожных станциях такого беспорядка и такой халатности, как здесь. С трудом пассажиры добиваются своих чемоданов; когда же наконец овладеют ими, носильщиков останавливают агенты городского *octroi**; заставляют отпирать чемоданы и роются в них. Таковую же чудо-

---

* сбор в пользу города с ввозимых в него предметов (*фр.*).

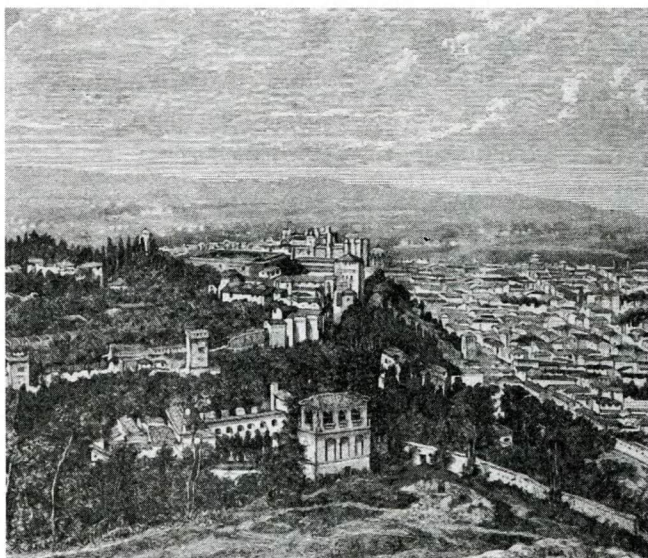
вишнюю процедуру испытал я в Севилье; в Кордове же почему-то миновал. В Гренаде рекомендовали мне гостиницу Alameda, как лучшую; но высланный от отеля омнибус оказался грязным и крайне неисправным. С трудом дотащил он нас до гостиницы, почти шагом, по сквернейшей мостовой и по узким улицам, где двум экипажам не везде можно разъехаться. В гостинице новое разочарование: объявляют, что нет свободных номеров, но предлагают поместить на ночь в каких-то конурах на самом верху, с обещанием переместить завтра в первую комнату, какая очистится. Делать нечего: надобно принять предложение и кое-как переночевать выше крыш соседних домов. Вообще отель оказался плохим, на манер туземных «fonda»^{*}; среди персонала гостиницы никто не знает другого языка, кроме испанского.

18/30-го сентября. Среда. – С 8 часов утра начинаю обзор Гренады, прямо с Альгамбры⁹⁵. Знаменитый этот памятник блестящей эпохи аравитян, с окружающими его стенами башнями, занимает довольно обширную площадку на высоте, господствующей над городом, с восточной стороны. Южный скат ее сплошь покрыт густым лесом, чрез который проложено несколько тенистых аллей: этот прекрасный парк называется Paseos y Alameda^{**}. По одной из аллей, еще при утренней прохладе, поднялся я до башни, чрез которую открывается вход в крепостную ограду (Puerta Judiciaria). Первое впечатление не совсем выгодное: с одной стороны – новые жилые постройки; с другой – мрачная стена прежней арабской цитадели Alcazabo; с третьей – недостроенный дворец Карла V в стиле renaissance, заслонивший роскошный дворец калифов Гренадских. Чтобы попасть в этот дворец, надобно спуститься в тесный закоулок к маленькой двери, у которой сидят сторожа в форменном костюме. Один из них вводит туриста в дивную храмину и водит его по всем ее залам, галереям, внутренним дворикам, безостановочно, не давая времени долго всматриваться и любоваться. С первого шага – полное очарование: Альгамбра поражает, но не величественностью, не грандиозностью размеров, как представлял я себе по рисункам и фотографиям, а чудною, изящною отделкою деталей, красотою орнаментов, фантастическими формами сводов, куполов, потолков, с их затейливыми выступами, висящими подобно сталактитам. Куда ни взглянешь, везде тонкая скульптур-

---

* жилище (исп.)

** Аллея тополей (исп.)

Альгамбра

ная или лепная работа, разноцветные изразцы, мраморная мозаика. Какие прелестные узоры! Какой вкус в подборе цветов!.. Самое расположение дворца крайне причудливое: множество переходов из одной залы в другую, то вверх, то вниз; очаровательные дворики (patio) с аркадами, фонтанами, бассейнами, садиками; тут роскошные ванны, там балконы и галереи, с которых открываются обширные виды. Это такой лабиринт, что не охватишь его сразу, даже с планом в руках. Описать его, сколько-нибудь обстоятельно, нет возможности. Об этом дивном сооружении легче составить себе представление по рисункам и фотографиям; но как замечено выше, глядя на эти изображения, не следует представлять себе что-либо грандиозное: вся прелесть Альгамбры – в деталях. Добавлю притом, что в настоящее время производится тщательная реставрация старинной постройки; части, залепленные толстым слоем извести, по возможности очищаются; поломанные, потерявшие от времени – восстанавливаются, с соблюдением полного сходства с подлинными, старинными образцами. Исправляются также повреждения, причиненные случившимся несколько лет назад пожаром. Работают и в постройке Карла V-го, вероятно, для очистки ее от груд обломков и мусора.

В полном очаровании вышел я из храмины калифов; несколько времени бродил еще в пределах крепостных стен, любуюсь с

разных точек зрения обширными видами вдаль. Весь город под ногами; затем покрытая маслинами равнина Веги, а далее – горы Сьеры Эльвиры. Только с северо-восточной стороны горизонт прегражден близкою высотой, отделенной от Альгамбры глубоким, лесистым оврагом. На этой высоте находится вилла Generalife⁹⁶, составляющая ныне частную собственность маркизы Campotejar, к которой это поместье перешло по наследству от старого предка, родом мавра. С высоты Дженералифе открывается вид еще более обширный, чем с Альгамбры. Туда и пошел я по одной из аллей Аламеды, мимо двух хороших загородных отелей (Washington-Irving и Rome), где останавливаются туристы, желающие быть ближе к Альгамбре. Для входа в имение маркизы нужно иметь разрешение, которым я не успел запастись; но несколько франков сторожу и садовнику открыли мне доступ в прекрасные сады, окружающие виллу. В постройках Generalife сохранились кое-какие части древнеарабских строений; по стенам развешены старинные портреты членов королевского дома и предков владелицы имения. Выше и ниже строений виллы, по скату горы, разведен довольно обширный и красивый сад, обильно снабженный водой. Среди разнообразной южной растительности устроены фонтаны, прекрасные цветники, тенистые дорожки. На одной из площадок сада показывают замечательный кипарис, уцелевший от времен арабского владычества: толстый ствол его, совсем уже пустой внутри, раздвоился; верхние ветви засохли. Замечу при этом, что в здешнем крае довольно много кипарисов; но я не видел до сих пор ни одного, который мог бы своими размерами и пышностью равняться с хорошими крымскими кипарисами, каковы например в Алушке. Входя по ступеням с одной террасы на другую, я незаметно поднялся до площадки, на которой выстроен бельведер в несколько этажей. Отсюда еще раз любовался я видом на дальние окрестности Гренады. Однако ж и отсюда вид в северо-восточную сторону прегражден другою близкою высотой, на которой видны развалины старинных стен. По всем вероятностям, это был передовой форт арабской крепости. Взбираться туда я не решился; уже близко было к полудню, и солнце припекало сильно.

Возвратившись в отель, позавтракав и немного отдохнув, я снова отправился за город, на этот раз уже в экипаже, чтобы взглянуть на другую достопримечательность Гренады – бывший Картезианский монастырь* (Cartuja⁹⁷). Церковь его славится бо-

---

* Картуха

гатством внутреннего устройства. Действительно, при самой не-красивой наружной архитектуре – внутренняя отделка церкви так роскошна, в стиле госсос, что можно поставить ее в этом отношении в число самых замечательных католических храмов. Разноцветные мраморы, мозаика, золото, статуи, картины, лепные работы – все здесь употреблено для украшения храма и прилежащей к нему ризницы (sacristie). Под аркадами бывшего здесь монастыря показывают на стенах фрески, писанные одним из монахов на сюжеты церковной истории. Но фрески эти никакого художественного значения не имеют.

Поездка в загородный монастырь доставила мне случай видеть некоторые из дальних городских улиц. Из всего, виденного до сих пор в Гренаде, могу заключить, что город этот, хотя и значительно Кордовы (в нем более 76 тысяч жителей), однако ж подобно ей остался в том виде, в каком были вообще города южной Европы в доброе старое время: с узкими, искривленными улицами, грязными закоулками, скверными мостовыми и без всяких удобств для жизни.

Хозяин отеля сдержал свое обещание: переместил меня в другой номер, в первом этаже, с окном на театральную площадь*.

19-го сентября / 1-го октября. Четверг. – Небольшой дождь ночью немного освежил воздух. Утром ходил я по городу. Начал с нижней части, ближайшей к отелю Alameda, где находятся и другие главные отели, театр, бульвары, спустился к речке Джениль (Genil), обгибающей город с южной стороны, а затем постепенно пробираясь разными закоулками дошел до верхних северо-восточных окраин. Квартал, называемый Albaucin, у северной подошвы высоты Альгамбры, отделен от нее оврагом горной речки «Дагга»: здесь в старину был собственно арабский квартал. Севернее же и выше его, над самой стеной, окружавшей Гренаду, во времена калифата разбросаны жилища здешних цыган – jítanos. Эти последние живут еще грязнее испанцев; еще более распространено между ними нищенство или, вернее сказать, попрошайство. Всякий и всякая по привычке протягивает руку к проходящему, особенно к иностранцу, которого узнают чутьем.

Вчера смотрел я с высоты Альгамбры на город, расстилающийся у подножия ее; сегодня, наоборот, смотрю снизу, от речки Дагга, на стены Альгамбры и на виллу Дженералифе. Речка Дагга

---

* и новое помещение не очень комфортабельно, но все-таки я доволен.

в верхнем своем течении образует красивую долину, скаты которой покрыты густой растительностью. В пределах же города она сперва течет открытым каналом, между каменными стенами; но далее, в центральной части города перекрыта сводом, который и образует единственную в Гренаде широкую и довольно опрятную улицу под разными названиями: сначала Mendez-Nuñez, а далее Calle de los Reyes Catolicos. Последняя ведет на площади Puerta Real и Carrera.

Единственное замечательное сооружение в Гренаде (конечно, кроме Альгамбры) есть собор, построенный в XVI столетии, в стиле renaissance⁹⁸. Наружный вид его – тяжелый, массивный, не представляет единства; замечательны только некоторые части, как например, порталы, с уцелевшими старинными скульптурными орнаментами. По внутренней же своей отделке гренадский собор может быть поставлен в число самых роскошных католических храмов. К соборной церкви примыкает обширная и роскошно отделанная пристройка, называемая Capilla Real, где погребены Фердинанд Католик и Изабелла; над могилою их воздвигнут великолепный мраморный памятник. Рядом с ним другая гробница – короля Филиппа и королевы Жанне. Замечательно во внутреннем устройстве кафедральных соборов южной Испании, что в центральной их части некоторое пространство, предназначенное собственно для службы церковной и называемое «хором» (soto), отделено от остального пространства храма сплошную стеной; проход же от хора к алтарю (capilla mayor) огораживается с обеих сторон низенькой решеткой (балюстрадой)*.

После утренней прогулки не выходил уже во весь остальной день. Завтра продолжаю путь в Малагу. Это будет последний мой этап в Испании.

20-го сентября / 2-го октября. Пятница. Малага. – Переезд из Гренады в Малагу – 193 километра. Чтобы не вставать слишком рано, я взял обыкновенный поезд (mixto), который по расписанию, выходя в 9¹/₂ часов утра, идет двумя часами доле так называемого курьерского (correo). От Гренады до станции Bobadilla проезжал я описанным уже путем. В Бобадилле сходятся** поезда из Кордовы, Малаги, Гренады и Севильи; пассажиры всех четырех поездов пересаживаются в сформированные вновь поезда и

---

* постараюсь при случае разъяснить себе свое недоумение на этот счет.

** к одному времени (опять-таки по расписанию)

разъезжаются в четыре стороны. Комбинация эта – прекрасна в теории; на деле же выходит очень неудобною для пассажиров. Поезда, как уже я упоминал, всегда опаздывают против расписания, и, разумеется, чем длиннее путь, тем и опоздание значительнее. Поезд кордовский (собственно мадридский) пришел на 40 минут позже часа, назначенного по расписанию; а в Малагу прибыли мы целым часом позже – в 8-м часу вечера вместо 6 часов.

От Гренады до Бобадилля дорога пролегает по долине той же речки Genil, на которой находится Гренада. По обеим сторонам тянутся горные хребты: с севера – Sierra Elvira, с юга – Sierra Nevada. От станции же Бобадиллы дорога, приняв направление к югу, пересекает всю толщу хребта Невада, извиваясь по крутым его скатам, по краю глубоких пропастей, сквозь целый ряд тоннелей: я насчитал их девять. Хребет этот довольно почтенной высоты: одна вершина его, близ Гренады, имеет до 3554 метров высоты над поверхностью моря, т. е. около 1668 сажень или 11 680 футов. Верхний гребень скалист и оголен; нижние же скаты большею частью обработаны, а долины, обильные водой, даже очень плодородны и живописны. С переходом на южную сторону хребта, заметна* перемена в растительности: здесь маслины отходят на второй план; большая часть пространства занята апельсиновыми, лимонными, гранатными деревьями; по сторонам дороги – густые полосы экалиптусов особого вида – очень высоких, пирамидальных, с опущенными ветвями и продолговатыми листьями. Изгороди из крупных кактусов и алоэ. Много других южных растений не удалось мне разглядеть и отличить. Что за дивное разнообразие оттенков зелени: серо-бледная маслина отбивает еще ярче блестящий цвет апельсиновых и лимонных деревьев; гранатное дерево в свою очередь выделяется золотистою зеленью и ярко-красными цветами; темно-зеленый лист экалиптуса оттеняет беловатую зелень кактусов. С прибавкою среди этой роскошной растительности белых домиков** отдельных усадеб – получается*** чудная картина, заставляющая забыть все неудобства и мелкие неприятности путешествия по Испании и всю неурядицу на испанских железных дорогах.

Замечу еще, что в Андалузии и вообще в южной Испании более встречается национальный костюм и мужчин и женщин. Типы тех

---

* большая

** ферм и вилл

*** действительно

и других очень разнообразны; но и здесь порода такая же некрасивая, как и в северной Испании. Заметно несколько более смуглых лиц – признак бóльшей примеси мавританской крови.

В Малаге остановился я в Hôtel de Rome, в самом видном месте города – на бульваре Alameda*. Мне отвели комнату в первом этаже, окнами на бульвар. Отобедав за общим столом, я вышел из отеля, чтобы размять ноги после долгого сидения в вагоне. С бульвара повернул в широкую, прямую улицу, ярко освещенную электричеством, оживленную многочисленной публикой и блестящими магазинами. Улица эта, вновь проложенная, не уступит лучшим улицам Парижа или другой столицы. Вот, подумал я, виден город портовый, европейский, – не чета виденным мною последним городам испанским**.

21-го сентября / 3-го октября. Суббота. – Ночью гроза, дождь и сильный ветер; порывом ветра раскрыло с шумом мое плохо закрытое окно. Худое предзнаменование – подумал я; перемена погоды как раз пред предстоящим мне морским плаванием между берегами Европы и Африки. Завтра утром приходит из Марселя пароход французской Compagnie générale Transatlantique*** и завтра же вечером полагаю отправиться на этом пароходе в Гибралтар, Тангер, возвратиться на нем же в Малагу и затем отправиться чрез Меллилу и Немур в Оран. Таким образом, придется мне плавать пять суток. Досадно будет, если именно на это время разбушуются хляби морские.

Однако ж к утру природа уже приняла свой обычный приветливый вид: ветер улегся, солнце выглянуло из-за облаков, а к полудню стало так же жарко, как и в предшествовавшие дни. С 8 часов утра бродил я по городу, начав**** с порта. Какая разница с портом Барселонским – таким опрятным и нарядным: здесь же такая грязь и зловоние, как во всех вообще портах, с прибавкою еще работ, предпринятых для засыпки внутренней обмелевшей части. С набережной поднялся я к руинам старинных укреплений: Castillo de Gibraltar и Alcazaba⁹⁹, на крутой высоте, господствующей над городом с восточной стороны. Укрепления эти относят к весьма

---

* Гостиница эта вполне может быть названа первоклассною, не чета жалким fonda Кордовы и Гренады.

** Впрочем завтра познакомлюсь с ним поближе.

*** Трансатлантическая компания (*фр.*).

**** разумеется

древней эпохе – эллинов и финикийн. Кроме обширного вида с высоты, в этих руинах нет ничего замечательного.

Город Малага, с 116 тысячами жителей, расположен у подошвы гор, огибающих его амфитеатром, при устье речки Rio Guardal Medina. В настоящее время в этой речке нет ни капли воды; в половодье же она разливается на сотню или более саженой. Исходив город по всем направлениям, я должен изменить первоначально составленное мнение: оказывается, что виденное мною вчера при электрическом освещении – есть только казовый конец, парадный клочок города, произведение самого последнего времени; еще две, три улицы довольно представительны; вся же остальная часть города состоит из грязных и зловонных закоулков, как и в других старых городах Испании. Ни одно здание не выдается своею архитектурой; кроме собора¹⁰⁰, нет ни одной церкви, замечательной в историческом или художественном отношении. Собор же, стесненный окружающими его частными домами, представляет снаружи* тяжелую массу, в которой сливаются части разных эпох и разных стилей: от средневековых порталов, с мелкою скульптурною работою, до гладких, сплошных стен новейших времен. Внутреннее устройство чисто в стиле renaissance. И здесь, как было уже мною замечено, средина церкви отделена для «хора».

Бельгийские мои спутники опять появились и завтра также отправляются на французском пароходе. По их мнению, в Кадикс не стоит ездить.

После завтрака я сделал поездку за город, чтобы видеть замечательные сады двух частных владельцев: Heredia San Jose и англичанина Loring. Оба эти сада находятся почти рядом, на скате гор (к северу от города). По богатству и разнообразию своих экзотических растений они могут соперничать с лучшими ботаническими садами. Благодаря теплomu климату Малаги, здесь растут на воздухе такие нежные растения, которые в других местностях Европы прячут в теплицы и оранжереи. Здесь, в нормальные годы, температура зимой не падает ниже +6° Ц. (4°,8 Реомюра). Только последняя зима составляла печальное исключение: старожилы не запомнят таких холодов. Садовник в одном из названных садов уверял, что мороз доходил до 12° *ниже* нуля; что вода в бассейнах сада покрылась таким слоем льда, что можно было кататься

---

* разнородную

на коньках. Многие из растений не выдержали такого необычного холода и погибли; у иных пришлось обрубить ветви*.

На возвратном пути в город заехал я на завод, выделяющий вино, известное под названием «малаги». Сам владелец Ramos Tellez водил меня по своему заведению, давал объяснения на мои вопросы и в заключение предложил попробовать разные сорта выделяемых им вин. По уверению его, «малага» изготавливается как всякое другое вино простым прессованием, без всяких посторонних примесей и без предварительной сушки винограда, употребляемой при изготовлении других сладких (десертных вин)**.

Темный, почти черный цвет придается вину только в угоду потребителям, привыкшим к такому цвету «малаги»; для этого служит примесь известной части того же кипяченого вина. Поданное мне на пробу натуральное светлое вино без всякой примеси показалось мне более приятным, чем подкрашенное***.

Еще замечательно, что для хранения вин, выдерживаемых много лет на самом заводе, нет настоящих подвалов, приспособленных к общепринятым условиям этого рода хранилищ****. Здесь бочки с вином лежат в двух огромных, совершенно открытых двухэтаж-

---

* Но все-таки для меня кажется удивительным, как [же] остались целы остальные. Тот же садовник [приписывает] сохранение их теплоте почвы, которая, по его мнению, не успела промерзнуть на столько, чтобы остановить движение соков из корней.

** Прессы его (всего 4 и небольшие) такие же, какие ныне употребляются только с гидравлическим движением. В устройстве аппаратов и приспособлений не нашел я ничего особенного, заметил даже, что все как-то грязно и небрежно. Особенность производства «малаги» состоит в том, что для удовлетворения французских потребителей, привыкших к темному, почти черному цвету вина, примешивают некоторую известную часть кипяченого вина.

*** Но все-таки не верится, чтобы особенные специальные свойства «малаги» исключительно зависели от свойств местной лозы, тем более что для изготовления ее употребляется виноград, привозимый с довольно обширного района. Быть может, заводчик не хотел высказать чего-нибудь, не был вполне искренен и считал нужным не открывать всех подробностей заводского производства. Однако ж, по его словам, во всем крае (южной Испании) весь виноград родится белый, так что красных вин вовсе не производится; тогда как в Валенции и далее к Барселоне растет и темный виноград, из которого выделяются красные вина; из тамошнего винограда выделять «малагу» невозможно. В заключение господин Ramos Tellez вручил мне расписание продаваемых им сортов вина с ценами и условиями, причем прибавил, что посылает нередко свои вина в Петербург.

**** с обычными предосторожностями от изменений температуры.

ных сараях, и даже не особенно тщательно затыкаются. На выраженное мною по этому поводу недоумение, заводчик уверял, что «малага» по своему натуральному свойству (пропорции алкоголя) не требует никаких особых предосторожностей для хранения.

После обеда в отеле бельгийские мои знакомцы увлекли меня в один из здешних *cafées-chantants*. Поднявшись по грязной деревянной лестнице во второй этаж, мы очутились в довольно большой зале, уставленной столиками и набитой битком публикой низшего сорта: рабочие, солдаты, горничные, прачки; все нетерпеливо ждали начала представления на сцене. Мы заняли места на возвышении, отделенном от остальной залы перилами и, по заведенному порядку, спросили себе по полбутылки пива. Плата за это скромное «*consommation*»* (как выразился бы парижанин) заменяет плату за вход. Заиграла музыка, поднялся занавес и мгновенно в зале водворилась полная тишина. Мы, конечно, ничего не поняли в разыгранной пьесе, финалом которой, к полному нашему удовольствию, была андалузская пляска. Затем мы поспешили выбраться из душной и зловонной атмосферы, прошлись еще по улицам среди толпы гуляющих и в начале 11-го часа возвратились в отель. Это именно время самого разгара жизни в Испании: магазины открыты и ярко освещены; в каждом из них сидят группы дам, под предлогом выбора товаров; но они более смотрят на прохожих; кофейные дома переполнены; все столики, расставленные на улице и на площади, заняты; везде говор, смех, музыка. Только в южном крае и возможна такая уличная жизнь.

22-го сентября / 4-го октября. Воскресенье. – От нечего делать пошел утром бродить по городу по тем же местам, которые уже видел вчера. Малага принадлежит к числу тех небольших городов, которые можно обойти в одно утро; на второе – уже ничего не остается нового. Заглянул на море: с берега кажется совсем гладким и предвещает хорошее плавание.

Покидая берега Испании, что могу сказать о ней на прощание? Путешествие мое по Пиренейскому полуострову совершилось вполне удачно; никаких затруднений от незнания языка не встречалось. Должен сознаться, что и во многом другом не оправдались мои ожидания. Так в населении, к сожалению, нашел я мало национальной оригинальности, особенно в городах, которые более или менее приняли физиономию общеевропейскую. Виденная мною

---

* заказанный напиток (*фр.*).

Испания вовсе не та, какую мы привыкли воображать себе по книгам и картинкам. Быть может, эта воображаемая Испания и найдется где-нибудь в глухих местах, вдали от городов и железных дорог. Тем не менее я убедился в том, что Испания не составляет исключения из высказанного мною неоднократно замечания относительно быстрого исчезновения во всей Европе национальных и местных особенностей. Все страны Европы в скором времени будут обезличены, все примут одинаковую внешнюю физиономию. Останется, конечно, различие только в степени культурного развития, в бóльшей или меньшей близости к общеевропейскому идеалу государственной и общественной жизни.

23-го сентября / 5-го октября. Понедельник. Тангер. – Вчера после обеда отправился я на лодке вместе с бельгийскими моими спутниками на пароход «Malvina» французского общества: *Compagnie générale Transatlantique**. Судя по тем похвалам, которые слышал я относительно пароходов этого общества, я рассчитывал, что предстоявшее мне пятидневное плавание будет для меня отдыхом, тем более, что погода была как по заказу: море совершенно гладкое, небо ясное**. Однако ж надежды мои осуществились не вполне: в агентстве общества (в Малаге) выдали мне билет только до Тангера, объявив, что там в агентстве могу получить новый билет для продолжения плавания; при этом не предупредили меня, что следовало взять отдельный билет на багаж. Последствием этого было то, что на пароходе встретил я немало затруднений с моим чемоданом. Это было первым разочарованием. Затем оказалось, что пассажиров набралось такое множество, что в первое время было даже сомнение, получу ли я койку***. После долгих толков, наконец, объявили мне, что я буду в одной каюте с тремя другими спутниками. Это было второе и пуще разочарование; а на конец оказалось, что пароход «Мальвина» – старое, плохое судно****, грязное, тесное, медленное на ходу, с

---

* на этом пароходе предстояло мне плавать пять дней: из Малаги в Гибралтар и Тангер, оттуда обратно в Гибралтар и Малагу, затем в Мелилу, Немур и, наконец, в Оран, рассчитывал отдохнуть в этом плавании, основываясь на похвалах, которые слышал я относительно пароходов названного общества. Но я обманулся в своих надеждах.

** но я обманулся в своих надеждах.

*** в каюте.

**** довольно грязное

очень худо устроенным хозяйством; прислуги мало, кухня плохая, начальство нераспорядительное.

По расписанию пароход должен был сняться в 8 часов вечера. Вместо того он тронулся только в 11-м часу: долго продолжалась нагрузка; почти все начальство, не исключая и самого капитана, оставалось на берегу, так что прием пассажиров и размещение их делались буфетчиком (*maitre d'hôtel*). А между тем на палубе произошел переполох: поставленный у входа на пароход испанский таможенный солдат в порыве горячности пырнул штыком толкнувшего его повара и причинил ему порядочную рану. Пароходный врач был на берегу: послали за ним, за начальством таможенным, за полицией. Вся эта история еще более замедлила отплытие нашего парохода. Пассажиры имели довольно времени, чтобы любоваться видом Малаги с моря при вечернем освещении. Бесчисленные огоньки разбросаны по скату гор до самых развалин старинного укрепления. Вдоль всей набережной тянулась длинная линия освещенных домов. Огоньки отражались и на воде порта; а на небе, среди бесчисленных звезд, светил новорожденный месяц. Так было тепло, что мы на палубе сидели в своих легких, летних одеждах.

Наконец съехалось начальство парохода; нагрузка закончилась, и вот снялись мы с якоря. Едва вышли из порта, оставив за собою красный свет маяка, – как повеяло приятною свежестью. Я провел ночь, не раздеваясь. Сегодня в 6 часов утра подошли к Гибралтару с западной стороны, т. е. обогнув южную оконечность мыса, называемую «*pointe d'Europe*»*. Сзади нас виден ясно африканский берег, слева и впереди – испанский, с беленькими его городками *Algeciras* и *San-Rogue*, справа – захваченный англичанами высокий, скалистый полуостров¹⁰¹, едва связанный с остальной испанской территорией узким, низменным перешейком, на гладкой поверхности которого явственно обозначены рвами две прямые линии, между которыми лежащее пространство признано «нейтральной зоной». С известного часа вечера до известного часа утра ни одно живое существо не пропускается английскими часовыми чрез эту заветную полосу. У западной подошвы английской горы тянется амфитеатром город Гибралтар, разделенный на две части открытую площадью и большим парком. На южной оконечности мыса и вдоль всего берега тянутся укрепления, из амбразур которых выглядывают дула орудий. Несколько ярусов

---

* кончик Европы (*фр.*)

укреплений, с казармами, жилыми домами и казематами грозно высятся на уступах горы и на ее вершине. Кроме того, в самых скалах* высечены длинные ходы и пещеры, в которых также пробиты амбразуры. Поставленные в них орудия, ни откуда не видимые, обстреливают рейд и сухопутные доступы к Гибралтару со стороны испанской территории. Общий вид Гибралтара имеет грозный вид. С парохода видны повсюду красные мундиры, дула орудий, английский флаг, а в самой гавани стоит английский башенный броненосец.

Лишь только бросили якорь, множество лодок окружило наш пароход. Около 8 часов утра, по окончании всех формальностей, многие из пассажиров, и я в том числе, съехали на берег. Явился и проводник (guide) – m-r Joseph Benyunes, «Family Courier» – с предложением своих услуг: за 10 франков он взялся водить нашу группу из 6 или 7 человек по всему Гибралтару. При этом принял он на себя и** все заботы о получении пропуска в разные части крепости, доступные туристам. Таких разрешений пришлось взять в трех или четырех караульных домах, и в каждом из них я должен был расписываться в книге за всю нашу группу; прочие пассажиры значились под общим названием моих спутников. Пройдя некоторую часть города, мы начали подниматься в гору, для осмотра батарей в пещерах, и шли довольно долго по темным галереям, все поднимаясь выше и выше. Из амбразур, дающих слабый свет туннелям, открывается чудный вид на испанские горы и на ближайшую нейтральную зону***. Мы не могли, конечно, обойти все батареи и все ходы; но довольно было и тех, которые успели осмотреть, чтобы составить себе понятие об остальных. На скалах здесь водятся дикие обезьяны, но нам не случилось видеть ни одной. Спустившись с галерей северной стороны, опять прошлись мы по городу; любовались садом на берегу моря, с роскошными пальмами и другими южными растениями; видели 100-тонное орудие, приводимое в движение и заряжаемое посредством гидравлического пресса, и возвратились на пароход. Гибралтар – наполовину город английский и испанский; язык испанский более слышится в толпе; английский – есть язык официальный, правительствен-

---

* обращенных к северу

** исполнение всех требуемых формальностей для получения разрешения на посещение разных частей крепости.

*** на Средиземное море и на океан.

ный. Попадаются на улицах и арабы, и евреи, – вообще население несимпатичное. В городе нет ничего замечательного*; кроме разве уцелевшей развалины старинного мавританского замка на пути к батареям в скалах. Гибралтар, как город, не может быть сравним с Мальтой. В военном отношении удалось мне только заметить, что значительное число орудий, стоящих на вооружении укреплений – принадлежит к отжившей уже прежней артиллерии. Гарнизон английский отлично помещен в казармах, отлично обмундирован; есть особые флигеля для солдатских семей; школы для детей и прочее. На большой площади городской поставлены, в виде трофеев, несколько взятых в Севастополе пушек нашей старой морской артиллерии¹⁰².

Около полудня вышли мы с Гибралтарского рейда и часа в 3 пополудня уже бросили якорь пред Тангером. Нельзя представить себе более резкого перехода, в какие-нибудь три часа времени, от Европы к Африке. Тангер, несмотря на множество живущих тут европейцев, – все-таки город вполне мароккский. Здесь уже никак нельзя сетовать на недостаток типичности и своеобразности. С моря город очень живописен: он расположен амфитеатром по скату высот до самого берега морского. Высшая точка справа занята «касбой»; под этим названием разумеется на африканском побережье нечто вроде цитадели, кремля; здесь находятся жилище губернатора, казначейство, судилище (открытое, вроде навеса или портика).

Сойдя на берег, я занял комнату в лучшей европейской гостинице «Hôtel Continental» – весьма порядочной для такого города, каков Тангер; тут же сговорился с проводником, старым французом, который взялся за 7¹/₂ франков водить меня по городу, два часа сегодня, до обеда, и два часа завтра утром, до отхода парохода. К сожалению, проводник мой оказался плохим пешеходом; он все жаловался на то, что я хожу слишком скоро, и в противность другим гидам, был крайне молчалив, ограничиваясь только лаконическими ответами на мои вопросы. В какие-нибудь полтора часа мы обошли весь город, так что ничего не осталось на завтрашнее утро; возвратились в гостиницу засветло. В 7¹/₂ часов собралось за table d'hôte до 30 туристов; обед был лучше, чем во многих гостиницах больших европейских городов.

---

* ни одного здания, выдающегося в архитектурном отношении.

Весь город состоит из узких, кривых закоулков; во многих местах они ведут сквозь ворота, башни или под навесом. На улице выходят только глухие стены, без окон. Дома крыты сверху большей частью маленькими сводами или куполами. Исключение составляют жилища европейцев и богатых евреев. Во всем городе невообразимая нечистота и зловоние; в самой «касбе», пред жилищем губернатора, стоят ослы, мулы, лошади и, разумеется, вся площадка завалена соломой и навозом. В Тангере, кажется, неизвестно употребление метлы. Но самые грязные части города – рынки и площади, на которых располагаются торговцы с их ослами, лошадьми, верблюдами и где с утра до ночи толпится самый грязный народ. По этим площадям трудно пройти, не наступив на кучи навоза и отбросов всякого рода. На некоторых пустырях за городом разбиты дырявые палатки: в них живут и работают бедные мастеровые, преимущественно сапожники, изготавливающие или исправляющие «бабуши» (туфли). Есть однако же в городе и некоторые более благообразные лавки или магазины местных произведений, как то разных туземных тканей, ковров, изделий кожаных и металлических.

При осмотре Тангера я искал каких-нибудь следов мавританской архитектуры или построек замечательных, хотя бы только по их оригинальности. Но ничего такого не оказалось, кроме двух мечетей, с узорчатыми входными дверями и высокими минаретами, отчасти облицованными разноцветными изразцами. Вовнутрь мечетей иноверцы не допускаются. Впрочем, гораздо интереснее здесь население города. Что за разнообразие типов и одежд! Сколько грязи и лохмотьев! Среди массы смуглых и совсем черных, безобразных лиц, с удрученными или бессмысленными физиономиями, выдаются некоторые замечательно красивые рослые люди чисто арабского типа, с правильными чертами и белым цветом лица, окладистыми, черными бородами, в чистых белых бурнусах, с большим достоинством в поступи и позах. Евреи, которых здесь очень много, узнаются по физиономии; в одежде они приспособляются к тому или иному национальному костюму. Некоторые, по-видимому, объевропеившиеся*, носят широкий черный плащ на распахку, а на голове – феску. Затем масса тангерского населения** состоит из жалкого, бесприютного люда, почти голого

---

* более образованные

** (как и в других марокских городах)

и босого или едва прикрытого лохмотьями. Несчастные эти питаются кое-как подбираемыми случайно отбросами фруктов и овощей. Когда пишу я эти строки, в ушах моих еще звучат разнообразные, дикие крики пестрой толпы и говор на разных неизвестных диалектах.

Я позабыл упомянуть в своем месте, что на пароходе нашем ехало большое число марокцев, возвращавшихся на родину из Алжирии, куда они ежегодно отправляются на заработки на время жатвы. Некоторые из них были видимо зажиточные люди, в чистых бурнусах; один большой старик даже ехал в первом классе; но большинство имело самый жалкий вид; полунагие валялись они на палубе, в грязи, как животные. В своих бурнусах или накиннутых дырявых покрывалах, особенно в вечернюю темноту, они имели вид мертвецов в саванах. По прибытии в Тангер, подъезжая к берегу на нескольких больших лодках, они пели молитвы, по-видимому, благодарственные за благополучное возвращение с чужбины восвояси.

Я уже упомянул, что в Тангере живет много европейцев¹⁰³: кроме людей торговых, агентов разных коммерческих домов, здесь имеют пребывание представители разных европейских государств при марокском императоре¹⁰⁴ и консула. Пребывание их в самой столице марокской¹⁰⁵ не допускается, а для облегчения сношений с ними проживает в Тангере и марокский министр иностранных дел. Европейские резиденты имеют большею частью загородные дома. Лучшее помещение германского агента; у него прекрасный дом на окраине города, с большим, тенистым садом, что составляет редкость в здешней стране. Население Тангера совершенно свыклось с присутствием европейцев и почти не обращает на них внимания. Женщины и молодые девушки европейские ходят одиночно среди толпы туземных оборванцев, и, по словам моего проводника, никогда не случается никаких столкновений или неприятностей.

За обедом в отеле узнали мы, что существует и в Тангере нечто вроде европейских *cafés-chantants*, только на арабский лад. Многие приезжие, в числе которых и я, любопытствовали заглянуть туда. Вечером отправились мы по грязным закоулкам, с арабскими проводниками, освещавшими нам путь фонарями. По деревянной крутой лестнице ввели нас в довольно просторную комнату

---

* множество туземцев

второго этажа, уже набитую битком арабами*. Одни сидели, поджав ноги на циновках, другие на скамьях, а на боковой галерейке расставлены были столики для европейцев, совершенно на манер европейских кофейных домов. Нас усадили за такие столики и подали кофе, приготовленный, конечно, по-восточному**. Посреди комнаты сидели в кружке музыканты и певцы, человек двадцать или более; одни со струнными инструментами, другие с барабанами или бубнами, а иные*** без всяких инструментов. Вот начался адский концерт – инструментальный и вокальный. В течение по крайней мере получаса раздавались все одни и те же резкие звуки, повторявшиеся с убийственным однообразием; музыканты сами себя аккомпанировали таким же однообразным пением, похожим более на речитатив. По временам они воодушевлялись, громче и резче вскрикивали, а сидевшие за ними хлопали в ладоши с большим увлечением, хотя не всегда попадали в такт. Не столько было любопытно слушать их, сколько смотреть на физиономии музыкантов, певцов и некоторых присутствовавших. После порыва усиленного воодушевления, вдруг все звуки обрываются, все утихает и все лица приходят в обычное**** апатическое спокойствие. Такой паузой воспользовался я, чтобы уйти из душной атмосферы; некоторые же из спутников моих, в том числе и дамы, возвратились в отель гораздо позже.

24-го сентября / 6-го октября. Вторник. – В 8 часов утра опять пошел я ходить с своим вчерашним стариком-французом. В городе уже нечего смотреть; пошли за город; мне хотелось видеть марокскую деревню и сельское хозяйство туземного населения. Ближайшая окрестность Тангера в этом отношении представляет грустный вид. Несмотря на благоприятный климат, нет здесь ни виноградников, ни маслин, ни фруктовых деревьев. Фрукты привозятся сюда из Испании. Сады разведены только при загородных домах европейцев. Туземное же население сеет только маис и пшеницу. Участки владений огорожены кактусами или плетнями из тростника. Деревня марокская состоит из жилищ очень примитивных – хижин или шалашей из тростника. Между ними

---

* и попеременно с ними несколькими европейцами.

** Плата за это угощение (как во французских *consommation* – как сказал бы парижанин) в размере одного франка заменяет входной билет.

*** только с ладошами, готовыми хлопать в такт, или даже не в такт. Начался дьявольский концерт.

**** индифферентное

обыкновенно возвышается только один каменный, выбеленный дом старшины и сельского правления (конак). Местность вообще безводная, а потому растительность жалкая; дороги до крайности пыльные.

На возвратном пути в город зашел я на телеграфную станцию (английскую), чтобы отправить телеграмму в Ревель. Вторично прошел чрез базар. Вот, подумал я, куда следовало бы приезжать художникам за типами и сценами для «жанровой» живописи.

К 11-ти часам утра я был уже на пароходе, а в исходе первого часа снялись мы с якоря. На пути видны вдаль горы с обеих сторон – испанские и марокские. Затем берега Европы и Африки совсем сближаются: слева – *pointe d'Europe* с гибралтарскими твердынями, справа – африканский мыс с городом *Seuta*, который издали кажется гораздо более обширным, чем Тангер. Он расположен по берегу моря, и влево от него на значительной высоте такая же «касба», как в других здешних городах.

Около 4-х часов остановились пред Гибралтаром. Большая часть пассажиров съехала на берег; я остался на пароходе и с палубы любовался прекрасным видом города, освещенного заходящим солнцем.

Выгрузка товаров с парохода продолжается до самой полуночи.

25-го сентября / 7-го октября. Среда. – Снялись с якоря за полночь, а в 6 часов утра уже вошли в порт Малаги. Знакомый уже город показался мне в этот раз как-то благообразнее: с моря виден ряд чистых* домов набережной и между ними выдается** крупное здание таможни. За этим передним рядом возвышается серая масса собора, с одною башней на углу переднего фасада; другая башня осталась недостроенною. Развалины старой цитадели справа, на горе, напоминают «касбу» в африканских городах.

Почти все спутники мои съехали на берег: одни – совсем простились с пароходом, другие – только на несколько часов, чтобы провести день в городе и смотреть бой быков. Представление сегодня признано очень удачным: погибло 6 быков и 12 лошадей! С парохода видны были толпы, расходившиеся из цирка по окончании представления. Набережная представляла вид праздничный.

---

* вновь выстроенных

** обширное здание таможни

Во все время я оставался почти один на палубе. Нагрузка парохода продолжалась до 9 часов вечера, и только в 10-м часу снялись мы с якоря, вместо назначенных по расписанию 5 часов.

26-го сентября / 8-го октября. Четверг. – В 7-м часу утра подходим к африканскому берегу, такому же гористому и оголенному, как в окрестностях Тангера; бросаем якорь у Мелилы – испанской крепостцы, служащей местом заключения каторжных. Она построена на двух высотах с обрывистыми, почти вертикальными спусками к морю. На бесплодных высотах кругом крепостцы маленькие форты в виде башен. Испанцы, заняв этот пункт на марокской территории, выговорили себе право владения окрестностью на расстояние пушечного выстрела от крепостцы. В последнее время, с громадным увеличением дальности артиллерийского выстрела, они попробовали было расширить свои владения; однако ж марокское правительство воспротивилось такому новому захвату.

Некоторые из пассажиров съехали на берег; я не счел нужным последовать их примеру: вся маленькая крепостца видна с парохода; ничего любопытного в ней не заключается; кроме каторжных и солдат никого в ней не встретишь.

На половине пути от Мелилы до французской границы остались еще во владении испанцев три островка близ марокского берега: это бесплодные скалы; на одной из них маяк с испанским флагом.

Около 4-х часов дня приходим в Немур. Пароходу нашему предстояла продолжительная операция нагрузки товаров; большая часть пассажиров съехала на берег, и я с ними. Разнородная наша группа, с тремя дамами, бродила черепашьям шагом по пыльным улицам французского поселения, сопутствуемая толпою ребятишек европейских и туземных. Немур очень незначительное местечко, обнесенное каменной стеной с башнями на ближайших высотах; две улицы с каменными, двухэтажными домиками, церковь благообразной архитектуры, фонтан на площадке – вот и все. Население здесь (1 700 человек) состоит наполовину из французов и туземцев.

Возвратившись на пароход уже в темноту, узнаем, что за большим количеством предъявленной для нагрузки клади, отход парохода замедлится, может быть даже до завтрашнего утра. Пассажиры приходят в волнение, протестуют. Однако ж нагрузка оканчивается к 11 часам и в 12-м часу ночи мы трогаемся

в дальнейший путь. К счастью погода чудная, море совсем гладкое.

27-го сентября / 9-го октября. Пятница. Оран. – К 6 часам утра прибыли в Оран; пароход причалил прямо к набережной у самой таможни. Признаюсь, что с удовольствием расстался с этим пароходом и ступил на французскую землю. Таможенный осмотр был очень благосклонный и непродолжительный; только для соблюдения формальности приподнимали крыши чемоданов.

С моря Оран очень красив: город расположен амфитеатром по скатам высот; справа на высокой горе форты: St. Grégoire и Santa Cruz. Остановился я в прекрасной гостинице – Hôtel Continental, во вновь отстраиваемой части города, на углу Place d'armes и Boulevard Seguin. С 8 часов утра и до обеда бродил я по городу и осмотрел его во всех частях. В нем считается до 67 тысяч жителей; местность очень неровная, приходится то подниматься в гору, то спускаться в низины. Средняя часть города очень красива, с прекрасными улицами, бульварами, скверами, изящными зданиями. К числу последних принадлежат: Hôtel de ville – прямо пред моим окном, Palais de Justice, Préfecture. Собор также красивая, новая постройка в романском стиле*. Сохранились две мечети с высокими минаретами, украшенными разноцветными изразцами и скульптурными узорами**. Вообще центральная часть Орана представляется вполне благоустроенным европейским городом: в улицах большое оживление; по всем направлениям снуют omnibusы; по широким тротуарам двигаются толпы пешеходов. Только присутствие босых и полунагих туземцев, да белых бурнусов напоминают, что мы в африканской колонии. Совсем другое на окраинах города: юго-западная часть, соседняя со старинною «касбой» (ныне в развалинах) похожа на старые испанские города: это квартал испанцев, арабов и евреев, с узкими, кривыми, грязными закоулками. В другой части города ютится население негров; квартал этот и называется негритянской колонией. Юго-восточные же окраины города – еще в состоянии зачаточном: тут улицы только обозначены; застраиваются они постепенно. В числе существующих здесь строений выдаются обширные казармы. Прежние крепостные стены и форты, стеснявшие развитие города, постепенно

---

* фасадом обращен к югу.

** В центральных улицах хорошие магазины, гостиницы и вся обстановка лучших европейских городов.

уничтожаются и уступают место новым кварталам. Бывшая в самом центре города цитадель (chateau neuf), господствовавшая над портом, обращена ныне в казармы и занята разными военными управлениями*.

В гостинице встретился я неожиданно с двумя соотечественниками – генералом Васмундом, командиром гвардейского (Измайловского) полка и 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии и с молодым, только что произведенным в офицеры гвардейского гусарского полка Скалоном, сыном Анны Михайловны Скалон, рожденной Лазаревой**. Васмунд (бывший долго адъютантом великого князя Владимира Александровича) – человек образованный, развитый. Он путешествует после курса лечения в Кисингене; был уже в Алжире и едет в Испанию.

За обедом сговорился я со своими соотечественниками, по совету состоящего при отеле араба, пойти вечером в негритянский квартал смотреть ночное торжество негров, которые в течение семи ночей сряду справляют свой народный праздник. Вся площадка, среди так называемой негритянской деревни, была битком набита неграми обоего пола, сидевшими на циновках; женщины под шатрами, мужчины под открытым небом; в середине оставался небольшой свободный круг для плясунов и музыкантов. Нас усадили среди толпы на скамейках. Началась адская музыка на каких-то первообразных инструментах и барабанах, с прикрикиваниями; потом пляска, похожая на судорожные движения беснующихся. В середине кружка лежала кучка горящих угольев, на которые по временам сыпали какое-то душистое вещество, будто бы возбуждающее в плясунах вящее одушевление. И в самом деле, они постепенно приходили все в большее исступление, вертелись, припрыгивали, приседали к земле и наконец падали в изнеможении. Между тем в толпе зрителей собирались жертвоприношения, в

---

* Вообще Оран производит впечатление города вполне французского <европейского>, только что начинающего обстраиваться и развиваться <хотя это город еще юный, только что обстраивается и развивается>, но какое движение на улицах, какое оживление! Во всех направлениях снуют omnibusy, по широким тротуарам – толпы пешеходов. Невольно <мысль обращается> делаешь грустное сравнение с нашими русскими военными городами или штаб-квартирами, не только на дальних окраинах России, Сибири и на Кавказе, но даже с <такими> нашими портовыми городами, каковы, например, Севастополь, Феодосия, Новороссийск, Батум и т. д. и т. д.

** Встреча эта была для меня очень приятна.

возмездие за угощение: нам подали по стакану кофе, а почетным неграм ставили целые миски с любимым негритянским кушанием «куску»*. Двое или трое сидящих кругом миски выгребали из нее грязными пальцами густую смесь теста с мясом и с жадностью пожирали неаппетитное яство.

Наскучившись смотреть на эту дикую картину, мы ушли домой, оставив нашего проводника-араба на празднестве.

28-го сентября / 10-го октября. Суббота. Алжир. – За утренним чаем в отеле простился я с Васмундом и Скалоном: в 10 часов утра отходит поезд железной дороги в Алжир; в поезде есть вагон-ресторан. На большей половине пути дорога проложена по равнине, между высотами справа и слева, параллельными морскому берегу и заслоняющими большую часть высшие горы Атласа. Нет сомнения в том, что здесь было некогда дно внутреннего озера, подобного остающемуся и до сих пор к югу от Орана солонцеватому озеру Себка**. В некоторых местах равнины остаются солончаки. Вообще местность безводная; немногие тощие речки, притоки Шифы, совсем высыхают в летнюю пору. Шифа прорыла себе путь к морю чрез северный, приморский кряж гор. Безводье и засуха*** затрудняют культуру; говорят, что здесь во все лето не бывает капли дождя. Сегодня, в половине октября, мы томились от жары в вагонах****. Несмотря на такие невыгодные климатические условия, в здешнем крае уже развилось значительное земледелие; все видимое пространство вспахано; некоторые места вновь обращаются под пахоть посредством огня, как в наших степях. Уже теперь Алжирия отправляет много зерна во Францию и в Испанию. Кроме того, с каждым годом развивается виноградарство и виноделие, которых не было вовсе в Алжирии до завоевания французами. Вино здешнее очень хорошего качества; напоминает наши крымские, более слабые вина. С дороги видны тут и там европейские усадьбы с садами, в которых разводятся маслины и фиги; деревьев же апельсиновых и лимонных здесь на равнине нет вовсе, как объяснили мне, по причине слишком суровой зимы сравнительно с знойным и сухим летом. Апельсиновые и лимонные рощи начинаются только ближе к Алжиру (в окрестностях Блиды). Хозяйство здесь в руках европейских поселенцев; туземное население живет поодаль от

---

* крайне не аппетитным.

** и нескольким другим поблизости менее обширным.

*** парализуют растительность

**** несмотря на открытые со всех сторон окна и двери.

Рынок в Алжире

железной дороги в горной полосе; но* туземцы служат рабочими у европейских хозяев постоянно или в известное только время года. По сторонам пути видны среди полей жилища этих бедняков: это шалаши из тростника, огороженные таким же плетнем.

Чем далее подвигается поезд, тем заметнее поднимается на высоты и наконец вступает в гористую полосу, отделяющую долину Шелифы от равнины Метиджи. В горной полосе более растительности; есть хорошие плантации, как например, в окрестностях Блиды (апельсинные и лимонные рощи), так же в Буфарике; есть и минеральные воды, где устроено лечебное заведение. Дорога в двух местах пролегает туннелями. Городки, чрез которые проезжаем (Orléanville, Affreville, Blida), не видны с дороги за окружающею их растительностью. Один из этих городков, по словам спутников, освещен уже электричеством. Вообще страна производит выгодное впечатление своим благоустройством и вполне мирным характером. Не следует забывать, что Франция владеет Алжирией только несколько десятков лет, в течение которых не раз прихо-

---

* немного туземцев служат

дилось ей подавлять оружием* восстания туземного населения¹⁰⁶. Как новая колония европейская, Алжирия уже сделала громадные успехи. Во всем, что здесь видишь, проявляется французская умелость и энергия. И железная дорога здесь в полной исправности; никакого нет сравнения с железными дорогами испанскими. Наш поезд, как единственный, в течение дня на всем протяжении от Орана до Алжира останавливается на всех самых мелких станциях, и, несмотря на то, проходит 421 километр ровно в 12 часов времени, что составляет по 35 километров в час**.

К Алжиру дорога подходит с юго-востока, по берегу моря, обогнув гористую местность к югу от города. У станции «Maison saignée» сходятся пути с востока и запада, из Константины и Орана. Я сожалел, что самую интересную часть дороги проезжаем в темноту; но примирился с этою невыгодной стороной переезда, когда поезд вышел на морской берег и вдруг открылся вид на весь залив Алжирский. Яркая непрерывная полоса огоньков обозначала пред нами набережную городскую; отдельные огоньки светились выше, по скату высот. При этом освещении Алжир производит с первого раза прекрасное впечатление.

Я остановился в гостинице «Hôtel de l'Oasis», на Boulevard de la République. Бульвар этот тянется вдоль всей террасы, возвышающейся над побережьем порта. Мне отвели очень хорошую комнату, с окнами на бульвар и на море***.

29-го сентября / 11-го октября. Воскресенье****. – Первым делом моим в Алжире – было навеститься на почте – нет ли писем, а затем достать адреса нашего здешнего консула Андрея Евгеньевича Назимова и французского полковника, начальника Штаба расположенных здесь войск (19-го корпуса) Duparc de Lostaria, которому было писано о моем приезде в Алжир бароном Фредериксом. Писем никаких не оказалось; достать адреса и отыскать квартиры стоило не мало хлопот, и в заключение обоих искомым лиц не застал дома. Сегодня воскресенье и

---

* попытки

** В Орлеанвилле вошли в наш вагон бывшие наши спутники пароходные – муж и жена, выехавшие ранее нас из Орана; в Блиде вышли с поезда мои бельгийские знакомые, чтобы на следующий день сделать какую-то экскурсию в ущелье Тифы.

*** На первый взгляд отель очень хороший.

**** Начал я день рано утром с бани и стрижки волос.

всякий, кто может, пользуется свободным днем для поездки куда-нибудь за город*.

Не теряя дорогого времени, приступил я к осмотру города с внешней стороны и обошел значительную часть его. Центральные кварталы приняли вполне благообразный европейский вид: упомянутые уже Boulevard de la République, составляющий набережную приморскую, улицы Bab-Azoun, de la Lyre d'Isly; площади du Gouvernement, de la République, Place Malakoff – так обстроены, нарядны и оживлены, что не уступят лучшим частям больших столиц. Но лишь только с этих нарядных улиц и площадей сойдешь в сторону, попадаешь в улицы грязные и тесные**. Верхние части Алжира, ближайšie к старинной «касбе», сохранили вполне характер старого арабского города: узкие, кривые, грязные закоулки, зловоние, теснота. В иных местах верхние этажи домов чуть не сходятся с противоположных сторон улицы, образуя над нею как бы навес. Во многих домах сохранилось и внутреннее устройство на манер арабский – с двориками, облицованными изразцами, с навесами на колонках и т. п. Однако ж в настоящее время и здесь приступлено к ломке старых домов, для проложения новых улиц. Мало-помалу исчезают все остатки старого африканского города; все подводится под один общий образец. Старинная «касба» и примыкавшие к ней стены наполовину разрушены; дворец прежних деев алжирских обращен в казарму. Здесь показывают туристам только небольшую нетронутую еще часть дворца, и между прочим знаменитый деревянный павильон, вроде бельведера, где последний дей Гусейн, в порыве гнева, ударил опахалом французского консула и тем подал французам первый предлог к завоеванию Алжирии¹⁰⁷.

Один из крутых подъемов с нижнего города на высоты Касбы обделан в виде*** роскошных каменных ступеней, в несколько уступов или площадок, засаженных платанами. Этот подъем назван Boulevard du Centaure. Есть много других обделанных также ступенями подъемов из одной части города в другую. На некоторых

---

* В течение утра обошел я почти весь город, видел все улицы, площади, скверы, памятники, здания, указанные в моем путеводителе. Приморская часть города очень нарядна; главные улицы имеют совершенно европейский вид.

** где толпятся европейцы и арабы попеременно.

*** нескольких

улицах все дома, построенные по одному фасаду, образуют сплошные линии аркад, что весьма практично в здешнем климате. Некоторые постройки выдаются в архитектурном отношении; первое место занимает кафедральный собор St. Philippe, построенный на месте прежней мечети и совершенно по образцу мусульманских мечетей, с двумя минаретами по обоим углам главного фасада, с арками, сводами и украшениями мавританской архитектуры. Странная была идея: дать выстроенному вновь христианскому храму вид мусульманской мечети! Внутри храма даже сохранены некоторые принадлежности прежней мечети, как например, мраморная, украшенная изящною скульптурою кафедра или трибуна. Рядом с собором – дом генерал-губернатора, также в мавританском стиле, а насупротив жилище архиепископа, с нарядным фасадом. Все эти три постройки окружают небольшую площадку называемую Place Malakoff.

Другие значительнейшие здания – театр, Palais de Justice и вновь строящееся на Boulevard de la République обширное здание – Palais Consulaire*, заключающее в себе Chambre de Commerce и Tribunal de Commerce**. В городе несколько мечетей; две главные находятся в лучшей части города: Djama Djedid на самой площади du Gouvernement*** и близ нее Djama Kebir самая обширная, с нарядною колоннадою и минаретом; но обе эти мечети не представляют ничего замечательного в архитектурном отношении.

В Алжире несколько скверов и садов, с пальмами и другими южными растениями; но содержатся они несколько небрежно; деревья, обсыпанные слоем пыли, имеют вид серый, чахлый. На площадях воздвигнуты памятники: герцогу Орлеанскому на Place du Gouvernement, генералу Бюжо на Place Bugeau или Place d'Isly; на этой же площади и здание Корпусного штаба и квартира самого корпусного командира.

Несмотря на большое число туземцев в населении Алжира, это все-таки город вполне французский. Во всех мелочах обыденной жизни замечаешь, что находишься во Франции. Только в говоре здешнего французского населения слышится не совсем чистое произношение: объясняется это, разумеется, наплывом**** переселен-

---

* консульство (фр.)

** торговая палата и торговый суд (фр.)

*** Правительства

**** в эту колонию

ленцев преимущественно из южной Франции и Корсики, где народный говор едва понятен чистому парижанину.

Пред обедом, к удовольствию моему, посетили меня и консул Назимов и полковник Duparc Locmaria. Оба были очень любезны и выразили полную готовность оказать мне всякие услуги. С Назимовым сговорился я на завтрашний день ехать вместе за город, посмотреть некоторые сады и виллы. С полковником же Locmaria имел я продолжительное совещание насчет предполагаемых мною дальних поездок по Алжирии. Из трех имевшихся у меня в виду экскурсий советует он отдать предпочтение двум: поездке в Fort National, т. е. в большую Кабилию и поездке в Бискру; но, по мнению его, для той и другой необходимо употребить более времени, чем я предполагал: как из Fort National, так и из Бискры он советует сделать довольно дальние экскурсии верхом и предлагает мне для того полное содействие и услуги местных начальствующих лиц. Я принял, конечно, с большою благодарностию его советы и предложения; просил его составить для меня маршрут, который мог бы служить мне как бы инструкцией в обеих предполагаемых поездках. Все это прекрасно; но одно, что несколько меня смутило – это известие, что ждут приезда с маневров самого корпусного командира, который, вследствие полученного от французского военного министра официального извещения, ждал моего прибытия в Алжир*. Следовательно, я не могу выехать отсюда, не дождав-шись его приезда и не сделав ему визита.

За обедом сошелся я опять с бельгийцами, которые на пути из Орана останавливались в Блиде и прибыли сюда только сегодня.

30-го сентября / 12-го октября. Понедельник. – Погода нахмурилась; небо заволочло тучами; выпадало даже несколько капель дождя; однако ж это не помешало нашей поездке с консулом за город. А.Е. Назимов зашел за мною около часа пополудни и прежде всего мы отправились вместе на почту. С радостью нашел две телеграммы и целую пачку писем, присланную из Парижа баронессой В.А. Фредерикс, при любезном письме от нее самой. Письма положил я в карман, чтобы прочесть спокойно по возвращении домой; телеграммы же сейчас вскрыл: обе от жены, из Москвы, с ответом на мой вопрос относительно верности слуха о предстоящем приезде** Их Величеств в Ливадию и праздновании

---

* Выходит, что барон Фредерикс оказал мне медвежью услугу и придется мне сделать по крайней мере визит корпусному командиру.

** царской семьи в Крым

там царской серебряной свадьбы. Слух этот подтверждается; жена считает необходимым возвращение в Крым к 28 октября (старого стиля).

Телеграммы эти смутили меня. Во время всей прогулки с Назимовым я был в раздумье: следует или нет изменить мой план дальнейшего путешествия; есть ли даже возможность возвратиться в Крым к означенному сроку. Во всяком случае приходилось для этого отказаться не только от предполагавшихся экскурсий в Алжирии, но и от путешествия по Греции с М.К. Ону. Озабоченный этими размышлениями, я смотрел довольно* безучастно на прекрасные места, по которым водил меня Назимов. Проехав значительнейшую часть пути в omnibusе, мы пошли пешком в гору, чрез сады двух больших загородных гостиниц: Hôtel Oriental и Hôtel Continental. С этих высот открываются очень живописные виды на город и на берега залива. На всем протяжении разбросаны виллы, в которых проводят зиму многие приезжие иностранцы, преимущественно англичане. Тут же загородный дворец генерал-губернатора Алжирии. Дворец этот построен в мавританском стиле, среди прекрасного сада с роскошною южною растительностию. Генерал-губернатор Cambon в отсутствии, а потому не было препятствия осмотреть все внутреннее расположение и убранство дворца. Отсюда спустились мы опять на нижнюю дорогу и снова сели в omnibus, чтобы доехать до Jardin d'essai**. Это нечто вроде ботанического сада, но сданного в аренду частному лицу. Поэтому обширный этот сад, чрезвычайно богатый самою разнообразною и редкою растительностию, содержится небрежно, исключительно лишь с целями коммерческими***.

Признаюсь, что я торопился закончить нашу прогулку и возвратиться домой, нетерпеливо желая прочесть полученные письма и затем обдумать план дальнейшего моего пути. По моему расчету есть возможность поспеть в Крым к назначенному сроку, если немедленно же покинуть Алжир и ехать по железной дороге, нигде не останавливаясь, в Тунис, откуда пароход отходит в будущую пятницу вечером; но решаясь на такое поспешное возвращение

---

* равнодушно

** Опытный сад (*фр.*)

*** Здесь же <осмотрели мы виллу>, только несколько далее от города, нанятая на предстоящую зиму очень большая вилла для великого князя Георгия Александровича. Ходит слух, будто приедет сюда и сама императрица. Консул очень озабочен этим слухом.

домой, я приношу в жертву самую интересную часть моего плана путешествия*.

1/13-го октября. Вторник. – «La nuit porte conseil»** – говорят французы; «Утро вечера мудренее» – говорят русские. Решено окончательно, – еду кратчайшим путем восвоюсь***. Телеграфировал своим, сделал распоряжение на почте на случай получения здесь писем на мое имя после моего выезда; наконец сделал визит корпусному командиру, генералу Dufaure du Bessol и зашел в Корпусный штаб, чтобы объявить полковнику Локмария об изменении моих планов. Генерал Бессоль принял меня любезно и выразил сожаление о том, что мне приходится отказаться от предполагавшихся экскурсий. Полковник Lostagia, приготовивший для меня маршрут и принявший уже все меры для облегчения моих экскурсий в Кабилию и в пустыню Бискры, должен теперь отменить сделанные распоряжения. Генерал Бессоль сообщил мне, между прочим, интересные сведения о решении французского правительства устроить укрепленный порт в Бизерте (на Тунисском побережье) и показал планы этой превосходной естественной гавани. Решение очень удачное – но можно вперед предсказать, что оно снова поднимет тревогу и в Италии, и в Англии¹⁰⁸. Бизерта в нескольких часах пути парохода до Сицилии****.

Около часа пополудни опять заехал за мной консул Назимов, чтобы еще раз прокатиться за город, по прекрасным виллам, между роскошными садами и рощами. Главную целью поездки сегодня – была дача Olivier, нанятая префектом для великого князя Георгия Александровича на предстоящий зимний сезон. Дача находится

---

* Грустно, но неизбежно!

** «Ночь дает совет» (фр.)

*** Утром зашел в агентство Cook и взял билет на весь проезд отсюда до Афин; при этом выгадываю на всем пути скидку в

**** Предполагал я на сей раз воспользоваться услугами агентства Cook et comp., предложившей мне выдать билет на весь путь до Афин, со скидкой до 10 % с обыкновенной платы на железных дорогах. Предоставив агенту компании составить расчет по данному мною маршруту – я имел осторожность сделать свой расчет стоимости проезда по установленным ценам. Когда я пришел вторично узнать стоимость билета, то оказалось, что объявленная агентом цифра не только не доставила бы мне никакой <уступки> скидки, но даже превысила бы полученную по моему расчету общую сумму. Разумеется, я не хотел после того иметь дело с этим плутоватым учреждением <с этими аферистами>, но сколько доверчивых туристов делаются жертвами такого плутовства.

на высотах, с которых открывается обширный горизонт: видны все южное побережье залива Алжирского, равнина Метиджи и за нею хребет Атласа на очень значительном протяжении. Вилла Olivier построена в мавританском стиле; внутреннее расположение и убранство – также по образцу арабских жилищ – еще приводится в порядок. Для большого великого князя это жилище будет вполне комфортабельно; вся свита его будет хорошо помещена*. Хозяева любезно предложили мне на память два фотографических изображения своей виллы.

По возвращении в отель нашел я у себя визитную карточку генерала Бессоля. Вечером был с Назимовым в театре, в ложе префекта. Давали «Травиату»¹⁰⁹; с удовольствием прослушал я первый акт; оставаться долее не мог: следовало еще закончить укладку багажа; приходится завтра встать рано: поезд в Тунис уходит в 6¹/₂ часов утра.

2/14-го октября. Среда. – Погода с утра серая, облачная. Дорога идет от Алжира к югу, по берегу моря, и долго можно, сидя в вагоне, любоваться живописным видом города. От станции «Maison Carrée» дорога разветвляется: вправо – идет на запад, в Оран, влево – на восток, в Константину и Тунис. Последняя эта ветвь сначала пролегает по плодородной, возделанной равнине Метиджи; вдоль пути насажены экалиптусы, которых очень много по всей Алжирии. От станции Менервиль (откуда отделяется ветвь железной дороги влево в Тизи-Узу, в большую Кабилию), дорога врезывается в гористую местность по долине реки Иссар и поднимается рядом туннелей на перевал хребта Джуржура, отделяющего большую Кабилию от малой, а потом у станции Буира спускается в долину реки Сахель. Далее, на протяжении этой долины, до станции Бени-Мансур, постоянно виден слева хребет Джуржура, которого высшие точки достигают 2300 метров (7550 футов или 1079 сажень) высоты над поверхностью моря. Как на равнине, так и в горах – по сторонам дороги разбросаны усадьбы европейцев: белые домики с черепичными крышами, окруженные растительностью, производят приятное впечатление; страна представляется вполне европейскою, культурною. Но в промежутках попадаются первобытные жилища туземцев, похожие на малень-

---

* Но для юного принца не будет ли оно слишком изолировано и отдалено от всех городских удовольствий <развлечений>.

Константина

кие стожки соломы. Около них разводятся целые поля кактусов, плоды которых употребляются туземцами в пищу*. Эти плоды французы называют «figues de Barbarie»**.

Железная дорога от станции Бени-Мансур, где отделяется ветвь на Bougie (к морю), опять врезывается в гористую местность, известную под названием гор Бибан. Горы не высокие и скаты довольно отлогие, кроме обрывистых берегов рек. От станции Эль-Ашир до Сетифа дорога снова идет по местности довольно ровной. На станции Сетиф порядочный буфет и приготовлен обед. После знойного дня наступил свежий вечер; когда же поезд снова поднялся на возвышенную горную местность, стало даже холодно. Несмотря на лунную ночь, разглядеть местность было уже трудно.

Я предполагал остановиться на станции Круб или Хруб, чтобы дожидаться прохода чрез этот пункт завтрашнего поезда из Констан-

---

* Этот вид кактуса

** Варварские фиги, ягоды кактуса-опунции (*фр.*).

тины в Тунис, но проспал эту станцию и против воли должен был переночевать в Константине, куда поезд приходит в полночь. Отходит же отсюда в 5 часов утра; так что на ночлег приходится не более 4 часов времени. От станции железной дороги до лучших гостиниц далеко; я предпочел остановиться на это короткое время в гостинице «du Louvre», плохенькой, но менее отдаленной от станции.

Крайне досадно, что приходится быть здесь ночью: Константи-на славится своим живописным положением, на высоте, окружен-ной со всех сторон скалами и обрывами. С трех сторон омывает эту высоту быстрая горная речка Румель, которая в глубоком овраге низвергается несколькими водопадами и скрывается в подземном русле. Ночью, при полном месяце, город обрисовывался над уте-сами в грандиозных размерах; но внутри его я мог видеть только одну улицу, на которой находится гостиница.

3/15-го октября. Четверг. – Продремав часа три, не раздева-ясь, выехал я из Константины ровно в 5 часов утра. Ночь холодная; утром густой туман; видневшийся слева хребет гор совсем скрыва-ется в облаках. Позже все небо заволокло тучами и пошел дождь.

В Крубе пересел я в маленький поезд, в котором вагоны име-ют особое устройство, с продольною наружною галереей. Мне пришлось сидеть одному в купе, с окнами спереди; я был очень доволен, что мог отлично видеть кругом. Местность здесь гори-стая, но скаты отлогие, местами вспаханные, местами покрытые кустарником или совсем оголенные и бесплодные. В поезде много туземцев, которые группами влезают в вагоны со всем своим скар-бом. Замечательно, как между арабами распространен уже фран-цузский язык*.

На станции Duvivier приготовлен сытный завтрак, после ко-торого я возвратился спокойно в свое купе, не обратив внимания на то, что на станции этой, как узле дорог, сходятся и расходятся несколько поездов. Лишь только поезд отошел от станции, кон-дуктор, знавший, что я имею билет в Тунис, объявляет мне, что мы едем не туда, а в Бону... Как обухом поразил он меня. Все мои пла-ны** рассыпались мгновенно в прах! В Тунис идет только один по-езд в день; отсрочивая на сутки приезд туда, я пропускаю случай отправиться на итальянском пароходе в Мессину, а чрез то теряю целую неделю для переезда из Бриндизи в Патрас и вследствие того лишаясь возможности воспользоваться русским пароходом

---

* между тем, как в домашнем своем быту, одеянии, привычках они остались совершенно в прежнем своем без перемены.

** все расчеты

для переезда из Пирея в Константинополь и Севастополь. Весь сделанный мною расчет – перевернут вверх дном. Не в силах я выразить всю досаду мою и на кондуктора*, не предупредившего меня, что следовало перейти на другой поезд, и на самого себя, не подумавшего об этом, и на судьбу, сыгравшую со мной такую жестокую шутку. Что делать теперь? Прежде всего, конечно, приходится доехать до Боны; завтра же возвратиться на станцию Duvivier и оттуда направиться в Тунис**, куда ушел уже мой чемодан. Но далее, как удастся мне добраться до какого-либо порта, откуда существуют сообщения с Константинополем? Я терялся в расчетах и соображениях; не приходило, конечно, и в голову замечать что-либо на пути. Доехав до Боны около 2¹/₂ часов пополудни, я забросил свой ручной мешок в гостиницу «Hôtel d'Orient» и сейчас же побежал за справками в разные пароходные агентства. Но, увы, ничего не мог узнать нового, чего не знал уже из печатных расписаний***.

В самом грустном настроении бродил я по улицам Боны – маленького города; решительно ничем не замечательного, кроме разве порядочного порта. Город расположен по скату высот****; на высшей точке их, по примеру других городов Алжирии, живописно господствует «касба». Ходил я и думал: если уже***** суждено мне

---

* железнодорожного

** отыскав на своем пути на туниской таможене свой чемодан, ушедший по назначению без хозяина. Но далее по приезде в Тунис, есть ли возможность хотя сколько-нибудь поправить дело и поехать в Мессину в определенный срок, т. е. не позже утра среды? Нет ли каких-либо случайных средств, пароходов; способ для перехода из Туниса на какой-либо прибрежный пункт Сицилии или Италии? Взволнованный, огорченный я терялся в расчетах и предположениях.

*** Заходил даже к английскому консулу, в надежде найти у него какие-нибудь сведения о рейсах английских пароходов, не показанных в опубликованных расписаниях. Сведения эти тем более были мне необходимы, что ближайшее отправление из Туниса, после пропущенного мною итальянского парохода, – будет только в понедельник, именно французского парохода (Compagnie Transatlantique) отходящего в Мальту. Из Мальты же по расписанию нет срочного парохода ранее четверга. Однако ж английский консул прямо объявил, что никаких сведений о пароходах английских не имеет. Ничего другого не предстоит мне, как воспользоваться указанными рейсами на Мальту и из Мальты <где>, причем придется потерять <присидеть> три дня в Мальте без всякой цели <в ожидании итальянского парохода>.

**** справа (т. е. с севера)

***** судьбе угодно было мне одним неосторожным

сделать такой промах, который разбил все мои планы и расчеты, то менее было бы досадно, если б потерянный мною день провел не в Боне, а в Константине.

После обеда в отеле еще раз прошелся по бульвару Cours National, на котором находится гостиница; по набережной порта; мимо нескольких cafées, блестяще освещенных, – все в надежде хоть несколько рассеять удручавшие меня размышления. В некоторых cafées раздавалась музыка. В числе публики, сидевшей за бесчисленными столиками, и в залах, и на улице* – было** немало арабов, в их характерных белых бурнусах. После дождя воздух освежился; но здесь все-таки гораздо теплее теперь вечером, чем было днем на возвышенной горной местности.

4/16-го октября. Пятница. Тунис. – В 9¹/₂ часов утра поезд двинулся из Боны. Погода прекрасная; днем*** жарко. На всем пути до станции Duvivier по обеим сторонам дороги непрерывные полосы виноградников. Эта часть Алжирии (Константинский департамент) наиболее производит вина, и вина хорошего. Особенно славятся виноградники филипвильские. На возвышенных местах только теперь производится сбор винограда, тогда как на равнине давно уже окончен.

От станции Duvivier железная дорога сначала идет по равнине; горы видны только вдаль, но приближаясь к границе Тунисии местность становится все гористее; дорога проложена по чрезвычайно трудным местам, непрерывно извиваясь как змея, то взбираясь крутыми поворотами на высоты, то опять спускаясь в долины горных речек. Есть несколько туннелей; но заметно, что строитель избегал их, предпочитая давать дороге кривизны и склоны, не допускаемые у нас. В отношении техническом дорога эта, как мне кажется, принадлежит к числу**** самых трудных для эксплуатации. Поэтому и ходят по ней только весьма небольшие поезда, в 3 или 4 вагона. Вся эта линия сооружена в недавнее время; некоторая же часть ее (именно на самой границе Тунисии) открыта только в последние годы.

Перевалив чрез горную местность с прекрасными лесами и живописными долинами, дорога выходит на обширную долину реки

---

* [попи]вавших кофе или любимый французами absaint

** много

*** даже очень

**** наиболее

Меджерды. Здесь первая станция тунисская Ghrardimaou, где находятся рядом таможни французская и тунисская. Так называемая тунисская таможня все-таки в руках французов. На таможне с первого взгляда нахожу свой чемодан, прибывший накануне; по указанию моему, французский чиновник сейчас же приказал выставить этот чемодан и прежде всех других пропустил его, открыв его только для соблюдения формальности. Вообще весь таможенный осмотр произведен снисходительно и любезно, так что из получаса, назначенного по расписанию, осталось еще достаточно времени, чтобы пассажиры успели пообедать.

По всей дороге в пределах Тунисии страна почти ничем не отличается от Алжирской: те же арабы босые, в белых бурнусах; такие же постройки на станциях, такие же насаждения деревьев (преимущественно экалиптуса), слышен тот же французский говор и видны те же мундиры военных чинов. На равнине обширное хлебопашество; зерно составляет здесь предмет значительного вывоза.

Прекрасная лунная ночь; полный месяц. Вправо, вдали на светлом горизонте, обозначается силуэт горного кряжа, которого северная оконечность образует самый северный выступ Африканского материка – мыс Бон (или Рас-Аддар). По мере приближения к Тунису, поезд все более наполняется, так что для новых пассажиров уже не хватает места. В Тунис приходит поезд в 11¹/₂ часов ночи. Очень эффектно городские белые дома, освещенные лунным светом. В омнибусе гостиницы «Grand Hôtel» проезжаю чрез лучшую европейскую часть города. Несмотря на поздний час, некоторые кафе ярко освещены и выставленные на улице столики еще заняты группами посетителей. Отель наш на самом бульваре, называемом «La Marine»: это главная улица нового европейского города простирается на целую версту от ворот старого Туниса до берега Тунисского озера. На первый взгляд гостиница производит хорошее впечатление. Мне отвели комнату в первом этаже, с балконом на бульвар.

5/17-го октября. Суббота. – По своему обычаю вышел из дома около 8 часов утра, прежде всего, чтобы добыть справки насчет пароходов. Надеюсь, что здесь, в агентствах, и даже в отеле узнаю что-нибудь такое, чего нет в печатных расписаниях. Против своего правила, взял проводника (гида) – молодого жидка, который подвернулся уже вчера, при самом приезде моем. В таком городе,

Главная мечеть в Тунисе Джама Цитуна

как Тунис, нет возможности туристу обойтись без водителя и переводчика. Однако ж и на этот раз не обошлось без некоторых столкновений с моим жидком: на первых порах он наговорил мне столько о пароходах, что у меня блеснула надежда – уладить чрез него дело и быть может наверстать упущенное время для переезда в Мессину; но когда мы с ним пришли в агентство Заатлантического общества, оказалось, что гид мой ровно ничего не знает; от агентства также не добился ничего нового и пришел к печальному заключению, что остается мне только одно: выехать из Туниса в понедельник, на пароходе Заатлантического общества, в Мальту и там дожидаться срочного итальянского парохода, отходящего из Мальты в четверг. Другим поводом к неудовольствию на гида было то, что он солгал, объявив мне, что русский консул Нисен в отсутствии; когда же, несмотря на это показание, я все-таки зашел в консульство, то оказалось, что Нисен здесь налицо. К сожалению, не застал его дома. Как с большею частию гидов, приходится беспрестанно ускромнять нахальство моего жидка.

После неудачных справок в агентствах ходил я со своим гидом по старому городу. Никакой план не поможет новому приезжему выбраться из бесчисленных закоулков, составляющих старый Тунис: это не улицы, не переулки, а какие-то коридоры с изгибами и

Окончание молитвы в мечети Джама Цитуна

без выходов, во многих местах крытые сверху или прорезывающие дома под воротами. В наружу выходят только лавки и мастерские; жилые же дома мусульманские имеют на улицу только такие отверстия, сквозь которые не проходит ни единый луч зрения. Грязь и зловоние – невообразимые. В узких переулках с утра до вечера толпится народ – пестрая смесь национальностей, типов, одежд. Из европейцев более всего французов и итальянцев; много мальтийцев, которые сами составляют смесь разных пород. Большинство же населения состоит из арабов и евреев; есть и негры, и мулаты. Зданий, замечательных в архитектурном отношении, вовсе нет; только некоторые мечети отличаются своею обширностью и высокими, узорчатыми минаретами, но наружного вида не имеют; вовнутрь же их иноверцы не допускаются.

Самая интересная часть города – это базары, которые здесь называют «сук». Они напоминают базары Константинополя и других больших городов Востока: это крытые сверху галереи, с бесчисленными конурами по обеим сторонам, служащими не только складами самых разнообразных товаров, но и открытыми мастерскими. В проходе всегда теснится толпа, сквозь которую с трудом можно пробраться; торговцы и покупатели галдят, спорят. В некоторых, более просторных лавках сходятся посетители, садятся

в кружок с трубкой или кальяном (наргиле) в зубах и попивают в маленьких чашечках кофе. Гид заманил и меня в магазин одного богатого и почетного араба Магомеда Барбуши, который* много путешествовал, бывал даже в России и подвизался на Парижской выставке 1889 года. Узнав от гида, что я русский, Магомед Барбуши наговорил множество любезностей насчет дружбы России с Францией, угостил меня кофеем, выложил для показа разные изделия тунисские и настоял, чтобы я купил у него что-нибудь «на память», уверяя, что уступит чуть не даром по дружбе ко мне. Я вынужден был, против правила своего, приобрести за 10 fr. вышитый по атласу платок. Прощаясь со мной, гостеприимный торговец уже называл меня другом своим, познакомил с братом и другими членами своей семьи.

Исходяв по разным направлениям несколько «суков» или базаров, прошли мы мимо главной мечети (Джама Цитуна)¹¹⁰ ко дворцу бея («Дар-эль-бей») и на места прежней «касбы», теперь уже скрытой и замененной новыми постройками на европейский лад. Бей не живет в этом дворце; но мне показывали его помещения. Внутреннее устройство их представляет безвкусную смесь национального тунисского или мавританского с европейским. Кроме тонких, мелких узоров лепной работы на некоторых стенах и потолках (или сводах), все остальное аляповато, грязно, попорчено; меблировка европейская, но старомодная, обветшала. Много встречается ребяческого, странного, например: в одной зале – несколько трюмо; в другой – целая коллекция часов на столах и каминах и т. п. Есть и зала совета; длинный стол покрыт красным сукном, запачканным большими пятнами чернильными.

В здании дворца производится суд и разбор тяжб. Многочисленные просители сидят или лежат на каменном полу вдоль стен под аркадами и по целым дням флегматически ожидают очереди. Весь проход по галереям загроможден босоногими** арабами в бурнусах. Чиновники и дельцы, в мундирах и фесках, ходят от одной группы к другой и толкуют с просителями. Совершенно первобытные формы суда и администрации. В новых зданиях насупротив дворца помещаются министерства, а далее выстроена большая красивая казарма для помещения зуавов¹¹¹.

---

* обратил на себя внимание на Парижской выставке 1889 года.

** просителями

От дворца и бывшей касбы пошли мы по* еврейским и арабским кварталам. Мусульманское население Тунисии совершенно сходно с населением Алжирии и Мароко. Одно отличие в costume женщин; они закрывают лицо до самых глаз не белою, а черною тканью. Евреи же имеют здесь совершенно особый, местный костюм, красивый у мужчин и весьма странный у женщин. Первые носят широкие шаровары до колен, собранные внизу, чулки и башмаки**; широкий кушак, обыкновенно красный; куртку без рукавов и сверху накидывают род плаща, которым ловко драпируются; на голове – феска. Женщины же, сверх*** панталон****, носят короткую рубашку или блузу, белую или цветную, не доходящую до колен, без пояса; на голове безобразная коническая шапочка, поддерживающая белое покрывало. В таком наряде женщина больше похожа на мальчика; особенно безобразен этот костюм на старых, тучных женщинах, когда они без накинутаго сверху широкого бурнуса. В настоящее время, по случаю еврейских праздников, все еврейское население ходит в самых нарядных одеждах, даже малых детей одевают в костюмы атласные, вышитые шелками и золотом.

Кстати надобно здесь заметить, что евреи занимают в Тунисе, в отношении к остальному его населению, совсем иное положение, чем в других странах: не только они не принижены, не в загоне, но напротив того, держат себя с достоинством, как бы настоящими хозяевами города; мужчины своим красивым костюмом, осанкою, походкой, даже чертами лица напоминают греков или арнаутов. Между женщинами не видел я ни одной красивой.

Что касается до нового европейского города, занимающего низменную полосу между старым городом и озером Тунисским, то можно считать его еще в зачаточном периоде; но судя по тому, что сделано до сих пор, можно предсказать, что он в скором времени сравняется с лучшими французскими городами. Я уже говорил о главной его улице или бульваре – La Marine; боковые улицы также постепенно застраиваются красивыми домами. Широкие улицы и тротуары, нарядные магазины, кафе и прочее – все по примеру других новых городов французских. Влияние французское начало

---

* жидовским

** вышитую узорами куртку

*** широких

**** иногда вышитых шелком

уже чувствоваться и в старом городе: и там некоторые улицы уже расширены, проложен по ним tramway и ходят omnibusy, которыми туземцы пользуются охотно. Многие частные дома уже выстроены и вновь строятся по европейскому образцу.

После завтрака** отправился я со своим гидом за город в экипаже. Целью этой поездки был старый заброшенный дворец дея Бардо***. Нынешний дей Али живет летом в Марсе, на берегу моря; по временам приезжает в другой загородный дворец Ксар Саид, близ Бардо. Однако ж предполагено и прежний дворец в Бардо реставрировать¹¹². Мне показали в нем только некоторые уцелевшие залы, в которых нет ничего замечательного, кроме изразцовых стен и некоторых узорчатых лепных украшений – подражаний тонкой работе старинных мавританских построек. Остальная часть дворца**** в перестройке; везде мусор и обломки. Украшавшие прежние залы дворца портреты тунисских деев, министров и некоторых государей Европы хранятся теперь в кладовых****. Рядом со старым дворцом и в общей с ним связи находится новая постройка, также в мавританском вкусе, очень роскошная и эффектная, но уже требующая капитального исправления. В ней помещается Музей Alaoui¹¹³, в котором собраны найденные в разных пунктах тунисских владений обломки древних римских и карфагенских зданий и статуй. Сюда перенесены и некоторые, довольно обширные и красивые мозаичные полы. Любопытны модели некоторых уцелевших древних построек.

Выехав из обветшалых, полуразвалившихся, грязных строений старой резиденции беев тунисских, я посетил теперешний загородный дворец бея Ксар Саид. Среди сада стоит желтое, некрасивое здание в европейском стиле; внутренняя отделка в арабском вкусе, но аляповатая, грубая; внутреннее убранство представляет жалкую смесь восточного мишурного блеска с безвкусными***** , даже грубыми произведениями европейской фабрикации. Рядом

---

* некоторых частях старого города: есть уже некоторые улицы расширенные, строятся новые дома на европейский образец

** опять

*** в котором отведено теперь помещение для музея.

**** (кроме занятой музеем)

***** Что касается до помещения музея, то оно недавней постройки (лет 10 назад), в мавританском вкусе, но уже теперь во многих местах повреждено и требует капитального исправления.

***** прихотями

с великолепным столом с античной мозаикой карфагенских или римских времен стоит простой, гладкий стол красного дерева; в зале, облицованной изразцами, украшенной изящною лепною работой, поставлен самый простой окрашенный шкаф и т. д. Притом все покрыто своею пылью; ковры потертые; кое-где трещины*. Так и представляются воображению запущенные, прихотливые хоромы нашего разорившегося помещика.

Дорога из Туниса в Бардо пересекает часть древнего** водопровода, снабжавшего Карфаген водою из горных родников на расстоянии около 160 километров. На этом значительном протяжении уцелела только небольшая часть высоких аркад.

6/18-го октября. Воскресенье. – Главная достопримечательность в окрестностях Туниса – это местность, где существовал Древний Карфаген¹¹⁴. Он находился на берегу моря, верстах в 15 к востоку от нынешнего Туниса, немного севернее Тунисского порта La Goulette. Несмотря на длинный ряд протекших веков со времени разрушения знаменитой финикийской колонии, несмотря на беспощадное расхищение остатков его грандиозных руин – и до сих пор*** еще подбираются кое-какие обломки. Значительное число их можно видеть в разных музеях местных и иностранных.

Нынешнее утро посвятил я обзору этой исторической местности. В 9-м часу утра выехал я по железной дороге, устроенной и эксплуатируемой итальянскою компаниею (Рубатино), от Туниса в La Goulette. Дорога эта проложена по самому берегу Тунисского озера, недоступного морским судам по причине мелководья. Воды этого озера сливаются с морем узким протоком между двумя низменными косами. На оконечности одной из них (северной) и находится городок La Goulette. От ведущей туда железной дороги отделяется влево ветвь к деревне Марса, где находятся загородный дворец бея и несколько вилл частных лиц, в том числе английского консула и известного кардинала Lavigerie, архиепископа Алжирского и Тунисского.

Прекрасное утро; озеро как зеркало; в нем отражаются и набережная Туниса и очертание гор, окаймляющих горизонт с юга.

---

* Так и вспомнились запущенный, прихотливый дом нашего разорившегося помещика.

** (римского и карфагенского)

*** понемногу

Кафедральный собор в Тунисе

С левой стороны простирается* голая равнина, за которою также тянется горный кряж. К сожалению, стоячие воды озера заражают воздух отвратительным зловонием, которое, разумеется, ощущается в нижнем, европейском городе сильнее, чем в старом, более отдаленном от озера и занимающем возвышенную местность.

После минутной остановки в Марсе, поезд принимает направление к югу, к La Goulette. Я вышел на станции Malga и пошел пешком (с гидом) на высоту, на которой воздвигнут в последнее время, стараниями кардинала Lavigerie, большой кафедральный храм. К сожалению, постройка эта, на мой взгляд, весьма неудачна в архитектурном отношении**. Это какое-то смешение стилей романского с мавританским; колоссальные стены его гладкие, с узенькими окнами; миниатюрные входные двери годились бы разве для какого-нибудь скромного, жилого дома; передний фасад совсем скрывает купол; одним словом, храм не производит того эффекта, какой мог бы производить по своему выгодному положению и размерам при другой более удачной архитектуре. Внутреннее же устройство безукоризненно, хотя и просто, без лишних украшений.

---

* обширная

** стиль не выдержан.

По близости храма находятся монастырь, семинария и разные другие новые постройки, которые совсем заслонили часовню, возведенную королем Луи-Филипом (1842 г.) в память французского короля Людовика IX (называемого Святым), умершего, как полагают, на том самом месте в 1270 году от чумы. Часовня эта небольшая, восьмиугольная, с куполом, обнесена стеною, внутри которой собрано несколько найденных поблизости обломков древних статуй, колонн, камней с надписями и прочее.

С высоты, на которой воздвигнуты все упомянутые здания, спустился я к древним цистернам, куда проведена была вода посредством длинного водопровода, о котором я уже говорил. Обширные эти цистерны, снабжавшие водой древний город, сохранились так хорошо, что в последнее время восстановлены заново. Избыток воды, проведенной подземными трубами в Тунисе, собирается в древние цистерны и отсюда проведен в La Goulette.

С высот хорошо видны в некотором расстоянии у самого берега морского бассейна воды, составлявшие, как полагают, торговую гавань Древнего Карфагена. Возвратившись к железнодорожной станции Malga, осмотрел я остатки древнего амфитеатра и древнего театра; тот и другой были небольших размеров. Повсюду кругом торчат разные обломки; поля сплошь усыпаны камнями, кусками мрамора, кирпича, черепками.

Исходив** значительное пространство под жгучими лучами солнца, с удовольствием уселся я в тени на станции, в ожидании прохода поезда, для возвращения в Тунис. Пришлось ожидать около часа. Возвратился в отель в половине второго***. Когда дневной жар несколько умерился, я прошелся еще раз по городу и по базарам; в агентстве Заатлантического общества взял билет на паром, отходящий завтра в Мальту.

Во французских газетах прочел, что по случаю предстоящего празднования в Крыму серебряной свадьбы Их Величеств, приглашена туда и датская королевская чета. В то же время греческая королевская яхта прибыла в Бриндизи за греческою королевскою четой. По всему видно, что в Ливадии готовится большой съезд по случаю означенного юбилея****. Таким образом, возвращение в

---

* довольно значительное число

** пешком

*** часа пополудни. Позавтракал, отдохнул и снова

**** Со страхом готовлюсь к возвращению в Крым. Вместо желанного отдыха от продолжительных и утомительных странствований, ожидает меня гораздо более еще утомительных и тяжелых треволнений <суеты>.

Крым не будет для меня отдыхом от продолжительных и утомительных странствований.

7/19-го октября. Понедельник. – Около 7 часов утра отправился я по железной дороге в La Goulette. Поезд тронулся со станции немедленно по прибытии встречного поезда из Марса с беем и его свитой. На станции была почетная встреча; на площадке перед станцией ожидал почетный конвой тунисской конницы.

Прямой поезд в La Goulette (не заходящий в Марсу) идет всего полчаса. La Goulette – грязненький городок, сохранивший отчасти старые укрепления, с пушками, уже вышедшими из употребления. Исполнив все формальности в агентстве пароходства и сдав багаж, переправился я на маленькой лодке к французскому пароходу «Kleber». Мне отвели сейчас же особую каюту, так как пассажиров в 1-м классе было очень немного: одна английская семья и еще один англичанин. Общество – не симпатичное. Пароход же гораздо больших размеров, чем скромная «Мальвина», на которой незадолго пред тем случилось мне плавать. «Kleber» отличается и большею опрятностью и большим порядком.

Погода прекрасная; море совсем гладкое. С парохода живописный вид: на первом плане белеется почти непрерывная полоса построек La Goulette и вправо до Марсы, влево – до горного хребта, с остроконечными вершинами; в глубине картины озеро, город Тунис и за ним высоты с фортами на вершинах.

Покидая французскую колонию в Африке, я должен воздать справедливость французам в том, что они сумели в какие-нибудь 50–60 лет прочно утвердить свое владычество в мусульманской стране не одною лишь военною силой, но и нравственным воздействием*. Туземное население офранцужено более, чем наши кавказские горцы обруселись. Хорошие пути сообщения, в том числе значительная железнодорожная сеть, разбросанные французские поселения и усадьбы, развитие экономическое, создание прекрасных городов – все это дает французскому владычеству в этой стране явное преимущество пред нашими успехами в гражданственности и культуре на Кавказе. Правда, что и препятствия к утверждению в Африке французы встретили несравненно меньшие, чем мы на Кавказе, как в** топографическом, так и этнографическом отношении. Горы Атласа нельзя равнять с хребтом Кав-

---

* на полудикое население.

** в топографических свойствах края, так в населении его.

казским; население Алжирии и Тунисии было гораздо более подготовлено к восприятию европейского влияния, чем кавказские горцы: оно с отдаленной древности находилось попеременно в соприкосновении с культурными народами: финикийцами, римлянами, арабами, турками, тогда как наши кавказские горцы оставались* спокон века независимыми, изолированными, за исключением разве** приморской части Дагестана. Теперь в Алжирии и Тунисе города совсем французские; жизнь городская развилась в них вполне на европейский лад; на Кавказе же, за исключением разве одного Тифлиса, нет до сих пор ни одного пункта, который мог бы напоминать европейский город со всеми современными удобствами жизни городской.

Снявшись с якоря в назначенный час – в 10 часов утра, идем ввиду африканского гористого берега; проходим мимо двух маленьких островков или вернее скал – Джамир; огибаем мыс Бон. Погода несколько изменяется: солнце скрывается за облака, ветер слегка покачивает пароход. Около 6 часов вечера оставляем вправо остров Пантелярию: силуэт его напоминает в уменьшенном размере Этну; очевидно, это остров вулканического образования. На северо-западной его оконечности видны огоньки города***.

К вечеру ветер стихает; прекрасная лунная ночь; пароход подвигается плавно.

Разговор с капитаном****; обнадеживает меня, что в Мальте найдутся пароходы для немедленного переезда на берега Италии или Сицилии; обещает самые верные сведения по этому предмету

---

* со времен Геродота

** незначительной

*** Впоследствии удивила меня появившаяся в газетах телеграмма из Рима от 18 октября (т. е. 6-го старого стиля), будто бы накануне этого числа «к западу от острова Пантелярии, на поверхности моря возник большой вулкан, извергающий пламя, камни и дым». К этому известию прибавляется, что «извержение сопровождалось подземным гулом и что оно *продолжается* и распространяется в северном направлении»...

Ничего подобного не видели мы, проходя вблизи острова Пантелярии 19-го октября (7-го старого стиля). Однако ж позднейшие известия подтвердили тот факт, что на поверхности моря плавали извергнутые вулканической силой глыбы, еще не остывшие и по временам производившие взрывы. На самом острове Пантелярии продолжались легкие сотрясения почвы. Довольно обстоятельное описание этого явления помещено в журнале «La Nature» 1891 г. № 964. 21 ноября. (Прим. Д.А. Милютин.)

**** снова

чрез агента Трансатлантического общества немедленно по прибытии в порт.

8/20-го октября. Вторник. Мальта. – Прибыли в Мальту на рассвете; стали на якорь в порте недалеко от набережной. Согласно обещанию капитана, немедленно является на пароход главный агент Трансатлантического общества; но, увы, объявляет положительно, что никакой пароход не отходит с Мальты ранее четверга*. Таким образом, окончательно** убеждаюсь*** в невозможности нагнать потерянное время и поспеть в Пирей к 14/26 числу, т. е. к отходу русского парохода. Приходится оставаться на Мальте целых три дня, сидя сложа руки, так как город Лавалет, посещенный мною два года тому назад, не заключает в себе ничего, что могло бы привлекать мое любопытство¹¹⁵.

Едва пароход бросил якорь, как уже вторглась на палубу целая толпа комиссионеров разных отелей; в руках моих оказалась целая пачка билетиков-реклам. По совету капитана и агента общества выбрал я «Grand Hotel». С помощью комиссионера этой гостиницы съехал на берег, прямо к таможене. Английские таможенные чиновники обошлись совершенно снисходительно и любезно, даже не открыли моего чемодана, ограничившись только вопросом – не везу ли я коньяка или других спиртных напитков. Отель, в котором я остановился, находится на главной улице «Strada Reale», насупротив дома губернатора и здания библиотеки; он оказался действительно лучшим в городе****. Дали мне***** очень хорошую комнату, в первом этаже, с двумя окнами на улицу. Есть, по крайней мере, утешение, что могу провести скучные три дня довольно комфортабельно. Само собою разумеется, что гостиница вполне на английский лад; немногие из персонала ее понимают французский язык.

Сейчас же пошел ходить по городу; купил план, с помощью которого мог обойтись без проводника. Все виденное мною два года назад – восстановилось ясно в моей памяти. С парапетов старых грандиозных укреплений открывается обширный вид на разделенные глубокими бухтами части города и на окрестные, голые, бесплодные высоты. Выйдя за валы главного города, собственно

---

* то есть ранее того итальянского парохода, который поддерживает сообщение между Италией и Мальтой.

** теряю всякие иллюзии

*** положительно

**** хотя самое помещение во многом напоминает старые испанские отели

***** прекрасную

Лавалетта

Ла-Валета, я обошел предместье его Флориана, также обнесенное старыми крепостными стенами в несколько ярусов. День очень жаркий. Климат на Мальте, как говорят, неприятный: летом нестерпимый зной и сухость; зато в январе средняя температура месяца почти одинакова со среднюю температурою всего года на южном берегу Крыма (около 13° Ц.).

Отложив на следующие дни посещение других предместий, отделенных от Лавалеты бухтами, пошел я к русскому консулу Георгию Александровичу Сакс. Это бывший морской офицер, человек еще молодой, но женатый. Он принял меня чрезвычайно радушно; даже выразил радость увидеть соотечественника, так как появление здесь русских путешественников есть факт очень редкий. И я, с своей стороны, также рад познакомиться с молодым консулом и его семьей: знакомство это может значительно облегчить предстоящее мне трехдневное заключение в скучном и несимпатичном городе. От консула получил я совершенно новое и важное для меня сведение, что в пятницу отходит отсюда в Бриндизи превосходный английский пароход общества «Peninsular et Oriental Steam-Navigation Compagny»*. Георг[ий] Алекс[андрович] Сакс присоветовал мне остаться лишний день в Мальте, где я устро-

---

* «Общество Восточно-полуостровной паровой компании» (фр.).

ился вполне комфортабельно, и переехать на означенном английском пароходе прямо в Бриндизи, вместо того, чтобы подвергаться всем мытарствам предполагавшегося мною переезда то морем, то по железным дорогам*. Английский пароход приходит в Бриндизи в воскресенье утром, как раз к отходу в Патрас двух пароходов: итальянского и австрийского, так что во всяком случае с тем или другим пароходом я могу быть в Патрасе во вторник, 15/27 числа, на рассвете. Совет консула принял я с большим удовольствием. Мне улыбалась мысль, что переезд морем до Патраса будет для меня почти отдыхом сравнительно с предполагавшимся мною маршрутом, конечно, при том условии, что море будет так же милостиво ко мне, как было до сих пор, при всех моих морских переходах. Лишний же день на Мальте уже не пугает меня в приятном русском обществе. Прямо от консула пошел я в агентство Кука (Cook's Compagnie), где получил полное подтверждение полученного сведения и тут же записался в число пассажиров ожидаемого в пятницу английского океанского парохода.

Часа чрез два после моего посещения консула, он отдал мне визит, принес несколько номеров петербургских газет (которых давно уже я не видел) и предложил сделать вместе прогулку пешком. Охотно принял я это предложение**, так как полуденный зной уже спал; после первой утренней прогулки я успел уже отдохнуть. Пошли мы частью по тем же улицам, которые я уже видел утром, в предместье Флориана, зашли в ботанический сад, потом спустились на набережную большого порта и возвратились в город, когда уже совсем стемнело. Расстались мы с консулом ненадолго: я обещал придти к нему провести вечер, чтобы познакомиться с его семьей. Жена консула молодая, образованная и развитая женщина, воспитанница Харьковского института, угостила меня чаем с русским самоваром и вечер прошел незаметно в оживленной беседе.

9/21-го октября. Среда. – Отправил две телеграммы: в Афины – посланнику Ону и в Алупку – жене, с предупреждением о дне моего приезда в Патрас и в Севастополь.

Погода изменилась: ночью сильный дождь с грозой; в течение дня несколько раз накрапывало, а к вечеру опять гроза и дождь. Несмотря на то, мне удалось сделать вместе с консулом большую

---

* (т. е. чрез Месину и Реджио).

** хотя уже вторичную прогулку по городу <и вторично пошел бродить по городу>

прогулку. Спустившись к большому порту (the Great-Port), переправились через бухту в лодке к форту Ricasoli, который составляет, вместе с фортом St. Elmo (на оконечности города Ла-Валета), передовую оборону входа в порт. От форта Рикасоли проплыли вдоль южного берега в одну из вдающихся малых бухточек, вышли здесь на берег и обошли* передовую линию сухопутной обороны предместий города: Vittoriosa и Senglea; через эти предместия вышли на обширное открытое пространство Cogrado, среди которого находится большая тюрьма, и обогнув внутреннюю часть большого порта (Porto nuovo), возвратились в город через предместие Flogiana. В продолжение этой трехчасовой прогулки несколько раз дождь принимался мочить нас. Зато я ознакомился почти со всею топографией мальтийского порта и укреплений. Город чрезвычайно разросся в последнее время: бывшие пустыри за бухтами застраиваются и образовали уже новые отдельные предместия. Консул наш, как бывший моряк и образованный офицер, сообщил мне многие сведения и объяснения. Он хороший ходок и прогулка с ним была для меня очень приятна. По словам его, старые укрепления, возведенные во времена Мальтийского ордена¹⁶ и еще ранее, хотя и кажутся грозными на вид, однако ж признаются ныне анахронизмом при современном состоянии военного дела. Англичане оставили орудия только на некоторых пунктах этих колоссальных стен, частью искусственных, частью естественных; взамен же их возвели и возводят новые батареи над морским берегом для обстреливания на дальние расстояния подступов к порту. Другой ряд батарей тянется поперек всего острова, по краю крутых высот, для защиты порта с тыла, т. е. со стороны северо-западной равнины, признаваемой наиболее удобною для высадки неприятельских войск.

Вечер провел опять у консула и опять наслаждался отличным чаем, получаемым здесь прямо с Цейлона.

10/22-го октября. Четверг. – Погода прояснилась; опять жарко, несмотря на сильный северо-западный ветер. После завтрака у консула, отправились мы с ним бродить за город: переправились на паровом катере через северную или карантинную бухту (Marsa-Muscet) к предместию Sliema. Этот вновь созданный городок и теперь еще продолжает отстраиваться и разрастаться. Вообще население острова (всего считается до 160 тысяч человек без ан-

---

* пешком

глийского гарнизона) теснятся все в ближайших окрестностях порта. Главный город острова окружен предместьями и маленькими городками. Мы прошли чрез два таких городка: Bigsaga и Gourti и возвратились домой только в 7-м часу вечера, когда уже совсем смерклось. Прогулка эта, довольно дальняя, доставила мне случай дополнить вчерашнюю и ознакомиться не только со всеми частями главного города, но и с окрестностями его. Все виденные мною маленькие городки и селения очень напомнили мне предместья Неаполя. Одна здесь совершенно местная черта: все дома как в городах, так и в селениях имеют непременно пред окнами выступы или закрытые балконы, напоминающие* арабские «мушерабии».

Вечер провел опять у консула.

11/23-го октября. Пятница. – Утром прогулка с консулом и его маленьким сыном по городу и по берегу бухты. Зашел в агентство Cook и взял билет на пароход «Ballaarat» английской Peninsular-Compagny до Бриндизи и на пароход австрийского Ллойда до Патраса. После завтрака у консула, отправился вместе с ним на английский пароход, сдал свой багаж и познакомился с капитаном. Пароход громадный, устроенный для дальнего плавания со всем комфортом, к которому привыкли англичане у себя дома: освещение электрическое, ванны; на верхней палубе сидения всякого рода, даже хор музыки. Пассажиров очень много, почти исключительно англичане** и большею частию едут из Англии прямо в Ост-Индию и Австралию. Капитан, по просьбе консула и моей, отводит мне отдельную каюту на палубе, в середине парохода. Я рад тому, что буду один***.

До отхода парохода оставалось еще много времени. Мы с консулом возвратились к нему; гостеприимная хозяйка еще раз, на прощание, угостила меня своим вкусным чаем; а в 7-м часу окончательно отправился я на пароход. Консул снова проводил меня. На пароходе застали пассажиров за обедом, за несколькими длинными столами; над ними устроены во всю длину опяхала, приводимые постоянно в движение индусами, для освежения душной температуры.

В 8 часов вечера пароход снялся с якоря. В гостиной раздались звуки музыки: одна англичанка пела, другая играла на скрипке,

---

* в свою очередь

** не слышно другого языка, кроме английского

*** в удобном помещении.

англичанин сопровождал на рояле. Пароход идет плавно; ветер, дувший довольно сильно в последние два дня, почти совсем утих.

12/24-го октября. Суббота. – Плавание довольно спокойное; океанский пароход по своей величине менее подвержен качке, чем малые пароходы; особенно в моей каюте, посредине его длины, качка совсем не чувствительна. Иногда мне даже казалось, что мы стоим на месте: благодаря отличному устройству машины, не слышно ни малейшего стука, ни скрипа, ни сотрясения. Услужливый «стюарт» (steward) уже в 6 часов утра принес мне чашку чая, которую однако же не мог я воспользоваться: пока я умылся и оделся, чай, конечно, простыл, да притом оказалось, что в чашке было больше молока, чем чая, по английскому обычаю. Меня всегда удивлял аппетит англичан. Едва откроют утром глаза, выпивают большую чашку чая с молоком, или кофе, или какао; а вслед за тем садятся за «брекфест» – сытный завтрак с мясом, рыбой, фруктами. На пароходе этот брекфест подается в 9 часов утра. В час пополудни – «лэнч» – второй завтрак, еще более сытный, целый обед, даже со включением супа; около 5 часов пьют чай, а в 7 или 7^{1/2} часов вечера бесконечный обед. В промежутках между едою англичане и англичанки предаются с увлечением разным играм: по целым часам упражняются бросанием мяча или какого-нибудь диска. У нас подобные игры скоро прискучили бы даже детям; англичане же всех возрастов и повсеместно, где бы ни были, способны заниматься целый день такими упражнениями. Весь образ жизни англичан, распределение их дня, нравы и обычаи – представляют любопытные странности и аномалии. Например, у них принято все утро проводить в самом небрежном*, бесцеремонном костюме, чуть не в халатах, не стесняясь нимало присутствием дам; иные даже ходят босиком: это теперь новая мода. Во время игр они совсем сбрасывают с себя верхнее платье и остаются в одной рубашке и панталонах. Зато к обеду, где бы ни были, – считают непременно долгим приличия переодеться, облечься во фрак с белым галстуком и белым жилетом, и косо смотрят на соседа, решившегося придти за обеденный стол в том же пиджаке и том же жилете, в которых провел утро. Станный народ эти британцы!

---

* распущенном утреннем костюме

Сегодня весь день море было тихо; ночь прекрасная; южное небо усеяно звездами. Вечером на верхней палубе играет музыка.

На больших океанских пароходах пассажиры разных классов гораздо более разделены, чем на малых пароходах, на которых палуба общая для 1-го и 2-го классов. Большая часть команды состоит из индусов, которые сохраняют свой национальный костюм. По словам англичан – это хорошие, усердные рабочие.

13/25-го октября. Воскресенье. – Ночью прибыли в Бриндизи. Пароход пристал бортом к набережной, пред самым отелем «des Indes Orientales», агентством Кука и таможенной. В 8 часов утра выхожу на берег. Таможня очень любезна; чемодан мой даже не открыли. Да и к чему было открывать, когда багаж мог бы быть перемещен прямо с одного парохода на другой. Признаться – покинул я английский пароход с удовольствием: крепко надоели мне британцы. Пароход «Ballaarat» уходит из Бриндизи только в полночь; также и пароходы австрийский и итальянский, идущие в Патрас. Мне предстоит провести в Бриндизи целый день: после небольшой прогулки по грязным улицам городка, уже знакомого мне, нечего здесь делать; приходится сидеть в читальне гостиницы, перебирая старые газеты и иллюстрации. Австрийский пароход приходит в Бриндизи обыкновенно очень поздно; сегодня же он пришел только в полночь. После долгого ожидания его, поспешил я взять лодку и с багажом переправился на «Медузу». Пассажиров на пароходе много; мне отводят каюту вместе с другим пассажиром; но каюты так устроены, что, задвинув занавес, я совершенно отделен от своего соседа, имею все необходимое для себя и потому вполне доволен своим помещением*. Вообще пароход австрийского Ллойда больших размеров и во всех отношениях очень хороший – не чета итальянским.

14/26-го октября. Понедельник. – Утром пароход наш несколько покачивает; многих пассажиров совсем укачало. Входим в канал морской между берегом Эпира и островами; качка уменьшается; но небо облачное; несколько раз накрапывает дождь. В исходе 2-го часа пополудни приходим в Корфу. Большая часть пассажиров сходят на берег; я же остаюсь спокойно на пароходе.

В порте стоит греческая королевская яхта «Сфактерия» и рядом с нею – неизбежно английское военное судно, как кажется, учебное.

---

* Впоследствии я узнал, что мой сосед или сожитель – бывший греческий министр иностранных дел Драгумис. (Прим. Д.А. Милютина.)

Выходим из Корфу в 5-м часу. Плавание прекрасное; небо прояснилось. За обедом, сидя рядом с капитаном, разговорился с ним, а также с сидевшим против меня старичком, понимающим русский язык. После обеда мы уже беседовали с ним по-русски: оказалось, что он состоит секретарем при короле Эллинов и возвращается теперь из Копенгагена. От капитана парохода узнаю, что это Калининский, родом поляк, но давно уже поселившийся в Греции и назначенный королевским секретарем с самого начала царствования короля Георга^{*}.

15/27-го октября. Вторник. – Пришли в Патрас еще до света. Намереваясь ехать прямо в Афины с первым поездом железной дороги, я собирался выйти на берег ко времени отхода этого поезда, в 7 часов 40 минут. Но едва вышел я из своей каюты, как на пароход прибыл русский консул Сотирадес. Он получил от нашего посланника в Афинах извещение о моем приезде в Патрас, с поручением встретить меня и облегчить мне поездку в Олимпию, если я пожелаю воспользоваться случаем, чтобы видеть тамошние замечательные руины^{**}. Несмотря на все мое желание скорее добраться до Афин и там отдохнуть несколько дней от непрерывных переездов, предложение консула соблазнило меня, тем более, что он вызвался сам сопровождать меня в экскурсии^{***}. Как упустить такой удобный случай! Экскурсия эта отняла бы только два дня из четырех дней, которые я намеревался провести в Афинах, исключительно для отдыха, в ожидании субботнего парохода из Пирея в Константинополь. Я принял предложение, и в ожидании отхода поезда железной дороги в Олимпию, занял комнату в одной из гостиниц «Hôtel de Angleterre», окнами на набережную Коринфского залива. Гостиница эта^{****} очень порядочная для такого небольшого провинциального города^{*****}. В сопровождении консула пошел я по городу, заходил в соборную церковь, которая еще достраивается; взглянул на старинный саркофаг, найден-

---

* Не был ли он в числе эмигрантов 1830 года?

** Консул обрадовал меня передачей двух писем: одного от жены, другого от Лаврентьева. Оба письма, впрочем, довольно устаревшие – от 17-го сентября.

*** Грешно было бы упустить такой случай – посетить Олимпию!

**** скромная, но чистая и вполне очень порядочная

***** как Патрас.

ный где-то* в окрестностях. Вообще Патрас, как и другие греческие города (за исключением Афин), находится довольно в** первобытном состоянии: улицы не мощеные, без тротуаров; ходить по ним очень неприятно по причине слоя пыли, которая после дождя, разумеется, обращается в непроходимую грязь. Нет ни старинных церквей, ни красивых новых зданий; а между тем, по словам консула, Патрас город богатый; имеет до 40 тысяч жителей и ведет обширную торговлю, преимущественно коринкою (т. е. сушеным коринфским виноградом). Продукт этот потребляется в большом количестве в Англии, Голландии, Скандинавских странах для печения кексов и других сладких тест, а еще более во Франции, где коринка, со времени истребления местных виноградников филлоксерой, идет на выделку вин. Пред окнами моей комнаты, на набережной, нагружались на пароходы тысячи ящиков с коринкою: это главный, чуть не единственный продукт местного хозяйства в значительной части Греции и на островах, где произрастает тот сорт винограда. Иных сортов винограда разводится мало; вино из них выделяется только для местного употребления. Крупные землевладельцы выделяют для себя вино очень порядочное, близко подходящее к нашему крымскому; крестьяне же готовят особое вино с добавкою смолистого вещества, называемого здесь «резинэ», которое дает вину особый вкус, неприятный для непривычного потребителя***. Прибавка означенного «резинэ» считается необходимою для сохранения вина. Впрочем, в Патрасе теперь учредилась немецкая компания, которая изготовляет из местного винограда довольно хорошее вино и постепенно расширяет объем своего предприятия.

После прогулки по городу, зашел я в дом моего спутника, который познакомил меня с молодою женой и угостил роскошным завтраком. Консул Сотирадес – местный землевладелец, человек с состоянием, живет с комфортом; и он, и жена его говорят очень порядочно по-французски, много путешествовали по Европе и умеют вести разговор. После завтрака оставалось еще довольно времени до отхода поезда; консул предложил мне прокатиться за город, до маленького, скромного монастыря на одной из окрест-

---

* около Патраса, но ничего замечательного не нашел.

** примитивном

*** Местные <туземцы> же пьют это вино с удовольствием.

ных высот*. Оттуда открывается обширный вид на всю богатую равнину, прилежащую к морю и замкнутую с трех сторон горами. К северу же, по другую сторону залива, видны горы Акарнании и Этолии. Одна существенная невыгода здешней местности – недостаток пресной воды и продолжительные засухи, вследствие которых растительность очень бедная, кроме винограда и редких маслин, нет деревьев, даже в садах при городских домах и загородных виллах.

В 4 часа пополудни выехали мы из Патраса по железной дороге, не отличающейся благоустройством. Поезд идет 98 километров до города Пиргоса $4\frac{1}{2}$ часа, т. е. менее 22 километров в час; но останавливается на всех маленьких станциях, которых на означенном протяжении насчитывается до 27. Дорога пролегает сначала вблизи морского берега, между виноградниками, потом пересекает возвышенную, большую часть бесплодную местность, а подходя к Пиргосу опять приближается к морю. В Пиргосе нам следовало переночевать; от станции до города с полверсты прошли пешком, в темноте, чрез какие-то буераки. Консул объяснил мне, что город Пиргос, сильно пострадавший от землетрясения лет десять назад, еще отстраивается заново. И здесь улицы не мощеные, грязные. Обе имеющиеся гостиницы плохи. В той, где мы остановились, – «Hôtel Olympia» подали нам такой ужин, что мы предпочли лечь спать голодными.

16/28-го октября. Среда**. – Поезд железной дороги в Олимпию отходит из Пиргоса в 9 часов утра и приходит туда в 10 часов; но железная дорога не доведена еще до самых развалин, ни до музея; работы продолжаются; предполагается даже возвести близ музея большую гостиницу. Теперь же приходится идти пешком с версту, чрез поля и виноградники. Музей выстроен в последнее время, на видном месте; архитектура здания есть подражание античному стилю, но подражание аляповатое, из дешевого материала. Отложив осмотр музея pour la bonne bouche***, мы прошли прямо к замечательным руинам. Вместе с нами прибыла большая группа посетителей Олимпии; они ходили гурьбой по развалинам, под руководством невежественного проводника. Мы же обошлись без его помощи и легко ориентировались по плану, приложенно-

---

* окружающих амфитеатром равнину Патрасскую

** Проснулся до свету с расстроенным желудком.

*** на закуску (фр.)

му к моему путеводителю (guide Joanne). Древние постройки обозначаются очень явственно: большую часть уцелели цоколи их; на иных же еще колонны, части стен, а кругом разбросаны обломки верхних частей, целые колонны, капители, камни с надписями. В особенности выдаются большой храм Зевса, другой поменьше Геры (Herason), Пританей, Палестра¹¹⁷. Можно также проследить явственно стены, ограждавшие внутреннее, священное пространство – Altis. Раскопки уже обнажили важнейшую часть Древней Олимпии; но прежнее ристалище или место игр олимпийских, равно как и гиподрум*, еще не совсем открыты. Вид обнаженных руин воскрешает в воображении всю жизнь античную и производит почти такое же впечатление, какое испытываешь, ходя по развалинам Помпеи¹¹⁸. Но здешние руины совершенно отличаются от помпейских: это постройки чисто в классическом эллинском стиле; всего ближе сравнивать их с развалинами Афинского Акрополя. Позднейшие постройки Римского периода явственно отличаются от древнейших греческих самым материалом: они возведены из кирпича, древней формы, тонкими пластами, тогда как древние греческие** из тесаного камня крупных размеров, почти циклопических.

Многие из посетителей Олимпии восхищаются самым местоположением ее; но я не нашел в нем ничего особенно живописного. Это довольно широкая долина речки Альфеи, окруженная невысокими горами, которые, вероятно, были в древности покрыты лесом, а теперь большую часть испещрены пашнями и виноградниками. Современная культура и свист железнодорожного поезда не способствуют поэтичности*** ландшафта.

Обойдя все развалины с книжкой и планом в руках, пошли мы в музей. Учреждение это совсем новое, так сказать в зародыше. Много из найденных на месте обломков статуй или камней со скульптурными украшениями и надписями остается еще упакованным в ящиках или свалено кучей в боковых залах музея; выставлены же пока только замечательнейшие произведения греческой классической скульптуры. В главной, средней зале, вдоль обеих**** продольных стен, установлены***** статуи обоих фронто-

---

* Так в тексте. Имеется в виду ипподром. (Прим. публ.)

** сплошь

*** природы

**** боковых

***** сохранившиеся

нов храма Зевса, настолько сохранившиеся, что дают возможность восстановить полную группировку фигур. На боковых стенах той же залы выставлены некоторые из сохранившихся метофов и триглифов¹¹⁹ того же храма; а в глубине залы поставлена превосходная статуя «Победы», стоявшая пред входом в храм Зевса. В отдельной зале поставлена главная находка олимпийских раскопок – статуя Гермеса с ребенком на левой руке¹²⁰. Знатоки считают эту статую самым совершенным произведением лучшей эпохи греческой скульптуры и ставят ее даже выше хранящейся в Лувре Венеры Милосской¹²¹. К сожалению статуя эта не совсем цельная: не достаёт правой руки, в которой, по мнению специалистов, Гермес держал виноградную кисть пред глазами ребенка. Виденные мною разные фотографические снимки статуи не дают верного представления выражения лица Гермеса.

Не в дальнем расстоянии от музея¹²² находится скромный ресторан, в котором мы позавтракали в ожидании отхода обратного поезда. Тронулись в путь в 2¹/₂ часа пополудни. С утра погода была облачная, однако ж изредка выглядывало солнце и тогда сильно пекло. Но позже надвинулись черные тучи; на горизонте вспыхивала по временам зарница; а на конец разразилась сильная гроза с проливным дождем, который провожал нас до самого Патраса. Прибыв туда около 8 часов вечера, я проехал прямо в квартиру консула. Хозяйка встретила нас со свойственной ей любезностью, познакомила меня с племянницей своей, молодой девушкой, и угостила отличным ужином. В заключение молодая барышня сыграла на фортепьяно несколько пьес: одну из какой-то новой оперы доморощенного греческого композитора, а другую – Рубинштейна. Обе дамы занимаются музыкой, знакомы с некоторыми русскими композиторами. Около 11 часов вечера распростился я с любезными хозяевами и возвратился на ночлег в «Hôtel d'Angleterre».

17/29-го октября. Четверг. Афины. – Ночью опять гроза с сильными порывами ветра. Долго не мог заснуть; весь искусан комарами и мустиками*. Выехал из Патраса с первым железнодорожным поездом, в 8-м часу утра. За несколько минут до отхода

---

* Проснулся ранее 6 часов. Хозяин отеля, говорящий порядочно по-французски, подал мне чаю, довольно порядочного, и взял сам распорядиться моим багажом для отъезда моего по железной дороге с первым утренним поездом, в 7 часов 40 минут.

поезда пришел консул проститься со мной; искренно поблагодарил я его за гостеприимство и в особенности за интересную поездку в Олимпию*.

С утра горы окутаны густыми облаками. На улицах Патраса и набережной грязь и лужи; довольно свежо. В середине дня снова дождь. Дорога из Патраса в Афины, уже знакомая мне с 1889 года, пролегает сначала вдоль южного берега Коринфского залива, между непрерывными полосами виноградников, за исключением немногих мест, где горы круто упираются в самый берег**. Около часа пополудни остановка в Коринфе; завтрак в ресторане на станции. Нынешний Коринф – довольно жалкий городок; своими широкими, грязными улицами, разбросанными одноэтажными домами напоминает наши уездные городки южной России. Близ Коринфа предположено устье будущего канала Коринфского. Прерванные на некоторое время работы этого канала теперь возобновлены уже новою компаниею. Железная дорога пересекает канал по железному мосту, с которого хорошо видны исполненные уже колоссальные земляные выемки и насыпи. За перешейком Коринфским – местность равнинная, но каменистая, бесплодная, унылая. Зато как живописны, даже в настоящую ненастную погоду, берега открывающегося справа залива Сароникского. На пути лежит городок Мегара, красиво раскинувшийся по скату горы; но любоваться им можно только издали: улицы его, как и в других малых городах Греции, не мощеные, то пыльные, то грязные; дома неприглядные.

От Мегары к Элевзису равнинная местность между горами вспахана и засеяна; далее опять каменистый грунт; железная дорога пролегает местами по карнизу крутых гор, окаймляющих залив. Ближе к Афинам появляются виноградники и маслины. В исходе 5-го часа вечера приезжаю в Афины.

На станции железной дороги встречает меня присланный посланником Ону услужливый его фактотум Анджело, с объяснением, что помещение приготовлено для меня в квартире посланника, который убедительно просит меня остановиться у него, несмотря на то, что теперь он живет уже не в одиночестве, а со всею семьею.

---

* Благодаря ему, удалось мне исполнить эту интересную экскурсию, с полными удобствами.

** Коринфского залива.

Я отклонил это любезное приглашение и остановился в прекрасной гостинице «Hôtel Grande Bretagne», где жил два года тому назад. Случайно отвели мне даже тот же самый номер, который занимал я в 1889 году. Мне было бы стеснительно, хотя и на короткое время, поселиться в чужом доме; в гостинице я свободнее и независимее. Едва вошел я в свой номер, как сам посланник посетил меня. Он настоятельно пригласил меня к себе отобедать, запросто, в дорожном костюме. Супруга его и две взрослые дочери приняли меня очень любезно. Кроме меня приглашен был к обеду наш ялтинский знакомый – доктор Овсяный, путешествующий с юною своею дочерью.

18/30-го октября. Пятница. – Заходил на почту и на телеграф наведаться нет ли писем или телеграмм; ничего не оказалось. Отправил телеграмму жене с извещением о дне моего приезда в Севастополь.

Сделал продолжительный визит Бахметьевым, навестил также Рауша-Траубенберга, который все еще только собирается выехать отсюда в Петербург. Утром опять гроза и дождь; очень свежо, так что я облекся в суконную одежду. В 7¹/₂ часов опять обед у посланника; кроме меня приглашены Бахметьевы, Траубенберг и командир «Уральца» капитан Моллас. После обеда явился новый сербский посланник Георгиевич. Распростившись с дамами, я возвратился в отель почти в полночь.

19/31-го октября. Суббота. – Все утро оставался дома*, готовился к отъезду в дальнейший путь из Пирея в Константинополь на итальянском пароходе компании Florio e Rubatino. Услужливый комиссионер посольства Angelo заблаговременно взял для меня билет на пароход и принял на себя все хлопоты с багажом. Полковник Рауш-Траубенберг пожелал проводить меня в Пирей и до самого парохода. Посланник Ону заезжал проститься**.

Около 2-х часов пополудни отправился я по железной дороге в Пирей вместе с полковником Траубенбергом и с Angelo. До отхода парохода оставалось еще более часа времени. Я воспользовался этим промежутком, чтобы посетить стоящую в порте канонерку «Уралец». Командир Моллас и офицеры его приняли меня очень

---

* укладывался и

** Позавтракав в отеле

радушно, как старого знакомого*. На палубе полковник Траубенберг и моряки сняли с меня фотографии в штатском моем костюме.

Пока я был на «Уральце», собиравшиеся с самого утра черные тучи разрешились дождем. В сопровождении полковника Рауша и капитана Молласа переехал я на паровом катере с «Уральца» на итальянский пароход «Palero», и здесь распростился с ними. По расписанию мы должны были выйти из Пирея в 4 часа; но нагрузка товаров окончилась только к 6 часам, так что снялись с якоря, когда уже совсем стемнело. Пароход оказался гораздо лучшим, чем я ожидал, судя по другим пароходам того же общества, на которых случалось мне плавать в прежние мои путешествия. В 1-м классе, кроме меня, был только один пассажир; поэтому не оказалось и надобности в протекции посланника и хлопотах Angelo для получения отдельной каюты. Внутреннее устройство парохода очень комфортабельное; обед хороший, неитальянской кухни; прислуга услужливая. Но самого капитана парохода не видел. Спутник мой немецкий заводчик из Саксонии, путешествует с целью открыть сбыт своим шерстяным изделиям; говорит по-французски плохо; однако ж с грехом пополам мы могли понимать друг друга.

К ночи дождь прекратился; в промежутках между тучами выглянули звезды, зато поднялся ветер; качка пока незначительная.

20-го октября / 1-го ноября. Воскресенье. – Ночью и во весь день сильная качка; северный ветер, тучи, дождь, стало очень холодно. Единственного спутника моего совсем укачало еще с вечера; завтракал я и обедал в полном одиночестве. Капитан парохода и сегодня не появлялся.

21-го октября / 2-го ноября. Понедельник. – Следовало бы сегодня, рано утром, быть уже в Константинополе, где я надеялся пробыть два дня; вместо того только к вечеру доходим до устья Дарданельского пролива. Сильный противный ветер задерживает ход судна. Выглянув из каюты, с удивлением видим снег на островах и потом на берегах Дарданелл по обеим сторонам. Ввиду брандвахты бросаем якорь; нет возможности спустить шлюпку на воду, чтобы получить установленный пропуск чрез пролив. Капитан признает необходимым остановиться на всю ночь, по примеру

---

* Они, как мне кажется, искренно были довольны свиданию со мной.

нескольких других прежде нас прибывших пароходов. Порывы ветра так сильны, что трудно даже выйти на палубу.

Несмотря на то, сегодня я чувствую себя лучше, чем вчера. Даже и спутник мой выполз из своей каюты. Я вынужден облечься в свое толстое драповое пальто.

Капитана не видели и сегодня.

22-го октября / 3-го ноября. Вторник. – Всю ночь простояли у входа в Дарданеллы. К утру ветер несколько стих. Капитан не торопится сняться с якоря, рассчитывая, что ни в каком случае не может войти сегодня же засветло в Золотой Рог и должен будет остановиться ввиду Константинополя до 6-ти часов завтрашнего утра. Я в большой тревоге, опасаясь, в случае замедления, не застать уже в Константинополе русского парохода, на котором рассчитываю идти в Севастополь. Когда совсем уже рассвело, отправлена с парохода шлюпка на берег для получения узаконенного пропуска чрез пролив. Наконец, снимаемся с якоря; тихо подвигаемся между покрытыми снегом берегами Гелеспонта. Какое странное впечатление производит этот вид!.. С выходом из пролива в Мраморное море опять сильная качка. И побережья этого прелестного моря узнать нельзя под снежным покровом.

Около 9 часов вечера уже видны огоньки Сан-Стефано. Еще с час времени и открываются целые полосы огоньков справа и слева; это Скутари и Цареград. Но здесь мы должны простоять еще целую ночь в ожидании утра.

Вот в четвертый раз в течение двух лет, что приходится мне посещать Константинополь*, и каждый раз попадаю сюда в такую погоду, когда и самая дивная местность покажется неприглядною.

23-го октября / 4-го ноября. Среда. – С рассветом снимаемся с якоря и входим в Золотой Рог. Вместе с нами втягиваются и другие запоздавшие пароходы. Облачно, сыро, но ветер не сильный. В порте обычное оживление; непрерывно шныряют по всем направлениям ялики и паровые катера (вапораки); на мачтах развеваются флаги всех наций. Едва остановился наш пароход, как уже является на палубу кавас нашего посольства и передает мне две телеграммы: одну – от жены, с извещением о сделанных ею распоряжениях для облегчения мне проезда от Севастополя до

---

* и Босфор в ненастную погоду и стало быть [в] вовсе не привлекательном виде

Золотой Роз

Симеиса; другую – от Николая Ивановича Свечина, старого моего товарища и друга детства: временно находясь в Крыму вместе с сыном, служащим при посольстве в Константинополе, и собираясь отправиться сюда с воскресным пароходом, он выражает надежду на свидание со мною в Алушке. От каваса узнал, что посол Нелидов и часть посольства только что вчера переселились из Буюк-Дере в Перу. Но русский пароход «Олег», на котором предстоит мне плыть в Севастополь, отходит уже в 10 часов утра; стало быть не может быть и речи о выходе на берег: я должен перейти с одного парохода на другой неотлагательно. Капитан «Олега» Иван Карлович Роллер встречает меня с обычным радушием. С большим удовольствием вступаю на русский пароход; чувствую себя как бы на родной почве. Приятно слышать кругом русский говор. В середине общей каюты пылает огонь в железной печке. Какая разница с итальянским пароходом: там не мог я согреться даже в своем толстом драповом пальто. Капитан, хотя сам финляндец, дает приказание, в угоду мне, приготовить к обеду борщ с грешневой кашей; заботится о помещении меня в лучшую каюту, где наименее чувствительно неприятное на этом пароходе сотрясение

от дурного устройства винта. В первом классе опять я вдвоем с каким-то господином, по-видимому иностранцем, но говорящим порядочно по-русски.

Ровно в 10 часов снимаемся с якоря и входим в Босфор. Погода поправляется; однако ж холодно, а с выходом в море – чувствительная зыбь. Пароход покачивает; но более неприятно постоянное сотрясение и стук в корме.

24-го октября / 5-го ноября. Четверг. – Утром море спокойное, но дождь мешает выходить на палубу. Спутник мой, по имени Макс Берлинер, очевидно иудейского происхождения*, давно проживает в Петербурге, но много путешествует по торговым делам. Обо всем судит и рядит с большою самоуверенностью.

С приближением к крымским берегам погода проясняется. В Севастополь приходим ранее обыкновенного – в начале второго часа пополудни; но благодаря халатному отношению к своим обязанностям чиновников карантинных и таможенных, пассажиров не спускают с парохода в продолжение более часа. Нигде, ни в одном порту пассажир не встречает таких формальностей, таких проволочек и такого пренебрежения к публике, как у нас**.

Покинув наконец пароход, заезжаю в гостиницу Киста, куда очень скоро приводят почтовых лошадей. Около 3-х часов пополудни выезжаю из Севастополя. Дорога грязная от недавних дождей и снега; холодно; резкий ветер. Несмотря на все эти невыгодные условия, еду довольно быстро и к 10 часам вечера уже дома. Как ни привлекательны странствования по белу свету, как ни занимательно было мое четырехмесячное путешествие, а все-таки я рад-радехонек возвращению восвосяси. Недаром гласит русская поговорка: «в гостях хорошо, а дома лучше».

25-го октября. Пятница. – Вчера в Севастополе узнал я, что царская семья с Датскою королевскою четой и принцессой Уэльской прибыли уже в Ливадию в среду утром и что серебряная свадьба Их Величеств будет праздноваться совершенно в семейном кругу. Не поспев к встрече Их Величеств в Ялте, полагаю представиться в первое же воскресенье, как водится, пред обедней, и принести поздравления накануне празднуемой знаменательной годовщи-

---

* ведет торговые дела

** Высланный навстречу мне человек, пошел на почтовую станцию за лошадьми и привел их очень скоро к гостинице Киста, где между тем успел я позавтракать. Около 3 часов выехал из Севастополя.

ны. До воскресения успею разобрать свои дорожные пожитки и хотя несколько осмотреться в своей домашней обстановке.

Первым делом моим сегодня было повидаться с моим старым товарищем Ник[олаем] Ив[ановичем] Свечиным, который завтра же уезжает из Алупки в Севастополь. По своему обыкновению, пошел я к нему пешком. Утро прекрасное, солнечное, хотя свежее. Свидание наше было самое задушевное. Свечин, ровесник мой, на вид старообразнее меня; это почтенный, честный человек. Потеряв давно уже жену, он сосредоточил все свои чувства привязанности и любви на двух сыновьях, с которыми и проживает поочередно: с одним – летом, в Петербурге; с другим – зимой, в Константинополе. Радость, которую выказал он, увидевшись со мной после многих лет разлуки глубоко тронула меня. Мы провели вместе почти весь нынешний день. После обеда, уже поздно вечером, распростились сердечно, с обоюдным пожеланием свидеться хотя бы еще раз до могилы.

26-го октября. Суббота. – Погода холодная, но ясная. К ночи термометр опустился до нуля.

Сосед наш Сергей Иванович Мальцов приезжал проститься: завтра уезжает в Петербург и потом, вероятно, за границу.

Приступил я к разборке накопившихся в отсутствие мое писем, посылок, журналов и газет.

27-го октября. Воскресенье. – Облекшись в полную парадную форму, явился я в Ливадию пред самую обедней. Их Величества приняли меня чрезвычайно милостиво, со свойственною им простотою и обходительностию. За завтраком, сидя возле императрицы, я имел случай кое-что рассказать о своих путешествиях и объяснить, почему опоздал я возвращением в Крым ко времени приезда Их Величеств. В разговоре была речь о вилле, нанятой близ Алжира для великого князя Георгия Александровича. Пред завтраком и после него имел я разговор с наследником цесаревичем, с королем и королевою Датскими. Совершенно неожиданно для меня, Государь удостоил меня приглашения на завтрашнее семейное торжество. Приглашение это** меня тронуло, как выражение особенного благоволения Их Величеств.

Из лиц, прибывших в царской свите, посетил я графа Воронцова-Дашкова и фрейлин – Озерову и Голенищевых-Кутузовых.

---

* в нашей жизни <наши старческие годы>.

** ценю высоко, как выражение особенной царской милости <внимания>.

Общественные члены императорской фамилии в Ливадии

Также заходил к графу Александру Васильевичу Олсуфьеву, прибывшему с Кавказа с великим князем Георгием Александровичем; провел некоторое время у Евреиновых. С удовольствием встретился с доктором Алышевским, с отцом Янышевым, князем Тумановым и другими.

28-го октября. Понедельник. – Серебряная свадьба Их Величеств праздновалась сегодня в Ливадии весьма скромно, в семейном кругу. Кроме немногочисленной свиты и иностранных гостей, присутствовали только немногие лица, состоявшие при Государе, как наследнике престола, 25 лет тому назад. Этими лицами поднесена была Его Величеству икона. В дворцовой церкви отслужено молебствие; потом обычным порядком завтрак, во время которого король Датский произнес на французском языке коротенькую речь и предложил тост за здоровье и дальнейшее семейное счастье Их Величеств. Этим и ограничилось все празднование знаменательной годовщины. После завтрака Государь, императрица и

---

* многими

родители ее – обошли всех присутствующих и* каждого почтили благосклонным словом. Ко мне Их Величества отнеслись столь же милостиво, смею сказать, любезно и радушно, как и вчера¹²³.

Когда все разошлись по своим углам, я зашел к почтенному о. Янышеву, с которым завязался** довольно продолжительный разговор. Это человек умный, образованный и развитый; у него нет ничего поповского.

Возвратился домой в 5-м часу вечера. Сегодня погода ясная, безветренная и несколько теплее вчерашней.

31-го октября. Четверг. – Возвратившись домой с обычной утренней прогулки, узнал, что в отсутствие мое приезжал протопресвитер Янышев.

Последние два дня занимался я корреспонденцией; отправил до десятка писем, в том числе*** одно в Одессу, в редакцию «Одесского листка»¹²⁴, в ответ на требование от меня какого-либо автографа для помещения в предпринятое в пользу голодающих издание, под названием «Отклик»¹²⁵. В письме некоего А.Е. Кауфмана по этому предмету прямо указывается на составляемую будто бы мною историю прошлого царствования. Я воспользовался случаем, чтобы в своем ответе опровергнуть столь распространенный нелепый слух¹²⁶.

6-го ноября. Среда. – На днях прибыл в Ялту племянник мой Юрий Николаевич Милютин с молодою женой, рожденной графиней Сумароковой-Эльстон****. Они провели у нас более суток. Утешительно было видеть эту милую, симпатичную чету. Юрий едет в Тифлис, обязавшись на 5-летний срок быть редактором газеты «Кавказ»¹²⁷. Можно надеяться, что он сумеет поднять значение этого издания; по крайней мере принимается он за дело с прекрасными намерениями*****. Сейчас распростились с ними; они возвращаются в Ялту, а в пятницу отправляются на пароходе в Батум*****.

---

* всех без исключения удостоили

** случайно

*** дочерям

**** Вчера с утра они посетили нас.

***** и умением.

***** Евгения Ивановна Гаевская гостит у нас третий день; завтра намеревается переехать в Ялту на зимние квартиры.

Погода совершенно осенняя: пасмурно, ветрено, по временам дождь.

8-го ноября. Пятница. – Вчера вечером дошел до нас слух из Ливадии, что гофмаршал князь Оболенский заболел инфлуенцей, а сегодня узнали, что он уже скончался. Такой быстрый исход болезни должен произвести сильное впечатление в ливадском кругу. Князь Оболенский пользовался особенным благоволением Государя; он был еще молод и на вид человек здоровый. Жаль бедную вдову его. В детстве она была близка к моей семье.

Слышно, что принцесса Уэльская уже уехала из Ливадии. Приезд принца Сиамского уже описан в газетах. Ожидают еще приезда русского посла в Константинополе Нелидова и великого визиря Турецкого.

12-го ноября. Вторник. – Вчера утром в Ливадии происходило отпевание покойного князя Оболенского. Тело перевезено вчера же в Ялту и оттуда в Севастополь для отправления в Петербург. Вдова его уехала сегодня утром.

Императрица назначила сегодня прием моей жене, которая с удивлением узнала* о предстоящем завтра же отъезде Их Величеств из Крыма. Решение это было сюрпризом даже для** окружающих лиц. Все ливадское общество в печальном настроении, а к тому же и погода стоит пасмурная, дождливая. Грустное впечатление оставит в воспоминаниях царской семьи нынешнее пребывание в Крыму.

13-го ноября. Среда. – Привезенное вчера вечером женою известие из Ливадии побудило меня сегодня облечься в парадную форму и отправиться туда, чтобы проститься с Их Величествами и кстати принести поздравление императрице с завтрашним днем ее рождения. На всем пути преследовал меня дождь. Попал я в Ливадию как раз к началу напутственного молебствия. Государя и императрицу видел я только одну минуту. Его Величество сказал мне несколько слов, выразив сожаление, что печальные обстоятельства и дурная погода заставляют ускорить отъезд из Крыма и помешали ему навестить меня. Простился также с королем Датским и великими князьями наследником и Георгием Александро-

---

* от Ее Величества

** близких

вичем. Последний* имеет вид болезненный; едет сегодня вместе с Их Величествами до Севастополя, откуда возвратится в Закавказье (в Абас-Туман). Сейчас по окончании молебствия** Ливадия мгновенно опустела, и я поспешил возвратиться немедленно домой.

17-го ноября. Воскресенье. – На другой же день по отъезде царской семьи, погода на южном берегу прояснилась; солнце пригрело так, что ртуть поднялась у нас на припеке до $28\frac{1}{2}$ ° Реомюра. Каждый день пользуюсь вдоволь чудными утрами: делаю большие прогулки пешком. Несколько беспокоит меня боль в правой руке, или вернее – в правом предплечье. Это последствие неудачного моего схода с парохода на катер в Буюк-Дере в прошлом июле месяце***.

30-го ноября. Суббота. – Вчера получил известие о смерти князя Александра Ивановича Шаховского. Вот уже прошло три года с тех пор, как привезли его полуживого в Крым и поселили близ Кореиса, на даче Гончаровых. По-видимому, благотворный климат продлил жизнь страдальца долее, чем можно было надеяться. В последнее время ожидали со дня на день его кончины. Наконец вчера, в середине дня, он отошел в вечность, тихо, почти без агонии. Сегодня ездил я в Кореис на первую панихиду. Завтра назначено отпевание в Кореисской церкви, а затем гроб перевезут в Петербург для погребения в фамильном склепе.

С покойным князем познакомился я и сошелся довольно близко в Тифлисе, когда я занимал должность начальника Главного штаба Кавказской армии, а он приехал туда на должность начальника штаба кавказской артиллерии. Первая жена его, рожденная Велеурская, давно уже умершая, очень милая молодая женщина, сблизилась с моею семьей, и мы видались часто. Князь Александр

---

* все еще

** вся Ливадия

*** Читаю присланную мне генерал-адъютантом Стюрлером книжку: «Беседы о торговле зерном», аббата Галиани, перевод генерала Драгомирова¹²⁸. Стюрлер за обедом в Ливадии горячо расхваливал мне эту книжку и пожелал, чтобы я прочел ее. Оказывается, что она написана 120 лет тому назад и составляет ныне совершенный анахронизм. Странно, что Драгомирову пришлось в голову приняться за перевод такого устаревшего памфлета, во все не подходящего к современным экономическим условиям и отличающегося своею наивностью. К тому же перевод плохой; как-то не верится даже, что это труд самого Драгомирова.

Князь А.И. Шаховской

Иванович был человек добродушный, честный, прямой и большой искусник на разные рукоделия: токарные, слесарные, скульптурные и другие. Вторая жена его, Ольга Александровна, рожденная Озерова, также старая наша знакомая в Петербурге, симпатичная женщина, в течение многих лет она ухаживала за больным мужем с истинно христианским самоотвержением, не зная покоя ни днем, ни ночью*.

7-го декабря. Суббота. – Третий день гостит у нас** баронесса Анна Ивановна Пиллар. Сегодня ездил я, вместе с нею, в Кореис проститься с отъезжающими завтра соседями – графом и графиней Сумароковыми-Эльстон. Погода опять ненастная.

8-го декабря. Воскресенье. – Вечером приехала*** дочь Ольга, после**** продолжительного отсутствия.

---

* Только теперь настал для нее час отдыха.

Сегодня получил приятное письмо от дочери Ольги, которая, наконец, извещает о скором своем приезде <возвращении> сюда.

** добродушнейшая

*** наконец

**** десяти месяцев

Баронесса Пиллар уехала домой, в свою уютную усадьбу под Ялтой.

19-го декабря. Четверг. – В первый раз с возвращения своего из заграничного путешествия был я в Ялте. Посетил там Кочубеев, Хрущовых, а по пути в Ливадии Евреиновых и в Орианде – Плец.

28-го декабря. Суббота. – Обедал у нас Павел Дмитриевич Хрущов. С удовольствием провел с ним несколько часов*.

[**31-го декабря. Вторник.** – Вечер провели у нас Плец с женой. Пошлою с ним беседою закончили год.]

---

* в замечательной беседе. Это весьма симпатичный человек.

1892-й год

9-го января. Четверг. – Настоящая русская зима: снегу выпало так много, что можно ездить в санях^{**}. Домашняя жизнь наша течет с обычным спокойствием и единообразием. Единственные посторонние лица, с кем виделись с первых дней нового года – наши ближайшие соседки: Е.А. Мясоедова с дочерьми, зимующая в мальцовском имении.

15-го января. Среда. – Получено печальное известие о кончине великого князя Константина Николаевича¹²⁹. В течение менее одного года – это четвертая смерть в царской семье. Для бедного Константина Николаевича последние два года с половиной были тяжелым переходом от жизни к смерти. Если^{***} во все то время он действительно сохранял сознание, то^{****} нельзя даже и скорбеть о постигшем его ныне кончине. Покойный великий князь был человек замечательно даровитый, обладал^{*****} обширными и многообразными знаниями; в государственной деятельности постоянно оставался верным либеральному направлению. Ему должно быть уделено почетное место в будущей истории царствования императора Александра II¹³⁰.

---

* Первоначально: «5 января. Воскресенье. – Первые дни наступившего года ничем особенным не ознаменовались. Домашняя жизнь наша течет с обычным спокойствием и единообразием. Единственные посторонние лица, с кем виделись с первых дней нового года – наши ближайшие соседки: Е.А. Мясоедова с дочерьми, зимующая в мальцевской усадьбе <имении>. Перед самым новым годом приехал на несколько дней сам отец семейства П.А. Мясоедов. Сегодня он уже уехал обратно в Петербург.

Сегодня же неожиданное и минутное появление Евг[ени] Ив[ановны] Гаевской, которая приехала уже из Ялты – чтобы проститься по случаю отъезда ее в Петербург на похороны ее дяди, умершего в Ницце».

** но, вероятно, продержится не долго: к полудню температура поднялась уже выше нуля. Можно ожидать обильных потоков с гор и страшной слякоти на дорогах.

*** как говорят

**** то положение заслуживало еще более сострадания, и в таком случае

***** колоссальными

*Великий князь
Константин Николаевич*

Покойный великий князь вел очень аккуратно свои записки или дневник. Было бы весьма желательно, чтобы этот драгоценный исторический материал не был погребен навеки¹³¹.

[21 января. Вторник. – Более недели не выходил я из дому, т. е. с тех пор как выпал (12-го числа) снег. У меня отвращение к снегу, противно ступать в эту белую, холодную, рыхлую массу. Снег лежал 6 дней вокруг дома, вплоть до морского берега, а затем начал дуть сильный северо-западный ветер. Сегодня несколько тише и я возобновил свои обычные утренние прогулки пешком.]

4-го февраля. Вторник. – Вчера в нашей атмосфере произошла резкая пертурбация^{**}; сильный северный ветер дошел ночью до степени урагана, результаты которого были довольно плачев-

---

* со временем

** после теплых дней <ночью после предыдущего теплого дня> (2-го числа среди дня было 8°Р. в тени, а на солнце до 16°), вдруг барометр опустился так низко, как до сих пор ни разу не случилось мне замечать, а под вечер температура понизилась до -3°Р. и поднялся сильный северный ветер, дошедший к ночи до степени бури, вместе с тем пошел густой снег. К утру нынешнего дня буря утихла; окрестность приняла зимний вид; но результаты бури были довольно плачевные.

Библиотека Д.А. Милютина в Симеизе

ные: поломало много деревьев, снесло крыши, обвалились стенки и целые постройки*.

[5 февраля. Среда. – Опять потеплело и выпавший снег стаял. В настоящую минуту (4 часа дня) – 7° Р. тепла. В доме идут работы для исправления вчерашних повреждений.]

5-го марта. Четверг. – Целый месяц не заглядывал я в свой дневник. Решительно нечего было заносить в него. Во все это время я не выходил из дому, частью из-за погоды**, частью по нездоровью. В замен обычных своих прогулок, проводил время за разбор-

---

* У нас, сравнительно, повреждения менее важные, однако же на доме сняло несколько листов железной крыши, повалило печные трубы, у садовника совсем обрушился каменный, крытый железом сарай.

Последние дни, вынужденный опять прервать свои <утренние> пешеходные прогулки, употребляю утро на разборку доставленных из Петербурга ящиков с книгами и картами, оставшимися там в складе. Работа нелепая. Не знаю, как и где размещу этот прирост моей библиотеки.

** почти постоянно дождливой, а в последнее время потому, что чувствовал себя не совсем хорошо. Схватил грипп с кашлем.

кой книг, карт и альбомов, перевезенных недавно из Петербурга, где они^{*} оставались в складе^{**} 132.

17-го марта. Суббота. – И сегодня опять приятные гости: Хрущовы, муж с женой и с племянницей княжной Гагариной – очень симпатичные люди.]

11-го марта. Среда^{***}. – Отъезд дочери Ольги в подмосковную Олсуфьевых. Остаемся вдвоем с женой.

17-го марта. Вторник. – Ездил я в Ялту встречать сына. Виделся там с Чичериными, Хрущовыми, Кочубеями и Самариными. Много толков^{****} о готовящейся будто бы войне, о странных выходках германского императора Вильгельма II, о натянутых отношениях всех европейских государств¹³³.

Вот уже несколько дней, что погода стоит превосходная^{*****}, море – как зеркало.

25-го марта. Среда. – Ровно неделю сын пробыл с нами и сегодня уехал обратно в Харьков, откуда намерен неотлагательно ехать в Петербург^{*****}.

Я проводил сына до парохода и весь день пробыл в Ялте^{*****}. Навестил князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, приехавшего в Крым на несколько недель, чтобы восстановить свои силы после тяжелой болезни^{*****}, как кажется, удара. Он

---

* хранились в Кокоревском складе.

** Разработку кончил, – но к размещению этого прироста к моей библиотеке – еще не приступал, даже не придумал еще куда втисну всю эту массу.

За тот же месяц продвинулась довольно успешно моя обыденная работа – <редакция> редактирование «моих воспоминаний». Остается дописать только за два года: 1859 и 1860, – и тем закончу <эту> свою длинную летопись.

Сегодня посетили нас дорогие гости. Чичерины и Самарины. Приятно провели с ними несколько часов.

*** Сегодня уехала Оля на пароходе в Севастополь и далее в подмосковную, где она обзаводится новым хозяйством. Опять мы остаемся вдвоем с женой.

**** обугрожающей войне, безумных поступках германского императора, она, натянутом положении во всей Европе.

***** днем даже жарко.

***** Опять остались мы вдвоем с женой.

***** Прежде всего

***** Кажется, у него приключился настоящий удар паралича, он едва стоит на ногах.

очень переменялся, постарел*, едва стоит на ногах. При нем здесь младший сын, моряк, с женой**.

[4 апреля. Суббота. – Накануне Светлого Воскресенья обрадованы телеграммой дочери Нади и ее мужа, из новоприобретенного ими имения в Рязанской губернии: извещают о своем приезде в исходе Святой недели.

5 апреля. Светлое Воскресенье. – Первый теплый день; настолько теплый, что до самого вечера можно было сидеть в комнате с открытой дверью на балкон. Провели весь день спокойно, в полном одиночестве.

8 апреля. Среда. – Обедали у нас Б.Н. Чичерин и П.Д. Хрущов. Очень приятно провели несколько часов.]

9-го апреля. Четверг***. – Радостный день приезда дочери Нади Долгорукой с ее мужем.

[17 апреля. Пятница. – Провел весь день в Ялте; посетил Чичериных, Кочубеев, Самариных, а на возвратном пути заехал к Евреиновым и Плецам. День жаркий.]

19-го апреля. Воскресенье. – Обедали у нас Чичерины, после обеда пришел наш русский антикварий Забелин, поселившийся на несколько недель в нашем соседстве (в мальцовском имении). Провели время в приятной и занимательной беседе.

20-го апреля. Понедельник****. – Посещение князя Александра Мих[айловича] Дондукова-Корсакова: приехал он из Ялты около 10 часов утра и остался обедать у нас. Узнать нельзя прежнего красивого, живого, бойкого говоруна; теперь – это ветхий согбенный старик*****.

---

* По-видимому был обрадован моим посещением.

** Остальной день провел у Самариных, Хрущевых, Кочубеев; а на возвратном пути из Ялты в Симеис заезжал к Евреиновым и Плецам.

Погода ясная, безветренная, но свежая.

*** Утром телеграмма от сына из Петербурга, а вслед за тем от Долгоруких из Севастополя, с извещением о приезде сегодня же, вечером. Часов около 7 они были уже у нас. Встреча была, конечно, радостная. Весь вечер провели во взаимных распросах и рассказах.

Приезжал в первом визитов из Ялты Евг[ений] Мих[айлович] Духовской, с которым познакомился я в последнюю мою поездку в Ялту. Это бывший инженер, составивший себе хорошее состояние, и владелец прекрасной дачи в окрестностях Ялты.

**** Неожиданное

***** едва стоящий на ногах.

Под вечер ездил я в Кореис отдать визит графу Николаю Сумарокову-Эльстон; оттуда воротился пешком.

[26-го апреля. Воскресенье. – Вчера получил письмо от сына, из Москвы, где он находился на обратном пути из Петербурга в Харьков. Он извещает об окончательном решении своем покинуть службу и обратиться к частной деятельности землевладельца. К такому решению он вынужден бессовестным относительно его образом действий министра внутренних дел Дурного, который более двух лет морочил его уверениями, что он считается первым кандидатом на должность губернатора, – а между тем все открывавшиеся в продолжение того времени места раздавал разным лицам, гораздо менее имевшим права на такое назначение, но пользующимся сильною «протекцией».

Перебирая этих лиц, удивляемся нахальству, с которым наши консерваторы (к числу которых, конечно, принадлежит министр внутренних дел) проповедывают теорию всемогущей административной власти и высокого положения губернатора. Помимо всякого личного пристрастия, смело скажу, что сын мой был бы не в числе худших губернаторов; во всяком случае, состоя довольно долго вице-губернатором и часто исправляя должность губернатора, он приобрел опытность и знание дела. Крайне прискорбно, что участь служащих ничем не обеспечена от случайности и произвола, и что замещение высших административных должностей обусловлено не столько добросовестною и усердною службой, сколько интригами и личными связями.

Как бы то ни было, предстоит теперь моему сыну избрать новый путь в жизни. Его мечта – приобрести имение и заняться сельским хозяйством. По крайней мере, чувствует он к этому влечение. Но как именно удастся ему осуществить план – об этом предстоит еще подумать и потолковать. На первый же раз я решаюсь ныне же предоставить ему в полное распоряжение майорат мой в Царстве Польском и весь получаемый с него доход, – о чем сегодня сообщено мною Международному банку. Считаю это необходимым для того, чтобы поставить его теперь же в независимое положение и открыть ему возможность устроить свое положение по собственному соображению.]

29-го апреля. Среда. – Посетил нас Анатолий Федорович Кони и остался ночевать. Каждое лето, для отдыха от своих усиленных занятий, предпринимает он поездки то за границу, то по России. В нынешнем году он избрал путь через Одессу и

А.Ф. Кони

Крым на Кавказ*. Посещение такого умного, многосторонне образованного и даровитого человека доставило мне большое удовольствие**. Приезжал также сосед наш Сергей Иванович Мальцов, только что возвратившийся в Крым. Пребывание за границей в течение зимы*** видимо принесло старику пользу: он кажется бодрее и в лучшем расположении духа, чем был осенью пред отъездом из Крыма.

30-го апреля. Четверг. – Грустный день разлуки с милою Надей. Долгорукие пробыли здесь ровно три недели и время это про-

---

* Еще из Одессы он известил меня о своем приезде, так что я ждал его уже несколько дней. Сегодня приезд его был не совсем кстати: накануне отъезда Долгоруких, было бы желательно, провести с ними последний вечер и последнее завтрашнее утро, без посторонних. Несмотря на то, посещение ...

** Он мастер рассказывать, любит и рассказывает охотно, занимательно, так что провели с ним вечер очень приятно. Под вечер приезжал также проститься с Долгорукими сосед наш Сергей Иванович Мальцов, который только что возвратился на прошлой неделе. Это второе уже посещение его, мы также были у него на днях.

*** и затем несколько дней в Петербурге, по-видимому, принесло старику некоторую пользу.

летело незаметно*. Простившись с ними, мы провели еще часа два с Анатолием Федоровичем Кони. Беседа с ним развлекала наше грустное настроение. Любезный наш гость рассчитывал возвратиться в Ялту в омнибусе, отходящем обыкновенно из Алупки в 5 часов вечера; я вызвался проводить его туда пешком; но расчет наш оказался неверным: омнибус почему-то не пришел сегодня из Ялты. Кони решился продолжить свой путь пешком до Мисхорской станции и там взять почтовую перекладную. Проводив его до станции и распрощившись с ним, возвратился я домой (все пешком), когда уже совсем смеркалось¹³⁴. Погода очень приятная для пешеходной прогулки**.

Все, что слышал от Кони о ходе дел в Петербурге, о настроении общества и теперешних государственных деятелях, – произвело на меня грустное впечатление. Многие припоминали мы из прошлого и скорбели о настоящем. Всего же печальнее то, что никаких светлых надежд не усматривается и в будущем.

4-го мая. Понедельник. – Вторичное посещение И.Е. Забелина. Это знаток нашей русской старины и почтенный труженик, беседа с ним весьма занимательна.

16-го мая. Суббота. – Ездил в Ялту, для совершения доверенности, ежегодно даваемой мною банку. Виделся с Кочубеями и Самариными.

[**22-го мая. Пятница.** – Обедали у нас Кочубеи; на днях они уезжают из Ялты в Полтавскую деревню.]

24-го мая. Воскресенье. – Вечером приехал сын. Жена ездила в Ялту навстречу ему. Утром же получена на его имя телеграмма от харьковского губернатора с извещением, что министр внутренних дел вызывает сына немедленно в Петербург. Можно предполагать намерение дать ему место губернатора; по всем вероятностям – на открывшуюся вакансию в Курск, за назначением генерал-майора Валя петербургским градоначальником. Место в Курске предлагали моему зятю князю Шаховскому, который не пожелал перемещаться из Ревеля.

27-го мая. Среда. – Сын мой, пробыв с нами всего два дня, сегодня утром уехал*** в Петербург.

---

* Они уехали после раннего обеда, около 2 часов пополудни, на лошадях в Севастополь.

** вчерашний дождь с грязью освежил воздух и прибил пыль на дороге.

*** В Ялту и оттуда на пароходе в Севастополь; надеется быть в Петербурге с субботу; ранее середины будущей недели не узнаем положительно, для чего именно он вызван туда.

В прошлое воскресенье жена повредила себе ногу, садясь в экипаж при отъезде из Ялты, и с тех пор не может ступить на эту ногу. Доктор Бобров (профессор Московского Университета, проводящий лето в Симеисе*) пугает, что ей придется просидеть на месте не менее двух недель.

28-го мая. Четверг. – Ездил я в Наташино к добрейшим Лаврентьевым; провел у них большую часть дня. Продолжительная и тяжкая болезнь Александра Ивановича в течение всей прошлой зимы оставила очень заметные следы: он сильно похудел и постарел; но обычное радушие его, также как и Мальвины Егоровны, ни мало не изменилось**.

7-го июня. Воскресенье. – Опять ездил в Наташино. Лаврентьевы праздновали свою серебряную свадьбу со свойственным им трогательным благодушием. Съехались к ним по этому случаю многие родственники***.

На пути в Наташино застал меня сильный ливень с грозой. Я укрылся у баронессы Анны Ивановны Пиллар; но и там не избег ниспадавшей обильной влаги, которая проникла сквозь щели утлой постройки. Вечер был прекрасный.

От сына получена из Петербурга лаконическая телеграмма, из которой можно понять, что ему предложено место губернатора в Курске и что он принял это предложение. Ждем письма.

Нога у жены поправляется медленно. Лечит ее профессор Бобров****, ежедневно приходит массажистка*****; ухаживает за больною Евгения Ивановна Гаевская.

8-го июня. Понедельник. – Получено от сына письмо, подтверждающее нашу догадку: ему предложено место губернатора в Курске. В ожидании формального назначения (доклад послан за границу на Высочайшее утверждение) он поселился в Царском Селе у своих друзей Араповых, где надеется, хотя на короткое вре-

---

* у Громаковой

** Вчера вечером приехала к нам из Ялты на несколько дней Евг[ения] Иван[овна] Гаевская.

*** (Келлер, сын покойного Эдуарда Федоровича, кавказского начальника инженеров и другие). Как и следовало ожидать, благодушные мои друзья отнеслись к этому знаменательному для них юбилею с трогательной сердечностью.

**** хирург Московского университета

***** Живущая у Мясоедовых немка, учившаяся некогда массажу.

Граф А.Д. Милютин

мя, отдохнуть и пользоваться молочным лечением по предписанию доктора Захарьина^{*135}.

21-го июня. Воскресенье. – Бывший мой адъютант граф Николай Федорович Гейден^{**}, женившийся^{***} недавно на княжне Крапоткинской, проводит медовые месяцы в путешествии с молодой денной; они посетили Константинополь, Египет, Палестину и теперь возвратились в Севастополь, откуда известили меня по телеграфу о своем приезде к нам в Симеис, на пути в Феодосию. Приехав в пятницу вечером, они провели у нас весь вчерашний день и

---

* Хотя и жаль мне, что ему не удалось посвятить более времени на свое лечение, как он предполагал, в Кисловодске, – однако же я все-таки рад, что он снова вышел на торную дорогу и не останется в бездействии вне службы. Надеюсь, что будет он губернатором не плохим.

** (сын бывшего начальника Главного штаба, а ныне финляндского генерал-губернатора)

*** месяца два назад

сегодня, после отъезда, уехали в Ялту*. Граф Николай Федорович (прежний Ниша) большой чудака, святоша, друг монахов и попов, но вместе с тем хороший, добрый человек. Очень было любезно с его стороны вспомнить своего старого начальника, друга его семьи, и** познакомить свою молодую жену с моею семьей. Сколько можно было заметить в короткое время пребывания у нас молодой четы, кажется, что пара подобрана удачно.

Получили несколько поздравительных телеграмм по случаю назначения сына курским губернатором. Значит дело конченное.

[22 июня. Понедельник. – Наконец одолел я новую книгу Чичерина: «Положительная философия»¹³⁶. Это собственно критика Конта, опровержение всей его системы. Нельзя не согласиться с большею частью возражений Бориса Николаевича, особенно же в той части, где речь идет о социологии. Непременное желание подвести дела человеческие под одну общую научную методу с математикой и естествознанием, приводит Конта к выводам фантастическим, почти нелепым, и таким образом, получается у него результат совершенно противоположный предвзятой цели: вместо науки *точной* Конт создал фикцию фантастическую, нисколько не уступающую в прозрачности тем метафизическим теориям, против которых он ратовал.

Но, критикуя Конта, Б.Н. Чичерин неизбежно высказывает и собственные свои воззрения и развивает свои теории. В этой части его труда становится уже трудным идти вместе с ним. Восставая против натяжек Конта, подвести все в мире под одну методу точных наук, Борис Николаевич сам вдается в отвлеченные, туманные толкования метафизические. Это такой лабиринт, в котором легко заблудиться и в конце концов придти к самым ложным выводам. Даже науки естественные у него перестают быть науками *точными*, под покровом его отвлеченных, метафизических обобщений, а так называемая «социология» сводится у него к окончательному признанию непреложности существующей в Западной Европе формы общественного и государственного устройства. В этом отношении, по убеждению Бориса Николаевича, человечестве некуда идти дальше и нечего искать другого.

Борис Николаевич, также как и все другие специалисты-философы, с презрением относится к тем, кто не верит безгра-

---

* откуда пароход отходит сегодня же вечером в Феодосию.

** посетить меня в здешнем захолустье, чтобы

ничности ума человеческого, кто в своем стремлении к познанию истины, смиренно останавливается на известной грани, далее которой оказываются недостаточными *настоящие* способы точного и положительного исследования. Сознаюсь чистосердечно, что я принадлежу к числу таких людей: нахожу разумнее остановиться в своих поисках, чем тешить себя миражом – туманными формулами философской диалектики.]

27-го июня. Суббота. – Вчера и сегодня занимался разборкой отцовских бумаг, доставленных в* большом ящике из Петербурга. Они сохранились у покойного брата Николая, а по смерти его у сына его Юрия, который пред отъездом на Кавказ, очищая свою петербургскую квартиру, собрал эти бумаги и прислал их сюда – вмесите с моими книгами. В целом ящике, к сожалению, не нашел я ничего, что интересовало меня, именно – о семье и родстве; оказались почти исключительно старые счета, денежные и тяжёбные дела**, разные заметки и ведомости по хозяйству и вся переписка по возникшим пререканиям отца с Комиссией построения Храма Спасителя***. Из всей этой**** груды отобрал я только***** небольшую пачку для хранения на память о покойном отце¹³⁷.

[4-го июля. Суббота. – Евг[ения] Ив[ановна] Гаевская с двумя кадетами Симбирского корпуса пришла вчера вечером пешком из Ялты, переночевала у нас, а сегодня, после обеда, отправилась пешком же на Ай-Петри.

5-го июля. Воскресенье. – Большую часть дня провели у нас Лаврентьевы.

9-го июля. Четверг. – Посещение генерал-лейтенанта Глиноецкого, начальника 13-й пехотной дивизии: он проводит лет-

---

* особом

** по Калужскому имению.

*** и, наконец, несколько сочинений (о брожении, о винокурении, о филлоксере и проч.)

**** массы

***** последнего рода бумаги, да несколько старинных документов, ради курьеза, и переписку по комиссии постройки Храма Спасителя. Отобранные бумаги составили небольшую пачку; которая и оставлена для хранения на память о покойном моем отце, все прочее сожжено. Два дня гостил у нас Гудима-Левкович, сын генерала Генерального штаба, ныне занимающего должность помощника управляющего Департаментов уделов. Скромный и благовоспитанный юноша.

нее жаркое время на южном берегу, в Олейсе, у Токмакова, с которым, по-видимому, находится в приятельских отношениях.

14-го июля. Вторник. – Был в Ялте и в Наташине, у Лаврентьевых. По дороге заехал к Плецу, который покидает свое место управляющего Ориандою. Семья его уже уехала в Петербург.

2-го августа. Воскресенье. – Сегодня посетили нас Лаврентьевы. На днях приезжал генерал Евреинов (управляющий Ливадией).

В газетах преобладают два главные сюжета: холера и овации Бисмарку назло императору Вильгельму II. В своих речах и болтовне с репортерами Бисмарк изумляет бессовестною ложью и извращением правды¹³⁸.

7-го августа. Пятница. – Поездка в Наташино к Лаврентьевым. По дороге заехал к Евреиновым (в Ливадии) и к баронессе Пиллар.

25-го августа. Вторник. – Опять поездка в Наташино, вместе с женой. Это первый ее выезд с тех пор, как она повредила себе ногу. По дороге заезжали к Евреиновым и к баронессе Анне Ивановне Пиллар. Погода стоит жаркая; но вечер прекрасный; возвращались мы при свете полной луны.

Известие о внезапной смерти генерала Глиноецкого, которого так недавно еще видели мы на Южном берегу.

Причиною смерти был солнечный удар во время маневров под Бахчисараем.

26-го августа. Среда. – Весь почти день провели у нас Лаврентьевы; они выбрали именно этот день по случаю именин жены. Это такие милые люди, что можно с ними провести с удовольствием и два дня сразу.

28-го августа. Пятница. – Отдал визит Мих[аилу] Пав[ловичу] Горлову в Мисхоре, и по дороге заехал к новой знакомой Вере Тим[офеевне] Верховцевой, сестре нашего старого знакомого Ильи Степ[ановича] Щербинского, товарища моего сына по гвардейской конной артиллерии.]

1-го сентября. Вторник. – В течение более двух месяцев знойного лета не случилось ничего такого, что заслуживало бы внесения в дневник. Проживали мы это время спокойно и довольно уединенно. Из наших приятелей в Ялте оставалась только баро-

нецца Анна Ивановна Пиллар, в Ливадии Евреиновы и в Наташино Лаврентьевы. Те и другие посещали нас по нескольку раз; я также навещал их; а на днях ездил в Наташино с женой; это был первый ее выезд с тех пор, как она повредила себе ногу. Еще посетили нас старый мой сослуживец по Польскому комитету¹³⁹ Михаил Павлович Горлов, которому я отдал визит в Мисхоре, и начальник 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Глиноецкий, проводивший лето у Токмакова, в Олеисе.

На днях же узнаем о скоропостижной его смерти от солнечного удара на маневрах под Балаклавой.

В газетах преобладают две главные темы: появляющаяся в разных местах холера и расточаемые в Германии оvationи бывшему «железному канцлеру», назло молодому императору Вильгельму II. В своих речах и болтовне с репортерами Бисмарк изумляет бессовестною ложью и извращением правды.

6-го сентября. Воскресенье. – Еще раз ездили вместе с женой в Наташино, в день рождения Александра Ивановича Лаврентьева*. Это последняя наша поездка в Наташино в текущем году: через два дня Лаврентьевы уезжают**.

В Ялте толкуют о предстоящем приезде царской фамилии и о смене министров: Вышнеградский, блеснувший как министр во главе финансов, уступает место своему же клиенту Витте, вместо которого Министерство путей сообщения принимает какое-то неизвестное лицо – Кривошеин¹⁴⁰. Все дивятся таким назначениям***.

На днях приехали на южный берег министр внутренних дел Дурново и обер-прокурор Синода Победоносцев****.

22-го сентября. Вторник. – Почти весь день провел в Ялте, по случаю совершения купчей***** на приобретаемый небольшой уча-

---

* <это имеет значение> а всякого рода годовщины в этой <патриархальной> семье справляются с патриархальною наивностью. Были у них гости: поэтому пришлось познакомиться с новыми лицами (Скарятини – мать и дочь, Шелухин – управляющий Массандрой)

** обратно в Петербург. Мы расстались с искреннею задушевностью.

*** На чем они основаны эти выборы на высшие должности – никто не знает.

**** Но в Ялте продолжают жаловаться на скудный съезд гостей, гостиницы и теперь пустуют.

***** (у нотариуса Волкова) на продажу и покупку некоторых участков земли, по сделке с соседом татаринном Темиршаевым. Кстати сделал несколько визитов.

Рабочий стол Д.А. Милютин в Симеизе

сток земли от соседа Темиршаева, с уступкою ему некоторых наших чресполосных участков.

Ялта становится люднее и оживленнее; сезон по-видимому начался: движение, музыка, кавалькады... Встретил на улице министра государственных имуществ Островского.

На днях закончил составление своих «воспоминаний»: 14-го числа дописал последнюю страницу рассказа о последнем пребывании своем на Кавказе (1856–1860 гг.)⁴¹. Остается перечитать и исправить этот отдел; затем вся исписанная кипа бумаги сложится в сундук, вероятно навсегда. Потратив более десяти лет на составление этих «воспоминаний», я не обольщаю себя никакими иллюзиями на счет значения и будущей участи этой работы**.

Если в моих воспоминаниях и заключается кое-что имеющее значение исторического материала, то с другой стороны, объем их слишком расширен включением в них множества подробностей,

---

* в архив – или говоря другими словами – будет погребена

** Едва ли она увидит когда-либо свет <в течение>.

имеющих цену только для меня самого или для семьи моей*. По сем вероятиям, вот какая будет судьба** моих рукописей: когда наступит время разборки оставшихся после меня бумаг, наследникам моим представится вопрос: что делать с*** этим хламом? Посмотрят несколько страничек, попавшихся случайно на глаза, пожалеют старика, потратившего столько труда на пустую работу, и решат**** поставить сундук пока куда-нибудь в кладовую или на чердак.

Там сундук простоит некоторое время, покроется слоем пыли и плесени, – и если заключающиеся в нем бумаги не сгниют от сырости, если не будут изгрызаны крысами, – то наступит момент, когда вторично придется решать: что делать с этим старым хламом?***** – тогда последует решение – сжечь!

29-го сентября. Вторник. – Опять ездил в Ялту, вместе с женой, чтобы закончить сделку с Темиршаевым, относительно покупаемых и продаваемых обоюдно земельных участков*****.

4-го октября. Воскресенье. – Отъезд жены в Одессу, для свидания с сестрой и племянницей, а вместе с тем для некоторых закупок*****. Погода вполне благоприятная.

6-го октября. Вторник. – Вечером, уже довольно поздно, уединение мое прервано неожиданным гостем: граф Ностиц, на пути из Севастополя в Ялту, заехал повидаться со мною и провел у меня несколько часов*****, в рассказах о пребывании сво-

---

* а еще более рассказов о таких событиях современных, о которых я не мог сказать ничего нового, не общеизвестного.

** этой груды исписанной бумаги

*** с этими маленькими, но многочисленными тюками, озаглавленными: «Из моих воспоминаний» и другими, названными: «Дневник».

**** сложить эту груду <хлам>

***** По всем вероятиям последует решение: сжечь!

***** Купчая совершена у нотариуса Волкова; половина условленной уплаты мною ему уплачена; остальную половину обязался уплатить по утверждению купчей в Симферополе, куда сам Темиршаев вызвался лично поехать, для исполнения этой формальности.

После обеда, ездили мы в Магарач – чтоб отдать визит Саломонам, а на возвратном пути, заехали в Ливадии к Евреиновым.

***** Выхала отсюда вчера вечером, переночевала у баронессы Пиллар, а сегодня утром отплыла на пароходе из Ялты.

***** Попивая чай, он не прерывал ни на мгновение своих рассказов.

ем в Карлсбаде, где выдержал курс лечения, о Париже, Вене^{*} и т. д.

8-го октября. Четверг. – Неожиданный приезд сына^{**}: он пробудет здесь только до вторника и никак не дольше^{***}. Жена будет крайне огорчена, если по возвращении из Одессы уже не застанет здесь сына.

11-го октября. Воскресенье****. – Надеялись мы, что жена прибудет с пароходом сегодня вечером; но буря на море помешала вчера выходу парохода из Одесской гавани, о чем узнали вчера вечером по телеграфу. Сегодня ездил я с сыном в Ялту, в надежде узнать что-нибудь о времени прибытия парохода; но и там никаких известий не нашли. Я воспользовался случаем, чтоб отдать визит графу Ностицу; обедал у него со старым знакомым Фед[ором] Густав[овичем] Тернером и двумя новыми знакомыми: Бестужевым-Рюминым и молодым князем Оболенским. Погода дождливая.

По возвращении домой нашли телеграмму из Одессы о выходе отсюда ожидаемого парохода сегодня утром. Стало быть, можем ожидать возвращения жены завтра к обеду^{*****}.

13-го октября. Вторник. – Согласно нашему ожиданию, жена приехала вчера утром, так что застала еще здесь сына, который уехал сегодня вечером^{*****}.

19-го октября. Понедельник. – Посещение генерал-лейтенанта Жилинского. Весьма интересны его объяснения работ, производимых под его руководством, по осушению Полесья и Гатчинских болот, а с другой стороны, по обводнению некоторых степных местностей, бедствующих от^{*****} безводья. Дело это, по-видимому, идет с успехом, с наглядными результатами¹⁴².

---

* Конечно, преимущественно с точки зрения фотографа. Кое-что узнал от него нового и любопытного.

** радость свидания с ним и вместе с тем досада на приезд его в отсутствие жены.

*** Не может ни на один день отложить свой отъезд долее вечера 13-го числа. Телеграфировал жене.

**** Обменялся с женой несколькими телеграммами.

***** Из Севастополя она намеревается ехать сухим путем, на почтовых.

***** Недолго пришлось нам с ним видаться и нескоро можем ожидать нового его посещения.

***** засухи

20-го октября. Вторник. – Обедал у нас Александр Иванович Свечин, брат моего товарища детства – Николая Ивановича Свечина. Он на время поселился с семейством своим в Алушке. Ровно год назад там же познакомился я с ним; во многом напоминает мне своего старшего брата.

27-го октября. Понедельник. – Темиршаев возвратился из Симферополя с утвержденною купчею крепостию*. Все счета с ним закончены**.

13-го ноября. Пятница. – С наступлением ноября, погода переменилась***. Постоянно пасмурно****, дождливо; температура значительно понизилась*****; горы покрылись снегом. Более двух недель я не выходил из дому частью по ненастью, частью же потому, что возобновилась у меня боль правой ноги*****. Пользуюсь этим вынужденным заточением для переустройства моей библиотеки и размещения всей груды привезенных из Петербурга книг, карт и альбомов*****.

На днях посетили нас князь Трубецкой, инженер полковник Житков и проживающие в Алушке Скарятини, мать и дочь, с которыми познакомились мы у Лаврентьевых.

---

* на купленную нами у него землю. Ему уплачена и вторая половина условленной суммы.

** Содня окончания своих «воспоминаний», принялся за переустройство библиотеки. Пока занят только предварительною перестановкою шкафов и переноскою части книг и некоторых бумаг в верхний этаж, где одна комната обращается в Journalsale библиотеки.

*** Солнце почти ни разу не показывалось.

**** серо, а по временам накапывает дождь.

***** и вчера опустилась до 3°, а выше шоссе горы покрылись снегом.

***** так что лишен возможности даже ходить по комнате долее нескольких минут.

***** Работаю с утра до вечера над разборкою множества альбомов и рисунков, чтобы переложить их в большой вновь поставленный шкаф в гостиной и тем освободить место в библиотеке для поступающей в нее массы карт и атласов из перевезенной в недавнее время, оставшейся в Петербурге части библиотеки. Предвижу тяжелую и продолжительную работу. За все последнее время ненастья не только сам не выходил, но и мало кого видел посторонних. Иногда посещали нас барышня Мясоедова, Скарятини, мать и дочь, раз обедал у нас князь Трубецкой и раз инженер полковник Житков. Сосед наш старик С.И. Мальцов на днях возвратился из Петербурга, но мы с ним еще не виделись.

15-го декабря. Вторник. – Получил я любопытную посылку от незнакомого мне лично секретаря Русского географического общества¹⁴³ Александра Васильевича Григорьева который в минувшее лето, путешествуя по Швейцарии с фотографическим аппаратом, по дороге от перевала С. Готардского к бывшему Чертову мосту, случайно наткнулся на скалу с высеченной на ней неизвестной рукой надписью: «1806. Suworow. Victoris» Ниже заметны следы другой более длинной надписи, которую трудно было разобрать^{**}. О существовании этой надписи до сих пор я не знал. Господин Григорьев^{***} вспомнил об авторе «Истории войны 1799 года»¹⁴⁴ и прислал мне прекрасную фотографическую открытку им исторической скалы^{****145}.

О том, что происходит на белом свете, вне тесных рамок моей уединенной жизни, – узнаю только из газет, а потому ни чего и не заносю в свой дневник^{*****}, тем более, что ничего не вижу отрадного.

25-го декабря. Пятница. – Праздник Рождества встретил случайно в дороге, на возвратном пути из Севастополя, куда ездил вчера на встречу дочери Ольги. Поезд, в котором она ехала, был задержан в пути снегами и ветром, так что опоздал приходить в Севастополь на 8 часов. Прождал я его на вокзале до 6 часов

---

* Более месяца не открывал своего дневника. Решительно нечего отмечать так однообразна наша здешняя жизнь, особенно при постоянном ненастье никто посторонний не заглянет в нашу глушь, да и я сам не выхожу из дому по целым неделям.

Пользуюсь своим заточением для устройства библиотеки. Работа усиленно, с утра до позднего вечера – страшно устаю от непрерывного течение целого дня стояния на ногах и сгибания спины. Более двух недель употребил на разборку одних только альбомов и рисунков и на укладку их в привезенный из Петербурга большой стеклянный шкаф, поставленный вновь в нашей гостиной. Теперь вожусь с картами и атласами, которых накопилось порядочная масса (более 450 ярлыков). Боли в ноге (или в нее – онемение) – случаются реже.

** «1806. Суворов. Победа». Так стерлись буквы, не знаю от действия естественных причин, или от намеренного уничтожения рукою человека.

*** оказал мне любезность

**** Само собою разумеется, что я не замедлил выразить ему мою искреннюю признательность за оказанное мне внимание.

***** Так мало утешительного, что стараюсь как можно менее думать о том, что приходится вычитывать из газет.

вечера, с понятным нетерпением. Несмотря на поздний час дня, мы решились ехать немедленно на южный берег. К счастью* ночь была светлая, полнолуние освещало нам дорогу, и доехали мы**, сверх ожидания, очень скоро: в 2 часа ночи мы были уже дома***.

---

* нашему

** до дому

*** В Севастополе оставил я пасмурную погоду и слякоть; здесь же, на южном берегу, продолжается холодная погода при сильном восточном ветре.

Долгие часы ожидания в Севастополе как вечером в среду, так и во все утро вчерашнее, провел я в чтении Taine «[Nouveaux] essais de critique et d'histoire»¹⁴⁶.

1893-й год

4-го января. Понедельник*. – Постоянное ненастье давно уже прервало обычные мои утренние прогулки. За то значительно подвинулась моя работа по переустройству библиотеки.

15-го января. Пятница. – Давно уже собирался побывать в Ялте^{**}; все откладывал за ненастьем. Наконец сегодня решился^{***} предпринять поездку, в надежде на хороший день; но сильно ошибся^{****} в расчете: едва отъехал несколько верст, как повалил густой снег; на почтовом шоссе нашел целые сугробы^{*****}, а в Ялте слякоть. Покончив в течение утра свои дела, посетил наших приятелей: Чичериных, Кочубеев и Самариных, с которыми до сих пор не удавалось мне повидаться с самого приезда их на зимовку. Любовался вновь отстроенным домом Самариных^{*****}.

В Ялте вообще^{*****} пусто и^{*****} безжизненно. Слышал много рассказов о свирепствовавших морских бурях^{*****}; главные же темы разговоров: прискорбный скандал панамский во Фран-

---

* По причине постоянного ненастья и слякоти, сегодня в первый раз удалось мне пройтись в Алупку. В течение ночи дорога несколько подмерзла, выглянуло солнце и при совершенном безветрии прогулка была очень приятная. Но возвратился домой уже по грязной дороге, а к вечеру опять поднялся ветер и небо затянулось облаками. К началу нового года закончил я в своей библиотеке устройство отдела карт и атласов, отдела стоившего мне довольно продолжительной и хлопотливой работы. Теперь приступил к отделу книжному: географии, статистики и путешествий.

** где не был с 11 октября.

*** выбраться из своего заточения, положившись на утренние признаки некоторого улучшения погоды.

**** в своих надеждах

***** лежавшего снега, на всем протяжении почти до самой Ялты. В городе слякоть: снег перемешан с грязью. Несмотря на эти неблагоприятные условия, я покончил

***** Полагаю, что это лучшая <самая удачная> постройка в Ялте; внутренняя отделка прекрасная.

***** очень

***** мало оживления. С каждым годом уменьшается съезд как зимних, так и летних частей.

***** которых вовсе не испытали мы в здешней части южного берега

ции¹⁴⁷, самодурство императора Вильгельма, новые воинственные замыслы немцев¹⁴⁸, самовластие британцев в Египте¹⁴⁹, неожиданное примирение опереточного экс-короля Милана с его женой¹⁵⁰, а более всего совершившиеся в последнее время и еще ожидаемые перемены в персонале нашей высшей администрации. Толкуют между прочим о предстоящем создании Министерства земледелия (или сельского хозяйства) и связывают с этим проектом недавно состоявшееся смещение Островского с должности министра государственных имуществ¹⁵¹.

22-го января. Пятница. – Вчера случилось со мною неприятное приключение: поехал я с дочерью Ольгой на Мисхорскую станцию для получения денежного пакета. Поднимаясь у самой станции по каменным ступеням, покрытым грязью и снегом, я поскользнулся** и растянулся во весь рост, так что левым виском ударился о верхнюю каменную ступень. Удар этот, к счастью, не имел опасных последствий; сегодня уже остался только синяк, но оказалось другое*** повреждение, которого первоначально, сгоряча, я и не заметил: при падении, вероятно, я инстинктивно уперся левою рукой, которая так неловко подвернулась, что к вечеру вся кисть распухла; я почувствовал довольно сильные боли и не мог уже владеть пальцами. Всю ночь не мог заснуть. Послали в город за врачом, и сегодня утром приехал Кольцов – самый симпатичный из ялтинских эскулапов. Он**** объявил, что нет ни перелома, ни вывиха, а только повреждены связки. Тем не менее это***** приключение лишило меня надолго возможности продолжать работу в библиотеке*****.

25-го января. Понедельник. – Рука моя поправляется*****; сегодня я уже в состоянии снова приняться за***** работу в библиотеке*****.

---

* Впрочем, все эти толки очень мало интересуют меня. Слушая их, я обыкновенно повторяю мысленно двустигшие Крылова: «А вы, друзья, как не садитесь, Все в музыканты не годитесь».

** благодаря надетым в первый раз новым сапогам

*** более серьезное

**** успокоил меня

***** не шуточное дело, боль продолжается очень долго,

***** Не владея одной рукой, я крайне стеснен во всех действиях. Досадно.

***** быстрее, чем можно было ожидать

***** свою

***** конечно, избегая всяких манипуляций, требующих употребления обеих рук.

А.Е. Тимашев

27-го января. Среда. – Из полученных сегодня газет узнал о смерти Александра Егоровича Тимашева, бывшего министра внутренних дел. Вот еще сошел в могилу один из моих сверстников и школьных товарищей. Тимашев воспитывался в Московском университетском пансионе и был в одном классе с моим покойным братом Николаем, т. е. одним годом моложе меня. Но потом мы с ним разошлись по разным путям: поступив на службу в кавалергарды, он сделался светским человеком, любимцем дамского пола, позже правою рукой шефа жандармов князя Василия Андреевича Долгорукова, а в эпоху предпринятых покойным Государем великих реформ стал в ряды оппозиции, как один из ярых крепостников и реакционеров, что не помешало ему сделаться министром внутренних дел. В этом звании он действовал заодно с графом Петром Шуваловым с целью подорвать и обратить вспять** все дело реформы. Само собою разумеется, что от-

---

* самых

** всю работу реформаторскую.

ношения его ко мне сделались сперва холодными, а потом и совсем враждебными, хотя между нами никогда не было прямых и явных столкновений. По наружности мы оставались до конца на ноге старых товарищей детства. Помимо несимпатичных сторон покойника, он с самого детства выказывал замечательные дарования художественные: был отличным рисовальщиком, карикатуристом; весьма удачно лепил бюсты и группы. Быть может, он сделался бы видным художником, если б не увлекся петербургским «большим светом».

2-го февраля. Вторник. – Обедали у нас Чичерины. Борис Николаевич привез мне отпечатанные недавно** дополнительные статьи его исследований о химических элементах¹⁵². В последней, 4-й главе, он совсем уже*** впадает в отвлеченную метафизику. Начав с простых алгебраических формул, он переносится с почвы математической в такую облачную фантазию, куда очень трудно следовать за ним.

[8-го февраля. Понедельник. – Последние дни масленицы Оля провела в Ялте, в обществе Чичериных, Самариных и Кочубеев. Погода поправилась, показалось солнце, дороги совсем просохли; так что я возобновил свои обычные утренние прогулки. Но надолго ли?]

2-го марта. Вторник****. – Целый месяц***** не выходил из дому, благодаря простуде и дурной погоде*****. Усердно продолжаю работать в***** библиотеке. На днях***** посетили нас Чичерины и Марья Алексеевна Кочубей*****.

Сегодня первый день солнечный***** и первый мой выход из дому. Утром сделал приятную прогулку пешком в Алупку.

---

* знакомых и
** последние статьи его
*** заносится
**** Почти
***** не открывал я своего дневника. Во все это время я почти не выходил
***** и разным неприятным признакам приближения старческой дряхлости.
***** своей
***** (28 февраля)
***** Проведенные с ними несколько часов, в <оживленной> занимательной беседе, составляют единственное приятное развлечение за все это время.
***** и без ветра

3-го марта. Среда. – Сегодня ездил в Ялту; проводил дочь Ольгу на пароход; большую часть дня провел с нашими друзьями*.

На днях распростились мы с нашим виноделом и садоводом Банком, который, прожив у нас около 7 лет, задумал теперь обзавестись своим собственным хозяйством в юго-западном крае (в Умани). На первое время, до приискания нового винодела, предложил нам весьма любезно свои услуги один молодой, образованный специалист по части виноделия и виноградарства – Немм, уроженец Балтийского края, питомец Дерптского (ныне Юрьевского) университета. Пока не очистилось еще помещение, занимаемое Банком и его семьей, молодой человек помещен у нас в доме.

В Ялте положительно говорят о скором приезде** августейших хозяев Ливадии.

4-го марта. Четверг. – Утром я был удивлен поздравительной телеграммой генерала Рудановского, напоминающего мне о годовщине 60-летия моей службы¹⁵³. Мне самому и в голову не приходило, что на днях (1-го марта, а не 3-го) минуло шесть десятков лет с того времени, когда я облекся в юнкерский мундир гвардейской артиллерии. Недоумеваю, почему вспомнил об этом добрый мой приятель Рудановский***.

Заходил к С.И. Мальцову, чтоб осведомиться о его здоровье. В последнее время он**** так захворал, что не встает с постели; опасались даже близкого конца. Сегодня сказали мне, что ему стало***** легче; однако ж принять меня он не мог*****.

19-го марта. Пятница. – Только что возвратился из Ялты, после встречи царского семейства*****. Ненастная погода во все последнее время не предвещала блестящей встречи; на днях выпал снег – событие необычайное на южном берегу в исходе марта;

---

* у Кочубеев, Самариных и Чичериных. Возвратился домой лишь в 10 часов вечера.

** в Ливадию царского семейства.

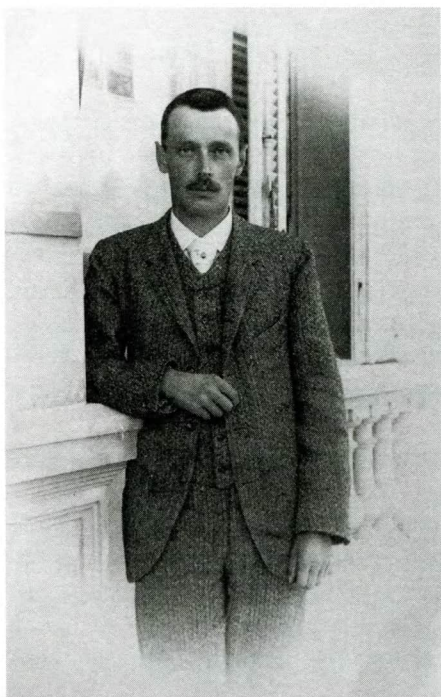
*** Есть люди, особенно заботливо следящие за всякими юбилеями.

**** серьезно

***** гораздо

***** и я не хотел его беспокоить.

***** Можно было опасаться, что встреча будет на этот раз очень грустная, ввиду продолжавшейся непрерывно скверной погоды.

*Великий князь
Георгий Александрович*

вокруг Ялты и теперь еще горы покрыты белым саваном*. Мы с женой решили ехать в Ялту накануне объявленного приезда царского**. Вчерашний вечер провели очень приятно у Чичериных; переночевали в гостинице «Россия», осведомились, к которому часу ожидается приезд и таким образом имели сегодня все утро в своем распоряжении. Я успел даже сделать большую прогулку пешком по окрестностям города. На мол съехалась публика только в третьем часу пополудни. На счастье погода вдруг изменилась: показалось солнце, и наша кокетливая Ялта приняла вовсе неожиданно свой веселый вид***. Встреча вышла совсем удачно. Царская яхта «Эреклик» спокойно причалила к молу ровно в

---

* Даже вчера погода была серая, холодная, по временам моросило.

** чтобы удобнее справиться со всеми мелкими затруднениями <с тем, чтобы переночевать в гостинице>, с которыми сопряжена для нас обязанность участвовать в парадной встрече царской четы на ялтинском моле.

*** принарядилась, оживилась, так что

3 часа*. Их Величества, встреченные местным начальством и публикой обоего пола, любезно подавали руку стоявшим в первых рядах; конечно, и я был удостоен нескольких благосклонных слов. Также обменялись со мной несколькими фразами наследник цесаревич и великий князь Георгий Александрович. Последний показался мне на первый взгляд несколько менее болезненным, чем в прежний его приезд в Крым; однако ж и теперь на его лице заметны явные признаки чахотки**.

Немедленно по окончании церемонии, поспешили мы переодеться, уложить вещи и отправились в обратный путь в свой уединенный Симеис***.

21-го марта. Воскресенье. – В ночь получил из Ливадии телеграмму, за подписью министра Двора графа Воронцова-Дашкова: «Их Величества приглашают Ваше сиятельство приезжать к литургии в Ливадской церкви, когда Вы пожелаете и можете». Любезнее ничего не могло быть. Я счел долгом в тот же день воспользоваться приглашением и съездил в Ливадию. Но**** самого Государя не пришлось мне видеть: он простудился и не вышел ни к обедне, ни к завтраку. Императрица же была*****, по обыкновению, очень любезна; повторила приглашение приезжать не только «к литургии», но и просто к завтраку, когда найду для себя удобным, притом выбирать для поездки хорошую погоду, а не такие дни, как нынешний. Действительно, сегодня погода очень неприятная: хотя день ясный, но очень холодный и с сильным восточным ветром. Из лиц, приехавших в свите Их Величеств, я посетил только генерала Рихтера и графа Олсуфьева; за завтраком же виделся со всеми прочими: графом Воронцовым-Дашковым, Черевиным, о. Янышевым, фрейлинами Озеровой и

---

* Избранная публика, с местным начальством во главе, чинно расставленная в импровизированном павильоне, приветствовала редких гостей. Проходя между двумя рядами с одной стороны – прекрасный пол, с другой – наш непрекрасный. Проходя сквозь павильон, Их Величества любезно подавали руки встречающим. Масса букетов, как водится, были приготовлены для императрицы.

** Из прибывших в свите <Государя> Их Величеств случилось мне увидеться только с немногими: остальные, по-видимому, прошли с парохода, миновав павильон.

*** утомленные непривычною сутолокой, среди которой пришлось провести этот день. Признаюсь, отрадно было почувствовать себя дома.

**** как нарочно

***** со мною

обеими Голенищевыми-Кутузовыми и т. д. Сейчас после завтрака уехал домой.

29-го марта. Понедельник. – В ночь на Светлое Воскресение я воздержался от поездки к заутрени в Ливадию, пользуясь благосклонным запретом императрицы приезжать ночью, в дурную погоду. Взамен того предпочел поздравить Их Величества с праздником сегодня и приехать прямо к обедне. Государь, проболев всю неделю*, оправился еще не вполне; однако ж выстоял всю обедню и потом присутствовал на общем завтраке. Мне пришлось опять сидеть рядом с императрицей. После завтрака она принимала поздравление от офицеров Крымского дивизиона и 16-го стрелкового Его Величества батальона; всем раздавала фарфоровые яйца; получил и я.

В Ливадии посетил я Рихтера, графа и графиню Олсуфьевых. Какой-то злой рок опять омрачает царское пребывание в Крыму. После Государя заболел министр Двора граф Воронцов-Дашков, а болезнь адмирала Басаргина так усилилась и усложнилась, что возбуждает опасение за его жизнь. Граф Воронцов к тому же встревожен известием о тяжелой болезни своего сына, и, несмотря на свое нездоровье, сегодня же уезжает в Петербург.

Погода много способствует невеселому настроению в Ливадии. После вчерашнего довольно хорошего дня, нынче опять с утра дождь. На горах еще лежит местами снег.

5-го апреля. Понедельник. – Ездил в Ялту**; провел большую часть времени у Чичериных и Кочубеев. Чичерину возвратил я рукопись его мемуаров, чрезвычайно любопытных, написанных с умом, правдивостию, но несколько желчно.

Рассказывают о случившемся на днях приключении с Их Величествами. Поехали они утром, запросто, никого не предупредив, на дачу Дараган, чтоб отдать визит королеве Сербской Наталии, поселившейся скромно у своей давнишней приятельницы баронессы М.П. Фредрихс. На беду, дорога к этой даче была страшно повреждена бывшим недавно ливнем; образовались глубокие промоины и рытвины; местное начальство почему-то не хотело заняться исправлением этой дороги, несмотря на заявления многих из обывателей и дачевладельцев. Экипаж царский, запряженный

---

* слаб, как полагают, инфлуэнцей (в слабой степени)

** были кое-какие делишки. Проездом чрез Ливадию, навестил графа Олсуфьева.

молодыми, горячими лошадьми, не мог проехать благополучно, опрокинулся в грязь, так что Государь и императрица едва могли выйти, конечно, сильно загрязнились; мантилья императрицы упала в воду и была мгновенно увлечена быстрым потоком Аутской речки. С немалыми затруднениями удалось пересадить Их Величества в другой экипаж и довезти их до дачи Дараган чрез какую-то другую дачу, разобрав наскоро решетку*. Свидетельницей всего этого приключения случилось быть проходившей пешком Марии Алексеевны Кочубей, которая со свойственной ей энергиею и находчивостию указала проезд и распорядилась разрушением забора. Она сама рассказывала мне подробности происшествия. Царь и царица очень благодарили ее, и кое-как доехали до дачи Дараган. Королеву не застали дома и** отнеслись к случившемуся приключению с обычным своим благодушием.

Королева Наталия, как говорят, очень встревожена и изумлена полученною вчера от сына, юного короля Александра, странною телеграммой, которою он извещает лаконически, что самовольно принял в свои руки правление, устранив регентство и сменив министерство!¹³⁸ Надобно ожидать разъяснения в газетах такого небывалого *coup d'état**** несовершеннолетнего короля. Одно очевидно – что это дело партии «радикалов», устранившей Ристичем от власти и не захотевшей подчиниться большинству своих противников «либералов» в новой, только что открытой скупщине. Что выйдет из этого кавардака – никто предсказать не может¹⁵⁴.

21-го апреля. Среда. – Сегодня ездил я в Ялту собственно по своим домашним делам. По дороге остановился в Ливадии, чтобы узнать о здоровье генерала Рихтера, который серьезно заболел и даже был в опасном состоянии, так что вызвали сюда жену его****. В «свитском доме» сказали мне, что больному лучше, что он вне опасности, но видеть его лично еще нельзя. И на этот раз пребывание царской семьи в Крыму омрачается рядом грустных случайностей: после болезни графа Воронцова и внезапного отъезда его в Петербург, по случаю болезни любимого его сына (умершего в самый день приезда отца), заболел адмирал Басаргин и 16-го числа скончался. Он занимал в «свитском доме» комнату рядом с

---

* При этом случайно

** вероятно

*** государственный переворот (*фр.*).

**** которая и приехала сюда третьего дня.

Рихтером. Говорят, что смерть Басаргина, с которым Рихтер был дружен, произвела на последнего тяжелое впечатление и усилила его нервное расстройство. Басаргин пользовался общою любовью и уважением. Их Величества также очень ценили его. После отпевания покойника в Ливадской церкви в прошлое воскресенье (18-го числа), тело перевезли на военном пароходе в Севастополь. Вслед за тем новый несчастный случай: один из молодых флотских офицеров, Бахметьев, сблизившийся с великим князем Георгием Александровичем и причисленный к его свите – вдруг потерял рассудок и начал буйствовать сперва в Ялте, а потом в Ливадии, так что принуждены были его связать и отправить в Севастополь. Все это, в дополнение к стоявшей до сих пор дурной и холодной погоде, должно, конечно, иметь неблагоприятное влияние на расположение духа ливадского общества. Однако ж обычные ежедневные прогулки и *parties de plaisir** царственных хозяев Ливадии не прерываются. Наконец и природа, по-видимому, сжалилась над южным берегом: вот уже несколько дней ясных, сравнительно теплых, – хотя и сегодня еще виден снег на вершинах Яйлы**.

В Ялте поселился английский посол Морьер, как говорят, по случаю болезни. Прибыл из Константинополя посол наш Нелидов; королева же Сербская Наталия уехала. Вообще Ялта заметно оживлена; на улице встречал я многих знакомых. Завтракал у Чичериных, навестил Самариных, которые в прошлую субботу были у нас в Симеисе вместе с Борисом Николаевичем Чичериным.

У нас в доме большая возня по случаю перестройки крыльца. Идут и многие другие работы, отвлекающие меня по временам от*** библиотеки.

27-го апреля. Вторник. – После поездки моей в Ливадию на второй день Пасхи пропустил я четыре воскресения и намеревался только сегодня, по случаю дня рождения великого князя Георгия Александровича, воспользоваться полученным мною Высочайшим приглашением приезжать, когда пожелаю, к обедне и завтраку. Но вчера получил я по телеграфу особое приглашение на нынешний день. Утро было дождливое; позже погода несколько разгулялась и даже показалось солнце. Их Величества были

---

* увеселения (*фр.*).

** Растительность быстро развивается в эти последние дни.

*** моей работы по устройству

Император Александр III в кругу семьи в Ливадии. 1893 г.

весьма ко мне* благосклонны. Государь расспрашивал о дороге в Симеис и положительно заявил о своем намерении посетить меня, хотя я счел долгом предупредить Его Величество, что не могу принять такого высокого гостя приличным образом по случаю происходящих в доме построек. То же говорил я и всем лицам свиты, собирающимся навестить меня. В Ливадии встретился я с несколькими новыми лицами**: графиней Александрой Андреевной Толстой, новым гофмаршалом генерал-майором свиты графом Голенищевым-Кутузовым (состоявшим прежде при особе короля

---

* любезны

** В числе новых лиц, встреченных мною в Ливадии, с удовольствием

Прусского), семейством генерала Рихтера и другими. Съехалось много моряков для поздравления великого князя Георгия Александровича.

Рихтера опять не мог видеть: говорят, что ему гораздо лучше, но все еще большая слабость.

Вчера заходил я к больному соседу – Сергею Ивановичу Мальцову; кроме расстройства телесного, в нем замечается полный упадок душевный. Никогда прежде не слышал я от него таких горьких жалоб на свою судьбу и таких укоров сыновьям*. На днях приехала сюда дочь Сергея Ивановича – княгиня Урусова – с двумя дочерьми.

30-го апреля. Пятница. – Вечером прибыла на пароходе из Одессы племянница Анна Евгениевна Понсэ, с которою мы не делились почти три года**.

1-го мая. Суббота. – Сегодня удостоили меня своим посещением Их Величества. Едва успел я накинуть на себя сюртук и встретить их у экипажа, чтобы проводить чрез сад на террасу дома, так как к крыльцу подъехать нельзя и входная дверь заложена. Посещение императрицы было совсем неожиданно***, тем более, что жена моя до сих пор не представилась Ее Величеству (кроме**** встречи на моле в Ялте). Как всегда высокие наши гости были замечательно благодушны, любезны; любопытствовали взглянуть на мою библиотеку, входили даже в мою***** крошечную спальню; потом мы угостили их чаем, так что провели они у нас более часа.

Их Величества застали у нас Павла Дмитриевича Хрущова, который приехал в Крым только на три дня, чтобы повидаться с умирающим от чахотки племянником Огаревым*****.

Погода сегодня ясная, безветренная, но все-таки не майская*****.

---

* поступившим с отцом, по словам его, самым бессовестным образом.

** тем радостнее была встреча.

*** для нас

**** общей

***** миньятюрную

***** Больной юноша провел зиму в Алушке, на попечении врача Иванова; недуг его так усилился, что больной давно уже не выходит из комнаты и даже редко встает с постели. Полагают, что он проживет еще не более нескольких недель.

***** Среди дня термометр едва поднялся до 13° Реомюра, на солнце же – доходит до 30°.

2-го мая. Воскресенье. – Ездил в Ливадию, чтобы принести благодарность Их Величествам за оказанную мне честь вчерашним посещением. По обыкновению отстоял всю обедню; за завтраком сидел опять рядом с* августейшей хозяйкой, а потом навестил Евреиновых и больного Рихтера, который значительно поправился, хотя еще очень слаб. При расстроенных его нервах опасались неблагоприятного влияния на восстановление его здоровья полученного вчера по телеграфу** известия о крушении вблизи Владивостока нашего крейсера «Витязь», на котором в числе офицеров находился сын Рихтера. К счастью, телеграмма заканчивается успокоительным извещением, что все люди экипажа спасены. Об этом несчастном случае рассказывал мне сам Отто Борисович, с полным спокойствием.

Фрейлина Озерова и графиня Олсуфьева должны были внезапно покинуть Ливадию по случаю полученных известий о тяжелой болезни их матерей.

6-го мая. Четверг. – Опять ездил в Ливадию по случаю дня рождения наследника цесаревича, и на этот раз вместе с женой***. Собралось многочисленное общество: много моряков, прибывших вчера с эскадрой (из 23 судов), военных здешних и приезжих, наконец, ялтинских дам. Их Величества были, по обыкновению, замечательно любезны и благодушны. Императрица с большим сожалением покидает Крым в такое время, когда**** южный берег всего прелестнее. Выезд назначен на 8-е число, т. е. в субботу*****.

8-го мая. Суббота. – Последняя поездка в Ливадию*****: присутствовал при напутственном молебне и распростился с Их Величествами, детьми их и с лицами свиты; вслед за ними проехал в Ялту и с террасы гостиницы «Россия» смотрел, как царская семья переехала на гребном катере с мола на броненосец «Синоп», при пушечной пальбе со всех судов эскадры, криках «ура»***** и звуках военной музыки; как затем все суда снялись с якоря и

---

* благодушной и любезной хозяйкой

** прискорбного

*** которая получила приглашение приехать сегодня же.

**** только что наступила самая лучшая пора.

***** Придется мне съездить еще раз в Ливадию.

***** и сегодня поехал я запросто в сюртуке

***** собравшейся по всей набережной толпы народа.

последовательно отплывали на запад*. Поверхность моря вдруг очистилась от густого тумана. Зрелище было внушительное. В нескольких шагах от меня, на той же террасе гостиницы, сидел и смотрел английский посол Морьер с женой и дочерью.

Все население ялтинское было в таком возбужденном настроении, что не было возможности приняться за какое-либо дело; необходимо было переждать, пока наш городок не войдет** в свое*** будничное спокойствие. Временем этим я воспользовался, чтобы**** сделать несколько визитов*****, в том числе графине Александре Андреевне Толстой, которая всегда, при встречах со мной, выказывает много радушия. Вполне естественно, что при этих редких встречах беседа наша вращается преимущественно на грустных воспоминаниях о прошлом царствовании¹⁵⁵. Из деятелей того времени, хотя***** еще так близкого, остаются уже немногие***** налицо и с каждым годом число их быстро убывает.

С отбытием царской семьи***** наступает в Ялте полное затишье*****: съехавшиеся сюда по этому случаю лица немедленно же разъезжаются; некоторые спешат с завтрашним пароходом в Севастополь, чтобы попасть на бал, который дается городом для высоких гостей. Их Величества намерены провести там три дня, а в Москву прибудут к годовщине коронации*****.

В нынешнее свое пребывание в Крыму Их Величества оставили здесь по себе самое благоприятное впечатление: все, кто только имел случай приближаться к ним, восхищаются их приветливостью и простотою обращения. Английский посол Морьер сказал про императрицу, что нашел в ней не просто императрицу, но и прелестную женщину.

14-го мая. Пятница. – И в нашей глуши выдаются по временам такие дни, как вчерашний и нынешний, когда приходится бро-

---

* Густой туман, которым застилалось и море и горы во все последние дни и даже сегодня утром, к счастью, разошелся к 10 часам утра над самою поверхностью морскою.

** снова

*** обычное

**** побывать у Чичериных, позавтракать у них, затем

***** Кочубеям, Самариным, Лазаревым

***** и не очень еще отдаленного

***** в живых

***** почти мгновенно

***** множество

***** Государь и в особенности императрица

силье все свои обычные занятия и проводить время с утра до вечера* с гостями. Вчера посетили нас Чичерины вчетвером (Борис Николаевич с женой и его belle-soeur** с дочерью); явился неожиданно один киевский художник Шкляревский, а вечер провела у нас дочь соседа нашего Мальцова княгиня Урусова с одной из дочерей. Сегодня же приезжали из Ялты княгиня Голицына-Прозоровская с госпожою Вагановой, а вечером опять пришла проститься пред отъездом княгиня Урусова. Сам Сергей Иванович Мальцов также собирается ехать в Петербург, хотя и не вполне еще оправился от болезни.

Работы, долго длившиеся в нашем доме, кажется приходят к концу и все будет в исправности к приезду ожидаемых гостей – сына, дочерей и некоторых других членов семьи, съезжающихся к нам ко дню нашей золотой свадьбы (23 мая). По этому случаю и я прервал свои работы по устройству библиотеки. Погода, по видимому, установилась, хотя все еще не по времени года: весна запоздала в нынешнем году*** на целый месяц****. Из газет видно, что и на западе***** наступили в мае месяце морозы и выпали снега*****: небывалое явление природы!*****

16-го мая. Воскресенье. – Вчера, накануне Троицына дня, закончены так долго продолжавшиеся в нашем доме строительные работы*****, как раз к приезду дочери Ольги. Она обрадовала нас своим приездом ранее, чем ожидали*****.

17-го мая. Понедельник. – Сегодня утром приезжал к нам проститься наш престарелый сосед – Сергей Иванович Мальцов. Завтра уезжает он в Петербург. Бедный старик еле держится на ногах.

---

* в болтовне

** Свояченица (*фр.*).

*** по крайней мере

**** и даже более.

***** после продолжительной засухи и даже жары, вдруг

***** это в мае-то месяце!

***** У нас в хозяйстве маленькая беда: разом заболели две лошади, очень хорошие и крепкие; одна (из экипажной пары) – пала в тот же день, другая – рабочая – также околеет сегодня. Можно подозревать заразу.

***** нет уже стукотни и сора

***** Из Севастополя прибыла она в Ялту на пароходе, и оттуда в наемном (извозчикьем) экипаже.

20-го мая. Четверг. – Приезд обеих дочерей Елизаветы и Надежды с их мужьями, сына и племянницы Ины Саловой. Дом наш разом оживился. Племянник Юрий Милютин также извещает телеграммой о своем приезде с женой в субботу.

21-го мая. Пятница. – Как-то странным кажется непривычное оживление и многолюдство в нашем доме. Вечером прибыли наши бессарабские родственники: брат и сестра моей жены (Евгений Михайлович и Дора Михайловна Понсэ) с сыном первого Михаилом Евгениевичем. Дом** переполнен.

22-го мая. Суббота. – Ездил в Ялту вместе с дочерью Ольгой. Нужно было, по заведенному*** порядку, совершить у нотариуса новую доверенность Международному банку. Простился с Чичеринными, которые уезжают во вторник, и посетил Самариных и Кочубеев.

23-го мая. Воскресенье. – Как ни старался я скромнее справиться наш семейный юбилей «золотой свадьбы», все-таки не обошлось без**** посторонних посетителей и некоторой торжественности. Получено множество букетов, письменных поздравлений и даже адресов. Утром явилась***** депутация от алупских татар с Аби-булой Эфенди во главе; последний поднес мне, по русскому обычаю, хлеб-соль и сказал приличную речь. Потом явилась другая депутация – от обывателей Алупки с тамошним священником во главе; в депутации приняли участие владелица дома покойного старика Васяткина (дочь его), доктор Иванов и одна молоденькая дама, которой имени я еще не узнал. Доктор Иванов прочел с чувством приготовленный адрес и от себя сказал несколько лестных слов. Приезжали еще несколько лиц, в том числе ялтинский исправник полковник Греков, становой пристав и др. Вечером же приехали и наши ялтинские друзья: Чичерины, Кочубеи и Самарины, которые остались ужинать и уехали лишь около 11 часов. Из множества цветов, расставленных на всех столах и подставках, выдавалась корзина с 50***** розами, присланная утром из Ялты теми же нашими друзьями, при письме, сочиненном и подпи-

---

* Радостный день, вечером приехали

** полон

*** ежегодному

**** некоторых оваций и посетителей.

***** сначала

***** белыми

санном Борисом Николаевичем Чичериным. Письмо написано прекрасно и доставило мне истинное удовольствие¹⁵⁶. Также получил прекрасное письмо от Прасковьи Николаевны Тарновской¹⁵⁷. Евреиновы прислали большую корзину цветов при милой записке*. К крайнему сожалению жена не могла лично принять участие в торжестве: уже несколько дней она чувствовала простуду, и несмотря на то ездила в Ялту и ежедневно выходила на работы; но вчера слегла уже в постель и сегодня пролежала все утро. Только под вечер она вышла в гостиную и сидела на балконе с гостями. К счастью день был очень теплый; погода прекрасная. Вечером принесли с телеграфной станции** целую пачку поздравительных телеграмм***. В числе их были поздравления от Их Величеств Государя и императрицы (на французском языке – явное указание на то, что телеграмма послана лично императрицею) и от великого князя Сергея Александровича (из Москвы)¹⁵⁸. На эти телеграммы, конечно, я ответил немедленно; на все же остальные – придется отвечать завтра.

Прибавлю, что по случаю нынешнего семейного торжества, получили мы от наших дочерей и сына несколько ценных подарков****, в том числе прекрасный мраморный фонтан, изготовленный петербургским скульптором Ботта. Проект этого фонтана составлен в подражание Бахчисарайскому фонтану. Предполагалось установить его на террасе переднего фасада нашего дома. К общему***** прискорбию, лицевая мраморная доска оказалась треснувшею при перевозке; приходится отослать ее обратно хужожнику.

24-го мая. Понедельник. – Почти весь день провел я в писании***** телеграмм в ответ на полученные поздравления. Отправил уже на станцию до 60; но это далеко не все*****.

---

* За обедом сидели 15 человек, а за ужином до 22-х.

** еще

*** всего до 70.

**** два прекрасных кресла, шерстяные одеяла собственной их работы и другие; несколько еще мелочей, а главным с их стороны приношением был

***** сожалению

***** благодарственных

***** Сего дня приезжала с поздравлением Евг[ения] Ив[ановна] Гаевская, только что возвратившаяся с Кавказа.

Д.А. и Н.М. Милютины среди гостей и родственников

25-го мая. Вторник. – Продолжаю получать поздравительные телеграммы и письма; все утро опять занимался сочинением ответных телеграмм*.

Погода снова дождливая; однако ж под вечер прояснилась. По приглашению моих дочерей и сына приезжал из Ялты фотограф Орлов, чтобы снять группу всех съехавшихся членов семьи. Вечером посетили нас Евреиновы.

26-го мая. Среда. – Нынешний день прошел без посторонних посетителей; однако ж не менее шумно и оживленно чем предшествующие дни. Продолжаю получать поздравительные телеграммы и письма. Число отправленных мною ответных телеграмм дошло уже до 80.

Утро дождливое; под вечер большею частию общества принята прогулка пешком в мальцовское имение.

---

* Отправил уже до 80 телеграмм.

27-го мая. Четверг. – Сегодня* наш семейный сбор значительно сократился**. Утром уехал сын вместе с дочерью Ольгой и племянницей Иной Саловой, а после обеда покинули Симеис племянник Юрий с женой***. Завтра уезжает Евгений Михайлович Понсэ. В доме восстанавливается обычная тишина.

[28-го мая. Пятница. – Евгений Михайлович Понсэ выехал вечером в Ялту, чтобы завтра утром сесть на пароход и возвратиться чрез Одессу к себе в Бессарабию. К крайнему сожалению, в числе наших дорогих гостей некоторые схватили простуду, особенно сильно недомогает старшая дочь Елизавета (Шаховская).]

29-го мая. Суббота. – В последние дни дочь Елизавета Шаховская захворала; пригласили врача Алексина****, который признал у больной настоящую инфлюэнцу.

Утром ходил я в Алупку, чтобы выразить благодарность тем лицам, из которых состояла депутация от тамошних обывателей в прошлое воскресенье*****. Заходил также и к Громаковой, у которой проживают профессор***** Бобров и сенатор Проскуряков*****, принявшие также участие в составлении поднесенного мне адреса*****.

Под вечер посетили нас проживающие в Ялте профессор В.М. Тарновский с женою Прасковьею Николаевной, дочерью покойного доктора Козлова.

---

* наличный состав

** В 11-ом часу

*** Первые направились в Севастополь, откуда по железной дороге кто до Курска, кто до Москвы, кто до Ревеля, а молодая чета намерена навестить своих родственников в Кореисе и Симферополе, а затем возвратиться в Тифлис. С отъездом этих лиц <семейное наше сборище в доме заметно> наступило в нашем доме заметное затишье, уже нет прежней сутолоки, прежнего непрерывного говора.

**** (от Токмакова)

***** священнику, доктору Иванову, владелице дома бывшего Васяткина, дочери его Тетюшиновой, равно как и живущей у ней госпоже Рогожиной.

***** Московского университета по кафедре хирургии

***** оба они вместе с Громаковой

***** Все они были очень любезны и видимо польщены моим посещением. С Бобровым переговорил я о давнишнем моем предположении – срезать образовавшийся у меня на левой руке нарост <шишку>. Еще в прошлом году Бобров вызвался произвести эту маленькую операцию, считаемую врачами совершенно легкой.

30-го мая. Воскресенье. – Отъезд свояченицы Доры Михайловны Понсэ.

В здоровье дочери Елизаветы сегодня заметно большое облегчение; она не только встала с постели, но и сошла вниз, даже гуляла по саду**.

[31-го мая. Понедельник. – По соглашению с Бобровым, операция назначена на завтрашний день. Приняты все указанные мне приготовительные меры.

Вечером неожиданно приехали опять Юрий и Саша Милютинны, которые отложили свой выезд с южного берега до вторника. С ними посетил нас живущий в Кореисе <брат Саши> граф Павел Сумароков-Эльстон.

1-го июня. Вторник. – Операция на моей шишке на левой руке проведена сегодня утром профессором Бобровым вполне удачно и без особенной боли. Ассистентом был Алекс[андр] Ник[олаевич] Алексин – домашний врач Токмакова. К полудню все было кончено. Я очень рад, что покончил с этим, что не буду уже озабочен ею. Теперь вопрос только о том, долго ли придется носить руку на перевязи. 18 лет прошло с тех пор, как мне произведена была здесь же в Симеисе первая операция того же рода, – над такою же шишкой, образовавшейся у меня на затылке. Тогда нарост был меньше чем теперь объемом, за то на крайне неудобном месте. Тогда мне не зашивали раны, как теперь, а поставили заволочку, поддерживали ее открытою довольно долго. Заволочку я снял только в Париже, на возвратном пути из Ницы в Петербург. Ныне обещают более скорое заживление.

2-го июня. Среда. – Утром приехал опять профессор Бобров; но в помощи его не было никакой надобности. Рука не причиняет мне ни малейшей боли и можно полагать, что заживление раны идет совсем исправно. Только испытываю немало неудобства справляться одною правою рукой без пособия левой.

---

* Встал ранее обыкновенного, чтобы проститься с Дорой Михайловной Понсэ, которая уехала обратно в Бессарабию. До парохода провожали ее племянница и племянник ее, с намерением проехать из Ялты в Гурзуф и в Никитский сад и возвратиться к нам вечером.

** С вчерашнего дня у нас опять Евг[ения] Ив[ановна] Гаевская, сегодня после обеда она возвращается в Ялту.

Утром заходил я опять к профессору Боброву, чтобы окончательно условиться с ним насчет предполагаемой хирургической операции, но не застал его дома.

4-го июня. Пятница. – По соглашению с профессором Бобровым ходил я к нему в Алупку, чтобы показать ему свою перевязанную руку. Никакой другой цели не могло иметь наше свидание, как только констатировать благоприятный исход операции. Мы сговорились произвести первую перевязку в воскресенье. Из Алупки возвратился под дождем; но погода теплая, приятная.]

1-го июня. Вторник. – По совету профессора Боброва сегодня произведена им небольшая хирургическая операция на кисти моей левой руки. Образовавшийся на ней нарост срезан совершенно удачно и без значительной боли, при содействии доктора Алексина (домашнего врача у Токмаковых). Подобная же операция была произведена на моем затылке семнадцать лет тому назад, здесь же в Симеисе. Тогда рану не зашивали, а поддерживали довольно долго открытою; заволока была снята только чрез несколько месяцев. Ныне обещают более скорое заживление.

5-го июня. Суббота. – Вчера вечером посетили нас графиня Александра Андреевна Толстая и Саломоны – муж и жена. Графиня Толстая имела в виду повидаться со старшею дочерью моею, которой болезнь помешала побывать в Ливадии*.

Сегодня утром Шаховские уехали от нас** в Севастополь и далее*** по железной дороге в Москву****.

6-го июня. Воскресенье. – Профессором Бобровым произведена перевязка моей руки, опять с помощью Алексина. Оператор остался доволен состоянием раны; перевязка (с извлечением нитей шва) исполнена легко, почти без боли. Пользуясь случаем, жена советовалась с Алексиным относительно собственной своей болезни.

8-го июня. Вторник. – Еще прощание, еще разлука: сегодня утром уехали Долгорукие. Погода самая благоприятная для переезда. Едут они прямо в свою Рязанскую деревню Ивановское. Грустно нам старикам после кратковременного съезда всей семьи опять остаться одинокими. Мы с женой сами думаем в течение лета предпринять поездку, чтобы навестить всех трех дочерей и

---

* Завтра она уже покидает нас.

** в 9 часов утра на почтовых лошадях

*** поедут

**** Грустно было нам расставаться с ними, но облегчает нашу грусть надежда на свидание в течение лета, если состоится наш план поездки. Вечером прогулка всей наличной семьи в Алупку, частью в экипаже, частью пешком. Пили чай под деревьями у Громаковой.

сына и кстати посоветоваться с петербургскими и московскими врачами насчет болезни жены, в особенности относительно расстройств ее зрения.

9-го июня. Среда. – Бобров и Алексин приезжали для второй перевязки моей руки. Полагаю, что это последний приезд их. Рана заживает вполне успешно.

12-го июня. Суббота. – Отъезд племянника моей жены Михаила Евгеньевича Понсэ. Сестра его Аня осталась у нас еще на некоторое время.

Юрий с женой все еще в Симферополе, где, по-видимому, они задержаны повреждением ноги у Юрия. Из полученной от него телеграммы нельзя догадаться, что с ним случилось.

17-го июня. Четверг. – Ездил в Ялту^{**}; сделал несколько визитов. Рассчитывал встретить там Юрия и Сашу Милютиных на пути их в Батум. Вместо того они из Севастополя проехали на лошадях и когда возвратился я вечером в Симеис, то нашел их здесь. Намерены пробыть у нас до завтрашнего вечера.

[**18-го июня. Пятница.** – Юрий и Саша Милютины уехали вечером в Ялту. По дороге заедут к графу Павлу Сумарокову-Эльстон.]

23-го июня. Среда. – Вчера получил телеграмму от Лаврентьевых о приезде их в Наташино. Зная болезненное состояние Александра Ивановича, я поспешил повидаться с ним до предполагаемого отъезда моего из Крыма. Встреча наша произвела на меня^{***}

---

* будет

** для некоторых мелких покупок. По дороге сделал три визита: графу Павлу Сумарокову-Эльстону в Кореисе, графине Александре Андреевне Толстой и Евреиновым в Ливадии. В Ялте посетил Тарновских и Хвоцинских.

Нынешний день выбрал я для поездки в Ялту, собственно потому, что племянник мой Юрий Милютин известил меня по телеграфу (из Симферополя), что сегодня приезжает на пароходе из Севастополя, на пути в Батум. Хотя я знал, по расписанию рейсов пароходных, что по четвергам идет только товаро-пассажирский пароход, о чем известил и Юрия по телеграфу, – однако ж, получив от него подтверждение о приезде именно в четверг <сегодня>, я предпочел съездить в Ялту сегодня на случай, если б действительно мог встретить своего племянника и его жену. Пароход пришел при мне, – но, конечно, ожидаемых путешественников на нем не было. Оказалось, что они ошиблись днем; по возвращении домой нашел телеграмму, которою они извещали, что вместо отъезда из Севастополя пароходом, они едут в Ялту сухим путем и намерены переночевать у нас. Около 11 часов вечера они приехали и мы были очень рады ошибке, доставившей нам случай снова повидаться с молодою и милою четой.

*** крайне

тяжелое впечатление: бедный друг мой поразил меня своим болезненным, старческим видом; он как будто постарел на двадцать лет; когда же заговорил, то с трудом мог выговорить несколько складных фраз; не находил слов, подходящих к выражению мысли, особенно не мог выговорить ни одного собственного имени. Жена его должна была постоянно подсказывать и пояснять* то, что желал выразить больной. По искривленному рту и парализованным пальцам правой руки очевидны** признаки бывшего у него нервного удара. С сердечным прискорбием увидел я, что наш добрый, симпатичный*** Александр Иванович Лаврентьев – человек «конченный», un homme fini****, – как говорят французы.

Пробыл я у Лаврентьевых несколько часов, обедал у них, а потом спустился пешком в Магарач, чтобы проститься с Саломонами; но не застал их дома*****.

26-го июня. Суббота. – Последние сборы в дорогу крайне затруднены болезненным состоянием жены, особенно расстройством ее зрения, не позволяющим ей самой чем-либо заниматься. Заботы ее усложнены сменой управляющего имением, передачею должности от молодого Немма более опытному, хотя менее образованному и ученому Исаеву. В самые последние часы пред отъездом приходится распутывать открывшиеся упущения в ведении счетов и разъяснять разные недоразумения.

27-го июня. Воскресенье. – Выезд из Симеиса с женой, племянницей Аней (Понсэ) и горничной. Раннее утро дождливое; но потом погода разгулялась. В Ялте прощались с нами на пароходе Кочубеи, Евреиновы, Гаевская, Тарновские и Праховы (прибывшие в Ялту только третьего дня)*****.

Во время переезда морем до Севастополя – ливень с грозой. В Севастополе расстались с милою Аней, которая продолжала мор-

---

* мне

** были

*** развитой

**** конченный человек (фр.).

***** Муж уехал в Петербург, жена – вышла на прогулку. Главным предметом наших разговоров с Лаврентьевыми были, конечно, болезнь Александра Ивановича и вопрос о служебном его положении: я поддерживаю их в намерении совсем оставить службу и покинуть Петербург, чтобы поселиться на юге, будет ли то в Крыму, или за границей.

***** Молодой Прахов – студент, так называемый «Кока», с младшею сестрой приезжал вчера в Симеис: посещение крайне неудобное <не кстати> для нас – накануне нашего выезда.

ское путешествие* в Одессу. Мы же с женой** выехали в 8 часов вечера из Севастополя со скорым поездом***.

28-го июня. Понедельник. – Дождливая погода, а под вечер так холодно, что должны закупориться в своем купе****. По причине болезни (глаз) жены приходится завешивать окно и ехать все время в полумраке. Однако ж на станции Лозовой жена вышла к обеду на вокзал*****.

29-го июня. Вторник. – Ночью, в проезд чрез Курск, повидались с сыном, который только что закончил свой объезд губернии и прибыл на Курскую станцию часа за два до нас. Свидание это было для нас совершенно неожиданно.

Сегодня погода прояснилась; как-то веселее на душе. Жена чувствует себя несколько легче. Распростился с нею в Туле: она продолжает путь до Москвы, где встретят ее дочь Ольга и***** Горбуновы, а я должен был тащиться чрез весь город на плохом извозчике и по сквернейшим мостовым, на вокзал Сызрано-Вяземской железной дороги. Поезда двух пересекающихся линий не согласованы между собою. Пришлось мне ждать на станции более трех часов*****.

Около 5 часов тронулся наконец поезд с Тульской станции по направлению на Ряжск. Большая часть пассажиров из простонародья; я был чуть ли не единственным пассажиром в 1-м классе, а потому без затруднения получил отдельное купе.

30-го июня. Среда. Ивановское. – После 12-часового пробега, часов в 5 утра поезд подошел к полустанку Ремизово. Здесь встретил меня высланный из Ивановского человек с подводой; он принял мои вещи; я же пошел было пешком по дороге в Ивановское, чтобы размять ноги после трех суток, неподвижно проведенных в вагоне. Утро было прекрасное; прогулка на расстояние каких-нибудь четырех, пяти верст была бы истинным наслаждением. Но мне удалось пройти не более версты, как встретил выехавшего на

---

* на пароходе «Владимир»

** отобедав в гостинице Киста

*** Нам двоим отведено отдельное купе; горничная в соседнем вагоне 2-го класса.

**** К счастью, я догадался в Севастополе заменить китель суконной одеждой.

***** В 8 часов вечера проехали Харьков.

***** Ник[олай] Павл[ович] Горбунов

***** Станция плохенькая – чтобы в ожидании прихода товаро-пассажирского поезда идущего на Ряжск и далее

тройке зятя князя Владимира Ростиславовича Долгорукого, который и довез меня до Ивановского*. Дорога извивается между засеянными полями**; кое-где перелески, лощинки; горизонт обширный; вдали видно большое село с церковью (Телятниково)***.

Радостно было мне свидеться снова с дорогою моею Надей, в ее уютном деревенском доме. Большую часть дня провели мы в осмотре усадьбы и хозяйства, в прогулке по саду и прилегающей дубовой роще. Вся обстановка здесь произвела на меня самое приятное впечатление.

1-го июля. Четверг. – День прошел опять в прогулке, пешком и в легком экипаже, в осмотре имения и окрестностей. Погода прекрасная. Однако ж к вечеру почувствовал я легкую простуду.

2-го августа. Понедельник. – Вот ровно месяц промежутка в моем дневнике. Все это время пролежал я в постели. Мог ли я думать, что легкая простуда, которую почувствовал вечером второго дня пребывания моего здесь, превратится в тяжелую, весьма продолжительную болезнь. Для того ли приехал я сюда, чтобы проваляться в постели, почти в неподвижном положении? Странная эта болезнь, как кажется, инфлуэнца, началась в самую ночь с 1-го на 2-ое июля, сильною ломотою во всех членах и бронхитом****; затем последовало необычайное ослабление***** и дошло до того, что я не имел силы стать на ноги. Только со вчерашнего дня почувствовал поворот в болезни, сегодня могу сойти уже с постели и просидеть несколько минут в кресле. Прискорбно, что мне приходится так проводить время в гостях у моей милой Нади; но с другой стороны, считаю за счастье, что неожиданная моя болезнь (причина которой

---

* Расстояние от станции до усадьбы около 5 верст, проселочная дорога

** с обеих сторон деревушки, с довольно жалкими хатами

*** Всходы хлебов в этом году вполне удовлетворительные.

С радостью вошел я в жилище моей дочери и обнял ее. Дом еще отстраивается, но и в настоящем виде показался мне весьма уютным и удобным; кругом новые постройки, из которых некоторые еще в работе. Вся обстановка очень симпатичная. Погода ясная, теплая. Дочь и зять водили меня по саду и ближайшим окрестностям. Сад и вообще все имение (вновь приобретенное Долгоруким) очень запущено и много предстоит работ, чтобы привести его в благоустроенное положение! Большую часть дня провели мы в прогулках, в осмотре работ, в оживленной беседе. Вечером рано разошлись по своим комнатам: после трех проведенных в вагоне беспокойных и бессонных ночей чувствовал я потребность в отдыхе.

**** недуг этот был скоро прерван принятыми решительными мерами

***** которое усиливалось до последних дней

остаётся для меня неразгаданною) приключилась именно здесь; нигде в другом месте не нашел бы я такого спокойного и удобного помещения, такого ухода и попечения. Дорогая моя Надя ходит за мною, как за ребенком; у нее под рукой и необходимейшие врачебные средства, так как она сама занимается лечением приходящих во множестве больных, иногда даже из дальних окрестностей. Верстах в 10 отсюда, в большом селении «Сараи», находится земский врач (Михаил Петрович Лебедев), больничка и аптека. Лебедев приезжал довольно часто и руководил лечением*. Кроме того, по приглашению моего зятя князя Владимира, приезжала на несколько часов Вера Петровна Матвеева – женщина-врач (первого выпуска женских врачебных курсов, существовавших некогда при Медико-хирургической академии¹⁵⁹), состоящая при земской больнице в Огаревке – имении князя Михаила Ростиславовича Долгорукого, близ Тулы. Кратковременное посещение ее, впрочем, не могло принести большой пользы. Милые и заботливые мои хозяева, встревоженные необыкновенным упадком сил моих, намеревались вызвать и других еще врачей; но я решительно отклонил эти вызовы. Не удалось мне только отклонить вызов моего сына, который, неожиданно для меня, приехал сюда 15-го июля, в самый день именин** князя Владимира Ростиславовича. По этому случаю съехались здесь: сын моего зятя, князь Михаил Владимирович с женой, и брат князь Михаил Ростиславович. Гости эти, несмотря на тесноту в доме, провели здесь два дня***. О пребывании их осталось у меня лишь туманное воспоминание, потому что я был в то время еще в полном расслаблении, а по ночам – даже в бреду****.

Болезнь моя, конечно, встревожила жену мою; однако ж, по моей просьбе, она не изменила своего плана; пробыв ровно месяц у дочери Ольги в Щелкове (близ Никольского), частью в Москве, для консультации глазного врача Крюкова, намеревается теперь ехать в Эстляндию, к старшей дочери княгине Шаховской*****.

---

* Это человек симпатичный, хотя и не внушающий мне большого доверия по своей специальности.

** моего зятя

*** Сын возвратился к себе в Курск 17-го числа.

**** Из получаемых писем от Оли и Лизы, часто писанных от имени жены, видно, что они встревожены моею болезнью.

***** на созданную им <ею> Пюхтицкую гору (или Богородицкую), близ станции Иеве.

Имеющиеся сведения о состоянии глаз жены нельзя признать успокоительными.

10-го августа. Вторник. – В течение недели в состоянии моего здоровья произошло значительное изменение: с каждым днем силы мои заметно укрепляются*; миновало отвращение от пищи; заботливые мои хозяева только и думают о том, чтобы «питать» меня, стараясь угодить моим еще болезненным вкусам**. Большую часть дня я уже сижу в кресле и только изредка ложусь в постель, чтобы отдохнуть. Сегодня же, по совету милой моей Нади, решился даже выйти на воздух и посидел несколько времени на балконе. К счастью, погода, после нескольких дней свежих и частично дождливых, опять теплая и очень приятная***.

15-го августа. Воскресенье****. – Старшая дочь Шаховская сообщает неутешительные известия о состоянии здоровья жены, находящейся теперь на так называемой «Святой горе» (Пюхтица, верстах в 30 от станции Иевве Балтийской железной дороги)¹⁶⁰. По-видимому, мало надежды на полное восстановление ее зрения. Она намерена на днях переехать, вместе с дочерью, в Ревель, а 20-го числа выехать оттуда обратно, чрез Петербург и Москву, а затем приехать сюда в Ивановское. Полагаю дожждаться ее здесь и, пробыв с нею дня два****, съездить к дочери Ольге (близ станции Подсолнечной Николаевской железной дороги), в надежде, что к тому времени силы мои достаточно окрепнут.

18-го августа. Среда. – В прошлую ночь князь Владимир уехал отсюда в другое свое имение – Мураевню, где живет и хозяйничает его сын; предполагает возвратиться дня чрез четыре.

Погода стоит холодная, пасмурная, по временам дождливая. Ночью термометр спускается до 7°, даже 6° Р. Такое охлаждение особенно чувствительно после недавних еще***** жаров. Погода эта

---

* явился аппетит

** С прошлого понедельника (8-го числа)

*** Чувствую, как на воздухе, среди зелени, силы мои возрастают, хотя должен сознаться, что все еще скоро устаю от всякого движения, даже от нескольких шагов по комнате.

**** Продолжаю поправляться и укрепляться в силах. Вот уже несколько дней, что я провожу почти все время вместе с моими дорогими хозяевами, а не в своей комнате. К сожалению, погода стоит пасмурная и очень свежая, а потому я лишен возможности выходить на воздух. Вчера получил письмо от старшей дочери Елизаветы.

***** надеюсь

***** постоянных

не позволяет мне выходить на воздух и постепенно приучаться к нормальному образу жизни.

[9-го августа. Четверг. – Первая небольшая прогулка поблизости дома; ноги еще слабы. Долго ходить не могу. К тому же погода незавидная. Сегодня, хотя и сносная, но ветреная и прохладная. Только по временам проглядывает солнце. Телеграмма от жены, из Ревеля, извещает о намерении ее выехать оттуда завтра в Петербург и далее в Москву; сюда предполагает прибыть в будущую среду, т. е. 25-го числа.]

20-го августа. Пятница. – Пользуясь хорошим, теплым днем, сделал я с дочерью прогулку. Осматривали место под предполагаемую постройку нового скотного двора.

[21-го августа. Суббота. – Снова погода дождливая и ветреная. Я не выходил на воздух.

Ночью случился здесь пожар: сгорела баня, находившаяся в саду, в недалеком расстоянии от дома.]

22-го августа. Воскресенье. – Князь Владимир возвратился из Мураевни. Погода прояснилась; я** сделал довольно продолжительную прогулку.

[24-го августа. Вторник. – Продолжается холодная и дождливая погода. Однако ж сегодня нам удалось в послеобеденное время воспользоваться непродолжительным промежутком бездожья, чтобы разбить на месте расположение будущего конского и скотного двора. Князь Владимир с увлечением занимается проектом этой постройки.

Получили, наконец, целую серию писем от своих близких: два письма от Оли, одно от Лизы и другие.]

25-го августа. Среда. – Приезд жены***. Общее состояние ее здоровья удовлетворительно; но зрение мало поправилось****. Ре-

---

* Погода сегодня очень хорошая, теплая. Пользуясь этим, я сделал вторичную более продолжительную прогулку с дочерью, измерили шагами место под предполагаемую новую постройку <скотного двора>. Досадно, что возвратились прежние мои боли в правой ноге, наступающие по временам без всякой видимой причины.

** расхаживал довольно долго поблизости дома и вторично проверял наши измерения места под предполагаемую постройку (скотный и конский двор).

*** днем ранее, чем ожидали.

**** По соглашению с нею, решено, что я выеду из Ивановского в субботу и ста-
ло быть буду в Москве в воскресенье утром. В тот же день надеюсь быть в Щелкове у дочери Ольги.

шаюсь выехать из Ивановского в субботу и побывать у дочери Ольги в подмосковной.

Прожил я в Ивановском целых два месяца вместо двух предполагавшихся недель; несмотря на вынесенную мною тяжкую и продолжительную болезнь, этот тихий, симпатичный уголок оставит в памяти моей приятное впечатление.

29-го августа. Воскресенье. Щелково. – Вчера после обеда покинул я Ивановское*. Простившись с больною женой, переехал на железнодорожную станцию, в сопровождении моих милых хозяев**. Погода была превосходная***; но приехав сего дня утром в Москву, нашел там серое небо и дождь. На вокзале Рязанской железной дороги встретили меня Николай Павлович Горбунов и Илья Степанович Щербинский. Вместе с ними переехал на вокзал Николаевской железной дороги, где**** приходилось выждать отхода поезда в Подсолнечную*****. Вскоре приехали туда Юлия Александровна Горбунова и дочь моя Ольга. Последняя провожала меня по железной дороге до Подсолнечной и оттуда на лошадях до ее усадьбы Щелковой, верстах в 25-ти от станции*****. В 5-м часу мы были уже в ее***** убогой и совершенно уединенной усадьбе.

Весь переезд из Ивановского в Щелково вынес я совершенно хорошо, даже без утомления*****.

---

* Несмотря на все неприятности и тяжелые воспоминания о продолжительной болезни, пребывание мое там оставило в моей памяти приятное впечатление. Трогательное попечение и заботы обо мне моей дочери Нади и ее мужа укрепили мои к ним сердечные отношения.

** и через Рязск и Рязань, доехал до Москвы к 7 часам сегодня рано утром.

*** в вагоне было так тепло, что я должен был сбросить часть одежды, которою облекся в ожидании холодной ночи. Но, подъезжая к Москве, погода изменилась.

**** где открылись парадные комнаты.

***** Переговорив с Н.П. Горбуновым по некоторым моим поручениям, я успел еще написать два письма (дочери Наде и сыну).

***** Ровно в полдень (по московскому времени) выехали мы из Москвы, в начале 3-го часа были в Подсолнечной, откуда на ее лошадях, в легком экипаже, доехали до Щелкова по самой отвратительной дороге, размытой непрерывными дождями.

***** скромном, даже убогом доме.

***** но по приезде сюда почувствовал расстройство желудка, вероятно, от перемены в пище.

30-го августа. Понедельник. – Вчера, в пасмурную погоду, под вечер, Щелково произвело на меня довольно мрачное впечатление: ветхий домик, полуразвалившиеся хозяйственные постройки, запущенный сад – все показалось мне очень непривлекательным. Сегодня же я несколько примирился с здешней обстановкой**. Усадьба расположена на вершине довольно значительного возвышения, откуда открывается обширный вид во все стороны. В пределах горизонта видно множество деревень, помещичьих усадеб, церквей; пашни чередуются с перелесками. Притом Щелково не так изолировано, как я полагал: кругом, в близком расстоянии, много соседей. Никольское – пребывание Олсуфьевых – в 5 верстах; на самом участке, арендуемом дочерью, поселились две*** сестры Олсуфьевы, родственницы графа Олсуфьева. Одна из них навестила сегодня свою соседку, вместе с братом своим и каким-то родственником баварским бароном; приезжал также ближайший сосед Богуславский и еще кое-кто. День прошел незаметно.

31-го августа. Вторник. – Утром мы с Олей сделали визит ближайшим соседкам – Татьяне Васильевне Олсуфьевой и сестре ее Левицкой****, а после обеда ездили в Никольское****, где оставались весь вечер до самого ужина*****. Мне было очень приятно попасть опять в эту гостеприимную и радушную семью. С первого моего посещения Никольского, 7 лет тому назад, не случилось мне видеться ни с графиней Анной Михайловной, ни графом Адамом Васильевичем*****.

3-го сентября. Пятница. – Вчера ездил с Олей к***** соседям ее Богуславским; нынешний же день провели в Никольском, у Ол-

---

* Погода ясная, но <очень свежая> ветреная и свежая: днем не более 10° Р., вечером 5°. Оля показывала мне свою усадьбу; но по слабости и опухоли моих ног, мы не могли долго ходить и удаляться от дома.

** Щелковская усадьба

*** барышни

**** временно пребывающему здесь брату ее Александру Вас[ильевичу] и баварскому барону.

***** к графам Олсуфьевым

***** Возвратились домой только к 11 часам.

***** Молодые графы уезжают завтра в Самарскую губернию, а сестра их Елизавета Адамовна в отсутствие, ее ожидают на днях.

Погода такая же, как вчера: ясная, но холодная: утром и вечером – 5° Р., днем не выше 12°.

***** к одному из ближайших соседей ее Ивану Николаевичу Богуславскому.

суфьевых. Пред обедом граф Адам Васильевич показывал мне свою метеорологическую обсерваторию, свои новые постройки; потом прошлись мы по старому, обширному саду, насколько позволили мои слабые ноги. Вечером возвратилась в Никольское молодая графиня Елизавета Адамовна из поездки в Тульскую губернию. От графини Анны Михайловны наслышавшись я курьезных анекдотов о графе Льве Николаевиче Толстом, с которым она бывала в частых сношениях¹⁶¹. Рассказы эти рельефно обрисовывают несимпатичные стороны этой современной знаменитости^{***}.

5-го сентября. Воскресение. – Сегодня мы с Олей обедали и провели весь остальной день в Никольском. По случаю именин молодой графини Елизаветы Адамовны собралось многочисленное общество, большую часть которого, впрочем, составляли свои домочадцы^{****}.

6-го сентября. Понедельник. – Прекрасное утро; приятно было пройтись по ближайшим от дома лугам и рощам, насколько позволяли мои дряблые ноги. Вечером же опять заволокло все небо, опять дождь. К ужину съехались в Щелково соседи: все семейство графа Олсуфьева с их родственницей старушкой Пращенцевой, Богуславские и ближайшая соседка Татьяна Васильевна Олсуфьева.

[7-го сентября. Вторник. – Прощальный визит Богуславским. День ясный, но холодный. К вечеру термометр спустился до 1° P.]

8-го сентября. Среда. – Ездил вчера проститься к Богуславским, а сегодня в Никольское – к Олсуфьевым^{*****}.

---

* школы и другие

** крайне антипатичные стороны этого человека.

*** Получил письма от дочерей – Елизаветы из Ревеля и Надежды из Ивановского.

Погода по-прежнему холодная и ветреная; по временам накрапывает дождь, кругом Щелковского дома и по дорогам невылазная грязь.

**** Вчера приехал ко мне по желанию графини Анны Михайловны домашний и земский врач Петр Васильевич Плавтов, чтобы осмотреть мои опухшие ноги; дал мне кое-какие советы, которыми я воспользуюсь.

***** у которых обедал и провел часть вечера. После ночного мороза день очень теплый.

9-го сентября. Четверг. – Выехал из Щелкова в 9 часов утра вместе с дочерью Олей** и к 3 часам пополудни были мы в Москве. Оля поместилась у княгини Ал[ександры] Павл[овны] Шаховской (на Большой Спиридоновке)***; я же остановился в «Славянском базаре»****. В послеобеденное время посетил княгиню Шаховскую, Илью Степ[ановича] Щербинского и Горбуновых; заехал также к доктору Крюкову, чтобы узнать откровенное его мнение о состоянии глаз жены; получил отзыв успокоительный.

Вечером сильная гроза с ливнем. В короткое время улицы московские превратились в бурные потоки.

11-го сентября. Суббота. Курск. – Вчерашнее утро провел еще в Москве в разъездах по магазинам*****; попутно осмотрел некоторые новые постройки. В особенности интересовали меня так называемые новые «ряды», заменившие прежний гостиный двор (или «город» по-московски), напоминавший азиатские базары¹⁶². Новая громадная постройка в русском стиле показалась мне весьма удачною, как в отношении архитектурном, так и по внутреннему удобному помещению. Видел также начатые работы памятника, воздвигаемого в Кремле покойному Государю Александру II¹⁶³. Сколько могу судить по беглому взгляду***** , нахожу, что Москва в последние годы значительно отстроилась, обчистилась и начала принимать вид города европейского, по крайней мере, в центральных частях. Она украсилась многими новыми, грандиозными зданиями, большею частью в русском стиле. Не скажу однако ж, что***** постройки эти удачны в архитектурном отношении.

В 3-м часу пополудни отправился я на вокзал Курской дороги. Провожали меня, кроме дочери Ольги, князь Николай Владимирович Шаховской и Горбуновы***** . Сегодня, в 10-м часу

---

* С утра погода ясная и очень теплая, в полдень до 16° Р. в тени.

** несмотря на скверную дорогу, добрались до станции Подсолнечной в 2¹/₄ часа и

*** с намерением дожидаться приезда жены и оставаться с нею до выезда в Курск.

**** – одной из лучших здешних гостиниц и притом в самой центральной части города.

***** для разных покупок

***** на город

***** все вновь возведенные

***** Благодаря их протекции дали мне в поезде особый вагон, в котором доехал я со всеми удобствами до Курска.

утра, прибыл в Курск. На вокзале встретил меня сын; мы проехали вместе на летнюю его дачу, верстах в 5 от города, в имении Волковых*. Занимаемый им крошечный домик находится среди парка, вблизи большого барского дома владельцев имения и церкви; кругом густая растительность**. Погода сегодня прекрасная, теплая. Большую часть дня мы с сыном сидели на балконе, среди зелени и цветов; сделали прогулку по парку. Вечером посетили нас молодые владельцы имения***.

Сын показывал мне купленную для нас (т. е. для Симеиса) пару лошадей, за которыми прибыл сюда наш симеисский кучер****.

12-го сентября. Воскресенье. – Опять прекрасный, теплый день. Утром, после обедни, зашли к нам вторично Волковы, которых мы с сыном проводили до их дома и пробыли у них с полчаса. Дом, построенный еще дедом теперешней владелицы, Нелидовым, расположен среди обширного парка, на берегу пруда, напоминает барские прихоти былого времени*****.

После раннего обеда, катались мы по лесным дорогам в тильбюри¹⁶⁴, запряженном парой купленных для Симеиса лошадей*****. Завтра обе лошади отправляются с нашим кучером в Крым.

Вечером приехал губернский предводитель дворянства Дурново, пожелавший познакомиться со мной. При нашей встрече, он приветствовал меня длинной***** речью и оставался у нас довольно долго.

13-го сентября. Понедельник. – Сегодня в Курске чрезвычайное движение и суета: совершалось обычное торжественное перенесение туда из Коренной пустыни чудотворной иконы, которая проводит лето в пустыни, а на зиму переселяется в Курск¹⁶⁵. Весь город в этот день на ногах: все власти местные участвуют в про-

---

* По пути заехали в городскую губернаторскую квартиру, которая еще ремонтируется и будет готова к приему своего жильца только в начале октября. Квартира обширная и вместе с тем удобная. Напротив того, дача – до крайности миньютюрная и неудобная. Зато она находится среди парка.

** На мое счастье, погода

*** молодая чета, как кажется, весьма симпатичная.

**** К крайней нашей досаде, одна из лошадей со вчерашнего дня захромала, и потому приходится отложить отправление лошадей в Крым.

***** но положение его, среди густой зелени, очень красиво.

***** Повредившая себе ногу лошадь оправилась.

***** конечно, приготовленную заранее

И.Е. Репин. Крестный ход в Курской губернии

цессии; десятки тысяч народа сопровождают ее. Погода вполне благоприятствовала торжеству. Сын мой, в качестве губернатора, конечно, должен был вместе с архиереем играть главную роль. Он выехал с дачи прежде 7 часов утра и возвратился только к 5 часам вечера. В отсутствие его, утром, я сделал довольно большую прогулку пешком вокруг всего парка Волковых; с радостию вижу, насколько мои ноги укрепились, хотя все еще чувствую по временам боли и остатки опухоли*.

14-го сентября. Вторник. – Утром сделал опять довольно большую прогулку пешком по лесу; погода свежая, но приятная.

Сын мой, возвратившись из города с каких-то похорон, предварил меня о намерении архиерея Юстина (переведенного ныне в Херсонскую губернию) приехать сюда, на дачу, чтобы познакомиться со мной и «выразить мне свое давнишнее ко мне уважение». Сыну моему удалось отклонить этот почетный визит ссылкой на скверную дорогу, на которой тяжелая архиерейская карета

---

* К вечеру погода нахмурилась, и пошел довольно сильный дождь, продолжавшийся и часть ночи.

С почты получил письмо от Лизы и Нади. Сегодня жена должна быть уже в Москве.

могла бы завязнуть. Угрожала мне и другая демонстрация: городской голова с представителями города задумал, в знак внимания, поднести мне торжественно икону. Я горячо восстал против этой затеи; но сыну моему стоило немало труда отклонить ее, убедив голову, что задуманная им демонстрация не только не доставила бы мне удовольствия, но была бы даже очень неуместна, так как я едва только оправился от болезни и заехал сюда на несколько дней, чтоб отдохнуть в уединении и спокойствии*.

15-го сентября. Среда. – Сегодня в Курске открываются губернское земское собрание и сельскохозяйственная выставка. Поэтому сын мой, в качестве губернатора, должен был провести большую часть дня в городе. Оставаясь в одиночестве, я много гулял пешком и читал.

Получил по телеграфу известие от жены, что завтра она выезжает из Москвы и к ночи прибудет в Курск.

17-го сентября. Пятница. – В прошлую ночь приехала в Курск моя жена, в данном ей из Москвы особом вагоне, благодаря любезности управляющего Московско-Курской железной дорогой. Вагон ночью же был передвинут на городскую станцию, где она и проснулась утром. Сын выехал к ней и привез ее сюда, на дачу. В состоянии глаз ее нет заметной перемены; но последние свидания ее с Крюковым ободрили ее надеждою на дальнейшее улучшение ее зрения, если и не на полное исцеление.

Вечером переедем вместе на городскую станцию железной дороги**.

19-го сентября. Воскресенье. Симеис. – Вот мы снова в нашем тихом, спокойном*** гнезде. Съехавшись в Курске с женою, мы с нею могли бы**** спеть арию из *Trovatore*: «*Al nostri monti ritorneremo, Antica pace revideremo*»...¹⁶⁶ Пора было домой после всех странствований и испытанных***** невзгод. Путь от Курска до Симеиса совершили мы очень спокойно, очень удобно, до Севастополя в данном из Москвы отдельном железнодорожном вагоне,

---

* вдали от всяких городских, общественных и официальных сношений. Надеюсь, что буду избавлен от обеих угрожавших мне демонстраций, [...] мне антипатичных.

** и двинемся в предстоящий нам путь на юг.

*** углу Крымском

**** друг другу

***** недугов

а далее в четвероместной почтовой карете. Сегодня, около 4-х часов дня, мы были уже у себя. У подъезда встретили нас все домашние. В доме и имении нашли все в полном порядке. Купленные сыном лошади из Курска вчера прибыли сюда благополучно.

Переход от северной природы к южной доставляет истинное наслаждение. Уже в Севастополе почувствовали мы теплый, южный воздух, а перевалив за Байдарские ворота, – нашли почти лето; на голубом, гладком, как зеркало, море играют отблески яркого солнца; везде свежая еще, зеленая растительность.

На спуске от Байдарских ворот остановились мы, чтобы осмотреть церковь, сооруженную на скале богачом Кузнецовым. Постройка эта* очень эффектна в общей картине окрестной очаровательной местности; внутренняя же отделка прекрасна.

Едва** добрались мы до дому, как явилась к нам совершенно неожиданно*** Эмилия Львовна Прахова, которая**** бежала от ялтинской дороговизны и поселилась в нашем ближайшем соседстве – в мальцовском Симеисе*****.

21-го сентября. Вторник. – Вот два дня, что я дома, и все еще не успел разобрать накопившуюся в мое отсутствие массу писем, газет, журналов, книг и разных посылок. Много времени отнимают посещения гостей*****.

В свою очередь и я навестил соседа нашего Сергея Ивановича Мальцова. Старик очень опустился не только физически, но и умственно.

22-го сентября. Среда. – Утром первая дальняя прогулка пешком*****. К обеду приехал из Ялты Павел Львович Лобко,

---

* очень изящна, особенно внутри

** успели мы пообедать

*** и очень некстати

**** как оказывается

***** Болтовня ее длилась очень долго и помешала нам хоть сколько-нибудь оправиться от дороги.

***** в особенности ближайшей соседки Праховой и бесконечная ее болтовня. Сегодня она обедала у нас с обеими дочерьми и оставалась большую часть дня. Приезжала также графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон, поселившаяся в Кореисе с малолетним внуком, сыном графа Феликса Сумарокова-Эльстона, князя Юсупова.

***** в Алупку.

с которым рад был видеться^{*}. Под вечер посетил нас С.И. Мальцов^{**}.

[23-го сентября. Четверг. – Небольшая прогулка в Мальцовский Симеис. На галерейке летнего домика Сергея Ивановича на берегу моря (Айпандра) встретился я с его дочерью, бывшею графиней Паниной, а теперь замужем за доктором Петрункевичем. Она приехала к отцу на несколько дней. Возобновив знакомство с нею (мы встречались в былое время за границей, в Ницце), и с ее мужем, я провел около часа в беседе с ними.]

9-го октября. Суббота^{***}. – Два дня гостила у нас^{****} баронесса Анна Ивановна Пиллар, а вчера мы имели неожиданную радость обнять сына, который^{*****} пробыл у нас ровно сутки и сегодня уехал обратно в Курск. Завтрашний день он проведет в Симферополе, где празднуется десятилетие учреждения Крымского скакового общества. Сын мой был основателем этого общества и до последнего времени главным его руководителем^{*****}.

14-го октября. Четверг. – Поездка в Ялту. Навестил Лаврентьевых в тамошнем их жилье, в которое переселились они только на днях из своего Наташина. В состоянии здоровья Александра

---

* завтра же он покидает Крым и возвращается в Петербург к своим обычным трудам по должности начальника канцелярии Военного министерства.

** Так уходит время и не успеваю разобрать накопившиеся в отсутствие мое посылки, журналы, письма и проч.

*** В прошлую среду и четверг

**** добродушная

***** приехал под вечер и

***** *Первоначально:* «9-го октября. Суббота. – В продолжение двух недель я занимался почти исключительно проверкою прихода-расходных счетов по дому и по имению, вероятно, надолго еще буду занят этою скучною работою. За все это время почти никого из посторонних не видел: приезжал только доктор Гребнер с проектом устройства в Лименской долине (в имении покойного Смелова, назначенном к продаже с аукциона) санитарной станции для детей. Предполагая собрать необходимые на такое предприятие денежные средства, приглашением нескольких лиц к пожертвованиям <доктор Гребнер предполагает собрать от сочувствующих делу жертвователей> доктор Гребнер задумал привлечь и меня к участию в деле, хотя бы только именем. Я откровенно высказал ему мои сомнения в успехе предприятия. <Встретив с моей стороны возражения на его проект>. Несколько дней спустя он вторично приехал вместе с ялтинским врачом Дмитриевым, чтобы уговорить меня стать во главе предприятия. Но я положительно уклонился от их предложения. Весьма сомнительно, чтобы проект Гребнера осуществился на предположенных им основаниях»¹⁶⁷.

Ивановича есть некоторое улучшение сравнительно с тем состоянием, которое так поразило меня при первом моем свидании с ним в июне месяце. Однако ж и в настоящее время он говорит с трудом, а писать вовсе не может*.

16-го октября. Суббота. – В последние дни погода прекрасная; каждое утро делаю приятные прогулки пешком. В Алупке так же, как и в Ялте еще большое стечение приезжих.

Сегодня познакомился я с нашим известным исследователем русской старины Труворовым, который по совету врачей приехал на осеннее время в Крым и, катаясь по Южному берегу, заехал ко мне на несколько минут, чтобы лично вручить мне 4-й том своего увесистого труда по «Розыскному делу о Федоре Шакловитом и его сообщниках»¹⁶⁸. Над этим изданием (Археологической комиссии¹⁶⁹) Труворов проработал** более 10 лет.

31-го октября. Воскресенье. – Ездил в Ялту, чтобы встретить приехавшую на пароходе дочь Ольгу. Погода отвратительная: почти весь день дождь; сильный восточный ветер; на море крупные волны. Несмотря на то, пароход «Николай» (лучший и самый большой из всех компанейских пароходов на этой линии) не очень запоздал: в начале 8-го часа вечера он подошел к молу, а в 10 часов мы были уже дома, в Симеисе***.

В Ялте навестил я графа Ностица, Лаврентьевых, Кочубеев и вновь приехавших Самариных и Долгоруких (князя Михаила Ростиславовича****). Везде слышал разговоры о двух удачных хирургических операциях, сделанных на днях в Ливадии киевским профессором Ринек (тем самым, который несколько лет тому назад присудил было к операции мою дочь Надю). Одна из означенных двух операций состояла в ампутации ноги выше колена графине Толстой (сестре нашей давнишней знакомой графини Александры

---

* Поэтому веду до сих пор переписку с Мальвиной Егоровной.

Кроме Лаврентьевых, навестил я в Ялте Кочубеев, и на возвратном пути, в Ливадии Евреиновых. По-видимому, в Ливадии не ждут в нынешнюю осень царского приезда.

С сожалением узнал, что Чичерины не приедут в Крым на предстоящую зиму.

Вчера обедал у нас граф Ностиц; и как всегда говорил без умолку.

** семь лет.

*** К вечеру погода утихла и доехали мы без дождя.

**** (брата моего зятя)

Андреевны*); другая – извлечение полипа из носа Елены Осиповны Евреиновой (супруги управляющего Ливадией). Обе больные, как говорят, вынесли операции совершенно благополучно и уже теперь чувствуют облегчение**.

3-го ноября. Среда. – Чрез несколько дней, 8-го ноября, снова угрожают мне непрошенные и нежеланные почести по поводу шестидесятилетней годовщины моей службы в офицерских чинах. После преждевременной агитации, поднятой по этому же случаю еще в марте месяце (годовщина моего поступления на службу юнкером), я мог надеяться, что тем и кончится дело; однако ж нашлись доброжелатели, которые снова подняли вопрос о чествовании моего юбилея, несмотря на все протесты с моей стороны. Сегодня вечером получаю следующую телеграмму из Киева от генерала Драгомирова: «По ходатайству Пензенского имени Вашего полка на посылку от полка депутации поздравить Ваше Сиятельство с предстоящим 8-го ноября знаменательным 60-летним юбилеем, последовало Высочайшее соизволение, но с тем, чтобы предварительно было дано Ваше согласие. Поддерживая ходатайство пензенцев, прошу почтить меня телеграммой: угодно ли будет Вашему Сиятельству принять депутацию?»¹⁷⁰

Вот мой ответ, только что отправленный на телеграф: «Приношу сердечную признательность за предположение Пензенского полка оказать мне почать по поводу предстоящей 60-летней годовщины моей службы в офицерских чинах; но убедительно прошу Ваше Высокопревосходительство отклонить присылку депутации, так как в означенный день я буду в отсутствии из Крыма; да и не положено праздновать 60-летние юбилеи».

---

* страдавшей болью в ноге, развившеюся в гангрену, а второй, страдавшей головными болями и часто подвергавшейся обморокам, извлек из носа полип.

** За день или за два до операции, произведенной Елене Осиповне Евреиновой, в Ливадии произошел чрезвычайный переполох по поводу ее исчезновения: с нею случился, на самом берегу моря, сильный обморок, который продолжался очень долго. После продолжительных поисков ее нашли уже ночью, лежащую бесчувственно между береговыми камнями, наполовину в воде. Она пришла в чувства только после нескольких часов по доставлении ее в дом. Случай этот и побудил <заставил> больную и ее семью решиться на произведенную вслед за тем операцию. Но сколько выдумок, толков и сплетен возникло <успели распустить> по этому поводу.

Надеюсь, что ответ этот избавит меня от лишней почести, которую я отклонил и десять лет назад, по случаю моего 50-летнего юбилея; но сколько я ни открещивался от поздравлений и демонстраций, знаю вперед, что мне не удастся отделаться от массы телеграмм, а быть может и посетителей*.

[6-го ноября. Суббота. – Болезнь дочери Ольги не уступает домашнему врачеванию. Решились прибегнуть к помощи живущей у Сумароковых-Эльстон в Кореисе женщины-врача Варвары Михайловны Житковой, которая успокоила нас насчет состояния больной, и, отобедав с нами, возвратилась в [*фраза не окончена.* – *Прим. публ.*].

7-го ноября. Воскресенье. – Второе посещение В.М. Житковой. В болезни дочери заметно облегчение. Вечером посетили нас Долгорукие (князь Михаил Ростиславович и княгиня Лидия Алексеевна).]

8-го ноября. Понедельник. – Уже со вчерашнего вечера начался поток поздравительных телеграмм**. В числе их получены две от великих князей наследника Цесаревича и Михаила Николаевича, затем от многих учреждений, заведений, частей войск, между прочим от Петербургского университета, в котором я считаюсь в почетном звании «доктора истории». Есть немало любезных приветов от старых моих сослуживцев и подчиненных. Некоторые редактированы очень трогательно и тепло¹⁷¹. Стараюсь на все эти приветствия отвечать неотлагательно по телеграфу***.

Утром явился неожиданно приехавший прямо из Петербурга генерал-майор Петр Фомич Лузанов – профессор Военно-юридической академии и вместе с тем помощник начальника Главного военно-судного управления. Он вручил мне великолепный адрес от названной Академии¹⁷² и провел у нас большую часть дня до позднего вечера. Лузанов известен нам с детства; еще кадетом и юнкером военного училища приходил он в наш дом по

---

* Первоначально: «3-го ноября. Среда. – К крайнему прискорбию нашему, дочь Ольга на другой же день по приезде в Крым слегла в постель и до сих пор у ней поддерживается довольно высокая температура, вероятно схватила простуду в дороге.

Сегодня посетили нас графини Сумарокова-Эльстон (Елена Сергеевна и Зинаида Николаевна) с графом Феликсом».

** по случаю наступившей сегодня 60-летней годовщины моей службы в офицерских чинах.

*** но, к сожалению, на некоторые не могу отвечать, по неимению адресов.

праздникам. Семья его, живущая в Одессе, близко знакома всей семье моей жены. Это человек с головой и характером. От него слышался я много интересных рассказов о ходе дел в петербургских административных сферах вообще и, в частности, в Военном министерстве. Во всех его рассказах очень мало утешительного и очень много возмутительного.

9-го ноября. Вторник. – Продолжаю получать поздравительные телеграммы и отвечать на них*. Лузанов** уехал в Ялту с тем, чтобы завтра на пароходе отправиться в Одессу***.

12-го ноября. Пятница. – Вчера получил по почте великолепный поздравительный адрес от Николаевской академии Генерального штаба¹⁷³, до того лестный для меня, что я затруднился даже в своем ответе на имя генерала Леера выразить достойным образом всю свою признательность****. В числе почетных членов Академии подписали адрес великий князь Михаил Николаевич и генерал Ванновский¹⁷⁴.

Почти во всех газетах появились статьи по поводу моего 60-летия службы. Подобные юбилейные статьи всегда производят на меня то же впечатление, как некрологи.

А настоящих некрологов было довольно в последнее время. Наиболее занимались газеты смертью композитора Чайковского. Были еще некрологи, очень разноречивые, о бывшем князе Александре Болгарском, умершем в Граце, от болезни кишок.

14-го ноября. Воскресенье. – Жена моя, не видя ни малейшего улучшения в своем зрении от тех врачебных средств, которые предписаны ей московским окулистом Крюковым, решила предпринять поездку в Одессу, чтобы прибегнуть к помощи тамошних окулистов, рекомендованных ей тем же доктором Крюковым. Хотя были также указания на более известного окулиста Гиршмана, в Харькове, но жена предпочла одесских, потому что ей удобнее и симпатичнее пребывание

---

* До сих пор получено около 60 телеграмм, ответных же отправлено немного менее 50-ти. Есть телеграммы от таких лиц, о которых я даже позабыл и которые могли, конечно, меня позабыть.

** намеревался сегодня проехать из Алупки (где он ночевал)

*** Под вечер навестила нас баронесса Анна Ивановна Пиллар. Погода дождливая.

**** Насилю справился и написал довольно бледное послание на имя генерала Леера, начальника Академии.

в Одессе, где она имеет кружок старых знакомых, где встретит ее племянница Анна Евгениевна Понсэ и, может быть, брат и сестра. Сегодня я проводил жену в Ялту. В 9 часов утра она отплыла на пароходе «Великий князь Алексей». К счастью, дувший два дня сряду сильный ветер утих и, по-видимому, морской переезд будет благоприятный.

Вместе с моей женой на пароходе отправилось до Севастополя целое общество знакомых наших: Мария Алексеевна Кочубей с сыном, граф Капнист (Харьковский), граф Ностиц, Квитка с женой и другие. Ялта начала уже заметно пустеть.

Простившись с женой, вероятно, недели на две, я остался в Ялте до 2-х часов дня: посетил Самариных, Долгоруких, Лаврентьевых, а затем заехал в Ливадии к Евреиновым и графине Толстой. Евреиновы еще вчера вечером навестили нас; от них самих узнали мы все подробности случившегося две недели назад* продолжительного обморока Елены Осиповны и произведенной ей вслед за тем операции**. Она выдержала эту тяжелую и продолжительную операцию геройски, без пособия хлороформа. Наслышался я и рассказов о другой тяжелой операции – графине Софии Андреевне Толстой***. Сестра пациентки, графиня Александра Андреевна, до сих пор еще чрезвычайно озабочена и взволнована****.

[20-го ноября. Суббота. – Ездил в Кореис к Сумароковым-Эльстон. Погода стоит чудесная. Получил письмо из Одессы от племянницы Ани и из Ивановского от дочери Нади. Полученные известия о первых днях пребывания жены в Одессе не заключают в себе пока ничего положительного насчет состояния ее глаз; тамошние окулисты еще не высказали своего мнения.

23-го ноября. Вторник. – Посетила нас графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон с В.М. Житковой. Погода серая.]

---

* переполоха по случаю исчезновения

** извлечения из носовой полости полипа.

*** у которой киевский хирург Ринек ампутировал ногу чуть не в самом пахе.

**** Последние дни погода стоит очень теплая, вечером 12-го (24-го) числа температура поднялась до 17° Р. (по другим наблюдениям даже до 18°) и даже в полночь стояла на 15° Р. (= почти 19° Ц.). В горах, за Ялтой была гроза. И сегодня утро было чрезвычайно теплое. В Ялте дамы ходили и разъезжали в легких платьях.

Здоровье дочери Ольги поправляется. Вот уже второй день, что она сидит в кресле и ходит по комнате, но вниз еще не сходит и соблюдает диету.

27-го ноября. Суббота. – Получил от генерала Леера прекрасное письмо¹⁷⁵ в ответ на мое благодарственное послание Николаевской академии Генерального штаба за поднесенный мне адрес.

1-го декабря. Среда. – Вчера ездил с дочерью Ольгой в Ко-реис, к Сумароковым, а сегодня в Ялту, где мы провели целый день*.

Получена из Одессы телеграмма от жены, которая извещает о намерении своем выехать оттуда с завтрашним пароходом. В Севастополе полагает остановиться для свидания с тамошним окулистом Шмидтом. Завтра отправлю отсюда в Севастополь дорожную карету.

4-го декабря. Суббота. – Сегодня в ночь неожиданно приехала жена, ранее, чем я ожидал ее возвращения. Поездка в Одесу и совещания с тремя окулистами (Вагнер и Миткевич в Одессе, Шмидт в Севастополе) принесли мало пользы: зрение ее остается в том же плачевном состоянии, в каком было и прежде.

6-го декабря. Понедельник. – Сегодня вечером имел я радость обнять дочь Надю и ее мужа**. Надеюсь, что они проведут у нас всю зиму.

8-го декабря. Среда. – Большую часть дня провели у нас князь Михаил Ростиславович и княгиня Лидия Алексеевна Долгорукие.

19-го декабря. Воскресенье. – С самого приезда в Симеис зять мой князь Владимир Долгорукий слег в постель; хроническая его болезнь*** – одышка усложнилась чрезвычайным ослаблением всех органов. Лечит его алупский врач Иванов; брат больного князь Михаил Ростиславович приезжает почти ежедневно****. По настоянию его приглашены были вчера на совещание еще два ялтинские врача: Дмитриев и Кольцов. После долгих исследований больного и совещаний все трое постановили, что суть болезни заключается в неправильности функций брюшных органов и в чрезмерном расширении печени.

---

* и возвратились домой только в 11-м часу вечера.

** Они доехали благополучно, с остановками в Курске и Харькове.

*** – астма

**** Посвоей привязанности к больному брату князь Михаил крайне встревожил посещением его и <предполагая, что у него болезнь сердца>

Соответственно тому, предписано молочное лечение и строгий режим*.

21-го декабря. Вторник. – Большую часть дня провели у нас обе четы Долгоруких: брат и сын моего зятя с их женами. Молодая чета только что приехала в Крым из своей рязанской деревни.

22-го декабря. Среда. – Уже несколько дней ранее были слухи, что престарелый сосед наш С.И. Мальцов, уехавший отсюда в Петербург, захворал там инфлюэнцей. Сегодня же получено по телеграфу известие о его смерти. Подробностей еще не знаем. Население Симеиса как русское, так и татарское встревожено, недоумевая, в чьи руки попадет мальцовское имение.

25-го декабря. Суббота. – Вчера выпал снег в таком обилии, что и сегодня вся местность кругом дома покрыта белым саваном. С четверга поселилась у нас молодая чета Долгоруких – сын моего зятя с женой (рожденной Баратынской). Здоровье нашего больного заметно поправляется. По-видимому, молочный режим приносит ему пользу. Сегодня в первый раз ему позволена иная легкая пища.

31-го декабря. Пятница. – Вот и последний день 1893-го года. Тяжелый был этот год для нашей семьи и невесело заканчиваем его: положение жены, почти лишенной зрения, не только не улучшается, как обнадеживали окулисты, но едва ли даже не ухудшается; дочь Ольга опять в постели, в лихорадке; зять князь Владимир Долгорукий все еще не совсем оправился от тяжелой болезни**.

---

* как ни тяжело это решение для больного, однако ж в сущности оно успокоительно, устраняя прежние наши опасения. Последствия покажут в какой степени соображения наших эскулапов оправдаются.

** хотя в последние дни здоровье его значительно поправилось. Гостившие у нас некоторое время молодые Долгорукие переселились в Ялту, к дяде их, и навещают больного только изредка.

Что-то сулит нам наступающий новый год?

1894-й год

9-го января. Воскресение. – Год начался не совсем удачно для меня: в первые же дни простудился* и более недели не выхожу из дому. Да и нет охоты выходить: погода холодная, кругом дома лежит снег**.

[12-го января. Среда. – Здоровье мое настолько поправилось, что я выходил на несколько минут на воздух, пользуясь приятной погодой. Гости наши Долгорукие уехали на несколько дней в Ялту.]

26-го января. Среда. – Еще одним меньше в живых из числа близких моих сослуживцев и подчиненных. 20-го числа скоропостижно кончил жизнь Дмитрий Сергеевич Мордвинов, генерал от артиллерии, член Военного совета¹⁷⁶. В продолжении более 14 лет (1867–1881) он был ближайшим и надежным мне помощником, как начальник канцелярии Военного министерства***.

Вчера приезжала к нам Мария Алексеевна Кочубей****. Она уговорила жену мою вызвать из Харькова окулиста Гиршмана, чтобы получить от него окончательное решение на счет ее глаз. Гиршман

---

* и до сих пор хвораю

** погода холодная, хотя и выглядывает по временам солнце. Сидя безвыходно дома, пользуюсь досугом, чтобы свести счета денежные за весь прошлый год.

*** С ним приятно было работать, на его взгляд деловой можно было положиться.

С оставлением мною поста Военного министра, и Мордвинов оставил место начальника канцелярии; он был назначен членом Военного совета. До конца жизни сохранил он ко мне чувства чистосердечной преданности. О кончине его узнал я только сегодня из газет; подробностей еще не знаю.

С прошлого понедельника дочь Надя переехала на несколько дней в Ялту, в дом князя Михаила Рост[иславови]ча Долгорукого, где муж ее гостит уже с неделю. Вчера она с мужем побывала у нас, отобедала и уехала обратно в Ялту, с намерением остаться там до отъезда молодых Долгоруких.

**** По совету которой (и через ее посредство) решено нами вызвать сюда из Харькова окулиста Гиршмана.

пользуется большой известностью как искусный хирург, приговор которого будет иметь решительный вес.

[27-го января. Четверг. – Надя с мужем возвратилась из Ялты.]

2-го февраля. Среда. – Вчера приехал Гиршман* и обстоятельно, в два приема** обследовал состояние глаз жены; вечером же уехал в Ялту, где многие с нетерпением ожидали его, чтобы воспользоваться приездом такого известного окулиста. Сегодня он возвратился к нам в Симеис*** и снова исследовав тщательно глаза жены, дал самые подробные инструкции как устные, так и письменные****, а вечером уехал обратно в Харьков.

Посещение Гиршмана не привело, да и не могло привести, ни к какому положительному результату*****, тем не менее это имело успокоительное влияние на больную и вывело нас всех из тягостного положения прежней неопределенности и недоумения. Гиршман объявил, что никакой операции в настоящее время делать не следует, что надобно дать созреть катаракту, и что на это потребуется не такое продолжительное время, как заявляли одесские окулисты. Таким образом, Гиршман подтвердил мнение Московского окулиста Крюкова*****.

4-го февраля. Пятница. – Со вчерашнего вечера поднялась такая сильная буря*****, что можно было опасаться больших опустошений, но оказалась обрушившеюся на наш дом только одна дымовая труба, падение которой проломило крышу*****. К утру буря утихла, барометр быстро поднялся и выглянуло солнце*****.

---

* около 2-х часов пополудни

** до обеда и после обеда

*** около полудня

**** а после обеда, около 3-х часов уехал обратно в Севастополь, в надежде поспеть еще сегодня на почтовый поезд железной дороги.

***** ничего нового он не заявил

***** Также как последний, он предписал <разные> лишь средства паллиативные <для предохранения глаз> на случай от воспаления или других осложнений. Вообще личность Гиршмана произвела на нас благоприятное впечатление.

***** Что нельзя было спокойно спать от страшного шума кругом дома и в самом доме, опасались, что пострадают многие деревья.

***** Пришлось позвать рабочих, чтобы восстановить трубу и заделать пробоину крыши, хорошо еще, что к утру буря совсем утихла.

***** Так что я мог с удовольствием совершить свою обычную утреннюю прогулку. Однако ж в течение дня температура очень понизилась.

Вызов доктора Гиршмана подал повод газетам распустить ложное известие о моей тяжелой болезни. Последствием этого газетного вранья было то, что вчера и сегодня посыпался поток телеграмм с запросами*.

[5-го февраля. Суббота. – Восстав ото сна сегодня утром, не без удивления увидел кругом дома снежную пелену. Впрочем, на солнце снег тает.]

11-го февраля. Пятница. – Один из сыновей покойного нашего соседа [Сергея Ивановича] Мальцова**, Сергей Сергеевич (капитан артиллерии), приехал на короткое время в Симеис, чтобы сделать необходимые предварительные распоряжения по временному управлению имением, впредь до решения вопроса о разделе наследства. Сегодня он посетил нас, как старый знакомый и товарищ моего сына по гвардейской конной артиллерии***.

[14-го февраля. Понедельник. – Вот шестой день, что не выхожу из дому: каждый день выпадает снег и белый слой, покрывающий землю, вырос уже до небывалой здесь толщины. Днем тает и можно предвидеть на продолжительное время страшную слякоть. Сегодня пришлось закладывать экипаж, чтобы отдать визит соседу – молодому Мальцеву.]

17-го февраля. Четверг. – Отъезд дочери Ольги в ее подмосковную усадьбу****. Я проводил ее до почтового шоссе и возвратился домой пешком. Погода прекрасная, теплая и солнечная*****.

[7-го марта. Понедельник. – Давно не заглядывал в свой дневник. Жизнь наша проходит так однообразно, что не стоит ничего заносить в него. Снова принялся я за приведение в порядок своей библиотеки: доканчиваю то, что не успел исполнить к маю прошлого года, т. е. ко времени семейного съезда по случаю бывшей нашей золотой свадьбы. Работы остается еще немало и

---

* Обо мне, и конечно, пришлось на них отвечать.

** В тексте А.М. Перцовой допущена ошибка: «нашего соседа Ив[ана] Серг[еевича] Мальцова». (Прим. публ.)

*** На прошлой неделе было несколько дней хорошей погоды, так что мне удалось по утрам делать опять приятные прогулки. Теперь же опять холодно и выпал обильно снег. Все бело кругом дома. Дочь Оля снова захворала.

**** до Севастополя – на лошадях, в собственной нашей карете и в сопровождении слуги Ефрема. Я доехал с нею, через Алупку и по шоссе до Мальцевского спуска; здесь окончательно распростился с нею и спустился пешком до дому.

***** Оля теперь чувствует себя хорошо, кажется, можно ожидать обещанной ей телеграммы о благополучном приезде в Москву.

придется возиться со своими растрепанными книгами довольно долго.

Сегодня явился неожиданный посетитель – бывший адъютант мой Миллер, превратившийся в чиновника Министерства государственных имуществ (по нынешнему «Земледелия и госуд[арственных] имуществ»), командированного в Крым по делу истребления филлоксеры.]

26-го марта. Суббота^{*}. – Печальная весть из Ялты: вчера вечером скоропостижно скончался наш добрейший, симпатичный друг Александр Иванович Лаврентьев. По всем вероятностям, у него повторился нервный удар. В каком горе должны быть вдова его и сестра. Хотелось бы сейчас съездить в Ялту навестить их, выразить им искреннее сочувствие их горю. Но на беду, с четверга я простужен, в сильном гриппе, и поездка в теперешнюю погоду была бы крайним неблагоприятием. Вместо меня поехала в Ялту дочь Надя.

В А.И. Лаврентьеве я теряю человека^{**}, на преданность и сочувствие которого я мог вполне полагаться и которого искренно уважал. Кончил он жизнь на 64-м году, когда казалось, что здоровье его поправлялось после выдержанных им в последние два года тяжелых болезней и первого постигшего его удара... Не далее, как в последнюю среду, т. е. за два дня до кончины, он бодро и весело гулял по ялтинской набережной. Его встретила Надя, говорила с ним и ни малейшего зловещего признака не заметила^{***}.

27-го марта. Воскресенье^{****}. – Дочь Надя возвратилась из Ялты только сегодня вечером. Она осталась там на нынешней день, чтобы присутствовать при отпевании покойного Александра Ивановича. Завтра же тело везут в Симферополь, где и похоронят в семейном склепе^{*****}. Оказывается, что Александр Иванович кончил жизнь совершенно внезапно: еще утром того же дня он гулял, потом участвовал в общем чтении, был вполне бодр и даже весел, а вечером, оставшись в комнате один, присел на диван, на котором и нашли его как бы заснувшим. Самая счастливая смерть... При-

---

* Утром – печальная и совершенно неожиданная весть.

** любимого мною искренно

*** Она же и привезет нам уже вечером сведения о <последних минутах> подробностях его внезапной кончины.

**** Вечер

***** Мальвины Егоровны, т. е. фамилии Гельфрейхов. Из привезенных Надей сведений оказывается

званный немедленно врач Кольцов (хозяин дома, где живут Лаврентьевы) констатировал смерть от разрыва сердца. Бедная вдова перенесла постигшее ее несчастье с величайшим спокойствием и твердостью*. Она была подготовлена к неизбежному и** близкому концу и не обольщалась видимым улучшением здоровья больного***. Более подавленною горем кажется сестра покойного Софья Ивановна Лаврентьева. Они обе сопровождаю тело до Симферополя****.

[28-го марта. Понедельник. – Несмотря на ненастную погоду, сегодня навестила нас Мария Алексеевна Кочубей. Мое здоровье поправляется; но продолжаю сидеть в карантине. Да и нет охоты высунуть нос из дому при настоящем ненастье.]

8-го апреля. Пятница. – Наконец наступила теплая погода: вместе с тем и здоровье мое пришло в нормальное состояние****, а потому я решился съездить в Ялту, где не появлялся***** более четырех месяцев*****.

[11-го апреля. Понедельник. – Поездка жены в Ялту, для совещания с Островским о состоянии ее глаз. Специальность Островского – собственно зубы; но занимался он и глазными болезнями. Никакой пользы от этой поездки нельзя было и ожидать.

15-го апреля. Пятница. – Князь Владимир Долгорукий, после нескольких дней, проведенных в Ялте у брата, возвратился сегодня в Симеис. Погода наступила теплая и ясная.]

19-го апреля. Вторник. – Праздник Пасхи ничем не нарушил обыденного течения нашей жизни*****. В понедельник посетили нас Долгорукие*****, а сегодня Евреиновы и Самарины с племянницей их княжной Трубецкой*****.

---

* Очевидно <по-видимому>, она была подготовлена.

** и скорому

*** после постигшего его год назад первого удара.

**** О дальнейших их планах, конечно, пока еще нет речи.

***** и захромавшая лошадь перестала хромать, поэтому я собрался, наконец, в Ялту.

***** кажется, с 1-го декабря

***** Туда поехал вместе с зятем князем Владимиром Долгоруким, а возвратился вечером один. Утром [уладил] в Ялте все свои мелкие делишки, посетил тамошних наших знакомых, а на возвратном пути заехал в Ливадии к Евреиновым. День прекрасный. В Ялте довольно много приезжих.

***** кроме разве обязательного христосования с прислугой и рабочими.

***** брат моего зятя с женой,

***** Сегодня день рождения жены и годовщина нашей помолвки.

25-го апреля. Четверг. – Грустная разлука с дочерью Надей и ее мужем. Они выехали утром, в почтовом экипаже, на Севастополь*. С отъездом их мы с женой опять остались вдвоем**.

[27-го апреля. Воскресенье. – Приезд племянницы Ани Понсэ. Большая радость для жены. Она предполагает пробыть у нас до конца мая.]

30-го апреля. Суббота. – На днях обрадовала нас своим приездом племянница Аня Понсэ, а сегодня приехали Мальвина Егоровна и София Ивановна Лаврентьевы. По возвращении из Симферополя после погребения покойного Александра Ивановича они намерены провести у нас несколько дней, пока ремонтируется их дом в Наташино***.

4-го мая. Среда. – Сегодня, в 40-й день кончины Александра Ивановича Лаврентьева, его вдова и сестра ездили утром в Алупку на панихиду, при которой и я присутствовал.

[8-го мая. Воскресенье. – В послеобеденное время посетили нас Долгорукие (брат моего зятя с женой). Наконец, дождались мы ясных и теплых дней; можно по крайней мере сидеть с открытой дверью на балкон.]

9-го мая. Понедельник. – Гости наши Лаврентьевы уехали в свое имение****. Обе они переносят свое горе с разумным спокойствием***** и стараются заглушить скорбь хлопотами об устройстве своего летнего помещения.

На днях узнали из газет о смерти великой княгини Екатерины Михайловны. Было время, когда я пользовался ее благосклонным расположением; но после смерти ее мужа, герцога Георга Мекленбург-Стрелецкого, она вдруг переменялась и начала относиться ко мне враждебно. Причиной тому, по собственному ее заявлению, было последовавшее вслед за кончиной герцога упразднение должности «Инспектора стрелковых батальонов», должности, которая давно уже признавалось ненужною. О замене этого звания учреждением должности «Инспектора стрелковой

---

* и далее по железной дороге в свое имение Ивановское. Грустная разлука.

** Разлука эта особенно тяжела для больной, почти слепой жены. Утешение нам служит полученное сегодня же по телеграфу известие о скором приезде племянницы Аня Понсэ.

*** где они проведут предстоящее лето. Погода опять пасмурная и дождливая.

**** Наташино. Они провели у нас ровно десять дней, и, кажется, были довольны своим спокойным пребыванием в нашем затишьи.

***** безропотно

части в войсках» давно уже была речь, была даже об этом переписка с самим герцогом, который однако же не одобрил этой предложенной меры, почему она и не приведена в исполнение при жизни герцога. Казалось, вдове его следовало бы видеть в такой уступке со стороны Военного министерства – знак особенного внимания к ее покойному супругу; но великая княгиня взглянула с другой точки зрения. Быть может даже, кем-нибудь из окружавших ее внушена была мысль, что сделанное после смерти герцога распоряжение обидно для памяти покойника, как признание бесполезности его служебной деятельности. Все объяснения мои о том, что с развитием стрелкового дела во всей пехоте, стрелковые батальоны уже потеряли свое прежнее значение специального рода оружия*; что** по принятой общей организации армии, батальоны эти должны быть поставлены в прямое подчинение военно-окружному начальству, наравне с другими войсками, – все эти доводы остались без действия на оскорбленную вдову. С тех пор, в редких случаях встречи со мною, она относилась ко мне с видимою холодностью***.

13-го мая. Пятница. – Ездил в Ялту по случаю наступления годовичного срока возобновления моей доверенности**** банку*****; навестил Лаврентьевых в Наташине и простился с Долгорукими, уезжающими на днях в тульскую деревню*****.

Из газет узнал с истинным прискорбием о скоропостижной смерти графини Елизаветы Николаевны Гейден. Утром 6-го мая, встав совершенно здоровою и бодрою, она моментально скончалась от паралича сердца. Женщина эта, энергичная, деятельная, была достойна полного уважения; много работала с благотвори-

---

* что для самого герцога было бы даже почетнее заведовать «стрелковой частью» во всей армии, чем быть инспектором исключительно стрелковых батальонов.

** последние

*** По правде говоря <сказать>, покойная великая княгиня, хотя и была женщина добрая, кроткая, благотворительная, – не отличалась, однако же умом своей высоко-интеллигентной родительницы¹⁷⁷.

**** Петербургскому международному

***** на получение из казначейства следующих мне окладов жалования и других сумм.

***** также Кочубеев, съездил даже в Наташино, чтобы осведомиться <навестить> о Лаврентьевых, на новоселье их. Но встретил, не доезжая до них, их самих на пути в Массандру. Обменявшись с ними несколькими словами, я возвратился в Ялту, закончил свое дело у нотариуса и затем на обратном пути домой, заезжал в Ливадии к Евреиновым.

тельными целями и составляла опору всей многочисленной семьи. С давних времен она была дружна с моею семьей*. Грустно отмечать, как последовательно, одни за другими, сходят в могилу все личности, с которыми приходилось сблизиться в течение жизни. Кажется, как будто остаешься одиноким над могилами беспредельного кладбища.

[15-го мая. Воскресенье. – В пятницу встретился в Ялте с временно проживающим там генералом-майором бароном Унгерном, бывшим флигель-адъютантом и находившимся в последнюю Турецкую войну в свите покойного Государя, постоянно во все время пребывания его при действующей армии. В разговоре с Унгерном, на террасе гостиницы, узнал я от него, что он занимается соп атоге** историческими работами, уже несколько лет, роется в архивах и вскоре намерен выпустить в свет 1-й том своего труда об императоре Александре I. Это было совершенно неожиданным для меня открытием. Я знал от своей старшей дочери и зятя Шаховского, что они близко знакомы с Унгерном и очень хорошо об нем отзываются, как об исключении в среде балтийских баронов, чуждом совершенно всякой остзейской фанаберии. Сегодня Унгерн неожиданно посетил нас, обедал и потом прошел со мною по саду. Опять разговор вращался преимущественно на предметах исторических, на исторических работах, исторических книгах и т. п.]

21-го мая. Суббота. – Сегодня утром жена уехала на пароходе, с племянницей Аней, в Севастополь, чтобы показать свои глаза тамошнему окулисту Шмидту. Необходимо, чтобы специалист следил за развитием катаракта, для определения того момента, когда наступит пора для операции. Произведенная на днях с полным успехом такая же операция 84-летнему Гладстону подкрепляет и наши надежды на успех.

Погода вполне благоприятная для перехода морем.

22-го мая. Воскресенье. – Жена возвратилась из Севастополя***. Диагноз окулиста Шмидта констатировал ухудшение в состоянии ее глаз, особенно правого. Он настаивает на прежнем своем мнении о необходимости**** предварительной операции

---

* особенно же со старшею моею дочерью Елизаветой.

** с любовью (*ит.*).

*** сегодня же вечером и также на пароходе

**** неотлагательной

(иридотомии), что заметно повлияло на нравственное настроение больной. Об этом сообщено Гиршману, от которого будем ожидать решающего заключения*.

24-го мая. Вторник. – Телеграмма от Гиршмана: подтверждает необходимость операции правого глаза жены условно – если в нем заметно отвердение зрачка; присовокупляет, что для исполнения операции можно вполне положиться как на севастопольского Шмидта, так и на московского Крюкова. – Телеграмма эта заметно смутила жену; она в раздумье, колеблется, тем более, что намеревалась именно с завтрашнего дня приступить к испытанию лечения по системе графа Матеи, от которого получила нужные указания и выписала уже (из Одессы) его таинственные медикаменты. Опыт этот, конечно, невинный; но опасно упущение времени, если действительно наступит момент для необходимой операции.

Получил я о некоего г-на Звенигородского (которого лично не знаю) очень ценный подарок: роскошное издание составленного нашим археологом Кондаковым ученого описания принадлежащего Звенигородскому замечательного собрания древних византийских и других средневековых эмалей. Крупный фолиант, со множеством рисунков и орнаментов, в великолепно переплете, издан за границей, в числе 100 экземпляров. На каждом экземпляре выставлен № и имя того лица, которому экземпляр предназначен. Такое издание заняло бы одно из первых мест на любой всемирной выставке. В моей скромной библиотеке это будет самым выдающимся украшением¹⁷⁸.

Сегодня окончена установка на площадке перед домом нашим каменного столба для солнечных часов. Теперь надо ждать хорошего солнечного дня, что бы провести на верхнем круге столба полуденную линию. Все остальное уже заранее мною подготовлено, деления на круге мною вычислены.

После обеда посетил меня полковник Мосолов, бывший товарищ моего сына по гвардейской конной артиллерии, а теперь занимающий место помощника начальника Главного управления почт и телеграфов (генерала Безака – также конно-артиллериста).

Он инспектирует почтово-телеграфные учреждения на юге России, теперь объезжает крымские станции. На вопросы его о состоянии здешней почтовой части – я откровенно высказал ему,

---

* если только он еще не уехал из Харькова за границу.

что, несмотря на все нововведения и энергичные меры, принятые уже и – принимаемые главным почтовым начальством, все-таки в устройстве и ходе почты остается прежний общий недостаток – страшный формализм, мелочная регламентация, рутинность местных исполнителей, а вследствие всего этого – неизбежная медленность почтовых сношений, доходящая иногда до анекдотических размеров. Недостаток этот, конечно, всего ощутительнее для местных обывателей окраин империи. Несовершенство устройства нашей почты резко бросается в глаза при сравнении ее с заграничным устройством этой части.

[30-го мая. Понедельник. – Ездил в Ялту и оттуда в Наташино, навестить Лаврентьевых. В Ялте посетил В.А. Кочубея, которого застал одного в его саду и по обыкновению больного. Познакомился с приезжим из Харькова приват-доцентом тамошнего университета окулистом Незнамовым, на случай если понадобится его помощь жене.]

3-го июня. Пятница. – Три дня кряду занят был проведением меридиана на колонне, поставленной перед домом для солнечных часов. Произведенная сегодня поверка, сравнительно с солнечными часами в Алупке, убедила меня* в удовлетворительной верности моей работы, насколько возможна строгая точность при употребленном мною примитивном способе посредством длины тени**.

5-го июня. Воскресенье. (Троицын день). – Получен ранее, чем мы ожидали, ответ от московского окулиста Крюкова. Не считая возможным заочно подтвердить мнение доктора Шмидта и признать операцию правого глаза жены неотлагательно необходимой, Крюков советует ей приехать в Москву и предлагает свои услуги в случае, если признает операцию действительно необходимой. Письмо это положило конец нашим недоумениям и колебаниям. Жена решила на текущей же неделе ехать в Москву,

---

* в точности достигнутого результата.

** в утренние и послеполуденные часы. Чертеж циферблата, составленный мною по вычислению, – передан <ялтинскому> итальянцу-скульптору в Ялте, который взялся изготовить верхний круг (с делениями) из белого мрамора. Таким образом, надеюсь в скором времени иметь свои солнечные часы и тем избежать необходимости прогулок в Алупку <ходить в Алупку> собственно для проверки домашних часов по солнечным часам в Алупке.

в сопровождении племянницы Ани (Понсэ). Мне же придется выехать несколько дней спустя*.

Поездка в Москву не предвещает еще планов наших на все предстоящее лето: что ожидает нас в Москве? Что выскажет окончательно Крюков? Если операция («иридотомии») состоится теперь же, то каков будет ее исход? Долго ли жене придется оставаться в Москве? Что предпримем потом? И т. д. и т. д. Будет что будет!

7-го июня. Вторник. – Провел день в Ялте**. Простился с Мариєю Алексеевной Кочубей, которая уезжает в полтавские свои имения в будущее воскресенье, 12-го числа. В тот же день предположила выехать и моя жена, пользуясь отходящим в воскресенье лучшим из пароходов Главного общества «Великий князь Алексей»¹⁸⁰.

11-го июня. Суббота. – Ялтинский итальянец-скульптор привез изготовленный им для моих солнечных часов мраморный круг и установил его на каменной колонке перед домом. С нынешнего дня у меня всегда под рукой проверка часов***.

12-го июня. Воскресенье. – Рано утром жена выехала, с племянницей и горничной, в Ялту и в 9 часов пароход отошел от мола. Утро было прекрасное****.

---

* чтобы дожидаться здесь получения ожидаемой суммы из Петерб[ургского] международного банка. К тому же желательно до отъезда покончить затеянное устройство солнечных часов.

** Итальянец обещает изготовить мраморный круг для солнечных часов только к субботе и приехать в Симеис в воскресенье для укрепления круга на каменную колонку. Пообедав в гостинице «Россия», встретился на террасе этой гостиницы с генерал-майором Газенкампом, познакомился с его женой. Там же нашел опять барона Унгерна, который, по-видимому, очень доволен пребыванием в Ялте. Также встретился там с графиней Клейнмихель, которая с горечью поведала мне свои сетования на злоязычников, порицающих устроенную ею в Ялте общину Красного креста¹⁷⁹. На возвратном пути из Ялты домой, заехал к Евреиновым и просидел у них довольно долго.

Не застав дома Кочубеев, я <случайно встретился потом> простился с Мариєю Алексеевной Кочубей, которая уезжает в полтавские свои имения в будущее воскресенье, 12-го числа.

Известие это в связи с собранными справками о пароходах, отходящих на этих днях в Севастополь, побудили мою жену, отложить свой выезд так же до воскресения, 12 числа.

*** жена и племянница заняты укладкой и приготовлениями к завтрашнему отъезду. Надеюсь, что и мне удастся выехать через несколько дней.

**** и я с удовольствием прошелся в Алупку. Но с 8 часов уже поднялся ветер, небо заволокло густыми облаками и когда пароход, ровно в 10 ча-

17-го июня. Пятница*. – Все дела, задержавшие мой отъезд в прошлое воскресенье, вместе с большой женой, наконец улажены. Выезжаю в будущее воскресенье.

21-го июня. Вторник. Москва. – Вот я и в белокаменной**. Прямо с вокзала Московско-Курской железной дороги проехал на Кисловку, в дом Базилевских, где намеревалась водвориться жена моя. От прислуги узнал, что она уже за несколько дней переселилась в лечебницу Крюкова и что в занятой ею квартире живут только дочь Ольга и племянница Аня (Понсэ)***. Немедленно же отправился я на Малую Никитскую, в лечебницу. У самого подъезда**** встретил старшую дочь Елизавету Шаховскую, которая приехала из Ревеля сегодня же утром. Сознаю, что я входил в лечебницу не без волнения, в нетерпеливом ожидании узнать, что решено относительно операции. Несказанно был я удивлен и обрадован, когда сама жена встретила меня бодро и весело и объявила, что предварительная операция на правом глазе уже сделана вполне успешно и что вскоре ожидает разрешения Крюкова покинуть лечебницу, даже выехать из Москвы*****. Относительно же самого снятия катаракта с обоих глаз пока ничего определить еще нельзя. Сделан пока только первый шаг*****; а что за тем нам предстоит – остается вопросом. Во всяком случае пробудем в Москве еще несколько дней, в ожидании приезда сына*****, а быть может и дочери Долгорукой*****.

22-го июня. Среда. – Большую часть дня провел я в переходах с Кисловки на Малую Никитскую и обратно, вместе с дочерью-

---

сов, проходил мимо Симеиса, море уже пестрилось белыми барашками.

* Наконец, получены так долго ожидаемые деньги из Петербургского международного банка. Препроводительное письмо помечено 8-м июня. Вот быстрота наших почтовых сообщений. Теперь могу выехать совершенно в спокойном настроении: завтра расплачусь с кем следует, а в воскресенье, утром, отплыву на пароходе.

** Переезд не представлял никаких особенностей.

*** Само собою разумеется

**** к немалому удивлению

***** <так как> если не окажется нужным в скором времени произвести ту же операцию ириדותомии в левом глазе.

***** и сделан успешно, к общей радости

***** в воскресенье (26-го июня)

***** на этом случайном съезде семейном решим наши дальнейшие планы.

Довольно поздно возвратился пешком с Олей и Аней на Кисловку. После дороги и несколько взволнованный провел худо ночь.

ми и племянницей. Навестил я почтенную старушку Александру Павловну Шаховскую; из посторонних же лиц виделся только с Ник[олаем] Павл[овичем] Горбуновым и с графиней Еленой Сергеевной Сумароковой-Эльстон, которая приехала из Архангельского (подмосковного имения Юсуповых)¹⁸¹ собственно для свидания с моей женой.

23-го июня. Четверг. – Сегодня ровно неделя со дня сделанной моей жене операции. Доктор Крюков, приехав с дачи в город утром, освидетельствовал глаза больной, нашел их в таком состоянии, что дальнейшее пребывание в лечебнице признал ненужным. Вследствие этого больная переместилась в дом Базилевских и наши частые прогулки с Кисловки на Никитскую прекратились. Я зашел к доктору Крюкову, чтобы поблагодарить его за оказанное им жене моей чрезвычайно любезное внимание, чтобы расплатиться за все заботы и услуги, а вместе с тем разъяснить еще некоторые недоумения относительно дальнейших наших планов*.

Сегодня утром племянница Аня Понсэ уехала домой в Бессарабию**. Посетила нас Ольга Ростиславовна Олсуфьева, родная сестра зятя моего князя Владимира Долгорукого, только что приехавшая из Канн, места постоянного ее пребывания; едет она в Рязанскую губернию, на свидание с братьями своими***.

После обеда ездил я, вместе с дочерью Ольгой, за город, к Горбуновым, которые проводят второе лето в загородном помещении

---

* Кстати я попросил его взглянуть и на мои глаза, в угоду жене и дочерям, которые давно уже настаивали на необходимости заблаговременных мер для предохранения моего зрения от замечаемого с годами ослабления. Крюков, с обычной своею любезностью, обстоятельно исследовал состояние моего зрения и определил номер подходящих очков, которые полезно мне употреблять как при чтении мелкой печати, особенно при огне, так и для защиты глаз от влияния ветра и холода, вызывающих обыкновенно слезу. За все оказанные услуги и помощь Крюков сам определил возмездие [*так в тексте, очевидно, возмещение, – прим. публ.*] в самом умеренном размере – всего сотню рублей.

** Дочь Ольга проводила ее на вокзал Курской железной дороги.

Вскоре по перемещении жены на Кисловку посетила нас совершенно неожиданно

*** Долгорукими. Она заехала к нам с намерением лично познакомиться со мной. С женой она была уже знакома прежде. Ольга Ростиславовна разошлась давно с мужем и по расстроенному здоровью живет постоянно за границей, в собственной своей вилле в Канне.

Воспитательного дома, близ Воробьевых гор, на правом возвышенном берегу Москвы-реки, против Девичьего монастыря¹⁸². От этого пункта открывается обширный и восхитительный вид на весь город*.

24-го июня. Пятница**. – Посетил нас Г.А. Джаншиев, с которым я вел уже несколько лет переписку, хотя лично никогда не встречался с ним. Это искренний и глубоко преданный защитник великих реформ прошлого царствования. Книга его об этих реформах вышла уже четвертым изданием; теперь готовит он пятое, с*** добавлением военной реформы¹⁸³.

Дочь Ольга выехала на один день в Щелково, чтобы приготовить свое скромное жилье к приезду моей жены, которая намерена провести там несколько недель, пока не выяснится вопрос – нужно ли повторить на левом глазе ту же операцию, которая исполнена на правом. Старшая дочь Лиза Шаховская провела большую часть дня с больной, а под вечер посетила нас молодая графиня Елизавета Адамовна Олсуфьева, только что приехавшая в Москву на короткое время****. Она так любезна, что осталась ночевать у нас, чтобы заменить Олю при больной.

[25-го июня. Суббота. – Уже вчера чувствовал я себя не совсем хорошо; провел скверную ночь и сегодня не выхожу из комнаты.

Дочь Надя уведомляет, что по болезни мужа не может приехать в Москву. Очень грустно.

Посетила нас Юлия Александровна Горбунова.]

26-го июня. Воскресенье. – Дочь Ольга возвратилась из своего Щелкова. Сегодня утром приехал сын из Курска; большую часть дня провел он на Ходынском поле, на скачках*****. Посетили нас Горбуновы и Малиновский (двоюродный брат князя Владимира Долгорукого).

Второй день не выхожу я из дома, чувствуя простуду; погода пасмурная и холодная.

---

* Жаль, что погода стоит хмурая и холодная. Под вечер термометр показывал всего 8° Реомюра. Это в конце июня месяца!!

** Утром разъезды по городу с визитами и магазинам для закупок и заказов; визиты княгине Ольге Ростиславовны Долгорукой и Малиновскому.

*** с включением новой статьи – о реформе военной повинности

**** с нею прошли мы вечером по ближайшим бульварам

***** опять целый день не выходил я из комнаты: все еще нездоровится и я берусь, чтобы не расхвораться серьезно.

27-го июня. Понедельник*. – Обрадовал нас приезд дочери Нади с мужем. Вся семья теперь в сборе, к сожалению ненадолго**.

28-го июня. Вторник. – Сын уже уехал обратно в Курск. Простившись с ним, я решился в первый раз выехать из дому и даже прошелся пешком по некоторым улицам, которые напомнили мне лета моего детства; отыскал Милютин переулок (близ Мясницкой)¹⁸⁴, но место бывшего родительского дома, где я появился на свет***, найти теперь не легко между новыми постройками****.

Ближайшие наши планы несколько определились: Крюков опять осматривал глаза жены моей и не нашел никаких препятствий к выезду ее из города недели на три. Полагаем выехать в субботу в Щелково, к дочери Ольге. Пробуду там несколько дней и затем перееду в Ревель, вместе с дочерью Шаховской*****.

Сегодня минуло мне 78 лет!

29-го июня. Среда. – Послал поздравительную телеграмму моему Пензенскому полку, по случаю его полкового праздника. Весь день провел с семьей, только вечером съездил, вместе с дочерью Елизаветой, в Донской монастырь, чтобы взглянуть на памятник, поставленный над могилами Киселевых: графа Павла Дмитриевича, младшего брата его Николая Дмитриевича и родителей их. Памятник этот был поставлен нами, душеприказчиками графа Павла Дмитриевича (мною и Андреем Парфеновичем Заблоцким на завещенную сумму в 10 тысяч рублей. Остаток от этой суммы (сколько помнится до 1200 рублей) был нами передан К.П. Победоносцеву, который взялся распорядиться об обращении этой суммы на поддержание памятника во всегдашней исправности.

---

* Совершенно неожиданно приехала дочь Надя.

** Завтра утром сын уезжает обратно в Курск, а Долгорукие намерены пробыть в Москве только несколько дней до пятницы. Конечно, мы с женой продлим наше здесь пребывание только для их отъезда.

По настоянию дочерей, призван был врач Богуш, который исследовал состояние моего здоровья во всех подробностях; прописал мне лекарства, дал разные советы, более или менее удобоисполнимые. Сегодня мне гораздо лучше; однако ж из дому я не выходил.

Посетили нас бывший мой адъютант, ныне генерал-майор Арапов и бывший товарищ моего сына по артиллерии Шербинский.

*** где я родился и провел первые годы жизни.

**** Погода теплая, даже жарко

***** Как то вынесет мое здоровье эту экскурсию на север?

По словам же дочери моей, памятник уже теперь совсем запущен и никем не охраняется. Вот почему я счел своею обязанностью лично удостовериться в настоящем состоянии памятника и принять, в случае надобности, надлежащие меры. В действительности оказалось, что памятник хотя и стоит в целости, но требует очистки и даже капитального исправления. В разговоре с монастырским казначеем узнал, что никто из монастырского начальства и не ведает о сумме, вложенной на исправное содержание памятника. Монах обещал мне навести справку в конторе монастырской и сообщить мне точные сведения по этому предмету.

Поездка в Донской монастырь доставила мне случай вновь полюбоваться живописным видом на Кремль и на весь город из Замоскворечья. Сравнивая теперешнее состояние Москвы с тем, какою припоминаю ее в былые времена, я должен признать поразительный успех: много новых красивых зданий, в особенности величественный собор Спасителя¹⁸⁵, новые мосты на реке, притом бóльший против прежнего порядок, чистота, подтянутая полиция – все это бросается в глаза приезжего.

30-го июня. Четверг. – Казначей Донского монастыря был так любезен, что сам приехал ко мне и сообщил результаты наведенных им справок. Оказывается, что сумма, назначенная на поддержание памятника Киселевых, вручена одному из ближайших к монастырю братств – св. Николая¹⁸⁶, и что в первые годы братство принимало иногда меры к поддержанию памятника; но потом, за смертью одного священника, прекратилось всякое со стороны братства распоряжение. Приходится напомнить братству о принятой им на себя обязанности**.

1-го июля. Пятница. – Здоровье мое на столько поправилось, что сегодня утром я мог сделать пешком довольно большую*** прогулку. Начал с осмотра великолепного Храма Спасителя, обошел всю внутренность его, внизу и на хорах, останавливался пред главными произведениями живописи, все нахожу превосходным****.

---

* очистке

** После обеда вышел я из дому с дочерью Надей. Мы пошли смотреть Храм Спасителя; но дождь заставил нас возвратиться домой. Притом храм был уже заперт.

*** и приятную

**** Об одном только пожалел – что, несмотря на весьма недавнее окончание отделки храма, живопись уже теперь заметно потеряла свежесть красок: цвета как будто тусклые, подернутые туманом. Может быть, я очень оши-

Вид на Кремль

От Храма Спасителя прошел я в Кремль, где никогда еще не случилось мне расхаживать на досуге, в качестве туриста. Затем ходил по новым «рядам». Какая поразительная разница с прежним, так называемым «городом», грязным, тесным, темным, напоминавшим азиатские базары. Закончил я свою прогулку – кремлевскими садами*.

2-го июля. Суббота. Щелково**. – Выехали мы с женой и старшей дочерью Шаховской из Москвы с 4-х часовым поездом Николаевской железной дороги. Во весь день льет дождь***, от которого дороги обратились в грязные ручьи. Небо заволкло кругом.

баюсь, но мне кажется, что следовало бы всю живопись на стенах храма покрыть каким-либо составом, придающим блеск и предохраняющим краски от влияния воздуха и сырости.

* Несколько позже пришлось мне еще ездить по разным магазинам. Зять мой князь Владимир Долгорукий выехал сегодня же по Курской железной дороге, чтобы осмотреть какое-то имение в окрестностях Подольска.

** перед выездом из Москвы жена признала нелишним снова показать свои глаза Крюкову. Он нашел некоторое улучшение в оперированном правом глазе и подтвердил прежнее свое решение на счет левого глаза.

Дочь Надя выехала с Курским 3-х-часовым поездом, а вслед за тем выехали мы.

*** скверный, осенний

С Подсолнечной станции с трудом протащились в тяжелом ландо, высланном Олсуфьевым из Никольского. Добрались до Щелкова только к 9 часам вечера. Хозяйка – Оля умудрилась разместить нас всех троих и горничную* в своем крошечном и убогом домике.

3-го июля. Воскресенье. – Погода разгулялась. Утром, не смотря на грязь, сделали мы с Олей прогулку по ее дугам и рощам**. К обеду неожиданно подъехали Олсуфьев – (граф Адам Васильевич с дочерью и сыном), а вечером мы с Лизой Шаховской ездили к ним в Никольское. В течение дня обменялись визитами с ближайшими соседками – Татьяной Васильевной Олсуфьевой и сестрой ее Левицкой.

4-го июля. Понедельник. – Опять дождь с грозой. В течение дня по временам удавалось выходить из дому на недалнее расстояние.

5-го июля. Воскресенье. – Погода прояснилась. Утром ходил я пешком к соседнему владельцу Ив[ану] Ник[олаевичу] Богуславскому. После обеда бродил с Олей по ее сенокосу. Вечером собралось у нее целое общество: Олсуфьевы, Богуславский и ближайшие соседки – Татьяна Васильевна Олсуфьева с ее сестрой Левицкой***.

[6-го июля. Среда. – С утра опять дождь. Пред обедом удалось мне сделать небольшую прогулку пешком.]

7-го июля. Четверг. – Вчера и сегодня опять сильный ливень с грозой. Вечером ездил с дочерью Ольгой в Никольское****.

8-го июля. Пятница. – Старшая дочь Елизавета Шаховская уехала из Щелкова***** в Ревель; я же отсрочил свою поездку*****, чтобы провести здесь день именин дочери Ольги*****.

[9-го июля. Суббота. – Целый день дождь, слякоть, почти не выходил из дому.]

---

* очень комфортабельно

** разумеется, вернулись с промоченными ногами

*** Вчера вечером захворала старшая дочь <Лиза> Елизавета, она должна была отказаться от намерения своего отслужить в Никольской церкви обедню и молебен по случаю именин ее мужа Сергея Шаховского.

**** к Олсуфьевым

***** В Подсолнечную к вечернему 9-часовому поезду Николаевской железной дороги. Завтра она будет в Ревеле.

***** туда по желанию дочери Ольги

***** (11-го числа)

После отъезда Лизы, опять дождь с грозой.

10-го июля. Воскресенье. – По-прежнему погода дождливая. Вечером ездил* я в Никольское, по обыкновению нашел там многочисленное общество.

11-го июля. Понедельник. – День именин нашей хозяйки Оли. Вечером, не смотря на проливной дождь и грозу, собралось довольно большое общество.

13-го июля. Среда. Пюхтица. – Вчера под вечер выехал я из Щелкова; в Подсолнечной сел на «скорый» поезд Николаевской железной дороги, а сегодня, около 8 часов утра, уже был в Тосне**, откуда проехал по железнодорожной ветви, через Гатчину, до станции Иеве. Здесь – встретили меня дочь Елизавета с мужем и племянницей Иной (Александрой Семеновной Саловой). На нескольких почтовых тройках доехали мы, по хорошей, шоссированной дороге, до так называемой «Богородицкой» или «Святой» горы, где стараниями и заботами дочери Елизаветы и ее мужа устроился*** женский монастырь и при нем, на самой вершине горы****, собственное их скромное жилье. Здесь и разместились мы все четверо в крошечных, но уютных комнатках. К сожалению, на всем пути провожал нас дождь. Погода – совершенно осенняя, сырая, холодная придает стране очень печальный вид. Вечером пришла игуменья монастыря, мать Варвара, – умная и бойкая старуха, правящая обителью, как говорят, твердой рукой. Возведенная на горе церковь производит издали внушительный эффект, но в архитектурном отношении эта постройка сильно грешит: архитектор должен был приспособить имевшиеся уже стены постройки, предназначавшейся для лютеранской кирки, к так называемому «русскому» церковному стилю, и от этого вышло довольно уродливое сооружение, мало похожее на старинные русские храмы.

Вид с горы обширный, но дурная погода налагает на все видимое пространство мрачный колорит.

14-го июля. Четверг. – Целый день непрерывный дождь и сильный ветер; в утлом домике на горе все дрожит, ставни стучат,

---

* с Тат[ьяной] Вас[ильевной] Олсуфьевой

** где ожидал меня высланный по распоряжению моего зятя князя Шаховского особый вагон (губернаторский), в котором и проехал очень комфортно

*** в недавнее время

**** скромный ее домик

струи воды проникают сквозь щели во внутрь комнаты. Кругом у подошвы и на скатах горы – образовались целые озера*. Затопили печи.

Несмотря на такую непогоду, из монастыря выходит процессия с чудотворной иконой, которая в определенный срок переносится отсюда за 25 верст в большое русское селение «Сыренец», при истоке реки Наровы из Чудского озера. У домика Шаховских процессия останавливается, служат молебен, окропляют комнаты святой водой. Сама игуменья шествует храбро по слякоти и болотам, едва держась на ногах против ветра. Она твердо убеждена, что не заболит, если Бог не захочет, чтоб она заболела**.

15-го июля. Пятница. – Под вечер удалось наконец сделать маленькую прогулку около дома, но все еще погода сырая, ветреная и по временам накрапывает дождь. Вечером составила партия «винта», с участием одной гостьи – старушки Ребровой, поселившейся при монастыре, в выстроенном ею*** домике.

16-го июля. Суббота. – Князь Сергей Шаховской и племянница Ина уехали в Ревель, в сопровождении врача, мы с Лизой остались вдвоем. Погода прояснилась и ветер быстро сушит размокшую от продолжительного дождя почву. Можно**** ходить без затруднения по окрестным дорожкам. Утром осматривали монастырь, входили в церковь, доходили до часовни так называемого святого источника, заходили к матери игуменье и госпоже Ребровой, а***** позже прошли еще до другой здешней святыни – часовни в самой деревне Пюхтице.

17-го июля. Воскресенье. – Наконец солнечный, теплый день*****. Вместе с дочерью пошел я в монастырь к обедне, которая длится часа два и более. Не выстоял я до конца и в половине службы вышел из церкви*****, с намерением пройтись вдаль по большой дороге и возвратиться к дому по какой-нибудь боковой

---

* Нельзя высунуть носа из дома.

** Отправил сегодня два письма: одно в Шелково, другое – в Ивановское; известил о приезде моем в Ивановское 23-го числа.

*** самой хате

**** было

***** а после обеда мы с Лизой вдвоем еще прошли

***** В угождение дочери пошел я с нею в монастырь к обедне, которая длится около двух часов. Сознаюсь, что вся монастырская обстановка всегда была мне антипатична

***** со стесненным чувством и пошел вдоль по большой дороге.

тропе; но оказалось, что кроме большой дороги, ведущей в Иеве, никакой другой нет; вправо и влево – все низменные, болотистые места, среди которых местность монастыря и представляется как бы «горою».

Под вечер опять сделал прогулку, вместе с дочерью, по проселочным дорожкам, между разбросанными среди полей отдельными крестьянскими усадьбами.

18-го июля. Понедельник. – Утром игуменья монастыря показывала мне свои монастырские заведения: канцелярию, мастерскую, где дети учатся рисовать, занимаются выделкою искусственных цветов и т. п. Все это, конечно, дело благое, хотя и в миниатюрных размерах; но должен сознаться, что вообще в монастырях как мужских, так и женских, возмущает меня закабаление молодежи, в особенности в детском возрасте. Вчера и сегодня в числе «послушниц», облеченных в монашескую одежду, видел я девочек-младенцев.

Остальная часть дня прошла в прогулках, вместе с дочерью, и в чтении в слух.

19-го июля. Вторник. – Зять мой князь Сергей Шаховской возвратился из Ревеля* и привез с собою брата своего князя Николая. Утром и вечером дальние прогулки по полям и болотам. Князь Николай Шаховской ездил на озеро и занимался рыболовством.

23-го июля. Суббота. Ивановское. – В три дня перенесся я** из Эстонии в Рязанскую губернию. В прошлую среду, 20 числа, распростившись с матерью-игуменьей Варварой и со всеми обитательницами мирного монастыря, выехал я оттуда вечером вместе с дочерью и обоими братьями Шаховскими*** до Иеве, куда прибыли в 11-м часу ночи и, в ожидании отхода встречающихся здесь поездов железной дороги, разместились для ночлега прямо в два приготовленные вагона. В 4-м часу ночи, оба вагона были прицеплены к поездам, отходящим почти одновременно в противоположные стороны: на запад и на восток. К сожалению, движение поездов по разным линиям так мало согласовано, что мне пришлось просидеть на месте около 4 часов в Гатчине и более 2 часов в Тосне. Только в 5-м часу по полудни проходит через Тосну Петербург-

---

* на «Богородицкую гору»

** с Пюхтицкой горы из Эстонии в деревеньку Ивановскую Рязанской губернии.

*** Сергей и Николай

ский поезд, в котором и доехал я до Москвы в 8 часов утра*, 22-го числа. Въехал в первопрестольную под дождем; притом в торжественный день именин императрицы, а потому не решался показываться на улицах в своем дорожном костюме; просидел весь день безвыходно в одной из тех же комнат дома Базилевских, которые занимала моя семья за несколько недель прежде. Только под вечер посетил я старушку княгиню Александру Павловну Шаховскую, которую нашел в постели, еще не совсем оправившеюся от недавней болезни.

Выехав из Москвы в 10 часов вечера, на Рязань и Рязск, добрался я наконец сегодня, в 1-м часу дня, до Ивановского. Зять мой князь Владимир встретил меня на станции Ремизово и довез до** своей усадьбы. Погода ясная, теплая, среди дня даже жаркая. С радостью увидел я снова этот мирный, симпатичный уголок. Здесь гостит сестра моего зятя – Ольга Ростиславовна; не смотря на то, гостеприимные хозяева умудрились и меня поместить у себя вполне комфортабельно. Вечером, когда спал дневной жар, пошли мы все вместе осматривать новые хозяйственные постройки, возникшие уже после прошлогоднего моего здесь пребывания. Прошлись также по ближайшей от дома дубовой роще. В здешней обстановке я чувствую себя как-то легко и спокойно.

25-го июля. Понедельник. – Бóльшую часть дня провел на воздухе. Погода прекрасная. На полях идет горячая работа жатвы. Сегодня утром сделал я большую прогулку в соседнее село Телятниково. Это очень большое селение, с видимо издалика церковью и женским монастырем, устроенным лишь в недавнее время***. Возвращаясь в Ивановское, пошел напрямик, без дороги; пришлось пробираться несколько верст по пашням, конопляникам, буеракам, так что пришел домой страшно утомленный до того, что должен был прилечь, отказавшись от обеда. Однако же**** после недолгого отдыха, под вечер, снова вышел с моими хозяевами в прекрасную их дубовую рощу.

[29-го июля. Пятница. – Дни очень жаркие; не уступают крымским. Выхожу прогуляться только по вечерам, с дочерью Надей и то в недалекие окрестности усадьбы. Брал с собой буссоль¹⁸⁷, циркуль и карандаш, чтобы по желанию зятя Владимира Долго-

---

* в пятницу

** своего мирного жилья

*** с не отстроенною еще большою церковью

**** отлежавшись некоторое время

рукого, отмечать на имеющемся у него межевом плане, некоторые не показанные на нем контуры местности.

Сегодня князь Владимир со своею сестрой (Ольгой Ростиславовной) уехали по железной дороге в Огаревку – имение брата их князя Михаила, ко дню его рождения 31-го числа. Князь Владимир возвратился сюда в ночь на вторник.

Поздно вечером принесли мне телеграмму от Оли, из Москвы; она извещает, что окулист «Крюков разрешил (жене) ехать в Крым» и что она ждет меня. Полагаю выехать отсюда во вторник, по возвращении князя Владимира.]

30-го июля. Суббота. – Вчера князь Владимир уехал с сестрой своей Ольгой Ростиславовной в Огаревку – имение брата князя Михаила, ко дню его рождения.

От дочери Ольги получил из Москвы телеграмму о том, что окулист Крюков не признает нужным жене моей отлагать свое возвращение в Крым; поэтому она только ожидает моего приезда в Москву. Предполагаю выехать отсюда в понедельник, не ожидая возвращения князя Владимира, с которым встречу в пути, на станции Ряжской.

31-го июля. Воскресенье. – После нескольких очень жарких дней снова дождливая погода. Под вечер прошлись мы с Надей по ее хозяйственным работам, смотрели, как в риге**, несмотря на воскресный день, усердно молотили, с помощью вновь заведенных машин. В прошлом году работа эта производилась еще на открытом воздухе и часто прерывалась непогодой. Последний день провел я в Ивановском; с сожалением покидаю*** завтра этот мирный, симпатичный уголок.

2-го августа. Вторник. Москва. – Выехав вчера около 4 часов дня из Ивановского****, по Сызрано-Вяземской железной до-

---

* La nuit porte conseil [Ночь дает совет (*фр.*)], приняв в соображение, что жена, вероятно, предпочтет переезд из Севастополя в Ялту и что по субботах не ходят пароходы, решил ускорить свой выезд отсюда, и утром известил жену, что во вторник утром буду в Москве. Выезжая отсюда в понедельник с дневным поездом, встречу вечером с князем Владимиром в Ряжске, где придется нам просидеть вместе около получаса; тут мы и распростимся, в надежде снова свидеться осенью.

После очень жаркого утра, под вечер небо заволокло облаками и выпало несколько капель дождя; стало немного свежее.

** (построенной при мне в прошлом году)

*** эту мирную и привольную обитель.

**** с дочерью Надей, я распростился с нею на станции Ремизово.

роге, съехался в Рязске с зятем Владимиром Долгоруким, возвращавшимся домой от своего брата. Сегодня в 8 часов утра прибыл в Москву*, проехал на Кисловку, в дом Базилевских, где по-прежнему поместилась жена с дочерью Ольгой. Во весь день я не выходил из дому; виделся только с Горбуновыми**. Завтра отправляемся в дальний путь, на юг.

5-го августа. Пятница. Симеис. – В среду, 3-го августа, в 11 часов утра, на вокзале Московско-Курской железной дороги, простились мы с дочерью Ольгой, которая в то же день намеревалась возвратиться к себе в Щелково. Благодаря любезности начальника Московско-Курской дороги Шауфуса, нам предоставлен был особый вагон, в котором проехали до самого Севастополя, со всевозможными удобствами***. Непосредственно впереди нашего поезда шел царский поезд, в котором ехали в Крым новобрачные – великий князь Александр Михайлович с Ксенией Александровной****. На всех станциях железной дороги еще заставали мы свежие следы обычных овец проезжавшим августейшим путникам: везде***** флаги, гирлянды зелени, красные ковры и толпы, не успевшие еще разойтись по домам. В Курске повидались мы с сыном, который***** оставался еще на вокзале, после провода новобрачных. Он просидел с нами в вагоне***** до отхода поезда. В Севастополь приехали сегодня в положенный час, т. е. за три часа до отхода пассажирского парохода. Капитан парохода «Великая княгиня Ольга» – Иван Иванович Дамме оказался моим старым знакомым. Он вспомнил, что в 1889 году я шел на его пароходе «Царь» из Константинополя в Александрию*****. Переход наш из Севастополя в Ялту был превосходный. Вместе с нами ехали Елена Осиповна Евреинова, лечив-

---

* и на вокзале Рязанской железной дороги получил от жены извещение, что она намерена выехать на следующий день. Таким образом, пришлось мне еще целые сутки провести на Кисловке в меблированных комнатах.

** от которых слышался много <московских> новостей из вышних.

*** вполне комфортабельно. Погода была очень благоприятная; после дождливых дней не было ни жарко ни пыльно.

**** чтобы провести медовые месяцы на Южном берегу, в Ай-Тодоре.

***** бесчисленные

***** только что успел после встречи и провода новобрачных переодеться и поужинать на вокзале.

***** около полутора часа

***** и наговорил мне много любезностей.

шаяся на Сакских грязях, и генерал Хоментовский, служивший в мое время в интендантстве. В 8¼ часов вечера причалили к ялтинскому молу, где ожидала наша карета, а в 9 часов были уже дома.

И больная жена моя, и я¹ испытываем какое-то особенное^{**} отрадное чувство^{***}, возвратившись снова к своим пенатам, дыша привычным ароматным воздухом нашего сада. Чудный, лунный вечер! Тишина и спокойствие невозмутимые!

10-го августа.^{****} **Среда**^{*****}. – Дни жаркие; выхожу из дома только под вечер. Радует меня бодрое и сравнительно удовлетворительное состояние больной жены, которая видимо наслаждается возвращением восвояси. Большую часть дня проводит с нею добродушная Евгения Ивановна Гаевская, по-прежнему она развлекает больную своим непрерывным разговором, читает ей вслух, водит ее под руку на прогулки^{*****}.

---

* вместе с нею

** успокоительное

*** довольства

**** *Первоначально:* «**10 августа. Среда.** – Посетил нас генерал Хоментовский, отобедал и провел несколько часов. Он служил по интендантству и занимал пост начальника интендантской части Варшавского округа. Человек честный и дельный.

Дни жаркие, а потому выхожу на свою обычную прогулку только по вечерам. Все еще не справился с запущенными в продолжение отсутствия из дому счетами и привожу в порядок свою обстановку. Просматриваю некоторые журналы и присланные книги».

***** Весь день провел за разборкою и уборкою своего путевого скарба, и только под вечер прошелся по саду и по чаирам. Днем жарко, а по заходе солнца и при свете полной луны – восхитительно.

В доме и в имении нашли мы все в порядке; одно только маленькое расстройство – в составе прислуги: человек, который служил у нас в последние годы и которым мы были очень довольны, должен был по своим семейным делам, уехать в деревню (Рязанской губернии), и пока неизвестно возвратится ли он к прежней своей должности.

За отсутствием его, остается, кроме женского <состава> персонала, только мальчик, брат прежнего слуги. Чрез это восстановление порядка в домашнем устройстве несколько затруднительно и замедляется.

Радует меня бодрое и сравнительно удовлетворительное состояние больной жены, которая видимо наслаждается возвращением восвояси. Большую часть дня проводит с нею добродушная Евгения Ивановна Гаевская, по-прежнему она развлекает больную своим непрерывным разговором, читает ей вслух, водит ее под руку на прогулки.

***** большое спасибо ей за ее замечательное добродушие и услужливость.

*Великий князь
Александр Михайлович
и великая княгиня
Ксения Александровна*

11-го августа. Четверг. – Вчера обедал у нас генерал Хоментовский, а сегодня отдал я ему визит в Ялте и проехал в Наташино к Лаврентьевым*.

15-го августа. Понедельник. – Вчера посетили нас Лаврентьевы: Мальвина Егоровна и София Ивановна. Они остались переночевать у нас и сегодня уехали после обеда.

23-го августа. Вторник. – До сих пор еще не представился я великокняжеской новобрачной чете, опасаясь нескромно нарушить уединение их медового месяца. Наконец, решился для разьяснения своего недоумения обратиться с вопросом к полковнику Евреину**, управляющему двором новобрачных. Вследствие моего запроса, получил я приглашение сегодня к завтраку, запросто, в сюртуке. Молодые приняли меня очень любезно, в тех самых по-

---

* никого из знакомых моих еще нет в городе, но временных, т. е. <гостей> приезжих уже наехало довольно.

** адъютанту великого князя Михаила Николаевича и ныне

мещениях, где так недавно еще хозяйничала покойная великая княгиня Ольга Федоровна. Нынешний владелец Ай-Тодора – очень милый, симпатичный молодой человек, красивой наружности и обходительный*. В свите молодой четы нашел я знакомую, прежнюю фрейлину великой княгини Ольги Федоровны Александру Сергеевну Озерову, ныне гофмейстерину великой княгини Ксении Александровны. Кроме полковника Евреинова, состоит при великом князе Александре Михайловиче молодой адъютант Шателен, за тем очень молодой врач и морской офицер-командир маленькой яхты («Тамара») Его Высочества. Все это маленькое общество показалось мне очень симпатичным.

В Ай-Тодоре ожидают приезда великого князя Михаила Николаевича**. Почти несомненно прибудут в Крым и августейшие хозяева Ливадии, по окончании охоты в Беловежской пуше***.

В Ялту прибыл эмир Бухарский, под предлогом морских купаний.

5-го сентября. Понедельник. – Вот уже третий день, что погода переменялась: температура очень понизилась, сильные ветры, по временам дождь****.

В прошлую пятницу приехал на южный берег великий князь Михаил Николаевич. Сегодня я съездил к нему в Ай-Тодор. Он поселился в маленьком флигеле, где прежде помещались адъютанты; принял меня как всегда, очень радушно и продержал часа два*****. Между прочим сообщил он мне неутешительные сведения о состоянии здоровья Государя. Оно сильно расшаталось вследствие выдержанных им в последние годы троекратных приступов инфлюэнцы. Профессор Захарьин, сделавшийся теперь врачом-оракулом при Дворе, приписывает расстройство здоровья Государя – излишнему *переутомлению!****** Признаваемое дру-

---

* <но> с первых же слов я чувствовал себя в <их> обществе

** только на несколько дней

*** <туда отправился и> большой великий князь Георгий Александрович, на днях проехавший чрез Ялту в Одессу на пароходе, оттуда в Беловежскую пушу, где теперь происходит колоссальная охота.

**** ведь не даром близко равноденствие. Впрочем, еще ранее наступила холодная и дождливая погода не только в средних и северных губерниях России, но и во всей почти Европе.

***** и видимо доволен был случаем побеседовать о многих близких сердцу его предметах.

***** По мнению московских эскулапов, оно-то и есть настоящая причина болезни, а не почки.

гими врачами расстройство почек, по мнению московского эскулапа, есть последствие, а не причина болезни¹⁸⁸. Но спрашивается: в чем же заключается самое «переутомление» Государя? Неужели в нескольких часах, ежедневно проводимых по вечерам за чтением министерских докладов и разных записок? Великий князь сообщил мне любопытные сведения о положении дел по разным ведомствам государственного управления, в особенности же по военной части, отзывался с большими похвалами о новом государственном секретаре Плеве и** новых министрах финансов и юстиции (Витте и Муравьеве).

14-го сентября. Среда. – В последнее время занят почти исключительно ремонтными работами в доме***. Теперь я доволен, что покончил по крайней мере с работами внутренними****.

На этой неделе ожидался приезд царский в Ливадию, было уже извещение о прибытии 12-го или 13-го числа; но потом пришло известие об отсрочке приезда на неопределенное время.

19-го сентября. Понедельник. – На прошлой неделе посетили нас княгиня Голицына (сестра графини Сумароковой-Эльстон) с дочерью и баронесса А.И. Пиллар****, а сегодня князь Л.Д. Вяземский – начальник Главного управления уделов. От последнего узнали, что приезд царской семьи ожидается в среду. Князь Вяземский, приехав в Крым прямо из Беловежа, сообщил нам очень неутешительные сведения о состоянии здоровья Государя и подтвердил то, что слышал я от великого князя Михаила Николаевича. Состояние здоровья великого князя Георгия Александровича

---

* многих других интересных вопросов коснулись мы в нашей беседе.

** проч., и проч.

Великий князь намеревался удержать меня к завтраку; но я уклонился от этой чести, в виду раннего часа моего посещения. Так же отговорил я Его Высочество от предполагавшейся поездки ко мне <просил убедительно Его высочество не беспокоиться приездом ко мне> вместе с молодым великим князем Александром Михайловичем: откровенно объяснил я, что посещение их поставило бы меня в крайне затруднительное положение, так как в доме у меня идут постройки и нет ни одной комнаты, где мог бы я прилично принять таких высоких и почетных гостей.

*** приходилось почти исключительно возиться с плотниками, каменщиками, штукатурщиками, малярами и проч.

**** т. е. с приведением в порядок некоторых комнат, требовавших поправок; остается лишь окраска перестроенного балкона на переднем фасаде дома.

***** бывший адъютант мой Миллер.

также внушает опасения. Любопытны рассказы Вяземского о нынешних нравах и порядках при Дворе*.

20-го сентября. Вторник. – Телеграмма Евреинова из Ливадии подтверждает вчерашние сведения об ожидаемом завтра приезде царской семьи.

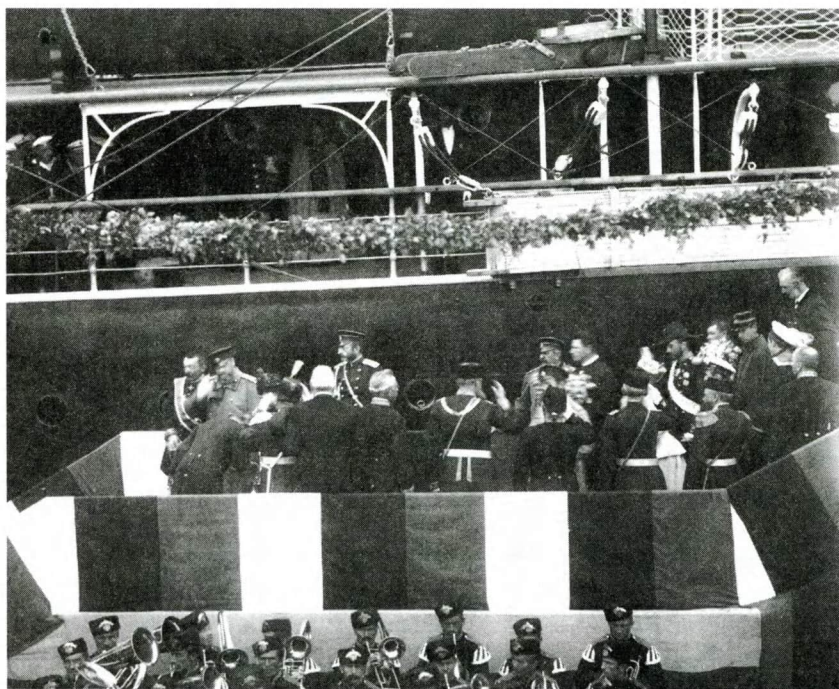
На утренней своей прогулке встретил я ехавшего верхом графа Алексея Васильевича Олсуфьева. Он приехал в Крым с женой на осенние месяцы и поселился в Кореисе, в доме отсутствующей графини Клейнмихель**.

21-го сентября. Среда. – Ровно в 2 часа пополудни прибыли в Ялту Их Величества, на пароходе (Добровольного флота¹⁸⁹) «Олег». Как раз к тому же часу подъехал я на мол. Чуть-было не опоздал к встрече, благодаря тому, что все ялтинские гостиницы переполнены, так что в гостинице «Россия», где обыкновенно я останавливаюсь, не нашлось ни одного свободного угла, где мог бы я переодеться. Пришлось несколько выждать, пока освободиться номер, в котором и облекся я в подобающую форму. Встреча происходила обычным порядком; в числе встречающих были, конечно, великий князь Александр Михайлович с Ксенией Александровной и довольно много приезжих: генерал-адъютант Манзей (командир Гвардейского корпуса), генерал-лейтенант Бобриков (начальник штаба Петербургского округа), генерал-майор свиты князь Барятинский и проч. и проч. За Государем и императрицей сошли с парохода на приготовленную возвышенную площадку (в уровень с бортом «Олега») все прочие члены Царской семьи: наследник (которого предполагавшийся отъезд в Дармштадт, к невесте, отложен за болезнью Государя), великие князья Георгий и Михаил Александровичи, великая княжна Ольга Александровна и греческий царевич Николай. Свиту Их Величеств составляют Министр Двора граф Воронцов-Дашков, генерал-лейтенант Черевин (облеченный новым званием «дежурного генерала»), флигель-адъютант Бенкендорф (в должности гофмаршала), обе сестры фрейлины Голенищевы-Кутузовы и т. д. Сопровождали Их Величества от Севастополя министр морской Чихачев и командующий войсками Одесского округа граф Мусин-Пушкин. Не

---

* Вчера и сегодня погода чудная; днем жарко.

** Мы поговорили несколько минут, и, конечно, главным сюжетом опять был ожидаемый завтра царский приезд, также толки о здоровье царя и великого князя Георгия Александровича.

Прибытие Александра III в Ялту 21 сентября 1894 г.

было в свите ни генерал-адъютанта О.Б. Рихтера, ни доктора Гирша*, естественно напрашивается вопрос: а кто же из врачей при больном царе? Оказалось, что на лицо только доктор Попов, состоящий собственно при великом князе Георгии Александровиче, ассистент доктора Захарьина. Говорят, что последний ожидается вскоре.

Болезненное состояние Государя очень серьезное и возбуждает сильные опасения. Достаточно взглянуть на него, чтобы в том убедиться**: худоба в лице, заметная слабость и тяжесть походки. Видно, с каким трудом сходил он по ступенькам деревянной лестницы и потом проходил вдоль выстроившихся в шеренгу представителей местной власти, постоянных и временных обитателей и обительниц Южного берега, затем почетного караула, учебных заведений и т. д. Бросалось в глаза утомление Государя, груст-

---

* Замечено было отсутствие в свите генерала Рихтера и доктора Гирша.

** на вид он чрезвычайно изменился в последнее время.

ное выражение императрицы, страшно болезненный вид Георгия Александровича. Однако же Их Величества не отступили ни в чем от обычного порядка: останавливались, чтобы каждому подать руку и сказать несколько слов. Ко мне Государь обратился с вопросом о болезни моей жены*. Вся церемония продолжалась очень недолго; немедленно все разъехались**.

Чтобы дать своим лошадям отдых и достаточно времени для корма, я остался в Ялте до 7 часов вечера***. Пообедав в гостинице, я пошел было к Самариным, с намерением провести время у них; к сожалению, не застал их дома; пришлось «фланировать». Улицы Ялты (вернее, набережная) кишели гулявшими, множество любопытных съехались из окрестностей**** по случаю царского приезда; а лишь только стемнело, Ялта осветилась разноцветными огоньками; в городском саду и во дворе гостиницы «Россия» гремела музыка. Мне пришлось просидеть довольно долго на террасе этой гостиницы среди многочисленной публики*****. На этот раз посчастливилось мне провести время с несколькими знакомыми*****: графом Мусиным-Пушкиным, генералом Адельсоном (петербургским комендантом) и другими. Главный предмет всех разговоров, конечно, болезнь Государя. Говорят, что Их Величества недолго останутся в Ливадии; что врачи признали необходимым для Государя провести холодное время года где-нибудь южнее Крыма и что выбор места пока колеблется между Корфу, Египтом и Алжиром. В иностранных газетах***** уже забили тревогу***** известиями об угрожающей скорым концом болезни русского императора. Хотя у нас и считают такие тревожные известия преувеличенными, однако же слышно, что и наши врачи***** признают болезнь царя неизлечимой. При таких печальных толках особенно поражают каждого неожиданность, внезапность, с которыми совершилось превращение здорового, цветущего, мощного человека в слабого, немощ-

---

* но весьма лаконически. Императрица же только подала мне руку.

** так что прежде 6-х часов я был уже в гостинице и сбросил с себя блестящее и тяжелое парадное облачение.

*** Как убить эти четыре часа?

**** (из Урзуфа и других мест), собственно по случаю приезда царской семьи.

***** обыкновенно собирающейся слушать музыку.

***** бароном Унгерном

***** как говорят

***** преувеличенными

***** будто бы

ного больного. В то же время и молодой, красивый царевич Георгий Александрович не подает уже никакой надежды на исцеление: очевидно, ему не долго остается жить¹⁹⁰. Какой трагический поворот в этой благодушной и счастливой семье! Вполне понятно то грустное настроение, которое замечается на всех лицах, более или менее близких ко Двору. Да и на всех, кому сколько-нибудь известно истинное положение дел, оно наводит грустные мысли, в разрез легкомысленному ликованию* ялтинской публики.

24-го сентября. Суббота. – Вчера посетил нас граф Алексей Васильевич Олсуфьев. Как истинный кавалерист, он приехал верхом и пробыл у нас часа два**.

Сегодня утром, гуляя в Алупке, встретил с удовольствием генерала Фельдмана. Это дельный офицер, достойнейший, добрейший человек.

В послеобеденное время посетила нас Елена Осиповна Евреинова с молодым, только что произведенным офицером Гудим-Левковичем. В присутствии гостей неожиданно появился сын мой: он взял отпуск на три недели, чтоб отдохнуть*** здесь от непрерывных служебных занятий.

25-го сентября. Воскресенье. – Утром, вдвоем с сыном, сделали мы приятную прогулку в Алупку. К обеду пришел к нам**** Ф.А. Фельдман, а***** вечером приехала из-за границы племянница Маша Милютинина с ее племянницей Ольгой Александровной Ваксель. Почти 12 лет не виделись мы с Машей, конечно, нашли в ней большую перемену*****; она совсем поседела, хотя ей всего 35 лет. На попечении ее проживает уже несколько лет боль-

---

* пошлой

** Телеграмма от племянницы Маши Милютининой из Курска, с извещением о ее приезде завтра вечером. Почти одновременно письмо от дочери Ольги, извещающей о том, что собирается вскоре отправиться <ехать> сюда.

*** У нас в <глуши> нашем безмятежном захолустье. Тут только открылось недоразумение, в которое ввела меня вчерашняя телеграмма: оказалось, что полученное извещение о приезде в субботу было именно от него, а не от племянницы Маши Малютининой, от которой телеграмма получена только сегодня вечером из Одессы. Она извещает, что приедет завтра парохом в Ялту.

**** оттуда пешком

***** в 8 часов вечера

***** она очень изменилась, пополнела, волосы совсем белые

ная племянница ее, которая в последнее время заметно поправилась*.

[20-го сентября. Понедельник. – Опять ходил в Алупку вместе с сыном. Погода теплая, но серенькая.]

27-го сентября. Вторник. – Утром приехал к нам из Екатеринбургa зять мой Федор Константинович Гершельман. Он занимает теперь место начальника Штаба Кубанской области (и Кубанско-го казачьего войска). Приехал он только на несколько дней**.

Обедал у нас генерал-майор Чичагов, бывший некогда товарищем моего сына, а также и Гершельмана, по гвардейской конной артиллерии, а потом служивший в Генеральном штабе и занимавший должность военного агента в Бельгии и Голландии.

[28-го сентября. Среда. – Посещение генерал-адъютанта графа Мусина-Пушкина и Черевина.]

29-го сентября. Четверг. – Вчера приезжали граф Мусин-Пушкин и генерал Черевин. Сегодня же ездил я в Кореис отдать визиты княгине Голицыной, князю и княгине Вяземским, графу и графине Олсуфьевым***. В отсутствие мое приезжали к нам графиня Сумарокова-Эльстон (Елена Сергеевна) и сын ее Феликс, ныне князь Юсупов, с милою его женой Зинаидой Николаевной¹⁹¹. Приехала также баронесса Анна Ивановна Пиллар, которая осталась у нас ночевать.

[30-го сентября. Пятница. – Гершельман уехал обратно на Кавказ. Сын мой проводил его до Ялты.

2-го октября. Воскресенье. – Посещение графини Олсуфьевой. Слухи о предстоящем приезде в Крым королевы Греческой и матери ее Александры Иосифовны, также великих князей Владимира и Алексея Александровичей и еще**** других членов царской семьи.

3-го октября. Понедельник. – Утром уехала от нас племянница Маша Милютинa с Ольгой Александровной Ваксель. Они приглашены сегодня к завтраку у Юсуповых, в Кореисе, оттуда проедут в Ялту, переночуют там, а завтра утром намерены отправиться на пароходе в Одессу. К сожалению, в ночь поднялся силь-

---

* благодаря заботливому уходу Маши.

** как кажется, с тою только целью, чтобы поддержать родственные связи.

*** Застал дома только одну графиню Олсуфьеву.

**** кого-то из

П.А. Черевин

ный западный ветер; на море страшные волны. Как-то перенесет этот морской переход большая барышня.]

4-го октября. Вторник. – На прошлой неделе уехал Ф.К. Гершельман обратно на Кавказ, а вчера также уехали племянница Маша Милютинина с Ольгой Александровной Ваксель**.

Сегодня посетили нас Самарины (Петр Федорович с Александрой Павловной). Слухи из Ливадии очень тревожные; теперь происходит консилиум съехавшихся*** врачей: Лейдена (из Берлина), Захарьина (из Москвы), Вельяминова и др.**** 192

---

* Поразительно быстрая перемена погоды: в ночь ветер совершенно успокоился; утром – совершенный штиль, море гладкое, как зеркало. Какая удача, для наших милых путешественниц. Сын мой также уехал рано утром, чтобы поспеть на пароход и проехать вместе с ними до Севастополя, откуда он намерен отправиться по железной дороге в Симферополь, чтобы присутствовать на тамошних скачках и вернуться сюда в четверг.

** Вечером были у нас

*** эскулапов

**** Что-то решат?

6-го октября. Четверг. – Ездил я в Ливадию и Ялту, чтоб отдать визиты^{*} всем посетившим меня^{**}. У генерала Черевина нашел в сборе большую часть лиц государевой свиты. Все крайне встревожены^{***} болезнью Его Величества; состояние его признается безнадежным¹⁹³. Собранные здесь авторитетные врачи в полном недоумении^{****}. Полагают, что корень болезни – в сердце, а потому можно ежеминутно опасаться смертельного конца. Об угрожающей опасности дано знать всем членам царской семьи; ожидают сюда великих князей Владимира, Алексея, Сергея и Павла Александровичей, Михаила Николаевича, великих княгинь Александру Иосифовну, Марию Павловну, Елизавету Федоровну, королеву Греческую, также и невесту наследника принцессу Алису Гессенскую. Трудно представить себе, где и как разместить такое множество гостей, с^{*****} многочисленными свитами и прислугой. Посетив Евреиновых, я нашел их страшно озабоченными решением этого вопроса. Между тем флигель-адъютанту графу Бенкендорфу, посланному в Корфу, чтобы приготовить там на зиму помещения для Их Величеств, велено возвратиться.

В Ялте, также как и в Ливадии, бросается в глаза общее мрачное настроение; другого нет разговора, кроме толков о болезни Государя: что сказал такой-то врач, что предполагает такой-то о причине болезни, и проч., и проч. И понятно, что все озадачены совершенно неожиданным^{*****} критическим оборотом болезни царя. Только с нынешнего дня начали публиковать бюллетени, тогда как до сих пор в газетных известиях успокаивали публику^{*****}, скрывали серьезность болезни¹⁹⁴.

8-го октября. Суббота. – На утренней своей прогулке встретился с Фельдманом, который проводил меня до дому и остался у нас обедать.

---

* Черевину, графу Мусину-Пушкину, Чичагову, Евреинову, Самариним и Кочубеям

** В Ливадии нашел у Черевина сборище: генерала Рихтера, губернатора Лазарева, предводителя дворянства Олива, доктора Попова, полковника Ширинкина, князя Туманова и др.

*** опасным поворотом

**** относительно причины и сути болезни, подточившей с такою быстротою казавшееся так крепким здоровье Государя.

***** с их еще более многочисленными

***** для публики

***** видимо, хотели скрыть

Не имея с четверга никаких известий из Ливадии, послал татари́на с письмом к Черевину; из полученного от него ответа видно, что в положении августейшего больного нет заметной перемены. Вот последний опубликованный бюллетень: «За истекшие сутки Государь император немного почивал, вставал в течение дня. Состояние сил и сердечной деятельности то же, отеки не увеличиваются». Черевин обещает сообщать мне ежедневно бюллетени по телеграфу.

9-го октября. Воскресенье. – Ездил в Кореис отдать визит Юсуповым. Нашел у них многочисленное общество. Конечно, разговор почти исключительно о том, что делается в Ливадии. Повидимому, в положении больного сегодня заметно некоторое облегчение. Государь выказал радость при свидании с приехавшими братьями Сергеем и Павлом Александровичами. Завтра ожидают великую княгиню Елизавету Федоровну с сестрой принцессой Алисой Гессенской, невестой Наследника. Всем члена царского дома и лицам свит нашлось посещение частью в Ливадии, частью в Ореанде. Государь пожелал, чтобы сегодня, по обычному порядку**, в большом дворце, после обедни, происходил общий завтрак с музыкой. Однако же императрица на этом завтраке не присутствовала***. Приехавший сюда с Александрой Иосифовной отец Иоанн Кронштадтский служил вчера в Ливадской церкви вечерню, а сегодня обедню. Всех рассказываемых подробностей не перечислить.

10-го октября. Понедельник. – Ночью разбудили меня, подали телеграмму из Ливадии, от генерала Черевина, такого содержания: «В течение суток спал немного лучше; встал в обычное время, аппетит и самочувствие несколько лучше; в остальном перемен нет».

День необыкновенно теплый: в 7 часов утра термометр Реомюра уже показывал 17°; среди дня на солнце – до 37°****.

11-го октября. Вторник. – Во вчерашнем вечернем бюллетене (полученном мною ночью) не заключается никаких категорических указаний о положении больного; но из некоторых слов можно заключить, что улучшения нет: «аппетит несколько меньше; силы не увеличились». Во всех бюллетенях, как бы намеренно, избегаются точные указания температуры и пульса.

---

* принятому

** в обыкновенное время

*** Вызванный сюда

**** На своей утренней прогулке я ходил в кителе.

М. Зичи. Прибытие принцессы Алисы Гессенской в Ливадию

Вечером пришла новая телеграмма: «В ночь на 11-ое Государь император почивал лучше; аппетит мал; состояние силы и сердечная деятельность не улучшаются; отеки ног несколько увеличились».

Очень неутешительно.

Сын мой после раннего обеда уехал на почтовых в Севастополь, откуда отправиться далее по железной дороге в Курск*.

12-го октября. Среда. – Сегодня получил я два бюллетеня о положении больного, почти противоположного содержания. Утром – вчерашний вечерний: «В течение дня замечалась некоторая сонливость и легкие спазматические явления; аппетит лучше вчерашнего».

Вечером – утренний бюллетень нынешнего дня: «Ночью почивал несколько часов. Сонливости не заметно, аппетит есть».

Какой смысл имеют подобные бессодержательные бюллетени: вчера вечером констатирована *сонливость* в течение дня, за тем в течение ночи *почивал*, а утром – уже *не заметно сонливости*. Аппетит вчера был лучше предыдущего дня, а сегодня утром аппетит *есть*. Какое же можно сделать заключение из сопоставления этих двух вариантов?

---

* Погода очень теплая.

Сегодня вечером посетила нас княгиня Мария Сергеевна Голицына с одной из дочерей. Они рассказывали о въезде в Ялту и в Ливадию принцессы Алисы Гессенской, о встрече с императрицей, о присутствии ее на молебствии в Ливадской церкви, и проч. и проч. К числу съехавшихся членов царской семьи прибавились еще великие князья Михаил Николаевич и сын его Николай Михайлович. Они оба поселились в Ай-Тодоре.

13-го октября. Четверг. – Как громом поражены мы* горестною телеграммой из Ревеля** о скоропостижной смерти зятя*** к князя Сергея Шаховского**** вчера, около 4-х часов дня. Бедная моя Лиза! Решаюсь немедленно ехать к ней, или в Ревель, или на Богородицкую гору, смотря по тому, где застану ее. На горе они оба, муж и жена, приготовили для себя склеп.

Выезжаю завтра же утром*****.

18-го октября. Вторник. Пюхтица. – Пишу в***** грустной хате дочери Лизы, на Богородицкой горе. Прибыв сюда вчера вечером, я был поражен ожидавшим меня новым тяжким ударом – известием о скоропостижной смерти и другого зятя – князя Владимира Долгорукого! Что за роковое совпадение: почти в одно время обе замужние дочери овдовели! И одинаково скоропостижный конец постиг обоих зятьев! Впрочем, смерть Сергея Шаховского, как оказывается, была не совсем моментальной: она сопровождалась несколько продолжительными страданиями, тогда как Владимир Долгорукий – буквально заснул вечным сном. В телеграмме о его смерти (от 16-го числа) Надя выразилась так: «Владимир вечером заснул и во сне скончался»... Вот все, что мы знаем. Сегодня же утром, из дополнительной телеграммы Нади (от 17-го числа), узнаем, что погребение будет в Мураевне, имении, переданном уже князем Владимиром во владение своему сыну.

Удрученный горем и погруженный в размышления о судьбе обоих дочерей, не имею силы отдать себе отчет в последних трех днях, проведенных мною в путешествии. Скажу только, что ехал я безостановочно, в Курске виделся (ночью, в вагоне) с сыном, из Тосны прямо проехал в Гатчину на Балтийскую дорогу, и от

---

* с женой неожиданной, нежданной

** извещающей

*** нашего

**** По-видимому, он был постигнут ударом вчера, около 4 часов дня.

***** Поспешно делаю все распоряжения и укладываюсь.

***** избе

станции Иеве, на лошадях в ожидавшей меня карете*. На станции Иеве встретился с уезжающими в Ревель племянницей Иной (Александрой Семеновной Саловой) и Михаилом Евгеньевичем Понсэ; здесь же нашел дочь Ольгу и князя Николая Шаховского. Встреча моя с бедной Лизой была, конечно, очень тяжелая для нас обоих; но у меня отлегло от сердца, когда я удостоверился, что она переносит горе с замечательною твердостью и рассудительностью, слабое здоровье ее выдержало страшное душевное потрясение. Мужество ее и видимое спокойствие поддерживаются глубоким ее религиозным чувством: утешением ей служит частая молитва в монастыре и мысль, что она не покинет останков своего покойного мужа. Гроб его поставлен в склеп, устроенный под самым домиком, где она живет; в том же склепе приготовлено место и для ее собственного праха. По ее предположению, дом будет со временем передвинут немного в сторону, а на теперешнем его месте, над склепом воздвигнется небольшая церковь, во имя св. Сергея**. В настоящее время она озабочена*** сохранением и разборкой оставленного покойным мужем довольно большого архива бумаг и писем**** 195.

Известие о смерти князя Владимира Долгорукого удвоило горе, постигшее нашу семью. Участь бедной моей Нади***** крайне тревожит меня. Сердечная скорбь влечет меня к ней; но где найду ее? Возвратится ли она в Ивановское немедленно после погребения тела покойного мужа в Мураевне? Сегодня послал ей телеграмму и буду ожидать здесь уведомления об ее планах и намерениях. Телеграфировал также жене, которая будет глубоко потрясена известием о новом несчастье.

Оля сегодня уже уехала отсюда; она спешит в Крым к оставшейся в полном одиночестве слепой матери.

Здесьняя унылая природа, да к тому же в зимнем облачении,

---

* на Богородицкую гору (или Пюхтицу) приехал около 8 часов вечера

** и намерена оставаться здесь до тех пор, пока не осуществит своего плана.

*** перемещением всего своего имущества и разбором

**** В этой работе и я сегодня помогал ей вместе с князем Николаем Шаховским и возвращенною Лизой Текинской девицей, спасенною моею дочерью при страшном побоище в Геок-Тепе в 1881 году, – а теперь кончившей воспитание в Московском Елизаветинском институте. <Здесь же временно находится молодая девица, спасенная Лизой при страшном побоище в Геок-Тепе, в 1881 году и получившею фамилию Текинской. Теперь она кончает воспитание в Московском Елизаветинском институте.>

***** не дает мне покоя

вполне гармонирует с моим грустным настроением. Какой резкий контраст с покинутым мною так недавно Южным берегом Крыма! Там все еще зелено, полно жизни, тепло; по мере же того, как я продвигался на север, все более и более чувствовалась близость зимы: до Москвы – почти на всем протяжении дождь, холод, слякоть; за Москвой снег; в Гатчине – уже езда на санях^{*}. Здесь – настоящая русская зима; все видимое кругом пространство покрыто белой пеленой^{**}.

19-го октября. Среда. – По желанию дочери, посетил я утром игуменью монастыря мать Варвару, пил у ней чай. Простая, но умная женщина, обладает большою практической опытностью^{***} в хозяйстве.

Застал я здесь у Лизы приехавшею из Москвы крестницу ее – девицу Текинскую, спасенную от гибели при страшном побоище в Геок-Тепе в 1881 году¹⁹⁶, и теперь кончающую свое воспитание в московском Елизаветинском институте¹⁹⁷. Она приехала сюда на короткое время с воспитательницею своею, классной дамой института. Обе они сегодня после обеда уехали обратно в Москву.

Вечером приходила игуменья, а несколько позже неожиданно приехала из Москвы жена князя Льва Шаховского, Варвара Михайловна, рожденная Каткова.

Из последних бюллетеней, напечатанных в газетах, полученных здесь сегодня вечером, можно заключить, что болезнь Государя приняла^{****} крутой поворот к худшему. Такие бюллетени не оставляют никакой надежды на выздоровление и можно ежеминутно ожидать^{*****} рокового известия.

---

* И здесь также поля покрыты сплошным слоем снега. Однако же сегодня выглянуло солнце, и мы с Лизой даже выходили из дому, сделали маленькую прогулку поблизости дома.

** Снег хрустит под ногами и искрится на солнце.

*** и умеет с маленькими средствами творить много полезного в интересах монастырского хозяйства. Как вчера, так и сегодня обедала с нами крестница Лизы девица Текинская с воспитательницею своею классною дамой Московского Елизаветинского института. Обе они сегодня после обеда уехали в Москву. Интересная текинка некрасива лицом, приобрела все, что может дать русский девичий институт, но вполне сохранила тип дикарки, туркменки. Говорят, что и в характере ее, несмотря на институтскую выправку, <пробиваются> проскальзывают иногда черты национальности <туркменская кровь>.

**** резкий и неблагоприятный

***** печально

20-го октября. Четверг. – Нынешний день – девятый с кончины князя Сергея; в монастырской церкви совершена панихида, а потом отслужена лития на самой горе, пред склепом, где покоится его прах. По этому случаю приехали сюда несколько лиц, в том числе один из почитателей покойного князя католический священник Ревельского прихода. Получается отовсюду множество сочувственных телеграмм и писем; во всех газетах, даже немецких, воздаются лестные похвалы усопшему. Немногим из администраторов оказываются по смерти такие всеобщие и единодушные^{**} изъявления сочувствия и преданности. Особенно трогательны простые, наивные, безыскусственные заявления эстонских крестьян и вообще простого народа, ценившего доступность, справедливость и сердечную отзывчивость покойного губернатора, которого некоторые из крестьянских обществ охарактеризовали наименованием «правдолюбец».

Съехавшиеся лица разъехались после обеда, а княгиня Варвара Михайловна Шаховская уезжает завтра обратно в Москву.

От Нади получил телеграмму еще из Ивановского, посланную вероятно пред самым выездом ее в Мураевню, где должно происходить погребение в субботу, 22-го числа. Телеграмма эта не дает мне точного указания для решения вопроса: когда и где я могу съехаться с моею бедной Надей. Приходится еще ждать получения ее письма, адресованного, к сожалению, в Москву.

21-го октября. Пятница^{***}. – Приезжие из Ревеля привезли весть, что там получена уже телеграмма о кончине Государя и что в Петербурге полиции уже пришлось срывать со стен появившиеся возмутительные прокламации¹⁹⁸. Так при каждой смене царствования злонамеренные люди пользуются случаем для возбуждения смуты в простом, темном люде. Настоящая же обстановка представляется особенно благоприятною для подобных проделок: царь умирает где-то в дальнем уголке государства; царь

---

* официальных лиц

** и трогательные

*** Плохо провел ночь от холода в комнате и сильного западного ветра, от которого дрожали мои окна и стучали ставни. Ветром этим смело весь снег с полей, а к утру наступила оттепель, но ветер продолжался весь день, так что я не выходил из дому.

Из Ревеля приехал врач – приятель князя Николая Шаховского, здоровье которого несколько расстроилось в последние дни. Поздно вечером уехала отсюда княгиня Варвара Михайловна Шаховская.

сравнительно еще молодой, которого считали здоровенным, в свежих силах; не трудно внушить народу, будто кончина его – не естественная, насильственная, дело крамольных бар и чиновников; между тем в столице, в центре правительства, полное отсутствие власти, ни одного выдающегося и влиятельного министра; председатель Государственного совета и командующий войсками Петербургского округа – в Крыму; остается на лицо только градоначальник, не пользующийся ни авторитетом*, ни доброй славой. Московский генерал-губернатор также в Крыму; командующий войсками Московского округа – человек безцветный. В Варшаве – главный начальник по гражданской и военной части – человек больной¹⁹⁹. Вот уже несколько времени Россия находится в неизвестности – кто правит ею, в ком олицетворяется верховная, самодержавная власть. Усопший государь уже несколько недель не мог серьезно заниматься делами; при особе его не было ни одного лица, облеченного какими-либо правами и какою-либо властью. А наследник цесаревич? От людей близких ко Двору слышно, что он до сих пор был совершенно устранен от дел²⁰⁰. Никому неизвестны ни его** образ мыслей вообще, ни воззрения политические, ни мнения о личностях, окружавших доселе престол. Лично при нем нет ни одного близкого человека, который мог бы выступить на сцену с новым царем***. Неопределенность настоящего положения усложняется еще вопросом о бракосочетании: невеста, будущая императрица Российская – уже налицо; но когда и где может совершиться самое бракосочетание? Как согласовать обычную торжественность этого акта с глубоким трауром? Все это дает повод к бесконечным и большею частью бессмысленным толкам и пересудам. Еще ранее распространился**** слух, будто бы бракосочетание уже совершено семейно, по-домашнему.

Надобно надеяться, что вскоре туман разъяснится манифестом и каким-либо официальным оповещением. Но в здешней местности газеты и вообще***** известия сильно запаздывают.

[22-го октября. Суббота. – Туман, по временам моросит. Утром вышел было походить поблизости дома; но непролазная грязь по дорогам заставила скоро вернуться.]

---

* ни репутацией безукоризненной нравственности

** направление

*** А ко всему этому присоединяется неопределенность

**** даже

***** новости

23-го октября. Воскресенье. – Вчера вечером получены газеты с известием о кончине Государя и манифест нового императора Николая II²⁰¹. – Сегодня в монастырской церкви отслужена заупокойная обедня, а за тем молебствие и прочитан манифест*.

В послеобеденное время помогал я дочери в разборке и в развешивании венков, принесенных от множества лиц и учреждений на гроб покойного князя Сергея**.

24-го октября. Понедельник. – Вот ровно неделя, что я здесь, на Богородицкой горе, а все еще остается неопределенным дальнейший мой план поездки, за неполучением письма из Ивановского. Успокаивает меня мысль, что пребывание мое здесь не бесполезно для*** несчастной моей Лизы, которая оставалась бы в полном одиночестве в этой грустной пустыне. Развлечением ей служат заботы об оставшихся по смерти мужа бумагах и предположения о постройке**** церкви над его могилой. Сегодня приезжал выписанный из Петербурга архитектор, помощник профессора Преображенского, большая часть дня***** прошла в обсуждении вопроса о предполагаемых постройках.

В полученных новых газетах напечатан новый манифест о помазании принцессы Алисы, т. е. принятии ею православия, с наименованием ее великою княгиней Александрой Федоровной.

25-го октября. Вторник*****. – Получил телеграмму от дочери Оли из Кореиса (а не из Алупки) – очевидно посланную ею прямо от княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой, которая, с обычной своею любезностью, предлагает привезти мне в Петербург все нужные мне вещи на тот случай, если я намереваюсь ехать туда на предстоящее погребение покойного Государя. При этом упомянуто, что царский отъезд (т. е. из Ливадии) назначен

---

* воцарившегося императора.

Князь Николай Шаховский уехал в Москву не совсем еще оправившись от болезни. До Иеве провожает его приезжавший к нему врач.

** Подобные занятия хотя несколько отвлекают мысли ее от удручающего горя.

Погода вся такая же грустная, как и вчера, только без ветра; за то густой туман. Ожидаемого от Нади письма все еще нет.

*** бедной

**** маленькой

***** шли толки с ним и с игуменьей об этой постройке, также о перенесении теперешнего домика Лизы на другое место.

***** Едва встал я с постели, как подали мне телеграмму от Оли

в четверг*. Предложение княгини очень любезно; но я не нахожу возможным воспользоваться им, и в этом смысле ответил Оле. Во-первых, было бы крайне затруднительно по телеграфу перечислить все вещи, которые пришлось бы перевезти из Симеиса, так как я выехал оттуда совершенно налегке, с самым ничтожным багажом**. Главное же препятствие к поездке в Петербург заключается в том, что в настоящее время года здоровье мое не выдержит всех предвидимых мною испытаний в Петербургском климате***. К тому же поездка в Петербург еще отдалила бы свидание мое с дочерью Надей. По всем этим соображениям, решаюсь уклониться от участия в предстоящем отдании последнего долга усопшему императору, в той надежде, что, быть может, удастся мне в свое время, при более благоприятных обстоятельствах, появиться в Петербурге, чтобы поклониться новому царю и будущей царице. По всем вероятностям поводом к этому послужит в недалеком будущем бракосочетание их.

Вечером получена телеграмма от дочери Нади на имя дочери Лизы: не получая от меня ответа на свою телеграмму от 19-го числа, просит уведомить о моих планах. Только теперь указывает Надя, куда адресовать ей телеграммы (в г. Данков****), что дает нам возможность ответить ей и впредь сноситься с нею. Я не замедлил***** отправить ей письмо по данному адресу*****.

26-го октября. Среда*****. – Сегодня в монастырской церкви приводили к присяге окрестных православных обывателей. Я воспользовался случаем, чтобы также принести присягу новому

---

* (т. е. послезавтра)

** налегке, затруднительно было бы там, в мое отсутствие, отобрать назначенные мною вещи; а за тем какая complication, сколько недоразумений по приезде моем в Петербург, чтоб получить привезенные туда княгиней Юсуповой вещи.

*** при той суматохе <сутолоке>, тех треволнениях, какие обыкновенно при-
сущи такому акту, как погребение царя.

**** (в г. Данков, чрез ямщика Барабанова)

***** воспользоваться этим указанием, чтобы

***** Вместе с тем писал и Оле (в Симеис); в этом письме я подробно объяснил ей, почему не считаю возможным воспользоваться любезным предложением княгини Юсуповой и <уклониться> и почему отказываюсь от поездки в Петербург.

В послеобеденное время мы с Лизой сделали небольшую прогулку, насколько позволяли серая погода и слякоть <удобнопроходимость> окрестных дорог.

***** Снова все кругом бело, мороз и ветер.

Император Александр III в гробу

царю, и присоединился к собравшейся перед аналоем кучке эстонцев, а за тем подписал присяжный лист*.

27-го октября. Четверг. – Вчерашний сильный ветер сдул снег; но мороз усилился до 8° Р. В деревянном домике дочери холодно, несмотря на две большие печи. После обеда попробовали мы с Лизой пройтись и подышать свежим воздухом; но скоро вернулись домой. Совсем отвык я от северной зимы. Так и тянет на юг; но придется, вероятно, еще долго выждать здесь, прежде чем можно будет проехать в Рязанскую губернию, где пробуду около недели, так что в Крыму буду не ранее половины ноября.

28-го октября. Пятница**. – Надя извещает по телеграфу, что для свидания со мною намерена приехать в Ивановское и просит только известить ее за день о моем выезде отсюда. Вместе с тем из полученных газет видно, что гроб усопшего императора будет перевезен в Петербург уже 1-го ноября. Решаюсь в этот же день выехать отсюда***.

---

* в двух экземплярах

** Погода светлая, но мороз свыше 10° Р. Весь день не выходил из дому.

*** и рассчитываю прибыть в будущую пятницу 4-го ноября в Ивановское.

Газеты почти исключительно переполнены известиями о бесчисленных, со всех сторон, заявлениями скорби и сочувствия по случаю кончины императора Александра III: обмен телеграмм, приготовление венков, служение панихид и другие манифестации следуют непрерывным рядом одни за другими. Кажется, ни один еще в свете Государь, по смерти своей, не вызывал такого всеобщего, единодушного сожаления. Вся Европа, и приятная, и даже враждебная России откликнулась с трогательным участием; везде воздаются похвалы усопшему царю, как «миротворцу», как честному и правдивому властителю многомиллионного народа²⁰². В этом отношении действительно император Александр III оказал великую заслугу человечеству. Общая же оценка минувшего царствования еще слишком преждевременна. История не придаст, конечно, никакого значения появившимся уже в некоторых газетах патетическим дифирамбам.

29-го октября. Суббота*. – Весь день идет снег; все кругом опять побелело. Вечером приехала племянница Ина (Салова).

30-го октября. Воскресенье**. – Написал письмо к командиру императорскою Главною квартирой генерал-адъютанту Рихтеру, чтоб объяснить ему причины моего отсутствия, как в Крыму, так и в Петербурге, при отдавании последнего долга усопшему императору. Я счел нужным это сделать на тот случай, если б отсутствие мое было замечено и подало бы повод к каким-нибудь превратным толкам.

Появившиеся уже в некоторых газетах патетические дифирамбы покойному императору, конечно, неуместны и не имеют никакого значения. Но как бы ни были различны мнения о значении этого царствования в истории, особенно в истории России и внутренней ее политики, – во всяком случае, мы, современники усопшего императора, можем бесспорно засвидетельствовать редкие в могущественном государе <черты характера> личные свойства: благодушное отношение к людям и сдержанное, спокойное отношение к делам. В частной жизни он был бы примерным человеком и семьянином

* Продолжается довольно сильный мороз. Утром отправил телеграмму к Наде с извещением о моем приезде в Ивановское в будущую пятницу. Вечером приехала племянница Ина (Александра Семеновна (Салова) рожденная Мордвинова). На ночлег она пошла к Ребровой, поселившейся в маленьком домике при монастыре.

В газетах продолжается перечень подробностей «перевезения тела» усопшего Государя и бесчисленных манифестаций, как в России, так и за границей по поводу кончины «царя-миротворца».

** Оттепель – густой туман

31-го октября. Понедельник. – Сегодня двадцатый день по смерти князя Сергея Шаховского; в монастырской церкви опять отслужена обедня*, а потом панихида** пред самым склепом, где погребено тело покойного. Несмотря на грязь, густой туман и сырость – игуменья монастыря с монахинями и духовенством вторично пришли на гору и служили вечерню у склепа, в 4 часа вечера – час смерти покойного князя. После этой службы я простился с игуменьей, так как завтра выезжаю отсюда.

1-го ноября. Вторник. – Сегодня пребывает в Петербург печальная процессия с гробом усопшего императора***. Сегодня же уезжаю отсюда в одном экипаже с племянницей Саловой до станции Иеве****, откуда приходится нам выехать по железной дороге в противоположные стороны: ей – в Ревель, с дневным поездом, а мне – в Гатчину, с ночным. Чтоб не оставаться полсуток на станции, в ожидании ночного поезда, я намерен проводить Ину до Ревеля и там пересест в обратный поезд, отходящий оттуда около 10 часов вечера. По нашему расчету я успею в промежуток побывать в доме моей племянницы и повидаться с Прасковьей Осиповной Милютиной (вдовой моего брата Бориса), с которой не виделся много лет.

Отправляюсь в путь в первом часу пополудни.

3-го ноября. Четверг*****. Москва. – Грустно было мне оставить дочь в одиночестве и печали. Выехал я от нее вместе с племянницей, как было предположено, и проводил ее от Иеве до Ревеля; но тут расчет наш был несколько расстроен: поезд запоздал минут на 20, так что я не имел уже возможности побывать в самом городе и повидаться с Прасковьей Осиповной Милютиной. К тому же на станции ревельской совершенно неожиданно встретили меня официально вице-губернатор Дирин (временно управляющий губернией) и начальник дивизии генерал-лейтенант Мевес.

---

* (причем дочь моя вторично причастилась)

** и затем лития

*** – и день этот назначен мною для выезда с Богородицкой горы.

**** Я решился выехать вместе с нею, чтобы не требовать вдвойне почтовых лошадей в один и тот же день.

***** В прошлый вторник, как было предположено, выехал я с Богородицкой горы в 1-ом часу дня, вместе с племянницей Иной Саловой, в почтовой карете, до станции Иеве, где дождался поезда. Дорога оказалась не так дурною как я ожидал, погода серая, густой туман, а позже пошел дождь, который провожал меня потом до самой Москвы.

Встреча эта, конечно, отняла у меня еще несколько минут времени, так что успел я только пересест в другой поезд и сейчас же отправился обратно в Гатчину. Там, на станции, должен был высадиться четыре часа*; затем в Тосне опять пришлось выждать более двух часов прохода Петербургского почтового поезда. На всем пути провожал меня дождь.

Сегодня в 8 часов утра приехал в Москву; остановился в гостинице «Славянский базар»**.

Здесь должен пробыть до 10-го часа вечера, т. е. до отхода вечернего поезда в Рязань. День этот я провел в разъездах; но большую часть времени пробыл у старушки княгини Шаховской*** и у Горбуновых. Наслушался бесконечных рассказов о том, что происходило и говорилось в Москве в последние дни, как встречали и провожали гроб усопшего царя, какое было при этом небывалое одушевление в народе, какие ходят толки по случаю болезни покойного императора, а также о вновь воцарившемся Государе, о его невесте, о предстоящей будто бы в самом близком времени свадьбе и т. д.

Уверяют, будто бы обряд бракосочетания уже назначен на 13-ое ноября, т. е. вслед за погребением. Что-то не верится; такое нарушение общепринятых**** приличий кажется неправдоподобным²⁰³. Здесь в Москве еще не убраны траурные драпировки улиц и зданий. Трудно перечислить все толки, какие ходят в публике; сколько нелепых выдумок и предположений, сколько анекдотических подробностей того, что никому не может быть известно!***** Говорили мне, что в некоторых кружках припутывают к распространяемым слухам и мое имя. Как ни стараюсь я держаться замкнуто в частной жизни, в стороне от всего, что сколько-нибудь отзывается официальнойностью, несмотря на то, в газетах все-таки

---

* (с 8 до 12 часов утра <до полудня>) на станции, <в единственном помещении> где нет другого помещения кроме буфета. На мое счастье, в то день не было много приезжих, а Гатчина была совсем опустела, и потому ни с кем не встретился из знающих меня в лицо. Из Гатчины проехал я очень тоже спокойно и одиноко до станции Тосно.

** Здесь нашел погоду довольно сносную, градуса два тепла; но сыро и серо. В Москве приходится мне пробыть целый день.

*** (и сына ее Николая Владимировича)

**** общепринятых, обычных приличий траура

***** К удивлению моему, мне говорили

пропечатали, будто бы я нахожусь в Петербурге, даже описывают, как меня встречали на станции и т. д.

4-го ноября. Пятница. Ивановское. – В 1-м часу пополудни прибыл я на станцию Ремизово, где встретила меня бедная моя Надя. Трудно выразить, как горестна была наша встреча и как тяжело было мне увидеть Ивановское: этот дом, этот кабинет, это уютное жилье – без хозяина. Все остается на прежних местах; все напоминает о добродушном, честном покойнике. Надя приехала сюда из Мураевни только вчера, и намерена вернуться туда к сороковому дню, т. е. к 24-му числу ноября, а потом ехать в Крым, если не задержат ее здесь дела по наследству и по имению

10-го ноября. **Четверг**. – Целую неделю провел спокойно вдвоем с Надей. Она переносит свое горе необыкновенно спокойно и рассудительно. Вот редкое соединение добрейшего сердца со здоровым, практичным смыслом.

Погода во все время сырая, туманная; такая слякоть, что почти не выходим из дома. Только раза два, когда несколько подмерзло, мы с Надей немного прошлись поблизости дома. Сегодня же выпал снег.

[8-го ноября. Вторник. – Все последние дни была оттепель, туман, кругом слякоть. Мы с Надей выходили из дому только на несколько минут, поблизости дома. В прошлую же ночь несколько подморозило, туман разошелся, хотя погода все-таки серая. Мы сделали утром порядочную прогулку по полям. Сегодня должно происходить в Петербурге погребение покойного Государя. Мы

---

* будто бы

** Выехав вчера из Москвы, в 10 часов вечера на Рязань и Ряжск, приехал сегодня

*** Она, также как и Лиза, переносит свое горе твердо и спокойно, но озабочивают ее дела по имению, которые покойный ее муж не успел упорядочить. Во всяком случае, смерть его – есть полнейший перелом в жизни бедной моей Нади.

**** Первоначально поставлена дата «5-е ноября», затем исправлено на «10». Прим. публ.

***** Весь день

***** Писал письма (к сыну, дочери Лизе, племяннице Ане Понсэ). Надя также занималась деловой перепискою.

***** без всяких увлечений

***** После данной записи, первоначально датированной «5 ноября», в подлиннике дневника следуют вычеркнутые записи 8, 9, 10, 14 ноября. Прим. публ.

здесь сидим без газет и ничего не ведаем о том, что творится на белом свете.

Вечером получил письмо от Оли из Симеиса, которое напрасно путешествовало в Эстонию!

9-го ноября. Среда. – Утром сделал порядочную прогулку в окрестностях, до 1½° мороза.

Писал Оле и в Международный банк²⁰⁴.

10-го ноября. Четверг. – Высыпал снег. Весь день не выходил из дому.

14-го ноября. Понедельник. – Вот ровно месяц прошел с выезда моего из Крыма. Поджидаю приезда в Ивановское молодых Долгоруких. Погода все серая, сырая; термометр стоит около точки замерзания; снегу мало; однако ж ездят на санях. Который уже день не выхожу дому. Провожу время в чтении: прочел Бакунина (основы веры и знания)²⁰⁵, последний том графа Льва Толстого²⁰⁶, некоторые романы Достоевского. С последним я до сих пор совсем не был знаком и читал его с удовольствием. Зато тенденциозные, бьющие на оригинальность, последние произведения нового пророка (Л. Толстого) не могу переварить.]

17-го ноября. Четверг. – Утром выглянуло солнце. В первый раз вижу его с самого выезда из Крыма, т. е. за целый месяц*. Испытываю на себе, какое влияние имеет оно на расположение духа. Сидя безвыходно дома, в ожидании приезда сюда молодых Долгоруких, убиваю время в чтении попавших случайно под руку русских писателей: Достоевского, Тургенева, графа Л.Н. Толстого. С большею частию их произведений я вовсе не знаком, до сих пор мне было не до чтения романов.

[18-го ноября. Пятница. – Не долго тешило нас солнце. Сегодня опять серое небо, идет мелкий снежок, 1½° мороза.]

21-го ноября. Понедельник. – После долгого ожидания приезда молодых Долгоруких, наконец получена телеграмма с извещением о том, что теперь они приехать не могут. Следовательно, предполагавшаяся поездка Нади, вместе с ними, в Рязань должна

---

* Чувствую на себе сильное влияние солнца, как-то светлее и а душе. Сколько дней не выхожу я на воздух из опасения простуды пред самым выездом отсюда. Все еще нет определенных известий о приезде молодых Долгоруких. А между тем день за днем проходит, и мы здесь ничего решительно [не делаем] проживаем без дела, в полном неведении о том, что творится и без газет.

быть отложена и может состояться разве только после 24-го числа – сорокового дня по смерти князя Владимира. К этому дню, конечно, Надя поедет прямо в Мураевню. Решено, что мы выезжаем отсюда вместе ночным поездом, со вторника на среду, и едем до Скопина, откуда она отправится на лошадях в Мураевню; я же продолжаю путь по Сызрано-Вяземской железной дороге до Тулы, где попадаю на Московско-Курский скорый поезд**.

22-го ноября. Вторник. – День солнечный, но мороз*** до 6°.

Прощай Ивановское, вероятно, навсегда.

26-го ноября. Суббота. Симеис. – Вот я опять в Симеисе, отдохну от своих странствий, продолжавшихся ровно шесть недель. Переезд из Ивановского сюда совершился вполне**** согласно предположению. В Курске, во время часовой стоянки поезда ночью, имел я свидание с сыном*****, от которого получил кипу газет, за время моего пребывания в Ивановском. Пересмотром этих газет прилежно занимался я на всем остальном своем пути, чтобы не остаться в совершенном неведении накопившихся за то время новостей*****. Вчера, в пятницу, прибыл я в Севастополь, в 11 часов утра. У вокзала железной дороги уже ожидал меня по-

---

* вместе

** Погода, по-прежнему, переменчивая: термометр колеблется около точки замерзания. Снегу мало; однако ж езда на санях возможна.

*** утром

**** удачно и со всеми удобствами. Из Ивановского выехали мы с Надей в 3-м часу ночи, в санях: было 8° мороза; но ветер, дувший весь день, утих к ночи и, не смотря на легкую мою одежду, совсем не зимнюю, несмотря и на мою привычку от русской зимы, я не очень озяб. На станции Ремизово сели мы в поезд железной дороги и доехали вместе до Скопина, откуда Надя отправилась уже на лошадях в Мураевню, где предстояло на <следующее> завтра, в сороковой день по смерти ее мужа, отслужить панихиду на его могиле. Я же продолжил путь до Тулы, где пересел на другой поезд Московско-Курской железной дороги.

***** который приехал по моей просьбе

***** От слов «на всем остальном своем пути», до самого почти Симеиса, я едва успел бегло просмотреть всю массу накопившихся за это время интересных новостей. На всем пути я почти не сводил глаз с газет, пока, конечно, было довольно светло для чтения. К сожалению, в настоящее время года день очень короток, начать чтение можно не ранее 8 часов утра, а в 4 часа пополудни приходится уже заканчивать и до следующего утра сидеть во мраке, сложа руки, и дремать. На всем протяжении дороги, начиная чуть не от самого Ряжска, нет вовсе снега: дурное предзнаменование для урожая будущего года. Сельские хозяева окончательно повесили носы.

чтовый экипаж, в котором и помчался в Симеис. В 5 часов вечера я уже был дома*.

В продолжение моего отсутствия из Симеиса, больная жена моя недолго оставалась в одиночестве. Кроме дочери Ольги, прибыла племянница Елена Милютина. Здесь узнаю неожиданную семейную новость – о выходе замуж племянницы Анны Евгеньевны Понсэ за управляющего именем ее отца, А.П. Ефремова. На своем письменном столе нахожу грудку полученных в отсутствие мое писем, посылок, книг, журналов. Потребуется несколько дней, чтобы все это разобрать, а затем** приняться за ответные письма.

30-го ноября. Среда. – В числе накопившихся в мое отсутствие писем оказалось несколько таких, которыми я обязан распространному газетам ложному слуху о моем приезде в Петербург и назначении меня будто бы «канцлером»***. Нелепый это слух, разумеется, соблазнил очень многих, добродушно поверивших газетам: некоторые поспешили обратиться ко мне с разными просьбами; одна дама прислала прошение для «передачи в собственные руки» молодого царя; известный художник Микешин извещает, что посвятил мне какой-то составленный им проект памятника и сочиненную по**** случаю моего назначения кантату.

Он даже адресовал свое письмо прямо в «Аничков дворец»²⁰⁷. Потешило меня письмо из Америки, писанное не совсем грамотно по-русски, поселившимся там русским евреем (часовщиком и ювелиром), который изъявляет свою радость по поводу моего мнимого назначения, как***** знамени радикального поворота в нашем правительстве²⁰⁸.

На бóльшую часть полученных писем я уже ответил и разобрался в грудке найденных посылок, книг и журналов*****. С самого приезда своего не мог ни разу выйти на прогулку: погода пасмурная, а я умудрился схватить грипп*****. Странное дело: в продолжение всего шестинедельного моего странствования вблизи

---

* С радостью обнял я жену и дочь Олю. Племянница Елена Милютина, также приехавшая к нам во время отсутствия моего, не оказалась на лицо: она гостила последние дни у Самариных в Ялте. Много есть о чем нам передать друг другу, о многом приходится и погоревать.

** постепенно

*** как бы «советником» нового императора.

**** этому

***** как знаменования радикального поворота в духе нашего правления.

***** свел счета и проч. и проч. К сожалению, с самого приезда

***** с насморком

полярного круга я выдерживал отлично и стужу (доходившую до 10° мороза), и снег, и слякоть, – а теперь, только что возвратившись* в теплый край, в свою обычную домашнюю обстановку, хвораю.

На посланное мною еще с «Богородицкой Горы» письмо к генерал-адъютанту Рихтеру получил я любезный ответ: он пишет (11 ноября), что только накануне удалось ему доложить Государю содержание моего письма. «Его Величеству угодно было поручить мне передать Вашему Сиятельству, что он сочувствует постигшему Вас двойному семейному горю и вполне понимает, что при таких печальных обстоятельствах поездка в Петербург являлась невозможной»²⁰⁹.

6-го декабря. Вторник. – Погода переменилась: небо прояснилось, но холодно и сильный северо-западный ветер; по ночам температура спускается до нуля. Не решаюсь еще выходить на воздух, хотя почти уже отделался от своего гриппа. Зато приступил снова к устройству своей библиотеки; надобно докончить прерванную работу.

[**8-го декабря. Четверг.** – С 9-го ноября впервые сделал прогулку; но на первый раз не дальнюю: только в пределах своего имения. Заметно отвык ходить.]

20-го декабря. Вторник. – Сегодня за границей новый год. После продолжительной пасмурной и дождливой погоды наступили прекрасные солнечные дни: в тени до 12° Реамюра (т. е. 15°Ц), на солнце поднимается до 32° Р (40°Ц). С удовольствием возобновил я свои обычные утренние прогулки**; грязная дорога быстро подсыхает.

Все еще ожидаем приезда дочери Нади; ее задерживают в деревне дела по наследству и по имению. Ожидаем также племянника Юрия с его женой: на возвратном пути из Петербурга в Тифлис они обещали заехать сюда и забрать с собой сестру свою Лену.

22-го декабря. Четверг***. – Из Петербурга до сих пор не имеем никаких сведений о чем-либо выдающемся в направлении нового царствования. Из того же, что известно по газетам, первым видным фактором является увольнение генерала Гурко от

---

* восвоися

** в Алупку

*** Получил вчера телеграмму от Юрия, извещающую о приезде его «в сочельник»; сегодня же Надя телеграфирует о своем приезде в пятницу, т. е. завтра.

И.В. Гурко

должностей варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа, с производством в фельдмаршалы и назначением членом Государственного совета; на оставленный им важный пост назначен посол наш в Берлине граф Павел Шувалов, на место которого еще нет назначения. Вчера же прочли в газетах, что Кривошеин слетел с поста министра путей сообщения. Об увольнении его уже были слухи ранее. Есть основание предполагать, что вскоре последуют и другие перемены в персоне высшего правительства. Но от некоторых приезжих из Петербурга слышно, что в тамошних* высших сферах замечается какое-то выжидательное спокойствие, никто не знает, что ожидать в ближайшем будущем и куда направится наш «новый курс». Те же приезжие рассказывают, будто молодой Государь высказал одному из министров, затронувшему какой-то серьезный вопрос законодательный, что на первое время желает ничего не изменять, никаких новых вопросов не** поднимать, пока не ознакомится с хо-

---

Погода держится теплая, ясная. Вчера термометр на солнце поднялся до 32° Р. (= 40°С) [так в тексте. – Прим. публ.] на виноградниках идет усердно перекоп[ная].

* первоначально «общественных», затем поправил на «высших» (Прим. публ.).

** решать

Н.Х. Бунге

дом дел по всем ведомствам. Если это правда, то можно только похвалить такую благоразумную выдержку молодого монарха. Говорят еще, что все личные доклады министров Государю происходят в присутствии председателя Комитета министров Н.Х. Бунге²¹⁰. И это не дурно.

Увольнение генерала Гурко вызвано, конечно, крайнею необходимостью – полным расстройством его здоровья²¹¹. Производство его при этом в высший военный чин может иным показаться наградою несколько несоразмерною с оказанными им заслугами; но ведь это, по всем вероятиям, только улащение остающихся ему немногих лет жизни. Что же касается до преемника его, то** признаюсь в своем сомнении, окажется ли граф Павел Шувалов на высоте такого назначения. Это человек*** придворный, с большим тактом, с выдержкой; но справится ли он с польцизной, а в случае войны, годится ли в главнокомандующие – это вопрос.

---

* на мой взгляд

** я, грешный человек, весьма сомневаюсь в том, чтобы

*** преимущественно

Увольнение Кривошеина не удивит никого, и все, кому известна его прежняя репутация, одобряют решение молодого царя²¹². Замечательно, что при воцарении Александра II первым проявлением его личного нерасположения было – удаление тогдашнего главноуправляющего путями сообщения – могущественного любимца императора Николая I графа Клейнмихеля.

Наступил, по-видимому, конец длившемуся так долго циклу необычайных манифестаций по поводу кончины императора Александра III. Появившиеся по этому случаю в некоторых русских газетах дифирамбы в честь усопшего царя были преисполнены преувеличенных восхвалений** и – ради вящего оттенка – возмутительных порицаний предыдущему царствованию***. В Москве, как мне там говорили, общественное мнение вспыхнуло негодованием на редакцию «Русских ведомостей»²¹³ за то, что в этой газете не было проявлено достаточно пафоса в прославлении императора Александра III. Но вот теперь другая редакция, столь же не популярная в среде так называемых «патриотов» и «консерваторов» – решается смело поднять голос против вопиющей неправды и тенденциозной оценки обоих царствований. С удовольствием прочел я в декабрьской книжке «Вестника Европы» статью неизвестного автора: «Торжество миролюбия» и в том же номере «Внутреннее обозрение». Нельзя не отдать справедливости**** смелости и ловкости, с которыми***** затрагиваются в «Вестнике Европы» самые чувствительные струны нашей***** общественной жизни и правительственного направления. К числу таких статей можно отнести и помещенную в ноябрьской книжке того же журнала статью Л.З. Слонимского: «Хозяйственные вопросы»²¹⁴. С каким ужасом прочли бы такие статьи цензоры былых времен, о которых рассказывает столько любопытного в своих записках профессор Никитенко²¹⁵.

23-го декабря. Пятница. – Обрадованы наконец приездом дочери Нади Долгорукой; прождали ее до 12-го часа ночи. Поезд железной дороги опоздал в Севастополь на целые четыре часа.

---

* ему

** минувшего царствования и для большего пафоса

*** к стыду нашего, так называемого «общества» – это мы

**** умению и ловкости

***** высказываются

***** современной жизни

25-го декабря. Воскресенье. – Вчера опять провели весь вечер в ожидании приезда племянника Юрия с его женой. Не дождавшись их, в полночь разошлись по своим комнатам. Подъехали они только в половине второго часа, встретила их одна только дочь Оля. Все же остальные увиделись с ними только сегодня после полудня. Гости наши мелькнули как метеор: отобедали и вскоре потом уехали в Ялту. Сегодня же, в 9 часов вечера, они садятся на пароход, отходящий к Кавказским берегам. Юрий торопится возвратиться в Тифлис до нового года, что необходимо по делам редакции издаваемой им газеты «Кавказ».

26-го декабря. Понедельник. – Сегодня посетили нас Самарины. Они подтвердили слышанные нами вчера рассказы Юрия Милютина о студенческих беспорядках в Москве^{*}. По-видимому, тут нет ничего другого, кроме ребячества, юношеского сумасбродства; однако же нельзя не пожалеть, что такие бессмысленные выходы молодежи случились очень не кстати, в самом начале нового царствования. Они могут повлиять на^{**} настроение молодого и еще колеблющегося самодержца, хотя и рассказывают, будто Государь, при докладе министра народного просвещения об этих московских беспорядках, выразился в том смысле, что не следует придавать^{***} слишком большую важность ребяческим безрассудствам. Дело студенческое может усложниться вмешательством профессоров, которые, как говорят, не только выказали много бестактности во время самих беспорядков в университете, но и потом подали неуместное коллективное заявление в^{****} оправдание поведения студентов²¹⁶.

30-го декабря. Пятница. – Ездил вместе с дочерью Надей в Ялту; навестил наших приятелей: Долгоруких, Кочубеев, Самариных и на возвратном пути Евреиновых. Опять разговоры о московских студенческих беспорядках, о готовящихся будто бы многих перемещениях в личном составе правительства и т. д. Толкуют также об адресах, подносимых молодому Государю земскими собраниями некоторых губерний, в либеральном смысле. Из числа таких адресов ходят по рукам копии с Тверского и Туль-

---

* хотя в них, по-видимому, нет ничего серьезного, кроме одного ребячества

** образ мыслей и настроение

*** таким ребяческим проделкам

**** в защиту поведения студентов

ского*. Считаю не лишним приложить при сем оба этих адреса, как заключающие в себе явственные намеки на дарование земству права представительства, хотя желание это и облечено в высокопарные выражения глубоких верноподданнических чувств, без всякого посягательства на самодержавие²¹⁷.

Кстати приложу здесь же и другой замечательный документ – выписку из анонимного письма от 16–18 ноября текущего года на имя известного профессора Владимира Ивановича Ламанского, по поводу сказанной им в Славянском обществе²¹⁸ речи при воцарении императора Николая II²¹⁹. Письмо это, заключающее в себе правдивую оценку правительственной деятельности в царствование императора Александра III, так согласуется с моими личными убеждениями, что я не мог бы иначе высказать собственный свой взгляд на образ действий нашего правительства за последние 14 лет.

Теперь пред нами полная неизвестность: чего можем ожидать от нового царствования? Будет ли правительство вести Россию по прежнему проторенному пути, или переменит «курс» и в какую сторону? Наступающий новый год, если и не совсем, то хотя несколько приподнимет завесу, скрывающую от наших глаз ближайшее будущее.

---

* От Евреиновых слышали много подробностей о пребывании царской семьи в Ливадии и последних днях покойного Государя.

1895-й год

2-го января. Понедельник*. – Сегодня уехала от нас в Ялту племянница** Елена Милютинана***; в среду она отправляется на пароходе в Одессу, откуда далее чрез Вену в Италию, к проживающей в Риме матери ее.

[4-го января. Среда. – Сегодня обедали у нас князь Михаил Ростиславович и Лидия Алексеевна Долгорукие, а после обеда посетила нас Елена Осиповна Евреинова.]

12-го января. Четверг. – Дочь Ольга уехала в Ялту, чтобы завтра утром отправиться на пароходе в Севастополь и далее по железной дороге в Москву****. К сожалению, погода***** очень неблагоприятная для морского переезда.

Последние газеты (сильно запаздывающие) принесли известия о важном кризисе во Франции: в одно время с отставкой кабинета Дюпюи оставил свой пост и президент республики Казимир-Перье. Такое неожиданное решение главы правительства произвело общее изумление и вызвало со всех сторон упреки президенту: поступок его признают малодушием, эгоизмом; приписывают его чрезмерной щекотливости, нервности; некоторые даже приравнивают измене отечеству. Конечно подобный кризис в государственном правлении может представлять большую опасность при настоящей неустойчивости власти во Франции, при непрерывной борьбе партий, забывающих интерес государственный, ради сво-

---

* Начало года в нашем домашнем обиходе ничем не отличается от будничных дней, кроме разве появления одного за другим разных лиц с поздравлениями, за получением, по заведенному обычаю, маленького «бакшиша». Продолжаем пользоваться необыкновенно теплою погодой.

** Леночка (Елена Николаевна)

*** она пробудет два дня в Ялте

**** До Ялты сопровождает ее Надя.

***** уже несколько дней как изменилась: сильный западный ветер, по временам дождь, море бурлит, – но по-прежнему очень тепло: сегодня, например, с 7 часов утра уже было 10° Реомюра (12¹/₂° Цельсия). Такая высокая температура небывалая в январе месяце.

*Д.А. Милютин и
Н.К. Гирс с супругой*

их' односторонних целей. Среди этой борьбы роль президента республики, конечно, очень тяжелая и неблагодарная; но раз, что принял на себя эту роль, приходится вооружиться твердою решимостью выстоять определенный срок у руля; по русской пословице: «взялся за гуж, не говори, что не дюж»²²⁰.

18-го января. Среда. – Газеты принесли известие о смерти нашего министра иностранных дел Николая Карловича Гирса. Жаль его: это был хороший человек, скромный, симпатичный, хотя и не выдавался блестящими способностями. Было время, когда мы с ним очень сблизились, – именно пред войною турецкою 1877–1878 годов и в последующие за нею годы. Еще до войны, когда князь А.М. Горчаков только номинально** стоял во главе Министерства иностранных дел***, приходилось мне по всем вопросам, касающимся внешней политики, обращаться не к канцлеру, а к то-

---

* узких, низменных побуждений

** правил министерством

*** – заметно уже сделался gamolli [старчески расслабленный (фр.)].

варищу министра Гирсу. Позже, когда князь Горчаков, продолжая носить титул министра, совсем уже перестал заниматься делами и затем уехал за границу, мы с Гирсом постоянно вместе являлись с докладами Государю Александру Николаевичу, а во время пребывания Его Величества в Ливадии мы были почти неразлучны^{**}. В ту критическую эпоху нашей дипломатии, полную тревог и треволнений, мы делились чистосердечно нашими мыслями, опасениями, сомнениями и надеждами, и тем облегчали обоюдно свое мрачное душевное настроение. Николай Карлович не отличался твердостью характера, стойкостью убеждений, ни дипломатической прозорливостью; но привлекал к себе мягкостью форм, скромностью, ровностью в обращении и честностью как в личных отношениях, так и в исполнении своих служебных обязанностей. Покойный Государь Александр II высоко ценил эти качества Гирса и любил его; также благоволила к нему императрица Мария Александровна. Кажется, и в последующее царствование Гирс пользовался личным к нему расположением и Государя и Государыни; но оба императора, как родитель, так и сын, одинаково смотрели на своего министра иностранных дел не как на ответственного руководителя внешнею политикой империи, а только как на своего верного секретаря по сношениям с иностранными^{***} дворами. В этом отношении император Александр III^{****} шел по стопам своего предшественника и вел самолично внешнюю политику. Такая личность, как Николай Карлович Гирс, совершенно ступшевывалась, действительно спускалась на ступень аккуратного секретаря.

Припоминаю, что где-то в другом месте моего дневника я уже высказывал свое мнение по поводу такого порядка – самоличного ведения внешней политики самодержавным главою государства. Слава Богу, что мы не поплатились еще дорогою ценою за такие опасные опыты. Но теперь вопрос – кто займет место умершего министра иностранных дел и какая степень самостоятельности или ответственности будет ему предоставлена нашим молодым императором?²²¹

21-го января. Суббота. – Земства некоторых губерний, как я уже упоминал, по случаю восшествия на престол молодого царя, вздумали было в своих приветственных адресах выражать, хотя

---

* не мог

** вместе даже пешеходные прогулки делали.

*** кабинетами

**** как слышно

и весьма туманно, свои вождения в либеральном смысле. Не долго оставались они в приятных иллюзиях. Вот и категорический им ответ прямо с высоты престола: 17-го января, при приеме в Зимнем дворце многочисленных депутатов, прибывших со всех углов России с поздравлениями по случаю бракосочетания Их Величеств, молодой Государь в своей речи, высказав доверие к искренности получаемых верноподданнических заявлений, прибавил: «Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся *бессмысленными* мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель»²²².

Коротко и ясно. И что же? Слова эти* вызвали в зале восторженные возгласы «ура»!

Очень жаль, что ставится так круто вопрос о самодержавии. Кто же замышляет ограничение самодержавия? – Если б даже и возникло с чьей-либо стороны предложение об «участии в делах государственного *управления* представителей земства», – то ведь это еще не значит ограничивать самодержавные права верховной власти. Только Катков, в своем лакейском фанатизме, мог называть иронически «республикой» наши судебные учреждения, а Сенат и Государственный совет чествовать революционными учреждениями²²³. России пока нужно ограничение не самодержавия верховной власти, а самодурства и произвола каждого чиновника, от министра до последнего полицейского урядника. Люди разумные и честные вполне понимают, что при теперешнем состоянии России конституционный образ правления просто невозможен; но желать водворения в нашем управлении *законности* – можно и должно.

22-го января. Воскресенье. – Нынешняя зима у нас совсем необыкновенная: в сделанном мною выводе из метеорологических наблюдений за истекший январь месяц (считая по новому стилю), оказывается *средняя* температура этого месяца 9,8° Ц. – температура небывалая. За предыдущие пять лет получил я в среднем за январь месяц всего 4,2°; самые теплые в 1891 и 1892 были 5,3°; а в прошлом же 1894-м году было только 3,1°. Нынешний январь немногим уступает в температуре обыкновенному ноябрю и даже апрелю. Совершенная весна; миндаль и многие другие деревья в

---

* были заглушены

А.А. Абаза

цвету; на сирени и других зеленеют уже почки. Такая преждевременная, неестественная теплота возбуждает опасения за участь растительности, так как по всем вероятиям еще наступят холода в феврале и марте. Неестественно, чтобы зима прошла у нас без мороза. Между тем в Западной Европе, даже в Италии, Южной Франции, Испании небывалое обилие снегов.

25-го января. Среда. – Сегодня жена отправилась на пароходе в Севастополь, чтобы посоветоваться с тамошним окулистом Шмидтом насчет своих глаз и решить вопрос – не требуется ли уже теперь на левом глазе произвести такую же операцию, какая была сделана в прошлом году Крюковым на правом. Смотря по заключению Шмидта, придется жене или остаться на некоторое время в Севастополе, чтобы предоставить ему же, Шмидту, исполнить операцию, или же немедленно возвратиться в Симеиз*.

26-го января. Четверг. – Жена уже возвратилась сегодня вечером. Шмидт не признал нужным делать теперь операцию.

28-го января. Суббота**. – Из газет узнаю, что в Нице кончил жизнь Александр Аггеевич Абаза. В последние годы здоровье его

---

* Так в тексте. (Прим. публ.).

** Посещение Ольги Александровны Данилевской.

совсем пошатнулось; как кажется, у него были даже не раз удары, и можно было ожидать скорого конца. Жаль, что конец его жизни был такой печальный: это был человек с выдающимися способностями; в свое время он играл видную роль в кругу наших государственных людей*. Речи его в Комитете министров, Государственном совете и в разных других многочисленных комитетах, комиссиях, совещаниях – слушались с удовольствием и в большей части случаев имели решающее влияние. К сожалению, его стугбили карты. С молодых лет он вел большую игру, считался человеком с большим состоянием, но в последнее время, по-видимому, дела его финансовые пошли плохо и репутация его сильно пошатнулась. Он должен был покинуть окончательно государственную деятельность и удалиться за границу²²⁴.

19-го марта. Воскресение. – С января месяца не заглядывал я в свой дневник. Кажется, никогда еще не бывало** такого долгого промежутка в моих записках. Объясняется этот промежуток полнейшим однообразием и уединенностью нашей жизни. Никого постороннего не видим и о том, что делается на свете, узнаем только из получаемых немногих русских газет. В последнее время и погода стояла хмурая, дождливая; дороги грязные, так что по целым неделям не выходил я из дома. Зато усердно занимался устройством своей библиотеки и упражнялся переплетным искусством, насколько оказывается это нужным для приведения в приличный вид крайне растрепанных книг***, претящих моему библиофильскому глазу.

На скудость известий о современных событиях – я не жалуюсь. Для спокойствия душевного даже и лучше, как можно менее знать, что происходит в политическом и общественном мире, особенно в нашем любезном отечестве. Перемена царствования не изменила нисколько направления нашей государственной жизни: все**** тот же сумбур в высшем правительстве, тот же произвол бюрократии и стремление чиновничества всех рангов к самовластию. Более всего заметно движение в Министерстве финансов и по части железных дорог. Бесперывно новые выпуски бумаг, конверсии, новые налоги***** причиняют какое-то лихорадочное беспокойство

---

* Он отличался деловитостью в вопросах финансовых и экономических, а также даром слова.

** в нем

*** невыносимых для

**** то же стремление бюрократии к подавлению всякого порыва к прогресс[у].

***** поддерживают

в публике; чрезмерно широкая предприимчивость по железнодорожному делу кажется несоразмерною с нашими скудными финансовыми средствами²²⁵.

На днях получил и я, в числе многих других лиц, рассылаемую министром финансов вновь изданную в Париже известным своими грязными выходками бывшим профессором Военно-медицинской академии Ционом книгу: «Monsieur Witté et les finances russes»²²⁶. Это злобный пасквиль на теперешнего министра финансов, затрагивающий отчасти и предшественника его Вышнеградского. Книга эта составлена Ционом в видах шантажа: прежде выпуска своего пасквиля в свет он прислал один экземпляр Витте, вероятно, в надежде на получение крупного куша за уничтожение опечатанного издания. Но Цион ошибся в расчете: Витте, как умный человек, не только не испугался выпуска пасквиля, но потребовал даже от Циона выпуска его книги и присылки 500 экземпляров в Министерство финансов, для распространения книги в России. Таким путем попала она и ко мне. Я дал себе труд прочесть книгу Циона и признаю, она поставила меня в недоумение: насколько тут вранья и насколько правды. Закулисная сторона наших русских финансовых операций составляет государственную тайну; я же принадлежу к той публике, для которой эти дела совсем чужды; а потому мне показалось несколько рискованною рассылка книги без всяких со стороны Министерства опровержений и разъяснений. Книга Циона испещрена цифрами*, придающими в глазах профана серьезное значение взводимым на Министерство финансов страшным обвинениям, не только в ошибках и невыгодных для казны мерах, но даже прямо в измене и мошенничестве. Не знакомый со всею подноготною финансового дела, читатель книги Циона, даже зная, что это за личность, все-таки может впасть в сомнение. По крайней мере, на меня книга эта произвела такое впечатление. Но вот сегодня получаю с почты новую посылку из Министерства финансов: это номер (3-й) издаваемого от Министерства: «Bulletin russe de statistique financière et de législation»²²⁷, заключающий в себе именно возражения против пасквиля Циона, которого при этом отхлестали беспощадно²²⁸. Теперь примусь за чтение этого разъяснения, в надежде убедиться в том, что вся книга Циона есть одна сплошная ложь, одна бессовестная клевета.

---

* рискованным решение министра финансов

** и такими обвинениями

Редкий номер газет не приносит вести о смерти того или другого из моих сверстников: на днях узнал о смерти княгини Марии Васильевны Воронцовой, умершей за границей; а сегодня о кончине генерала Глинки-Маврина, с которым я познакомился еще в 1840 году, в Париже, в первое мое путешествие за границу. Он был тогда командирован, еще молодым офицером, в Бельгию, для заказа первых нарезных ружей, которые тогда только вводились в европейские армии и которыми предположено было у нас вооружить стрелковые батальоны. С тех пор мне случалось много раз сходить с ним на служебном пути, а под конец моей служебной деятельности иметь с ним близкие сношения, как с членом Военного совета. Это был человек честный в жизни, добросовестный в службе, но тяжелый до педантизма. Кончил он жизнь на 85-м году.

20-го марта. Понедельник. – Сегодня, наконец, решился я съездить в Ялту*; навестил своих хороших знакомых: Долгоруких, Кочубеев, Самариных и Чичериных***. Наслышался много новых для меня сведений о происходящем в Петербурге и Москве. Во всем слышанном мало утешительного; светлые надежды, возродившиеся**** было с новым царствованием, рушились. Ходит по рукам***** анонимное письмо на имя самого царя, по поводу***** речи его депутациям***** . *****

[22-го марта. Среда. – К обеду приехали из Ялты Чичерины (Борис Ник[олаевич] и Александра Алексеевна) и Самарины (Петр Федор[ович] и Александра Павл[овна]). Несколько часов провели очень приятно в живой беседе.

15-го апреля. Суббота. – Сегодня минуло полгода со времени смерти моего зятя Владимира Долгорукого. В 10 часов утра я отправился пешком с Надей в Алупку и там отслужили панихиду.]

2-го мая. Вторник. – Сегодня навестили нас Чичерины. В разговоре коснулись между прочим нашей внешней политики. Борис Николаевич порицает вмешательство наше, совместно с Германи-

---

* дельный

** куда собирался давно, и все откладывал, то за погодой, то по разным случайным предложениям. Покончив утром свои мелкие дела, я

*** С последними свиделся я в первый раз после их приезда в Ялту.

**** (непонятно на каком основании)

***** замечательное

***** пресловутой его речи

***** Присланная мне копия этого письма прилагается²²⁹. (Прим. Д.А. Милютина.)

***** На возвратном пути из Ялты заехал в Ливадии к Евреиновым.

ей и Францией, в дела Крайнего Востока²³⁰. Мы поспорили на эту тему, в особенности насчет коварной и эгоистичной политики Англии, которую он горячо оправдывает. Отдавая полную справедливость уму и дарованиям Бориса Николаевича, нахожу однако же его суждения и взгляды часто крайне односторонними.

8-го мая. Понедельник. – Наконец собрался я съездить в Ялту. Нужно было возобновить у нотариуса ежегодно даваемую мною доверенность Международному банку*. Навестил наших ялтинских приятелей: Чичериных, Кочубеев, Самариных, Долгоруких. В этом кружке крайне озабочены болезнью Эммануила Дмитриевича Нарышкина (женатого на родной сестре Бориса Николаевича Чичерина)**.

[19-го мая. Пятница. – Приезд (пароходом) свояченицы моей Доры Михайловны Понсэ.

22-го мая. Понедельник. – После обеда посетили нас Долгорукие. В их присутствии появилась совсем незнакомая дама – какая-то Власова с дочерью; она отрекомендовалась обитательницею Ревеля, знакомою с Шаховскими; приехала в Алупку, чтобы провести здесь лето.]

24-го мая. Среда. – С прошлой пятницы гостит у нас свояченица Дора Михайловна Понсэ. Вчера приехала Мальвина Егоровна Лаврентьева с племянницей своей***; переночевав у нас, они уехали сегодня под вечер к себе в Наташино. В последние дни посетили нас Долгорукие, Самарины и Чичерины.

29-го мая. Понедельник. – Совершенно неожиданный гость – бывший английский консул в Севастополе и бывший владелец дачи в Алупке – Гарфорд, который уже лет 6 или более переведен консулом на Канарские острова, а дачу свою давно продал. Теперь

---

* на получение из казначейства моего содержания.

** Сегодня, как говорят, ему несколько лучше; однако ж опасность все-таки еще не миновала; болезнь его очень серьезная, особенно в его старческие лета: ему 83 года. На возвратном пути заехал к Евреиновым; застал их в оранжереях с гостями – Самариными.

*** Марией Оскаровной Гельфрейх. Они провели у нас весь вчерашний день, переночевали у нас и уехали только сегодня вечером. Когда они уже собирались ехать к себе в Наташино, приехали из Ялты Самарины с Борисом Николаевичем Чичериным и его милою племянницей Софьей Васильевной Чичериной (известной более под семейным прозвищем Минетты). Все наши ялтинские приятели покидают Крым. Чичериных задерживает только болезнь Нарышкина, – который, впрочем, поправляется.

он получил новое назначение – консулом в Новую Каледонию – французскую колонию, обращенную в место ссылки каторжных. Как истый британец, он воспользовался своим перемещением, чтобы постранствовать по всем частям света и между прочим «захал» в нашу матушку Россию, посетил и наш Крым, к которому он, по его словам, сохранил родственную привязанность. Временно поселился он в Ялте у Трубецких, заглянул в Алупку, и на днях отправляется в дальний путь; но опять не кратчайшим путем, а чрез Лондон, Северную Америку, даже может быть чрез Японию и Китай. Гарфорд принадлежит к разряду добродушных англичан; он пользовался дружеским гостеприимством у Воронцовых и по старой памяти вспомнил о нас.

31-го мая. Среда, утро. – Только что возвратился из Севастополя, куда съездил, чтобы проводить дочь Надю Долгорукую*. Приехав на вокзал спозаранку, мы, однако ж, едва успели справиться с получением билета и сдачей багажа. Введенные ныне новые железнодорожные тарифы²³¹ далеко еще не установились** и дают повод к большим недоразумениям и неурядице***. С грустью распростился я с милою Надей; лишь только тронулся поезд, сейчас же сел я опять в дорожную коляску**** и сегодня в 7-м часу утра был уже дома*****.

1-го июня. Четверг. – Приезжали Чичерины проститься: они покидают Ялту послезавтра. Вместе с ними уезжают и Долгорукие.

---

* Мы выехали сего вечера после обеда (в 2¹/₂ часа) на почтовых; приехали прямо на вокзал железной дороги часа за два до отхода почтового поезда, который по полученной нами справке, согласован с поездом, едущим в Грязи. Из Грязей Надя предполагает ехать повидаться с приятельницею своею Вельяминовой, в имение <деревню> ее брата.

** при чрезвычайной любезности и услужливости начальника станции и кассира, мы однако ж долго не могли добиться толку: на станции даже не оказалось ни одного экземпляра нового расписания летнего движения поездов; присланные же из министерства громадные стенные таблицы хода поездов не развешаны по стенам из-за ремонтных работ в здании вокзала. К счастью, публика ожидавшая вместе с нами отправления поезда, была немногочисленна. Каким образом справляется кассир на больших станциях, где бывают массы путешественников, – для меня непонятно. Слышно, что бывает немало суеты и недоразумений. Иначе и быть не может.

*** В 11 часов 25 минут вечера поезд двинулся.

**** и проехав всю ночь, [быв] в дороге, не смыкая глаз

***** Это обычный час, с которого начинается мой день.

2-го июня. Пятница. – Закончил работу, длившуюся* несколько лет (хотя с продолжительными перерывами) над приведением библиотеки в благообразный вид: сегодня исправлена последняя книга. Остается расставить книги по полкам и пересмотреть ярлыки (каталог)** литературного отдела.]

13-го июня. Вторник***. – Жена решилась снова съездить в Одессу, чтобы посоветоваться с тамошним окулистом Миткевичем. Сегодня выехала она на пароходе, вместе со своею сестрой Дорой Михайловной Понсэ.

15-го июня. Четверг****. – Ездил я в Ялту и оттуда в Наташино, где нашел хозяйку, Мальвину Егоровну, в кружке собравшихся у нее родственников.

На возвратном пути*****, проезжая чрез Мисхор, уже поздно вечером, встретил наездницу с татаринцом; несмотря на темноту, она узнала меня, поздоровалась; я остановил свой экипаж и к немалому удивлению*****, при свете экипажных фонарей, узнаю в ней юную текинку, приемыша и крестницу дочери моей Шаховской. Она объяснила мне, что приехала в Крым на летние каникулы с тою же классною дамой***** института*****, которую видел я в прошлом году в Пюхтице, и которая ехала сзади в экипаже. Они поселились на одной из Ай-Тодорских дач и собираются навестить нас*****.

17-го июня. Суббота. – Под вечер съездил в Ай-Тодор***** навестить юную текинку и ее воспитательницу (Ларису Алек-

---

* много

** всего

*** Рано утром жена отправилась в Ялту, чтобы поспеть к отходу парохода «Св. Николай»

**** Поездка в Ялту и Наташино. В Ялте не осталось никого из наших приятелей; дела у меня было немного, а потому мне пришлось довольно долго тунеядствовать, сидя на террасе гостиницы «Россия», чтобы появиться в Наташино не ранее 4-х часов.

***** заехал к Евреиновым

***** подойдя к наезднице

***** Московского института

***** (имени которой не припомню)

***** Возвратился я домой уже в 11-м часу.

***** где на одной маленькой дачке (из числа настроенных покойным доктором Тобиным) поселилась на летние месяцы юная моя знакомая Татьяна Дмитриевна <Михайловна> Текинская, с своею воспитательницей (Ларисой Алексеевной Подчиненовой), и еще одной приехавшей вместе с ними из Москвы барышней.

сеевну Подчиненову). Обе они* были, как кажется, довольны моим посещением; живут они очень уютно, хотя в скромной обстановке, и наслаждаются Крымом.

22-го июня. Четверг. – Вечером возвратилась жена из своей поездки в Одессу. Ей удалось совершить и обратное плавание на прекрасном пароходе «Св. Николай», в самую благоприятную погоду**. С нею приехала племянница Аня Ефремова со своею юною*** золовкой (Олимпиадой Петровной Ефремовой) институткой, отпущенной на каникулы****. Жена возвратилась домой бодро и в хорошем расположении духа; но к сожалению, без всякого почти результата относительно главной цели поездки – т. е. совещания с окулистом Миткевичем, которого она видела только раз, очень короткое время, по случаю отъезда его в тот же день из Одессы****. Быстрый осмотр глаз больной не привел ни к какому положительному результату.

27-го июня. Вторник. – Большую часть дня провели у нас Ай-Тодорские знакомые: Татьяна Михайловна Текинская и воспитательница ее*****.

1-го июля. Суббота. – Вот уже несколько дней страдаю невралгией в правой ноге. Боли эти особенно усиливаются по ночам, так что не дают спать. Нынешнюю ночь провел я всю напролет без сна, не мог даже спокойно лежать в постели и большею частью ходил по комнате, чтобы сколько-нибудь притупить острые нервные боли. Болезнь эта пришла вдруг, совершенно без видимой причины, и***** весьма некстати, потому что в будущий вторник, т. е. чрез три дня, жена собирается опять ехать в Севастополь*****, решившись подвергнуться вторично операции иридо-томии на левом глазе. Операцию эту, считаемую вообще легкой, берется произвести тамошний окулист Шмидт, с которым жена советовалась уже прежде.

---

* и старушка, и юная ее воспитанница

** Море было гладкое, как зеркало.

*** belle-soeur – золовка (*фр.*).

**** в Бессарабию.

***** для сопровождения семьи своей.

***** Лариса Алексеевна Подчиненова. День показался мне очень длинным. Гулять среди дня было невозможно; слишком жарко. Хорошо еще, что встретившиеся две институтки московские (одна только что кончила курс, другая – на последнем курсе) мгновенно сошлись и подружились.

***** крайне

***** чтобы по совету окулистов

3-го июля. Понедельник. – Невралгические боли мои в правой ноге не только не проходят, но даже усиливаются. Бессонные ночи изнуряют и расстраивают нервы. При всем нерасположении моем к лечению, – я однако же вынужден прибегнуть к помощи алупского врача Иванова, который, как водится, прописал несколько зелий и наружных, и внутренних.

4-го июля. Вторник. – Эту ночь провел я несколько спокойнее предыдущих: по крайней мере, вначале заснул и с промежутками спал до 3-х часов, спокойно, почти без болей. Но затем снова возвратились и прежние боли, и прежнее нервное беспокойство, так что я уже и не ложился в постель. В 5 часов утра простился с уезжавшими в Севастополь на почтовых лошадях племянницей Анной Евгениевной Ефремовой и ее юною золовкой; а час спустя простился с женой, которая уехала в своем экипаже в Ялту, откуда переедет в Севастополь морем.

5-го июля. Среда. – Вечером получил от жены из Севастополя телеграмму: «Операция прошла благополучно сегодня в 3 часа. Жду с нетерпением твоих известий».

Весть эта весьма обрадовала меня; остается желать, чтобы также успешно прошло и заживление раны; но опасаясь, что помещение в гостинице не представляет вполне благоприятных для того условий.

[6-го июля. Четверг. – Племянница Аня письменно сообщила мне подробности вчерашней операции и всей обстановки жены в Севастополе. Кажется, все удачно. О себе же самом – не могу ска-

---

* еще более

** и к мудрованию эскулапов

*** Какой выйдет прок?

**** Гора свалилась с плеча: около 6 часов вечера

***** ожидаемую с таким нетерпением

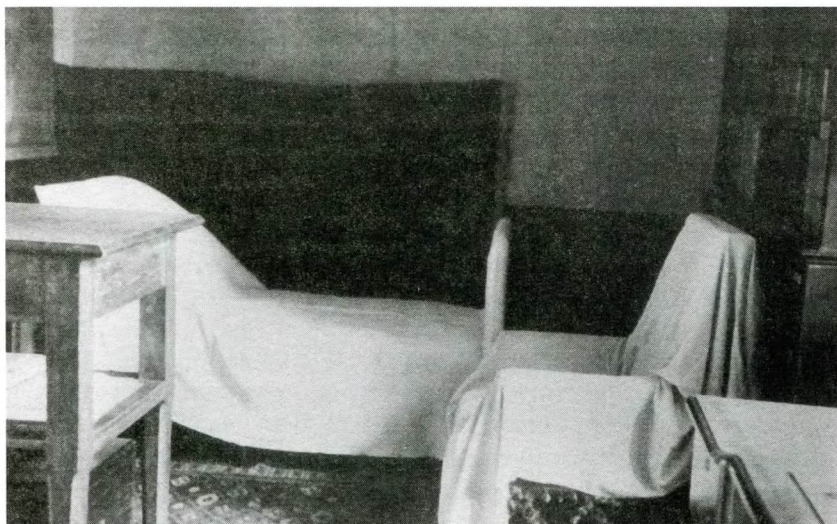
***** поданную в 3 часа 20 минут пополудни

***** Милютина.

***** Но, авось, все обойдется хорошо.

На свой счет я мог вполне успокоить жену, что сегодня чувствую себя лучше <некоторое облегчение>. В прошлую ночь я мог <спать> уснуть несколько часов: только под утро возобновились нервные боли в ноге, так что дальнейший мой сон был отрывочный и беспокойный. Вчера вечером вторично посетил меня доктор Иванов и прописал новые зелья.

Сегодня отправил на почту целых 4 письма: к трем дочерям и к Е.И. Гавевской. Рад, что мне во всех четырех письмах [пришлось] сделать успокоительную приписку насчет произведенной сегодня же операции.

Спальня Д.А. Милютина

зять того же: прошлую ночь опять провел очень худо; непрерывные боли не позволили спать, и продолжаются в течение дня.]

7-го июля. Пятница. – Вот уже десятую ночь провожу без сна, даже не ложусь в постель и маюсь до утра в нестерпимых страданиях. Если так будет продолжаться, то вся нервная система будет потрясена*. Приехавший под вечер доктор Иванов прибегнул к вспрыскиванию морфия**.

В то самое время, когда мы заняты были этим экспериментом, к крыльцу подъехал экипаж с двумя неожиданными посетителями. Начальник 31-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Будде и командир Пензенского пехотного полка*** полковник Мерказин – облеченные в парадную форму, сочли нужным представиться шефу названного полка****. Хотя визит их пришелся совсем некстати, однако ж***** я не счел возможным не принять таких посетите-

---

* Утром сегодня послал приглашение к Иванову.

** Принесет ли это средство существенное облегчение? Бессонные ночи (вот уже десятая по счету), совсем расстроили мой организм; так продолжаться не должно.

Пока доктор Иванов возился со вспрыскиванием

*** которого считаю я шефом

**** входящего в состав названной же дивизии.

***** мы так разговорились, что я почти забыл о своих болях.

*Стол в спальне
Д.А. Милютина*

лей. Они пробыли у меня часа два, пили чай и только что уехали обратно в Мисхор, где они оба поселились со своими семьями на летнее время*.

10-го июля. Понедельник. Вспрыскивания морфия вместе с приемом** произвели видимо поворот в моей болезни. В субботу доктор Иванов сделал мне вторичное вспыскивание, и вот последние две ночи я уже мог спать, хотя и с перерывами.

11-го июля. Вторник. – Грустное разочарование: вчера вечером, после третьего вспыскивания морфия, казалось, боли мои в ноге совсем утихли, и я был уже готов ответить жене на ее телеграмму, что совершенно поправился, но, увы, ночью снова почувствовал боли, даже острее прежних; опять не мог спать большую часть ночи и в течение нынешнего дня, чувствую себя хуже, чем во все предыдущие дни. Доктор Иванов, которого я известил о не-

---

* Как кажется, боли мои действительно утихли; но надолго ли? Какова будет предстоящая ночь?

** хинины

жиданном обороте моей болезни, ответил мне письменно, прислав новое лекарство, но сам не приехал.]

12-го июля. Среда. – Болезнь моя не уступает всем мерам врачевания доктора Иванова. Произведенные им уже несколько раз впрыскивания морфия оказывают успокоительное действие только на короткое время, позволяют заснуть, хотя на несколько часов; но среди ночи боли возобновляются с новой силой. К утру чувствую большую слабость, сонливость; иногда же боли продолжают и в течение всего дня.

Сегодня угрожала нам опасность пожара по безрассудству и небрежности нашего простого народа. В соседстве нашем, у Алупского винного подвала, женщины для стирки белья развели огонь между деревьями. При чрезвычайной сухости дерева и трава загорелись; огонь быстро охватил дубовую рощу до самой межи нашего имения. Вся эта прекрасная роща обгорела; к счастью, удалось остановить дальнейшее распространение огня на нашей меже, так что опалена только небольшая полоса нашего виноградника**.

13-го июля. Четверг. – Вечером возвратилась жена из Севастополя, в бодром расположении духа и вполне довольная*** удачным исполнением операции доктором Шмидтом. Почти одновременно с ее приездом возвратилась и племянница Аня**** с двумя институтками, сестрами ее мужа. Присутствие этой молодежи доставит развлечение жене и оживит наш угрюмый скит*****.

[14-го июля. Пятница. – К крайнему моему удивлению, после вчерашнего очень дурного дня, – к вечеру боли мои утихли, но

---

* Опять ночь без сна, с непрерывными болями во всей правой ноге.

Из Севастополя получил письмо с извещением о намерении жены возвратиться завтра с пароходом.

** Вечером приехал доктор Иванов; еще раз (в четвертый) впрыскивал мне морфия. На первых порах после того всегда следует заметное облегчение болей.

Получено и письменное и телеграфное извещение о приезде жены и племянницы завтра, в четверг.

*** уходом и помещением. Доктор Шмидт обнадежил ее в том, что у ней обнаружится катаракт, который можно будет снять в недалеком будущем. Надежда эта, конечно, подействует успокоительно на душевное настроение больной.

**** вместе с двумя ее belles-souers.

***** Жаль только, что они остаются у нас недолго. Мои невралгии не уступают всем зельям, прописываемым доктором Ивановым. После вчерашнего подкожного впрыскивания боли утихли только на несколько часов, но с раннего утра опять возобновились и продолжались большую часть дня.

чью спал хорошо; только рано был разбужен небольшими болями, которые потом утихли и весь день я провел очень хорошо, так что вечером, когда приехал доктор Иванов, мы решили на этот раз подкожного впрыскивания не делать, а также отложить и предполагавшееся наложение на больную ногу papier Fayard* с забинтованием. Быть может и совсем обойдемся без этого.

15-го июля. Суббота. – Вчерашние наши розовые надежды не оправдались. Едва я лег в постель и задремал, наступили опять сильные боли, не давшие мне всю ночь сомкнуть глаз. Я покинул постель, перешел в библиотеку и попробовал заглушить боли за письменным столом. Написал два письма генералу Обручеву и графу Протасову-Бахметеву, по поводу присланного мне прошения одного из офицеров Пензенского имени моего полка об определении его малолетней дочери в один из институтов. Письма эти я написал не без труда; боли не переставали напоминать о себе; но, по крайней мере, ночь не показалась мне такою длинною, как другие подобные ночи, проведенные без сна. В 6 часов утра я уже совсем встал и написал еще письмо доктору Иванову. Весь день чувствовал себя нехорошо и большую часть пролежал в полудремоте. Вечером Иванов сделал мне в пятый раз подкожное впрыскивание, а потом обложил всю ногу гигроскопической ватой, посыпанною серой, и забинтовал.

16-го июля. Воскресенье. – Ночь провел совершенно спокойно и выспался исправно; боли в ноге совсем утихли; напомнили о себе слегка только около 6 часов утра. Сделанная вчера перевязка [расстроилась].

17-го июля. Понедельник. – Вчера, пред тем как ложиться спать, сделала мне жена новую перевязку ноги; я заснул было, но ненадолго. Вскоре боли в ноге разбудили меня и уже не мог заснуть всю оставшуюся ночь. Днем боли утихли. Вечером был доктор Иванов. Он сделал новую перевязку ноги, опять с ватой и серой; прописал новое лекарство (с хининой) и слабительное.

18-го июля. Вторник. – Опять такая же несносная ночь, как прежние. С 3-го часа утра и до 8 – боль в ноге мешала спать; заснул только в 9 часов утра.

Рано утром уехала племянница Аня Ефремова с обеими своими институтками: они едут пароходом в Одессу и далее в Бесса-

---

* согревающий пластырь (фр.).

рабию. Отъезд их большое лишение для моей жены; мы остаемся опять вдвоем; оба беспомощные инвалиды.

Вечером заехал к нам доктор Иванов: много рассказывал о предметах совсем посторонних, вовсе не относящихся к моей болезни.

21-го июля. Пятница. – Последние дни боли в ноге значительно облегчились; я мог уже спать по ночам, хотя под утро все-таки боли напоминают о себе. Зато общее лихорадочное состояние усилилось: сонливость, отвращение от пищи, скверный вкус. К тому же сильная жара и сухость воздуха. Даже по ночам термометр не спускается ниже 20° Реомюра, а днем доходит до 26¹/₂° Реомюра в тени, а на солнце – до 46° Р.

22-го июля. Суббота. – Сегодня под утро боли в ноге ощущались сильнее предшествующих ночей и прерывали сон. Вечером опять приехал доктор Иванов. Он присоветовал прибегнуть к ваннам.

23-го июля. Воскресенье. – Взятая вчера ванна (соленой воды, 28°) произвела довольно хорошее действие: спал* спокойно, только с небольшим перерывом в 6-м часу утра; боли в это обычное время – были сравнительно легче прежних и кратковременнее. Но потом все утро чувствовал я слабость и сонливость. Впрочем, таково всегда действие ванн на мой организм.

25-го июля. Вторник. – Вчера весь день мне было нехорошо: большая слабость, скверный вкус, полное отвращение от пищи. Вечером был доктор Иванов; советовал все-таки настойчиво продолжать ванны. После него я взял вторую ванну, уже из морской воды, с прибавкою горячей, до температуры 28°. Ночью спал хорошо; утром почти не было уже болей в ноге; но слабость и сонливость едва ли еще не усилились против вчерашнего дня.]

26-го июля. Среда. – Вот уже целый месяц не могу отделаться от своей мучительной болезни. Ночи без сна и отдыха, знойные дни (температура до 26° Реомюра в тени), общее лихорадочное состояние, отвращение от всякой пищи довели меня до такого ослабления, что с трудом держу перо в руке. Доктор Иванов посещает меня часто и придумывает всевозможные способы врачевания: кроме впрыскивания морфия, успокаивающего невралгии только на короткое время, кроме хинины и разных внутренних микстур, прибегает и к окутыванию ноги ватой с серой и к массажу, и к электричеству; наконец, к ваннам из морской воды. Первые

---

* почти

взятые ванны, казалось, произвели успокоительное действие, но последующие еще увеличили общее расслабление.

Сегодня приезжала проститься Таня Текинская со своею воспитательницей; возвращаются в Москву. На прошлой неделе уехала племянница Аня с обеими институтками.

[27-го июля. Четверг. – Вчерашняя третья ванна совсем ослабила меня. Едва держу перо в руках.]

29-го июля. Суббота. – На днях приехал в Алупку профессор Московского университета доктор Остроумов. Он приезжает ежегодно в Крым на каникулы, частью для больной жены, частью для собственного отдыха. Поэтому я никак не решался бы прибегнуть к его помощи, зная, что он в свое пребывание в Крыму не занимается практикой. Но жена моя, не доверяя доктору Иванову, непременно захотела воспользоваться близким соседством авторитетного врача, чтобы посоветоваться с ним насчет моей продолжительной болезни*. Вчера она сама поехала в Алупку, познакомилась с профессором и его женой, и несколько часов спустя приехал ко мне сам доктор Остроумов**. Это было первое наше знакомство; он прямо высказал, что ни к кому другому не приехал бы. Внимательно выслушав мои объяснения и после*** обычного диагноза, он присоветовал, к большому удовольствию моему, прекратить ванны и внутренние лекарства, а прописал только наружные натирания и некоторые невинные средства для возбуждения вкуса к пище****. Таким образом – полная перемена в образе лечения*****.

30-го июля. Воскресенье. – После нескольких дней грозы, дождя и ветра погода посвежела. Даже днем можно открывать окна

---

* Для успокоения ее, надобно было мне согласиться.

** В первый раз мне случилось с ним встретиться. Он произвел на меня самое приятное впечатление своим добродушием и любезною внимательностью.

*** обычного исследования пациента, он изменил совершенно лечение, присоветовал прекратить ванны, которые крайне меня расслабляют, также прекратить и питье минеральной воды Vichy (которую я пил 3 дня).

**** и дал самые широкие разрешения насчет диеты. Всем этим я очень доволен, особенно же избавлением от ванн. С завтрашнего же дня совсем <совершенно> изменится мой режим.

***** Хотя вчера я чувствовал себя несколько лучше прежних дней, – однако ж ночь провел беспокойную: боли в ноге, почти совсем прекратившиеся, возобновились, что я приписываю предписанному Остроумовым возобновлению натираний [и] массажа. Впрочем, в течение дня опять боли прекратились.

и двери на балконе. Надеюсь, что эта перемена погоды окажет хорошее действие на мой недуг.

Получил я от командующего Императорскою Главною квартирой генерал-адъютанта Рихтера официальный запрос, по требованию Министерства двора: буду ли я участвовать в церемониях предстоящего в будущем году коронования Их Величеств? Странный вопрос: можно ли 79-летнему старику, притом в болезненном состоянии, сказать за год вперед будет ли он в состоянии выдерживать крайне утомительные церемонии коронации и сопровождающие обыкновенно продолжительные празднества. Двенадцать лет назад, в коронацию императора Александра III, я едва вынес свою роль меченосца^{*}; ответ дан мною условный.

2-го августа. Среда. – Несколько дней назад я уже считал себя выздоравливающим, но это была иллюзия: боль в ноге по ночам снова усилилась, а со вчерашнего дня^{**} и в общем состоянии здоровья чувствуется как бы возврат болезни^{***}.

6-го августа. Воскресенье. – Вот вторая ночь, что я могу спать, не вставая ни разу с постели, хотя и просыпаюсь по временам от возобновляющейся боли в ноге, сравнительно уже слабой против прежнего. В общем состоянии здоровья также есть заметное улучшение. Вчера я решился даже, пользуясь тихою, приятною погодою, выйти в сад^{****}.

На днях приехала к нам из Бессарабии молодая девушка Зинаида Николаевна Цинкаловская, учительница школы в Леонтьеве (имении Евгения Михайловича Понсэ), рекомендованная моей слепой жене для чтений ей вслух в течение каникулярного времени^{*****}.

---

* а в будущем 1896 году, если и буду жив, то вероятно уже совсем не буду в силах вынести крайне утомительные обряды самого коронования, так же, как и сопровождающие бесконечные торжества и празднества. Разумеется, дал ответ уклончивый, дипломатичный.

** даже

*** Между тем постоянные <периодические> посещения доктора Иванова прекратились, а на приглашения Остроумова нельзя рассчитывать. Он слишком важен, чтобы часто посылать за ним.

**** и сделать несколько шагов около дома.

Сегодня погода изменилась: северный ветер и стало свежо.

В прошлую пятницу (4-го числа)

***** находиться при моей больной жене в качестве секретаря, чтицы и так называемой «компаньонки». Судя по отзывам об ее характере и образовании, можно надеяться, что присутствие ее будет большим облегчением и помощью для больной, почти слепой жены.

11-го августа. Пятница. – За последние дни здоровье мое заметно поправляется; сплю исправно*, выхожу на воздух; но прогулки мои пока ограничиваются только ближайшим к дому садом.

Вчера жена ездила опять в Алупку к профессору Остроумову, чтобы поблагодарить его за оказанное им внимание.

24-го августа. Четверг. – Выздоровление мое** идет*** медленно****; все еще очень слаб. По вечерам делаю только маленькие прогулки по саду*****.

Сегодня были у нас двое неожиданных гостей: севастопольский окулист, доктор Шмидт, и генерал барон Таубе, генерал-губернатор Степной области и командующий войсками Омского округа. Шмидт, приехав на днях в Ялту со своею семьей, посетил сегодня Алупку и оттуда заехал к нам, чтобы взглянуть в каком состоянии глаза моей жены. Осмотрев их в несколько приемов, он продолжает обнадеживать, что можно будет в свое время снять катаракт и возвратит зрение*****. Барон Таубе проводит лето в Алупке, также с семьей. Мне приятно было встретиться со старым своим сослуживцем, бывшим некогда начальником Николаевского кавалерийского училища²³² *****.

[25-го августа. Пятница. – Первая, хотя очень короткая, прогулка моя вне пределов нашего сада, по дороге в Алупку.

Из полученного вчера письма Нади видно, что приезд сюда Лизы, в течение сентября, дело решенное. С нетерпением будем ожидать ее. О приезде же князя Михаила Шаховского, обещавшего посетить нас в августе месяце, ничего не слышно.

29-го августа. Вторник. – Ездил в Алупку, чтобы отдать визит барону Таубе, познакомился с его женой и племянницей. Погода вдруг сделалась очень свежа, не по времени года.]

---

* всю ночь до раннего утра

** и восстановление

*** очень

**** до сих пор не могу еще свободно ходить

***** с большою осторожностью, черепашим шагом и притом должен держаться строгой диеты. По несколько недель не видя никого постороннего, мы считаем исключительным днем, когда появится какое-нибудь новое лицо.

***** После обеда, едва уехал Шмидт, появился барон Таубе.

***** На днях закончились последние мои работы по устройству библиотеки. Окончательно пересмотрены и сосчитаны все ярлыки (каталог), составлена общая табель, показывающая число томов, атласов, карт и проч.

5-го сентября. Вторник. – Приезд дочери Лизы Шаховской с ее деверем князем Николаем Шаховским. Они случайно съехались в Севастополе, где князь Николай Владимирович провел несколько дней для морских купаний. Оттуда приехали они сухим путем, на почтовых лошадях. Надеюсь, что пробудут у нас весь сентябрь месяц.

6-го сентября. Среда. – Муж моей покойной сестры Семен Александрович Мордвинов (ныне член Государственного совета) проводит летние месяцы в Гурзуфе со второю своею женой и дочерью. Сегодня он посетил нас и провел с нами большую часть дня. Крайне неутешительно все, что слышали мы от него о ходе дел в Петербурге, о разных лицах, составляющих наше высшее управление, о настроении общества и проч.** Все более и более приходишь к заключению, что настоящее положение ничего не обещает хорошего и в близком будущем.

Мое здоровье почти совсем поправилось; остается еще слабость в ногах***. Каждый день делаю прогулки пешком, но пока еще очень короткие; скоро устаю.

15-го сентября. Пятница. – Почти весь день провели у нас Лаврентьевы: Мальвина Егоровна и Софья Ивановна.

21-го сентября. Четверг****. – В первый раз сделал я обычную свою прогулку до самой Алупки. Вечером ездил с дочерью в Мисхор отдать визит княгине Вяземской.

26-го сентября. Вторник. – Вчера вечером посетила нас княгиня Вяземская, а сегодня М.Н. Галкин-Врасский, начальник Главного тюремного управления. После объезда Кавказского края, на возвратном пути в Петербург, он остановился на несколько дней в Ялте и, узнав о пребывании здесь дочери моей княгини Шаховской, заехал повидаться с нею и переговорить по делам Балтийского благотворительного братства²³³. С большим увлечением рассказывал он о своем недавнем пребывании в Париже и участии в бывшем Международном конгрессе по тюремной части^{234*****}.

30-го сентября. Суббота. – Дочь Лиза Шаховская уехала в почтовом экипаже в Севастополь и далее по железной дороге на

---

* слышались

** подтверждает только уже известное крайне неутешительно. Не только настоящее положение неприглядно, но и будущее кажется безнадежным.

*** и по временам чувствую боль в правом колене.

**** Сегодня приступили у нас к сбору винограда и к виноделию. Сегодня же

***** Сегодня же утром сделали мы с Лизой приятную прогулку по Алупскому парку.

свою «Богородицкую» гору в Эстляндию. Я проводил ее до* почтовой дороги и возвратился пешком**.

Вечером посетили нас Александр Егорович Саломон с женой. Они возвращаются на днях в Одессу.

[2-го октября. Понедельник. – Евг[ения] Ив[ановна] Гаевская на возвратном пути из Одессы в Сухум заехала к нам на несколько дней.]

4-го октября. Среда. – Князь Николай Шаховской, пробыв у нас ровно месяц, уехал сегодня обратно в Москву.

[5-го октября. Четверг. – Уехала Евгения Ивановна Гаевская. Сегодня же отправится она из Ялты на пароходе в Сухум, где она избрала свое постоянное местопребывание.]

6-го октября. Пятница. – Телеграмма из Ревеля извещает о кончине Прасковьи Осиповны Милутиной, вдовы покойного моего брата Бориса. Уже многие годы она проживала у племянницы Александры Семеновны Саловой и почти постоянно была в болезненном состоянии; в последнее же время недуг ее так усилился, что смерть была для нее желанным концом страданий. Она скончалась вчера около полудня; 8-го числа будет погребение на Волковом кладбище (в Петербурге)*** рядом с могилою брата Бориса.

Вечером посетили нас только что прибывшие в Крым Юсуповы (Феликс Феликсович и Зинаида Николаевна) с братом Павлом Сумароковым-Эльстон и неразлучным с ними кавалергардом Берновым. Князь Юсупов присутствовал на бывших недавно во Франции, в окрестностях Контрексвиля, больших маневрах; очень интересны его рассказы о виденном, особенно о той роли, которую разыгрывал на этих маневрах наш**** Михаил Иванович Драгомиров²³⁵.

8-го октября. Воскресенье. – Вчера посетили нас соседи наши Иван и Николай Мальцовы, сыновья покойного Сергея Ивановича, приехавшие в свое имение на короткое время.

---

* шоссе

** Грустно было расставаться. Она надеялась еще свидеться здесь с Олей; но надежда эта не сбылась. Лизе нельзя было отложить свой отъезд ввиду <приближения> близкой годовщины смерти ее мужа: 12-ое октября, конечно, она хочет провести на его могиле. Точно так же и Надя Долгорукая остается в Рязанской губернии до 15-го октября – годовщины смерти своего мужа.

*** на принадлежащем нам месте, где погребены наш ребенок Николай и брат Борис.

**** чужак

Сегодня большую часть утра провел в беседе с М.Ф. Мецом – сыном старого моего* приятеля Федора Федоровича Меца, бывшего инспектором, а потом директором малолетнего кадетского корпуса в Царском Селе в те времена, когда я был начальником учебного отделения в Штабе военно-учебных заведений. Сын его – уже пожилой человек, в отставке, публицист, ретивый деятель преимущественно по части торгового судоходства, редактор и издатель специального по этой части журнала²³⁶. Теперь он избран в председатели Петербургского отдела учрежденного в Москве общества торгового судоходства²³⁷. Он едет с дочерью на Кавказ, где находится в настоящее время великий князь Александр Михайлович, – принимающий живое участие в деятельности этого общества. Заехав попутно в Крым, М.Ф. Мец посетил меня и привез мне, для прочтения, записку (в корректурном оттиске), составленную известным деятелем по разным экономическим вопросам Мих[аилом] Ил[ьичем] Кази, о настоящем состоянии нашего военного флота и видах на будущее его развитие. Записка эта напечатана в числе всего 12 экземпляров, собственно для некоторых высокопоставленных лиц, более или менее прикосновенных к морскому делу. Это строгая критика** действий нынешнего Морского министерства и указание на те задачи, которые, по мнению автора записки, следовало бы поставить на первый план в развитии наших морских сил. Сущность этих указаний заключается в том, чтобы взамен бесплодного расходования предоставленных бюджетом Морского министерства громадных денежных средств на постройку больших броненосцев***, обратить эти средства на сооружение крейсеров, быстроходных с большим водоизмещением (для принятия сколь можно большего запаса топлива), предполагая, что в случае войны с Англией, мы можем наиболее нанести вреда ее торговле крейсерством; автор записки признает необходимым, чтобы наши крейсера имели хотя бы два опорных пункта, из которых могли бы выходить во всякое время в открытый океан. Этими пунктами должны быть – с одной стороны – на Мурманском берегу незамерзающая Екатерининская гавань в устьях реки Колы, с другой – Владивосток. Поэтому автор снова настаивает на скорейшем устройстве означенной гавани на Мурманском берегу и соединении ее с Петербургом железною дорогой; а с другой

---

* знакомого

** распоряжений и направления

*** для усиления Балтийского флота

стороны – на лучшем устройстве морской части во Владивостоке. Затем ни в каких других промежуточных опорных пунктах или складах угля для крейсеров надобности не признается. Восстает автор записки и на предпринятое сооружение укрепленного порта в Либаве; признает более выгодным опорным пунктом для Балтийского флота Моонзунд. Наконец, указывается необходимость еще некоторых изменений в принятой доселе морским ведомством программе действий и в самой организации министерства.

Не берусь судить вообще о верности взгляда М.И. Кази; позволю себе только выразить сомнение в том, могут ли крейсера наши, гоняясь за английскими торговыми судами по океанам, обходиться лишь тем количеством топлива, которое вмещается в их трюм, рассчитанным в обрез на кратчайший путь между Мурманом и Владивостоком? Да и кроме того, могут ли эти крейсера долго подвизаться на путях английской торговли, безнаказанно избегая встречи с британскими военными эскадрами? Во всяком случае, записка заслуживала бы серьезного обсуждения в высших морских сферах. По словам Меца, взглядам Кази симпатизирует великий князь Александр Михайлович и сам молодой Государь; но отъявленные противники – адмирал Чихачев и великий князь Алексей Александрович. Впрочем, по словам же Меца, – последний мало занимается делом морским, а прежний авторитет Чихачева заметно поколебался.

По прочтении записки, я поспешил возвратить ее М.Ф. Мецу до выезда его из Алупки*.

10-го октября. Вторник. – Ездил я в Ялту, встретить дочь Ольгу. Пароход сильно запоздал; прождал я его на моле до 10 часов вечера; домой же добрались мы позже полуночи.

16-го ноября. Четверг. – Более месяца не открывал я своего дневника. Во все это время приходилось нам, в противоположность обычному нашему уединенному образу жизни, беспрестанно принимать гостей и отдавать визиты. По несколько раз посетили нас Вяземские, Юсуповы, Долгорукие, Самарины. Два дня провела у нас Мальвина Егоровна Лаврентьева с племянницей своей. Приезжали также Евреиновы, Ольга Ростиславовна Олсуфьева (рожденная Долгорукая), М.А. Муханова (рожденная Ковалькова), граф Ностиц, граф Павел Сумароков-Эльстон и др. Изредка виделись с ближайшими своими соседями Мальцовыми. В свою

---

* в Ялту, оттуда он сегодня же вечером отправляется морем в Батум.

очередь и мы с дочерью Ольгой ездили отдавать визиты в Мисхор, Кореис, Ливадию, Ялту.

В последние дни главную тему разговоров составляло известие о рождении первенца у молодой царской четы..., но к общему разочарованию, женского пола, великой княжны Ольги.

В конце октября уехала обратно в Бессарабию проживавшая у нас около трех месяцев учительница леонтьевской школы девица Цинкаловская. Она оставила по себе очень хорошую память; большая жена моя жалеет о ее отъезде.

23-го ноября. Четверг. – Вчера были мы обрадованы приездом дочери Нади Долгорукой. К сожалению, приехала она простуженная.

Соседи и соседки наши одни за другими покидают Крым. Первыми уехали Вяземские и Юсуповы.

30-го декабря. Суббота. – Опять более месяца прошло бесследно. Погода стояла холодная, дождливая; нередко выпадал снег, так что до самого берега морского все было покрыто белым саваном*. Почти не выходил я из дома. Вели мы свою обычную жизнь, совершенно уединенную**; никого посторонних не видели. Только на днях были удивлены появлением графини Елены Сергеевны Сумароковой-Эльстон, которая, несмотря на свои почтенные лета, среди суровой зимы прилетела прямо из Петербурга в Крым, для того только, чтобы своего внука, юного кадета Морского корпуса Лазарева, привезти в Симферополь, к родителям, на каникулярное время. Она не приняла нашего приглашения провести это время у нас в доме, а поселилась в Алушке. Немало наслушались мы от нее петербургских новостей; но из всех ее рассказов*** нечего внести в дневник.

---

* Не было охоты выходить из дому.

** почти

*** не нахожу ничего такого, что мог бы я занести в свой дневник.

1896-й год

1-го января. Понедельник. – Грустно встретили мы Новый год. Жена – в постели; вот уже несколько дней не ходит вниз. Погода все ненастная и холодная.

На днях получил я циркуляр из Государственной канцелярии, которым члены Государственного совета приглашаются на предстоящую коронацию. Опять затрудняюсь дать определительный ответ на запрос: буду ли присутствовать на этом торжестве? Независимо от многих других соображений, могу ли рассчитывать на свое старческое здоровье.

28-го января. Воскресенье. – Продолжается непрерывно ненастная погода; то снег, то дождь. Почти не выхожу из дома; о прежних дальних пешеходных прогулках не может быть и речи. С тех пор, как жена моя, по своему болезненному состоянию и слепоте, лишена возможности* заниматься лично работами в имении, в особенности строительными, пришлось мне принять на себя эти заботы**. В настоящее же время особенно озабочивает меня возникшая необходимость сменить управляющего имением, вследствие обнаруженных явных мошенничеств***, занимавшего эту долж-

---

* нести на себе все заботы по управлению имением и в особенности руководить разными постройками и иными постоянно производящимися работами

** В последнее время занимался преимущественно ремонтными работами внутри дома; теперь эти работы приходят к концу. Зато возникли новые весьма серьезные <неприятные> хлопоты по случаю неизбежной смены управляющего имением.

*** того негодяя, который поступил на эту должность в 1893 году. В продолжение почти трех лет он привел винный подвал наш в полное расстройство и морочил меня подложными счетами. Так же как три года назад, и теперь прибегли мы к помощи честного и любезного, услужливого молодого химика-винодела магарачского Ад. Еп. Немма, который с обыною своею аккуратностью и добросовестностью привел в известность настоящее состояние нашего подвала, указал какие необходимы меры для приведения его в порядок и рекомендовал молодого винодела, которому может быть поручен подвал, по крайней мере, на первое время, пока не удастся приискать лица на должность управляющего.

ность в последние три года. До приискания нового управляющего, винный подвал поручен временно присланному из Магарача молодому виноделу.

[5-го февраля. Понедельник. – Настоящая русская зима: вчера вечером и ночью выпала необыкновенная в наших местах масса снега; термометр опустился* ниже нуля.

Последние дни Масленицы Оля провела в Ялте. Там веселятся сколько могут и развлекаются маленькими скандалами провинциального городка. Много толков и пересуд по случаю неприятного столкновения городского головы генерала Хвошинского с каким-то заезжим молодым человеком.]

9-го февраля. Пятница. – «Кризис», возникший в нашем маленьком хозяйстве, можно считать улаженным**. Сегодня приехал и вступил в должность управляющего именем некто Алексей Николаевич Попов, рекомендованный с большими похвалами*** генералом Евреиновым. Это человек уже не молодой, семейный, ученый техник, служивший некоторое время в удельном ведомстве. Сколько можно судить по первому знакомству, надеюсь найти в новом управляющем человека честного, вполне порядочного. К сожалению, он кажется весьма непрочного здоровья.

12-го февраля. Понедельник. – Необыкновенно упорная зима: до сих пор кругом дома лежит снег и чуть не каждый день выпадает вновь. Несмотря на то, сегодня посетили нас ялтинские гости: княгиня Лидия Алексеевна Долгорукая, Мария Алексеевна Кочубей и Петр Николаевич Чичерин (брат Бориса Николаевича).

В газетах много толкуют о примирении России с Болгарией после девяти лет полного разрыва между державой-освободительницей и маленькой страной, ею освобожденной. Одно присоединение к православию младенца, предполагаемого наследника принца Фердинанда, признается достаточным для прощения Болгарии черной неблагодарности и целого ряда возмутительных оскорблений, нанесенных ею облагодетельствовавшей ее России. Будущее покажет, в какой мере можно полагаться на ее видимое раскаяние²³⁸.

22-го февраля. Четверг. – Отъезд дочери Ольги в Москву. На ее счастье погода благоприятная, по крайней мере до Севастополя;

---

* до -3° Реомюра

** по крайней мере на некоторое время

*** управляющим Ливадию

а что найдет она далее, по мере движения к северу? Газеты полны известий о снеговых заносах и метелях. Я проводил Олю до почтового шоссе* и возвратился домой пешком.

15-го марта. Пятница. – Наконец погода, как кажется, поворотила на весну; стало теплее. На днях приехал в Симеис один из владельцев имения Николай Сергеевич Мальцов. Вчера я зашел к нему и вместе с ним смотрел начатые работы предпринятой обоими братьями постройки двух больших домов для собственного их жительства.

Сегодня собрался я, наконец, в Ялту**; во всю зиму откладывал эту поездку.

[**17-го марта. Воскресенье.** – Обедал у нас сосед – Николай Мальцов.]

23-го марта. Суббота. (Страстная). – Ровно год тому назад получил я письмо от московского профессора (международного права) графа Комаровского с приложением*** проекта предполагаемого им «Русского общества мира», по примеру существующих таких же обществ почти во всех странах Европы. Граф Комаровский просил меня сообщить ему мое мнение и замечания на его проект²³⁹. Тогда же я ответил выражением полного своего сочувствия такому благому предприятию и пожеланием ему успеха. Затем во весь год ничего не слышал я о проекте Комаровского, совсем позабыл о нем и немало был удивлен полученною вчера из Орла телеграммою за подписью «Долгорукова», извещавшего меня о своем намерении заехать ко мне сегодня вечером, на пути из Севастополя в Ялту, чтобы переговорить «о прошлогоднем деле Комаровского». Первоначально я даже**** приписал эту телеграмму какому-нибудь недоразумению или путанице на телеграфе; потом только вспомнил о прошлогодней переписке с графом Комаровским, который в письме своем упомянул между прочим и о предполагавшейся тогда же поездке князя Долгорукова в Крым с намерением заехать по дороге ко мне. Действительно, сегодня вечером, уже после 9 часов, приехал ожидаемый незнакомец. Оказалось, что это молодой человек, князь Петр Дмитриевич Долгоруков, земский деятель в Курской губернии, один из горячих и деятельных со-

---

* и простившись там

** Были кое-какие надобности, главная же – остричься. Кстати, отдать визиты посетившим нас в течение зимы знакомым.

*** записки и

**** вообразил себе, что тут

участников затеваемого общества «Мира». Прозябший в дороге, проголодавшийся, он провел у нас часа два, отогрелся несколькими стаканами чая, высказал мне виды и соображения учредителей общества и передал мне целую связку разных печатных брошюр и журнальных статей, как русских, так и иностранных, относящихся к пропаганде в пользу мира и против войны²⁴⁰. Высказав ему полное мое сочувствие задуманному делу и некоторые советы* в видах успешного осуществления** предположения, я однако же дал понять, что прямого участия в *учреждении* предполагаемого общества принять на себя не могу. Мы расстались довольно поздно, когда наши домочадцы уже уходили в Алупку к Пасхальной заутрене. Новый знакомец*** продолжал свой путь в Ялту.

[24-го марта. Светлое воскресенье. – Все утро нынешнего дня, по обыкновению, прошло в христосовании и взаимных приветствиях с приходившими поочередно лицами домашней прислуги, рабочими, низшими местными властями до главного управляющего А.Н. Попова включительно. К обеду пришел сосед наш Николай Сергеевич Мальцов.]

31-го марта. Воскресенье. – Снова зима! Все видимое пространство кругом дома покрыто снегом****. Уже несколько дней не выхожу из дома*****.

1-го апреля. Понедельник. – Небывалый в настоящее время года вчерашний возврат зимы, как оказывается, не прошел бесследно: выпавший обильно снег, сопровождаемый сильными порывами ветра, и следовавшее затем быстрое таяние, причинило не мало повреждений как у нас в имении, так и в окрестностях: множество сломанных ветвей и целых деревьев, размытых канав, обвалившихся стенок и т. д. В некоторых местах порвана телеграфная и телефонная проволока. Сегодня стало несколько теплее, но пасмурно.

[2-го апреля. Вторник. – Наконец выглянуло солнце; среди дня около 10° Р., а на солнце выше 25°. После долгого перерыва возобновились мои утренние прогулки в Алупку. Уже появились приезжие на весенний сезон.

---

* и предостережения

** задуманного дела, но вместе с тем

*** наш показался нам симпатичным молодым человеком. Поднявшийся вдруг сильный ветер, близкий к урагану, провожал путешественника до Ялты.

**** Это накануне апреля месяца даже по старому стилю!.. Но термометр показывает несколько градусов выше нуля; стало быть прибавится только слякоть.

***** и не скоро придется возобновить мои обычные прогулки.

3-го апреля. Среда. – Приезд Ф.К. Гершельмана из Екатеринодара, где он занимает должность начальника Штаба Кубанского казачьего войска.

5-го апреля. Пятница. – Пробыв у нас два дня, Гершельман сегодня вечером уехал обратно в Екатеринодар.]

6-го апреля. Суббота. – Наконец погода прояснилась; стало похоже на весну. Приезжал к нам из Екатеринодара Ф.К. Гершельман; пробыл у нас всего два дня. Сегодня обедал сосед наш Н.С. Мальцов, а под вечер посетил сенатор* Иксуль-Гильдебанд**.

[12-го апреля. Пятница. – Вчера навестили нас Самарины с Б.Н. Чичериным, а сегодня Мария Алексеевна Кочубей.

17-го апреля. Среда. – Получил письмо от Н.П. Горбунова в ответ на мою просьбу приискать мне в Москве прислугу и экипаж на время коронационных торжеств. Письмо это успокоило мои опасения очутиться в самом затруднительном положении во время предстоящей там чудовищной суеты.]

18-го апреля. Четверг. – Ездил я в Ялту, чтобы проститься с тамошними приятелями пред своим отъездом в Москву. У Самариных, на террасе дома, нашел целое общество и в том числе только что приехавших в Крым на короткое время Чичериных***.

[20-го апреля. Суббота. – Сегодня обедал у нас князь Михаил Ростиславович Долгорукий. Наступила, наконец, погода теплая. Пора. Ведь вчера уже было 1-е мая в Европе, – и только с вчерашнего дня прекратилась в доме топка печей. Небывало поздняя весна.

22-го апреля. Понедельник. – Сосед наш Николай Серг[еевич] Мальцов приходил проститься пред отъездом в свое тульское имение.

24-го апреля. Среда. – Дочь Надя ездила в Ялту. Я проводил ее до Мисхора, откуда возвратился пешком по тропинке вдоль берега морского. Погода прекрасная.

Получил от «верховного церемониймейстера» князя Долгорукого уведомление, что в предстоящем церемониале коронации

---

* барон

** объезжающий южный берег в качестве туриста.

*** <которые> нашли приют у Самариных. На возвратном пути заехал в Ливадии к Евреиновым; но узнал с сожалением, что Леонид Дмитриевич в прошлую ночь занемог довольно серьезно. По совету встреченного мною на крыльце врача, я не вошел в дом, чтобы не обеспокоить больного, ни его семью.

День поездки моей был выбран удачно: теплый и солнечный.

мне предназначено нести малую корону Государыни императрицы Александры Федоровны²⁴¹.

26-го апреля. Пятница. – Неожиданный посетитель – Виктор Алексеевич Иващенко, отставной генерал, старый артиллерист, служивший некогда на Кавказе, а потом в Киеве. Вспоминали старину.

27-го апреля. Суббота. – Приезжали Чичерины с Мариєю Алексеевною Кочубей и племянницею их Софией Васильевной Чичериной. В будущем месяце они все уезжают из Крыма.]

28-го апреля. Воскресенье. – В течение недели посетили нас некоторые из ялтинских наших приятелей. Почти все собираются покинуть Крым. Сосед наш Н.С. Мальцов уже уехал. Сегодня приезжали повидаться с дочерью Надей Долгорукой графиня Бобринская с сестрою своею Философовой*.

У меня все улажено для предстоящего пребывания в Москве, благодаря любезным услугам Ник[олая] Павл[овича] Горбунова. Выезжаю послезавтра. К счастью моему, погода стоит прекрасная.

[29-го апреля. Понедельник. – Вчера вечером я был несколько озадачен телеграммою от Н.П. Горбунова, извещавшего меня, что** просьбу мою о приискании для меня прислуги на время пребывания в Москве, не удалось ему исполнить. Без прислуги (притом вполне благонадежной) мое положение в Москве было бы крайне затруднительно. Но сегодня рано утром подали новую телеграмму, которою Горбунов успокоил меня извещением о том, что прислуга нашлась, но с почтенною платою – по 4 рубля в день.]

3-го мая. Пятница. Москва. – Как по волшебному жезлу перенесся я, в два дня, из нашего уединенного затишья в страшную сутолоку, в среду скопившегося со всех сторон суетящегося и возбужденного люда***.

---

* Обе дамы образованные и развитые, обе – вдовы. После них приехал ялтинский зубной врач Островский: инспектировал наши челюсти – дочери и мою, чисто из одной любезности.

** до сих пор

*** На почтовых лошадях в среду в 8 часов утра я был уже ранее двух часов на Севастопольском вокзале. К тому же времени нахлынуло туда множество пассажиров с парохода, так что едва хватило мест в поезде. По новому расписанию курьерский поезд, отходящий из Севастополя в 4 часа 15 минут дня, <должен> прибывает в Москву через день в 8 часов 30 минут утра, мне приятно было узнать, что ровно в двое суток я перенесусь от подъезда

Выехав из Симеиса, как предполагал, 1-го мая, утром, я попал на Севастопольском вокзале в небывалую толпу отъезжавшей публики. Вагоны были битком набиты; с большим трудом удалось мне получить отдельное купе. Отход нашего поезда с Севастопольской станции и движение его на всем пути были задерживаемы шедшим впереди экстренным поездом с королевою Эллинов. На курской станции я виделся с сыном, которого застал еще в парадной форме после провода королевы. В Москву же запоздали на целых три часа против нового расписания.

По мере того, как подвигались мы к северу, погода становилась все ненастнее и холоднее; не похоже на майскую пору. За Харьковом попадались местами, в ложбинах и ямах, остатки снега. В Москве отвратительная погода: резкий ветер, холод, по временам дождь. Иззябший и усталый вошел я с удовольствием в отведенное мне помещение в гостинице «Метрополь» (на площади Большого театра). Помещение состоит из трех** весьма комфортабельных комнат. Вся обширная гостиница снята Министерством двора на время коронационного съезда для помещения чинов государевой свиты. Само собою разумеется, что в числе ближайших моих соседей – большая часть старые сослуживцы и приятели. Едва успел я несколько оправиться с дороги, как появились уже посетители. С радостью обнял я свою дочь Ольгу, которая приехала с князем Николаем Шаховским***. Мы сговорились съехаться вечером у старушки княгини А.П. Шаховской, на Спиридоновке****; а прежде всего необходимо было мне повидаться с Горбуновыми. Добрая эта чета встретила меня с обычным своим радушием, я искренно

моего дома прямо в Белокаменную. Но расчет этот несколько нарушился вследствие отходившего около 2-х часов экстренного поезда с королевою Эллинов, поезд этот замедлял движение наше, так что мы опоздали приездом в Москву на целых 3 часа. Ехал я очень удобно, в особом маленьком купе, который с трудом удалось мне получить, так как все вагоны были битком набиты. Погода была крайне неприятная, дождливая, холодная, с сильным северным ветром. Чем далее мы двигались, тем менее похоже было на майскую пору.

* а за Курском еще не распустились деревья. Мне говорили, что за день пред тем прошла страшная туча <буря>, с метелью снежною и ураганом.

** роскошно меблированных

*** только чтобы взглянуть на предназначенное мне помещение, нисколько не зная еще о моем приезде.

**** а предварительно мне необходимо было немедленно запастись кое-какими покупками.

*Великий князь
Сергей Александрович*

признателен им за оказанное мне большое одолжение: благодаря им я обеспечен на все время коронационных торжеств прислугой и экипажем*.

Вечер провел я у Шаховских. Пришел к ним и племянник мой Юрий Милютин, только что приехавший в Москву в качестве представителя печати, как редактор-издатель тифлисской газеты «Кавказ»**.

4-го мая. Суббота. – Сегодня уже начались мои официальные мытарства: утром облекся я в парадную форму и объехал находящихся уже в Москве особ царской фамилии. Приняли меня только великий князь Сергей Александрович и великая княгиня

---

* притом по ценам довольно умеренным, сравнительно с теми безумными ценами, о которых я слышал прежде. Хорошая карета с приличною упряжью будет стоить мне 600 рублей за 20 дней, прислуге плачу по 4 рубля в день.

** К 10 часам вечера я уже был в своем номере гостиницы и <поспешил> едва успел наскоро набросить заметки в свой дневник, – так хотелось скорее броситься в постель, чтобы отдохнуть от дороги, от двух бессонных ночей и согреться от холодной погоды.

Елизавета Федоровна; у всех прочих только расписался*. Сергей Александрович обошелся со мной чрезвычайно** радушно; продержал с четверть часа, несмотря на массу представлявшихся, наполнявших приемную залу. Везде, куда ни взглянуть, толпы народа, праздничный вид, оживленное движение. На площадях и улицах настроено множество всяких затейливых*** щитов, арок, башен – все это для предстоящей иллюминации, для водружения флагов и гирлянд. Во всех этих временных сооружениях бросается в глаза**** ужасное безвкусие, что-то балаганное. Встречаю множество старых сослуживцев; многие из них выказывают нелицемерное удовольствие увидиться со мной после многих лет, протекших с тех пор, как я сошел со служебной***** дороги. И мне самому иногда чудится, будто я возвратился с того света, встал из могилы и снова попал в прежнюю обстановку. Но какая грустная метаморфоза: прежние молодые люди – теперь пожилые, а прежние сверстники мои – такие же беловласые старцы, как и я сам. Очень многих даже не узнаю; отпущенные бороды совершенно меняют физиономии. Сам великий князь Сергей Александрович, которого не видел я***** ровно 10 лет, очень изменился*****.

По возвращении домой не оставался ни минуты в одиночестве; один за другим посещали меня как соседи мои в гостинице, так и другие лица*****. Заезжал и фельдмаршал Гурко, но не вошел ко мне*****. Так прошла большая часть дня. Отобедав одиноко в гостинице, провел вечер опять у Шаховских*****, частью у Горбуновых.

---

* у великих князей Владимира и Павла Александровичей, у великой княгини Александры Иосифовны, у сыновей ее Константина и Дмитрия Константиновичей, а также у королевы Эллинов Ольги Константиновны.

** любезно и радушно

*** и крайне безобразных

**** непомерное

***** сцены

***** с 1886 года

***** На возвратном пути домой, заехал я к коменданту генерал-лейтенанту Унковскому.

***** В числе их <между ними были>: князь Александр Сергеевич Долгорукий – теперешний верховный церемониймейстер, генерал-адъютанты Семека, Попов, Столыпин, князь Дмитрий Святополк-Мирский и другие.

***** Были также племянник Юрий и Н.П. Горбунов.

***** а затем завез дочь Олю к Горбуновым и пробыл у них с полчаса. В 11-м часу был дома.

5-го мая. Воскресенье. – С утра опять облекся в парадную форму, чтобы представиться вновь прибывшим великим князьям Михаилу Николаевичу и Алексею Александровичу. У обоих расписался; но с Алексеем Александровичем встретился где-то в сенах. Затем отдал визит фельдмаршалу Гурко** и оставил карточки нескольким из лиц, посетивших меня. По возвращении домой, с полудня и до 5 часов дня – так же, как вчера, не имел я ни минуты отдыха от появлявшихся непрерывно посетителей***. Все прежние мои сослуживцы выказывают мне сердечное сочувствие; но в особенности был я глубоко тронут встречей с графом К.И. Паленом, от которого наименее мог ожидать таких сочувственных заявлений. В настоящее время он исполняет на коронационных торжествах обязанности верховного маршала. Также доставило мне особенное удовольствие посещение доктора Крюкова, который с большим участием расспрашивал меня о положении моей больной жены.

Обедал я и провел вечер у Шаховских, на Спиридоновке.

6-го мая. Понедельник. – Сегодня с утра чувствовал я себя совсем здоровым, а потому не поехал в Собор Христа Спасителя, куда назначено было съезжаться по случаю дня рождения Госуда-

---

* Второй день мытарств.

** генерал-адъютанту Столыпину, генерал-майору Кузнецову и еще некоторым.

*** в числе их приехал познакомиться министр земледелия и госуд[арственных] имуществ Ермолов (с которым я только теперь познакомился), государственный секретарь Плеве (который почему-то не вошел), многие из прежних моих сослуживцев и подчиненных, в том числе генерал Обручев, Фельдман <но в особенности был я тронут встречей с графом К.И. Паленом, от которого наименее мог я ожидать таких сочувственных заявлений>. Из прежних моих коллег посетил меня граф Пален – бывший министр юстиции, а теперь верховный маршал на коронационных торжествах. Встреча с ним была совершенно неожиданна для меня; была очень дружеская и задушевная. Всех не перечислишь. Приезжал доктор Крюков, окулист, производивший в 1893 году операцию на правом глазе моей жены. Его посещение было особенно ценно для меня; оно служило новым выражением принимаемого им искреннего участия в тяжелом положении моей жены.

Перечисление всех посетителей составило бы длинный список. С некоторыми лицами мне было приятно свидеться; но какая тяжелая повинность – отдавать визиты!

Около 5 часов приехала ко мне дочь Оля, и мы с нею отправились на Спиридоновку к Шаховским. Там за обедом и провел вечер.

ря. Только* к 5 часам пополудни отправился я, в** парадной форме, на станцию Брестской железной дороги, для встречи Их Величеств. Погода отвратительная; проливной дождь не прерывался все утро; по улицам бегут потоки грязи. Несмотря на то, везде народ кишит и движение не перестает ни на одну минуту. Их Величества ожидалось на построенной*** временной платформе, в виде открытой галереи, не защищавшей**** ни от ветра, ни от дождя. На беду, по какому-то недоразумению, съезд назначен был на целый час ранее действительного прибытия царского поезда. Большую часть этого времени ожидания, мне посчастливилось укрыться в ближайшем помещении Смоленской станции, где собрались члены царской фамилии и многие иностранные принцы. Великие князья встретили меня очень***** любезно; Михаил Николаевич обнял меня; даже Владимир Александрович, который в былое время не очень благоволил ко мне, усадил меня возле себя***** и предложил мне чаю. За несколько минут до приближения царского поезда, пришлось все-таки покинуть наше убежище, перейти по грязи и под дождем в открытый павильон и простоять на сквозном, перекрестном ветре, в одном мундире. Это было истинное испытание выносливости нашей, особенно рискованное для старцев, которые составляли чуть ли не большинство в этой многочисленной, раззолоченной толпе. В те несколько минут, которые пришлось нам всем выдерживать это испытание, я успел обменяться приветствиями со многими из моих старых сослуживцев и товарищей. Многие встречали меня очень задушевно. Но увы! Как все они, бедные, постарели и одряхлели! Значит ведь и я должен казаться им столько же обветшалым, хотя они и уверяют меня, будто я совсем не изменился.

Наконец, ожидаемый так нетерпеливо царский поезд подкатил к платформе; Их Величества, выйдя из вагона, были, разумеется, встречены прежде всего особами царской семьи и иностранными принцами, которые так обступили их, что царь и царица почти никого и не видели из нас, простых смертных. Пройдя пред фронтом почетного караула Лейб-гвардии Уланского полка, Их Величества

---

* между 1-м и 2-м часами дня побывал я у Шаховских, а позже

** полной

*** нарочно на этот случай

**** собравшееся многочисленное собрание сановников и высших чинов не только от ветра, но даже от дождя.

***** радушно

***** беседовал

вышли из павильона и сели в экипаж, чтобы доехать до Петровского загородного дворца*.

Так совершился первый акт программы коронационных торжеств. Нельзя назвать это начало удачным. Все озабочены мыслью: что-то будет далее? Если во все дни торжеств будет стоять такая отвратительная погода**, то пропадет весь ожидаемый блестящий эффект; сверх того, сколько окажется*** простуженных, больных, а, быть может****, и таких, которые поплатятся жизнью.

На возвратном пути домой я заехал к военному министру; оставил ему карточку. Дома нашел у себя на столе новый длинный список посетителей, не заставших меня дома****. Большую часть вечера провел вдвоем с дочерью*****.

7-го мая. Вторник. – Вчерашнее испытание старческой выносливости прошло для меня благополучно*****. Сегодня опять большую часть утра провел в разъездах; расписывался у нескольких особ царской семьи и отдал визиты***** многим из числа посетивших меня в первые два дня. Погода по-прежнему дождливая и холодная. Назначенная по программе вечерняя за-²⁴²ра в лагере на Ходынке отменена.

Из всего моего нынешнего объезда особенное удовольствие доставило мне посещение гостиницы «Флоренция» (на Тверской), где поместились все прибывшие чины Главного штаба. Мне было радостно встретиться и побеседовать с Ник[олаем] Ник[олаевичем] Обручевым, с его умною и любезною супругой, с Фельдманом и Бильдерлингом. Обручевы обещали провести за-
трашний вечер у меня.

Вечер опять провел у Шаховских. По возвращении домой нашел извещение от Императорской Главной квартиры о том, что на завтра назначено мне в полдень представиться Их Величествам в

---

* а мы все спешили отыскать свои пальто и свои экипажи, чтобы скорее согреться от пронизавших нас насквозь ветра и сырости. Мне удалось подойти только к <прибывшей с Их Величеством> великой княгине Ксении Александровне и даже приложиться к ее ручке.

** мало того, что уже нечего будет ожидать готовившегося великого эффекта

*** потом

**** даже

***** Только что разоблачился и кончил свою скромную трапезу в общей столовой гостиницы (в том же коридоре, где и мой номер); навестила меня дочь Оля.

***** Закончил день записью в своем дневнике. Пора и на сон грядущий.

***** Сегодня встал я в обычный час совсем здоровым и вполне готовым к предстоящим новым мытарствам.

***** около двадцати лицам

Петровском дворце. О встрече вдовствующей императрицы Марии Федоровны до сих пор нет никаких распоряжений, тогда как приезд ее ожидается завтра*.

Из Государственной канцелярии прислан мне, как члену Государственного совета, объемистый тюк печатных записок по делам, назначенным к слушанию на днях в заседании Государственного совета**. Полагаю воздержаться от участия в этом заседании. К чему сидеть в заседании, не имея возможности предварительно изучить назначенные к слушанию дела? Нахожу даже унижительным такое пассивное присутствие. Да и самое заседание здесь, в Москве, в теперешнее*** светлое время, в чаду торжеств, – кажется мне**** каким-то диссонансом со всею обстановкой, тем более, что никаких спешных решений не требуется. В прошлую коронацию 1883 года я также не принимал участия в бывших тогда подобных заседаниях*****.

8-го мая. Среда. – Приехал я в Петровский дворец несколько спозаранку*****, но Государь принял меня немедленно, посадил и продержал более четверти часа, несмотря на то, что в соседней зале (ротонде) ждали доклада два министра: Победоносцев и Горемыкин. Молодой Государь обошелся со мною не только благосклонно, но весьма благодушно*****. Я счел нужным прежде всего объяснить обстоятельства, лишавшие меня до сих пор возможности представиться Их Величествам; Государь после нескольких слов по поводу настоящих торжеств повел разговор о современных военно-политических вопросах, как-то: об отношениях наших к Китаю и Японии²⁴³, о видах в будущем на Дальнем Востоке; причем***** выразался совершенно откровенно касательно нахальства англичан в политике*****. Разговор

---

* Вчера вечером

** Конечно, я воздержусь

*** время суеты, сумятицы, торжеств

**** почти комичным, неуместным.

***** Государственного совета.

***** несмотря на то

***** и был разговорчив.

***** <мы> он, так же как и я, без стеснения высказывал<и> <наши> мнения о наглой политике англичан.

***** Как кажется, Государь усвоил себе довольно верный взгляд на восточные дела и вообще на современное политическое положение. Мне приятно было заметить, что [во все время] нашего разговора не было <ни-

*Императрица
Александра Федоровна*

Госудря оставил во мне самое отрадное впечатление; не было в нем ни малейшей натянутости; даже коснулась речь семейного счастья молодого царя.

После приема Государя я представился молодой императрице, которую не случилось мне видеть ранее встречи на вокзале в прошлый понедельник. Она приняла меня стоя, видимо стеснялась разговором с человеком вовсе ей неизвестным, так что пришлось мне говорить почти одному. Впрочем, этот банальный разговор был очень непродолжителен²⁴⁴.

При выходе от императрицы я познакомился с ожидавшим доклада министром внутренних дел Горемыкиным. У нас была готовая тема для разговора – моя* давняя дружба с его дядей Федором Ивановичем Горемыкиным.

чего> никакой натянутости, ни позировки. Он даже заговорил о своем домашнем счастье <даже коснулся в разговоре своего домашнего счастья> о ребенке, вскормленном самою матерью и т. д.

* мои бывшие дружеские связи

Узнал я, что вдовствующая императрица Мария Федоровна приезжает сегодня; но в котором часу – об этом не объявляется, потому что Ее Величество выразила желание, чтобы не было никакой встречи на вокзале. Зато во все эти дни повторяются, чуть не каждый час и на разных железнодорожных вокзалах, встречи бесчисленных иностранных принцев, приезжающих на коронационные торжества разными экстренными поездами. Расписание этих встреч таково, что лицам государевой свиты для точного исполнения объявляемых по Императорской главной квартире приказаний приходилось бы оставаться бессменно, день и ночь, на железнодорожных вокзалах.

Погода сегодня несколько поправилась; по крайней мере, не льет сверху, даже изредка выглядывает солнце^{**}; но трудно еще предсказать, как удастся завтрашний торжественный въезд в город. Во всяком случае я не намерен участвовать в этом въезде^{***}; поеду прямо в Успенский собор и стану в среде своих сочленов Государственного совета^{****}.

Вечером, по инициативе дочери Ольги, собрался у меня в гостинице небольшой приятельский кружок: почти вся семья Гейден^{*****}, чета Обручевых, Юрий Милютин и двое молодых графов Олсуфьевых. Провели время очень приятно.

9-го мая. Четверг. – Природа умилоstellилась, выглянуло солнце и торжественный въезд царский удался вполне^{*****}. Говорю по слухам, потому что сам, прибыв прямо в Успенский собор, мог видеть только, как царь и обе царицы вступили во внутрь Собора, прикладывались к образам и потом, обойдя соборы Архангельский и Благовещенский, поднялись по лестнице Красного крыльца, поклонились народу и вошли во внутрь дворца. Этот момент был действительно чрезвычайно эффектный. Но чтобы увидеть это зрелище, продолжавшееся всего каких-нибудь полчаса,

---

* никому не дозволяется встречать Ее Величество

** но все-таки по небу ходят черные зловещие облака

*** не имея собственного седла

**** Будет ли завтра ведро или ненастье – лично для меня будет безразлично.

***** (старик Логин Логинович граф Федор Логинович с двумя сыновьями и дочерью Ольгой Федоровной)

***** Говорят, что шествие было очень эффектно. Своего суждения не имею <сам судить об этом не могу>, потому что прибыв прямо в Успенский собор и став в толпу членов Государственного совета и других сановников

*Вдовствующая
императрица
Мария Федоровна*

мы, собравшиеся* в Соборе, прождали целых $2\frac{1}{2}$ часа на паперти, греясь на солнце. В продолжение этого долгого выжидания, разумеется, пришлось мне встретиться еще** с многими старыми знакомыми и с большим еще числом новых лиц***. Познакомился я со многими новыми сановниками: министром юстиции Н.В. Муравьевым, государственным секретарем Плеве, членами Государственного совета Дервизом, Шамшиным, Шидловским; также возобновил знакомство с министром финансов С.Ю. Витте, который сам подошел ко мне и**** напомнил о старом времени в Тифлисе, когда я знал его еще ребенком²⁴⁵. От множества виденных лиц, пестроты обстановки, гула колоколов, пушечной пальбы – у меня до сих пор кружится голова.

Возвратился я домой уже в начале 6-го часа, и не успел еще разоблачиться, как вошла ко мне дочь Ольга. Она смотрела на

---

* к 1 часу 30 минутам дня

** с массою

*** из старых знакомых, к стыду моему, очень многих я не узнавал.

**** и припомнил давнишнее наше знакомство в Тифлисе, когда он был еще почти ребенком.

шествие с подмостков пред Английским клубом (на Тверской)²⁴⁶ и оттуда приехала прямо ко мне, обедала со мною в гостинице и вскоре затем уехала; я же остался на весь остальной день дома, чтобы отдохнуть не столько от усталости физической, сколько от утомления головы.

Прибывшая вчера в Москву вдовствующая императрица Мария Федоровна принимала участие в церемонии и первая подходила к образам. Она поражает своею молодостью и миловидностью. Не верится, что видишь бабушку.

10-го мая. Пятница. – Почти весь день опять провел в разъездах по городу**. Обедал вместе с дочерью Ольгой у Горбуновых***. Сегодня большой вечер у министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского. Я уклонился от этого приглашения и впредь намерен по возможности избегать вечеров и балов.

11-го мая. Суббота. – Сегодня я назначен дежурным при Государе генерал-адъютантом и должен был опять облечься в парадную форму, чтобы присутствовать при приеме Государем второй половины чрезвычайных посольств. Прием этот был назначен в 2 часа пополудни, поэтому я воспользовался утренним временем и**** присланною мне, как дежурному, лихою тройкой, чтобы объехать еще несколько принцев и великих князей. Принял меня только великий князь Петр Николаевич – очень симпатичный молодой человек, простой в обращении, будущий мой сосед на южном берегу Крыма. Вынужденный состоянием своего здоровья постоянно жить на юге, он купил близ Мисхора и Кореиса небольшой участок земли, принадлежавший Полежаеву, и теперь строится там новый, обширный дворец на месте прежнего, недостаточно обширного дома²⁴⁷.

Вместе со мною дежурными были генерал-майор свиты граф Голенищев-Кутузов и флигель-адъютант Де-Понт (финляндец). Нам пришлось довольно долго ожидать в Екатерининской зале Большого дворца²⁴⁸, пока собирались лица, участвующие в приеме послов. Сегодня представлялись посол австро-венгерский князь

---

* Никто <не скажет> не назовет ее бабушкой.

** Отдавал визиты, оставлял карточки, частью вместе с Олей.

*** По возвращении домой в 11-м часу вечера, нашел снова на столе много визитных карточек и длинный список посетителей. Везде только и разговоров о вчерашнем торжестве и предстоящих еще торжествах.

**** присвоенною дежурным при Его Величестве чинам свиты

Лихтенштейн с многочисленной свитой, посольства: португальское, нидерландское, сербское и мексиканское. Они поочередно вводились в залу, где Их Величества принимали стоя. По окончании приема я был приглашен в ту же залу; вторично Государь обошелся со мной чрезвычайно благосклонно.

Погода ненадолго улыбнулась; с 3-х часов пополудни снова заволокло небо тучами и начало накрапывать.

12-го мая. Воскресенье. – С утра дождь, густой туман, на улицах грязь; к полудню погода прояснилась. Я продолжаю свои разъезды по городу; сегодня пришлось преимущественно отдавать визиты посетившим меня в последние дни членам Государственного совета. В 3¹/₂ часа пополудни назначена была церемония освящения нового государственного знамени в присутствии всей императорской фамилии, иностранных принцев и государевой свиты*. После того я успел еще расписаться у принцев Ольденбургских, поселившихся в одной из отдаленных частей Москвы (Божедомка)**.

К обеду сговорились мы сойтись в ресторане «Метрополь» с дочерью Ольгой, четою Гудим-Левковичей и молодою графиней Елизаветой Адамовной Олсуфьевой.

Вечером вошел ко мне генерал-адъютант Семека, сиявший радостью, по случаю пожалованной ему Андреевской ленты. Кажется, многие из стариков украсились голубой лентой собственно ради их долговечности²⁴⁹.

13-го мая. Понедельник. – Все возрадовались: погода ясная, теплая, почти жаркая. Утром я снова разъезжал по городу, разбрасывая визитные карточки***. К 3-м часам пополудни назначено было съезжаться в Оружейную палату для перенесения оттуда коронационных регалий в тронную залу Большого дворца. Перенесение это совершается с торжественностью; участвующие**** в парадной форме. По окончании церемонии положено было произвести «репетицию» завтрашней главной процессии. Прoderжа-

---

* Совершена она с обычною торжественностью.

** Возвратившись домой, нашел я в своей квартире Ольгу, а вскоре приехали Гудима-Левковичи, муж и жена, которые сговорились с Ольгой отобедать вместе с нами в ресторане нашей гостиницы. Случайно приехала также графиня Елизавета Адамовна Олсуфьева.

*** Расписался у принца Вюртембергского и принца Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского.

**** в этой церемонии были

Коронация императора Николая II

ли нас на ногах до 5 часов пополудни и все-таки не добились порядка даже в расстановке участвующих в шествии лиц**.

14-го мая. Вторник. – Самый тяжелый день коронационных торжеств прошел совершенно удачно, можно даже сказать блестяще. Погода, доселе все хмурившаяся, сегодня прекрасная, как по заказу. Описывать весь ход торжества считаю излишним: это было бы повторением записанного уже в моем дневнике ровно за тринадцать лет назад. Обе коронации, которых довелось мне быть очевидцем и участником, исполнялись по одному и тому же церемониалу, который в свою очередь был точным, до мельчайших

---

* нельзя признать эту беспорядочную и очень медленную расстановку <группировку> участвующих лиц с переходом из дворца в Успенский собор за действительную репетицию.

** К обеду приехали ко мне в гостиницу дочь Ольга с молодой графиней Елизаветой Адамовной Олсуфьевой. Сейчас после обедни они обе отправились в Большой театр, в ложу Гудима-Левковичей, на репетицию предстоящего торжественного спектакля.

подробностей, повторением прежних традиционных обрядов венчания царей московских. Однако ж при всем сходстве церемоний, далеко не одинаковы были в разные эпохи размеры и внешняя обстановка коронационных торжеств. Сравнивая хотя бы только три последние коронации, совершавшиеся на моих глазах, то есть за 40-летний период, вижу, как с каждым новым царствованием поразительно растут и многолюдство, и блеск, и роскошь, а следовательно и истрачиваемые миллионы²⁵⁰.

В числе старших лиц, участвовавших в нынешней церемонии, на меня возложено было нести большую императорскую корону*. Во все продолжение долгого обряда в Успенском соборе, так же как и во время последующего хождения по другим соборам, и до возвращения во внутренние покои дворца, мне следовало держаться непосредственно за царем, чтобы в каждую данную минуту то подавать корону Его Величеству, то принимать ее. Вообще роль моя была не легкая для старика; но, к счастью, я выдержал ее до самого конца лучше, чем сам ожидал. Выехав из дому в 7 часов утра, возвратился я домой лишь в 5-м часу пополудни. Большим облегчением было для меня то, что в промежуток между церковною церемонией и шествием к обеду в Грановитую палату я мог зайти на какие-нибудь полчаса к нашему приятелю Владимиру Всеволодовичу Сипягину, который помещен в самом дворце, возле теремов. Стакан чаю подкрепил мои силы, так что всю остальную часть своих обязанностей исполнил я без всякого затруднения. Только возвратившись домой и разоблачившись, почувствовал сильную усталость в ногах и в руках. Руки дрожат и до сих пор от продолжительного держания и ношения тяжелой короны. Моими «ассистентами» были генерал-лейтенант Дурново и сенатор Селифонтов, которых, впрочем, вся обязанность заключалась в сопровождении меня справа и слева во время самого шествия. Более деятельное участие в церемониале, вместе со мною, выпало на долю несших скипетр и державу – графа И.Д. Делянова и Д.Н. Набокова (бывшего министра юстиции). Оба очень уже

---

* Первоначально было мне назначено нести малую корону императрицы; большую же корону императора должен был нести старший граф Гейден, адмирал. Но старик сам чувствовал, что будет не в силах выдержать предназначенную ему роль в церемонии, а потому оказалось необходимым изменить распределение обязанностей: мне пришлось нести большую корону. (Прим. Д.А. Милютина.)

дряхлые и расслабленные; удивительно, как они выдержали свои роли. Впрочем, Набокову сделалось дурно во время самой церемонии венчания, так что он должен был уйти со своего места; но к концу церемонии возвратился и докончил свои обязанности. Не выдержали и некоторые другие из участвовавших в церемонии; даже одна из принцесс должна была сойти с эстрады. Сам Государь видимо был утомлен; пот катился со лба; лицо было бледно. Императрица имела вид удрученный, сосредоточенный. Вдовствующая императрица Мария Федоровна казалась грустною²⁵¹.

Когда я был уже дома и пообедал в ресторане, приехала ко мне дочь Ольга**, которая во все время торжества занимала место на одной из трибун пред самым Красным крыльцом^{252***}. Вечер провела она у меня, любясь из моих окон на блестящую иллюминацию Большого театра и окружающих зданий: Городской думы, Дворянского собрания²⁵³ и прочих. Густые толпы народа наполняли всю обширную площадь****.

15-го мая. Среда*****. – Чувствую следы вчерашней усталости и легкую простуду; говорю хриплым голосом; однако ж это не помешало мне продолжать и сегодня разъезжать по городу с визитами. Им нет конца; каждый день, с новыми посетителями, растет и мой список обязательных для меня визитов*****.

В 7 часов вечера происходил в Грановитой палате дворца большой парадный обед, с музыкой, для сановников первых двух классов, высшего духовенства и принцев иностранных с их свитами*****. Всех приглашенных было до 260-ти. Сидеть было очень тесно. Более половины мест занимали принцы и принцессы. В том числе были и бухарский эмир и какой-то раджа Индостанский с его супругой, а в числе духовных лиц нунций папский, сидевший

---

* с площадки, на которой поставлены были троны; однако ж возвратился к концу церемонии.

** с князем Николаем Шаховским. Последний вскоре уехал.

*** вместе с милою Ольгою Ивановной Гудим-Левкович.

**** Оля уехала от меня <уже только> лишь около 11 часов.

***** Вчера получил письмо от Нади из Симеиса, и сегодня же утром ответил ей. Как она, так и жена, вероятно, ожидают с нетерпением известия о том, как удалось мне перенести вчерашние церемонии. Я поспешил успокоить их вполне на этот счет.

***** Это тоже, что лить воду в бездонную бочку. О если бы удалось мне вырваться отсюда ранее срока!

***** Андреевские кавалеры были в цепи орденской. Во время обеда играла музыка. Говорят, что за столом было более 260 приглашенных.

рядом с отцом Янышевым. Моими соседками были: слева – г-жа Грециано, статс-дама румынской наследной принцессы; справа – вечная фрейлина Надежда Арсеньевна Бартенева, с которой знакомство мое началось еще во времена императора Николая I, именно с Крымской войны. Теперь она, разумеется, очень постарела; ей близко к 70 годам, но и в этом почтенном возрасте она кажется все прежнею фрейлиной, наивной и любезной; оживает при воспоминаниях о давно минувших временах.

По окончании обеда царская чета и за нею все особы царского дома и принцы сейчас же удалились во внутренние покои, а прочие приглашенные разъехались. Я остался на некоторое время в квартире В.В. Сипягина, чтобы выждать начала иллюминации. Ровно в 9 часов осветился Кремль и вслед за тем все кругом. Полюбовавшись недолго на это зрелище с большой дворцовой террасы, я возвратился домой и попутно видел великолепно освещенную Красную площадь, часть Тверской и Охотный ряд. Нынешняя иллюминация превзошла все прежние, благодаря электричеству и разным другим усовершенствованиям в технике*.

16-го мая. Четверг. – Еще более, чем вчера, чувствую в себе простуду; несмотря на то, утром поехал во дворец для принесения поздравления Их Величествам вместе со свитой. В 11 часов начался прием иностранных посольств и депутатий, а после них наступила очередь Государевой свиты. Каждый подходил сперва к Государю, который подавал руку, а потом к императрице, у которой целовали руку. К полудню я был уже дома, и чтобы не усилилась моя простуда, никуда более не выезжал; не присутствовал на большом вечернем съезде во дворце, по-старинному – на «куртаге».

В отсутствие мое приезжал Дмитрий Федорович Самарин; он привез мне вновь появившийся 10-й том сочинений брата его Юрия Федоровича, заключающий в себе известные его «Окраины»²⁵⁴. Также приезжал Джаншиев, оставивший мне целый тюк изданных им книг и брошюр, а именно толстейший том 6-го издания его известной книги: «Из эпохи реформ» и несколько книжек по армянскому вопросу в Турции²⁵⁵. Джаншиев – неутомимый труженик**, убежденный поклонник реформ импера-

---

* И в этом заметный прогресс.

** твердый

тора Александра II и горячо принимает к сердцу бедственную участь своих соплеменников.

В обеденное время съехались ко мне дочь Ольга и Олсуфьевы: граф Адам Васильевич с обоими сыновьями и дочерью. Все вместе отобедали в ресторане здешнего отеля. Вечером опять иллюминация!

17-го мая. Пятница. – Лихорадочное мое ощущение несколько усилилось; чтобы не дать ему развиваться, решил я сегодня не выезжать вовсе и отказался как от участия в церемонии перенесения регалий обратно в Оружейную палату, так и от парадного спектакля в Большом театре. Зато я должен был отворить дверь свою всем посетителям. В числе их были: Михаил Александрович Хитрово – наш посланник в Японии, от которого слышал я много любопытного об этой диковинной стране; князь Мих[аил] Серг[еевич] Волконский, назначенный членом Государственного совета; генерал-лейтенант барон Фредерикс – стародавний военный агент наш во Франции, бывший прежде моим адъютантом; Николай Николаевич Обручев, с которым впервые удалось мне иметь^{**} несколько продолжительный разговор о ходе дел в Военном министерстве и, в особенности, по вопросу о мобилизации нашей армии. Вторично был Михаил Ильич Кази, который настойчиво уговаривает меня заглянуть, по окончании всех торжеств коронационных, на выставку в Нижнем, обещая устроить мою поездку со всеми желанными удобствами. Очень вероятно, что я соблазнусь этими любезными приглашениями.

Удивило меня появление в числе посетителей офицера от эмира Бухарского. Это был подполковник Генерального штаба князь Церетели, который вручил мне, при фирмане эмира, знаки ордена «Бухарской короны» с брильянтами²⁵⁶. Не знаю, чем объяснить такое внимание и щедрость со стороны азиатского властителя к русскому генералу, давно уже сошедшему с официальной сцены. Придется вторично ехать к эмиру, чтобы показаться ему лично украшенным вычурною его звездю.

В числе оставленных у меня визитных карточек оказалась и карточка французского посла графа Монтебелло с приложением пригласительного билета на завтрашний бал во французском посольстве. Приглашение это было совсем для меня неожиданно,

---

* Это третий и последний день.

** серьезный

так как я не сделал визита ни послу, ни другим представителям дружественной нам Франции, с тою именно целью, чтобы избегнуть всех вообще приглашений на балы и вечера. Как ни любезно при таких условиях полученное мною от французского посла приглашение, все-таки я не воспользуюсь им, решив оставаться дома и весь завтрашний день, о чем я известил состоящего при французском посольстве генерал-лейтенанта графа Кутайсова. Надеюсь, что отсутствие мое на бале не будет сочтено неучтивостию с моей стороны. При первой же возможности сделаю надлежащие визиты и графу Монтебелло и временному по случаю коронации послу генералу Буадефр, давнишнему моему петербургскому знакомцу. Он был довольно долго французским военным агентом в Петербурге, а теперь занимает высокий пост начальника Главного штаба и, как говорят, есть в сущности «la cheville ouvrière»* всей военной администрации во Франции.

Обедал я в своей гостинице вместе с дочерью Ольгой; она провела у меня и вечер. Мы смотрели из окон отеля на толпы народа, собиравшегося к началу представления в Большом театре, на блистательное освещение театра и других зданий на Театральной площади, на постепенный съезд приглашенных и, наконец, на приезд царской четы. Спектакль состоял из одного акта оперы «Жизнь за царя» и какого-то нового балета²⁵⁷**.

18-го мая. Суббота. – Опять во весь день не выходил я из дому; лихорадочное состояние продолжается. Сегодня народное гуляние на Ходынке. Карету свою я предоставил моей дочери, которая и воспользовалась ею для поездки на Ходынку вместе с княгиней Александрой Павловной Шаховской. Мне удалось достать для них обеих билеты на трибуны, близ царского павильона. К крайнему прискорбию, нынешнее народное гуляние, от которого*** так много ожидали, омрачилось страшной катастрофой. Говорят, будто бы по какому-то странному распоряжению, объявлено было,

---

* рабочий гвоздь (фр.).

** Представление закончилось в начале 12-го часа ночи. Вечером зашел ко мне наш крымский химик-винодел Немм; он домогается видеть министра Ермолова, чтобы личным докладом уладить недоразумения, возникшие по командировке его за границу. Сомневаюсь, чтобы он добился толку в настоящую сутолоку <в настоящее время общей здесь сумятицы и сутолоки>.

*** ожидали чего-то необыкновенного, не обошлось без страшной катастрофы.

что предположенная раздача народу* приготовленных мешочков со съедобными припасами и с особою коронационною кружкой, начнется с раннего утра; вследствие этого уже с вечера народ громадною массою устремился на Ходынку; ранним утром многотысячные толпы бросились разом к будочкам, настроенным для раздачи обетованных мешочков, и тут-то произошло такое столпление, такой напор задних на передних, что множество людей было раздавлено до смерти или искалечено. Число несчастных пока еще не известно в точности; показания весьма различествуют между собой, начиная от 70 человек и восходя до 2000. Истинное число жертв узнаем разве только завтра. По рассказам очевидцев, Ходынка представляла поразительное трагическое зрелище: в то время, когда по программе праздника, нарядные павильоны и трибуны наполнились блестящею публикой с царскою семьею во главе, когда раздавались ликования, музыка, песни, происходили представления на открытых сценах, разные игры, – в другом конце поля убирались еще многочисленные трупы задавленных жертв и увозились на дрогах, под знаком Красного креста**.

Все это постепенно узнавал я в течение дня от заезжавших ко мне посетителей. Само собою разумеется, что ни о чем другом не могло быть речи, кроме утренней прискорбной катастрофы²⁵⁸.

19-го мая. Воскресенье. – Вчерашняя катастрофа произвела самое удручающее впечатление на всех, – от царя до последнего простолюдина. По официальным, опубликованным известиям, число погибших жертв доходит до 1130 человек; по всем вероятностям, в действительности окажется еще больше; но кроме того очень много*** изувеченных²⁵⁹. Рассказывают подробности ужасные. Между прочим, будто бы не мало людей провалилось в глубокие ямы, остававшиеся не засыпанными, а только слегка прикрытые досками. Много толкуют о**** непостижимом бездействии полицейского начальства; обвиняют в этом обер-полицеймейстера полковника Власовского и***** самого генерал-губернатора, т. е. вели-

---

* каких-то

** Приезжали ко мне князь Николай Шаховской и двоюродный мой брат граф Павел Сергеевич Киселев. К обеду приехала прямо с Ходынки дочь Оля, которая провела у меня весь вечер. Погода прекрасная, даже жаркая, напоминает мне Крым.

*** оставшихся в живых изувеченных.

**** полном отсутствии полиции

***** высшее местное начальство, т. е. генерал-губернатора

Граф Ф.Л. Гейден

кого князя Сергея Александровича; с другой же стороны – министра двора графа Воронцова-Дашкова, который принял на себя все устройство народного гуляния, устранив совершенно местное начальство. Высказывается даже предположение, что основной причиной всего бедствия – были именно пререкания между обеими властями²⁶⁰.

Как бы то ни было, вчерашняя катастрофа омрачила торжества коронационные, следовавшие до сих пор так удачно, даже блистательно. Объявленные сегодня царские щедроты для вспоможения семействам, оставшимся после убитых, отслуженная в присутствии Государя панихида по убитым, слезы, пролитые, по рассказам, молодою царицей, – все это очень симпатично; однако ж ничто не может смягчить общего скорбного впечатления. В народе, разумеется, ходят разнообразные толки, создаются фантастические легенды. Распространился, например, слух о самоубийстве обер-полицеймейстера полковника Власовского, ненавистного всему населению московскому.

Так как и сегодня я не выходил из комнаты, то мне пришлось наслушаться всяких рассказов от посетителей. В числе их был граф Федор Логгинович Гейден, с которым удалось мне иметь беседу довольно продолжительную. Большое удовольствие доставило мне свидание с бывшим в продолжение стольких лет ближайшим моим помощником по Военному министерству. С того времени он на вид очень постарел, кажется старше своих лет, что можно приписать частию болезненному состоянию его, частию выпавшей на его плечи непосильной обузе – управлению Великим княжеством Финляндским. По собственным словам его, должность финляндского генерал-губернатора сопряжена с постоянною борьбою против сепаратистических стремлений финляндцев, против упорного сопротивления их всякому сближению с Россией, против интриг в самом статс-секретариате Финляндском, которому нередко удается проводить, помимо генерал-губернатора, прямыми личными докладами Государю, меры, совершенно противоречащие общим интересам империи. Граф Гейден, как мне кажется, ведет свое дело честно, но осторожно, может быть слишком пассивно²⁶¹. Вести упорную борьбу – совсем не по его летам, не по его здоровью, не по его характеру, мягкому и сдержанному. Он сам давно чувствует себя не на своем месте и несколько раз уже просил освобождения от непосильного бремени.

К обеденному времени приехала дочь Ольга; мы провели весь вечер вдвоем**. Сегодня опять избег я бала у австро-венгерского посла.

20-го мая. Понедельник. – Сегодня утром происходила в Чудовом монастыре, в присутствии Высочайших особ, церемония присяги молодого великого князя Кирилла Владимировича, а вечером – бал у генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Но я продолжаю сидеть дома, в надежде совсем оправиться к завтрашнему дню. Утром принимал посетителей, а к

---

* долее других оставался у меня Н.П. Горбунов, с которым удалось мне, наконец, поговорить и посоветоваться о наших семейских делах. От него одного могу я надеяться получить указание на лица, кандидатов в управляющие нашим имением, в замене теперешнего не удовлетворяющего вполне нашим требованиям.

** Я избавился как вчера [от] бала [у] французского посла, так и сегодня у австрийского. Думаю также и завтра избежать бала у великого князя Сергея Александровича.

*Бухарский эмир
Сеид-Абдул-Ахад*

обеду приехали дочь Ольга и Гудим-Левковичи.

Сегодня же утром приехало в Москву чрезвычайное персидское посольство с извещением о вступлении на престол нового шаха²⁶².

21-го мая. Вторник. – Хотя здоровье мое все еще не восстановилось вполне, однако ж я решился выехать^{**}. Первый мой выезд был к эмиру Бухарскому. Облекшись в парадную форму, с его си-нею лентой и великолепною, громадных размеров, звездою, украшенною брильянтами, – поехал я на Большую Никитскую. Эмир принял меня по-европейски^{***}; в каком-то фантастическом костюме, с генерал-лейтенантскими эполетами²⁶³. Разговор наш продолжался добрых четверть часа, чрез переводчика, хотя он несколько понимает по-русски. Мы обменялись взаимными комплиментами и когда я высказал, что, не занимая никакой должности, ничем не заслужил оказанного мне отличия, эмир ответил, что он не забывает моей деятельности в звании военного министра и тех

---

* милая чета

** чтобы поблагодарить эмира Бухарского за оказанное мне внимание.

*** на нем была какая-то фантастическая, короткая одежда с генерал-лейтенантскими эполетами. Он посадил меня и

добрых отношений, которые были мною установлены между Россией и Бухарой при его предместнике. На эту тему и продолжался разговор, заключенный обоюдными добрыми пожеланиями.

Пользуясь первым своим выездом, я забросил карточки у барона Моренгейма и у французского посла графа Монтебелло, а затем оставался весь остальной день дома; не поехал на Ходынку, где происходил в лагере, в Высочайшем присутствии, церковный парад по случаю полковых праздников. Не поехал и на бал Дворянского собрания. Дочь Ольга с Юлией Александровной Горбуновой и князем Николаем Шаховским, после представления в Малом театре, заехали ко мне на чашку чая*.

До сих пор еще не представлялся я вдовствующей императрице Марии Федоровне и ожидал назначения мне приема. Наконец, сегодня получил извещение, что Ее Величество примет меня завтра в 5 часов пополудни.

22-го мая. Среда. – Назначенное мне сегодня представление вдовствующей императрице** не состоялось – «по непредвиденным обстоятельствам» – как сказано в извещении князя Ивана Михайловича Голицына; о назначении другого дня обещано известить меня в свое время. Царственная чета*** ездил в Троицкую лавру, а потому нынешним днем каждый мог располагать по своему усмотрению. Что касается до меня, то утром я разъезжал по городу, раздавая визитные карточки, а вечером был в Малом театре с дочерью, князем Николаем Шаховским и двумя молодыми Олсуфьевыми. Давали пьесу Островского: «Волки и овцы». Давно не случалось мне быть в театре****; мне тяжело высидеть в ложе неподвижно целых четыре часа и уехал я, не дождавшись последнего акта. Пьеса показалась мне несколько растянутой. Гораздо охотнее послушал бы я хорошую оперу.

23-го мая. Четверг. – Наконец, состоялось сегодня в 2 часа пополудни мое представление вдовствующей императрице Марии Федоровне. Прием Ее Величества был чрезвычайно***** благосклонный. Я имел возможность вполне выяснять обстоятельства,

---

* После долгого ожидания назначения мне представления вдовствующей императрице.

** отложено

*** сегодня

**** и признаться

***** радушный и любезный.

помешавшие мне в свое время исполнить* последний долг пред покойным Государем и выразить соболезнование горю Ее Величества. Императрица со свойственным ей добродушием выражала свое участие к тяжелому положению моей больной жены, вспоминала о своем посещении нашего скромного** убежища в Крыму, высказывала, как тягостны для нее настоящие коронационные торжества, так живо воскрешающие в ее сердце прошлое. В таком смысле беседа наша продолжалась*** минут 20 или более, несмотря на то, что в соседней гостиной ожидали приема несколько дам. Я вышел от Ее Величества**** восхищенный ее благодушием.

Пред моим представлением императрица принимала болгарского князя Фердинанда, который по выходе от Ее Величества просил состоящего при императрице генерал-адъютанта князя Барятинского познакомить его со мной. Делать было нечего: я должен был потом, против моего желания, завезти к нему свою визитную карточку. Принц Фердинанд с***** самодовольствием везде хвастается благосклонным приемом, будто бы оказываемом ему нашим императорским Двором. Но вдовствующая императрица не стеснялась выразить мне, с каким отвращением она была вынуждена согласиться на домогательства принца быть принятым Ее Величеством. Императрица прямо называет его комедиантом, в искренность которого нельзя нисколько верить²⁶⁴.

После меня представлялась императрице графиня Екатерина Николаевна Адлерберг с ее внучкой княжной Мингрельской. Графиня страшно изменилась с тех пор, как я виделся с нею в последний раз в 1886 году; постарела, исхудала и ослепла на один глаз. Это одна из многочисленных руин, которых приходится мне встречать в***** числе оставшихся еще моих сверстников.

Представление императрице***** не позволило мне сегодня продолжать мои разъезды с визитами. За то мне удалось принять у себя двух милых дам, которые удостоили меня своим вторичным посещением: Александру Федоровну Траубенберг (рожденную графиню Гейден) с мужем и графиню Ольгу Федоровну Гейден с

---

* мой

** уединения

*** как полагаю

**** глубоко растроганный

***** восхищением

***** массе

***** помешало мне сегодня продолжить серию моих визитов.

ее братом графом Дмитрием Федоровичем, офицером Генерального штаба. Заходили ко мне еще несколько лиц, а к обеденному времени опять съехались Гудим-Левковичи и дочь. Вечером они отправились в Малый театр на представление «Ревизора»; я же должен был ехать на большой бал во дворец. Это единственный бал, которого избегнуть не считал я возможным. Бал*, в буквальном смысле слова, блестящий.

24-го мая. Пятница. – По желанию Государя, вся свита Его Величества сегодня утром** снималась в общей группе у фотографа (Шерер и Набоголец на Большой Дмитровке)***. Потом продолжался развозить по городу свои визитные карточки. Застал дома только Михаила Петровича Кауфмана и Федора Логгиновича Гейдена. К Юсуповым попал во время концерта румынских музыкантов и потому не вошел, пожалев только, что не удалось и на этот раз взглянуть на любопытный дом юсуповский, отделанный в стиле старорусском, наподобие царских теремов²⁶⁵.

Вечером вместо концерта у германского посла Радолина, на который я был приглашен, поехал с дочерью в Большой театр. Меня заманили туда, чтобы слушать какую-то новую оперу. К сожалению, представление оказалось жалкою, почти балаганною феерией, в которой главный эффект составляют прекрасные декорации²⁶⁶.

25-го мая. Суббота****. – Доканчивал свои бесконечные визиты. Между прочим заехал к министру финансов Витте, а позже навестил вместе с дочерью Ольгой графиню Марию Федоровну Шереметеву (рожденную графиню Гейден*****).

---

* ничем не отличался от всех других придворных балов: много блеску, огромная толпа, раззолоченные мундиры, разряженные дамы (в числе которых замечательно мало красивых) и над всем этим – скука и [пустота]. Впрочем, я оставался на бале очень короткое время; в половине 12-го часа я был уже дома.

** в полной парадной форме

*** Снималась в нескольких отдельных <отдельными> группах.

**** День рождения молодой императрицы; следовало бы утром ехать в собор Христа Спасителя в полной парадной форме. Однако ж я считал возможным уклониться от этой излишней траты времени и сил и <взамен того> предпочел доканчивать

***** дочь моего почтенного товарища графа Федора Логгиновича Гейдена.

***** С удовольствием зачеркнул последние имена, оставшиеся еще незачеркнутыми в длинном списке лиц, которым обязан был отдать визиты.

Граф И.И. Воронцов-Дашков

В 7 часов вечера – большой парадный обед в Георгиевском зале Кремлевского дворца для иностранных посольств, дипломатического корпуса и высших сановников русских. Один, очень длинный стол, в форме покоя*, поперек зала, был занят исключительно лицами царской фамилии и принцами иностранными; в длину же зала поставлено было три стола. Средний был занят весь лицами дипломатического корпуса (обоего пола). Мне пришлось сидеть с Государственным советом, между двумя братьями графами Гейден**. В зале даже при открытых окнах была страшная духота***. На хорах гремел оркестр, по временам раздавалось пение. По окончании длинного и роскошного обеда все приглашенные собрались в Андреевском (или Тронном) зале. Их Величества на этот раз оставались довольно долго среди своих гостей и**** последовательно подходили то к одной группе, то к другой. При этом вос-

---

* (П)

** во главе членов Государственного совета.

*** вообще дни стоят очень жаркие.

**** и подходя обращались последовательно к стоявшим большим сплошным кругом <кольцом> [лицам] (что называется *fait cercle*).

пользовался я случаем, чтобы откланяться Государю, имея в виду, что завтра, в последний день пребывания в Москве, по всем вероятностям, не удастся мне увидеть Его Величество. Молодой Государь простился со мной очень благоклонно. Также и некоторые из особ царской семьи удостоили меня разговором; в особенности были любезны великая княгиня Мария Павловна, герцогиня Кобургская (великая княжна Мария Александровна), великая герцогиня Мекленбург-Шверинская (великая княжна Анастасия Михайловна), принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская и др. С трогательным сочувствием они вспоминали давно минувшие времена, о которых напоминало им мое появление**.

С обеда возвратился я домой позже 10 часов вечера, вполне довольный нынешним днем***. Откланявшись Государю, считаю себя освобожденным от предстоящих еще на завтрашний день последних пунктов коронационной программы, то есть: смотра войскам на Ходынке, завтрак в Петровском дворце и, наконец, съезда вечером на вокзал ко времени отъезда Их Величеств****. Завтрашний день остается для меня совсем свободным на приготовление к отъезду, а в понедельник могу спокойно уехать из Москвы*****. При громадном скоплении отъезжающих по железным дорогам нужно было заранее заручиться местом на поезде Николаевской дороги, по которой предстоит мне проехать до станции Тосны, откуда сверну на Гатчину и далее по Балтийской дороге в Эстляндию.

Еще другой, очень приятный для меня результат нынешнего дня: при одной из прежних встреч с графом К.И. Паленом (бывшим министром юстиции) он объявил мне, что слышал от министра внутренних дел Горемыкина о намерении Государя поручить

---

* любезно, просто и благодушно. Приходилось беседовать и с некоторыми из особ царской семьи; в особенности были очень любезны со мною принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, великая княгиня Мария Павловна, наша бывшая великая княжна Мария Александровна, ныне герцогиня Кобургская.

** Вообще я остался очень доволен.

*** и вообще своим пребыванием в Москве. Мне удалось освободиться от предстоящих еще на завтрашний день обязанностей по программе коронационных торжеств.

**** в Ильинское.

***** Благодаря услужливости чиновника канцелярии Военного министерства Лисовского, я уже заручился местом на почтовом поезде Николаевской железной дороги до Тосны, и далее по Балтийской дороге до Иевве, имею даже билет на тот же поезд до станции Подсолнечной для дочери Оли.

мне, вместе с графом Паленом, представить Его Величеству мнение наше о том, на кого должна пасть ответственность за ужасную катастрофу 18-го мая на Ходынке. Такое известие, разумеется, крайне встревожило меня*. Сегодня же во дворце представились как бы некоторые подтверждения зловещего слуха: министр Двора граф Воронцов-Дашков, которого преимущественно считают в публике и в народе** ответственным за катастрофу***, сверх обыкновения, сам подошел ко мне и заговорил о предстоящем разборе несчастного дела. Затем принцесса Евгения Максимилиановна в разговоре со мной, желая выразить, какую лестную память сохранил я в общественном мнении, сослалась на то, что вслед за катастрофой все в один голос заговорили, что расследование**** дела следует возложить на меня. Встревоженный еще более прежнего, я отыскал в толпе графа К.И. Палена и спросил его, не знает ли он чего-либо нового по этому предмету. Граф Пален успокоил меня, сказав, что расследование уже производится под руководством министра юстиции Муравьева, что предполагается потом возложить составление заключения или доклада Государю на особую комиссию, под председательством его, графа Палена, и что я таким образом останусь в стороне*****. Окончательно успокоился я после разговора с Государем: Его Величество распростился со мною, не коснувшись ни одним словом означенного дела²⁶⁷.

26-го мая. Воскресенье. – Сегодня не выезжал все утро и занимался приготовлениями к отъезду*****. Обедал у княгини Шаховской, на Спиридоновке, а после обеда завез дочь в театр и заехал проститься с графом Федором Логгиновичем Гейденом*****. Граф простужен, без голоса; однако ж намерен выехать из Москвы во вторник, в имение старшего брата, в Смоленской губернии. Обоим старикам крайне нужен деревенский отдых.

---

* не на шутку. Еще сегодня некоторым подтверждением заявления графа Палена казалось мне, во-первых, то, что граф Воронцов-Дашков

** виновным

*** как-то особенно был ко мне внимателен и, сам подойдя ко мне, чего никогда не бывало, завел разговор об этой катастрофе.

**** этого несчастного случая

***** Еще большим успокоением мне послужил разговор с самим Государем, который ни одним словом не намекнул <не коснулся> означенного дела и окончательно распростился со мной.

***** и приступил к укладке чемодана.

***** и с его милою дочкой графиней Ольгой Федоровной.

Слышал, что смотр на Ходынке был блестящий. Программа коронационная выполнена до конца. В 10-м часу вечера молодая царственная чета уехала по Брестской железной дороге в Ильинское²⁶⁸, а вдовствующая императрица – по Николаевской дороге в Гатчину. Погода жаркая.

27-го мая. Понедельник. – Имея свободное утро, пошел я пешком в гостиницу «Флоренция» (на Тверской) проститься с Обручевыми; не застал их дома; но виделся с Бильдерлингом и Фельдманом, а несколько спустя Обручевы сделали мне любезность – пришли сами проститься*. Теперь ожидаю дочь Ольгу, чтобы вместе с нею отправиться на Николаевскую железную дорогу**.

28-го мая. Вторник***. Пюхтица. – Вчера на вокзале Николаевской железной дороги провожали нас Гершельманы и князь Николай Шаховской. Поезд вышел в 4 часа по петербургскому времени. В Подсолнечной расстался я с Олей и продолжал путь до Тосны в отдельном купе. Ровно чрез сутки по выезде из Москвы, сегодня в 4 часа дня, я был уже на станции Иевве (Балтийской железной дороги). Здесь встретила меня дочь Лиза Шаховская, с которой мы доехали на почтовых до ее уединенной обители на Пюхтицкой горе. Проливной дождь с грозой освежил воздух, так что переезд на лошадях был очень приятен после душного вагона железной дороги. Засветло успел я осмотреть постройки, возведенные после моего посещения этой местности в октябре 1894 года: маленькую церковь над могилою покойного князя Сергея Шаховского и прилегающее к ней жилье моей дочери. Церковь деревянная, очень небольших размеров, занимая высшую точку горы, возле геодезической пирамиды, производит издали**** эффект; внутри же отделана и украшена с изяществом. Жилое помещение теперь несколько распространено и удобнее, сравнительно с прежнею постройкой.

Лиза приютила у себя на вакантное время племянника своего Сергея Шаховского (сына князя Льва), кадета Александровского корпуса²⁶⁹.

29-го мая. Среда. – Погода жаркая. Утром ходил вместе с дочерью в монастырь навестить игуменью мать Варвару; она пока-

---

* Также пришел племянник Юрий Милютин.

** Закончив свой дневник пребывания в Москве, запираю свой дорожный чемодан.

*** На «Святой горе» или Пюхтице.

**** приятный

зывала мне свои новые постройки^{*}. В течение дня приехала из Ревеля племянница Ина (Александра Семеновна Салова) с одним из своих сыновей. Вечером, когда дневной жар несколько умерился, предприняли мы все прогулку в окрестный лес, обыкновенно очень болотистый, но теперь, в жаркое время, доступный для пешеходов.

1-го июня. Суббота. – В последние два дня чувствовал себя не совсем здоровым^{**}; сегодня же несколько оправился. Время проходит незаметно, в полном безделье. Появляются случайные посетители и посетительницы: то игуменья Варвара^{***}, то священники монастырские, то врач и другие^{****}. Молодежь ежедневно предпринимала прогулки или дальние поездки к озеру и развлекалась ужением рыбы.

Сегодня после раннего обеда уехала Ина с своим птенцом обратно в Ревель. Мы с дочерью собираемся выехать вместе до Иевве ночью, так, чтобы я поспел к 6 часам утра на скорый поезд железной дороги.

3-го июня. Понедельник. Щелково. – Переезд мой из Пюхтицы сюда совершился без всяких приключений^{*****}. Как в Гатчине, так и в Тосне пришлось мне прождать по два часа слишком. От Тосны до станции Подсолнечной ехал в почтовом поезде в общем вагоне, где пассажиры помещаются в креслах. Поэтому провел ночь очень плохо, дремал сидя и то недолго. Таким образом, после двух ночей, почти без сна, приехал сюда усталый сегодня в 9-м часу утра. К крайнему прискорбию, нашел дочь Ольгу больною, в сильном гриппе. Большую часть дня провели мы вдвоем, в комнате, так как погода свежая и пасмурная. Вечером приехали Олсуфьевы: граф Адам Васильевич и Дмитрий Адамович.

4-го июня. Вторник. – Утром маленькая прогулка пешком по окрестным полям и лесам. К обеду поехал я в Никольское, к сожалению один, без дочери, которая все еще кашляет и жалуется на горло. У Олсуфьевых, как всегда, «гостят» разные лица: жена

---

* возведенные уже после моего посещения в октябре 1894 года. Около 5 часов вечера приехала

** принимал хинин

*** (которая вчера куда-то уезжала)

**** Оба дня провел здесь молодой офицер корпуса топографов [Страхов], заканчивающий съемки в окрестностях.

***** Вчера ровно в 6 часов утра воскресенья к станции Иевве подкатил Ревельский поезд и мы распростились с Лизой.

и дочь нашего посла в Лондоне барона Сталь (который гостит у соседа Апраксина, своего товарища и приятеля), обычный гость – Павел Николаевич Сальков, массажистка со своею матерью и несколько еще других. Баронесса Сталь, рожденная княжна Горчакова, близкая родня графини А.М. Олсуфьевой, живя давно за границей, более похожа на иностранку, чем на русскую. Дочь же ее – даже не говорит по-русски. Сам посол, сколько знаю его, также мало имеет общего с русскими. Несмотря на то, его прочили на место русского министра иностранных дел прежде назначения на этот пост князя Лобанова-Ростовского. Много было разговоров о бывших коронационных торжествах, в особенности о катастрофе на Ходынке; но до сих пор ничего неизвестно о последствиях и результате расследования. После обеда, как обыкновенно, все разошлись по разным углам, а я остался вдвоем с графиней Анной Михайловной. Этот *a parte** продолжался до 5 часов вечера. Графиня пожелала съездить со мною в Щелково навестить больную** соседку, несмотря на дождь и неудобный для нее экипаж. Графиня провела с нами в Щелкове весь вечер.

5-го июня. Среда. – Нездоровье Оли еще продолжается; притом погода переменчивая: то жарко, то поднимается свежий ветер; раз затрещали даже стекла оконные от града и сильного порыва ветра. Несмотря на то, мне удалось после обеда сходить пешком в соседнее имение Богуславских, чтобы навестить старушку Софью Ивановну Богуславскую (молодые хозяева в отсутствии; возвратятся домой только завтра). Вечером приехали в Щелково графиня Елизавета Адамовна и Дмитрий Адамович с баронессой Сталь, дочерью.

6-го июня. Четверг. – После обеда ездил в Никольское; нашел графа Адама Васильевича больным. Решаюсь выехать отсюда в субботу вечером, а в воскресенье ехать в Нижний на выставку. По соглашению с Михаилом Ильичем Кази, телеграфировал ему о своем приезде.

7-го июня. Пятница. – Утром приходил к нам ближайший сосед Иван Николаевич Богуславский; вечером же я опять ездил в Никольское проститься с Олсуфьевыми.

8-го июня. Суббота. Москва. – Выехал из Щелкова в 3-м часу пополудни. Дочь Ольга проводила меня пешком до мельницы. На

---

* разговор наедине (*ит.*)

** свою

всем протяжении железной дороги от Подсолнечной до Москвы расставлены солдаты для охранения пути. Государь и императрица еще в Ильинском, у великого князя Сергея Александровича; время переезда их в Петербург неизвестно, по-видимому, держится в тайне. В Москву выехал я под дождем; остановился опять в гостинице «Метрополь» и успел еще провести вечер у Горбуновых. Мне было необходимо переговорить с Николаем Павловичем относительно рекомендуемого им человека в управляющие нашим имением в Крыму, на место болезненного А.Н. Попова.

9-го июня. Воскресенье. Нижний. – Переезд из Москвы в Нижний продолжался всего $10\frac{1}{2}$ часов. К удовольствию моему, на поезде очень немного пассажиров: в целом вагоне 1-го класса я был вдвоем с каким-то другим пассажиром. По этой дороге приходилось мне проезжать в первый раз; страна производит приятное впечатление, довольно населенная, а в некоторых частях представляет характер промышленный: большие фабрики, лесная торговля. В Нижний поезд приходит в 12-м часу ночи по местному времени. На вокзале встретили меня, кроме Мих[аила] Ил[ьича] Кази, которого я ожидал, еще Николай Михайлович Вонлярлярский, граф Дмитрий Адамович Олсуфьев и богач Морозов (председатель ярмарочного комитета²⁷⁰), встреча с которыми была для меня совершенно неожиданна. По предварительной моей просьбе, губернатор Баранов не выехал, а поручил Вонлярлярскому, как бывшему некогда моим адъютантом, спросить, когда и где он мог бы повидаться со мной. Кази вообще уладил мое положение совершенно согласно с моим желанием. Он приготовил мне помещение на самой выставке, в одном из казенных домиков, занятых начальствующими отделами выставки²⁷¹. Мне отвели две прекрасно убранных комнаты, отделенные от квартиры полковника Петра Ив[ановича] Лункевича, служащего по государственному коннозаводству и заведующего II-м отделом выставки (коннозаводство и скотоводство). Водворив меня на его попечении, Кази уехал к себе, обещав приехать завтра в 10 часов утра.

10-го июня. Понедельник. – Ночь провел плохо, почти не спал от частых приступов судорожной боли в ногах, что, впрочем, не помешало мне провести день в непрерывной ходьбе по выставке. В 11-м часу приехали Кази, граф Дм[итрий] Ад[амович] Ол-

---

* в 10 часов 20 минут вечера по петербургскому времени, что по местному времени соответствует 11 часам 10 минутам.

суфьев, Морозов и вместе с ними тайный советник Влад[имир] Ив[анович] Ковалевский, директор Департамента мануфактур и торговли. С удовольствием познакомился я с ним, а позже, на самой выставке, с другим деятелем Министерства финансов, генеральным комиссаром выставки Тимирязевым, который присоединился к числу сопровождавших меня при обходе выставки. По обширности ее, мы сговорились на нынешний день ограничиться лишь общим, поверхностным обзором, отложив на завтра более обстоятельный осмотр тех частей, которые покажутся мне более интересными. Но выставка так обширна, так богата, что и поверхностного обзора мы не могли закончить вполне, хотя ходили, почти безостановочно, с 11 часов утра до 7 часов вечера. Из этого времени следует исключить менее одного часа, уделенного на завтрак в одном из ресторанов. В 7 часов вечера все отделы выставки закрываются и только тогда пошли мы обедать в тот же ресторан, где завтракали, так что домой возвратился я лишь к 9 часам вечера.

Выставка устроена на широкую ногу; занимает пространство около 7 десятин (к югу от ярмарки); множество зданий и павильонов выстроено частью на казенный счет, частью самими экспонентами. Говорят, что расходы одной казны дойдут до почтенной цифры 8 миллионов рублей. Особенно обширны и грандиозны здания художественного и машинного отделов, также центральное круглое здание; большинство павильонов выстроено в русском стиле; они разбросаны среди разведенного весьма быстро обширного сада. В общем расположении выставки нельзя не подметить во многом подражания Парижской всемирной выставке 1889 года²⁷², конечно, в сокращенном масштабе. О внутреннем достоинстве нашей выставки отложу суждение до окончания всего обзора. Теперь же скажу только, что в ней бросается в глаза прежде всего пустота, ничтожное число посетителей, совершенно теряющихся на обширном пространстве. В этом заключается* явное несходство, даже противоположность** с Парижской, на которой приходилось протискиваться с трудом сквозь густую толпу ежедневной публики. Здесь же, даже в праздничный день, как, например, вчера, число посетителей не превышает 10 тысяч человек; но и такое число признается здесь значительным, а в обыкновенные

---

* главное

** нашей настоящей выставки сравнительно с

дни не доходит и до 3-х тысяч человек. Очевидно, что при таком отсутствии в публике интереса к выставке, затраченные на нее миллионы не окупятся²⁷³. Здешние власти высказывают надежду, что число посетителей возрастет в будущем месяце, в период разгара ярмарки. Но заграничные выставки сами привлекают к себе массы народа, независимо от каких-либо случайных приманок. У нас же не только масса, но даже так называемый интеллигентный класс слишком апатичен, слишком втянут в тину своей пошлой обыденной жизни, чтобы интересоваться чем-либо выходящим из этой привычной пошлости.

В продолжение наших блужданий по выставке, встретился я с губернатором генерал-лейтенантом Барановым, и должен был обещать приехать к нему отобедать, вместе с Вонлярлярским, в один из следующих дней*.

11-го июня. Вторник. – С 11-го часа утра до 7 часов вечера опять ходил по выставке вместе с Мих[аилом] Ил[ьичем] Кази и графом Дм[итрием] Ад[амовичем] Олсуфьевым. По временам присоединялись к нам и другие лица. День жаркий. Осмотрели отдел сельского хозяйства, кустарных работ, строительный, железнодорожный и еще несколько малых павильонов. Наиболее времени занял отдел железнодорожный; затем особенное внимание обратил на себя ряд домиков, приспособленных к крестьянскому быту и безопасных от огня. В каждом отделе и подотделе приходилось выслушивать** многоречивые объяснения специалистов. Публики так же мало, как и вчера. В ресторане за завтраком встретился с Н.М. Вонлярлярским. По окончании осмотра, около 7 часов вечера, отобедали в том же ресторане.

12-го июня. Среда. – Сегодня закончил обзор выставки осмотром павильона города Москвы и научно-учебного отдела. Последний осмотрен подробнее всех других отделов***. Заведующий им инспектор учебных заведений Нижегородской губернии²⁷⁴ довольно подробно указывал мне на успехи, добытые в последнее время начальными, и в особенности профессиональными техническими школами. По этой части сделано очень много на счет частных жертвователей и ревнителей.

---

* Все-таки я доволен, что избег всякой официальности. В этом отношении М.И. Кази вполне сдержал свое обещание.

** более или менее

*** показывающий и объясняющий мне

Вообще могу сказать, что выставка производит весьма благоприятное впечатление. Несмотря на то, что многие отделы еще не совершенно устроены, что в некоторых из них даже не все установлены экспонаты, – можно сказать, что выставка грандиозна, и выказывает замечательные успехи по многим отраслям экономической и общественной жизни России. В особенности бросаются в глаза отделы заводский, горный, железнодорожный. Говорят, что немногие посетившие доселе выставку иностранцы поражены успехами нашей промышленности. Тем прискорбнее равнодушие, выказываемое к выставке русскою публикой. Сегодня посетителей еще менее, чем в предыдущие дни, что можно отчасти приписать изменению погоды. С раннего утра шел дождь.

Окончив осмотр выставки к 1 часу пополудни, т. е. до времени завтрака, я посвятил остаток дня обозрению места ярмарки и самого города. Настоящая деятельность на ярмарке еще не началась; но мне хотелось получить понятие хотя бы только о ее внешней обстановке. Благодаря любезности председателя ярмарочного комитета Саввы Тимофеевича Морозова, предложившего мне быть моим чичероне, я объехал с ним многие ярмарочные улицы, входил в собор, осмотрел так называемый «Главный дом» – весьма эффектную постройку, где помещается администрация ярмарки. В настоящее время Нижегородская ярмарка уже не представляет, как прежде, характер азиатского базара; она скорее напоминает прежние московские ряды: это бесконечные линии каменных*, совершенно однообразных амбаров и кладовых. Значительная часть ярмарочного пространства в половодие затопляется. Говорят, что во время разгара торговой деятельности эти однообразные линии низких сараев кипят жизнью и представляют поразительную картину; но теперь они еще пустыньны и угрюмы²⁷⁵.

Объезд ярмарки с С.Т. Морозовым закончился на берегу Оки, на пристани финляндских пароходов. Здесь на воде стоит громадное пятиарусное судно, служащее гостиницей на время выставки. На пристани ожидал меня губернатор Ник[олай] Мих[айлович] Баранов, предложивший мне свои услуги для обозрения самого города. У пристани стоял маленький пароход, на котором мы спустились по Оке до ближайшей к Кремлю городской пристани**. Здесь ожидал нас экипаж генерала Баранова. От пристани к

---

* построек, вытянутых в прямые линии

** Сопровождал нас и Ник[олай] Мих[айлович] Вонлярлярский.

Кремлю подъем довольно тяжелый; за то вид на город с ярмарочной стороны очень живописен. Мы объехали лучшие части города; останавливались у одной из старинных башен, ныне реставрируемой и приспособляемой к помещению городского музея. Здесь Баранов познакомил меня с городским головой бароном Дельвигом и художником Карелиным. Далее посетили Вдовий дом, устроенный на пожертвованный купцом Бугровым капитал, детский приют для сирот, оставшихся после умерших от холеры родителей; собор в Кремле, где находятся в подпольных катакомбах гробницы некоторых русских князей XIV столетия, а также гробница Минина²⁷⁶. В заключение Баранов пригласил меня к себе на обед, в небольшой деревянный домик, занимаемый им временно в саду губернаторского дома, по случаю производимых в этом доме работ, для помещения царской четы в предстоящий приезд Их Величеств на выставку²⁷⁷. К обеду были приглашены: М.И. Кази, В.И. Ковалевский, С.Т. Морозов и Н.М. Вонлярлярский, который сопровождал меня сегодня во все время как по выставке, так и на ярмарке и, наконец, при объезде города. Пообедали мы на балконе, по-деревенски, побеседовали и часов в 8 вечера разъехались по домам. Я занялся укладкою своего багажа, чтобы завтра утром покинуть Нижний.

Вообще пребыванием своим здесь я могу быть вполне довольным. Мне удалось (благодаря, конечно, Михаилу Ильичу Кази) провести все три дня совершенно запросто, без всякой официальности в приятном обществе и выполнить предположенную программу сколько возможно в краткое время.

13-го июня. Четверг. Москва. – Из Нижнего ехал я обратно в Москву вместе с М.И. Кази; опять мы были только вдвоем в целом вагоне. Приехав в Москву^{**}, мы расстались: он продолжал путь в Петербург, а я остаюсь здесь на завтрашний день.

14-го июня. Пятница. – Утром ходил по магазинам^{***}; затем имел свидание и переговоры с лицом, которое рекомендовал Н.П. Горбунов на должность управляющего в наше имение^{****}.

---

* почетов и церемоний

** около 6 часов вечера, я успел побывать у Шаховских. Погода дождливая.

*** под дождем; удалось мне покончить все свои дела.

**** Имя его Швец, простой человек <бывший солдат, служивший некогда в Ливадии>, но как кажется, более подходящий к нашим требованиям, чем теперешний наш «управляющий» Попов.

Заходили ко мне князь Николай Шаховской и граф Ностиц. Обедал в гостинице.

Вечер провел у Шаховских. Возвратившись от них домой, узнал с удовольствием, что соседний со мною номер гостиницы занят только что приехавшею дочерью Ольгой*. Это было для меня вполне неожиданною встречей.

16-го июня. Воскресенье. Курск. – Вчера оставался я дома, вместе с дочерью Ольгой, все утро, до самого часа отхода поезда в Курск. Она проводила меня на новый вокзал Московско-Курской и Московско-Нижегородской железных дорог. Сегодня около 7 часов утра прибыл в Курск; на вокзале встретил меня сын, с которым и доехал я до губернаторского дома. Мы провели вместе весь день, катались по городу; с высоты вновь разбиваемого городского сада любовались обширным видом на окрестности. Завтра рано продолжаю свой путь на юг.

18-го июня. Вторник. Симеис. – Сегодня в 10 часов утра прибыл** в Севастополь; отсюда на пароходе «Пушкин» – в Ялту***. В 8-м часу вечера я был уже дома. С удовольствием отдохну после семи недель непрерывных странствований и**** суеты. Чувствую себя даже бодрее и телом, и духом, чем был до поездки в Москву и вполне доволен тем, что решился на эту поездку.

26-го июня. Среда. – С***** огорчением узнаю из газетных телеграмм о скоростижной смерти почтенного Михаила Ильича Кази, с которым так недавно еще и с таким удовольствием провел я три дня на Нижегородской выставке. Мы расстались с ним только 13-го числа на Курско-Нижегородском вокзале; ровно чрез неделю после того, 21-го числа, он возвратился из Петербурга в Нижний, а 24-го числа его уже не стало. Это большая утрата для русской промышленности, для общественных наших интересов, а в частности для Севастополя, который теряет в нем горячего и надежного защитника пред петербургскими властями. Кази был человек замечательный по своей даровитости, энергическому характеру, светлому, практичному уму и искренней преданности общественным пользам. Обладая даром слова и мастерскою редакциею на письме, он умел проводить поднимаемые им вопросы и распространять свои убеждения в тех разнообразных сферах,

---

* Это был вполне сюрприз для меня.

** по железной дороге

*** где ожидал на пристани мой экипаж.

**** тревожений. Здоровье мое исправно выдержало испытание.

***** истинным

в которых приходилось ему действовать. В последнее время он горячо восстал против системы, которой держится наше высшее морское начальство в деле развития и устройства флота. Поданные им по этому вопросу записки имели успех, обратили внимание многих высших чинов морского ведомства и самого Государя. Преждевременная смерть сразила этого мощного бойца и избавила стоящих во главе Морского министерства адмирала Чихачева и самого великого князя Алексея Александровича от* неудобной для них оппозиции²⁷⁸.

Мои личные отношения с покойным Михаилом Ильичем установились с давних пор; он всегда выказывал мне большое сочувствие**. В последние же, можно сказать, предсмертные дни – особенно был он ко мне внимателен***. Искренно скорблю о преждевременной его кончине.

27-го июня. Четверг. – Вот уже девятый день, что я дома; но до сих пор еще не совсем разобрался в массе накопившихся в продолжение моего отсутствия писем, книг и посылок. Едва начинаю входить в свою обычную колею, присматриваю за работами в имении и благодаря свежей погоде (необычайной в настоящее время года) возобновил свои утренние пешеходные прогулки****.

Снова озабочивает меня предстоящая смена управляющего имением. Поступивший на эту должность лишь в феврале месяца

---

* неприятной

** и внимательность.

*** и мы с ним сблизилась искренно. Глубоко скорблю

**** Злоба дня теперь привести администрацию имения в рамки, более соответствующие скромному размеру его, так, чтобы иметь по-прежнему одно лицо в качестве приказчика и винодела взамен теперешних трех: управляющего, винодела и садовника, содержание которых несоразмерно велико. Вчера и сегодня имел я по этому предмету щекотливые объяснения с А.Н. Поповым, который сам признает занимаемую им должность управляющего нашим имением слишком ничтожною для человека с высшим специальным образованием и с προϊстекающими из того притязаниями. Встречается большое затруднение в приискании человека скромного и простого, в котором соединялись бы опытность в деле виноделия с опытностью в сельском хозяйстве вообще и с добросовестностью честного человека. Рекомендованный мне Н.П. Горбуновым Швец, являвшийся ко мне в Москве, подходил бы к нашим требованиям, но и тот сам признает себя недостаточно сведущим в виноделии. Иметь же особого винодела – накладно для имения, такого мелкого, как наше. Надеялся я на добрый совет генерала Евреинова и помощь его в приискании винодела, с этою целью сегодня Надя ездила в Ливадию, но, к сожалению, разговор ее с Евреиновым не привел ни к какому результату.

А.Н. Попов, человек достойный, но болезненный, чахоточный, сам чувствует себя не на своем месте. Как ученый техник, он совсем не знаком с сельским хозяйством*, особенно с виноделием.

[28-го июня. Пятница. – Сегодня минуло мне 80 лет**. Я должен считать*** особенным счастьем, что до таких лет сохранил еще настолько бодрость духа и тела, что не чувствую тяжести**** своего старчества. Если б не горестное состояние здоровья моей жены, обреченной, по-видимому, на неизлечимую слепоту, – то я должен бы вполне быть доволен своим положением на закате жизни.

По поводу дня моего рождения получил я очень любезные телеграммы от Н.Н. Обручева и П.Л. Лобко.

29-го июня. Суббота. – Управляющий наш Попов, человек крайне слабого здоровья, чахоточный, заболел и слег в постель, у него возобновились сильные кровохаркания, случавшиеся в прежнее время. Очень возможно, что на него повлияли последние наши объяснения, как на человека крайне впечатлительного, нервного и раздражительного. Всякая мелочь легко его тревожит и волнует.]

3-го июля. Среда*****. – Наш бедный Попов на днях совсем расхворался и слег в постель. Я навестил его; нашел его сильно изменившимся, исхудалым и слабым. Он сам просит пристроить его на какое-либо место, более соответствующее его немощному состоянию. Сегодня очень кстати посетил нас генерал Евреинов; чрез него надеюсь устроить Попова в Ялтинском земстве. Прошу об этом и Рыбицкого, председателя земской управы, а вместе с тем

---

* совсем не знаком

** от роду

*** себя особенно счастливым

**** своей старости

***** На днях я навестил больного Попова; нашел его в постели очень исхудавшего и слабого. Но никакого признака раздражения я в нем не заметил; напротив того, он был тронут моим посещением. Сегодня же вечером приехали из Ливадии Евреиновы – муж и жена. Леонид Дмитриевич, по рекомендации которого и поступил Попов на должность управляющего в нашем имении, ходил к нему и имел с ним продолжительный, весьма откровенный разговор относительно приискания для Попова другого места, более соответствующего его специальному образованию. Евреинов советовал ему опять принять место, от которого он отказался в начале этого года, – заведующего ялтинскую земскую ремесленную школу, о чем Евреинов уже имел объяснение с Рыбицким, председателем земской управы. Попов, кажется, подается на это предложение.

пишу и Н.П. Горбунову с просьбою вызвать сюда рекомендованного им человека, с которым я виделся в Москве.

[4-го июля. Четверг. – По совету Евреинова написано мною письмо к Рыбицкому с рекомендациею Попова, и к Горбунову – с просьбою вызвать сюда рекомендованного им человека, Швеца, с которым я виделся в Москве. Если уладятся затруднения, с которыми сопряжена желаемая смена нашего управляющего, то буду обязан этим помощи Евреинова.]

5-го июля. Пятница*. – Принялся за большую работу, начатую женой до ее болезни, и остававшеюся почти три года в недоконченном виде: к устройству на самом верхнем участке имения (Байрам-бахчи) главных источников нашего водоснабжения. Работа эта пойдет надолго.

12-го июля. Пятница. – Приехала старшая дочь Лиза Шаховская с племянником, сыном князя Льва Шаховского, кадетом.

Каждый день по два раза хожу на гору, на работы. Наступили настоящие июльские жары.

14-го июля. Воскресенье. – Отъезд дочери Нади Долгорукой. Проводив ее до** почтового шоссе, возвратился домой пешком. Грустная разлука, надеюсь на короткое время***.

18-го июля. Четверг. – Наконец опубликовано в газетах**** решение злополучного дела по катастрофе 18-го мая на Ходынке²⁷⁹. Такой конец нельзя не признать возмутительным нарушением***** правосудия. Приговором, постановленным единолично самодержцем, с устранением вовсе суда, признан единственным виновником гибели нескольких тысяч людей московский обер-полицеймейстер полковник Власовский, который и поплатился увольнением от должности. Самих же распорядителей безрас-

---

* Приступил к работам на Байрам-бахчи, самом верхнем участке имения, где осталась недоконченною <давнишняя> большая работа, начатая женою над верхним бассейном, из которого проведена главная употребляемая в доме вода.

** до подъема на шоссе и здесь распростился с милою моею Надей

*** вероятно, до октября.

**** чем кончилось возбуждавшее столько толков злополучное дело

***** всяких принципов <основ> правосудия. Начиная с того, что <от> такого важного дела <изъято> устранен совершенно суд и приговор постановлен <единолично> непосредственно особою самодержца <самодержцем>, с удивлением узнаем, что этим приговором единственным виновником совершившейся гибели нескольких тысяч людей оказался <признан> один только московский обер-полицеймейстер.

судного устройства *народного праздника* приговор вовсе не коснулся, равно как и высшего над обер-полицеймейстером *местного начальства*; признано достаточным лишь на будущее время преподать начальствующим лицам разных ведомств наивное наставление* в смысле солидарности между ними в совместной их деятельности**.

Обыватели Москвы*** будут рады избавлению от ненавистного самодура в лице полковника Власовского; но кто поручится им за то, что личность, которая появится на смену ему, будет более уважать законность и личные права****. Генерал-губернатор московский, разумеется, оставлен в стороне; но по самому смыслу Высочайшего решения дела, ответственность великого князя подразумевается и нельзя не предполагать, что для него решение это было наиболее обидно. Он уехал за границу, не вступив даже в новую, возложенную на него должность командующего войсками Московского округа.

[30-го июля. Вторник. – После обеда съездил я в Ливадию, отдать визит Евреиновым. Самого хозяина не застал дома, провел часа два с дамами.

Продолжаю ходить по два раза в день на работы, на гору (Байрам-бахчи). Утомительно в настоящее жаркое время.]

1-го августа. Четверг. – По предварительному соглашению с нашим управляющим Ал[ександром] Ник[олаевичем] Поповым, с нынешнего дня он сложил с себя все обязанности по этому званию и на днях переселяется в Ялту, где обещаны ему занятия по земскому управлению, более соответствующие его специальной подготовке и слабому здоровью*****. До прибытия рекомендован-

---

* о необходимости солидарности между ними в делах государственных, совместной их деятельности на общее благо.

** Мыслимо ли подобное благодушное окончание дела в каком-либо другом государстве европейском, где существует «правовой» порядок?

*** пожалуй

**** Добродушный и неменяемый

***** Он пробыл у нас в должности управляющего именем почти полгода и вполне оправдал рекомендацию генерала Евреинова, который отозвался о нем, как о человеке безусловно честном. Кроме того, Попов выказал и другие хорошие качества – замечательную аккуратность в ведении дел, в счетоводстве и делопроизводстве. В этом отношении я должен отдать ему полную справедливость и, расставаясь с ним, знаю вперед, что не найдется ему преемника, который мог бы <заменить его собственно в> сравняться с ним в этих качествах. Но с другой стороны, трудно найти и человека

ного Н.П. Горбуновым нового управляющего, приходится мне самому на более или менее продолжительное время принять на себя все обязанности управляющего.

3-го августа. Суббота. – Вчера в ночь заболела дочь Лиза Шаховская; послали за врачом, который успокоил нас. Действительно сегодня больная уже встала и довольно бодр^{*}.

6-го августа. Вторник. – Князь Николай Владимирович Шаховской, получив отпуск на один месяц, приехал к нам отдохнуть от своих цензорских^{**} занятий.

8-го августа. Четверг. – Редкий гость – Иван Константинович Айвазовский. Очень постарел и^{***} туг на ухо, так что вести с ним

более тяжелого по своему характеру: крайняя шекотливость его, мнительность, желчность, нервность свойственная людям таким, как он, людям болезненным, чахоточным, – беспрестанно подавали повод к неприятностям и возбуждали чрезмерную его обидчивость. Если присоединить к этим свойствам его полную неопытность в деле сельского хозяйства, наклонность к чиновническому тщеславию и формализму, высокое мнение о своем *высшем* специальном образовании (собственно по технологии) и плохое здоровье, не позволяющее ему ходить по гористой местности, – то становится очевидным, что такой человек вовсе не был на своем месте, как управитель (или вернее, «приказчик») в маленьком имении, где сама хозяйка привыкла всем распоряжаться до последних мелочей. Понятно, что такой человек с самого вступления в свою скромную должность не мог поладить с моею женою и скоро сделался ей совершенно невыносим. Она перестала его принимать и давать ему приказания. Мне же стоило немалых усилий ладить с ним; надобно было постоянно остерегаться, чтобы каким-либо словом не возбудить его обидчивость, – и мне удавалось это до конца. Мы расстались с ним совершенно дружелюбно <друзьями>; и я надеюсь, что он не будет жаловаться на меня. Рассчитавшись с ним сегодня, я выдал ему вперед двухмесячное жалование в виде помощи, для облегчения ему нового перемещения. При всем том не могу не признаться, что я чувствую какое-то облегчение, расставаясь с таким тяжелым человеком, хотя и знаю, что в продолжение нескольких недель, до прибытия нового управляющего Швеца, рекомендованного Горбуновым, придется мне нести довольно тяжелую обузу <нести на себе все обязанности управляющего>. Я должен буду сам входить во все подробности, вести счета, распределять рабочих, рассчитываться с ними и т. д., и т. д.

* Окончательно распростились с А.Н. Поповым и его женой. Уже сегодня с вечера они отправляют в Ялту свое имущество, а сами уезжают завтра утром.

Воздух освежился обильным дождем с грозой.

** несносных цензорских обязанностей.

*** крайне

разговор довольно трудно; но* глаза, по собственным его словам, видят еще хорошо, и работает он с прежним увлечением. Глубоко огорчен армянскими делами в Турции, громит русскую политику и лично князя Лобанова-Ростовского²⁸⁰.

14-го августа. Вторник. – Один из наших гостей Шаховских, кадет – уехал сегодня на пароходе в Евпаторию, где находится на лечении его мать, рожденная Каткова. Князь Николай Владимирович Шаховской проводил своего племянника до Ялты.]

19-го августа. Понедельник. – Со вчерашнего дня гостит у нас Мальвина Егоровна Лаврентьева с племянницей ее Марией Оскаровной**.

21-го августа. Среда. – Прискорбную новость передает телеграф: о скоропостижной смерти нашего министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского, случившейся в вагоне железной дороги, близ Казатина, как должно полагать, в царском поезде, на пути из Вены в Киев. Какое тяжелое впечатление должна была произвести эта*** внезапная смерть на молодого царя и окружающих его, притом в такое время, когда присутствие министра иностранных дел**** в свите Государя имело особенно важное значение²⁸¹. Князь Лобанов не был выдающимся дипломатом****, но своим характером, манерами, взглядами внушал доверие; большое преимущество пред другими нашими дипломатами придавало ему русское знатное имя. Найти ему преемника – задача не легкая при настоящем личном составе нашего***** ведомства иностранных дел²⁸².

---

* но уверяет, что глаза, еще лучше видят, чем прежде и что работает он с прежнею любовью к своему делу. Задет он за живое армянскими делами в Турции.

** Они пробудут у нас до завтрашнего вечера.

Сегодня утром познакомился с новым приезжим в наше соседство – Анатолием Викт[оровичем] Половцевым, служащим в Министерстве двора (заведует административным отделом кабинета). Как кажется, это человек образованный, развитой. Слышал я от него довольно интересные <подробности> рассказы о теперешнем прискорбном направлении в наших правительственных сферах, в особенности по делам печати. Ретроградный обскурантизм господствует сильнее, чем когда-либо.

*** трагическая и неожиданная смерть

**** имеет такое особенно <очень> важное значение в свите Государя при царском объезде главных европейских Дворов.

***** имеет однако же многие достоинства: это был человек образованный, просвещенный, добропорядочный <внушающий доверие>, с независимым образом мыслей, в полном смысле слова – джентльмен;

***** дипломатического корпуса.

Князь А.Б. Лобанов-Ростовский

Под вечер посетила нас графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон, только что приехавшая на днях в Кореис со внучатами своими.

1-го сентября. Воскресенье. – Давно уже признавалось необходимым произвести в нашем доме значительные исправления, как внутренние, так и наружные, в особенности перестроить большую террасу пред фасадом дома, давшую во многих местах трещины. Работы эти по разным соображениям были отложены до нынешней осени; теперь настало время приступить к ним безотлагательно и окончить как можно скорее (по крайней мере, внутренние исправления), так как на время этих работ приходится больной жене, с находящеюся при ней старшею дочерью, выселиться из дома во временное помещение, именно в жилище управляющего, которое теперь, кстати, не занято, с выездом Попова, и пока не прибыл еще преемник его*.

В течение последних двух недель вел я переговоры с архитектором и подрядчиком, строящими в нашем соседстве дома для двух

---

* Стараюсь вести дело так, чтобы внутренние работы были окончены в течение <не позже конца> октября месяца.

братьев Мальцовых; но вижу, что с ними толку не будет; решаюсь прервать эти переговоры; намерен сам вести дело, и приступаю к предварительным распоряжениям. С отъездом же на будущей неделе князя Николая Шаховского начнутся самые работы.

[3-го сентября. Вторник. – Прошло более недели после последних моих свиданий с архитектором Котенковым и подрядчиком Попандопуло, наступил и сентябрь месяц, а контракт на предполагаемые работы не заключен и сам Попандопуло не является; никаких приготовлений к началу работ не сделано и потому я потерял всякую надежду на исправное исполнение подрядчиком принятых на себя обязательств к назначенному сроку. Я решил прервать с ним сношения и уведомил о том архитектора Котенкова, а сегодня отправился в Ялту для приискания другого более надежного подрядчика. Для этого обратился я за советами к генералу Евреинову, в Ливадии, и к С.И. Руденко, представителю ведомства путей сообщения в Крыму. Евреинов, с обычной своею услужливостью, и в этом деле вывел меня из затруднения: он свел меня с молодым техником, служащим в Ливадии и обещал прислать его ко мне завтра же утром. Авось, на этот раз дело разрешится удачнее.

Войдя в гостиницу «Россия» в Ялте, был не мало удивлен неожиданною и случайною встречей в сенях с племянницей нашей Пашей Милютиной, старшею дочерью покойного моего брата Николая. Она только что приехала на пароходе с Кавказа, и намерена чрез несколько дней продолжить отсюда путь за границу. Мы сговорились с нею ехать вместе в Симеис. Покончив все свои мелкие делишки в Ялте, я предложил племяннице прокатиться со мною в Наташино, где мы пробыли около часа у добрейшей Мальвины Егоровны Лаврентьевой, а в 7-м часу вечера по возвращении в Ялту выехали оттуда и прибыли домой к ужину. Племянница поживет у нас несколько дней, пока не наступит время начала работ в доме и переселения больной моей жены в скромное помещение управляющего.]

4-го сентября. Среда. – Вчера ездил в Ливадию и Ялту, чтобы собрать нужные справки, добыть материалы и рабочих для

---

* Рано утром отправился я обычным порядком на работы. Едва дошел до Байрам-бахчи, как за мной прибежал мальчик с известием о приезде ливадского техника – Виктора Ивановича Воронина. Я поспешил возвратиться домой, повел его на места предполагаемых перестроек и во всей подробности объяснил ему все то, что необходимо исполнить неотлагательно и как можно в кратчайший срок, отложив остальное и самое

предпринимаемых мною строительных работ. Генерал Евреинов, с обычною своею услужливостию, рекомендовал в помощь мне своего ливадского техника Воронина, который несомненно облегчит значительно предстоящие мне заботы и хлопоты. Тут же я познакомился с этим молодым человеком и сговорился с ним на том основании, что он будет наезжать к нам по временам, в дни, свободные от служебных занятий в Ливадии. Сегодня же он уже и явился для предварительного ознакомления с предстоящею задачею. На самом месте работ мы с ним переговорили обо всех подробностях и, судя по первым впечатлениям, надеюсь вполне, что этот молодой человек принесет мне существенную пользу.

Вчера, по приезде в Ялту, в сенях гостиницы «Россия», был я не мало удивлен неожиданною и случайною встречей с племянницей моей Пашей Милютиной. Она только что прибыла на пароходе с Кавказа, с намерением продолжать отсюда путь за границу. Узнав о моем намерении посетить Мальвину Егоровну Лаврентьеву, племянница пожелала прокатиться со мною в Наташино, а после этого визита, мы с нею проехали к нам в Симеис.

[8-го сентября. Воскресенье. – Ливадский техник Виктор Иванович Воронин принялся за дело энергично, большая часть материалов для предположенных работ уже прислана; рабочие прибыли, а сегодня вечером ожидаю и самого Воронина, так что завтра с утра будет приступлено к работам. Кажется, можно теперь надеяться на успешное и скорое ведение дела. Между тем в доме идет возня как по случаю предстоящих работ, так и перемещение жены и дочери во временное их скромное жилище. Предполагалось перейти туда уже сегодня, но решено отложить до завтрашнего утра. Вчера уехала от нас Паша Милютина, которую пригласила к себе в Мисхор графиня Шереметева (рожд[енная] графиня Гейден); сегодня же выехал князь Николай Шаховской в Москву. С завтрашнего дня дом почти опустеет; останусь я один, чтобы лично наблюдать за ходом работ.]

крупное до весны. Молодой техник вошел в дело с большим вниманием, вымерял и рассчитывал, затем отправился в Алупку, чтобы переговорить с тамошними предпринимателями каменных работ, и возвратившись опять ко мне, вторично и тщательно осматривал места предстоящих работ. Кажется, дело уладится с его помощью: я уговорил его принять лично на себя ведение работ своими же рабочими. Он обещал приехать снова в воскресенье или понедельник с подробными расчетами стоимости работ и в то же время прислать сюда рабочих

9-го сентября. Понедельник. – Вчера, в воскресенье, вторично приезжал молодой ливадский техник Виктор Иванович Воронин; по распоряжению его явились к вечеру и подряженные им каменщики и другие рабочие; начался подвоз материала и все налажено так, чтобы сегодня же приступить к самым работам*. Вчера же уехал князь Николай Шаховской в Москву; а племянница Паша переселилась на несколько дней в Мисхор, в помещение, предложенное ей графиней Марией Федоровной Шереметевой. Сегодня жена моя с дочерью Лизой Шаховской перешли во временное помещение; в доме нашем верхний этаж опустел; в нижнем остался я в полном одиночестве для ближайшего наблюдения за ходом работ**.

[11-го сентября. Среда. – В послеобеденное время приехала к нам Паша Милютина. Оказывается, что она переселилась из Мисхора в Гаспру, к другой своей приятельнице графине Паниной (бывшей замужем за Половцевым и разведенной с ним). Приезжали также верхом дети Шереметевых. Работы в доме пошли на лад. Работы же на Байрам-бахчи были прерваны сегодня по случаю ненастной погоды.

14-го сентября. Суббота. – Утром приехал В.И. Воронин, чтобы взглянуть, что сделано в течение недели по работам в доме и дать рабочим дальнейшие указания.]

15-го сентября. Воскресенье***. – В истекшую неделю работы в доме шли энергично. Воронин приезжал еще раз вчера, чтобы дать надлежащие указания рабочим. Я же беспрестанно перехожу попеременно от работ внутри дома к работам на горе, на Байрам-бахчи.

Сегодня работ нет; почти весь день провели с гостями. Обед у нас Павел Львович Лобко****, приехавший в Крым отдохнуть от своих трудов по должности начальника канцелярии Военного министерства. После обеда посетили нас сосед Иван Сергеевич Мальцов, также приехавший на короткое время на отдых и пле-

---

* Сегодня же рано утром начались работы с полной энергией. Наладив их, Воронин уехал после обеда.

** Весь день на ногах, переходя от одной работы к другой.

*** Второй праздничный день, без работ. Тем не менее мне все-таки пришлось заглянуть на Байрам-бахчи, а затем почти весь день провел с гостями или в гостях.

**** прежний мой подчиненный, полезный сотрудник и знаток в деле военной администрации.

мянница Паша Милютина с графиней Паниной (бывшей замужем за Половцовым). Оказывается, что Паша уже переселилась из Мисхора в Гаспру*.

21-го сентября. Суббота. – Вчера познакомились мы с директором Никитского сада Павлом Григорьевичем Анциферовым. Он любезно предложил свои услуги, чтобы осмотреть наш винный подвал и дать советы вновь поступившему к нам молодому виноделу Павлову, бывшему ученику Никитской садовой школы. Посещение господина Анциферова пришлось очень кстати: оно дало нам случай получить авторитетную аттестацию молодого человека; аттестация оказалась весьма выгодной для него. Но едва только отъехал наш гость, как, к удивлению нашему, является сам винодел совершенно в пьяном виде до того**, что пришлось отослать его выпасться. Сегодня я позвал к себе Павлова*** с намерением удалить его; но приостановился в своем решении, чтобы еще испытать молодого человека. К тому же сегодня приехал наконец давно ожидаемый новый наш управляющий**** Д.С. Швец. Пусть он сам ближе узнает своего помощника*****.

22-го сентября. Воскресенье*****. – Утром приехал из Ливадии В.И. Воронин, с которым обошли мы работы в доме и совещались о дальнейшем направлении их. Дело идет хорошо и есть полная надежда на скорое окончание внутренних исправлений*****.

---

* Вечером же я ездил в Кореис, чтобы посетить графиню Елену Сергеевну Сумарокову-Эльстон. А Швеца все нет, как нет. Если б он выехал с прежнего своего места пребывания 10-го числа, как телеграфировал, то мог бы быть здесь уже дня три тому назад.

** что возникло у нас сомнение в том, возможно ли оставить его долее хозяином винного подвала.

*** Объяснение с Павловым несколько успокоило, возникшее вчера сомнение наше на его счет. По крайней мере воздерживаемся от всякого решения, пока не узнаем его ближе на деле.

**** Дмитрий Сергеевич

***** Авось удастся с ним уладить наше хромающее хозяйство.

***** «Une journée bien remplie» [«хорошо проведенный день» (*фр.*)] – как говорят французы.

***** Затем недельные расчеты с прежним виноделом Долговым. В 12-м часу пошел к Ив[ану] Серг[еевичу] Мальцову, чтобы отдать ему визит и когда возвратился домой, нашел уже у себя приехавших из Ливадии любезных гостей – Павла Константиновича и Ольгу Ивановну Гудима-Левковичей с маленькою их дочкою. Они оставались довольно долго после обеда. По случаю их посещения жена пришла в дом из своего временного жилища и обедала вместе с гостями. После отъезда их, я сошел к ней в ее временное помещение, но должен был немедленно возвратиться в дом и до 9 часов ве-

23-го сентября. Понедельник. – Нежданный приезд сына. Он взял отпуск на три недели, чтобы отдохнуть в здешнем уединении. Недоумевая, найдет ли удобное для себя помещение в нашем* полуразрушенном доме, он оставил свои вещи в ялтинской гостинице и приехал сюда налегке, как в гости. Поэтому он возвращается на ночь в Ялту с намерением переселиться к нам только послезавтра.

[25-го сентября. Среда. – Вчера приезжал главный винодел магарачский Серг[ей] Фед[орович] Охроменко, чтобы проверить** нашего нового, молодого винодела Павлова и дать ему указания на предстоящие теперь же работы по сбору винограда и выделке нового вина. К работам этим приступили неотлагательно. Прежний наш молодой винодел Долгов уехал. Сын мой переселился из Ялты к нам в Симеис в дом. Приезжала с ним и племянница Паша Милютина.]

28-го сентября. Суббота. – Дочь Лиза Шаховская уехала*** к себе в Эстонию. Жена, оставшись одинокою в своем крошечном помещении, проводит большую часть дня с нами в большом доме.

29-го сентября. Воскресенье. – Посещение генерала Бильдерлинга и графа Ностица****. Оба они приехали в Ялту на короткое время. Александр Александрович Бильдерлинг, как художник в душе, говорит с восхищением о виденном им в Киеве новом храме Св. Владимира, только что освященном торжественно в присутствии Государя²⁸³. По словам Бильдерлинга, внутренность этого храма****, расписанная даровитым живописцем Васнецовым, может быть поставлена наряду с знаменитыми музеями Европы, привлекающими иностранных ценителей*****.

2-го октября. Среда. – Вчера, пользуясь праздничным рабочим днем, съездил я в Мисхор, отдать визит Шереметевым. Застал дома одну графиню*****.

чера занят был хозяйственными делами с новым управляющим Швецом и молодым виноделом Павловым.

* взбаламученном

** для проверки действий

*** утром на почтовых в Севастополь и оттуда по железной дороге в свою Эстонию.

**** (отец).

***** есть замечательный музей, полный гениальными произведениями нашего живописца Васнецова, <есть такое чудо искусства>.

***** Он дивится тому, что у нас так мало обратили внимания на создавшееся у нас «художественное чудо».

***** которая приняла меня очень любезно.

*Дом Милютиных
в Симеизе*

Сегодня начался сбор винограда и виноделие.

4-го октября. Пятница. – Племянница Паша Милютина вчера приехала к нам на несколько дней и поселилась в той же комнате, которую занимала дочь Лиза Шаховская, рядом с комнатой жены.

Сегодня съехалось у нас большое общество дам: графиня Е.С. Сумарокова-Эльстон, молодая графиня Панина (бывшая Половцова) с приятельницею своею Волковой (рожденная графиня Гейден) и вновь прибывшие в Крым Юсуповы. Погода вдруг посвежела; сильный восточный ветер*.

[6-го октября. Воскресенье. – Приезжал из Ялты В[иктор] Ив[анович] Воронин со счетами по работам в доме. Приходил на несколько минут сосед наш Иван Сергеевич Мальцов.]

8-го октября. Вторник. – Племянница Паша Милютина уехала в Ялту.

Сегодня вечером кончили работу последние оставшиеся еще в доме маляры; на завтра останется лишь кое-что подобрать и

---

* температура понизилась до 8° P., но ясно, и днем даже тепло.

подчистить. Таким образом, работы внутренние в доме продолжались ровно месяц – с 9-го сентября по 9-ое октября*. Что касается перестройки террасы и вообще работ наружных, то слишком торопиться с ними не вижу надобности. Работы эти могут продолжаться хотя бы всю зиму и даже весной.

На Байрам-бахчи** также работы на столько подвинулись, что там приступлено уже к уборке и очистке местности, окружающей новые бассейны и водопроводы.

10-го октября. Четверг. – Окончание работ в доме пришлось очень кстати. Вчера были мы обрадованы приездом дочери Ольги, которая могла уже прямо въехать в дом и водвориться в своих комнатах; сегодня же переселилась и жена из временного жилья в большой дом. Таким образом, все вошло в обычный порядок. Новый управляющий с семьей также может на днях занять свой флигель.

14-го октября. Понедельник. – Навестили нас приехавшие недавно в Ялту Кочубеи (Василий Аркадьевич и Мария Алексеевна); вместе с ними приехал Александр Дмитриевич Свербеев. Гостит у нас несколько дней баронесса Анна Ивановна Пиллар, возвратившаяся в Крым после продолжительного отсутствия.

15-го октября. Вторник. – После трехнедельного отдыха в*** нашей глуши, сын мой уехал к себе в Курск на губернаторство****.

В послеобеденное время ездил я с дочерью Ольгой в Кореис отдать визит Юсуповым и графине Сумароковой-Эльстон. Никого не застали дома. На возвратном пути осматривали строящийся новый дворец великого князя Петра Николаевича. Затеяливая эта постройка, в мавританском стиле, на мой глаз, несколько желовата.

16-го октября. Среда. – Целый день в разъездах вместе с дочерью Ольгой. Посещение Евреиновых в Ливадии, затем проехали чрез нижнюю Масандру по вновь открытой нижней дороге***** в Никитский сад, чтобы отдать визит директору этого учреждения

---

* Окончание их пришлось очень кстати: Оля извещает телеграммой из Москвы, что приедет к нам завтра, так что она может прямо въехать в дом и водвориться в своих комнатах; на следующий же день может и жена переселиться в свое обычное помещение.

** продолжаю ходить ежедневно.

*** в нашем захолустье

**** Бог знает когда с ним опять увидимся.

***** чрез масандровский парк

Павлу Григорьевичу Анциферову. Оказалось, что он уехал в Петербург; приняла нас очень любезно его жена, с которой Оля была уже несколько знакома. На обратном пути из Никитского сада, по верхнему шоссе, спустились в Наташино, навестили Мальвину Егоровну Лаврентьеву, и, наконец, в Ялте* повидались с племянницей Пашей Миллютиной.

Свидание с Евреиновым имело цель деловую: разъяснить некоторые подробности состоявшейся, благодаря его посредничеству, покупки удельным ведомством молодого вина** текущего года из нашего подвала***.

[17-го октября. Четверг. – Посетили нас графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон и дочь ее Лазарева с мужем, нашим губернатором.

21-го октября. Понедельник. – Вместе с дочерью Ольгой ездил в Кореис отдать визит Лазаревым, заехали к Юсуповым. Нас посетили соседи наши Мальцовы.]

22-го октября. Вторник. – Приезжали прощаться, по случаю отъезда из Крыма****, Мальвина Егоровна Лаврентьева и графиня Шереметева (рожденная графиня Гейден).

Со вчерашнего дня прекращены на время работы на Байрамбахчи; каменщики приступили к заготовлению камня для перестройки террасы перед фасадом дома*****.

28-го октября. Понедельник. – Приступлено к разборке террасы впереди дома*****.

---

* когда уже смеркалось, в 6-м часу вечера. В такой поздний час уже неудобно было делать предполагавшиеся еще визиты нашим тамошним знакомым, а потому повидались

** только что вышедшего из-под пресса

*** В текущем году урожай винограда очень обильный <при обилии урожая винограда, полном застое в сбыте вина, переполнении подвала и общем застое в виноторговле.>, сбыт же вина крайне ограничен <идет туго>; продажа молодого вина в Удельные подвалы по цене довольно выгодной (5 рублей за ведро) вывела нас из больших затруднений, встречаемых более или менее всеми вообще как вследствие общего кризиса в виноторговле, так и в частности от расстройства в нашем подвале, благодаря жалким виноделам.

**** в Петербург

***** число их усилено; но к крайней досаде моей, главный каменщик, руководящий всеми работами (Иван Корешков), загулял и не показывается на глаза.

***** Сняли деревянные части и устроили временный забор для ограждения ближайших растений. Явился, наконец, на работу Иван Корешков.

Началась отправка из подвала купленного Управлением уделов молодого вина.

[29-го октября. Вторник. – Приступлено к ломке каменной кладки боковой террасы. Вчера началась отправка из подвала купленного Управлением уделов молодого вина. Сегодня вывезены последние бочки. Все количество полученного от урожая нынешнего года и сданного в удельные подвалы, оказалось до 1512 ведер. Никогда еще не бывало такого обилия; сбыт всего этого вина есть большое для нас облегчение в нашем хромающем хозяйстве.

1-го ноября. Пятница. – Приезжал ливадский технолог Воронин; привез денежный отчет по прежним работам в доме и разъяснил некоторые вопросы и сомнения мои относительно новых работ по перестройке террасы. Погода резко изменилась: поднялся сильный северный ветер, барометр упал вдруг на 6 мил., а термометр опустился к вечеру почти до нуля. Сосед наш Иван Сергеевич Мальцов со всею семьей приходил проститься: уезжают завтра в Петербург.]

12-го ноября. Вторник. – Занимаюсь теперь почти исключительно перестройкою террасы дома. Сегодня ездил на каменоломни в Гаспру. Новый управляющий Швец принялся за дело усердно. С окончанием виноделия* расстались с молодым виноделом, отъявленным пьянюшкой**.

17-го ноября. Воскресенье. – Приезд дочери Нади Долгорукой, после 4-хмесячного отсутствия. Попутно навестила она брата своего в Курске, провела два дня в Киеве у Праховых и, наконец, завернула в Бессарабию, к тетке*** и дяде.

18-го ноября. Понедельник. – В последнее время погода была холодная; сегодня же первый снег, при сильном северо-западном ветре****. Работа каменщиков остановилась, вероятно, на продолжительное время.

---

* и удалением последнего винодела Павлова, стало значительно спокойнее и менее хлопотливо. Швец исполняет свои обязанности, как только можно желать.

** Обедал у нас сосед Николай Мальцов – которого угостили присланною с Кавказа тамошнею дичиною – турачами.

Погода стоит холодная; но сегодня <ясно> день солнечный.

*** Доре Михайловне и в Леонтьеву к дяде Евгению Михайловичу. Оттуда прибыла чрез Одессу морем в Севастополь и наконец сюда на почтовых лошадях.

**** Термометр опустился до –2 ниже нуля. Прискорбный перерыв в работах над террасой; каменщики совсем не явились.

[25-го ноября. Понедельник. – Целую неделю погода не позволяла продолжать работы по перестройке террасы, да и все другие. Несколько дней лежал снег, а потом стояли холодные и дождливые дни. Только сегодня оказалось возможным возобновить работы, – хотя несколько в ограниченном размере: из числа прежних шести каменщиков явились только трое. Погода все-таки пасмурная.

26-го ноября. Вторник. – Строительные работы опять пришлось прекратить: погода слишком сырая.

27-го ноября. Среда. – Приехала из Ялты на несколько дней племянница Паша Милютина; поселилась у нас на время, пока не соскучится.]

30-го ноября. Суббота*. – Опять гостит у нас племянница Паша Милютина**. Навестили нас графиня Елена Серг[еевна] Сумарокова-Эльстон*** и князь Михаил Ростиславович Долгорукий. Странные слухи о новых студенческих беспорядках в Москве. Предлогом к демонстрации взято было истечение полугодичного срока со времени катастрофы на Ходынке и желание молодежи отслужить панихиду по жертвам этого несчастья****. Надобно полагать, что под такую благовидную маской скрывалось какое-либо другого рода намерение. Иначе – какой же повод к***** полицейскому воздействию?

9-го декабря. Понедельник. – Погода прояснилась; обильные потоки с гор от таяния снега на вершинах Яйлы. Полагаю возможным возобновить работы каменщиков на террасе дома*****.

Приезжали Юсуповы проститься пред отъездом*****.

---

* Вот второй день, что я возобновил прежние свои утренние прогулки в Алупку. Для пешехода погода довольно удобная; к работам же (каменным) пока не решаемся приступить. Зато перекопка виноградников в полном ходу.

** Вчера вечером

*** а сегодня

**** Конечно, < тут скрыто > была какая-нибудь неизвестная пока подкладка. По-видимому, местные власти и на этот раз сдурили.

***** буре

***** Между тем сегодня сделал я большую прогулку в горы, чтобы лично осмотреть течение воды, питающей по <словам> показанию здешних татар, наши родники на Байрам-бахчи.

Вечером

***** в Москву. Также провела у нас вечер сосед наш Николай Сергеевич Мальцов. Племянница Паша Милютина с вчерашнего дня в Кореисе с графиней Еленой Сергеевной Сумароковой-Эльстон.

10-го декабря. Вторник. – Ездил в Ялту с дочерью Надей Долгорукой*; навестили наших друзей. Везде толки о** студенческих беспорядках в Москве. В газетах опубликовано по этому случаю правительственное сообщение. Как оказывается, арестовано было до тысячи студентов; но большая часть этой толпы признана легкомысленным орудием в руках немногих агитаторов, облекших себя громкою*** кличкой «тайного совета». Совет этот был случайно открыт**** полицией за несколько дней до задуманной демонстрации²⁸⁴. Только эти немногие заправили и признаны «политическими» преступниками; они будут подвергнуты суду и строгому наказанию; относительно остальной же толпы последовало решение весьма гуманное. Говорят, что в день уличных беспорядков выказалась распорядительность и ловкость нового обер-полицмейстера московского полковника Трепова, одного из сыновей покойного петербургского обер-полицмейстера и градоначальника. Видно, бывает наследственная способность и в деле полицейском. По поводу новых смут московских, затеянных под странным предлогом панихиды по жертвам случившейся шесть месяцев назад катастрофы на Ходынке, поднялись снова озлобленные нападки на великого князя Сергея Александровича, которого не любят в Москве. С другой стороны, много толкуют о потворстве главным виновникам***** печальной катастрофы – чиновникам Министерства двора, на которых возложены были***** все распоряжения и приготовления к народному празднику на Ходынке*****. Министерство двора оставлено совсем в стороне. Только на днях объявлено***** от имени министра Двора «замечание» бывшему распорядителю коронационными торжествами Беру, и то «без внесения в послужной список». Есть ли тут логика? Кто же окончательно признан виновником несчастья, стоившего стольких человеческих жизней?

---

* по хозяйственным делам. Большую часть дня провел у Кочубеев, Самариных и Долгоруких.

*** недавних

*** громким названием

**** тайною полицией только за несколько дней до задуманной демонстрации.

***** означенной

***** исключительно

***** <После продолжительных расследований этого прискорбного дела 18-го мая>. Прискорбное это дело 18-го мая, после продолжительных расследований, закончилось очень странным решением: одним лишь увольнением от должности бывшего обер-полицмейстера московского полковника Власовского. Министерство <же> двора оставлено совсем в стороне.

***** в газетах

Еще толки об ожидаемых новых назначениях. 6-го числа уволены от должностей главный начальник на Кавказе генерал Шереметев и товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал Софьяно, с назначением обоих членами Государственного совета. На место последнего назначен* мало известный артиллерийский генерал Барсов; место же Шереметева еще не замещено. В Публике толкуют о назначении на это место графа Воронцова-Дашкова; называют и других кандидатов; но все это только гипотетические слухи. Видно у нас страшный недостаток в людях и крайнее затруднение в выборе их на высшие должности**. Такой важный пост, как министра иностранных дел, до сих пор остается вакантным. На очереди также назначение преемника графу Павлу Шувалову***, здоровье которого чрезвычайно плохо. А что сказать о назначениях за все последнее время новых членов в Государственный совет. Это высшее государственное учреждение, занимавшее такое видное положение в царствование Александра II, под председательством великого князя Константина Николаевича, сделалось теперь чем-то вроде**** благотворительного заведения, куда выбрасываются совсем уже не пригодные к делу должностные лица – то, чем в прежние времена был Сенат*****285.

[Сегодня в отсутствие мое снова принялись каменщики за работу террасы у дома. Погода очень благоприятная для работ. Также идет перекопка и обрезка на виноградниках.]

31-го декабря. Вторник. – Несмотря на холодную погоду, работа каменщиков продолжалась непрерывно до самых праздников*****.

Праздники эти ни в чем не изменили нашей вседневной, тихой жизни. За последнее время часто посещала нас графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон (поселившаяся в Алупке); по временам заходили соседи Мальцовы, а сегодня переселилась опять к нам племянница Паша Милютина.

---

* преемником

** Все назначения последнего времени крайне неудачны.

*** которого болезненное состояние совсем безнадежно.

**** помойной ямы

***** Жалкая участь Государственного совета!

***** хотя и не так успешно, как прежде. Работали даже в последние дни, на праздниках. К сожалению, встретились непредвиденные недоразумения с нашим соседом Расинским (арендатором имения Агеева) относительно добывания камня на постройки. Надеюсь, однако, что дело уладится.

1897-й год

1-го января. Среда. – Первый день года провели мы обычным порядком. Утром занимался я своею корреспонденцией; обедал у нас сосед Н.С. Мальцов, а вечер провела графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон. Погода ясная и для настоящего времени года теплая.

3-го января. Пятница. – Прекрасное, солнечное утро, с удовольствием прошелся я в Алупку. С вчерашнего дня возобновилась работа каменщиков на каменоломне, в верхней части нашего участка. Вечер провела у нас опять графиня Сумарокова-Эльстон. Оля ездила в Ялту.]

4-го января. Суббота. – Новогодние газеты принесли известия о состоявшихся, наконец, новых назначениях на два высокие поста, остававшиеся вакантными: министром иностранных дел назначен граф Муравьев (Михаил Николаевич) – посланник наш в Копенгагене, а на место графа Павла Шувалова в Варшаву – князь Имеретинский. Назначению последнего уже предшествовали толки в публике; назначение же графа Муравьева было для всех совершенною неожиданностию: это один из младших наших дипломатов, еще в чине действительного статского советника, и пока ничем не выказавший способностей к занятию такого важного поста, особенно при настоящих политических обстоятельствах²⁸⁶. Говорят в публике, что это выбор вдовствующей императрицы, которой приписывают вообще большое влияние на ход дел*, в особенности же на личные назначения. Наконец, уволен от должности финляндского генерал-губернатора и командующего войсками Финляндского округа** граф Федор Логгинович Гейден, уже несколько раз настойчиво просившийся на отдых. О заместителе его пока еще неизвестно. Состоявшееся же на днях назначе-

---

* а более всего

** почтенный

ние князя Григория Голицына (известного под прозвищем «Григри») на Кавказ* – принято в публике одобрительно; насколько оправдает он надежды на его энергию и способности – укажет время. А дело предстоит ему нелегкое после той распушенности и той апатии, которыми отличалось управление Шереметева.

8-го января. Среда. – Ночью выпал снег и продолжает сыпать понемногу весь день; не успевает таять**. Работы строительные и*** землекопные прерваны.

11-го января. Суббота. – Три дня лежал снег; наш южный берег представлял угрюмую картину русской зимы; не запомню здесь такой массы снега****. Но вчера начало сильно таять, а сегодня поверхность земли местами уже оголилась*****.

[**12-го января. Воскресенье.** – Теплая погода. После обеда посетили нас соседи Мальцовы – Николай Сергеевич и недавно приехавший старший брат Сергей Сергеевич.]

13-го января. Понедельник. – Погода совершенно весенняя: на солнце***** 30° Реомюра. Каменщики мои снова принялись за работу.

14-го января. Вторник. – Загадочная телеграмма из Москвы: «Московское студенчество, в день Святой Татьяны²⁸⁷, просит графа принять сердечный привет». Глубоко тронут таким лестным вниманием, но, к сожалению, ответить не могу, так как телеграмма без всякой подписи²⁸⁸.

22-го января. Среда. – Интересное письмо получил от Н.Н. Обручева в ответ на мое²⁸⁹. В официальных высших сферах Петербурга, как видно, очень озабочены делами турецкими²⁹⁰; ждут и боятся решительного кризиса, который неизбежно поведет к опасным осложнениям в общей европейской политике. И действительно, в случае распада турецкой империи, удержится ли настоящее соглашение между большими державами; не подтвердится ли басня о Полкане и Барбосе?²⁹¹

---

* на место расслабленного и умершего Шереметева

** Картина унылая.

*** и другие придется прервать, вероятно, на продолжительное время.

**** Все работы были прерваны.

***** а деревья и кусты сбросили с себя белый саван. Но работы строительные и земляные все-таки не могут возобновиться.

***** почти

Опять погода мешает* работам. Вчера и сегодня льет дождь**.

[23-го января. Четверг. – Погода несколько прояснилась. Мои каменщики работают, а я ходил на Байрам-бахчи, чтобы взглянуть все ли исправно в недоконченных наших водопроводных*** сооружениях.]

26-го января. Воскресенье. Сегодня минуло 25 лет со дня смерти брата Николая. По инициативе его дочери Паши, отслужены во временной Алупской церкви заупокойная обедня и панихида****.

[27-го января. Понедельник*****. – Работы возобновились. Племянница Паша переехала от нас обратно в Ялту. Вечером посетил нас Н.С. Мальцов.]

28-го января. Вторник. – Нынешний день предназначен для исполнения «первой всеобщей переписи всего населения империи»; но, к крайнему удивлению моему, в нашем захолустье до сих пор не проявляется никаких признаков такой важной меры, к которой готовились столько лет и на которую затрачено свыше 4-х миллионов рублей. До нас, здешних землевладельцев, не доходили никакие извещения от местной переписной комиссии; не известны нам ни имена назначенных заведующими переписными участками, ни счетчиков; неизвестен даже самый день переписи. Только на прошлой неделе приходил местный урядник и передал моему управляющему несколько бланковых разграфленных листов для внесения в них всех живущих в усадьбе с отметкою в графах требуемых разных сведений о каждом лице. Урядник при этом не мог дать никаких пояснений; он не знал даже, что перепись приурочена именно к нынешнему дню; о каких-либо счетчиках нет и речи. Управляющий мой Швец, хотя и грамотный, встретил множество недоумений и не все понял, что требуется от него. Если б я не принял на себя лично это дело, то***** какая ералаш была бы внесена в списки. Неужели такая же неурядица сопровождает великое дело переписи и в других местностях? Ведь можно опасаться полной неудачи этого первого опыта²⁹².

---

* каменным

** Каменщики работали только до обеда. Вечер провела у нас графиня Сумарокова-Эльстон.

*** работах

**** Погода пренеприятная: сырая и ветренная; на дороге слякоть. В последние два дня опять не было работ.

***** Погода благоприятная для работ.

***** можно представить себе

П.А. Сабуров

1-го февраля. Суббота. – Из Министерства внутренних дел прислан мне (вероятно, как члену Государственного совета) экземпляр собранных документов, форм и инструкций по делу переписи²⁹³. Пересмотрев всю эту коллекцию, я убедился еще более прежнего в том, как мало действительное исполнение переписи (по крайней мере, в здешних местах) согласуется с тою процедурой, которая была придумана в Главной переписной комиссии²⁹⁴ и дана в руководство местным комиссиям. Мы не видели не только какого-либо участия в деле со стороны заведующего участком, но даже не видели и счетчика; все обошлось с одним урядником, который принес несколько листов бланковых списков, а на днях пришел опять за ними и взял их, не взглянув даже, как они заполнены. Вот образчик наших российских порядков; вот как* осуществляются на местах всякие велемудрые предначертания петербургской** бюрократии.

5-го февраля. Среда. – Несколько дней прекрасной погоды; работы пошли было на лад***; но сегодня утром не без удивления

---

* приводятся в исполнение

** администрации

*** даже я возобновил свои прежние прогулки в Алупку. Еще вчера поздно вече-

увидел я снова белую пелену на всей окрестности до самого берега морского. Работы опять прерваны.

На днях получил я письмо от П.А. Сабурова, бывшего дипломата, а ныне сенатора. Это уже четвертое письмо, в котором он сообщает мне свои воззрения, как на текущие политические события, так и на предпринятую у нас финансовую реформу²⁹⁵. По этому последнему вопросу он даже напечатал две записки, в смысле противном задуманному* министром финансов рискованному шагу; но все возражения и запугивания, которые с разных сторон встречал проект Витте, не повлияли на окончательное решение. На днях уже последовал Высочайший указ об установлении новой золотой валюты²⁹⁶. Что же касается до внешней политики, то бывшего дипломата, естественно, озабочивает настоящий фазис пресловутого «восточного вопроса». И кого же он не озабочивает? Сегодня же я ответил Сабурову, выразив полное согласие с его воззрением. Не подлежит сомнению, что мы переживаем критический момент и что нам, т. е. России в особенности, следует, как говорится, «держаться ухо остро», имея в виду, что всегдашняя политика Англии заключалась в том, чтобы «в мутной воде рыбу ловить»²⁹⁷. Никогда еще политика эта не выказывалась с таким наглым цинизмом, как в последнее время. Целый ряд самых беззастенчивых проделок, нарушений основных принципов международного права – должен бы, наконец, открыть глаза Европе и вразумить *все* кабинеты, откуда грозит общая опасность.

[7-го февраля. Пятница. – Паша Милютина приехала вчера вечером, чтобы проститься пред отъездом своим за границу, в Рим. Она переночевала у нас и намеревалась сегодня же утром возвратиться в Ялту, а завтра утром сесть на пароход. Но совершенно неожиданно появилась графиня Ел[ена] Серг[еевна] Сумарокова-Эльстон, с рукою на перевязи, вывихнутою только дня три назад. Уже самый приезд ее нас удивил, когда она объявила о своем внезапном решении ехать вместе с Пашей за границу. Такое решение, конечно, очень обрадовало мою племянницу; отъезд обеих путешественниц назначен на воскресенье**. Распростившись с нами, они уехали вместе в Ялту.

ром небо было ясное, лунное и звездное, но сегодня, открыв ставни своего окна, увидел

* молодым

** условлено выехать на пароходе, отходящем из Ялты в воскресенье.

Работы после трех дней перерыва сегодня возобновились. Погода серая, снег° держится еще на горах.

12-го февраля. Среда. – Посещение князя Мих[аила] Рост[иславовича] и княгини Долгоруких с племянником их молодым графом Бобринским, сыном покойного Алексея Павловича, некогда министра путей сообщения. Семья Бобринских – заявленные «рестокисты», но вместе с тем отличается от большей части нашей аристократии серьезным направлением и чужды ретроградных тенденций²⁹⁸.]

24-го февраля. Понедельник**. – Кончилась масленица, возобновились работы каменщиков; с раннего утра я на работах***.

Соседи наши братья Мальцовы**** приходили проститься пред отъездом.

[28-го февраля. Пятница. – Посещение А.Н. Попова, бывшего нашего управляющего, а ныне члена Ялтинской управы, назначенного от правительства, в качестве***** техника. Он вполне доволен своим положением и приезжал благодарить меня за мое содействие его назначению; вместе с тем просил меня быть крестным отцом новорожденного сына – первенца.]

12-го марта. Четверг. – Погода крайне переменчивая, как и подобает в марте месяце*****. В последние две ночи температура понижалась до нуля. Строительные работы продолжаются вяло, с перерывами*****. Оставаясь большую часть дня на работах, я схватил простуду и вот уже пятый день не выхожу из дома*****.

[15-го марта. Суббота. – Дочь Оля уехала сегодня утром, парходом в Севастополь, откуда по железной дороге поедет в свою подмосковную. Как то особенно грустно было на этот раз прощание.

---

* виден только

** Погода благоприятная, позволяет приступить снова к кладке на извести.

*** Первоначально: «25-го февраля. Вторник».

**** уезжают послезавтра.

***** ученого

***** сильный ветер, то дождь, то падают снежинки, которые сейчас же, падая на землю, таят; а покажется солнце – и вдруг вся картина меняется: лучи его довольно сильно пропекают, на растительности показываются почки.

***** На прошлой неделе приступили снова к каменной кладке; идет укладка ступеней лестницы.

***** Дочь Оля намеревалась выехать еще вчера, на пароходе, в Севастополь и далее по железной дороге в Москву; но ради сильного ветра должна была отложить отъезд до субботы.

К счастью погода благоприятная для переезда морского. После вчерашнего дождливого дня, небо прояснилось и тихо. Каменщики мои снова принялись за работу.]

16-го марта. Воскресение. – Вчера уехала дочь Ольга. Сегодня в первый раз вышел я на воздух, после целой недели карантина. Чувствую наступление весны*.

19-го марта. Среда. – Едва вырвался я из карантина и** принялся опять за свои работы, как уже снова схватил простуду и снова должен на некоторое время воздержаться от выхода из дома***.

26-го апреля. Суббота. – Очень ошибался я, считая свое нездоровье легкой простудой. Оказалось, что это было начало**** серьезной болезни, которую врачи признали инфлуенцей. С 23-го марта слег я***** в постель и пролежал ровно месяц. При ежедневных***** приступах лихорадки***** мучил меня в особенности бронхит, не позволявший мне принимать никакой пищи, кроме жидкой, да и то в самом ничтожном количестве; притом всякая пища была мне противна. Лечил меня алуцкий врач Иванов*****; приезжал также из Ялты Кольцов. Но гораздо более существенным облегчением моего недуга был заботливый, сердечный уход дорогой моей дочери Нади, точно так же, как четыре года тому назад в Ивановском*****. Самая чадолюбивая мать не могла бы с большею заботливостью***** нянчиться со своим ребенком. Она же успевала и вести хозяйство, наблюдать за работами в имении, передавать мои указания каменщикам по постройке террасы***** и т. д. Спокойно и толково справлялась и справляется она одна со всем, что лежало и на мне, и на жене,

---

* Осмотрел новые посадки, произведенные в последние дни под надзором и руководством дочерей, преимущественно Оли, которая специально предается садоводству. С отъездом ее временно приняла на себя Надя все заботы по этим работам так же, как и вообще по домашнему хозяйству.

** возобновил свои обычные обходы работ

*** Сегодня Надя ездила в Ялту.

**** довольно

***** не на шутку

***** пароксизмах

***** мучили меня в особенности мокрота и стеснение глотки, так что я не мог

***** большой говорун и, как кажется, не очень искусный врач

***** Она была, можно сказать, моим ангелом-хранителем.

***** ухаживать

***** и все остальное

которая, к крайнему прискорбию, в последнее время также часто хворает и даже лежала несколько дней в постели.

В самый разгар моей болезни приезжали к нам из Ялты Чичерины, Самарины, Голохвастовы, Е.О. Евреинова и граф Д.А. Капнист, приехавший в Крым из Петербурга на самое короткое время. Конечно, никого из них я не мог видеть. Так и не удалось мне до сих пор повидаться с Чичеринными – о чем очень сожалею, тем более, что они не долго останутся в Крыму. Все наши ялтинские друзья выказали самое любезное участие к моей болезни и несколько раз наведывались по телеграфу или телефону. Накануне Светлого Воскресения приехал с Кавказа Федор Константинович Гершельман и провел у нас четыре дня; но и с ним я почти не виделся; в те дни я был еще очень слаб*.

Вот только три дня, что произошел в моей болезни заметный поворот. Мало-помалу** восстанавливается аппетит и вкус, начинаю кое-что читать и даже решился сегодня взяться за перо.

В продолжение моей болезни***, разумеется, накопилось много писем, телеграмм, счетов и т. д.**** Между прочим, получил я два письма от***** П.А. Сабурова, доставленные***** чрез доверенных приезжих. Одно из этих писем***** очень запоздалое – от 1-го февраля, дошло до меня только в начале апреля; другое привезено на днях графом Д.А. Капнистом. В этих письмах Сабуров снова сообщает мне***** свои соображения***** по современным делам политическим²⁹⁹. Надобно отвечать ему. К сожалению, не всегда***** могу разделять воззрения бывшего дипломата³⁰⁰.

---

* Только с 23 апреля (дня рождения моей жены и годовщины нашей помолвки) произошел заметный поворот в моем недуге. В первый раз вышел я из своей крошечной спальни и перешел на тахту в библиотеку.

** избавляюсь от расстройства в горле

*** как само собою

**** На некоторые из них отвечала за меня милая Надя; однако ж остается еще порядочное количество таких писем, на которые придется мне самому отвечать. Когда-то удастся мне выполнить эту работу?

***** бывшего дипломата

***** не по почте, а по случаю, с доверенными приезжими

***** довольно старое

***** (не в первый раз)

***** и взгляды

***** можно соглашаться с воззрениями

Одно, в чем нельзя не согласиться с его мнением, это – в ненормальности и безвыходном положении нынешней общеевропейской политики. Несмотря на все усилия больших держав поддержать так называемый* «concert Européen», с благою целью** избавить Европу от страшной войны, все-таки война вспыхла, пока лишь между Грецией и Турцией, и вот мы, русские, в сотовариществе с другими христианскими государствами, очутились в крайне неловком положении – должны держать сторону турок против наших единоверцев и друзей греков*** 301.

29-го апреля. Вторник. – С каждым днем силы мои заметно восстанавливаются. Мало-помалу справляюсь с накопившимися за время болезни делами и письмами****. Сегодня, пользуясь теплою погодой, в первый раз выходил на воздух***** и принял личное участие в работе каменщиков на террасе*****.

2-го мая. Пятница. – Задуманное дочерью Ольгой устройство у нас народной школы получило официальный ход. Сегодня приезжал бывший наш управляющий Алексей Николаевич Попов, ныне член-техник Ялтинской земской управы, с письмом от председательствующего господина Рыбицкого, который формально заявляет согласие земства на означенное предприятие и сообщает мне условия, установленные для открытия и содержания народных земских школ. С моей стороны требуется только***** поме-

---

* «концерт Европейский»

** избавления Европы

*** Этого мало: к чему может привести это столкновение, по-видимому, частное, между Грецией и Турцией? Не кроется ли во всех последних событиях коварная затея великобританской нахальной политики? Нельзя ли опасаться, что когда подготовленная ею на востоке неурядица созреет согласно видам Англии, пресловутый «концерт» <конечно> не остановит ее на последнем решительном шаге к новому дерзкому эскамотажу? [escamotage – мошенничество, фиглярство (фр.)] Что же в таком случае сделает Европа? Избежит ли она и тогда страшного бедствия общей войны, для отвращения которой приносятся теперь в жертву частные интересы многих континентальных государств, больших и малых?

**** Но работа подвигается медленно; все еще очень слабо.

Вчера посетил нас князь Мих[аил] Рост[иславович] Долгорукий; приезжал проститься пред скорым отъездом из Ялты в свое тульское имение.

***** на нашу террасу

***** пред переднего фасада дома

***** устройство

шение и ремонт постройки. А.Н. Попов* составил уже примерную смету постройки. Дочь Ольга примет звание попечительницы школы**. Отвечаю земской управе полным согласием на заявленные условия. Таким образом, дело можно считать улаженным³⁰².

[5-го мая. Понедельник. – В первый раз решился выйти из дома на воздух. Погода очень теплая и безветренная. С большим удовольствием дышал ароматом свежей весенней зелени. К сожалению, большая часть дубов сильно объедена бесчисленными червями, появившимися с наступлением весны. Очень короткое время оставался я на воздухе; бросив поверхностный взгляд на работы, произведенные каменщиками в продолжение моей болезни, я поспешил вернуться в свою комнату, чтобы отдохнуть. Еще чувствую себя слабым и не вполне выздоровевшим.

Неприятный сюрприз: каменщики (числом 6) за исключением старшего – Ивана Корешкова, не вышли с утра на работу, требуя прибавки платы. Настоящая стачка; уж не начитались ли они в газетах о заграничных стачках рабочих. Каменщики эти работали у меня всю зиму, а некоторые даже несколько лет за ту же плату, какую и ныне получают. Проделка их тем более удивила меня, что до сего утра до меня не доходило никакого с их стороны заявления. Очевидно, что их подбили вчера, в воскресный день, в Алушке – этом вертепе всяких пьяных проходимцев.]

12-го мая. Понедельник***. – В газетах известия о приостановке военных действий между турками и греками. Теперь идут переговоры об условиях мира. Безрассудно было со стороны греков ввязаться в войну; можно было заранее предсказать их поражение. Почти не подлежит сомнению, что закулисным побуждением эллинского правительства было опасение внутреннего революционного движения и низвержения королевской династии³⁰³.

---

* принял на себя техническую сторону работ. Проект и смета постройки уже ранее были представлены им. По смете итог расходов определен в 2600 рублей.

** Таким образом, можно рассчитывать, что дело это улажено <уладится> вполне удовлетворительно. От меня будет дан формальный ответ земской управе о согласии на все условия; я согласен и прошу управу принять на себя распоряжения по производству постройки на мой счет и под моим контролем.

Вчера отправил по почте ответ П.А. Саурову.

*** Первая пешеходная прогулка моя по дороге в Алупку. Наступила, наконец, погода летняя.

15-го мая. Четверг. – Поездка в Ялту и Наташино. Окончив в Ялте свои мелкие дела, навестил наших любезных знакомых: Чичериных, Самариных, Кочубеев, Лаврентьевых*.

16-го мая. Пятница. – Посещение Чичериных. Они приехали к обеду и оставались до вечера.

В № 86 «Петербургских ведомостей» (от 30 марта) прочел я вторую статью Бориса Николаевича в ответ на возражение московского предводителя дворянства князя Трубецкого на первую статью его же, Чичерина, по поводу непрекращающихся домогательств** дворянства разных новых сословных привилегий и льгот для облегчения экономического его положения³⁰⁴. Статью Чичерина прочел я с истинным удовольствием: вопрос о положении дворянского сословия и его притязаниях поставлен совершенно верно; прямо и без обиняков осуждается его унижительное попрошайство. Любопытно, что еще придумает новая комиссия, учрежденная в Петербурге, под председательством бывшего министра внутренних дел Дурново, для обсуждения нужд дворянства и новых средств для*** поддержания его первенствующего в государстве положения³⁰⁵.

20-го мая. Вторник. – Сегодня вечером возвратилась дочь Ольга****.

Погода наступила совершенно летняя. Целый день я на ногах, руководя работами по перестройке террасы у дома*****.

---

* также С.И. Руденко, Попова. Погода прекрасная, теплая. Не чувствую вовсе усталости, какую можно было ожидать после недавно выдержанной болезни.

** на разные льготы и пособия для облегчения экономического <его> положения разоренного сословия и новых сословных его привилегий.

*** устранения

**** по ликвидации дел своей аренды в подмосковном имении. Радуюсь тому, что она возьмет в свои руки наше здешнее хромающее хозяйство. Надеюсь, что она приведет в порядок и сад и огород и все прочее, а также примется усердно за предположенное устройство школы. Надя, со своей стороны, собирается выехать в свою рязанскую деревню и в Москву.

***** Теперь уже приближается окончание этих крайне затянувшихся работ. От прежних дальних прогулок пешком <уже не могу> должен отказаться, как по недостатку свободного времени, так и потому, что чувствую еще слабость в ногах – как след последней моей болезни. По всем вероятностям, след этот останется уже до самой могилы. <Ведь> Через месяц вступаю я в 82-й год жизни. Многим ли суждено сохранить в эти лета и такие силы физические, и такую бодрость, какие выпали на мою долю.

[25-го мая. Воскресенье. – Сегодня обедали у нас приехавшие на днях в наше соседство братья Мальцовы: Иван и Николай Сергеевичи. Цель их приезда – введение в должность нового управляющего имением их на место умершего недавно [Косова], и вместе с тем ускорение работ по постройке домов. После обеда Оля ездила в Ялту, проститься с уезжающими нашими друзьями.]

31-го мая. Суббота. – Отъезд дочери Нади Долгорукой в ее рязанское имение, как надеюсь, не надолго.

[8-го июня. Воскресенье. – На истекшей неделе, во вторник провели у нас день Лаврентьевы – Мальвина Егоровна и София Ивановна, а вчера ездила к ним в Наташино Оля. Сегодня приходили соседи – братья Мальцовы, проститься пред отъездом их отсюда.]

11-го июня. Среда. – Наступила настоящая летняя жара. Строительные работы мои идут успешно: с понедельника началась укладка на террасе бетонного помоста**. К прежним хлопотам моим прибавились новые: постройка земской*** школы. Первоначально имел я в виду предоставить самому земству распоряжения по этой постройке; но теперь прихожу к убеждению в необходимости принять эту заботу на себя****.

---

* Грустный день расставания: Надя уехала в Москву и в свое рязанское имение. Отсюда до Севастополя на почтовых. Я проводил ее по Симеискому подъему до шоссе и возвратился пешком.

Жарко. Надеюсь, что мы расстались с Надей не надолго.

** Началась укладка бетонного пола на террасе; для этой работы взяты специальные мастера из Ялты (от Виноградова).

*** начальная

**** Первоначально имел я в виду предоставить <самую> эту постройку в полное распоряжение земства, за сумму в 2600 рублей, которая была мне предъявлена <стоимость которой определена по смете Попова в 2600 рублей> Поповым в составленной им смете, теперь же к удивлению моему получаю от него новую смету, уже на сумму 3600 рублей, с присовокуплением заявления, что и за эту сумму подрядчики строить не берутся, требуют чуть не двойной цены. Сюрприз довольно неприятный. Прихожу к убеждению в необходимости отказаться от участия земства в самой постройке и принять на себя все дальнейшие распоряжения по этому делу. Вот уже несколько дней, что я собираю от разных лиц, промышляющих постройками, сведения о ценах и условиях, а между тем лично работаю над разбивкою строения и нивелировкой местности, посредством имеющегося очень несовершенного инструмента.

12-го июня. Четверг*. – Сегодня утром занимался разбивкою на месте предположенной постройки для школы, а с завтрашнего дня будет приступлено к земляным работам и к заготовлению матерьяла. Поведу дело помимо всяких агентов земства, выказавших** наглядно свою непрактичность и нераспорядительность***.

[17-го июня. Вторник. – На террасе закончена укладка бетонной настилки. Сегодня же приступлено к выемке земли и планировке под постройку для школы. Завтра предполагаю снова приняться за работы по водопроводу на Байрам-бахчи, которых не успели закончить в прошлую осень.

25-го июня. Среда. – Вот еще прошла неделя, а работы на террасе еле, еле подвигаются. Последнее время работали одни маляры; расписывали стены на верхней платформе. Между тем каменщики заготавливали камень на Байрам-бахчи. С нынешнего же дня они опять работают на террасе.]

26-го июня. Четверг****. – Приступил я к новой работе – установке под террасою дома мраморного фонтана, доставленного из Петербурга еще в 1893 году, по заказу сына и дочерей, по поводу тогдашнего нашего юбилея «золотой свадьбы». С того времени

---

* На основании полученных мною справок решаюсь постройку школы поручить Дмитрию Яковлеву, с давнего времени работавшему в нашем доме, первоначально по части столярной, а потом и по другим мастерствам. Цены заявлены им самые умеренные; притом он берется исполнить все работы за оптовую сумму 3 тысячи рублей, так что мне придется иметь дело с ним одним. Сегодня же утром мы с ним окончательно разбили на месте площадь строения и определили количество выемки земли.

** так

*** Вечером посетили нас Евреиновы.

**** Хлопотный день: примеряли и пригоняли мраморный фонтан к приготовленной для его помещения нише. Задача довольно хитрая, в особенности затруднение встречалось в том, чтобы направить воду из трубы двумя только струйками к двум маленьким чашечкам, из которых вода должна потом переливаться последовательно в остальные из десяти чашечек приделанных к мраморной плите. Фонтан этот, придуманный сыном и дочерьми к юбилею нашей «золотой свадьбы» в 1893 году, с тех пор оставался на хранении в сарае. Только теперь, надеюсь, представится возможность выставить на свет Божий этот дорогой подарок наших детей, который и украсит нам фасад нашего скромного дома. Признаюсь, меня одолевало сомнение – удастся ли нам установка такого замысловатого фонтана, в котором вода должна переливаться с одной чашечки на другую с точностью часового механизма. Понятно, что большою радостью было для меня, когда после разных проб и прилаживаний, добились, наконец, что две струй-

этот мрамор оставался упакованным в сарае, пока не было придумано, где установить затейливый фонтан. Теперь только, с новым устройством террасы пред главным фасадом дома, открылось для фонтана помещение в приготовленной собственно для того нише. Установка его оказывается делом мудреным, особенно без помощи какого-либо специального мастера, а исключительно неумелыми руками простых рабочих и жалкого алупского водопроводчика.

28-го июня. Суббота. – Со вчерашнего дня каменщики снова принялись за работы на Байрам-бахчи. Ходил я и туда, утром. Уже в 8 часов было очень жарко. Под школу роют фундамент*.

[7-го июля. Понедельник. – Мраморный фонтан установлен, но еще не окончательно.

11-го июля. Пятница. – Посетили нас Лаврентьевы с племянницей Мальвины Егоровны 2-ой Келлер.]

19-го июля. Суббота. – Многих хлопот** стоила установка мраморного фонтана. После разных неудачных попыток только сегодня удалось*** уладить это хитрое дело****. Работы, возобновленные на Байрам-бахчи, идут своим чередом. Постройка школы также подвигается*****.

20-го июля. Воскресенье. – Прочел очень интересную статью, помещенную в журнале «La revue de Paris» (15 июля, № 14), под

ки воды получили надлежащее направление. Успокоившись на этот счет, мы опять сняли мраморную плиту с предназначенного ей места и <на время> снова уложили ее в ящик, на то время, пока каменщики, штукатуры и маляры докончат отделку ниши, настолько, чтобы можно было затем окончательно укрепить на месте мраморные части фонтана. Таким образом, чрез несколько дней предстоят опять немалые хлопоты и заботы.

Нельзя не заметить, что все эти хитрые работы по установке фонтана, ведутся без <помощи> какого бы то ни было опытного мастера-специалиста, только при помощи простого каменщика, такого же простого домашнего плотника и весьма искусного алупского водопроводчика, возмещающего крайний недостаток знания и умения самую легкомысленною самоуверенностью.

* Сегодня минул мне 81 год.

** и различных исправлений

*** наконец

**** как надеюсь, окончательно. Помог наш алупский мастер Функ. Пришлось кое-что расстроить из того, что было уже сделано, а потому окончательная обделка ниши отодвинулась опять на некоторое время.

***** выводятся стены и уложены нижние балки. С прошлого четверга гостит у нас София Ивановна Лаврентьева.

заглавием «Les Russes devant Constantinople». 1877–1878. Книжка эта прислана мне П.А. Сабуровым при письме от 10-го июля³⁰⁶, в котором он высказывает свое удивление тому, что подобные оскорбительные для русского правительства того времени разоблачения могли быть допущены нашею придирчивою цензурой. По словам Сабурова, книжка французского журнала распродается в Петербурге нарасхват, и все ломают себе голову, чтобы угадать анонимного автора статьи, имевшего в руках самые сокровенные документы из канцелярии бывшего главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича. В числе этих источников* встречаем даже** веденный во все время войны непосредственно «под диктовку» Его Высочества дневник (в переводе «Mémoial»), характера совершенно интимного. В дневнике этом часто фигурирует «l'aide-de-camp. X...»***, который, по-видимому, и писал дневник и следовательно был ближайшим довереннейшим подручником великого князя****. Таким адъютантом можно признать не кого другого, как Скалона, который во все время войны вел личную переписку главнокомандующего помимо начальника штаба и других штабных чинов. Его-то и можно было бы заподозрить в составлении настоящей статьи в «Revue de Paris», если б эта статья ограничивалась только выписками из означенного дневника (Mémoial) и***** приведенными телеграммами, коими обменивались главнокомандующий***** с императором Александром II; но подобная догадка опровергается двумя соображениями: во-первых – тем, что такому приближенному к великому князю и доверенному лицу едва ли могло быть желательно выставить самого главнокомандующего и его близкий «entourage»***** в невыгодном свете, местами даже в комическом, карикатурном виде. Во-вторых – в статье выставляется не только бездарность и бестолочь в Главной квартире нашей армии, особенно в период ее стоянки пред Константинополем, не только пу- таница, произведенная в сношениях между главнокомандующим

---

* узнаем

** что во все время войны велся

*** «адъютант X» (фр.)

**** Кто был этот адъютант, можно признать только Скалона,

***** собранием телеграмм

***** и сам император Александр II

***** окружение (фр.).

и царем*, вследствие перерыва телеграфного сообщения, будто бы по приказанию самого великого князя, но вместе с тем представляется не в лучшем виде и наша дипломатия, указывается шаткость и неопределенность в руководительстве свыше**. Характеристики тогдашних наших дипломатов, особенно самого канцлера князя Горчакова, написаны очевидно человеком, близко знавшим эти личности, а потому с большою вероятностью можно догадываться, что автор статьи принадлежит или к дипломатическому ведомству, или к числу лиц, вращавшихся в близких к этому ведомству сферах. Однако ж ни в каком случае не могу я признать правдоподобными указанные в письме Сабурова*** подозрения на Нелидова или Игнатьева.

[25-го июля. Пятница. – Ездил в Ялту. Окончив там свои мелкие дела, побывал в Наташине у Мальв[ины] Ег[оровны] Лаврентьевой, а на возвратном пути заехал в Ливадию к Евреинову. День для поездки выбрал удачно: после выпавшего вчера дождя, погода посвежела, а в самой Ялте сильный восточный ветер.

29-го июля. Вторник. – Гостившая у нас почти две недели София Ивановна Лаврентьева возвратилась к себе в Наташино. Оля проводила ее до Ялты. С сожалением распростились мы с такою приятною гостьей.

30-го июля. Среда. – Вчера вечером телеграмма из Одессы от племянницы моей жены Анны Евгеньевны Ефремовой (рожденной Понсэ). Возвестила нам о приезде ее на пароходе сегодня. С радостью встретили мы и обняли дорогую гостью. Намеревается она пробыть у нас недели три.]

3-го августа. Воскресенье. – На днях приехала к нам из Бессарабии племянница жены моей Анна Евгениевна Ефремова (рожденная Понсэ), с намерением пробыть с нами несколько недель; а

---

* благодаря дикому приказанию великого князя прервать телеграфную линию, но вместе с тем выставляет в таком же невыгодном виде и нашу дипломатию.

** Отзывы о тогдашних наших дипломатах

*** <намек>, ходящие в Петербургской публике подозрения на Нелидова или Игнатьева. Если уж искать автора в числе таких высокопоставленных лиц нашего дипломатического ведомства, то мне сдается (хотя не хотелось бы в том признаться), что такую статью всего вероятнее можно приписать самому же Сабурову. По крайней мере, в заключительном выводе анонимной статьи я узнаю его точку зрения на восточную нашу политику.

Визит Ф. Фора в Россию

сегодня прибыл прошлогодний наш гость князь Николай Владимирович Шаховской*, на отдых от своих цензорских забот.

8-го августа. Пятница. – Получил интересное письмо от генерал-адъютанта барона Фредерикса (бывшего некогда моим адъютантом), который сообщает мне, что на днях, в пребывание свое в Гавре, пред отъездом президента Французской республики в Петербург, Феликс Фор рассказал ему о случайной его встрече со мною еще в 1869 году в вагоне железной дороги около Бадена. Он ехал тогда с бароном Финó, бывшим некогда консулом французским в Тифлисе. Финó представил мне своего спутника, молодого человека, предпринявшего путешествие по России. По рассказу самого Фора, я дал ему тогда визитную свою карточку с надписью, заключающею в себе рекомендацию путешественника русским местным властям в Крыму и на Кавказе. Этой рекомендации Феликс Фор приписывает встреченный им везде в России радушный прием и вынесенные им из путешествия хорошие впечатления. «Все вышеизложенное, – пишет мне барон Фредерикс, – было лично сообщено мне президентом, во время моего пребывания у него в гостях в Гавре, причем я обещал ему напо-

---

* Проведет он здесь вероятно весь август месяц и начало сентября.

нить Вам об этом обстоятельстве, о котором он, почти тридцать лет спустя, вспоминает с большою благодарностию». Конечно, мне весьма приятно такое воспоминание почтенного президента о давнем и незначительном случае, о котором, признаться*, я ничего не помню³⁰⁷.

Барон Фредерикс сопровождает президента в предстоящей его поездке в Петербург. На днях ожидают его прибытия и, как видно из газет, делаются всевозможные приготовления к блестящему приему дорогого гостя. Во всей России, да можно сказать и в Европе, только и толкуют об этом «великом событии»³⁰⁸.

24-го августа. Воскресенье. – Сегодня утром уехала на пароходе племянница Аня. Пребывание ее у нас в течение 25 дней было большим утешением для больной жены моей. Аня обладает** всеми качествами, которые делают ее более всякой другой способною облегчать тяжкое положение больной, действовать на нее успокоительно. Тем грустнее было расставаться с милою племянницей, – вероятно опять на долго. Оля проводила ее до парохода***.

27-го августа. Среда. – Большую часть дня провели у нас Лаврентьевы: Мальвина Егоровна и Софья Ивановна, с доктором Александром Егоровичем Лаврентьевым, племянником покойного друга нашего Александра Ивановича Лаврентьева, а также с его женой и свояченицей, прибывшими из Москвы на некоторое время в Наташино. Доктор, по своей специальности окулиста, внимательно и с участием осмотрел глаза моей жены и дал некоторые советы.

Погода вдруг изменилась; вечером гости наши уехали под дождем и при порядочном северо-западном ветре. Сразу сделалось свежее.

---

* совершенно

** в высшей степени

*** В последние дни виделись мы несколько раз с поселившеюся на время в Симеисе Ольгою Александровной Копачевой – дочерью покойного Александра Петровича Карцова, старого моего товарища и друга. Ольгу Александровну мы знали ребенком и после многих лет свиделись с нею с удовольствием.

Вчера совсем закончены тянувшиеся уже несколько лет работы по устройству водопроводов на Байрам-бахчи. Остается только принарядить этот благодатный клочок нашего имения, снабжающий нас обильною и хорошею водой; осенью приступим к посадке растений, взамен прежних, сильно пострадавших от многолетних истязаний безжалостных каменщиков. С завтрашнего дня они спустятся с верхней площадки названного участка на скат горы для исправления еще двух, трех маленьких бассейнов, из числа прежних, сооруженных трудами моей жены.

2-го сентября. Вторник. – Всему бывает конец. Дождались мы конца и работ над водопроводами на Байрам-бахчи. Сегодня мои три каменщика с двумя просто рабочими в последний раз занимались окончательным приведением в порядок* местности, окружающей водопроводные сооружения. Остается однако еще принарядить эту местность кое-какими посадками, что и предполагается исполнить с наступлением удобного для того осеннего времени. Работы на Байрам-бахчи длились несколько лет; много труда положено на них моею женой, которая проводила целые дни в этой нагорной трущобе, до самого того злополучного дня, когда она под вечер спустилась оттуда** домой совсем больною***. Это было началом ее слепоты; с этих пор (с мая 1893 года) она уже не могла заниматься лично постройками в имении; работы на Байрам-бахчи были прерваны и почти три года оставались недоконченными. Только в начале прошлого 1896-го года я принялся за них; но другие, более нужные работы по перестройкам в доме, отвлекли меня снова от Байрам-бахчи на несколько месяцев, и только теперь можно считать их оконченными. Сооружения на Байрам-бахчи имеют очень важное значение для имения, снабжая его обильною водой в течение круглого года.

Теперь занимаюсь составлением обстоятельного описания всей устроенной в имении системы водопроводов, с планами и чертежами. Такое описание необходимо для будущих хозяев, которые, не зная во всей подробности существующей весьма сложной сети подземных водопроводов****, могут встречать затруднения для поддержания этих водопроводов в исправности, даже принимать меры ошибочные, ведущие к расстройству всей системы³⁰⁹.

7-го сентября. Воскресенье. – Ездил с дочерью Ольгой в Га-спру, отдать визит княгине Вяземской и графине Паниной. Ни той, ни другой не застали дома. Новое знакомство: приезжал рекомендоваться курский городской голова Лавров, от которого уже не раз получал я приветственные телеграммы по случаю разных торжественных пиров в честь курского губернатора.

10-го сентября. Среда. – Еще новое знакомство: посетила нас Ал[ександра] Ив[ановна] Сипягина с двумя детьми. Муж ее Владимир Всеволодович Сипягин в былое время был у нас в семье

---

* и подчищали

** с болью глаз

*** и начала страдать глазами

**** устраивавшейся лично женой моей в течение многих <около> двух десятков лет

очень близким человеком; наши с ним дружеские отношения сохранились, несмотря на то, что мы не виделись многие годы. Он служит теперь в Министерстве Двора, начальником камерального отделения Кабинета³¹⁰ и остался таким же милым, добродушным и веселым, каким мы знали его молодым. Я имел случай свидеться с ним в прошлом году в Москве, во время коронационных торжеств. Жену его – дочь сенатора Шамшина – знавали мои дочери еще ребенком, когда она воспитывалась вместе с детьми графа Федора Логгиновича Гейден, под эгидой покойной графини Елизаветы Николаевны. Таким образом, увидев ее сегодня уже матерью семейства, мы только возобновили старое знакомство*.

11-го сентября. Четверг. – Приезжал из Ялты некто господин Волжанинов, которому поручена Управлением уделов³¹¹ закупка для его подвалов вин от местных виноградовладельцев. Появление его давно уже мною ожидалось, и только сегодня окончательно удостоверился я, что продажа в удельное ведомство молодого, только что вышедшего из-под пресса вина нашего, состоится и в нынешнем году на тех же основаниях, как в прошлом. Сбыть это вино – очень важно для нашего хозяйства, чтобы избавиться от дальнейших с ним хлопот**.

13-го сентября. Суббота. – Сегодня посетил меня министр финансов Сергей Юльевич Витте, приехавший в Крым на короткое время. Он провел со мной несколько часов и сообщил мне много весьма интересного о ходе дел в высших официальных сферах Петербурга. Откровенные его рассказы произвели на меня грустное впечатление. Печальнее всего то, что и впереди нет никакой надежды на лучший поворот³¹².

20-го сентября. Суббота. – Гостивший у нас с 3-го августа князь Николай Шаховской уехал в Москву, чрез Одессу и Киев. Вечером прибыла будущая учительница нашей школы, девица Пивоварова***. К сожалению, постройка для школы далеко еще не окончена и едва ли можно открыть учение ранее конца октября****.

22-го сентября. Понедельник. – Поездка в Ялту и Наташино. Попутно отдал визит министру финансов Витте; беседа наша

---

* Наружность ее и обращение производят приятное впечатление.

** и забот.

*** приглашенная дочерью моею Ольгой, по рекомендации начальницы Московской женской учительской семинарии.

**** месяца. Для самой учительницы пока уделено в нашем доме временное помещение.

продолжалась часа полтора, разумеется, преимущественно о современных петербургских «злобах дня». В Ялте забросил визитную карточку у Волжанинова, чрез которого ведутся теперь мои сношения с ведомством уделов по продаже нашего молодого вина. На возвратном пути из Наташина домой посетил А.И. Сипягину в Ливадии и графиню Елену Серг[еевну] Сумарокову-Эльстон в Кореисе.

[24-го сентября. Среда. – Давно не посещавший гость – князь Трубецкой – брат покойной княгини Марии Васильевны Воронцовой. Недоумеваю, что вызвало это посещение.]

25-го сентября. Четверг. – Посещение князя и княгини Вяземских. Князь Леонид Дмитриевич, отправляясь на Кавказ, заехал отдохнуть в Крыму*. Слышали много нового касательно высших петербургских сфер, но мало отрадного.

Послана мною поздравительная телеграмма в Феодосию Ивану Константиновичу Айвазовскому, по случаю завтрашнего празднования 60-тилетнего юбилея его художественной известности³¹³.

27-го сентября. Суббота. – Приезд сына.

2-го октября. Четверг. – Вторичный и весьма любезный визит министра финансов Витте.

4-го октября. Суббота. – Больная жена моя решила сегодня испробовать свои силы прогулкою на Байрам-бахчи и удивила нас всех своею выносливостью. Доехала она в легком экипаже** до того места, где прекращается колесная дорога, а далее пожелала*** всходить на гору пешком, несмотря на крутизну тропы, со ступенями во многих местах. Едва удалось нам**** уговорить ее хотя немного присесть на носилки; но согласилась она на это неохотно. На пути я объяснял ей те перемены, которые были сделаны в последнее время в начатом ею устройстве водопроводов. Все подробности в этом деле живо интересовали ее*****: она ощупывала рукой или тростью каждый бассейн, каждый камень. Спускалась с Байрам-бахчи так же, как и восходила, частью пешком, частью на носилках, а на конец в кабриолете*****. Вся прогулка

---

* Много нового для меня наслушался касательно петербургских высших сфер, но мало утешительного.

** только

*** непременно

**** (т. е. Оле, Алеше и мне)

***** особенно подробно и внимательно расспрашивала она о новых постройках на вершине горы.

***** Возвратились мы домой уже пред обедом.

Гостиная в доме Милютиных в Симеизе

совершилась вполне благополучно; больная даже не показывала заметной усталости и во весь остаток дня бодрa, видимо довольная успехом своей рискованной пробы сил*.

5-го октября. Воскресенье. – Почти весь день провели с гостями. С утра появился приехавший на днях из Киева сын наших старинных приятелей Праховых, а потом приехала к обеду вся семья Лаврентьевых. После обеда посетил нас ближайший сосед Иван Сергеевич Мальцов с дочерью**.

Поздно вечером имели мы радость обнять дочь Надю, возвратившуюся из-за границы, из Канн, куда она сопровождала от Москвы свою больную золовку Ольгу Ростиславовну Долгорукую (легально Олсуфьеву).

7-го октября. Вторник. – Вечером ездили с дочерью Надей Долгорукой в Гаспру, чтоб отдать визит Вяземским.

8-го октября. Среда. – Отъезд сына обратно в Курск.

16-го октября. Четверг. – Панихида в Алушке по покойному князю Владимиру Долгорукому.

---

* Признаться, и у меня отлегло от сердца.

После обеда сын мой уехал в Урзуф, воротится только завтра.

** Около 11 часов вечера

19-го октября. Воскресение. – Посещение княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой с В.Д. Квиткой* и четы Плец**.

Вечером, во время ужина, подкатил к нашему подъезду экипаж и появилась*** сестра моей жены Дора Михайловна Понсэ. Давно уже она собиралась навестить нас; но мы уже перестали ждать. Приезд ее был для нас**** совершенно неожиданностью.

23-го октября. Четверг. – Вчера навестил я соседа нашего Ивана Серг[еевича] Мальцова, а сегодня посетил нас только что приехавший брат его Николай Сергеевич.

Вечером***** приехала баронесса Анна Ивановна Пиллар, прямо из своей тульской деревни*****, с намерением провести у нас два дня*****.

25-го октября. Суббота. – Приезжали Вяземские проститься пред отъездом.

28-го октября. Вторник. – Утром, когда я, по обыкновению своему, был на постройке школы*****, дали мне знать о приезде из Петербурга фельдъегеря. Крайне удивленный таким необычным появлением посланца, я поспешил домой; оказалось, что офицер фельдъегерского корпуса прислан нарочно генералом Бильдерлингом (исправляющим временно должность начальника Главного штаба) с поздравительным адресом, по случаю 60-летия моей службы в Генеральном штабе. Только теперь узнаю, что сегодня минуло ровно 60 лет с зачисления меня в Генеральный штаб*****.

---

* молодой Прахов

** Появление последних несколько удивило нас: уже несколько лет они не удостоивали нас посещением и неведома причина, почему они вдруг прервали всякие сношения не только с нами, но и с большею частью прежних своих знакомых. Чудаки эти с такою же безотчетною внезапностью и возобновили прерванное знакомство, без всяких объяснений, так как будто бы и не было никакого перерыва.

*** неожиданно

**** сюрпризом.

***** во время нашего ужина, к нашему удивлению, подкатил к подъезду экипаж и появилась баронесса

***** и на пути из Севастополя в Ялту заехала к нам

***** Наступила довольно холодная погода, но барометр стоит очень высоко и по временам показывается солнце. Дочери мои усердно занимаются посадками на самом верхнем участке имения «Байрам-бахчи», – и в то же время принялись за упорядочение хозяйства по виноделию. Последние наши неудачные управляющие, не исключая и теперешнего, привели винный наш подвал в крайне хаотическое состояние.

***** прибежал из дому Ефим с известием

***** (тогдашний гвардейский).

Хотя в газетах уже ранее* было разглашено о каком-то моем юбилее и получено было мною несколько поздравительных писем по этому случаю, однако ж я не придавал никакого значения газетной заметке; притом же я вообще питаю антипатию ко всяким юбилеям и празднованию разных годовщин. Но вот** теперь оказывается, что в петербургском официальном мире взглянули иначе на газетную заметку и по справке нашли, что зачисление мое в Гвардейский генеральный штаб поручиком последовало приказом 28 октября 1837 года. Главный штаб изготовил великолепный адрес на пергаменте, в прекрасном переплете, за подписью 16 высших чинов Генерального штаба, во главе которых подписался мой старый добрый сотрудник граф Федор Логгинович Гейден; за ним следуют подписи Ивана Михайловича Гедеонова (бывшего некогда моим адъютантом в Военной академии), военного министра Ванновского (никогда не служившего в Генеральном штабе), Кармалина, Роппа, Рихтера, графа Воронцова-Дашкова (оба последние только носили некогда мундир Генерального штаба по должности начальника штаба), Павлова, Леера, двух братьев Бобриковых, Штубендорфа, Лобко, Бильдерлинга и в заключение Бенявского и Соллогуба³¹⁴. Содержание адреса чрезвычайно лестное для меня. Подавая его, штабс-капитан фельдъегерского корпуса Фрауенштейн передал мне на словах привет от генерала Бильдерлинга и поздравление от фельдъегерского корпуса. Я был искренно тронут вниманием, оказанным мне старыми сослуживцами и нисколько не ожидал каких-либо других юбилейных манифестаций. Но не успел я еще отпустить посланца, как появились в полной парадной форме, с поздравлениями, проживающий в Ялте отставной генерал Лауниц, а потом граф И.Г. Ностиц с сыном. Лауниц пробыл не долго; Ностиц же остался к обеду***, и как всегда****, заставил нас всех, не исключая и больной жены моей, позировать***** пред его фотографическим аппаратом. По отъезде гостей, в течение вечера, посыпались одна за другою поздравительные телеграммы. Первою была телеграмма от самого Государя, – телеграмма в высшей степени милостивая, в самых лестных для меня выражениях³¹⁵. Немедленно же я ответил также телеграммою. Затем получен привет от великого князя Николая Николаевича, который принадлежит некоторым образом к Гене-

---

* появились заметки

** вдруг открывается

*** и уехал уже в сумерки

**** Ностиц отец

***** в разных положениях для фотографирования.

ральному штабу, как прошедший курс Академии; далее весьма лестные телеграммы от Корпуса военных топографов, от Военно-юридической академии, от Александровского кадетского корпуса и т. д.³¹⁶

29-го октября. Среда. – Посещение князя Андрея Александровича Ливена, бывшего некогда министром государственных имуществ, отрешенного от этой должности с воцарением Александра III, почти одновременно с опалой, постигшей графа Валугева и генерала Крыжановского³¹⁷. Князь Ливен недавно переселился из своего Харьковского имения в Ялту, купил там дом и живет в одиночестве, как мудрец, познавший тщету официального величия. Он нашел отраду в научных работах; в особенности предался астрономии и с любовью занимается садоводством. Князь Ливен обедал у нас и провел несколько часов; во все это время не прерывалась интересная беседа о предметах самых разнообразных^{***}.

В течение дня получено мною еще несколько поздравительных телеграмм, на которые уже отправлены ответы^{****}.

1-го ноября. Суббота. – Необыкновенно раннее в здешнем крае наступление морозов; уже несколько дней термометр показывает утром и вечером температуру ниже 0°, а сегодня вечером к общему удивлению выпал снег. В течение семилетия моих метеорологических наблюдений, самый ранний снег выпал 9 ноября, в зиму с 1890 на 1891 год^{*****}. По газетам видно, что не только в России, но и в Центральной Европе также наступили холода ранее обыкновенного. Из Вены пишут даже о замерзшем на улице человеке.

Продолжаю получать запоздавшие поздравительные телеграммы по случаю 60-летия моей службы в Генеральном штабе. Сегодня пришла телеграмма от М.М. Стасюлевича, а несколько позже другая, за подписью 33-х лиц, собравшихся^{*****} для чествова-

---

* Весьма кстати работы сегодня не требовали моего постоянного надзора и руководства, а потому я имел возможность утром отправить большое число ответных телеграмм и еще сделать визит соседу Николаю Сергеевичу Мальцову, которого, впрочем, не застал дома. Пред обедом приехал из Ялты князь Андрей Александрович Ливен.

** астрономическим наблюдениям. В имении своем устроил он даже обсерваторию.

*** Это один из тех немногих у нас людей, с которыми можно говорить, можно провести время приятно и с пользой.

**** С вчерашнего дня наступила холодная погода: на горах снег; у нас же ночью до 20 мороза. Даже в середине дня ртуть не поднималась выше нуля.

***** а самый ранний мороз замечен 27 октября в 1891 году 1,5° Реомюра.

***** сегодня

ния его юбилея³¹⁸. Телеграмма эта особенно польстила мне*; в числе этих 33-х лиц нахожу имена самых выдающихся представителей науки и литературы; все, разумеется, принадлежат к одному лагерю с Стасюлевичем, а следовательно мне симпатичны**. Не могу отказать себе в удовольствии перечислить эти имена в своем дневнике: Шильдер (генерал-лейтенант***, автор вновь появившейся истории жизни и царствования императора Александра I³¹⁹), А.Ф. Кони****, Пыпин, Арсеньев, Владимир Соловьев, Герье, Муромцев, Соболевский, Джаншиев, Гольцев, Арцимович, Таганцев, Янжул, Боровиковский, Брюлов, Вейнберг, Дерожинский, Игнатьев, Картавцев, Кареев, Кузмин-Караваев, Лихачев, Мартенс, Манасеин, Меншуткин, Пантелеев, Пильц, Потехин, Слонимский, Спасович, Стасов, Плетнев, Фан-дер-Флит. В этом внушительном перечне имен только весьма немногие мне не знакомы; с большинством же я знаком по их произведениям в печати*****.

2-го ноября. Воскресенье. – Гостившая у нас ровно две недели Дора Михайловна Понсэ уехала сегодня утром в свой Бессарабский***** кут*****. Не испугал ее выпавший с вечера снег*****, покрывший всю местность кругом нашего дома.

7-го ноября. Пятница. – Сегодня обедали у нас соседи – братья Мальцовы. Со вторника гостит опять баронесса А.И. Пиллар.

К большому удовольствию моему постройка школы закончена. На днях полагаем освятить ее и начать с будущей недели учебные занятия.

9-го ноября. Воскресенье. – В 3 часа пополудни совершенно освящение школы в присутствии В.Н. Рыбицкого, председателя Ялтинской земской управы и довольно многочисленного собрания

---

* Вот текст телеграммы: «Собравшиеся чествовать Стасюлевича, вспоминая светлые дни давно прошедшего, не могли забыть при этом вашего имени, тесно связанного с эпохой реформ, и шлют вам сердечный привет по поводу Вашего юбилея». (Прим. Д.А. Милюткина.)

** Мне приятно перечислить здесь все эти имена

*** начальник Ник[олаевского] инженерного училища и Академии, редактор «Русской старины»

**** (выдающийся юрист и вместе с тем талантливый писатель и оратор, давнишний мой хороший знакомый)

***** Многие из этих имен часто встречаются в книжках «Вестника Европы». Полученный от таких лиц сочувственный привет произвел на меня самое отрадное впечатление.

***** хутор

***** на почтовых лошадях в Севастополь, откуда, вероятно, отправится морем в Одессу и затем на свой хутор под Бендерами

***** хотя температура несколько поднялась (выше нуля), однако ж вся местность кругом нашего дома покрыта белой пеленой.

симейских обывателей, наших домочадцев и детей. После молебствия в классной комнате, приглашены были к нам на чашку чая Рыбицкий и священник. Завтра же начнутся учебные занятия.

Вечером уехала баронесса Анна Ивановна Пиллар.

11-го ноября. Вторник. – Поездка в Ялту с дочерью Ольгой. Отдал визит князю Ливену, Рыбицкому, Плецу; обедал у графа Ностица; навестил баронессу Анну Ивановну Пиллар и Самариных^{*}.

12-го ноября. Среда. – Посетили нас Юсуповы с графиней Келлер.

14-го ноября. Пятница. – Давнишнее желание жены моей составить духовное завещание исполнилось сегодня с помощью^{**} приезжавшего из Ялты нотариуса Ив[анна] Харит[оновича] Волкова^{***}. Нужно было не менее четырех часов^{****} работы для исполнения всех установленных формальностей^{*****}, усложненных слепотою завещательницы. Свидетелями были братья Мальцовы и управляющий их^{*****}. Продолжительность процедуры^{*****} утомила большую и физически, и нравственно³²⁰.

15-го ноября. Суббота. – Завтракал в Кореисе, у Юсуповых. На днях они уезжают.

17-го ноября. Понедельник. – Обедали у нас соседи – братья Мальцовы. После обеда ходили мы вместе с ними на постройки их. У обоих сооружаются великолепные palazzo^{*****}.

[20-го ноября. Четверг. – Визит Евреиновых.]

22-го ноября. Суббота. – Обедали у нас Самарины и Ник[олай] Серг[еевич] Мальцов. Старший брат Мальцов уехал вчера.

[25-го ноября. Понедельник. – Визит графа Николая Сумарокова-Эльстон с его женой и свояченицей. Последняя эта барышня сестра графини Сумароковой-Эльстон^{*****} по матери, бывшей Комкуль, но от другого мужа, какого-то немецкого баро-

---

* Погода была во весь день отличная; но вечером стало пасмурно, а когда мы были уже дома, пошел дождь.

** нашего ялтинского нотариуса

*** который по моему приглашению приехал сегодня с целым тюком книг разных объемов, установленных на такой случай, для узаконения самого простого.

**** усидчивой

***** требовалась подпись трех свидетелей и сверх того четвертое лицо должно было подписать акт взамен завещательницы, по случаю слепоты последней

***** Герасимов (Алексей Александрович).

***** конечно, весьма утомила

***** дворцы (ит.).

***** рожденной

на. Завязался горячий разговор с графом, который оказался истым ретроградом с оттенком немецких баронов. Напрасно было с моей стороны и затевать спор.

Оля ездила сегодня в Ялту, чтобы повидаться с М.А. Кочубей, только что приехавшею в Крым после похорон ее мужа, Василия Аркадьевича.]

26-го ноября. Среда. – Приезд старшей дочери Лизы Шаховской.

4-го декабря. Четверг. – Южный берег совсем опустел; уехал* и ближайший наш сосед Николай Мальцов. Сегодня посетила нас Мария Алексеевна Кочубей, которая только что возвратилась в Ялту из своего полтавского имения, после смерти почтенного Василия Аркадьевича.

13-го декабря. Суббота. – Тревожная ночь! В доме нашем случился пожар, как раз в комнатах больной жены, в верхнем этаже. К счастью, она** раньше, почувствовав запах дыма, перебралась в нижний этаж, в комнату дочери Нади. Уже после ее ухода комнаты ее наполнились густым дымом***. Спавшая в соседней комнате старшая дочь Лиза Шаховская подняла тревогу, сбежались быстро все домашние и рабочие, принялись за рубку пола около тлевшей печи; полились потоки воды, благо имеется она под рукой в изобилии. К рассвету удалось справиться с огнем и остановить грозившую беду; тлевшие балки, пол в двух комнатах верхнего этажа и потолок столовой в нижнем перерублены. Все вещи удалось вынести из обгоревших комнат. Теперь идет деятельно работа очистки мусора, обугленных досок и балок. Приходится изменить на время внутреннее распределение жилых комнат, а затем, с понедельника, приступить к новым, не предусмотренным строительным работам. И вот опять предстоит мне возня с печниками, плотниками, штукатурами, малярами и проч. и проч. Время года для работ очень неудобное: сегодня 2¹/₂° мороза Реомюра; снег идет хлопьями; кругом угрюмый белый покров.

31-го декабря. Среда. – Год закончился у нас как-то особенно меланхолически. Ненастная погода мешала работам, а с наступлением Рождественских праздников и совсем они прекратились****. Только в последние два дня приступлено к плотничным работам в обгоревшей части дома.

---

* на некоторое время

** успела заранее перейти в нижний этаж.

*** Конечно, весь дом поднялся на ноги; послали за прислугой.

**** Поэтому я почти не выходил из дому.

1898-й год

2-го января. Пятница. – Прочел в газетах об увольнении генерала Обручева от должности начальника Главного штаба*, с назначением членом Государственного совета. Это чувствительная потеря для Военного министерства, которое лишается своего единственного (в полном смысле слова) серьезного, умного и способного деятеля. Не суждено было ему стать во главе министерства, как можно было желать и надеяться**. Есть слухи, что оставляет свой пост и генерал Ванновский. Кто то будет его преемником?³²¹ Прискорбно было бы, если б во главе Военного министерства стали такие личности, которые снова задумали бы ломать все существующее, заводить свои новые порядки, проводить какие-нибудь свои личные воззрения***.

Что касается лично Н.Н. Обручева, то все любящие его искренно должны за него порадоваться. Оставление поста начальника Главного штаба**** продлит его жизнь на многие годы. Здоровье его, как говорят, очень расстроено; он изнурился и хилел под бременем громадных трудов и забот*****. В этом отношении я могу, по собственному опыту, судить, как благотельно действует на наш организм переход от жизни суетливой, тревожной, изнуряющей и тело, и душу, к жизни спокойной, беззаботной, независимой, и притом в лучших климатических условиях. Давно уже я был бы в могиле,

---

* и по этому случаю получил очень лестный рескрипт.

** Кто то займет его [Обручева. – *Прим. публ.*] место? Кто заместит и самого Ванновского? Того и смотри, что появятся какие-нибудь ничтожества. Но еще хуже, если выдвинутся такие новые личности, которые <снова задумали бы> <затеят> захотят ломать все существующее.

*** С удалением Обручева рушится главная гарантия прочности, устойчивости того направления, которое было дано военному управлению и организации нашей армии в шестидесятих годах. Из всех других ведомств нашей громадной государственной машины ни одно не могло до сих пор похвалиться такою устойчивостью.

**** спасет ему жизнь на многие лета.

***** лежавшей на нем обузы.

П.С. Ванновский

если б не убрался своевременно из петербургского официального водоворота. В таком смысле напишу завтра же Обручеву. Надеюсь, что между нами сохранятся дружеские отношения до гроба.

Другое значительное известие получено на днях из Петербурга – о смерти графа Делянова. Хотя он был на два года моложе меня, однако ж многие годы уже глядел совсем хилым старичком, засыпал сидя. Никогда не отличался он самостоятельным умом и широким взглядом; всегда подчинялся чужим внушениям и подлаживался веяниям свыше; но в последние годы уже совсем был «un gamolli»*. Смерть его, конечно, не есть потеря для Министерства народного просвещения и для государства. Но и здесь тот же роковой вопрос и то же печальное недоумение: кому же суждено быть преемником усопшего? В настоящее время более чем когда-либо важен выбор лица на этот пост. Сохрани Бог, если этот выбор падет на кого-либо из наших ультра-консерваторов, ретроградов, ханжей из школы Победоносцева. А чего доброго, – пожалуй, вспомнят, что некогда Министерство народного просвещения было соединено с обер-прокурорством Синода!³²² Только того и не достаёт, чтобы бедной России совсем пойти быстро под гору.

---

* расслаблен (фр.).

П.Л. Лобко

4-го января. Воскресенье. – Вечер провел у нас Ник[олай] Серг[еевич] Мальцов, только что возвратившийся из поездки на север.

В газетах появились уже некоторые новогодние новости. Ванновский уволен от должности военного министра, с оставлением членом Государственного совета; исправляющим должность министра назначен генерал Куропаткин; о замещении же Обручева еще нет известия. Куропаткин* выказал себя в Туркестане и в Закаспийском крае отличным офицером, способным и дельным военным начальником; можно надеяться, что он справится с делом и, во всяком случае, Военное министерство ничего не теряет с замещением Ванновского таким человеком, каков Куропаткин. Вопрос может быть лишь в том, удастся ли ему занять подобающее военному министру положение в иерархии военного ведомства так же, как и в общем синклите высших государственных властей, иначе говоря, удастся ли ему поддержать престиж возлагаемого на него звания. Ведь многие, гораздо старшие его личности будут считать себя обиженными**. В числе их вероятно и генерал Лобко,

---

* считается человеком способным и дельным

** назначением Куропаткина.

начальник канцелярии Военного министерства, пользовавшийся особенным доверием и благосклонностию бывшего министра. И вот читаем в газете – о назначении его членом Государственного совета! Не менее неожиданны и другие назначения новых членов Государственного совета³²³. Вообще* за последнее время значительно понижился личный состав этого высшего государственного учреждения** так же, как и самое значение его. Падение это началось с*** удаления великого князя Константина Николаевича от должности председателя****. Было время, когда Государственный совет служил, хотя в***** некоторой степени, уздою своеволию и самодурству министров, насколько это совместимо с самодержавием. Министры не смели тогда по своему произволу и своим личным воззрениям проводить важные государственные меры, помимо Государственного совета, как случается в нынешнее время. Теперь покойник Катков мог бы возрадоваться осуществлению циничных выходов, некогда появлявшихся в «Московских ведомостях» против Государственного совета и Сената, единственных***** у нас поддержек законности против личного произвола.

[10-го января. Суббота. – Целый день с гостями: к обеду – Борис Ник[олаевич] Чичерин с Марией Алек[сеевной] Кочубей, а вечером m-me Ploetz.]

12-го января. Понедельник. – Получил я премилое письмо от Ник[олая] Ник[олаевича] Обручева в ответ на мое по поводу оставления им важного поста в военном ведомстве. По-видимому, он искренно доволен своим освобождением от тяжелого ярма, истощившего его силы и здоровье; он рад тому, что может, наконец, свободно пользоваться жизнью и привольем в своем излюбленном уголке Франции³²⁴.

О назначении нового начальника Главного штаба еще нет в газетах; но по слухам назначен генерал Сахаров. Об этой личности ничего сказать не могу.

---

* в последнее время пополнение Государственного совета поражает своею несообразностию

** хотя и в прежние времена был далеко не на высоте своего значения. Зато заметно понизилось и <само> значение самого учреждения.

*** с времени удаления

**** и замещение его <этой должности> великим князем Михаилом Николаевичем. В прежние времена

***** в известной степени

***** оставшихся у нас наших

А.Н. Куропаткин

В «Инвалиде» подробно описано прощание генерала Ванновского с Военным министерством и прием министерства новым министром, причем приведены и речи, произнесенные тем и другим. Обе речи прекрасны; особенно же произнесенная Куропаткиным, отличающаяся большим тактом и скромностью³²⁵. Между прочим отнесся он замечательно любезно к генералу Лобко, как к своему бывшему учителю, от которого ждет и теперь советов и даже руководства³²⁶. Фраза эта, быть может, грешит излишнею скромностью, несомненною с обязательными отношениями всякого начальника к подчиненному; но дело в том, что молодой министр поставлен в очень щекотливые отношения к старому начальнику канцелярии министерства, остающемуся на своем месте и в то же время получившему новое звание члена Государственного совета. Такое небывалое совмещение в одном лице двух званий* нельзя не признать странною аномалией. Начальник канцелярии Военного министерства, по закону, есть докладчик Военного совета; как же представить себе члена Государственного совета в функции до-

---

* поистине <чрезвычайно> можно счесть <чудовищною аномалией> чудовищным

кладчика в учреждении, стоящем* ниже Государственного совета. Не могу допустить, чтобы такое нелепое совмещение могло установиться надолго; думаю, что оно допущено, как только кратковременная мера, пока новый министр осмотрится и найдет себе надежного помощника на должность начальника канцелярии.

Скачок из начальника канцелярии и докладчика Военного совета прямо в члены Государственного совета – объясняю я себе особенным благоволением Ванновского к генералу Лобко, который, как говорят, имел неограниченное влияние на министра, – влияние, вполне оправдываемое способностями и основательными знаниями Павла Львовича по части военной администрации.

[14-го января. Среда. – Продолжительное и скучное посещение четы Плец. Обрадовались выпавшему снегу и примчались в санях на тройке. Здесь это очень редкая потеха.

Сегодня решен окончательно вопрос о смене нашего бестолокового управляющего Швеца, о чем и объявил я ему. На место его поступает рекомендованный нашими ялтинскими знакомыми латыш Нормец, как знающий дело садоводства и виноградарства. На первый взгляд он произвел на нас хорошее впечатление.

23-го января. Пятница. – Дочь Ольга уехала в Москву на некоторое время отсюда до Севастополя на лошадях в своей карете.

В последние два-три дня погода поправилась: ветер утих, показалось солнце; от бывшего обильного снега и следов не осталось.]

24-го января. Суббота**. – Вчера простились мы с дочерью Ольгой, уехавшей на некоторое время в Москву. Сегодня, пользуясь хорошим днем, ездил я в Ялту, навестить наших приятелей.

26-го января. Понедельник***. – Провели мы приятно несколько часов с посетившими нас Чичериными и М.А. Кочубей****. Чрез несколько дней они уезжают из Крыма: Чичерины – за границу, а Мария Алексеевна – в свои имения, в Малороссию.

28-го января. Среда*****. – Опять приходится сменять управляющего. Поступивший на эту должность в октябре 1896 года

---

* гораздо

** Наконец решил я воспользоваться хорошим днем, чтобы съездить в Ялту, посетить Чичериных и Марию Алексеевну Кочубей, и кстати сделать визит графине Бобринской (belle soeur князя Михаила Долгорукова) и по пути Евреиновым и Плетцу.

*** Посетили нас Чичерины и Мария Алексеевна Кочубей; приехали к обеду и оставались до наступления темноты. Как всегда, провели мы

**** и расстались, вероятно, надолго.

***** Давно уже сильно озабочивало нас приискание человека на должность управляющего.

малоросс Швец*, человек простой, полуграмотный, казавшийся первоначально честным и исправным исполнителем своих немудреных обязанностей, обнаружил потом такие странности в поведении, что долее терпеть его сделалось невозможным. На место его поступает с 1-го февраля некто** Нормец, родом латыш, рекомендованный нам как*** хороший садовник. По-видимому, это не совсем такой человек, какой нам нужен; но решаемся взять его на испытание; хватаемся за первого явившегося кандидата, дабы не откладывать решенной уже смены.

Работы в обгорелой части нашего дома идут довольно успешно; приступлено к оштукатурке внутренних стен.

[31-го января. Суббота. – Опять все бело кругом дома. Настоящая русская зима. Даже моря не видно за хлопьями снега.

1-го февраля. Воскресенье. – Прибывший вчера новый управляющий Нормец вступает сегодня в должность на место Швеца.

4-го февраля. Среда. – Вчера вечером распростился я с прежним нашим первым министром – Швецом, а сего дня он уже уехал, но пока только один, без семьи. По его просьбе дан 10-дневный срок, чтобы семья собралась в дорогу, а пока новый министр – Нормец останется один, без своей семьи. Он только что знакомится еще с предстоящим ему делом; как-то сладит он с ним – пока трудно еще предсказать. В последние дни работы почти совсем прерваны из-за погоды, конечно, кроме внутренних в доме.]

11-го февраля. Среда. – Дождались, наконец, давно обещанной удельным ведомством приемки нашего прошлогоднего молодого вина****. Под вечер приехал и сам господин Волжанинов – доверенное от удельного ведомства лицо*****.

---

* который сделался совершенно невыносимым

** Антон Карлович

*** как специалист по садоводству, но знаком и с делом виноградарства. Удачно или неудачно решена задача, покажет время. Во всяком случае, мы все, имевшие дело с бестолковым и сумасбродным Швецом, радуемся избавлению от него.

**** С октября месяца исполнение все откладывается под разными предлогами. Сегодня с утра присланы из Масандры пустые бочки и началась приемка вина.

***** заведующий покупкою вин <по этому делу>.

Обедал у нас Н.С. Мальцов. Завтра он уезжает на несколько месяцев.

После продолжительного дождливого времени, погода, кажется, проясняется.

Газеты* переполнены толками о процессах Дрейфуса, Эстергази, Зола. Вся Франция в страшном** возбуждении. Трудно предвидеть, как разыграется этот*** чудовищный кризис³²⁷.

[14-го февраля. Суббота. (Масленица). – Сегодня утром увезли в Масандру последние бочки с молодым вином.]

1-го марта. Воскресенье. – Печальная телеграмма от дочери Ольги из Никольского³²⁸ о кончине молодой графини Елизаветы Адамовны Олсуфьевой. Смерть ее была, по-видимому, внезапная; известно, что у нее был порок сердца. Это большая утрата для всей семьи, также для Оли, с которою покойная была очень дружна. Да и все мы скорбим об этой симпатичной, умной, образованной, энергичной личности. Она была душою семьи; ею держались в Никольском и больница, и школа и другие полезные заведения. Все близко знавшие ее будут огорчены преждевременною и совсем неожиданною ее кончиною.

[2-го марта. Понедельник. – Приезжал к нам полковник Карцов (Петр Александрович) – один из сыновей покойного моего товарища и друга Александра Петровича Карцова, командир полка в Кубанском казачьем войске. Приезд его в Крым вызван был недавнею смертью в Ялте старого моего знакомого и подчиненного инженера путей сообщения Статковского, заслужившего известность службою на Кавказе. Одна из дочерей его замужем за братом Петра Карцова, также служащим на Кавказе. Братьев Карцовых мы знавали детьми, и рады были видеть одного из них, вспомнить старину.

13-го марта. Пятница. – Грустное настроение в нашей семье: общий любимец, всеми балованный маленький песик «Бобби» вчера вечером кончил жизнь после довольно продолжительной болезни. Надя в особенности нянчила его больного, похоронила его сегодня близ дома, под дубом и над могилкой положила камень.

Уже несколько дней я не выхожу из дома: простудился и боюсь расхвораться серьезно. К тому же погода по-прежнему ненастная; солнце совсем не показывается; холодно.]

19-го марта. Четверг. – Более недели не выходил я из дома, чувствуя простуду; к тому же и погода была до сих пор ненастная.

---

* полны исключительно

** и почти непонятном

*** непонятный <загадочный>

Только сегодня нашел возможным обойти производимые в разных местах работы*.

26-го марта. Четверг**. – Сегодня утром старшая дочь Лиза Шаховская уехала в свою эстонскую пустынь***.

5-го апреля. Светлое Воскресенье. – Пасху встретили мы в обычном одиночестве и полном спокойствии. Необыкновенно запоздалая и холодная весна. Эту ночь термометр опустился почти до нуля****. Впрочем, нам в Крыму не приходится жаловаться, зная из газет, какие небывалые холода, снега и вьюги свирепствуют в других странах, лежащих еще южнее Крыма – в Закавказье, Малой Азии, Греции*****.

[7-го апреля. Понедельник*****. – Совсем неожиданный посетитель – племянник моей жены Михаил Евгеньевич Понсэ, известный в семье под прозвищем «Мика». По каким-то делам своего тестя Пуришкевича и по собственным своим служебным видам он был в Петербурге и оттуда прилетел сюда только для того, чтобы переговорить со мною по поводу этих дел. Приезд его совершенно напрасный; ничем пособить ему я не могу. Завтра же он возвращается в Петербург в надежде все-таки добиться там желаемого им и тестем его благоприятного решения. Телеграмма из Курска, извещающая о приезде к нам в четверг сына.]

8-го апреля. Среда*****. – Два дня провел у нас племянник жены моей Михаил Евгеньевич Понсэ. Сегодня посетили нас княгиня Трубецкая и Мария Алексеевна Кочубей с братом своим графом Дмитрием Алексеевичем Капнистом*****.

---

* Наконец погода, как кажется, установилась весенняя. Пора.

** Опять проводы и прощания.

*** Грустно было расставаться, не зная на сколько времени. Она проведет несколько дней в Москве, а затем возвратится в свой скит в Эстляндии.

Вчера была у нас Мария Алексеевна Кочубей, как всегда бодрая и энергичная.

**** На горах кое-где снова виден снег.

***** Там население страшно бедствует.

Светлое воскресенье у нас отличается от будничного дня только христосованьем с домашними.

***** вторник. два дня провел у нас

***** В первый раз удалось мне сделать по-прежнему прогулку до Алупки. После обеда съехались гости.

***** и княгиня Трубецкая, и m-me Плец, и генерал Шурмилен. Последний уже за несколько дней предварил меня о своем приезде телеграммою с Бельбека, где он временно находился по семейным делам. Некогда он служил в Главном штабе, в качестве штаб-офицера Генерального штаба, а поз-

Главным предметом беседы с графом Капнистом были наши восточные дела, близко известные ему, как бывшему директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Он, конечно, отзывается критически о нашей политике за последнее время как относительно Крита, так и Дальнего Востока* и занятия Порт-Артура³²⁹. О новом министре иностранных дел графе Муравьеве он невысокого мнения.

9-го апреля. Четверг. – Приехал из Курска сын, всего на два дня**. Получил я от великого князя Владимира Александровича, как главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского округа***, уведомление об избрании меня в почетные члены вновь открытого в Петербурге общего офицерского собрания армии и флота. К письму Его Высочества приложены**** описание и планы выстроенного для собрания великолепного здания³³⁰. В прежнее время даже во сне не приснился бы отпуск такой громадной суммы, какая употреблена на эту постройку и на обзаведение собрания. Издержка эта особенно поражает по сравнению с нищенским размером тех средств, на которые содержатся офицерские собрания в армейских войсках.

[11-го апреля. Суббота. – Под вечер уехал от нас редкий и дорогой гость. По всем вероятностям не увидимся с ним до осени, так как он намерен провести лето за границей.

18-го апреля. Суббота. – Ездил в Ялту. Навестил Марию Алексеевну Кочубей, простился с нею и с ее братом графом Д.А. Капнистом; они вместе уезжают завтра: она в Харьков, на ко-

---

же в интендантстве и был командирован за границу во время Франко-прусской войны. Поэтому мне случалось быть с ним в непосредственных служебных отношениях. Теперь он бригадный командир в одной из дивизий Виленского округа и, приехав в Крым на несколько дней, счел своим долгом навестить меня.

От графа Капниста наслушался я некоторых рассуждений относительно настоящего хода восточной нашей политики, с которою он несколько знаком.

* он оказывается, между прочим, <порицает> противником занятия Порт-Артура и отзывается не совсем лестно о нынешнем министре иностранных дел графе Муравьеве, который, по словам Капниста, не имел своих убеждений и определенного плана, заботится только о том, чтобы угождать моллоду царю беспрекословным приведением в исполнение всех его резолюций и отметок на подносимых к докладу бумагах.

** только чтобы повидаться с нами.

*** благосклонный рескрипт

**** несколько брошюр

роткое время, а он возвращается в Петербург. На возвратном пути заезжал я к Евреиновым и Руденко. Погода благоприятная, но еще свежо.]

19-го мая. Вторник^{*}. – Давно не открывал своего дневника; так однообразна и бессодержательна наша жизнь, что почти не стоило бы и вести дневник^{**}. На сей раз могу только отметить, что на днях съездил я в Ялту и в Наташино; навестил только что приехавшую Мальвину Егоровну Лаврентьеву, которая сегодня провела у нас большую часть дня с племянницей своею М.О. Гельфрейх^{***}.

[**19-го мая. Вторник.** – Большую часть дня провела у нас Мальвина Егоровна Лаврентьева с племянницей своею Мариєю Оскаровной Гельфрейх.]

21-го мая. Четверг^{****}. – К обеду приехали из Ялты князь Ливен (Андрей Александрович) с дочерью и с баронессой Натальей Модестовной Фредрихс – давнишнею приятельницей моих младших дочерей. После обеда сделали мы с гостями прогулку до самого верха Байрам-бахчи; я показывал им наши водопроводные сооружения. В особенности любопытствовала видеть их баронесса Фредрихс, которая сама приступает к устройству своей дачи в Ялте^{*****}; также и князь Ливен только что водворился в приобретенном им доме в старых кварталах Ялты^{*****}, на возвышенной местности, с которой открывается обширный, великолепный вид^{*****}.

---

* В продолжение целого месяца не открывал я своего дневника.

** ежедневно надзор над работами в имении – строительными и садовыми, чтение журналов и немногих получаемых новых книг, изредка посещение <немногих> некоторых знакомых, вот и все. Да и теперь открываю свой дневник только для того, чтобы только занести вчерашнюю мою поездку в Ялту, где давно мне нужно было побывать по некоторым делам, на этот раз проехал до Наташино для посещения вновь приехавшей <навестить приехавшую> Мальвину Егоровну Лаврентьеву и племянницу ее Марию Оскаровну.

*** В продолжение этого месячного промежутка между двумя моими поездками в Ялту, удалось мне, наконец, справиться с отделкою внутреннею в доме после бывшего пожара, по отделке обгоревших комнат, так что на днях надеемся произвести перемещение в эти комнаты, по-прежнему.

**** Опять день с гостями:

***** на купленном ею участке из бывшего имения Дондукова-Корсакова, выше дач Самарина, Долгорукого и Кочубея.

***** по-моему, очень неказистых, но по его словам

***** с князем Ливеном можно провести хоть целый день не скучая; он человек с разносторонним образованием, весьма развитой и с хорошим направлением. В беседе с ним коснулись мы и нынешних дел политических, и те-

[22-го мая. Пятница. – Приходил наш сосед Иван Сергеевич Мальцов, только что приехавший из Петербурга на короткое время.]

24-го мая. Воскресенье. – Наконец справились мы с работами в нашем доме; следы пожара окончательно исчезли. Больная моя жена перешла в свои прежние комнаты и в первый раз сегодня обедали мы в прежней столовой*.

[26-го мая. Вторник. – Обедали у нас соседи – оба брата Мальцовы.]

29-го мая. Пятница. – Сегодня празднуется в Туркестанском крае двадцатипятилетие, истекшее со времени занятия Хивы русскими войсками. По этому случаю я удостоится получить от Государя весьма** лестную телеграмму, в которой вспоминается и мое участие, как военного министра, в приготовлениях, снаряжении и направлении*** отрядов, совместным действием которых достигнуто окончательное утверждение русского владычества в Средней Азии. Вслед за телеграммою получил я с почты и письмо генерала Куропаткина по тому же случаю. Нельзя не ценить такого выражения царского внимания к старым участникам давно минувших событий****. Немедленно же послал я ответную телеграмму на имя Его Величества, а завтра напишу ответное письмо генералу Куропаткину³³¹.

Царская телеграмма и письмо военного министра получены во время нашего обеда, в присутствии гостей: Самариных и Марии Алексеевны Кочубей. Самарины, пробывшие около пяти месяцев в Париже, в самый разгар волнений по поводу процесса Зола, вынесли***** убеждение в действительной виновности Дрейфуса; они, по-видимому, подпали под влияние усилившейся во Франции

перешнего <низкого> жалкого, печального уровня наших высших правительственных сфер. Чем более узнаем о том, что делается в Петербурге и что за личности стоящие во главе правления, тем становится прискорбнее и безнадежнее.

* которая приняла более благообразный вид.

** лестный Высочайший рескрипт

*** с трех сторон

**** Разумеется

***** впечатление вполне согласное с настроением большинства парижской публики, то есть в смысле полной уверенности в преступности Дрейфуса и враждебности к Зола. По рассказам Самариных, вообще замечается в <общем существующем> настроении умов Франции какая-то странная путаница понятий, шаткость, неудовлетворенность настоящим положением дел.

антиреспубликанской агитации. Впрочем, их же собственные рассказы наглядно выказывают, до чего дошла там путаница в настроении умов. Партии, ополчившиеся против существующего государственного строя, не разборчивы на орудия борьбы; они прибегают к интриге, клевете, фальсификациям, явной лжи³³². Очень трудно разобраться в этом хаосе понятий, интересов и целей. Как то выпутается из этого хаоса бедная Франция?

2-го июня. Вторник. – Ездил в Ялту³ по делам домашним; посетил наших приятелей и простился с отъезжающими. Ялта в больших попыхах по случаю чествования французских моряков стационара «Lege», навещающего поочередно русские порты. Сегодня угощают их обедом, иллюминацией и проч.

Рано утром² получил я телеграмму за подписью генерала Троцкого от имени участников Хивинского похода 1873 года, собравшихся в Вильне к обеду по случаю 25-летней годовщины этого события³³³.

4-го июня. Четверг. – Посетил нас сегодня Гарфорт, бывший некогда английским консулом в Севастополе. В свое время он пользовался самым радушным гостеприимством у Воронцовых³³⁴, имел даже собственную дачу в Алушке. Прошло, кажется, уже два десятилетия с тех пор, как он покинул Крым; был долго консулом на Канарских островах; теперь же перемещен на должность консула в Новую Каледонию (французская колония в Тихом океане, ссылочное место преступников); но³³⁵ сохранил такую привязанность к Крыму, такие дружеские отношения к прежним приятелям³³⁶, что продолжает по временам навещать наш южный берег, не страшась дальнего пути. В приезды свои он, по обыкновению, гостит у князя Трубецкого, не забывает навесить и нас. Оригинален этот отличается от большинства его соотечественников искренним добродушием.

---

* чтобы кое-что закупить для дома и вместе с тем отдать визит князю Ливену, Кочубеям, Самариным и баронессе Фредрихс. Кочубей и Самарины на днях уезжают из Крыма.

** когда я был еще в постели

*** как старика Семена Михайловича, так и сына князя

**** но несмотря на то, сохраняет до сих пор какую-то сердечную привязанность к Крыму.

***** каждые три года он навещает Крым, не страшась отдаления и таким образом совершает как прогулку кругосветное путешествие. В настоящий свой приезд он гостит у князя Трубецкого; каждый раз не забывает он и навесить <и нас> меня.

8-го июня. Понедельник. – Вчера вечером приехал Ф.К. Гершельман с обоими своими детьми – нашими внуками, – Дмитрием и Наталией. Я не видел их около 10 лет, с тех пор, как их привозила сюда тетка их Юлия Константиновна Гершельман. Тогда они были еще совсем младенцами; теперь же мальчику 17 лет, а девочке – 15. Конечно, я не узнал бы их*. Воспитывается мальчик в Петербургском лицее³³⁴ и на счету лучших учеников; девочка – в Екатерининском институте. Наружностью своею она очень напоминает покойную свою мать – нашу дорогую Лелю.

12-го июня. Пятница**. – Ф.К. Гершельман, получив неожиданное предложение занять место губернатора в Кутаисе, нашел нужным неотлагательно отправиться в Тифлис, для личного изъяснения начальству своего согласия на такое назначение.

18-го июня. Четверг. – Молодежь наша отправилась на Ай-Петри. Дочь Надя придумывает для наших внуков ежедневные прогулки и развлечения и, как кажется, они довольны своим здесь пребыванием.

Послеобеденное время провели у нас Мальвина Егоровна Лаврентьева и племянница ее с двумя дочерьми и сыном. За отсутствием Нади мне пришлось занимать гостей, угощать их прогулкою по нашим чаирам³³⁵. Уехали они после ужина, при свете полной луны***.

21-го июня. Воскресенье. – Ф.К. Гершельман возвратился из поездки на Кавказ****.

Дочь Надя ездила с Гершельманом и его детьми в Алупку, любоваться со знаменитой террасы Воронцовского замка полною луной, а потом затмением, наступившим в 10 часов вечера и продолжавшимся до часа ночи. Затмение было почти полное.

23-го июня. Вторник. – В половине будущего августа предстоит торжественное открытие и освящение памятника императору Александру II в Москве. От канцелярии Императорской Главной квартиры получена об этом повестка с требованием от всех лиц,

---

* Приезд их, конечно, доставил большое удовольствие бабушке их, которая также не видела своих внуков лет пять.

** Обедали у нас Сергей и Николай Мальцовы, третий брат Иван уехал на днях к себе в Петербург. После обеда простились мы с Федором Константиновичем Гершельманом, впрочем, на короткое время.

*** Надя с внуком возвратилась из предпринятой дальней экскурсии уже во втором часу ночи. Погода наступила жаркая.

**** Вечером посетили нас братья Мальцовы, чтобы проститься перед отъездом.

служивших в свите Государя в царствование Александра II, уведомления о том, кто из них предполагает прибыть в Москву на предстоящее торжество. Конечно, я поспешил откликнуться, что поставлю себе в неперменный долг присутствовать при этом торжестве, если только не воспрепятствует состояние здоровья. Сегодня же получаю от гофмаршала Императорского двора особое приглашение по тому же случаю от Высочайшего имени, с извещением, что на время моего пребывания в Москве будет отведено мне помещение в самом Кремле. Этот новый знак внимания молодого Государя к старым слугам его царственного деда окончательно утверждает меня в намерении выглянуть еще раз из своего добровольного заточения, чтобы личным своим появлением на одно мгновение в давно покинутой блестящей среде выразить свое неизменное чувство благоговения к памяти благодушного царя-освободителя, царя-реформатора.

27-го июня. Суббота. – Снова опустел наш дом: Гершельман с детьми своими уехал[”] обратно в Петербург. Внуки наши оставили здесь хорошее впечатление^{””}.

28-го июня. Воскресенье. – Сегодня наступил 83-й год моей жизни. Достигнуть таких лет^{”””} суждено немногим. Хотя в последние годы, по естественному закону, и замечаю в себе^{””””} постепенное понижение сил и телесных, и^{”””””} душевных, – однако ж я должен считать за особенное счастье, что до сих пор избавлен от обычных старческих немощей^{””””””}. Этим редким благом обязан я в значительной доле Крыму, тому, что вовремя освободился от губительных треволнений петербургского официально го мира и нашел себе здесь, в^{”””””””} благодатном климате, спокойный приют на остаток жизни.

12-го июля. Воскресенье. – В своей последней отметке я как будто сглазил себя: вот уже дней десять, что прихворнул; все признаки лихорадки. Однако ж я продолжал почти все дни выходить на работы, иногда чрез силу. Сегодня чувствую себя^{”””””””””} бодрее.

---

* особого

** рано утром на пароходе для возвращения в Петербург.

*** и распростились мы с ними с сожалением.

**** достается

***** во многих отношениях

***** умственных

***** и еще чувствую себя бодрым в обоих отношениях физическом и психическом.

***** благотворном

***** лучше

Совершенно неожиданно обрадовал нас своим появлением доктор Крюков – московский окулист, который пять лет тому назад делал операцию моей жене, пользовал ее и внушил ей полное к себе доверие. В виде отдыха на каникулярное время он приехал в Крым и поселился в ближайшем нашем соседстве – в Симеисе Мальцовском*. В первое же посещение он подробно осмотрел глаза больной и обещал чрез несколько дней побывать вторично.

14-го июля. Вторник. – Ходил я в Симеис, отдать визит Крюкову. Познакомился с его женой, которая родом из Сербии, очень любезная и образованная дама. У них двое детей: мальчик и девочка.

20-го июля. Понедельник. – Вчера приехала с Кавказа племянница Лена Милютина** с намерением продолжать чрез некоторое время путь за границу.

Сегодня ездил я в Ялту и Наташино***.

27-го июля. Понедельник. – Профессор Крюков вторично осматривал глаза моей**** жены*****. Хотя мы несколько не ободряем себя надеждами на существенную пользу этих визитов, однако ж симпатичная внимательность, с которою Крюков всегда относился к моей больной жене и доверие, которое он внушил ей, все-таки приносят пользу нравственную, успокоительно действуют на больную. Дня чрез два он уезжает обратно в Москву.

[28-го июля. Вторник. – Большую часть дня провели у нас князь А.А. Ливен и баронесса Нат[алья] Мод[естовна] Фредрихс. Последняя была в юности подругой и в товариществе с племянницей моей Леной Милютиной и пожелала свидеться с нею после многих лет разлуки. Князь Ливен очень приятный собеседник, человек с многосторонними познаниями и большою начитанностью.

Хороший дождь с грозой освежил воздух.

29-го июля. Среда. – Приезд А.В. Волжанинова для объяснений по вопросу о покупке удельным ведомством нашего молодого

---

* Как не воспользоваться таким дорогим соседством.

** после многих и долгих отсрочек решила, наконец, подняться в путь: сегодня она прибыла на пароходе с намерением отсюда отправиться за границу.

*** Виделся с князем Ливеном и баронессой Натальей Модестовной Фредрихс. М.Е. Лаврентьева и А.В. Волжанинова не застал дома.

**** бедной

***** Единственная польза, какую могут принести эти посещения – это нравственное облегчение больной. Симпатичная личность Крюкова внушает ей доверие.

го вина предстоящего в нынешнем году урожая, по примеру двух предшествующих лет. Ничего положительного о решении вопроса он не мог мне сказать; те предположения, которые высказаны им, далеко не одобрительны для хозяев-виноделов.]

11-го августа. Вторник. – С воскресения гостила у нас Мальвина Егоровна Лаврентьева с племянницей своей* М.О. Гельфрейх. Сегодня после обеда они уехали.

Последние дни были употреблены мною на сборы в дорогу. Завтра выезжаю на предстоящее в Москве торжество**.

14-го августа. Пятница. Москва. – Выехав из Симеиса в среду, 12-го числа, на почтовых в Севастополь, а оттуда по железной дороге, прибыл в Москву сегодня около 10 часов утра. Поезд был набит битком; места в вагонах брались чуть не штурмом. Однако ж мне посчастливилось отстоять свое право на данный мне в Севастополе малый купе. Погода днем жаркая; ночи прохладные.

В Москве встретили меня на вокзале дочь Ольга, Н.П. Горбунов и князь Николай Шаховской. Помещение отведено мне в Кремле, в так называемом Кавалерском флигеле³³⁶; на все время пребывания в Москве дан мне придворный экипаж. С той самой минуты, как вошел я в приготовленные мне комнаты, начали появляться посетители, один за другим, без перерыва, так что не дали мне даже оправиться с дороги***. В числе первых посетителей были сын мой, только что приехавший из-за границы, и бывший адъютантом моим генерал И.А. Арапов, а затем с особенным удовольствием свиделся**** с графом Фед[ором] Логг[иновичем] Гейденом и Ник[олаем] Ник[олаевичем] Обручевым. Таким образом, не удалось мне в первый же день по приезде представиться, как я предполагал, главному местному начальству – великому князю Сергею Александровичу и великой княгине Елизавете Федоровне. Только вечером побывал я у Шаховских (у которых поселилась дочь Ольга), у Горбуновых и графа Ф.Л. Гейден.

15-го августа. Суббота. – Сегодня по случаю праздника Успения не было официального приема у великого князя Сергея Александровича; все прочие, уже прибывшие в Москву, особы царской семьи находились утром в соборе или не принимали. Поэтому

---

* Марией Оскарвной

** открытия памятника императору Александру II.

*** переодеться и тем более нечего было и думать о

**** хотя на несколько только минут

большую часть утра употребил я на подписание своего имени в книжках, выложенных у швейцаров. Случайно встретился в сенях Николаевского дворца с великим князем Алексеем Александровичем и застал в Нескучном дворце³³⁷ принца Мекленбургского. Там же, в Нескучном, посетил я фельдмаршала Гурко*.

В 5-м часу** на Николаевском вокзале встреча их величеств. По всем улицам на пути их выстроены были шпалерами войска и тянулась непрерывная полоса народа, ожидавшего царского поезда. В устроенном специально на этот случай павильоне на станции Николаевской железной дороги пришлось нам прождать довольно долго, так что я имел время обменяться приветствиями с большим числом разных старых сослуживцев, приятелей и знакомых. Тут же встретился и со всеми особами царской семьи***. Великая княгиня Александра Иосифовна и дочь ее королева Греческая, а также великая княгиня Мария Павловна отнеслись ко мне особенно любезно. Наконец дождались мы и царского поезда. Проходя мимо меня, Государь подал мне руку и сказал несколько слов****; у Государыни императрицы поцеловал руку.

Возвратившись домой, нашел я у себя на столе целый лист с именами посетителей и кучку визитных карточек. Вечером навестила меня дочь Ольга и на минуту заехал князь Михаил Ростиславович Долгорукий. Виделся еще с племянницей Пашей Милютиной, только что приехавшей из Петербурга на завтрашнее торжество.

16-го августа. Воскресенье. 4 часа пополудни. – Только что возвратился с торжества***** утомленный и ошеломленный*****. Постараюсь, сколько могу, записать последовательно все, что происходило в это утро.

Назначенный на нынешний день дежурным***** генерал-адъютантом, я***** находился неотлучно при Государе во все

---

* которого однако ж не мог видеть.

** большой съезд

*** Многих из них я не узнавал, так они переменялись, самое же молодое поколение и не мог знать.

**** императрица подала мне поцеловать руку.

***** открытия памятника императору Александру II.

***** под живым впечатлением новой оказанной мне совершенно неожиданной и глубоко удивившей, поразившей меня царской милости – производством в чин генерал-фельдмаршала.

***** при Государе

***** разумеется

Открытие памятника императору Александру II в Москве

продолжение церемонии. Вместе со мною дежурными были генерал-майор свиты князь Голицын и флигель-адъютант барон Корф, как старшие в своих званиях. Втроем выждали мы в Екатерининской зале царского выхода, после приема послов: генерала Вердера – от императора Германского и князя Лихтенштейна – от Австро-Венгерского. С ними обоими имел я время обменяться несколькими обычными в таких случаях фразами, так же как со многими, собравшимися в той же зале, придворными лицами и дамами. Около половины 11-го часа началось шествие по дворцу на Красное крыльцо. В Александровской и Круглой залах шествие останавливалось несколько раз для выслушания адресов от разных сословий. Особенное значение имели, разумеется, адреса Московского дворянства [и] земства³³⁸. Первый был довольно длинен и прочитан громогласно московским дворянским предводителем князем Трубецким. Государь отвечал на обе речи; но мне не удалось расслушать его ответы. С Красного крыльца, обычным порядком, Государь поклонился народу, затем шествие направи-

лось по мосткам в Успенский собор и, после чрезвычайно длинной службы церковной, продолжалось в Чудов монастырь³³⁹, оттуда в Николаевский дворец, где назначен был завтрак, собственно для царской семьи.

Со вступлением в Николаевский дворец вся свита удалилась в разные части дворца, для непродолжительного отдыха до 2-х часов пополудни – часа назначенного для главной церемонии – освящения и открытия памятника. В тот момент, когда я вместе с другими уже покидал царские покои, Государь подозвал меня и с обычною своею* благосклонностью объявил мне о производстве моем в чин генерал-фельдмаршала. Совершенно озадаченный такою неожиданностью, я не скрыл от Государя крайнего своего смущения и умолял Его Величество отменить такое незаслуженное мною повышение**. Государь в свою очередь видимо был озадачен столь же для него неожиданным моим ответом на объявленную мне высокую милость и сказал только: о том, заслужена ли Вами такая награда, предоставьте судить мне. Все это происходило ввиду всей окружавшей Государя царской семьи, со включением иностранных принцев и принцесс. Я удалился взволнованный и отуманенный; на пути в Большой дворец на завтрак у министра Двора барона Фредерикса я чувствовал сам, как поступил неловко в отношении молодого царя; но в то же время невыразимо тяжело было мне думать, что приходится носить такое звание, которое мне вовсе не по плечам, несоответственное моим наклонностям, привычкам, образу жизни***. В памяти моей промелькнули другие, подобные настоящему, эпизоды в моей жизни: как мы с женой чуть не со слезами приняли известие о назначении меня «в свиту»; как позже были мы опечалены призыванием меня с Кавказа на пост товарища министра³⁴⁰. Больших усилий стоило мне скрыть волновавшие меня чувства от всех лиц, собравшихся на завтрак у барона Фредерикс. Никто из них не знал еще об оказанной мне Высочайшей милости; кажется, она была неожиданна для всех****.

Около 2 часов пополудни вся свита и все участвовавшие в шествии лица собрались опять в Чудов монастырь, откуда вскоре и началась торжественная процессия. Впереди шло многочисленное

---

* добродушною

** на высшую ступень военной иерархии.

*** Невольно вспомнил я

**** не исключая и военного министра.

Император Николай II

духовенство с хоругвями и крестами. Погода была превосходная. Все площадки между соборами и памятником кишели народом; трибуны заняты зрителями. Церемония была в высшей степени внушительная, блестящая. После длинной службы освящения памятника, когда все присутствовавшие пали на колена, при звоне колоколов и пушечной пальбе, опустилась завеса, скрывавшая статую императора Александра II – это был истинно величественный* апофеоз Царя-Освободителя. На многих лицах, даже в толпе народа, замечалось восторженное настроение, на многих даже слезы. В первый раз случилось мне видеть церемонию, имевшую глубокий, исторический смысл, доступный пониманию не только меньшинства образованных людей, но и простонародия. Настала, наконец, минута торжественного воздаяния должной почести, заслуженной славы – Царю-мученику, а в лице его и совершенным в его царствование великим государственным реформам.

Их Величества со всею царскою семьей обошли кругом памятника; митрополит окроплял его святой водой. Затем Государь вы-

---

* блестящий

шел вперед к выстроенным на площадке частям войск и, обнажив шашку, провел их церемониальным маршем пред памятником. Это был второй внушительный момент.

После описанного торжества назначено было угощение прибывшим со всех концов России старшинам и представителям всех народностей, а также нижним чинам – георгиевским кавалерам. Столы были расставлены под шатрами на внутреннем дворцовом дворе, кругом древней церкви Спаса на бору³⁴¹. Государь обошел все столы, обращался ко многим из угощаемых с вопросами и в заключение выпил чарку водки за здоровье стариков-кавалеров Св. Георгия и народных представителей.

На пути в свои покои Государь приказал мне войти вслед за собою в его кабинет, тот самый, в котором столько раз случилось мне некогда докладывать дела покойному, ныне прославленному императору. И Государь, и я сели на те же самые места, на те же кресла и за тем же столом, где принимал доклады Александр II. Государь очень благосклонно и добродушно спросил меня, почему пожалованная мне награда произвела на меня такое смущение. Я позволил себе прямо высказать Его Величеству, что в общем понятии, фельдмаршальский чин считается высшею наградой за важные *боевые* подвиги, жалуется главнокомандующим за блестящие успехи на войне; я же во всю свою многолетнюю службу никогда и никакою частью войск не командовал, и потому на совести моей будет – носить почетный титул, мною незаслуженный. На это Государь возразил указанием на совершившиеся под моим прямым руководством важные реформы и улучшения в управлении военном и устройстве армии, на заслуги мои на Кавказе и в последней войне с Турцией, и проч. Затем** высказано было Государем, что в лице моем воздается подобающая почеть великим деяниям самого императора Александра II, так как я остаюсь единственным из ближайших его сотрудников и исполнителей его благотворных предначертаний. С радостью ухватился я за высказанные Государем слова***, чтобы выразить, какое отрадное значение представ-

---

* участие в военных действиях

** прямо

*** чтобы всему сегодня происходившему торжеству придать важное значение <прославления> провозглашения с высоты престола тех великих деяний Александра II, против которых осмеливались <порицать> с такою дерзостью поднимать голос тупоумные или своекорыстные порицатели совершенных великих государственных реформ.

ляет нынешнее торжество для всех, кому дорога память о Царе-Освободителе: это всенародное, с высоты престола, прославление его царствования заставит, наконец, умолкнуть безрассудных порицателей благодетельных для России реформ. В заключение разговора Государь навел речь на воздвигнутый новый памятник и* спросил, какое впечатление произвел он на меня. Я высказал свое мнение со всею откровенностью. Государь соглашался со мною, что в этом сооружении хороша только самая статуя императора, проектированная художником Опекушиным; в архитектурном же отношении особенно неудачна галерея, окружающая памятник; недостатки ее не выкупаются прекрасными деталями** и роскошным материалом.

Беседа наша продолжалась более четверти часа; отпуская меня, Государь вручил мне прекрасную табакерку, украшенную бриллиантами, с портретами его самого и деда его Александра II, причем сказал, что это соединение двух портретов будет, конечно, приятным для меня напоминанием о сегодняшнем знаменательном торжестве. Глубоко был я тронут этим новым выражением внимания молодого царя к старику, усердно послужившему его деду³⁴².

11 часов вечера. Только теперь возвращаюсь с большого парадного обеда в Александровской зале дворца с музыкой и пением. Зала эта великолепна при роскошном освещении. Днем она несколько темна. После обеда Их Величества долго обходили всех приглашенных и разговаривали со многими так, как будто и не чувствовали никакой усталости от целого дня, проведенного на ногах. О полученном мною повышении уже всем известно, и мне пришлось принимать бесчисленные поздравления со всех сторон. По-видимому, оказанная мне царская милость принята в публике с сочувствием. Многим известно, как принята мною полученная высокая награда; высказанные мне сочувственные приветствия несколько*** облегчают первоначальное тяжелое впечатление.

Возвратившись в свои комнаты, нашел у себя давно ожидавших меня дочь Ольгу и племянницу Пашу; но они оставались недолго. Кончаю этот тревожный для меня день в таком утомлении, что с трудом держу перо и едва собираю мысли.

---

* на предположенный другой памятник императору Александру III.

** в отделке превосходным материалом.

*** примиряют меня с выпавшею на меня <озадачившею> так неожиданностью

*Д.А. Милютин
в Москве. 1898 г.*

17-го августа. Понедельник. – Еще тяжелый день. Утром – смотр войскам на Театральной площади и непосредственно затем – большой парадный завтрак во дворце; а вечером – бал у великого князя Сергея Александровича, с которого вернулся домой не ранее двух часов ночи*.

Еще вчера великий князь Михаил Николаевич** прислал мне свои фельдмаршальские эполеты. Разумеется, я поспешил сегодня поехать к Его Высочеству, чтобы принести сердечную благодарность за такое любезное внимание. Глубоко трогает меня общее сочувствие, с которым принято пожалование мне фельдмаршальства. Признаться, я никак не ожидал, что оно произведет такое впечатление***. В большинстве публики мое повышение принято как почесть, оказанная памяти Царя-Освободителя и великим его

---

* В промежутке между парадом и балом разъезжал я с визитами.

** тронул меня своим любезным вниманием

*** не говоря уже о военных, сановники всех ведомств и даже дамы осыпают меня самыми сочувственными приветствиями и хотя я продолжаю высказывать, что считаю себя награжденным не по заслугам, однако ж в большинстве публики <слышу> мое повышение принимается, как воздаяние оказание почести Царю-Освободителю.

реформам. В моем лице чествуют его деяния. Так старое знамя выносится из темного угла арсенала по поводу торжества в память давно минувшего события. На бале у великого князя Сергея Александровича подходили ко мне с приветствиями многие из знатных москвичей и некоторые дамы; великая княгиня Мария Павловна, посадив меня возле себя, долго беседовала очень любезно. За ужином сидел я за** столом императрицы между наследною принцессой Греческой³⁴³ и великой княгиней Елизаветой Маврикиевной. С последнею мне пришлось беседовать впервые.

18-го августа. Вторник. – По случаю поездки Их Величеств в Троицко-Сергиевскую лавру, я имел возможность свободно располагать своим временем и посвятил этот день визитам. Прежде всего поехал к молодому военному министру Куропаткину, чтобы поблагодарить за вчерашнее его посещение и личное доставление мне Высочайшего рескрипта³⁴⁴, отредактированного прекрасно генералом Лобко, которого также я посетил и благодарил. Он должен был сочинить рескрипт в продолжение ночи, так как пожалование мне фельдмаршальства было совершенным сюрпризом и для самого министра. Как Куропаткин, так и Лобко относятся ко мне с чрезвычайною любезностию и вниманием. Кроме их, виделся я только с князем Вяземским и Вельяминовым; всем прочим оставлял только визитные карточки.

После разъездов завтракала со мною племянница Паша Милютина, а потом приехали дочь Ольга, Анатолий Федорович Кони и сын мой, и, наконец, посетил меня великий князь Михаил Николаевич. Остаток дня провели мы вместе с Олей частью у Горбуновых, частью у Шаховских.

19-го августа. Среда. – Отъезд Их Величеств из Москвы в Севастополь назначен сегодня, в 12¹/₂ часов дня. До выезда Государь еще объезжал некоторые учреждения: Румянцовский музей³⁴⁵, Архив иностранных дел³⁴⁶, склад кустарных изделий и еще некоторые другие³⁴⁷, а в 11 часов уже ожидала его во дворце депутация... от московских извозчиков! По совету барона Фредерикса (министра Двора), я воспользовался этим моментом, чтобы еще раз видеть Государя, поблагодарить его за полученный мною прекрасный рескрипт и проститься до нового свидания в Крыму. Таким образом, я имел случай заявить о своем наме-

---

* какого-нибудь

** царским столом

рени отправиться из Москвы в Эстляндию, к своей дочери Шаховской, и тем объяснить мое отсутствие при предстоящей встрече Их Величеств в Ялте. При выезде их сегодня не было обычных проводов.

Из множества лиц, съехавшихся в Москву на торжество, большинство уже разъехалось; в числе их даже особы царской фамилии. Остаются пока еще на несколько дней великий князь Владимир Александрович и монахиня великая княгиня Александра Петровна, а Мария Павловна едет сегодня же в Рязань, где квартирует Нежинский ее имени полк. Замечательно, как быстро изменяется физиономия города с самой минуты выезда царского. Когда я выехал из Кремля около 2-х часов пополудни – улицы были уже пусты, все приняло будничный вид. Тут только мог я заняться своими личными мелочными делами, заехать в несколько магазинов, кое-что закупить, а затем весь вечер употребил на укладку для предполагаемого завтра выезда из Москвы.

20-го августа. Четверг. Село Никольское. – Еще вчера вечером почувствовал я простуду; ночь провел беспокойно, так что проснувшись утром, сомневался – буду ли в состоянии выехать сегодня*. Но не хотелось мне отменять сделанных уже распоряжений к отъезду. Сговорились мы с Олей выехать вместе** с поездом, отходящим в 4¹/₂ часа дня; а до того съездить в Новодевичий монастырь, чтобы лично уладить встреченные со стороны монахинь некоторые недоразумения относительно приобретенного нами еще в прошлом году места для наших могил***. Успешно окончив это дело, заехали мы проститься с княгиней Шаховской, и после раннего у нее обеда отправились на вокзал Николаевской желез-

---

* Однако ж болезненное мое состояние не помешало мне покончить все, что оставалось для выезда с помощью старого моего знакомого генерала Кузнецова, состоявшего некогда <в должности писца> писцом при князе А.И. Барятинском, а теперь заведующего московскими дворцами.

** с нею до станции Подсолнечной

*** т. е. моей, жены и дочери Ольги. Для этого пришлось нам провести в монастыре довольно много времени, но по крайней мере мне удалось все уладить. Затем успел я побывать у рекомендованного мне Шаховскими врача Степанова, чтобы посоветоваться с ним, не столько по поводу настоящего моего случайного <расстройства> нездоровья, сколько относительно ощущаемого мною уже с некоторого времени какого-то хронического расстройства в горловых органах. После завтрака или раннего обеда у Шаховских, наконец отправились мы на вокзал.

ной дороги. Еще засветло прибыли на станцию Подсолнечную, откуда на тройке Олсуфьевских добрых лошадей прискакали в Никольское, когда было уже совсем темно. Хозяева приняли нас, как всегда, с полным радушием*.

21-го августа. Пятница. – Опять провел ночь очень беспокойно, с кашлем и хрипотой. Необходимо отложить мой выезд отсюда дня на два или на три**. Сегодня почти не выходил из дому; только под вечер сделал небольшую прогулку вместе с Адамом Васильевичем и дочерью Ольгой по*** густым аллеям старого сада.

22-го августа. Суббота. – Здоровье мое настолько поправилось, что утром я съездил, вместе с дочерью, к Богуславским**** и на возвратном пути значительную часть дороги прошел пешком****. К сожалению,***** погода пасмурная, по временам дождь.

23-го августа. Воскресенье. – Бесперывный дождь; весь день провел в многочисленном и радушном обществе Никольского. Завтра утром выезжаю, какая бы ни была погода.

25-го августа. Вторник. Пюхтица. – Из Никольского выехал я вчера, утром, на станцию Подсолнечную, откуда проехал пассажирским поездом до Петербурга. Ехал я,***** как всегда, самым скромным пассажиром, рассчитывая прибыть в столицу в ранний час утра (7 часов) и втихомолку переехать на извозчике

---

* и любезностию. Но я чувствовал большое утомление от всего, что пришлось вынести в течение целого дня при расстроенном состоянии здоровья.

** хотя до понедельника, пробыв в Никольском вместо одного дня, как я предполагал, приходится провести здесь целых три дня вместе одного. Об этой перемене телеграфировал я начальнику Московской станции Николаевской железной дороги, обещавшему приготовить мне удобное место на том поезде (пассажирском), с которым могу приехать в Петербург в 7 часов утра и поспеть на Балтийскую дорогу к 9-ти часовому поезду.

В течение дня заметно улучшилось состояние моего здоровья, благодаря принятой вчера вечером и сегодня утром хинине. День прошел незаметно в беседах с благодушными хозяевами и под вечер я был даже в состоянии сделать небольшую прогулку.

*** обширному саду.

**** верстах в шести от Никольского

***** Прогулка эта по лесистой дороге – была очень приятна.

***** сыро. День прошел так же, как и вчерашний, много пришлось беседовать с милой хозяйкой графиней Анной Михайловной.

***** по своему обыкновению

с одной железнодорожной станции на другую. Но как ошибся я в своем соображении. В Петербурге ожидала меня, как фельд-маршала, непредвиденная почетная встреча. На платформе Николаевского вокзала выстроена рота Лейб-гвардии Павловского полка, со знаменем; на правом фланге ее целая шеренга начальствующих лиц* **. Тут же увидел я свою племянницу Ину Салову. Признаюсь, я был совершенно озадачен такою неожиданностью. Пришлось мне экспромтом разыграть непривычную роль важной особы, встречаемой со всеми установленными воинскими почестями. Вероятно, исполнил я эту роль не совсем ловко, но, по крайней мере, с большою быстротой, так как боялся опоздать на утренний поезд Балтийской дороги. Поспешно раскланявшись со встречавшими генералами, уселся я вместе с племянницей на извозчика и переехал на другой конец города, под накрапывавшим дождичком. В 9 часов утра, простившись с милою племянницей, выехал из Петербурга, а в 4 часа пополудни был на станции Иеве, откуда доехал на лошадях до Богородицкой (или Святой) горы. За несколько верст до монастыря встретила меня вышедшая пешком дочь Лиза Шаховская, и мы вместе доехали до ее одинокого жилища***.

29-го августа. Суббота. – Вот четвертый день, что я отдыхаю в полном смысле слова: здесь совершенное спокойствие и тиши-

---

* командующий временно Гвардейским корпусом генерал. Усилием над собою пришлось мне принять на себя роль важного лица, скрыв, по возможности, свое смущение. Я ехал как частный человек в своей привычной обстановке. К тому же первую встретила меня на выходе племянница Ина Салова (дочь покойной моей сестры Марии Алексеевны Мордвиновой). Она приехала с тем на вокзал, чтобы провести меня на станцию Балтийской железной дороги и там [выждать] отхода 7-ми часового поезда. Покончив быстро с воинскими почестями, я немедленно же сел вместе с племянницей на извозчика и проехал по пустынным улицам, под дождем, на другой край города. На вокзале Балтийской железной дороги пришлось нам прождать часа полтора.

** В числе встречавших лиц отсутствовал генерал-адъютант князь Оболенский, командир Гвардейского корпуса, исправлявший в то время и должность главного начальника военного округа. Князь Оболенский только что уехал в отпуск и лишь прибыл в свое имение Смоленской губернии, заболел и скончался 25 августа. (Прим. Д.А. Милютина.)

*** Радостно было мне свидеться с нею после нескольких месяцев разлуки. Я нашел ее здоровою и доброю.

Вчера погода несколько прояснилась, сегодня даже показалось солнце, но позже опять стал накрапывать дождь.

на; только по временам слышатся колокола монастырской церкви. К сожалению, погода стоит холодная, ветреная, по временам с дождем. Приходится протапливать комнаты. Однако ж мы с Лизой почти ежедневно предпринимали небольшие прогулки пешком по немногим дорогам среди окружающих «Святую» гору клочков пашни и болотистых лесов. Раз был я в монастыре, чтоб посетить новую игуменью, мать^{*} Алексею^{**}.

Завтра утром выезжаю обратно на станцию Иеве.

2-го сентября. Среда. Симеис^{***}. – В воскресенье утром выехал я от дочери Лизы Шаховской^{****} на станцию Иеве ко времени прохода поезда Балтийской дороги. От Гатчины свернул на Тосну, где должен был выждать около 4 часов прохода петербургского скорого поезда^{****}. В понедельник, около 10 часов утра, я уже был в Москве, где опять надобно было выждать отхода курьерского поезда на Курск. Я имел около 8 часов времени, чтобы уладить некоторые дела свои, оставленные недоконченными в первый мой приезд в Москву. Остановился я в гостинице «Continental», как самой центральной. Кроме посещения старушки княгини А.П. Шаховской, мне удалось съездить еще раз в Новодевичий монастырь и окончательно уговориться с Ник[олаем] Пав[ловичем] Горбуновым и с подрядчиком относительно устройства приобретенных нами трех могильных мест. В 6-м часу вечера дочь Ольга проводила меня на вокзал Курской железной дороги. Управляющим Курской железной дороги^{*****} была оказана мне особенная любезность предоставлением отдельного вагона до самого Севастополя. На такое чрезмерное удобство в путешествии я вовсе не претендовал; обыкновенно довольствуюсь маленьким двухместным купе. Успокоило мои угрызения совести лишь то, что вслед за моим вагоном прицеплен был другой отдельный вагон для П.Л. Лобко, ехавшего также в Крым^{*****}. В пути мы иногда сходились с ним и беседовали.

---

* чтобы отдать визит новой игуменьи матери Марии <посетить новую игуменью мать Марию>.

** Нынешний день последний моего спокойного здесь пребывания.

*** Наконец добрался благополучно восвояси – порядком утомленный.

**** около 7 часов утра на лошадях

***** Всю ночь пришлось мне провести сидя в кресле общего отделения.

***** Н.К. Шауфус

***** конечно, мы могли бы с не меньшим комфортом ехать и вдвоем в одном вагоне. Такой избыток любезности со стороны железнодорожного начальства объясняется тем, что Павлу Львовичу вагон был дан начальством

Во все последние дни стояла такая холодная погода как на севере, в Эстонии, так и в Москве, что приходилось постоянно одеваться по-зимнему; только под Харьковым стало несколько теплее, и чем далее мы подвигались на юг, тем более чувствовалась необходимость перемены одежды. Сегодня с раннего утра уже было жарко, особенно в самом Севастополе, куда поезд приходит около 9 часов утра. У вокзала готова была тройка почтовых лошадей, и к 5 часам вечера я был дома*.

Отрадно было возвращение восвояси. Меня встретили на крыльце, кроме жены и дочери Нади, князь Николай Владимирович Шаховской и сын мой. Оба последние отдыхали благодушно в нашем глухом затишье.

На своем письменном столе нашел я, по обыкновению, кучу писем и телеграмм, большею частью поздравительных**.

6-го сентября. Воскресенье. – Вот уже три дня работаю и не могу справиться с ответами на полученные в мое отсутствие поздравительные телеграммы и письма. Сегодня же я был приглашен в Ливадию к обедне и на завтрак. Придворная обстановка сохранилась прежняя; только лица другие. Обхождение царственных хозяев*** чрезвычайно добродушно. За столом я сидел с правой стороны императрицы.

Погода серая и холодная. Прибыли из Батума на царской яхте «Штандарт» Их Высочества Ксения Александровна и Александр Михайлович.

10-го сентября. Четверг. – Около 4 часов пополудни удостоил меня своим посещением Государь. Сопровождал его флигель-адъютант полковник барон Мейндорф. Встретила его**** дочь Надя. Государю предложен был чай на террасе. С обычным добродушием и простотой он провел у нас***** около часа и возвратился в Алупку, где оставалась императрица со своею свитой³⁴⁸.

другой железной дороги, а именно Брестской, ради каких-то личных его связей. Некоторое время генерал Лобко провел в моем вагоне, встречались мы и на вокзалах во время остановок.

* Признаюсь приятно было

** ожидавших моего возвращения. Страшно подумать, что на все эти любезные приветы придется отвечать!

*** просто и добродушно.

**** на террасе

***** с полчаса

15-го сентября. Вторник. – Вчера вечером посетили нас Евреиновы, а сегодня приехала дочь Ольга с графиней Анной Михайловной Олсуфьевой, которая поселилась у нас в доме; граф же Адам Васильевич нанял для себя, для сыновей и других своих спутников отдельный дом в Алупке*.

22-го сентября. Вторник. – Государь внезапно выехал из Ливадии в Копенгаген по случаю кончины его бабушки, королевы Датской³⁴⁹. Императрица и Двор остались в Ливадии**.

Сегодня после обеда сын уехал в Ялту, откуда завтра отправится к себе в Курск.

23-го сентября. Среда. – Со вчерашнего вечера я прихворнул и сегодня весь день пролежал в дремоте.

Утром уехал князь Николай Шаховской.

25-го сентября. Пятница. – Приступили к сбору винограда и к виноделию.

Здоровье мое поправляется; однако же не выхожу еще из дома; погода довольно свежая.

27-го сентября. Воскресенье. – Утром сильный дождь прервал работу сбора винограда. К полудню погода прояснилась; после обеда предприняли прогулку в мальцовский Симеис, вместе с графом Адамом Васильевичем Олсуфьевым, Матильдой Павловной Моллас и дочерью Ольгой. Случайно попали в многочисленное дамское общество у Ивана Сергеевича Мальцова, который только что приехал вчера. Дочь его, невеста моряка Нахимова, находится здесь уже несколько дней; занята внутренним устройством вновь выстроенного дома. Возвратившись домой, узнали, что в наше отсутствие была у нас молодая графиня Панина (бывшая Половцева).

[28-го сентября. Понедельник. – Опять дождь рано утром разогнал рабочих с виноградников; но потом снова собрали их и приступили к сбору белого винограда, который свозится в соседний алупкинский подвал и там уже прессуется, во избежание

---

* Пока он один приехал, водворился он там только с проживающей в их семье m-ele Mollas.

** Сегодня большую часть времени провели мы с гостями. Посетили нас давнишняя наша знакомая – дочь старого моего товарища Н.Ф. Козлянинова, ныне генеральша Гессе, потом соседки дочери Долгорукой по рязанскому ее имению и А.М. Волжанинов, с которым удалось окончательно уладить дело предстоящей продажи в удельное ведомство молодого вина нынешнего урожая. Виноделие должно начаться у нас в четверг или пятницу.

лишней перевозки на наш подвал вина, купленного удельным ведомством. В течение утра я обошел все места работ.]

1-го октября. Четверг. – Ездил я с дочерью Ольгой к соседям – князю и княгине Трубецким. Посещение это было некоторого рода – *visite de condoléance**, потому что на днях они были** обокрадены самым наглым образом: в вечернюю пору, когда вся семья с гостями спокойно распивала чай в другом доме, рядом, воры утащили все, что было ценного и порядочную сумму денег. Следствие продолжается; мы застали еще у них следователя. Подозрение на прислугу.

Вчера посетили нас все три брата Мальцовы.

26-го октября. Понедельник. – Давно не заглядывал в свой дневник. Во все время не было ни одного*** досужего дня. Гости и гости вперемежку с работами, за которыми**** требуется личный мой присмотр, тем более, что в настоящее время нет у нас управляющего. Поступивший на эту должность в начале года латыш оказался совсем к тому непригодным и удален. Сегодня явился уже кандидат на его место – Сергей Никифорович Потапенко, только что кончивший высший курс виноделия в Магарече. Он представил хорошие аттестаты и после довольно продолжительных с ним переговоров, я***** предложил ему вступить в должность с 1-го ноября*****.

Кроме живущих у нас: графини Олсуфьевой, ее доктора и баронессы Анны Ивановны Пиллар, по временам приходят из Алупки прочие члены Олсуфьевской семьи и появляются случайные посетители. Вчера же справлялась у нашего соседа Ивана Сергееви-

---

* визит с выражением соболезнования (фр.).

** страшно

*** спокойного

**** приходится лично присматривать с бóльшим, чем обыкновенно вниманием, потому, что я вынужден наконец, после долгого терпения, <сменить> удалить «управляющего», сделавшегося вполне невыносимым. На прошлой неделе он сам отпросился в отпуск на истекшую неделю и я воспользовался этим случаем, чтобы устранить [его] на совсем от исполнения всяких обязанностей.

***** решился пригласить его

***** Увидим, что будет.

В доме у нас обычные тишина и спокойствие нарушены присутствием гостей: частью поселившихся у нас (графиня Олсуфьева, доктор ее и баронесса Анна Ивановна Пиллар), частью приезжающими из Алупки прочими членами семьи Олсуфьевых и случайными посетителями. Вчера же был день выходящий из ряда – справляли свадьбу дочери нашего соседа.

*Великий князь
Петр Николаевич*

ча Мальцова свадьба дочери его с мичманом Нахимовым – товарищем и другом брата новобрачной. Дочери мои присутствовали при самом обряде венчания в Алупской церкви; я же был только на свадебном обеде*. Торжество было обставлено пышно, при многочисленном съезде родственников и знакомых**.

Говорят, что царское семейство остается в Ливадии до 6-го декабря, а может быть и далее!!

28-го октября. Среда. – Вчера ездил я с дочерью Надей в Мисхор и Кореис, чтоб отдать визиты Морозовым, Юсуповым и Лазаревым. Морозовы занимают большой дом графа Шувалова и собираются завтра же покинуть свое летнее жилье для возвращения в Москву. Савва Тимофеевич Морозов, принадлежащий к богатому московскому купечеству, человек образованный, был товарищем молодых графов Олсуфьевых по университету. Жена его очень красивая и любезная дама. Я познакомился с ними в 1896

---

* в великолепном, только что отстроенном доме Ивана Сергеевича Мальцова.

** Слух – что

году на Нижегородской выставке, где Савва Морозов был одним из главных* распорядителей. Здесь же возобновилось наше знакомство благодаря их посещениям Олсуфьевых**.

У Юсуповых никого не застали дома; у Лазаревых же нашли целое общество незнакомых лиц. Тут узнал я, что с неделю назад приехал в Крым великий князь Михаил Николаевич и что он остается в Ай-Тодоре только до субботы. Пожалев, что не знал об этом ранее***, я приготовился уже к поездке в Ай-Тодор, как получил вчера же вечером от самого великого князя приглашение на нынешний день к завтраку, запросто, в сюртуке. Приглашение это тем приятнее для меня, что доставляет мне случай к выходу из неловкого положения в отношении к хозяевам Ай-Тодора – великому князю Александру Михайловичу и великой княгине Ксении Александровне, у которых я не показывался ни в прошлогоднее их пребывание в Крыму, ни в настоящий их приезд****. Великий князь Михаил Николаевич принял меня с обычным радушием; молодая чета также отнеслась ко мне любезно*****; не было ни тени какого-либо неудовольствия. После завтрака оставался я несколько времени вдвоем с Михаилом Николаевичем, пока молодежь занималась в гостиной какою-то игрой*****.

На возвратном пути из Ай-Тодора домой, вздумалось мне воспользоваться случаем, чтобы поправить мое неловкое отношение

---

* деятелей

** И муж и жена – очень любезные и симпатичные люди.

*** собрался на другой же день, т. е. сегодня утром, облечься в парадную форму и ехать представиться Его Высочеству; но в то время как я уже начал было с вечера готовиться к этому посещению Ай-Тодора, получил по телеграфу приглашение на сегодня же к завтраку запросто, в сюртуке.

**** Вышло какое-то недоразумение: получив от управляющего их двором генерал-майора Евреинова уведомление на запрос мой о назначении часа, когда могу представиться Их Высочествам, генерал-майор Евреинов ответил, что они намерены пригласить меня на днях к завтраку, запросто, [и я] ожидал этого приглашения более шести недель. <Но почему-то намерение <их> это так и осталось без последствий.> Теперь с приездом великого князя Михаила Николаевича, по-видимому, послужил[о] напоминанием о забытом намерении. Великий князь Михаил Николаевич, со своей стороны, вероятно, находил странным, что я не показываюсь ему. Он всегда был ко мне чрезвычайно любезен и внимателен и на сей раз он принял меня с обычным радушием.

***** так, как будто не было, конечно, и тени каких-либо неудовольствий.

***** и наконец мы распростились с самым <задуш[евным]> сердечным радушием.

и к великому князю Петру Николаевичу, к которому я также не являлся во все время пребывания его* в недалеком с нами соседстве. И с его стороны нашел я самый радушный и любезный прием. Я застал его в домашнем или вернее – артистическом костюме, заваленного массою картин, гравюр и всяких художественных предметов. Петр Николаевич – принц-художник; сам собственноручно** проектировал все детали внутреннего убранства дворца, отделанного внутри замечательно изящно. Он дал себе труд водить меня по всей постройке, показывая устройство и внутреннее и наружное. Во внутреннем осмотре сопровождала нас и великая княгиня Милица Николаевна, с которою тут только я познакомился. Великая княгиня, дочь князя Черногорского, воспитанная в одном из петербургских институтов³⁵⁰, чрезвычайно приветлива, обходительна, живо сочувствует артистическим вкусам и занятиям великого князя. В настоящее время Их Высочества оба встревожены болезнью проживающей здесь с ними сестры Анастасии Николаевны герцогини Лейхтенбергской. Свидание с ними оставило во мне самое приятное впечатление³⁵¹.

Возвратившись домой, нашел я у нас графиню Елену Сергеевну Сумарокову-Эльстон и возвратившуюся к нам баронессу Пиллар.

29-го октября. Четверг. – Сегодня утром посетил меня Виктор Николаевич Мартынов, заведывающий ныне (после князя Льва Голицына) виноделием удельного ведомства. Привез он мне приятное заявление, что удельное ведомство готово заключить на три года условие о приеме ежегодно молодого вина нашего имения. Мы давно желали такого соглашения с удельным ведомством, дабы не возобновлялась каждый год лихорадочная забота о сбыте нового урожая***.

---

* в прошлую зиму в новом его великолепном мавританском дворце между Мисхором и Ай-Тодором. Несмотря на это, он отнесся ко мне <принял меня> весьма любезно при встрече нашей в Москве в августе месяце.

** рисовал

*** Мартынов даже подает надежду на валовую покупку в уделы всего наличного в подвале нашем выдержанного вина. Если б состоялось и такое соглашение, то с нас была бы снята самая несносная забота в нашем хозяйстве. По словам Мартынова, окончательно решится вопрос не далее, как чрез месяц.

Сегодня обедали у нас все три брата Мальцовы, чета Олсуфьевых и баронесса Пиллар.

Вечером рассчитался я и окончательно распростился с нашим управляющим – Нормецом, пробывшим у нас в этой должности 9 месяцев. Он

2-го ноября. Понедельник. – Со вчерашнего дня у нас новый управляющий. Сегодня он окончательно водворился в своем жилье*. Он уже не первой молодости, женатый; но только что кончил свое специальное обучение по части виноделия и впервые вступает в самостоятельную должность**.

10-го ноября. Вторник. – Из Алупки переселились к нам в дом граф Адам Васильевич Олсуфьев и Матильда Павловна Моллас на остающиеся немногие дни пребывания их в Крыму. Молодые графы Олсуфьевы уехали уже вчера***.

17-го ноября. Вторник. – Получена телеграмма о смерти Константина Ивановича Гершельмана. Здоровье его уже давно было**** плохо; он страдал астмой и можно предполагать, что кончина его была скоростижная*****.

Сегодня Государь уехал из Ливадии на яхте «Штандарт» в Севастополь, на предстоящую завтра церемонию открытия памятника адмиралу Нахимову.

20-го ноября. Пятница. – Сегодня утром уехали гостившие у нас Олсуфьевы*****. В доме водворилась снова обычная тишина*****.

26-го ноября. Четверг. – По случаю праздника ордена Св. Георгия³⁵² сегодня я был приглашен в Ливадию, к обедне и завтраку.

оказался совершенно негодным управляющим, и к тому же – большим нахалом, безмозглым мошенником. Долее не мог я терпеть его беспрестанные глупости и мошенничества; и <радуясь> рад, что избавился наконец от него; как тяжелый камень свалился с плечь. С 1-го ноября вступает в должность управляющего новый индивидум – Потапенко. Как то с ним пойдет дело? That is the question.

* а завтра уже приступит к делу.

** по хозяйству.

*** Наступила дождливая погода; сегодня не было работ и я оставался дома большую часть дня.

**** очень

***** После обеда ездил я с Олей в Кореис к Юсуповым, на этот раз застали мы милую хозяйку графиню Елену Сергеевну Эльстон и княжну Голи[цы]ну. Вечер провели у нас Самарины и Мария Алексеевна Кочубей; уехали они после ужина.

***** Графиня Анна Михайловна прожила у нас более 2¹/₂ месяцев; граф Адам Васильевич с доктором и Матильдой Павловной Моллас переселились к нам из Алупки только на прошлой неделе.

***** и безмолвие.

После обеда посетили нас Лазаревы муж с женой.

Приглашен был и граф Ностиц, как георгиевский кавалер, и еще несколько оказавшихся в Ялте лиц с солдатскими крестами того же ордена. Все обошлось с большою простотой; приказано было быть в сюртуках, без оружия. Не было даже и музыки. За завтраком Государь поднял бокал за георгиевских кавалеров. Императрица не вышла ни к обедне, ни к завтраку. Тяжелая беременность заставляет ее соблюдать крайнюю осторожность; она уже некоторое время почти не выходит из комнаты³⁵³. Как всегда, Государь был замечательно любезен и добродушен; ни малейшей натянутости**.

По окончании завтрака*** вышли все из столовой на площадку; Государь несколько времени разговаривал то с одним, то с другим из присутствовавших и затем, раскланявшись, направился к площадке, разбитой для игры «лон-теннис». Несмотря на позднее время года, погода была чудесная; солнце порядочно припекло.

Немногие слова, сказанные мне Его Величеством о настоящем политическом положении, подтверждают, что мы только что пережили очень серьезный момент, чреватый опасными осложнениями. Теперь наступило заметное облегчение; грозившая опасность, кажется, миновала. Но на долго ли? Можно ли быть спокойным духом, хотя бы на один день, когда грозят сюрпризы со всех сторон: дерзкая и бесцеремонная жадность Англии, фантастические затеи императора Вильгельма, выступление Северо-Американской республики в совершенно новой для нее роли³⁵⁴, внутреннее брожение во Франции и Австро-Венгрии, все новые и новые неожиданности на крайнем востоке... Отовсюду может вдруг разразиться катаклизм, которого не отвратит никакая сила человеческая, никакая мудрая и миролюбивая политика, никакой

---

* имеющих тот же орден. Набралось их очень немного, и то лишь с солдатским знаком.

** и напускной сдержанности. Сидя возле него за завтраком, я был, конечно, крайне стеснен в разговоре с его величеством, тем более, что сидевший по другую сторону его граф Ностиц пользовался широко своим соседством, не умолкал ни на одну минуту. Тем не менее из очень немногих слов, сказанных мне Государем по поводу настоящего политического положения дел, подтверждается то, о чем можно было догадываться даже из простого чтения газет.

*** как всегда все

конгресс³⁵⁵, задуманный с великодушной целью – положить конец разорительному для всех милитаризму**.

6-го декабря. Воскресенье. – По случаю Николина дня³⁵⁶ опять ездил в Ливадию. Как и в прежние раза, приглашение было: «к литургии и к завтраку, в сюртуках». Но сегодня собрание было многолюднее: приглашены были офицеры расположенных здесь частей войск и несколько «городских» дам, хотя императрица и сегодня не выходила ни в церковь, ни в столовую. После завтрака, Государь, обходя гостей, подошел и ко мне. Так как я стоял рядом с приехавшим вчера из Петербурга военным министром Куропаткиным, то Его Величество завел речь о возбужденном в Военном министерстве серьезном деле по предположенному изменению Положения о воинской повинности в Финляндии³⁵⁷. Дело это и вызвало главным образом приезд сюда генерала Куропаткина. Государь выразил желание, чтобы военный министр поговорил и посоветовался со мною об этом деле, имея в виду, что нынешнее Финляндское Положение о воинской повинности было эскамотировано финляндскими дельцами в то время, когда я был военным министром, в семидесятых годах³⁵⁸. Говорю – эскамотировано, потому что тогдашний статс-секретарь по делам Великого Княжества Шернваль-Валлен добился Высочайшего утверждения составленного в Гельсингфорсе проекта***, уверив Государя, будто в окончательной редакции этого проекта исправлены те статьи, на которые были представлены мною возражения. В последние годы, когда в Министерстве военном откопали старое дело, обнаружили**** недобросовестные проделки статс-секретарьята и сената Финляндского. Об этих обстоятельствах я уже слышал от генерала Куропаткина еще в Москве; а теперь он даже показал мне самые документы, в числе которых несколько моих собственноручных записок, докладов и резолюций, заключающих в себе принципиальные протесты против сепаратистских стремлений Финляндского сената. Поэтому я не могу не сочувствовать предпринятому

---

* непосильному

** Раскланявшись со всеми, Государь, по своему обыкновению направился к площадке, разбитой для игры «лон-теннис».

*** целым рядом подлогов, фальши и вопреки моим замечаниям, одобренным императором Александром II.

**** эти фальши и бессовестные проделки статс-секретаря.

ныне* изменению Финляндского Положения о воинской повинности**»; однако ж я не скрыл ни от военного министра, ни от самого Государя моего опасения, чтобы не поднять в Финляндии нежелательной бури; а потому советовал вести дело осторожно, на легальной почве, без явного нарушения*** положительных прав Финляндии****.

Отъезд Их Величеств из Крыма предполагается на этой неделе; но день еще не назначен. Решение будет зависеть от погоды, так как, по мнению врачей, императрице невозможно выехать иначе, как морем.

В Ливадии видел я принца Александра Петровича Ольденбургского, который только что возвратился из командировки на границу Афганистана, по случаю встревожившего нас появления чумы в одном из пограничных селений.

7-го декабря. Понедельник. – Совершенно неожиданный посетитель – принц Александр Петрович Ольденбургский. Он застал нас за вечерним чаем и пробыл часа два. От него узнали мы много интересных подробностей об открывшейся в последнее время чуме в Туркестане****, о принятых противочумных мерах и угрожающих в будущем опасностях. Из рассказов принца заметно, что вопрос этот изучен принцем основательно; он занимается им уже более двух лет.

В среде читающей публики большое внимание возбуждено только что появившимися первыми выпусками мемуаров Бисмарка, печатаемых разом на нескольких языках. Экземпляры разбираются нарасхват десятками тысяч. В иностранных газетах приводятся выборки, судя по которым уже можно вперед предугадывать, сколько будет в этих откровенностях знаменитого железного канцлера извращения***** фактов, фальши, мистификаций. В прилагаемой при сем вырезке из «Journal des débats» встречается и мое имя, как виновника враждебного оборота в отношениях между Россией и Германией. Забавно, что я поставляюсь в этом смысле рядом с кем же? – С Маковым!!³⁵⁹ – Не может

---

* преобразованию

** и не пожелать ему успеха.

*** правовых начал, основ

**** Поездка моя сегодня была не совсем приятная; погода резко изменилась, а в стороне Ай-Тодора и Ливадии наступил почти зимний пейзаж.

***** вообще о принятых

***** извращения истины

Князь О. Бисмарк

быть сомнения в том, что Бисмарк сумеет извратить всю историю последних тридцати лет так, что он сам, под маской Вильгельма I, представится добродушнейшим агнцем среди стаи волков.

9-го декабря. Среда. – После обеда ездил в Дюльбер – имение великого князя Петра Николаевича, отдать визит принцу Александру Петровичу Ольденбургскому; не застал его. Ожидают сегодня же приезда великой княгини Александры Петровны – монахини, матери Петра Николаевича.

Погода дождливая. Выезд Их Величеств еще не решен.

12-го декабря. Суббота. – Ровно в полдень прошла* мимо Симеиса царская яхта «Штандарт». Отъезд Их Величеств с 8-го числа ежедневно откладывался за непогодой. Каждый день получал я по телеграфу и телефону из Ливадии извещения об этих отсрочках, и только сегодня уже в 10-м часу утра пришло уведомление о том, что отъезд назначен в 11-м часу. Очевидно, не могло быть и вопроса о поездке моей в Ливадию к часу проводов. Таким об-

---

* прошла пред нашими окнами

разом, мне не пришлось проститься с Государем и принести ему благодарность за все оказанные мне знаки его внимания*.

15-го декабря. Вторник. – Все временные обыватели южного берега разъехались. Последние уезжают завтра Юсуповы. На днях они приезжали к нам проститься, а сегодня я ездил к ним с дочерью Надей Долгорукой**.

17-го декабря. Четверг***. – В послеобеденное время посетил нас великий князь Петр Николаевич.

[18-го декабря. Пятница. – Неожиданное появление четы Плец. Эти чудаки не показывались уже многие месяцы, так что мы считали знакомство с ними прерванным, о чем вовсе не скорбели. И муж и жена – люди пошлые, но чрезвычайно высокого мнения о себе, мнения, доходящего до мономании «величия». Несколько часов без умолку они занимали нас рассказами о себе и необыкновенном к ним благоволении царя. На сей раз надобно отнестись снисходительно к нему, Плецу, так как недавно приключился с ним удар, от которого остались заметные следы.]

20-го декабря. Воскресенье. – Отъезд дочери Ольги в Москву. Я проводил ее до почтовой станции в Кореисе, где она съехала с баронессой Анной Ивановной Пиллар, с которою вместе продолжала путь до Севастополя в почтовом экипаже****.

27-го декабря. Воскресенье. – В последние дни получил я много телеграмм с лестными для меня приветами по случаю чествования столетних юбилеев Военно-медицинской академии и Павловского военного училища³⁶⁰. Хотя я вообще не охотник до юбилеев*****, однако ж в настоящем случае должен сказать, что по-

---

* Переход морем до Севастополя будет, вероятно, спокойный; ветра почти нет и по временам из-за облак выглядывает солнце; но с вчерашнего вечера термометр опустился ниже нуля. В 7 часов утра у нас здесь было -5° Реомюра ($-6,2^{\circ}$ С.), а в час дня -1° Р.

** Сегодня же наконец дождался я приезда техника Лемберта, который взялся перерисовать начисто мои чертежи к составленному мною описанию наших водопроводов. Крайне замедлилась эта работа; вот уже месяцев 5, что он и не показывался. Обещает пробыть здесь три дня и закончить работу; но едва ли справится.

К счастью, погода поправилась; днем тепло и солнце приятно прогревает.

*** Все утро ходил с Лембертом по водопроводам для проверки его чертежей.

**** Простившись в Кореисе с обеими путешественницами, я возвратился домой, пройдя часть дороги пешком. Погода прекрасная; прогулка очень приятная.

***** и до слишком уже частых у нас разного рода годовщин

лученные приветствия с разных углов России произвели на меня отрадное впечатление. Как врачи, бывшие слушатели Медико-хирургической академии, так и питомцы Павловского военного училища**, собравшись в товарищеские кружки, вспомнили о старике, о давно прошедшей его работе по переустройству Русской армии и всех отраслей военного управления. Да, я не могу пожаловаться на забвение и неблагодарность***. Большое счастье и утешение в старости видеть, что**** долгая жизнь***** протекла не бесследно.

31-го декабря. Четверг. – Под конец года имел я радость обнять старшую дочь Лизу Шаховскую и племянницу Аню Ефремову (Понсэ). Они съехались на станции Синельниково и вместе приехали к нам вчера вечером.

---

* утешительное

** в разных пунктах России

*** Едва ли многим приходится <испытывать в старости> иметь столько утешений в старости.

**** прошлая деятельность

***** не прошла бесследно.

1899-й год

3-го января. Воскресенье. – Тихую нашу обитель всполошило неожиданное появление фельдъегеря у подъезда дома. Он привез мне ценную посылку – фельдмаршальский жезл, при письме министра Двора барона Фредерикса³⁶¹. Роскошная эта вещица, с брильянтами, в изящном футляре, разумеется, была сейчас же уложена в большой сундук с другими моими блестящими побрякушками и, вероятно, никогда не увидит света до моей смерти.

Фельдъегерь, капитан Соколов, служивший еще при мне, т. е. когда я был министром, остался у нас отдохнуть и переночевать; завтра утром отправлю его обратно с ответным письмом*.

[4-го января. Понедельник. – Никаких следов вчерашней непогоды: прекрасный день.]

5-го января. Вторник. – Ездил я навестить великого князя Петра Николаевича; просидел у него** часа два, в оживленной беседе о самых разнообразных предметах***. Это развитой и симпатичный молодой человек. Великая княгиня Милица Николаевна нездорова и не вышла.

17-го января. Воскресенье. – Вчера приехали к нам из Тифлиса племянник Юрий Милютин с женой. Они намерены пробыть с нами только три дня и затем едут за границу****. Сегодня же утром уехала дочь Надя Долгорукая, как надеюсь, ненадолго*****.

[18-го января. Понедельник. – Тифлисские наши гости недолго у нас погостили: сегодня после обеда они уже покинули нас. Едут на Симферополь, где проведут дня два, у Лазаревых, а затем пускаются в дальний путь – чрез Вену в Италию.]

---

* Со вчерашнего дня погода вдруг изменилась; сегодня страшный ветер и целый день дождь.

** глаз на глаз более двух часов

*** не исключая и вопросов внутренней политики

**** в Италию и Англию.

***** но и на самое короткое время грустно мне разлучаться с нею.

30-го января. Суббота. – Простились с племянницей Аней*: намереваясь ехать морем на Одессу, она отправилась в Ялту, в сопровождении Лизы Шаховской; но сильный ветер и волнение на море заставили ее отказаться от морского переезда** и предпочесть кружное сухопутное путешествие.

5-го февраля. Пятница***. – Читал некоторые места из любопытной книги: «Bismarck some secret pages of his history, by D-r Moritz Busch. Vol. III. London. 1898». Книгу эту прислал мне П.А. Сабуров****, с которым у меня продолжается переписка*****. По временам он сообщает мне свои мысли по современным дипломатическим вопросам и***** спрашивает мое мнение*****. В присланном мне III-м томе книги Буша отмечены Сабуровым места, особенно для нас любопытные, рельефно характеризующие личность пресловутого «железного канцлера», его отношения к императору Вильгельму I и к России. В напечатанных Бушем документах неопровержимо разоблачается беззастенчивая недобросовестность***** Бисмарка; бедным стариком Вильгельмом I он ворочал с нахальством и дерзостью. Некоторые страницы книги, относящиеся к эпохе 1879 года, так интересны, что, по моей просьбе, переведены дочерью Шаховской на русский язык³⁶².

7-го февраля. Воскресенье. – Прискорбное известие***** о скоропостижной смерти президента Французской республики Феликса Фора. При теперешнем хаотическом положении дел во

---

* она уехала к себе в Бессарабию. На беду со вчерашнего вечера поднялся сильный ветер.

** доехав уже до Ялты, в сопровождении Лизы Шаховской, Аня решила ехать сухим путем. Между тем к полудню погода совершенно изменилась: ветер стих и выглянуло солнце. В 1 час дня, на солнце, термометр поднялся до 32° Реомюра.

*** Замечательно теплая зима. Сегодня в 1 час дня в тени 9°Р.=11,2°С, на солнце же 39°Р.=48,8°С. – Работы земляные и каменные продолжаются непрерывно.

Вечером посетила нас усыпительная и тупоумная чета Плец. К счастью, посещения их довольно редки.

**** бывший дипломат, ныне сенатор

***** с тех времен, когда мне приходилось быть в личных сношениях с ним, как послом нашим в Берлине, т. е. с 1878 года.

***** вызывает [и высказывает мне с сочувствием]

***** Он не поклонник Бисмарка, и в этом мы с ним совершенно сходимся.

***** и личные побуждения в политической деятельности

***** в газетах

Ф. Фор

Франции это событие может повести к роковым последствиям, даже угрожает самому существованию республики. Оно облегчит противникам ее давно уже замышляемый* *coup d'état*** и во всяком случае усилит смуту. Бедная Франция!

В сегодняшних же русских газетах*** прочли царский манифест, наносящий первый удар конституции Финляндии****: устанавливается новый порядок для решения законодательных вопросов, имеющих *общее* применение к империи и к Финляндскому Великому княжеству; такие вопросы впредь будут решаться не Финляндским сеймом, а Государственным советом империи³⁶³. Можно представить, какой гвалт поднимет в Финляндии такой акт*****, разбивающий самый дорогой ее кумир.

Еще прочли известие о смерти княгини Елизаветы Дмитриевны Барятинской, вдовы фельдмаршала, бывшей Давыдовой, рожденной княжны Орбельяни. Печальная была ее судьба!³⁶⁴

---

* негодьями

** государственный переворот (*фр.*)

*** опубликован

**** возмущается

***** живо подкапывающий сепаративно

9-го февраля. Вторник. – Французская поговорка: «Le roi est mort, vive le roi»* – может быть вполне применена и к республиканскому режиму: «le président est mort, vive le president». Чрезвычайное собрание в Версале, без малейших препирательств, как бы одним голосом, избрало уже нового президента республики – сенатора Лубэ, председательствовавшего в Сенате. Личность эта, сколько известно, почти нейтральная, бесцветная; но таковая и требуется для функций президента во Франции при настоящей ее конституции. Все обошлось пока благополучно и спокойно. И то уже хорошо. Спокойствие это, конечно, не может несколько служить признаком общего успокоения; оно несколько не обещает лучшего оборота дел в хаотической смуте, терзающей бедную Францию³⁶⁵. Умершему президенту теперь воздаются общие восхваления; все партии в этом случае одного мнения.

Вторым кандидатом на выборах был Мелин; за него подано было довольно значительное число голосов, несмотря на недавние еще яростные нападки на бывшее министерство Мелина.

5-го марта. Пятница. – Вот уже третья неделя, что я на положении больного, не выхожу из своей комнаты, ничем не могу заниматься и теперь с трудом владею пером. Болезнь вызвана, как кажется, простудой: 11 и 12 февраля я был застигнут на работах страшною погодой с дождем, снегом и вьюгой и вслед за тем почувствовал ломоту в членах; но с 14-го числа болезнь приняла необычную форму: выступила сыпь и нарывы вокруг пояса, по всей правой половине. Болезнь эта, как** думаю, известна под именем «зопа», то есть поясная. И вот с тех пор мучают меня боли как наружные, так и внутренние; особенно по ночам – не дают спокойно выспаться. Большую часть ночи вынужден я проводить на ногах, с трудом прохаживаясь взад и вперед. Посещает и лечит меня врач Алексин (Александр Николаевич)***; придумывает он всякие средства, чтобы унять несносные боли****, но все напрасно. Он сам признает себя малокомпетентным в болезнях такого рода.

В продолжение болезни моей произошли перемены в нашем уединенном кружке. 21-го февраля, к большой моей радости, вернулась дочь Надя Долгорукая из своей поездки в Москву и

---

* Король умер – да здравствует король! (*фр.*)

** кажется

*** конечно, принимает все меры, какие может придумать

**** к сожалению,

Рязанскую деревню. С того времени* обе дочери – Лиза Шаховская и Надя Долгорукая**, как опытные сестры милосердия, ухаживали за мною с безграничной заботливостью. К сожалению, старшая из них – Лиза – сегодня утром уехала к себе в Эстляндию; я остался на попечении одной Нади***.

Много толков в публике о новых университетских смутах. Поводом к ним было бестактное обращение петербургской полиции с толпою студентов, по выходе их с университетского акта. Весть об этой стычке распространилась повсюду как молния: во всех университетских городах студенты забастовали и перестали посещать лекции. По Высочайшему повелению назначена особая комиссия под председательством генерала Ванновского для точного и беспристрастного расследования дела. Слышно, что уже одно это распоряжение несколько успокоило молодежь и что студенты начали снова посещать лекции³⁶⁶.

19-го марта. Пятница****. – С февраля месяца гостил у нас молодой Прахов*****, – студент Киевского Политехнического института, присланный сюда на отдых после тяжелой болезни. Сегодня он уехал домой*****.

В болезни моей заметно некоторое облегчение: я могу уже кое-чем заниматься*****; но все еще не выхожу из комнаты и провожу мучительные ночи. Уже более месяца, что я не знаю постели, не раздеваюсь*****, дремлю в полулежачем положении, урывками*****; боль в боку и спине заставляет меня беспрес-

---

* ухаживали за больным

** они обе очень опытны

*** Долго ли еще продлится мое несносное болезненное состояние?

Между тем с 24го февраля гостит у нас молодой Прахов – ныне студент Киевского Политехнического института. Он прислан сюда врачами и матерью на отдых после болезни [и, вероятно, пробудет у нас еще дней десять].

**** Гостивший у нас с 24 февраля

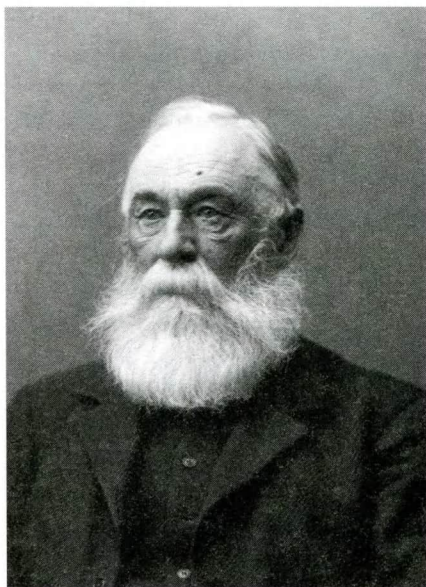
***** уехал только сегодня в Ялту, откуда завтра утром отправится пароходом в Одессу.

***** После теплых весенних дней в начале марта наступила настоящая мартовская погода: пасмурно, холодно, часто дождь, иногда с мокрым снегом. Несмотря на то, молодая хозяйка Надя деятельно, с увлечением ведет посадку и другие работы.

***** работать

***** и не снимаю сапог по ночам

***** чуть не каждый час дня

Б.Н. Чичерин

танно вставать* и** ходить по комнате взад и вперед, как маятник. Такие ночи, разумеется***, не восстанавливают силы, а напротив того, крайне изнуряют. По утрам**** чувствую слабость, дремоту и только к середине дня становлюсь несколько бодрее и могу кое-чем заниматься*****.

[26-го марта. Пятница. – Первая ночь, что ни разу не должен был вставать и ходить по комнате. Боли не совсем еще прекратились, но слабее и реже*****.

Сегодня вечером ожидаем приезда парходом дочери Ольги.]

---

* на ноги

** двигаться

*** конечно, до крайности

**** хожу как

***** И днем я должен так же, как ночью, я должен быть как можно более на ногах, несмотря на свою слабость. Сколько-нибудь продолжительное спокойное положение, сидя или лежа, непременно вызывает боли в членах. Теряю всякое терпение. От своего эскулапа не получаю никакого объяснения – что это за странная и несносная болезнь. Кажется, он сам недоумевает.

***** Надеюсь дня через два перейти в обычную свою обстановку – раздеваться на ночь и спать в постели

30-го марта. Вторник. – Грустное настроение наваяло на меня письмо, полученное* от Бориса Николаевича Чичерина, который только что возвратился из Петербурга и делится со мною вынесенными из поездки туда удручающими впечатлениями. В письме своем он касается главных вопросов, составляющих в настоящее время злобу дня: финляндских дел, студенческих волнений, бессовестных нападков на земские учреждения; в особенности же сокрушается общим упадком нравственным в личном составе правительства и администрации, хаосом в понятиях** всех слоев общества. «Куда это мы идем?» – вопрошает он самого себя, – «И что сулит будущее нашему отечеству?»... В заключение пишет: «Тяжело кончать жизнь при таких условиях, после всех великих преобразований, которые, казалось, открывали России новую эру свободы и благоденствия. Человеку, способному еще работать, остается только уединиться в своем углу и молча заниматься своим делом, стараясь по возможности стоять вдали от возмущающих душу явлений. Но и это сделать очень трудно»...³⁶⁷

Да, именно к такому заключению и я пришел уже*** давно, с первыми же признаками наступившей реакции, и с тех пор все более и более убеждаюсь в том, что поступил разумно, сойдя тогда же со сцены, устранившись от всякой официальной деятельности****. Некоторые утешительные надежды возродились было с переменою

---

* мною

** и направлении

*** много лет тому назад

**** В скорбном письме Бориса Николаевича я не вижу пессимизма; все, что так поразило его в Петербурге не ново, не со вчерашнего дня. К крайнему прискорбию, и самая перемена царствования, на которую позволительно было возлагать некоторые надежды, нисколько не изменила раз возникшего пагубного направления. Положение наше тем горестнее, что мы не можем ожидать и впереди <изменения> существенного улучшения: горе наше заключается не в одном только образе действий правительственной власти – который в течение времени может меняться, а <что гораздо> <в том, что в общем нравственном и умственном настроении всех слоев народа, снизу и до верху> <в общем настроении нравственном и умственном самого народа, во всех его слоях, снизу и до верху, настроении не только не сочувствующем прогрессу в государственном благоустройстве, но часто даже враждебном ему> в том, что во всех слоях народа, сверху до низу, замечается какое-то несочувственное, почти враждебное отношение к прогрессу. Россия отличается от всех других стран тем, что все успехи ее в гражданственности и благосостоянии идут не снизу, а сверху, даже не без некоторого насилия <и принуждения>.

царствования; но вот уже пятый год самодержавный скипетр в руках молодого, благодушнейшего, симпатичного царя, – и никакой перемены не заметно в ходе государственной машины. Стало быть недуг, останавливающий прогресс России, имеет корни глубоко, в самой почве и нечего ждать лучшего в будущем.

1-го апреля. Четверг. – Первую ночь с 15-го февраля провел я в постели и спал спокойно, не вставая, хотя^{*} и теперь еще не совсем избавился от всех болей^{**}. Вчера простился с доктором Алексиным.

5-го апреля. Понедельник. – Первый мой выход из дому, на работы. Погода теплая, без ветра.

18-го апреля. Светлое Воскресенье. – Ни малейшего отступления от нашего всedневногo обихода^{***}. Погода довольно свежая^{****}. Перерыв в работах дает мне возможность оставаться дома^{*****}, так как не совсем еще освободился от следов недавней болезни.

20-го апреля. Вторник. – Давно небывалое появление гостей: Бутенев с женой (рожденной Барановой) и Писарев с сыном. Главный предмет разговора все тот же – страшный хаос в петербургских правительственных сферах^{*****}. Много говорят о странной метаморфозе министра финансов Витте, выступившего ярким противником земства и^{*****} поборником передачи всего народного образования в руки духовенства³⁶⁸. Студенческая история все еще не улаживается, как говорят, благодаря препирательствам между миnистерствами народного просвещения и внутренних дел. Последнее всеми силами выгораживает петербургскую полицию, на которую падала значительная доля обвинений по следствию генерала Ванновского³⁶⁹.

[23-го апреля. Пятница. – Неожиданно приехал сегодня утром сын мой, всего на два дня. В воскресенье уже уезжает обратно к себе в Курск.

Вчера обедал у нас гр. Ностиц; один из мимолетных приезжих в Крым на пасхальный сезон. Сегодня же посетили нас

---

* все-таки

** заставлявших меня проводить бoльшую часть ночей на ногах, ходя взад и вперед по комнате.

*** кроме разве христосования с прислугой и рабочими, являвшимися с поздравлениями

**** У Оли опять лихорадка.

***** остерегаясь от простуды

***** о чем писал мне недавно и Борис Николаевич Чичерин

***** сторонником

И.Л. Горемыкин

кн. А.А. Ливен с дочерью и баронесса Наталья Модестовна Фредрихс.]

25-го апреля. Воскресенье. – Два дня пробыл с нами сын; сегодня уехал и с ним дочь Надя Долгорукая отправилась в Москву на самое короткое время, чтобы лично уладить встреченные затруднения по делам опеки.

[27-го апреля. Вторник. – Опять гости из Ялты: вчера посетили нас Самарины, муж и жена, с племянницей княжной Трубецкой, и чета Плец; а сегодня генерал Лауниц, живший несколько лет в Ялте, в отставке, а теперь снова поступивший на действительную службу по Генеральному штабу.]

10-го мая. Понедельник. – Приезд племянницы** Ины (Александры Семеновны Саловой, рожденной Мордвиновой)*** с двумя**** сыновьями, гимназистами. С мужем она***** разошлась;

---

* Вместе с сыном уехала и дочь Надя Долгорукая.

** моей

*** дочери покойной моей сестры

**** малолетними

***** живет врознь; прежде жили

проживала несколько лет в Ревеле, а с прошлого года переселилась в Петербург. Она намерена провести здесь около месяца. Это будет лучшим отдыхом для детей на каникулы*.

Прочел я курьезную записку, составленную в Министерстве внутренних дел в опровержение странной выходки** министра финансов против земских учреждений. Читаешь и не веришь глазам***: министр внутренних дел Горемыкин является неожиданно горячим сторонником принципа самоуправления!!! Записка довольно длинная и напечатана, как надобно полагать, в ограниченном числе экземпляров³⁷⁰. Я получил ее, для прочтения, чрез П.Ф. Самарина. По всем признакам, это работа коллективная; тут найдешь**** и доводы исторические, и теории социологические, и указания на прежние мнения самого министра финансов, не выказывавшего ранее особенного консерватизма или ретроградства. Вся эта полемика представляется очень странною; неожиданный обмен ролей!

Вчера был знаменательный исторический день – открытие в Гааге конгресса мира. В европейской публицистике и в общих толках преобладает нота симпатичная, хвалебная молодому русскому императору. Даже в Англии происходят горячие манифестации в пользу успеха его благой инициативы. Однако ж по временам тут и там сквозит и нота скептическая, особенно заметная со стороны немцев. Оно и понятно: в последние два, три десятилетия Германия отуманена психопатией милитаризма и шовинизма. От нее всего вероятнее***** явится на конгрессе***** противодействие успешному решению поднятого так смело великого вопроса³⁷¹.

17-го мая. Понедельник. – Вчера вечером возвратилась дочь Надя Долгорукая из своей непродолжительной поездки в Москву и в Рязанскую губернию, а сегодня уехала другая дочь Ольга*****.

19-го мая. Среда. – Горестное известие о кончине графини Анны Михайловны Олсуфьевой. Сам граф Адам Васильевич теле-

---

* Читал

** Витте

*** министерство

**** рассуждения

***** возникнут

***** главные <тормозы> помехи, которые затормозят или ограничат успешные результаты

***** уехала рано утром, на пароходе до Севастополя и далее по железной дороге в Москву.

графирует, что она скончалась сегодня ночью от воспаления легких. Дочь моя Ольга должна была приехать в Никольское только сегодня же, в течение дня; стало быть она уже не застала Анну Михайловну в живых. Воображаю себе, какой это был тяжелый удар для Оли'. Кончина Анны Михайловны – это окончательное распадение всего семейного гнезда, в котором еще так недавно было столько жизни**.

25-го мая. Вторник. – До сих пор не мог я оправиться вполне от последствий болезни, постигшей меня еще в половине февраля; в последние же дни снова выказались следы ее***. Сегодня большую часть дня**** пролежал в своей комнате.

Занимавшая меня более двух лет копотливая работа составления подробного описания устроенной в нашем имении сложной сети водопроводов, с планами и чертежами – наконец совсем готова. Благодаря небрежности ялтинского техника, взявшегося за перечерчивание начисто планов, я должен был своеручно исправлять и заканчивать его работу. Самый же текст описания переписан начисто с помощью печатной машины****. Теперь я***** спокоен; давнишнее желание моей жены*****, чтобы составлено было подробное описание нашей водопроводной сети, устроенной большею частью личными ее трудами – теперь осуществлено. После нашей смерти, будущие хозяева***** нашего имения скажут нам спасибо; они избегнут в своих распоряжениях весьма возможных ошибок, которые могли бы расстроить все*****, что было сделано с такими многолетними трудами и затратами. В здешнем крае обилие воды определяет***** ценность имения.

[3-го июня. Четверг. – Случайный съезд гостей: из Ялты – Самарины и гр. Дмитрий Алексеевич Капнист, из ближайшего соседства – братья Мальцовы. И те, и другие на днях покидают Крым.

Снова наступили теплые дни.]

---

* недоумеваю, как он отразится на планах и намерениях ее самой

** и задушевности

*** даже усилились, и сегодня я уже не могу выходить из дому и

**** оставался лежа

***** в Курске <благодаря> при помощи моего сына

***** совершенно

***** трудом которой произведена большая часть устройства нашей водопроводной сети – удачно выполнено

***** симеисского

***** устройство, стоившее столько многолетних трудов и огромных затрат

***** стоимость

5-го июня. Суббота. – Отъезд племянницы Ины Саловой. Присутствие* детей в продолжение почти месяца** оживляло наш дом; теперь восстановятся обычная тишина и единообразное, почти монастырское течение жизни. Ина едет чрез Петербург в Ревель, где наняла на лето дачу.

На днях прислан мне из Министерства двора царский подарок: экземпляр только что вышедшего великолепного издания: «Коронационный сборник», в двух огромных томах, заключающих в себе массу рисунков, фотографий, с роскошною орнаментацией. Сборник этот составлен под редакцию В.С. Кривенко, издан Министерством двора, вероятно, в ограниченном числе экземпляров³⁷². По-видимому***, экземпляры**** распределены по Высочайшему назначению, поименно. По крайней мере в моем экземпляре в голове каждого тома отпечатано мое имя. Я искренно тронут этим новым***** знаком внимания.

[7-го июня. Понедельник. – Посетили нас Евреиновы. Леонид Дмитриевич приезжал проститься пред отъездом в Петербург, откуда, быть может, и не возвратится в Крым, намереваясь покинуть занимаемое им место управляющего царским имением Ливадия. В предвидении такого исхода дела Елена Олеговна Евреинова уже заранее передала на попечение дочери Нади свою хорошенькую собачку Жучку.]

15-го июля. Четверг. – Сегодня утром приехал внук мой Дмитрий Гершельман: пользуясь каникулами в лицее, он побывал у своего отца на Кавказе и теперь, возвращаясь в Петербург, заехал***** к нам на несколько дней*****.

Более месяца не открывал я своего дневника; слишком уже однообразно текла наша жизнь*****. По-прежнему я почти не выхожу из дому: не могу отделаться от ежедневной лихорадки и***** невралгических болей кругом пояса*****. Занятия

---

* ее

** в особенности же присутствие ее детей

*** каждый экземпляр

**** эти

***** проявлением оказываемого мне молодым Государем внимания

***** в Крым, чтобы отдохнуть

***** в нашей тихой обители

***** За все это время было только два посетителя: кн. Андрей Александрович Ливен и А.В. Волжанинов.

***** своих

***** и ежедневной лихорадки

мои ограничиваются чтением и надзором за ремонтными работами в доме.

Переживаемое время необыкновенно обильно политическими событиями; но я не касаюсь их, замкнувшись в тесную рамку своего стариковского существования. Все происходящее в разных частях света так несимпатично, что хотелось бы оставаться в полном неведении.

[24-го июля. Суббота. – Сегодня утром уехал внук Дмитрий Гершельман. Сильные жары; я вовсе не выхожу из дому, чтобы не подвергаться утомлению и испарине, которые усиливают мои боли.]

27-го июля. Вторник. – На смену только что уехавшего внука, приехала сегодня племянница Елена Николаевна Милютин. Она провела зиму в Риме со старшей своей сестрой Пашей; возвратилась оттуда в Батум, где устраивает себе дачу, а теперь поживет некоторое время с нами.

15-го августа. Воскресенье. – Большую часть дня провели у нас Лаврентьевы: Мальвина Егоровна, только что возвратившаяся из-за границы, и Софья Ивановна, приехавшая с нею из Петербурга.

16-го августа. Понедельник. – Приезд князя Николая Шаховского. По примеру прежних лет, он намерен провести у нас на отдыхе месяца полтора.

17-го августа. Вторник. – Опять смена управляющего. На этот раз приходится, к сожалению, расставаться с чело-
век, исполнявшим эту должность в течение десяти месяцев совершенно удовлетворительно и заслуживающим полного дове-

---

* и чтением, насколько позволяет колеблющееся состояние здоровья

** новостями и

*** сферу

**** в удалении от всего остального мира. Ход политических дел чрезвычайно разнообразен – но еще более крайне пессимистичен.

***** почти год

***** и недавно прибыла морем

***** по примеру прошлогоднего ее <посещения> здесь пребывания.

Продолжаю хлопотать над ремонтными работами в доме. В болезни моей заметное облегчение.

***** Он умеет пользоваться сельским привольем

***** именем

***** мы расстаемся с сожалением с С.Н. Потапенко, состоявшим в этой должности всего десять месяцев и заслужившим полное мое доверие.

рия; ему предложено место* более выгодное и с бóльшим кругом деятельности, чем** в нашем маленьком имении***. На место**** его поступает приехавший сегодня из Умани и рекомендованный также магарачским начальством К.К. Комков*****.

[18-го августа. Среда. – Посетили нас давнишние магарачские знакомые – Александр Егорович Саломон с женою, приехавшие на короткое время из Одессы в Крым. Они отобедали и вскоре потом уехали.

Погода сделалась свежее и я чувствую заметное облегчение в своем здоровье.]

21-го августа. Суббота. – Посещение Н.В. Муравьева, министра юстиции. Он наслаждается летним отдыхом в Мисхоре, в большом Шуваловском доме. С негодованием говорил о принятой в последнее время безобразной мере относительно студентов, увольняемых из университетов и присуждаемых простым министерским распоряжением к отдаче в военную службу вне правил. Такое вопиющее беззаконие есть возвращение к***** старой отмененной мере – «отдаче в солдаты». По словам Муравьева, эта мера была придумана – кем же: министром финансов Витте и поддержана министрами народного просвещения и внутренних дел. Противниками ее были представители Министерства юстиции (сам Муравьев был в отсутствии) и министр военный³⁷³. Но ретрограды берут верх во всех вопросах. Крайне удивляет меня все, что слышу о Витте*****.

---

* на Кавказе гораздо

** занимаемое им

*** Можно было заранее предвидеть, что у нас он останется недолго, и мы сами смотрели на него, как на временного слугу, на первое время по окончании специального учения в Магараче по части виноделия

**** С.Н. Потапенко

***** малоросс, прошедший как Уманьскую школу садоводства, так и Магарачские курсы виноделия, и притом уже несколько лет управляющий большим имением в Туркестане. Мы уже сговорились с ним, и на днях он вступит в должность так, чтобы предместник мог поспеть на новое место к 1^{му} сентября. Как-то пойдет дело с его преемником? Будем ли мы с ним также спокойны, как с прежним?

***** быллой, печальной памяти, отдаче <карадельной>

***** Говорят, будто бы на решения молодого Государя дурное влияние исходит из Москвы, чрез «августейшего генерал-губернатора».

Сегодня же получил я письмо от Б.Н. Чичерина, который опять высказывает свою скорбь по поводу того, что творится в Петербурге³⁷⁴.

Приезжал А.В. Волжанинов, по случаю приближения времени виноделия.

[24-го августа. Вторник. – Новый управляющий вступил в свою должность; прежний уезжает завтра. Простились мы с ним дружественно, даже трогательно.]

29-го августа. Воскресенье. – К обеду приехал из Ялты генерал Лобко (Павел Львович)*. Уже несколько лет сряду он приезжает летом в Крым и проводит по нескольку** недель у своего приятеля, профессора Тарновского, в прекрасной его даче в Ялте (Кучук-сарай, принадлежавшей некогда княгине Юрьевской). Несколько часов провели мы в разнообразной беседе, разумеется, преимущественно о*** теперешнем ходе дел и личностях петербургских. Во многом**** наши взгляды расходятся. Так, между прочим, он является убежденным защитником недавно состоявшейся меры об отдаче в военную службу, вне***** закона, студентов, исключаемых из университетов и других высших учебных заведений. Он убежден, что эта мера не составляет принципиального нарушения общего закона о воинской повинности и что она даже благодетельна в отношении молодежи!!

Получил я весьма любезное письмо из Парижа от Ф.Ф. Мартенса. Он сообщает, что пришлет мне экземпляр протоколов Гаагской конференции; что успех, достигнутый конференцией, по крайней мере по тому отделу, в котором председательствовал Мартенс (т. е. относительно гуманитарных правил***** ведения войны), превзошел даже его собственные надежды. С этим успехом он поздравляет и меня, любезно приписывая мне инициативу Брюссельской конференции 1874 года³⁷⁵. Но справедливость требует признать настоящим инициатором этого дела самого Мартенса. Теперь***** он председательствует в третьей международной конференции по спорному вопросу, возникшему между Англией, Северо-Американскими Соединенными Штатами и Венецуэлой³⁷⁶. Знавшие

---

* бывший некогда одним из полезнейших моих сотрудников по работам Военного министерства, потом начальником канцелярии этого министерства, пользовавшимся большим весом при генерале Ванновском, а теперь член Государственного совета. В последние годы он стал ежегодным посетителем Крыма и

** летних

*** современном

**** мы с ним расходимся во взглядах

***** общих узаконений

***** и законов

***** Мартенс

Мартенса скромным юношей, только что кончившим курс Анненской школы³⁷⁷, а потом Петербургского университета, могли ли думать, что он сделается со временем видным авторитетом в международных делах всего мира.

30-го августа. Понедельник. – Большую часть дня провел я в приятной беседе с П.А. Сабуровым, приехавшим в Крым из своего тамбовского имения всего на три дня, по словам его самого^{**}, с целью только повидаться со мной. Пред обедом и после обеда мы вдвоем наговорились о самых разнообразных вопросах^{***} современных и прошлых. Покинув дипломатию и состоя сенатором, Петр Александрович предался теперь занятиям по финансовой части; рассчитывает получить назначение в Государственный совет по случаю предполагаемого преобразования департамента экономии³⁷⁸. Свободные досуги посвящает он садоводству в своем тамбовском имении³⁷⁹.

[5-го сентября. Воскресенье. Посещение Марии Александровны Кочубей.]

7-го сентября. Вторник. – Приезд^{****} племянницы Паши Милютиной на осенний сезон до переезда на зимовку в Рим^{*****}.

[9-го сентября. Четверг. – Начался сбор винограда и виноделие.]

13-го сентября. Понедельник. – Редкий в нашей уединенной жизни съезд^{*****} гостей: Н.В. Муравьев (министр юстиции), Мария Алексеевна Кочубей с двумя сыновьями, графиня Е.С. Сумарокова-Эльстон и две баронессы Фредрихс. С закатом солнца все разъехались, но в ушах моих все еще продолжается гул болтовни, от которой я совсем отвык.

---

* Опять день, проведенный в приятной беседе.

** собственно только

*** современного течения дел политических, припоминали былое и перебрали современные злобы дня. В настоящее время Петр Александрович

**** старшей

***** Полагаю, что она пробудет у нас до поздней осени, когда наступит время переезда их на зимовку в Рим.

Сегодня же подписал договор с двумя мисхорскими татарами, братьями Ибрагимовыми, об отдаче им в аренду на 6 лет береговой полосы нашего имения, для добывания песка, за что они обязуются проложить прочную колесную дорогу по спуску вдоль нагорного берега. Если они исполнят добросовестно эту работу, то мы, владельцы имения, получим даром удобный спуск к морю и будем иметь возможность доставать песок, который теперь добывать очень затруднительно.

***** многочисленных

С.Ю. Витте

15-го сентября. Среда. – Посещение А.П. Саломона – начальника Главного тюремного управления* ³⁸⁰.

[19-го сентября. Воскресенье. – Новое знакомство: князь и княгиня Мещерские, ближайшие наши соседи. Они проводят лето в доме Николая Сергеевича Мальцова и пришли пешком навестить своих друзей детства – племянниц моих. Утром заезжал Иван Сергеевич Мальцов, только что приехавший из Петербурга; но не застал меня дома.]

23-го сентября. Четверг. – В 9-м часу утра, когда мы сидели еще в столовой за кофеом, приехал верхом из Никиты министр финансов С.Ю. Витте. После двух с половиной часов оживлен-

---

* Приступлено татарским подрядчиком к разработке дороги по спуску к морскому побережью, для добывания песку. Двое мисхорских татар арендовали для этого наш берег на 6 лет, с обязательством устроить хорошую дорогу.

ной беседы, отправился он, также верхом, в Мисхор, к Муравьеву, министру юстиции, на завтрак. Разговор наш ограничивался преимущественно современными вопросами внешней политики, особенно о Гагской конференции и наших действиях на Дальнем Востоке. С.Ю. Витте противник занятия Порто-Артура, которое, по его мнению, нанесло удар установившимся было, под его руководством, отличным отношениям нашим с Китаем³⁸¹. Во многом я не разделяю мнений нашего министра финансов; но^{*} должен отдать ему справедливость в замечательной способности излагать свои мысли логически и убедительно. Вполне понимаю, что такой человек должен иметь влиятельный голос в совещаниях и коллегиальных собраниях. В беседе нашей я избегал с умыслом вопросов внутренней политики, чтобы не заводить спора с гостем. Впрочем, он намеревается еще раз повидаться со мной по возвращении с Кавказского берега, куда он едет на днях.

29-го сентября. Среда^{**}. – Из Ялты приехали князь А.А. Ливен с дочерью, баронессой Н.М. Фредрикс и Павл[ом] Дм[итриевичем] Хрущовым. С последним не виделись мы уже несколько лет; он очень изменился вследствие постигшего его паралича и болезни; лечился за границей, а теперь поправился на столько, что уже^{***} помышляет снова взяться за^{****} профессию в качестве приват-доцента в Московском университете. В Крым он приехал только на короткое время, чтобы повидаться с дядей своим князем Ливен^{*****}.

[**30-го сентября. Четверг.** – Приезд сына.]

2-го октября. Суббота^{*****}. – У нас как на почтовой станции: вчера приехал сын; сегодня же уехал князь Николай Влад[имирович] Шаховской; а на днях собирается уехать племянница Елена Милютина.

---

* в рассказах его многое было для меня очень интересно. С умыслом отводил я беседу нашу от вопросов внутренней политики, по которым пришлось бы мне горячо препираться с гостем и, пожалуй, высказать ему, в жару спора, что-нибудь неприятное.

** Съезд гостей.

*** подумывает

**** профессорство

***** С удовольствием встретился я снова с Хрущовым, очень симпатичным человеком. В одно время с приехавшими из Ялты гостями посетила нас и ближайшая соседка княгиня Мещерская, приятельница моих племянниц.

***** Отъезд кн. Н.В. Шаховского.

4-го октября. Понедельник. – Посетил меня давнишний знакомый – Михаил Павлович Горлов, который во время оно был управляющим делами бывшего Кавказского комитета³⁸² и с которым поэтому приходилось мне часто работать вместе. По выходе в отставку, он проводил некоторые лета на южном берегу, в Мисхоре; теперь же, ради болезни жены, временно поселился в Ялте. Хороший человек. Брат его, отставной артиллерийский генерал, также был в близких со мною сношениях в самое горячее время перевооружения нашей армии.

[5-го октября. Вторник. – Отъезд племянницы Елены Николаевны Милютиной в Батум.]

7-го октября. Четверг. – Посещение Шиповых, на возвратном пути от Ив[ана] Серг[еевича] Мальцова, к которому они были приглашены на завтрак. Генерал-лейтенант Н.Н. Шипов был командиром Кавалергардского полка; женат на дочери П.П. Ланского, сестре Александры Петровны Араповой. Теперь он занимает должность помощника генерал-губернатора Финляндии; поэтому главным предметом нашей беседы были теперешние дела финляндские, серьезно озабочивающие наше правительство и возбуждающие горячие нападки на Россию в иностранной печати. Из рассказов Шипова и рассуждений его можно заключить, что борьба с финляндскими сепаратистскими тенденциями^{**} предпринята нашим правительством без предварительно установленного общего плана, без той предусмотрительности, которая необходима в политических предприятиях для достижения^{***} успеха. По словам Шипова, финляндские вожаки прямо говорят, что настоящие крутые мероприятия русской власти не слишком тревожат их; что им стоит только выдержать с твердостью временно поднявшуюся бурю, в уверенности, что она недолговечна и что с переменю личностей все изменится, все опять пойдет по-прежнему^{****}. Надобно сознаться, что соображение это не лишено основания. Отсутствие общего плана и недостаток выдержки всегда составляли самую слабую сторону русской политической деятельности и главную причину безуспешности ее. Ближайшие примеры – Польша, Балтийский край, реформы императора Александра II и проч. и проч. Та же слабая сторона и в нашей политике

---

* Опять съезд гостей. В числе их появился

** финляндцев

*** успешного результата

**** К сожалению

внешней. Сегодня одно веяние, завтра другое. А в вопросе финляндском, более чем в каком-либо другом, требуются от наших государственных деятелей выдержка и зрело обдуманый план действий. Нелегко теперь исправить целый ряд ошибок и промахов, сделанных русскою властью в Финляндии в продолжение целых 90 лет. Одною из таких ошибок в самое последнее время был вывод русских войск из пределов Финляндии. Не понимаю, как можно было решиться на подобную меру. Мы сами как будто помогаем сепаратизму Финляндии, на который теперь жалуемся. Вся история русского владычества в этой завоеванной стране* указывает наглядно** нашу непоследовательность³⁸³.

10-го октября. Воскресенье. – Вторичное посещение министра финансов С.Ю. Витте. Недавно возвратился он из поездки на Кавказский берег, в Сочи, где*** приобретен им участок из раздаваемых казенных земель. Как и в прежнее посещение, он приехал из Никиты верхом, в девятом часу утра, и провел у меня менее часа. Беседа наша перебегала от одного предмета к другому: от железнодорожной ветви, предположенной с Кубани на Туапсе и далее по берегу моря к Сочи и Сухуму, к**** возмутительной***** расправе англичан в Южной Африке³⁸⁴, от***** вопросов внешней политики к финансовому кризису во всей Европе, от наших правительственных деятелей к бегству туристов из Ялты. Обошли, конечно, только самые щекотливые***** пункты.

12-го октября. Вторник. – Сегодня посетили нас Юсуповы с некоторыми из их***** обычных гостей; в том числе с давнишним моим знакомым князем Валерианом Сергеевичем Оболенским, с которым не случалось мне встречаться с того времени, когда он состоял при канцлере князе Горчакове***** , в Лива-

---

* служит

** чего можно ожидать от предоставления такой стране полной автономии без всякой иной связи с империей, кроме единой личности монарха

*** у него

**** бессовестной войне англичан с Трансвалем

***** политике

***** общих политических

***** сюжеты – касательно странного взгляда самого Витте на земские учреждения и внушенной им, как говорят, беззаконной меры относительно студентов, выключаемых из университетов.

***** обычной свиты и гостей

***** в числе любимых его секретарей

дии*, в качестве секретаря. Он так постарел и изменился, что я не узнал его. Гости наши оставались у нас не долго; они спешили присоединиться к другой части корейского блестящего общества, проскакавшей мимо нас многочисленной кавалькадой в Симеис, на чай к Ивану Мальцову.

Погода холодная; я снова простужен и не выхожу из дома.

[15-го октября. Пятница. – Отъезд сына.]

16-го октября. Суббота. – Сын мой уехал вчера обратно в Курск. Сегодня приехал Кавалергардского полка полковник Бернов, который привез мне от имени полка экземпляр только что вышедшего I тома юбилейной истории кавалергардов³⁸⁵. Издание роскошное, со множеством рисунков и изящных виньеток. О содержании, конечно, не могу пока судить. По заявленной программе, все издание будет состоять из 4 томов, с добавлением еще четырех томов биографий кавалергардов.

Полковник Бернов еще привез мне письмо от П.А. Сабурова, с приложением обещанной мне, для прочтения, рукописной его записки: «Aperçu historique des relations entre la Russie et l'Allemagne de 1870 à ma mission à Berlin»³⁸⁶. Сабуров предполагал поднести эту записку покойному государю Александру III; но, по словам его, не представилось к тому случая; только в 1895 году она была прочтена ныне царствующим императором.

19-го октября. Вторник. – Приезжали проститься пред отъездом из Крыма Мальвина Егоровна и Софья Ивановна Лаврентьевы.

Прочитав внимательно привезенную мне Берновым записку П.А. Сабурова, нахожу в ней сжатую мастерскую картину хода нашей политики за последние двадцать лет, притом довольно верную по моим понятиям, за исключением разве некоторых частных пунктов**. Из представленной картины прошлого выводятся автором рассуждения о предстоящем нам в будущем образе действий, для выхода из нынешнего невыгодного нашего положения в отношении восточного вопроса. На этот раз автор как бы отрекается от прежней своей склонности к сближению с Англией; напротив того, он сводит вопрос на необходимость сближения с Германией, для решения восточного вопроса помимо Англии. Такой оборот, конечно, был бы очень желателен, но вероятно ли осуществление его в близком будущем?.. В таком смысле и отвечаю

---

* вместе с гр. Ламсдорфом

** как, например, укора в том, что в 1878 г. мы не заняли Константинополя, того, какое влияние имел в то время Николай Павлович Игнатьев и проч.

Сабурову: воздав заслуженную похвалу прекрасному изложению в картине прошлого, сообщаю ему со своей стороны некоторые разъяснения по поводу довольно распространенного мнения о сделанном будто бы нами промахе* в 1878 году, когда армия наша стояла у ворот Константинополя и мы не заняли его, даже несмотря на последовавшее уже Высочайшее повеление³⁸⁷. В заключение высказываю свое мнение**, что предполагаемое автором*** направление нашей политики в будущем, может быть разве только идеалом, *pià desideria* наших стремлений.

Ответное мое письмо Сабурову и самую рукопись его взялся отвезти ему тот же полковник Бернов****.

27-го октября. Среда. – Вечером посетили нас графиня Елена Сергеевна Сумарокова-Эльстон с сыном Павлом, фрейлиной Лобановой и полковником Берновым. Погода нахмурилась.

29-го октября. Пятница. – Неожиданный приезд старшей дочери Лизы Шаховской.

4-го ноября. Четверг. – Посещение новоприезжего Николая Сергеевича Мальцова.]

6-го ноября. Суббота*****. – На прошлой неделе были мы обрадованы приездом старшей дочери Лизы Шаховской. Сегодня простились с племянницей Пашей Милютиной, которая уехала на зиму в Рим.

7-го ноября. Воскресенье. – Посещение графа Ностица.]

11-го ноября. Четверг. – По пути с Кавказа***** за границу, заехали к нам на короткое время племянник Юрий Милютин с женою*****.

Посетили нас двое из братьев Мальцовых: Николай и Сергей.

2-го декабря. Четверг. – Гости наши, Юрий Милютин с женой, пробыли у нас, вместо одной недели, полных три, и только сегодня уехали в Ялту, с намерением отправиться от-

---

* неисполнением Высочайшего повеления о занятии Константинополя, а также и тогдашнего влияния генерала Игнатьева³⁸⁸

** насчет выводов

*** ведение дела

**** который и привез мне посылку

***** Отъезд племянницы Паши Милютиной. Намерение ее – провести завтрашний день в Ялте, а в понедельник отправиться на пароходе в Одессу, откуда далее, чрез Вену в Рим, на зимовку.

***** в Рим

***** Намерены пробыть у нас около недели.

*Д.А. Милютин
в саду*

туда в Севастополь, а потом* через Константинополь** в Рим. Разъехались и все временные*** обитатели Крыма: Юсуповы со всею своею свитой, ближайшие наши соседи Мальцовы**** и другие.

Опять не выхожу из дома уже недели две: ежедневно приступы лихорадки; к тому же и погода скверная.

20-го декабря. Понедельник. – Получил очень любезное, задушевное письмо от Ник[олая] Ник[олаевича] Обручева – одного из наиболее уважаемых мною людей³⁸⁹. Также письмо от Бориса Николаевича Чичерина, который продолжает отстаивать свой взгляд, изложенный в изданной за границею брошюре, по вопросам польскому и еврейскому³⁹⁰. Полагаю бесполезным продолжать эту полемику: став***** твердо на теоретическую позицию, он упорно отказывается от всякой уступки практическим соображениям политики.

---

* на воскресном пароходе

** и далее

*** посетители

**** все трое братьев

***** упорно

В последние дни я выходил иногда на работы, когда погода сколько-нибудь была сносной. Лихорадка моя прервана; но все еще должен я очень остерегаться простуды. Сегодня опять дождь.

28-го декабря. Вторник. – Под конец года произошел неожиданно для нас съезд всей семьи**. Вчера ожидали мы приезда*** дочери Ольги; вместо того, приехал с нею**** и сын; съехались они случайно на станции Лозовой. Но появление его было***** совершенно мимолетное: менее чем на сутки. Сегодня утром он уже уехал обратно к своему месту службы в Курск*****.

Рождественские праздники прошли у нас без всякого отступления от нашей вседневной, будничной жизни. Получили печальное известие о смерти Ольги Ивановны Винтер, бывшей некогда гувернанткой при моих младших дочерях. Эта прекрасная, симпатичная женщина оставалась до самой смерти в самых дружеских отношениях со всею нашею семьей.

31-го декабря. Пятница. – Вот и конец 1899-го года. Для меня лично это год очень неудачный: во все продолжение его я прохворал; никуда ни разу не выезжал из пределов своей усадьбы; по несколько месяцев сплошь даже не выходил из дома. Только в последнее время***** избавился я от следов постигшей меня болезни*****. Зато***** наступила холодная погода, дожди, сильные ветры, доходившие до настоящей бури*****. В редкие только дни мог я позволить себе выходить на короткое время***** на работы, производимые в имении. Чувствую в себе заметный упадок сил***** – что, впрочем, совершенно в порядке вещей на 84-м году жизни.

С наступлением 1900-го года прерываю свой дневник...³⁹¹
Конец.

---

* хоть немного прояснялась погода

** то есть сына и всех трех дочерей

*** одной только

**** вместе

***** почти

***** Он счел возможным воспользоваться только праздничными днями, чтобы повидаться с нами. Съехался он с Олей совершенно случайно на станции Лозовой

***** прекратились всякие остатки прежней болезни

***** и ежедневные приступы лихорадки

***** в это же время

***** На море было много несчастных случаев.

***** для надзора за продолжающимися непрерывно работами

***** с истекшего года

Комментарии

---

¹ 19 февраля 1891 г. Д.А. Милютин писал дочери Ольге о кн. В.Р. Долгоруком: «Будущий мой зять очень нравится мне: хотя он и немолодой человек, но весьма бодрый, оживленный, приятной наружности, с большим тактом, разговорчивый. Сын его кажется мне также весьма порядочным молодым человеком» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 93. Ед. хр. 43. Л. 4).

² Афанасий Иванович Товстогуб и его жена Пульхерия Ивановна – персонажи повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» (из цикла «Миргород»).

³ Д.А. Милютин неоднократно встречался с Н.В. Исаковым в октябре–декабре 1890 г. Подробнее см.: *Милютин Д.А. Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 424–430.*

⁴ В 1888 г. вел. кн. Михаил Михайлович собирался жениться на гр. Екатерине Николаевне Игнатъевой, однако Александр III категорически высказался против этого и отправил своего двоюродного брата за границу. В начале 1890 г. великий князь вновь начал добиваться от императора согласия на брак с гр. Игнатъевой, но уже в конце марта 1891 г. сообщил своим родителям о том, что 14(26) февраля женился в Сан-Ремо на гр. С.Н. Меренберг – дочери принца Николая Нассауского и Н.А. Дубельт (дочери А.С. Пушкина), получившей титул гр. Меренберг. Александр III отказался признать этот брак как противоречащий законам империи и уволил великого князя со службы. 4(16) августа 1892 г. великий герцог Люксембургский пожаловал супруге вел. кн. Михаила Михайловича и ее будущим детям титул графов де Торби. Николай II 18 апреля 1899 г. восстановил вел. кн. Михаила Михайловича на службе, а 17 августа 1901 г. признал его брак с графиней де Торби. См.: *Чавчавадзе Д. Великие князья. Екатеринбург, 1998. С. 187–189; Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797–1917): Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. С. 260–261, 378–379.*

⁵ Автограф гл. VI. воспоминаний Б.Н. Чичерина хранится в ГА РФ (Ф. 1154. Оп. 1. Д. 20). См. также: *Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 2010. С. 256–362.* В этой главе Чичерин дал яркую характеристику А.П. Мельгунова, М.Н. Каткова, Е.Ф. Корша, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, Н.Х. Кетчера, А.В. Станкевича, Н.Ф. Павлова, Ф.М. Дмитриева, гр. Л.Н. Толстого, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, А.И. Кошелева, К.С. и И.С. Аксаковых, Ю.Ф. Самарина, кн. В.А. Черкасского.

- ⁶ Первый Альпийский клуб, объединявший исследователей Альп, открылся в Лондоне в 1857 г. В 1862 г. возникло австрийское Альпийское общество, в 1863 г. – Швейцарский (47 отделов и 34 заезжих дома для туристов в горах) и Итальянский (34 отдела) альпийские клубы, в 1868 г. Немецкое альпийское общество в Баварии, в 1874 г. объединившееся с австрийским. «Deutsche und Oesterreichische Alpenverein» имел 276 отделов и 200 домов для туристов, располагал обширной специальной библиотекой в Мюнхене, занимался топографической съемкой, проведением дорог в малодоступных местах, издавал карты и организовал курсы для проводников. Созданный в 1874 г. Французский альпийский клуб включал 52 отдела. С 1877 г. регулярно проводились международные альпийские конгрессы. По примеру альпийских клубов в Австрии, Испании, Италии и Франции появился целый ряд схожих просветительско-экскурсионных объединений. В 1890 г. в Одессе открылся Крымский (впоследствии – Крымско-Кавказский) горный клуб, насчитывавший сотни членов. О нем подробнее см.: Записки Крымского горного клуба. Вып. 1. Одесса, 1891; *Смирнов В.И.* Отчет о деятельности Крымско-Кавказского горного клуба. 1890–XXV–1914. Одесса, 1915; *Чонн И.* Крымско-Кавказский горный клуб. Одесса, 2000; *Голоцван К.В.* Становление массового туризма в России в конце XIX – начале XX века (Крым, Кавказ, Волга): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- ⁷ По-видимому, имеется в виду книга: *Петрушевский А.Ф.* Генералиссимус князь Суворов. Т. 1–3. Спб., 1884.
- ⁸ С октября 1890 по май 1891 г. цесаревич вел. кн. Николай Александрович совершал путешествие в Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию. Подробнее см.: *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника Цесаревича. 1890–1891. Т. 1. Спб.; Лейпциг, 1893; *Он же.* Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 2. Ч. 3–4. Спб.; Лейпциг, 1895; Т. 3. Ч. 5–6. Спб.; Лейпциг, 1897; *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 25–38.
- ⁹ 29 апреля 1891 г. при проезде цесаревича вел. кн. Николая Александровича через японский город Отсу (Оцу) один из стоявших в ограждении полицейских Тсуда Санцо нанес ему сабельный удар по голове. Спасаясь от нападавшего, цесаревич выскочил из коляски и побежал, а сопровождавший его греческий принц Георг и рикши задержали преступника. Рана оказалась неопасной, японское правительство и микадо всячески старались загладить случившееся, российская сторона приняла официальные объяснения, согласно которым ответственность за покушение полностью возлагалась на фанатика-одиночку, однако по распоряжению Александра III путешествие вел. кн. Николая Александровича по Японии было прекращено. Покидая страну, великий князь писал матери: «...Япония так же нравится мне и теперь, как

раньше, и случай со мной 29 апреля не оставил во мне никакого неприятного чувства; мне противен только полицейский мундир!»». Т. Санцо был приговорен к пожизненному заключению, но уже в сентябре 1891 г. умер в тюрьме; на родине имя его было предано проклятию. В Японии даже обсуждался вопрос о переименовании города, где произошло покушение. Подробнее см.: *Боханов А.Н.* Император Николай II. М., 1998. С. 59–62; *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 31–33; *Фирсов С.Л.* Николай II: пленник самодержавия. М., 2010. С. 62–66.

- ¹⁰ В воспоминаниях Д.А. Милютин сведения о знакомстве с Н.А. Бартевой нет.
- ¹¹ В конце 1890 г. у вел. кн. Георгия Александровича была обнаружена болезнь легких. В феврале 1891 г. врач В.И. Алышевский уже открыто говорил императрице и вел. кн. Михаилу Николаевичу, что вел. кн. Георгий Александрович болен чахоткой. Александр III отнесся к диагнозу с недоверием, однако летом 1891 г. Алышевскому удалось настоять на начале правильного климатического лечения. С конца 1891 г. вел. кн. Георгий Александрович почти постоянно проживал в Абас-тумане (в Тифлисской губ.), изредка совершая поездки по Средиземному морю. В 1892–1894 гг. его состояние стабилизировалось, но без заметного улучшения. Подробнее см.: *Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX в. М., 2008. С. 137–147.*
- ¹² 7 июля 1889 г. в Павловске вел. кн. Константин Николаевич перенес инсульт, парализовавший язык, правую руку и ногу.
- ¹³ Имеется в виду Мария Георгиевна – вторая дочь греческой королевы Ольги Константиновны.
- ¹⁴ Д.А. Милютин допустил неточность. В 1891 г. управляющим государственными имуществами в Таврической и Екатеринославской губерниях был действительный статский советник Георгий Антонович Чуйкевич.
- ¹⁵ Письмо А.И. Лаврентьева 14 июня 1891 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 67. Ед. хр. 5. Л. 10–11.
- ¹⁶ В фонде Д.А. Милютин сохранились две фотографии с проектом памятника на русском кладбище в Сан-Стефано, см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 96. Ед. хр. 53.
- ¹⁷ С 1880 г. день взятия Бастилии (14 июля по новому стилю) официально отмечался во Франции как национальный праздник.
- ¹⁸ Русское общество пароходства и торговли – крупнейшее пароходство Российской империи, созданное в 1856 г. по инициативе Н.А. Аркаса и Н.А. Новосельского. Во второй половине XIX в. Общество осушест-

вляло перевозки между Одессой и портами Черного, Азовского и Средиземного морей, а также Индии, Китая, Кореи и русского Дальнего Востока. Пароход «Россия» в 1877 г. принимал участие в боевых действиях на Черном море (в декабре его командой был взят в плен турецкий пароход «Мерсина» с 700 солдатами и офицерами османской армии).

- ¹⁹ За период с 1881 по 1914 гг. из России в Палестину, Америку, Аргентину выехало около 1 млн 980 тыс. евреев. Наряду с непосредственными политическими, экономическими и социальными причинами (распространение антисемитских настроений, погромы и т. д.) активизации эмиграции способствовала и сионистская пропаганда, призывавшая к возрождению еврейского народа на Святой земле. Александр III, а также многие российские министры и губернаторы приветствовали переселение евреев, надеясь, что оно будет способствовать нормализации межнациональных отношений в империи.
- ²⁰ Следы древней Трои (Илиона), относящиеся к II–III тысячелетию до н. э., были обнаружены в 1870–1880-х гг. в ходе археологических раскопок, которыми руководил Г. Шлиман.
- ²¹ Безикская бухта расположена в Эгейском море у западных берегов Малой Азии. Во время Крымской войны служила опорным пунктом для соединенного франко-английского флота.
- ²² Принц Греческий Георг сопровождал наследника цесаревича вел. кн. Николая Александровича в путешествии на Восток.
- ²³ Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 288–291.
- ²⁴ Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 290–293, 391.
- ²⁵ 29 января 1892 г., видя явное неблаговоление императора и императрицы к М.К. Ону, гр. В.Н. Ламздорф отметил: «Очевидно, этот бедный человек дискредитируется греческой королевской семьей, потому что он не пришел в восторг от приписанных принцу Георгу подвигов и, быть может, не сумел заслужить симпатию этого повесы, выполнявшего роль шута в свите цесаревича». «Таким образом, – констатировал граф, – это злосчастное родство нашего монарха еще раз проявляет свое вредное влияние. Ону, может быть, и не совершенство, но это очень умный человек, знающий до тонкости восточные дела и в высшей степени обладающий дипломатическим тактом». Между тем, как говорил Ламздорфу Н.К. Гирс, весной 1891 г. именно Ону Александр III первоначально собирался назначить товарищем министра иностранных дел вместо А.Г. Влангали, занявшего пост посла в Риме. «Теперь он почти в немилости, – писал об Ону Ламздорф, – и одновременно проводится интрига в пользу первого секретаря посольства Бахметьева. Последний оставался долгое время поверенным в делах и, рассчитывая на большое

- наследство, ожидающее его супругу американку, имел возможность устраивать большие приемы и стать в хорошие отношения с многочисленной семьей их греческих величеств» (*Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М., 1934. С. 256–257*).
- ²⁶ 8(20) октября 1827 г. в Наваринской бухте соединенные эскадры России, Франции и Великобритании нанесли поражение турецко-египетскому флоту.
- ²⁷ Ионические острова находились под властью Венецианской республики с конца XV в. до 1797 г.
- ²⁸ В 1797 г. Ионические острова были захвачены французскими войсками под командованием Н. Бонапарта. В 1798–1799 гг. русская эскадра Ф.Ф. Ушакова изгнала французов, образовав Республику Семи Островов. В 1807 г. после Тильзитского мира Ионические острова были переданы Франции, а по решению Венского конгресса 1814–1815 гг. – Великобритании. В 1864 г. Великобритания вынуждена была передать их Греции (при условии демилитаризации).
- ²⁹ Согласно Гомеру, на прибрежных скалах по обе стороны Мессинского пролива обитали чудовища – Сцилла и Харибда, поглощавшие мореходов. Эта легенда возникла, по-видимому, вследствие того, что сильное морское течение и ветры над проливом были причиной многих кораблекрушений.
- ³⁰ Обычная большая заря (зоря) – военный сигнал, подаваемый в строго определенное время, утром и вечером, в сухопутных войсках и во флоте (с конца XVII в.). Вечерняя заря сопровождалась торжественной церемонией, включавшей построение, переключку, объявление приказов, пение молитв.
- ³¹ «В здешнем музее собраны и в образцовом порядке расположены неисчислимы сокровища, добытые при раскопках Геркуланума и Помпеи, – писал в начале XX в. о Неаполитанском музее П.П. Муратов. – Только здесь можно получить представление о драгоценной и редкой красоте античных бронз – еще более драгоценной и редкой от покрывающей их синей и зеленой патины времени. Есть много замечательного в картинной галерее...» (*Муратов П.П. Образы Италии: Рим. Лациум. Неаполь и Сицилия. СПб., 2005. С. 256*).
- ³² Лазарони (от ит. Lazzaroni) – нищие, чернь в Неаполе.
- ³³ Корсо (Corso) – одна из центральных улиц Рима. Вокруг Площади Венеции (Piazza di Venezia) сосредоточены основные исторические памятники (Палатин, Капитолийский холм, Колизей). Древний Форум в эпоху Республики – место торжественных процессий, народных собраний и заседаний Сената; там же находились «черный камень» (Lapis niger) – предполагаемая гробница Ромула и «пуп города» (Umbilicus urbis) – символический центр мира. Колизей (Colosseo) – арена для

гладиаторских боев, строительство которой было начато в 70 г. при императоре Веспасиане; наиболее грандиозная известная древнеримская постройка. Форум Траяна – комплекс зданий, окружавших Траянскую колонну (112 г.). От них сохранились только крытые торговые ряды Древнего Рима.

- ³⁴ Базилика Святого Петра – кафедральный собор Ватикана, в котором находится гробница апостола Петра. В его строительстве и росписи принимали участие знаменитые архитекторы и художники Донато Браманте, Рафаэль Санти, Микеланджело Буонаротти, Джакомо делла Порта, Карло Мадерна, Джованни Лоренцо Бернини и др. Интерьеры собора исключительно богаты, в нем находится множество произведений живописи и скульптуры: огромные мозаики украшают каждую капеллу и алтарь, мозаичные полы дополняют узорчатые стены, рельефы в мраморе, дереве, бронзе.
- ³⁵ Castel Gandolfo (замок Гандольфо) – дворец, построенный в 1628 г. для папы римского Урбана VIII в окрестностях Рима, на берегу озера Альба-ла-Лонга на месте виллы императора Домициана. По преданию, именно там происходила легендарная битва Горациев и Куриациев.
- ³⁶ Г.Г. Мозер (сын знаменитого основателя фабрики часов в Швейцарии и торгового дома в Москве и С.-Петербурге) совершил несколько путешествий в Центральную Азию и Сибирь, описав их в швейцарских и французских газетах, журналах и брошюрах. См., например: *A travers l'Asie Centrale. Le steppe kirghise – le Turkestan Russe – Boukhara – Khiva – le pays des turcomans et la Perse. Impressions de voyage par Henri Moser.* Paris, 1885; В странах Средней Азии. Путевые впечатления Генриха Мозера, 1882–1883 // *Русская старина.* 1888. № 1, 3, 5. Став почетным членом 8 географических обществ (в том числе Парижского), Мозер устраивал выставки предметов среднеазиатского быта (в частности, в 1887 г. – в Лозанне).
- ³⁷ Речь идет о панораме известного художника-баталиста Ф.А. Рубо «Штурм аула Ахульго» (1890 г.), не сохранившейся до наших дней. Летом 1839 г. Д.А. Милютин сам участвовал в осаде и взятии Ахульго. Подробнее см.: *Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843.* М., 1997. С. 230–264.
- ³⁸ *Atlas de geographie moderne. Contenant 64 cartes imprimées en couleurs, accompagnées d'un texte geographique, statistique et d'un grand nombre de catres de detail figures, diagrammes etc.* Par F. Schrader, F. Prudent et E. Anthoine. Paris, 1890.
- ³⁹ Собор Сердца Иисусова (Sacre-Coeur) возвышается на вершине Мон-мартра. Его строительство было начато в 1876 г. (окончено в 1919 г.). Базилика построена в византийско-романском стиле по проекту архитектора П. Абади.

- ⁴⁰ При Наполеоне III в Булонском лесу, с XVIII в. ставшем излюбленным местом прогулок и пикников парижан, были устроены пруды и дорожки по образцу лондонского Гайд-парка.
- ⁴¹ Собор Св. Павла, построенный в 1675–1717 гг. по проекту К. Рена.
- ⁴² О первом посещении Д.А. Милютиным Англии в 1841 г. см: *Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 376–382.*
- ⁴³ В 1782 г. в Британский музей поступила коллекция античных древностей лорда Гамильтона; а в 1816 г. лорд Эджин передал туда фрагменты скульптур, вывезенные из Парфенон.
- ⁴⁴ Хрустальный дворец (Cristal Palace) был возведен в 1851 г. в Гайд-парке за несколько месяцев для Первой всемирной выставки достижений в области промышленного производства, материальной и духовной деятельности человечества, устроенной в Лондоне по инициативе королевы Виктории и ее супруга принца-консорта Альберта. Выставочный павильон, сооруженный по проекту Дж. Пакстона, представлял огромную, расположенную террасами трехнефную постройку, состоявшую из ажурного железного каркаса, заполненного стеклом (длина здания – 564 м, ширина – 125 м, а крытая площадь – 100 тыс. кв. м). Дворец напоминал огромную оранжерею и послужил прообразом здания, в котором живет коммуна будущего в четвертом сне Веры Павловны в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать». Позднее дворец перенесли из центра и снова собрали с некоторыми изменениями в пригороде Лондоне Сайденхеме. В ноябре 1936 г. он был уничтожен пожаром. См.: *Ионина Н.А. Сто великих дворцов мира. М., 2001. С. 435–439.*
- ⁴⁵ До середины XVII в. Тауэр служил крепостью и королевской резиденцией, будучи в то же время государственной тюрьмой (до 1820 г.) и местом казней. Затем в нем был устроен арсенал, музей оружия и королевских драгоценностей, включая корону св. Эдуарда Исповедника, которой короновались английские короли.
- ⁴⁶ В 1675 г. в Гринвиче (загородной королевской резиденции, известной со времен Генриха VIII) по указу Карла II была основана обсерватория. Там же находилась королевская морская школа.
- ⁴⁷ Вестминстерское аббатство (Westminster – западный монастырь) было заложено на левом берегу Темзы Эдуардом Святым в 1049 г. В XIII–XVIII вв. неоднократно перестраивалось. В 1066 г. в Вестминстере короновался Вильгельм Завоеватель. С IX в. аббатство является усыпальницей королей, государственных деятелей и выдающихся людей Англии. В 1560 г. Елизавета Тюдор сделала его также местом коронации королей и бракосочетания особ королевской фамилии. В капеллах собора, в главном и боковых нефках расположено много памятников, выполненных английскими скульпторами.
- ⁴⁸ Английский парламент размещался в Вестминстерском дворце, отделенном от аббатства площадью «Двор старого дворца» и магистралью

Миллбэнк. Здание было построено в 1835–1860 гг. (от старого комплекса построек, сгоревшего в 1834 г., уцелел только Вестминстер-холл).

- ⁴⁹ Помимо картин Рафаэля, в Национальной галерее в Лондоне собраны произведения Мазаччо, Леонардо да Винчи, Корреджо, Веронезе, Тициана, Тинторетто, Тьеполо, Каналетто, Рембрандта, Рубенса, Тернера, Веласкеса, Ватто и др.
- ⁵⁰ Сент-Джеймский клуб (St. James-Club) – один из наиболее привилегированных английских клубов для дипломатов. Создан в 1857 г. Назван согласно традиции считать всех иностранных послов аккредитованными при Сент-Джеймском дворе, хотя сам этот дворец уже давно перестал быть королевской резиденцией.
- ⁵¹ Виндзор – главная загородная королевская резиденция на правом берегу Темзы. Построена как замок-крепость Вильгельмом Завоевателем в XI в., в XII и в XIV вв. донжон неоднократно переделывался и укреплялся. В 1824 г. архитектором Уайеттом (Wyatt) была проведена реставрация всего дворцового ансамбля. В капелле рыцарей ордена Подвязки похоронены многие короли. В Виндзоре хранятся произведения Каналетто, Ван Дейка, Клода Лорэна, Рейнольдса и др.
- ⁵² Письмо, отправленное Н.Н. Обручевым из Дордони, см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Ед. хр. 64. Л. 3–4. «...Здесь все создано для благодушества, – писал Николай Николаевич, – досадно только, что французы заражены в данную минуту повально кронштадтскою эпидемиею, с которой и мне приходится считаться» (Там же. Л. 4).
- ⁵³ Имеется в виду готический собор Сен-Мишель-э-Гюдюль (Св. Михаила и Св. Гудулы), строительство которого продолжалось с 1226 г. до 1653 г. В нем находится гробница герцогов Брабантских.
- ⁵⁴ Дворец пятидесяти – часть комплекса, построенного в Брюсселе к Всемирной выставке 1880 г.
- ⁵⁵ Grande Place (Большая площадь) – одна из главных достопримечательностей г. Брюсселя. Нарядные фасады средневековых зданий, с большим количеством статуй, стрельчатых окон, устремленных в небо остроконечных башен, узорчатых карнизов, длинных коридоров создают пышное сочетание готики и барокко. На площади расположено здание городской ратуши, построенное в 1401–1454 гг. в готическом стиле, а также «Дом короля» – готический дворец, созданный в XV в., но значительно переделанный при Карле V. Поскольку в этом доме некоторое время жили правители Брабанта, его называли «дом герцогов», а позднее переименовали в «Дом короля», хотя ни один король в нем никогда не жил.
- ⁵⁶ Купол Дворца юстиции (Palais de Justice), построенный в греко-римском стиле, возвышается над всем городом.
- ⁵⁷ Возможно, имеется в виду памятник первому бельгийскому королю Леопольду I на площади конгресса. При Леопольде в 1831 г. на-

циональным конгрессом была установлена конституционная монархия.

- ⁵⁸ Manneken-Pis – знаменитый брюссельский фонтан со скульптурой мальчика, пускающего струю в мраморную чашу. Бронзовая фигура высотой в 61 см была изготовлена в XIX в. и установлена на месте аналогичных, более древних изваяний, которые издавна стояли тут. По большим праздникам «Писающего мальчика» одевают в нарядные костюмы (по преданию, роскошные наряды для него присылали баварский курфюрст и французский король Людовик XV). Этот фонтан стал одним из символов Брюсселя.
- ⁵⁹ Вероятно, речь идет о музее Маурицхейс (Mauritshuis), где хранится коллекция голландской живописи (работы Рубенса, Рембрандта, Вермера, Ван Дейка, Франса Халса и др.).
- ⁶⁰ Возможно, речь идет о здании, построенном в 1662 г. Филиппом Фингбонсом для торговца Якоба Крамхаута. В настоящее время там находится музей Библии. Первое голландское издание Библии было выпущено в 1477 г.
- ⁶¹ Очевидно, имеется в виду Рейксмузеум (Rijksmuseum), открытый в 1808 г. по распоряжению короля Людовика Бонапарта и обладавший богатой коллекцией голландской скульптуры и живописи (полотна Рембрандта, Франса Халса, Яна Стена, Вермера Делфтского и др.). «Paleis voor Volksvljijt» (Дворец народного труда) был построен в Амстердаме для проведения Всемирной выставки в 1883 г. по образцу лондонского Хрустального дворца, став самым большим зданием в городе. Сгорел в 1929 г. «Palais de l'industrie» (Дворец промышленности) – часть выставочного комплекса Всемирной выставки в Париже 1889 г. «Palais Royal» – королевский дворец в Париже, построенный в первой половине XVII в.
- ⁶² В 1697 г. Петр I, инкогнито сопровождавший Великое посольство, под именем урядника Петра Михайлова приехал в Голландию и поселился в Саардаме (позднее – Заандам) в скромном доме, который в XIX в. получил известность как «Дом царя Петра».
- ⁶³ Лувр (Louvre) – бывший дворец французских королей, с 1793 г. художественный музей. Строился с 1546 г., перестройки и усовершенствования продолжались и в 1850-е гг.
- ⁶⁴ «Conservatoire national des arts et métiers» (Национальная консерватория искусств и ремесел) – музей промышленности, технических изобретений, машин, станков и т.п. Идея его создания принадлежала Р. Декарту, а основу коллекции составила выставка машин и механизмов, устроенная в 1775 г. известным механиком и изобретателем Вокансоном. Декрет об учреждении «Консерватории» был издан Национальным конвентом в 1794 г. В 1798 г. музей обосновался в здании бывшего монастыря Saint Martin-des Champes на ул. Сен-Мартен. В XIX в. в нем

велась большая просветительская работа, читались бесплатные курсы лекций, проводились конференции. Подробнее см.: *Лавринович Ю.Н. (Надеждин)* Очерки французской общественности. СПб., 1903. С. 353–361.

- ⁶⁵ Имеется в виду замок Жор (Jaure) в Дордони, принадлежавший жене Н.Н. Обручева Мари.
- ⁶⁶ Собор Сент-Андре построен в XII–XIV вв. в романо-готическом стиле (колокольня – в XV в.), церковь Сен-Мишель – в XIV–XVI вв., церковь Святого креста (de la Sainte Croix) – в XII–XIII вв., церковь Сен-Серен – в XI–XIII вв.
- ⁶⁷ Речь идет о хорошо укрепленной цитадели с 4 бастионами, построенной в 1674–1679 гг. на возвышенности в предместье Байоны по плану знаменитого французского маршала, инженера и писателя С. Вобана (1633–1707). Крепость опоясывала весь город и гавань, защищенную от наводнений двумя длинными стенами. В 1814 г. была дополнительно укреплена.
- ⁶⁸ Очевидно, имеется в виду один из красивейших храмов юго-западной Франции – кафедральный собор Святой Марии, строительство которого было начато в 1213 г., а закончено в XVI в.
- ⁶⁹ 18 октября 1890 г. на месте существовавшей ранее русской часовни в Биаррице была заложена новая церковь в древневизантийском стиле.
- ⁷⁰ Имеется в виду замок, построенный в XII–XIV вв. и реставрированный при Луи-Филиппе и Наполеоне III. В 1553 г. в нем родился будущий французский король Генрих IV.
- ⁷¹ Согласно католическому преданию, Богородица явилась в 1858 г. крестьянской девушке Бернадете Субиру в гроте Масавель в г. Лурде (департамент Верхние Пиренеи). Впоследствии там возник источник, считавшийся чудодейственным.
- ⁷² В фонде Д.А. Милютинна данные письма не обнаружены.
- ⁷³ Летом 1891 г. русско-французское сближение не раз публично демонстрировалось. 25 июля на рейде Кронштадта появилась французская эскадра. Лично встречая французских моряков, Александр III с обнаженной головой слушал исполнение «Марсельезы», обменялся телеграммами с президентом С. Карно, посетил французскую выставку, организованную в Москве бывшим министром иностранных дел республики Э. Флурансом. Все это широко освещалось в русской и французской печати. Одновременно велись тайные переговоры между военными и дипломатами обеих стран. Еще в июне Н.Н. Обручев в частных беседах обсуждал в Париже с начальником Генерального штаба Франции Р. Буадефром условия заключения военной конвенции. В июле и августе активно готовилось секретное соглашение между правительствами, оформленное 15(27) августа конфиденциальным обменом

ном посланиями между послом России в Париже А.П. Моренгеймом и министром иностранных дел Франции А. Рибо. Подробнее см.: *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 321–335; *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 261–265.

⁷⁴ 30 августа (ст. стиль) – день памяти святого благоверного князя Александра Невского и тезоименитства императора Александра III.

⁷⁵ Собор Сент-Этьен в Тулузе построен в XII–XVI вв. в романо-готическом стиле. В его интерьере – витражи XIII–XVI вв., гобелены и скульптура XVI–XVIII вв.

⁷⁶ Каркасон (Carcassonne) – главный город департамента Од (Aude). Старая часть города, расположенная на скалистой возвышенности, была укреплена двумя стенами V и XIII в. Готические церкви Сен-Мишель и Сен-Венсан построены в конце XIII в. и в конце XIII – начале XVIII вв.

⁷⁷ Площадь Пуэрта-дель-Соль (Puerta del Sol) – географический центр Мадрида, нулевой километр в дорожной сети Испании.

⁷⁸ Имеется в виду королевский музей, основанный королевой Изабеллой Браганской, женой Фердинанда II, и разместившийся в 1819 г. в здании на Paseo del Prado. В Прадо находится богатейшая коллекция произведений испанского, нидерландского и итальянского искусства (полотна Эль Греко, Рибера, Сурбарана, Мурильо, Веласкеса, Гойи, Босха, Брейгеля, Рафаэля, Тициана, Джорджоне, Веронезе, Тинторетто и др.).

⁷⁹ Armeria – музей оружия. Оружейная палата Московского Кремля – хранилище уникальных коллекций древнерусского и зарубежного искусства, где были собраны сокровищница короны, «древняя царская утварь», а также символы государства. В XIX в. музей находился в подчинении Министерства императорского двора, а непосредственное руководство им осуществлял директор Московской дворцовой конторы. См.: Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 62–70.

⁸⁰ «Ездил я в Эскурьял и присутствовал раз на бою быков, – сообщал Д.А. Милютин своей дочери Ольге 10(22) сентября 1891 г., – я считал себя обязанным хоть раз видеть эту отвратительную забаву и, конечно, в другой раз не будет моей ноги на этих варварских представлениях» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 93. Ед. хр. 43. Л. 26).

⁸¹ По замыслу испанского короля Филиппа II в небольшом городке Эскориал (название означает «груда шлака») в гранитных горах Сьерра-де-Гвадарамы в одном строении, Филиппа, должны были соединиться в единое целое большой монастырь, базилика и светский дворец (по преданию король сказал архитекторам: «Для Господа – дворец, для короля – хижина»). Строительство началось в 1561 г. (проект разработал испанский архитектор Х.Б. де Толедо, затем его работу продолжил

Х. де Эррера), а уже через два года в Эскориале поселились монахи. Монастырь был посвящен Св. Лаврентию. Во внутренней архитектуре собора использованы элементы дорического ордера, по боковым сторонам алтаря стоят скульптуры Карла I и Филиппа II с семьями (работа итальянского скульптура Л. Леони); гладкие стены почти лишены украшений; купол базилики, чуть меньше купола собора Св. Петра в Риме, был завершен лишь в начале 1580-х гг. Склеп Филиппа II закончен в 1654 г. См.: *Ионина Н.А.* Сто великих дворцов мира. М., 2001. С. 231–235.

⁸² Капуцины – монахи, образующие ветвь ордена францисканцев (название получили по остроконечному капюшону, который носили). Орден основан в 1525 г. для противодействия распространению идей Реформации. Ср. описание палермского монастыря и его пещер, оставленное Н. Сатиним: «...Мы сошли в подземелье, старый капуцин с многочисленной свитой пошел отворить нам железные двери, и мы очутились в обширных хорошо освещенных галереях. В боках этих галерей устроены в несколько рядов ниши и в каждой нише стоит мертвец в капуцинской одежде. Но не думайте, что это были одни скелеты, – нет, это высушенные трупы, у которых сохранены мускулы, кожа и даже какое-то страшное выражение лица, руки их связаны крестом на груди, голова повисла на бок, у иного торчит еще клочок бороды, другой оскалил зубы... какие ужасные лица!.. Шесть обширных галерей наполнены такими мумиями. Одна из галерей определена женщинам, которых трупы одеты даже с некоторою роскошью, на полу стоит множество гробов различной формы и величины с гербами и надписями. Тут покоятся также высушенные трупы богатых жителей Палермо...» (*Сатин Н.* Поездка на Сицилию и Мальту 1842 г. [Б. м., б. г.] С. 100–101).

⁸³ Ближние (Антониевы) и дальние (Феодосиевы) пещеры при Киево-Печерской Лавре XI в. Первоначально в подземных пещерах находился монастырь; здесь покоятся мощи святых, киевских митрополитов, затворников.

⁸⁴ «Предстоящая мне теперь часть путешествия будет самая тяжелая, – писал Д.А. Милютин дочери Ольге 10(22) сентября 1891 г., – нигде не предполагаю останавливаться более одного, двух дней. Мне надобно пригонять свой приезд в некоторые пункты к дням отходов пароходов, которые большею частью делают свои рейсы только раз в неделю, а некоторые – даже раз в две недели» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 93. Ед. хр. 43. Л. 26).

⁸⁵ Обелиск в память о народном восстании 1640 г. против испанского владычества находится на площади Реставрации.

⁸⁶ Belem (Белем – искаженное «Вифлеем») – квартал к западу от Лиссабона. Монастырь Св. Иеронима (Convento das Jeronimos) начал строить по приказу короля Мануэла I (1469–1521) архитектор Д. Бойтак,

затем его сменил Н. Шантерен. Строительство началось в 1502–1505 гг. на средства, поступавшие от ввозимых из колоний золота и пряностей, и продолжалось около 100 лет. На южном портале собора множество деталей, характерных для архитектуры мануэлино: рыбы, кораллы, корабельные снасти. В монастыре похоронены 5 королей (в т. ч. Мануэль I и Жуан III) и 7 королев.

⁸⁷ Paço Real d'Ajuda (Palacio da Ajuda) – королевская резиденция в Лиссабоне. Дворец Ажуда был разрушен землетрясением в 1755 г. и частично восстановлен в 1802 г. Поскольку в 1807 г. королевская семья была вынуждена уехать в Бразилию, восстановление дворца так и не было завершено.

⁸⁸ Синтра (Sintra) – небольшой городок в 30 км от Лиссабона. Находящийся в нем королевский дворец (Palacio Real) был сооружен на месте арабского дворца. Над строгим фасадом здания возвышаются две огромных кухонных трубы конической формы (по-видимому, именно они были приняты Д.А. Милютиным за башни). В 3 км от Синтры на высоте 300 м находятся руины Мавританского замка (Castelo dos Mouros), стены которого были построены маврами в VII в. Недалеко от замка, на одной из самых высоких точек горы Синтра, расположен дворец Пена (Palacio da Pena), являющийся образцом романтической архитектуры Португалии (сплав готики, мануэлино, ренессанса и арабизма).

⁸⁹ В VIII в. мавры утвердились на юге Португалии, сделав своей столицей Бежу (север страны оставался христианским). С IX в. началась Реконкиста. В 1249 г. от мавров был освобожден Фару, что ознаменовало конец мавританской эпохи. В 1297 г. Альканисийский договор закрепил границы Португалия, практически совпадающие с современными.

⁹⁰ Строительство крупнейшего в мире средневекового готического собора Санта Мария де ла Седе в Севилье началось около 1402 г. и продолжалось до 1506 г. Он был воздвигнут на месте мавританской мечети, от которой остался только построенный в XII в. минарет Харальда (нижние его части выдержаны в мавританском стиле и украшены сложным орнаментом). В 1560–1568 гг. к минарету была пристроена открытая колокольня в стиле Возрождения. При строительстве собора были сохранены фундамент и разметка мечети, в результате он получился прямоугольной, а не крестообразной формы. Наиболее известна его королевская капелла, построенная в 1551–1575 гг. На северной стороне расположена капелла Св. Антония, где находится картина Б. Мурильо «Св. Антоний». Собор также украшает живопись Якоба Йорданса.

⁹¹ Alcazar Real – королевский дворец в Севилье. Древний Алькасар был построен в X в. маврами (сохранилась часть его стен и внутренний двор). После изгнания мавров во дворце останавливались испанские короли. Основные помещения Алькасара строились в XIV в., участвовавшие

в строительстве арабские мастера использовали характерные для мавританской архитектуры арки, резные капители, инкрустации, алебастр, изразцы. Особенно знаменит зал адмиралов (Sala del Almirantes), в котором с начала XVI в. обсуждались планы колонизации Нового Света, в том числе путешествие Магеллана.

⁹² Дом Пилата (Casa de Pilatos) строился почти 100 лет и был закончен к 1630 г. Это здание называлось так же дворцом Св. Андрея. В нем можно видеть патио, мраморные колонны, изразцы, статуи римских богинь и императоров Рима (Тиберия, Калигулы и др.). Во дворце собрано много произведений искусства, в том числе коллекции герцогов Мединаселли.

⁹³ Дворец Сан Тельмо (Palacio de san Telmo) сооружен в конце XVII в. в стиле андалусского барокко, отличающегося множеством архитектурных деталей (фасад относится к XVIII в.). Предназначался для кадетов морской гвардии. Во дворце находится статуя покровителя мореплавателей Св. Тельма (Эльмо) с кораблем в руках.

⁹⁴ Строители собора в Кордове вписали его в покинутую маврами мечеть (в отличие от собора в Севилье, строившегося на месте разрушенной мечети). На этом месте сначала стоял римский храм Януса, затем церковь ариан-вестготов; мечеть строилась с середины VIII в. до начала XI в. и представляла собой один из самых грандиозных памятников арабской архитектуры. В 1236 г., взяв город, король Фердинанд III Святой приказал превратить ее в христианский храм. Минарет перестроили в колокольню, вдоль внутренних стен здания соорудили капеллы. В 1523 г. архитектор Алонсо Манрике решил выстроить внутри мечети большой собор. Несмотря на возражения городских властей, Карл V дал согласие.

⁹⁵ Альгамбра (от араб. Альхамра – красная) – комплекс крепости-дворца мавританских властителей Испании около Гранады. Построен в XI в. Естественная окраска стен красного цвета. Некоторые залы отличаются особенно пышной и изящной отделкой, характерной для позднемавританского зодчества. Используются резной алебастр, яркая роспись, позолота.

⁹⁶ Дженералифе (Generalife) по-арабски – «сад архитектора». Относится к XIII в. В 1319 г. в нем возведена обзорная башня, а впоследствии по приказу Филиппа III устроена кипарисовая аллея.

⁹⁷ Ла-Картуха (Cartuja) – картезианский монастырь XVI в. В XVIII в. архитектором Л. Арвалем сооружена ризница (сакристия), которую за богатое убранство называли «христианской Альгамброй». При ее отделке использовали мрамор и стукк, двери и наличники украшены панцирем черепахи, перламутром, серебром, слоновой костью.

⁹⁸ Собор в Гранаде был построен по желанию королевы Изабеллы Катлической на месте мечети. Работы начались в 1523 г. и завершились в

1704 г. Главный алтарь считается жемчужиной испанской архитектуры. В королевской часовне собора находится усыпальница Фердинанда и Изабеллы, Филиппа Красивого и Хуаны Безумной.

- ⁹⁹ Алькасаба (Alcazaba) – крепость, построенная маврами в XIV в., являвшаяся впоследствии также и резиденцией короля. Состоит из множества концентрических стен, за которыми разбиты великолепные сады.
- ¹⁰⁰ Собор в Малаге строился с 1528 г. Строительство не было окончено.
- ¹⁰¹ Гибралтар был захвачен англичанами в 1704 г. в ходе войны за испанское наследство. Заключив в 1713 г. Утрехтский мир, Испания согласилась с передачей Гибралтара Англии, однако затем неоднократно пыталась вернуть его. Британский суверенитет над Гибралтаром был подтвержден Севильским трактатом 1729 г. и Версальским договором 1783 г.
- ¹⁰² Имеются в виду трофеи, взятые англичанами во время Крымской войны 1853–1856 гг.
- ¹⁰³ На рубеже 1880–1890-х гг. в городах Марокко насчитывалось около 2 тыс. иностранцев (преимущественно испанцев).
- ¹⁰⁴ Султан Марокко носил титул «Эмир аль Муменин». Формально его власть была ограничена лишь Кораном (и соответственно советом улемов). В Танжере находились посольства Англии, Франции и Испании, а также 12 консульств других стран.
- ¹⁰⁵ Столица султана Марокко находилась в городе Фес (Фец).
- ¹⁰⁶ Завоевание Алжира Францией началось в июне 1830 г. и продолжалось до конца 1847 г. Однако и после этого французской администрации не раз приходилось сталкиваться с враждебными действиями туземных племен.
- ¹⁰⁷ Добиваясь от французского консула Деваля выполнения своих денежных требований, алжирский дей Гусейн-паша 30 апреля 1827 г. ударил его ручкой опахала. Французское правительство потребовало удовлетворения за нанесенное оскорбление, отозвало консула и направило небольшую эскадру к берегам Алжира. Одновременно предпринимались попытки возобновить переговоры с деєм. Однако, когда 3 августа 1829 г. французский адмирал, попросив об аудиенции, отправился в Касбу, где находилась резиденция дея, его корабль подвергся длительному обстрелу. Оскорбление французского флага и послужило непосредственным поводом для отправки военной экспедиции в Алжир. Решение об этом было принято в Париже 31 января 1830 г., а подготовка экспедиционного корпуса растянулась еще на полгода. В то же время завоевание Алжира стало частью амбициозной внешнеполитической программы кн. Ж.-О. Полиньяка, направленной на пересмотр европейских границ и усиление позиций Франции в

Средиземноморье и на Ближнем Востоке, что должно было укрепить престиж династии Бурбонов и облегчить изменение конституции 1814 г.

- ¹⁰⁸ Весной 1881 г. Франция ввела свои войска на территорию Туниса и навязала бею Саддуку Бардоский договор, фактически означавший установление протектората. В 1890–1895 гг. в Бизерте была создана первоклассная военно-морская база, рассчитанная на оборону как с моря, так и с суши и сразу же получившая большое стратегическое значение.
- ¹⁰⁹ Опера Джузеппе Верди.
- ¹¹⁰ Большая мечеть, или Джани-аз-Зитуна (мечеть олив) была заложена в 732 г., в IX–XI вв. и позднее неоднократно перестраивалась и обновлялась. Просторный зал мечети делится аркадами на 15 нефов. Арки опираются на колонны с коринфскими капителями.
- ¹¹¹ Зуавы (Zouaves) – вид легкой пехоты во французских колониальных войсках. В XIX – начале XX в. формировалась в Северной Африке из французов и местных жителей.
- ¹¹² Загородный дворец Бардо был построен в XVIII–XIX вв., однако отдельные его части относятся к XV в.
- ¹¹³ Музей Alaoui (Алауи) создан в 1882 г. В нем собрана коллекция римских мозаик и произведения искусства с античности до нового времени.
- ¹¹⁴ Карфаген был основан в 814 г. до н. э. Сохранились в основном остатки римских зданий – Капитолия, амфитеатра, терм Антонина, а также византийских церквей (в том числе самой большой в Африке девятинефной базилики Дамус-аль-Карита), баптистериев, гробниц.
- ¹¹⁵ О посещении Д.А. Милютиным Мальты в 1889 г. см.: *Милютин Д.А. Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 380–382.*
- ¹¹⁶ Орден иоаннитов владел о. Мальтой с 1530 по 1798 г.
- ¹¹⁷ Храм Зевса Олимпийского воздвигался между 471 и 457 гг. до н. э. элидским архитектором Либоном. Монументальная статуя Зевса, находившаяся в храме, была изваяна в V в. до н. э. древнегреческим скульптором Фидием. Храм Геры в Олимпии сооружен в VI в. до н. э. и представлял собою самое крупное культовое сооружение архаической эпохи. В центре храма помещалась статуя Геры, сидящей на троне. Пританей – здание, в котором заседали пританы, занимавшиеся текущими делами святилища. В нем имелась палата торжеств, где угощали победителей на играх. Палестра построена в конце III в. до н. э. для тренировок атлетов. Подробнее см.: *Соколов Г.И. Олимпия. М., 1980.*
- ¹¹⁸ Помпеи – древний город на Аппенинском полуострове в окрестностях современного Неаполя. Погиб при извержении Везувия в августе 79 г. н. э. Раскопки ведутся с XVIII в.

- ¹¹⁹ Метопы и триглыфы – архитектурные элементы храма Зевса. Описание метоп храма Зевса, изображавших подвиги Геракла, см.: *Соколов Г.И.* Олимпия. М., 1980. С. 125–141.
- ¹²⁰ Имеется в виду статуя Гермеса с младенцем Дионисом, созданная в 340 г. до н. э. Праксителем и найденная в 1877 г. в храме Геры. Хранится в музее Олимпии.
- ¹²¹ Мраморная статуя Венеры Милосской (26 г. до н. э.) была обнаружена в 1820 г. на о. Милос в Эгейском море.
- ¹²² Музей в Олимпии построен в 1887 г. для экспонирования произведений искусства, украшавших храм Зевса. Первые раскопки в Олимпии начались в 1829 г. под руководством французского археолога Дюбуа, отправлявшего найденное в Лувр. После значительного перерыва они были возобновлены в 1875 г. немецкими археологами Э. Курциусом и Ф. Адлером (до открытия музея в Олимпии находки отправляли в Афины). См.: *Соколов Г.И.* Олимпия. М., 1980. С. 18–19.
- ¹²³ В памятной книжке на 1891 г. Александр III записал: «28 октября. В 10 ч. пришли все семейство поздравить с подарками. Принимали нашу свиту и людей с поднесенными образами. В 12 ч. молебен и большой завтрак до 50 человек. Получили массу телеграмм более 200 и все еще получаем...» (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 290. Л. 11). Наследник Николай Александрович отметил в своем дневнике: «28 октября. Понедельник. Радостный день 25-летия свадьбы дорогих Папа и Мама, дай Бог, чтобы они еще много раз праздновали подобные юбилеи. Все были оживленнее да и погода поправилась. Утром они получили подарки от семейства: мы пятеро подарили папа золотые ширмочки с нашими миниатюрами, а Мама брошку с цифрой 25! Кроме подарков было поднесено много замечательных красивых образов, самый удачный, по-моему, это складень от всех служивших в Аничкове до 1891 года. А.Н. Стюрлер обратился от имени всех с кратким приветствием. Главное, что было приятное в этом торжестве то, что не было ничего официального, все были в сюртуках, вышло совершенно патриархально! После молебна был завтрак и тем все и кончилось...» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. Л. 51–52).
- ¹²⁴ «Одесский листок» – ежедневная литературная, политическая и коммерческая газета, издававшаяся под редакцией В.В. Навроцкого.
- ¹²⁵ См.: «Отклик. Литературный сборник в пользу голодающих». Одесса: Типография и литография «Одесского листка», 1892. Свои публикации и автографы в сборник дали Я.П. Полонский, Я.К. Грот, Н.Ф. Грот, И.И. Янжул, Д.И. Менделеев, Д.И. Иловайский, Д.И. Багалей, Г.К. Градовский, В.В. Комаров, М.Л. Пековский, К.С. Баранцевич, А.И. Леман, Ал. Лесков, кн. А.И. Сумбатов и др.
- ¹²⁶ Письмо Д.А. Милютина было опубликовано в «Отклике» (заключительная часть – в виде фототипии): «М[илостивый] г[осударь]!

Вполне сочувствуя предпринятому, по случаю нынешнего народного бедствия, изданию в пользу голодающих, под названием “Отклик”, я искренне желал бы и со своей стороны оказать посильное содействие задуманному благому делу, но сомневаюсь, может ли иметь какое-либо значение для Вашего издания просимый Вами автограф мой. Что же касается выраженного Вами желания получить “хотя бы одну страничку из составляемой мною истории прошлого царствования”, – то я пользуюсь настоящим случаем, чтобы решительно отвергнуть довольно распространенный слух, будто бы я занимаюсь такой работой. Судите сами, возможно ли писать “Историю царствования”, живя уединено в деревенской глуши, без всяких материалов и не имея возможности работать в архивах. Если бы, однако ж, вопреки моим объяснениям, Вы остались при непременном намерении включить в предпринятое издание несколько строк моего старческого писания, – то предоставляю настоящее мое письмо в полное Ваше распоряжение. Примите, Милостивый Государь, выражение истинного моего к Вам почтения. Граф Д. Милютин. 29 октября 1891 г. Симеиз, на Южном берегу Крыма». В оглавлении издателя сборника допустили досадную опечатку в инициалах Д.А. Милютина (Отклик: Литературный сборник в пользу голодающих. Одесса, 1892. С. 10).

¹²⁷ «Кавказ» – первая русская политическая и литературная газета на Кавказе, издававшаяся в Тифлисе с 1846 г. по инициативе наместника кн. М.С. Воронцова (в 1846–1849 гг. – еженедельно, в 1850–1876 гг. – дважды в неделю, с 1868 г. – 3 раза в неделю, с 1877 г. – ежедневно). Издание газеты находилось под контролем главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и субсидировалось правительством. Ю.Н. Милютин являлся ее редактором в 1892–1894 гг. См.: *Лисовский Н.М.* Русская периодическая печать, 1703–1900 гг.: (Библиография и графические таблицы). Пг., 1915. С. 28.

¹²⁸ См.: *Галиани Ф.* Беседы о торговле зерном. Киев, 1891. М.И. Драгомиров не только перевел сочинение аббата Галиани, но и сопроводил его собственным предисловием (Там же. С. I–XXIII).

¹²⁹ Вел. кн. Константин Николаевич скончался в ночь с 12 на 13 января 1892 г.

¹³⁰ Подробнее о великом князе см.: *Воронин В.Е.* Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; *Он же.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008; *Он же.* Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009; *Он же.* Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010.

¹³¹ Дневники, записные и памятные книжки вел. кн. Константина Николаевича хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 722. Оп. 1. Д. 74–124, 128–135, 1149, 1153–1165). Дневники за 1858–1861 гг. опубликованы Л.Г. Захаровой и Л.И. Тютюнник, см.: 1857–1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем: Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 137–354.

¹³² Д.А. Милютин собрал обширную библиотеку по различным отраслям знания (военное дело, статистика, правоведение, философия, религия, история, археология, путешествия, естественные и математические науки, русские и иностранные художественные произведения, энциклопедии, словари, отчеты и официальные публикации, периодика, а также планы, карты, атласы, альбомы по искусству). В своем завещании Дмитрий Алексеевич особо оговаривал, что «библиотека есть такое имущество, которое требует своего рода ухода и заботливого оберегания, без чего оно незаметно выскользает из рук и улетучивается бесследно». При этом он полагал, что «передать весь этот остаток в какое-либо из существующих книгохранилищ – едва ли возможно, по разнородности состава моей библиотеки»: «То, что пригодно для одного, не имеет никакой цены для другого» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 87. Ед. хр. 15. Л. 15–15 об.). О составе и примерном объеме библиотеки Милютина можно судить по его собственноручным записке «Проект будущего размещения библиотеки в Военной санатории» (по завещанию Н.М. Милютиной санаторий предписывалось создать в имении Симеиз) и таблицам «Размещение библиотеки по группам полок» и «Размещение библиотеки по главным отделам каталога». В 1910 г. общая протяженность библиотечных полок в Симеизе составляла 559 аршин 6 вершков (Там же. К. 87. Ед. хр. 12. Л. 16–33). В ней имелись старинные русские и французские издания. Также в ее состав вошла завещанная Милютину библиотека гр. П.Д. Киселева (эти книги имели на корешке инициалы «Р.К.»). Часть художественной и исторической литературы и несколько альбомов Дмитрий Алексеевич завещал дочерям (в т. ч. собрания сочинений Т.Н. Грановского, В.А. Жуковского, К.Д. Кавелина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, И.С. Тургенева) (Там же. К. 87. Ед. хр. 21. Л. 9–14). Милютин желал, чтобы его «библиотека вся целиком» была передана в Военную академию, которая «по своему усмотрению» могла передать часть книг Санатории Красного Креста, которую предполагалось устроить в Симеизе, Александровской военно-юридической академии, 121 Пензенском генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина полку в Харькове и лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде в Петербурге (Там же. К. 87. Ед. хр. 21. Л. 6). Однако, скорее всего, большая часть библиотеки осталась в Крыму, поскольку летом 1913 г. в Военную академию было отправлено только «три ящика с книгами» (Там же. К. 92.

Ед. хр. 51. Л. 1). Местонахождение книг из библиотеки Милютина в настоящее время не установлено.

¹³³ Слухи о скорой войне упорно распространялись в начале 1892 г., особенно на польских территориях. Там явно рассчитывали на дальнейшее ухудшение русско-германских отношений. Из Галиции и Познани открыто писали о приготовлениях к войне с Россией (письма перлюстрировались и вызывали тревогу в Варшаве и Петербурге). О военной угрозе и возможности восстания в Польше в феврале 1892 г. говорили министр внутренних дел И.Н. Дурново и варшавский генерал-губернатор И.В. Гурко (*Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892. М., 1934. С. 280–281, 288–289; Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 426). В то же время импульсивный характер Вильгельма II всегда давал обильную пищу для пересудов. Так, в начале 1892 г. много говорили о его неудачном выступлении на банкете по случаю открытия бранденбургского ландтага (*Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892. М., 1934. С. 283). В России невыгодные для германского императора толки активно распространялись императрицей Марией Федоровной и ее окружением. В частности, в начале февраля 1892 г. она рассказывала, явно рассчитывая на широкую огласку, будто «германская императрица убежала от своего мужа вследствие грубого с нею обхождения» и проч. (Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 417–418).

¹³⁴ По-видимому, именно об этом посещении Симеиза вспоминал впоследствии А.Ф. Кони (по ошибке отнеся его к 1890 г.): «Прогостив у него два дня, я собрался пройти пешком до Алупки, чтобы сесть в омнибус, отправляющийся в Ялту. Дмитрий Алексеевич захотел меня проводить. Но в Алупке оказалось, что омнибусы в этот день не ходят: какой-то купец, празднуя свои именины, откупил все омнибусы для своих гостей. Пришлось идти в Мисхор, чтобы взять перекладную. И этот путь Милютин свершил бодро и легко. В Мисхоре свободно оказалась одна лишь перекладная тележка, и смотритель станции предложил мне разделить ее с другим лицом, ожидавшим очереди. Таковым оказался еще раньше встреченный мною на пути в Гурзуф саратовский помещик, чрезвычайно говорливо решавший все вопросы с провинциальным самодовольством и всезнайством. Когда мы уселись, Дмитрий Алексеевич, одетый в старенький китель, с тростью в руках, и в высоких сапогах, дружески простившись со мною и приветливо поклонясь моему спутнику, пошел назад, не страшась вторично проделать долгий путь. “Кто сей старче?”, – небрежным тоном спросил меня саратовский помещик, кивнув головою в сторону удалявшегося Милютина. – А как Вы думаете? – Да так, неважная фигура! – Не важная – это точно, но значительная и весьма!» И я объяснил ему, кто этот скромный “старче”... “Как? Где? Да не может быть”, – и он так засуетился на перекладной, что чуть не свалился на землю, вертясь

во все стороны и сляясь разглядеть мелькавшую вдали на извивах дороги “неважную фигуру”...» (*Кони А.Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. М., 1968. С. 231–232).

¹³⁵ Сохранилось лишь 2 письма и 6 телеграмм А.Д. Милютинина к отцу. Повидимому, остальные (в т. ч. и письмо о назначении губернатором в Курск) были уничтожены согласно завещанию Д.А. Милютинина, как и письма его жены (см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 68. Ед. хр. 72).

¹³⁶ *Чичерин Б.Н.* Положительная философия и единство науки. М., 1892.

¹³⁷ Часть архива А.М. Милютинина сохранилась в фонде Д.А. Милютинина. Среди них биографические, хозяйственные и служебные документы, в частности, записки А.М. Милютинина о необходимости создания в Москве общего губернского архива и проект его учреждения (ОР РГБ. Ф. 169. К. 89. Ед. хр. 24), а также материалы, связанные с увольнением А.М. Милютинина от должности члена Комиссии по построению в Москве Храма Христа Спасителя (там же. Ед. хр. 25–31), и написанные им «Замечания, касающиеся винокурения и устройства заводов» 1818 г. (там же. Ед. хр. 32); «Опыт о государственном хозяйстве» [конец 1810-х гг.] (там же. Ед. хр. 33), «О заведении фабрик в России» 1821 г. (там же. К. 90. Ед. хр. 1), «Проект Общества для одобрения русской промышленности» 1821 г., «Теория брожения, приложенная к винокурению, и следствия оной» 1821 г. (там же. К. 90. Ед. хр. 3), «Мысли о новом безакцизном уставе» 1828 (там же. Ед. хр. 4).

¹³⁸ 20 марта 1890 г. Вильгельм II удовлетворил вынужденное прошение О. фон Бисмарка об отставке. Причиной ее стало отсутствие доверия и поддержки со стороны императора. Отставленный канцлер удалился в свои имения (Фридрихсруэ и Варцин), куда вскоре устремились многочисленные посетители и делегации со всей Европы. С конца марта 1890 г. до мая 1897 г. он произнес перед ними 146 речей. Записи его разговоров 1890–1898 г. составили впоследствии обширный том; статьи бывшего канцлера не раз появлялись в германских газетах. В своих выступлениях и высказываниях 1890-х гг. Бисмарк жестко критиковал внешнюю и внутреннюю политику Вильгельма II и его окружения. С особой настойчивостью Бисмарк осуждал ухудшение русско-германских отношений, отказ от продления «договора перестраховки» 1887 г. и отсутствие каких-либо соглашений между Россией и Германией, между которыми, по его словам, не было существенных противоречий. Не получив в июне 1892 г. из-за вмешательства германских властей и лично Вильгельма II аудиенции у Франца-Иосифа, Бисмарк, приехавший в Вену на свадьбу своего сына, сделал ряд резких заявлений в интервью венской газете «Neue Freie Presse», а затем – в речах, произнесенных 30–31 июля перед профессорами и студентами Иенского университета и жителями Иены, вызвавших большой резонанс в печати. Оправдывая перед собравшимися свою

- политику, обеспечившую объединение Германии, Бисмарк одновременно пытался доказать ее миролюбие и историческую необходимость. Подробнее см.: *Чубинский В.В.* Бисмарк: политическая биография. М., 1988. С. 396–402; *Людвиг Э.* Бисмарк. М., 1999. С. 464–465.
- ¹³⁹ В 1871–1880 гг. М.П. Горлов являлся управляющим делами Комитета по делам Царства Польского (25 февраля 1864 г. – 29 мая 1881 г.) – высшего совещательного органа при императоре, обсуждавшего проекты реформ в привисленских губерниях и рассматривавшего споры, возникавшие между административными, судебными и духовными властями края (см.: *Высшие и центральные учреждения России.* Т. 1. СПб., 1998. С. 78–79). Д.А. Милютин являлся членом комитета с 22 ноября 1866 г.
- ¹⁴⁰ До назначения 30 августа 1892 г. управляющим Министерством путей сообщения А.К. Кривошеин занимал (с 21 ноября 1891 г.) пост директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. В 1870-е – начале 1880-х гг. он являлся предводителем дворянства Ростовского округа и гласным екатеринославского губернского земства, а с 1884 г. был причислен к Министерству внутренних дел, после чего стал членом целого ряда совещаний и комиссий, связанных с управлением железными дорогами и разработкой железнодорожных и таможенных тарифов. «...Дурново, говорят, Кривошеину должен, – писал в дневнике в сентябре 1892 г. государственный контролер Т.И. Филиппов, – чем и объясняют его заботы и проведение в министры человека, который решительно не имеет на такое назначение ни малейшего права. Кроме того, Кривошеин женат на [М.П.] Струковой, принадлежащей к семейству, с которым Дурново дружен еще с Екатеринослава...». По словам Филиппова, И.Н. Дурново удалось добиться назначения Кривошеина при содействии С.Ю. Витте, нуждавшегося в поддержке в высшем обществе и при Дворе (РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 48–50). 1 января 1893 г. Кривошеин был утвержден в должности министра.
- ¹⁴¹ См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004.
- ¹⁴² В 1870–1890-е гг. под руководством И.И. Жилинского было осушено более 2,5 млн десятин пинских болот. Подробнее см.: *Жилинский И.И.* Краткое обозрение Полесья и его канализации. СПб., 1892; *Он же.* Очерк работ Западной экспедиции по осушению болот (1873–1898). СПб., 1899.
- ¹⁴³ Русское географическое общество учреждено в 1845 г. (с 1849 г. Императорское) для изучения физической и экономической географии и этнографии России и ее окраин. Общество объединяло широкий круг ученых и служащих различных ведомств, организовывало многочисленные экспедиции и осуществляло масштабную исследовательскую и издательскую деятельность. В 1845–1892 гг. его председателем состоял вел. кн. Константин Николаевич, с 1892 г. – вел. кн. Николай

Михайлович. Подробнее см.: *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества. 1845–1895. Ч. 1–3. СПб., 1896.

Д.А. Милютин являлся членом Общества с декабря 1846 г., а в 1849–1854 и 1855–1856 гг. входил в его Совет. См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 138–140, 144–146, 175–176, 194–195.

¹⁴⁴ История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. Составлена по Высочайшему повелению Государя Императора Николая I. Сочинение полковника Милютина. Т. 1–5. СПб., 1852–1853.

¹⁴⁵ Секретарь Императорского Русского географического общества А.В. Григорьев 29 ноября 1892 г. сообщил Д.А. Милютину, что, путешествуя по Швейцарии, он сделал фотографию надписи «кем-то высеченной в 1806 году на придорожной скале в память суворовской победы у госпица Сан-Готарда». «...Быть может, – писал Александр Васильевич, – приятно будет взглянуть на изображение этого единственного сохранившегося еще в Швейцарии памятника “Суворова победам”... С окончанием строящегося ныне над Сан-Готардским госпицом форта, памятник этот окажется в сфере огня...». Судя по отметке, сделанной Д.А. Милютиным на письме, фотография была помещена «в картон, в котором хранятся другие рисунки к моей истории войны 1799 г.» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 62. Ед. хр. 38. Л. 1–1 об.). В настоящее время в личном фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ этот снимок не обнаружен.

¹⁴⁶ См.: *Taine H.* Nouveaux essais de critique et d'histoire. Paris, 1865.

¹⁴⁷ В 1881 г. началось строительство Панамского канала, соединившего Атлантический и Тихий океаны. Проект, подготовленный французскими инженерами во главе с Ф. де Лессепсом, осуществлялся на средства акционерного Общества Панамского канала. В 1888 г. оно обанкротилось и было закрыто. Начавшееся судебное разбирательство выявило причастность к финансовым махинациям не только руководства компании, но и многих политических деятелей, включая руководителей крупнейших парламентских партий и влиятельных газет. Разоблачения вызвали в декабре 1892 г. правительственный кризис, ряд министров (в том числе военный министр и министр финансов) оставили свои посты, несколько депутатов и сенаторов были преданы суду (позднее почти все оправданы). Прежнее политическое руководство республики оказалось скомпрометированным. Кризис был преодолен только весной 1893 г., значительно дестабилизировав положение во Франции и вызвав рост радикальных настроений во французском обществе. В ответ правительство начало преследование социалистов, закрыло биржу труда и ввело в Париж войска. Выборы, прошедшие в августе и сентябре, наполовину обновили состав палаты

депутатов, где впервые появилась заметная социалистическая фракция (50 человек). В 1894 г. была создана «Новая кампания Панамского канала», возобновившая строительные работы.

¹⁴⁸ Вероятно, имеется в виду проект нового военного закона, внесенный в ноябре 1892 г. в германский рейхстаг канцлером гр. Г.Л. Каприви. Увеличение армии и военных расходов было вызвано как общим ростом вооружений в Европе, так и новым стратегическим планом, разработанным в конце 1892 г. начальником Большого генерального штаба А. фон Шлиффеном (он предусматривал в случае войны осуществление молниеносного разгрома Франции при оборонительных действиях против России). Проект Каприви был направлен преимущественно против Франции, однако, отстаивая его в рейхстаге, канцлер, желавший обеспечить себе поддержку «свободомыслящих», польских депутатов и социал-демократов, указывал прежде всего на угрозу со стороны России. Закон был принят 13 июля 1893 г. Его обсуждение проходило в условиях острой таможенной войны, развернувшейся между Россией и Германией в 1892–1893 гг.

¹⁴⁹ В 1882 г. после массового избиения христиан в Александрии Англия, желая обеспечить свои стратегические интересы в регионе, оккупировала Египет. В 1880-е гг. члены британского правительства (особенно У. Гладстон) неоднократно заявляли, что оккупация носит временный характер, а эвакуация британских войск является делом чести. Однако сэр Ивлин Бэринг (с 1893 г. – лорд Кромер), в 1883–1907 гг. являвшийся английским генеральным консулом и личным представителем королевы Виктории (а затем и Эдуарда VII) в Египте, напротив, был убежден в том, что оккупация должна носить длительный характер, поскольку египтяне не в состоянии самостоятельно осуществить необходимые преобразования. Опираясь на богатый административный опыт, приобретенный с 1872 г. на службе в Индии и Египте, Бэринг установил систему «скрытого протектората», при которой англичане полностью контролировали положение в стране, а все египетские чиновники обязаны были, под страхом увольнения, исполнять все распоряжения британской администрации. При этом Бэринга поддерживал как хедив Тавфик, опиравшийся на оккупационные войска, так и египетская знать, искавшая у англичан защиты против хедива. Постепенно в Египте проводились финансовые, административные и судебные реформы, ставившие его жителей под контроль англичан. Сменивший в 1892 г. умершего Тавфика хедив Аббас II Хильми, получивший образование в Австро-Венгрии, попытался добиться вывода британских войск и даже развернул в Европе газетную кампанию против оккупации Египта. Тем не менее под давлением лорда Кромера ему пришлось отказаться от намерения назначать должностных лиц и офицеров по собственному усмотрению, без согласования с английской администрацией. В результате режим, установленный Кроме-

ром, сохранялся в Египте до 1914 г., когда он был официально провозглашен протекторатом Великобритании. Подробнее см.: *Зеленев Е.И.* Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). СПб., 2003. С. 200–218.

- ¹⁵⁰ Политические амбиции популярной в Сербии королевы Наталии (дочери бессарабского помещика и полковника русской службы П. Кешко), пытавшейся руководить своим мужем – сербским королем Миланом Обреновичем и одновременно поддерживавшей оппозиционные ему силы, не раз приводили к столкновениям в королевском семействе. В 1887 г. Милан заставил жену уехать в Германию, лишил ее возможности видеться с сыном и начал бракоразводный процесс. Когда духовный суд отказал ему в разводе, Милан настоял, чтобы митрополит Феодосий признал его брак расторгнутым. Однако после того как в 1889 г. Милан отрекся от престола и выехал из Сербии, акт Феодосия был признан незаконным (а сам он низложен). Тогда же королева Наталия вернулась в страну, но уже в 1891 г. была насильно выслана по решению скупщины до совершеннолетия своего сына. В 1893 г. примирилась с мужем, а после устранения регентства была восстановлена Александром Обреновичем в правах и вновь возвратилась в Белград. В 1898 г. вторично покинула страну из-за конфликта с сыном.
- ¹⁵¹ После передачи в 1866 г. управления государственными крестьянами в ведение общих губернских и уездных по крестьянским делам учреждений в правительственных сферах не раз обсуждался вопрос о необходимости преобразования Министерства государственных имуществ, утратившего основные функции и прежнюю роль. Летом 1892 г. в связи с тяжелой болезнью министра финансов И.А. Вышнеградского рассматривалась возможность перераспределения обязанностей между министерствами финансов, путей сообщения и государственных имуществ. В январе 1893 г. М.Н. Островский покинул пост министра государственных имуществ и был назначен председателем Департамента законов Государственного совета, заменив Д.М. Сольского, возглавившего Департамент государственной экономии. По словам Ф.Г. Тернера, С.Ю. Витте «уговорил» Александра III назначить Сольского, опасаясь назначения Вышнеградского и его влияния на императора. 28 марта 1893 г. А.С. Ермолов, занимавший с сентября 1892 г. должность товарища министра финансов, стал управляющим Министерством государственных имуществ. 31 мая он представил всеподданнейший доклад о преобразовании и переименовании возглавляемого им ведомства. Одобрив эти предложения, Александр III в тот же день подписал указ, в котором Ермолову поручалось провести реорганизацию и подготовить создание Министерства земледелия и государственных имуществ. 21 марта 1894 г. было утверждено «Учреждение», определившее его структуру, штаты и функции (содействие развитию сельского хозяйства и кустарной промышленно-

сти, рыбных и звериных промыслов, лесной и горной промышленно-сти, руководство учебными заведениями по данной отрасли и т. д.). После отставки Ермолова 6 мая 1905 г. министерство было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия. См.: ПСЗ-III. Т. 13. № 9701; Т. 14. № 10457; Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. СПб., 1911. С. 219–223; Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерство в России. М., 2007. С. 537–539, 579–581.

¹⁵² Познакомившись с теорией Д.И. Менделеева о химических периодах и рядах, Б.Н. Чичерин в 1880-е гг. увлекся изучением химии и высшей математики. «Более года, – вспоминал он в 1894 г., – я все занимался разными математическими выкладками, с помощью которых у меня выработалась цельная, последовательная система химических отношений...». Первую главу своего исследования Чичерин отправил Менделееву, который, обстоятельно переговорив с ним, заинтересовался его работой, настойчиво рекомендовал ее напечатать и даже написал соответствующую записку редактору «Журнала русского физико-химического общества». Статьи Чичерина публиковались там с 1887 по 1892 г. (уже после смерти автора они были собраны в книге: *Чичерин Б.Н.* Система химических элементов. Закон образования химических элементов. М., 1911). Однако подробного отзыва от Менделеева Чичерин так и не получил. «Ни одного дельного замечания» не услышал он и в московском «Обществе любителей естествознания», где им был сделан двухчасовой доклад: «...Химики говорили, что судить об этом должны математики, а математики говорили, что судить об этом должны химики. Основательно познакомиться с вопросом никто не взял на себя труда. Немного об этом потолковали, и дело кануло воду». См.: *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 2010. С. 479–481.

¹⁵³ Вечером 3 марта 1893 г. К.В. Рудановский телеграфировал Д.А. Милютину: «Служащие Александровского кадетского корпуса просят Ваше Сиятельство принять сердечные поздравления с исполнившимся ныне шестидесятилетием доблестного служения царю и отчизне, от всей души желая Вашему Сиятельству долголетия, здоровья и счастья. Генерал-майор Рудановский» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 79. Ед. хр. 11. Л. 14).

¹⁵⁴ После отречения в 1889 г. короля Милана Обреновича сербский престол перешел к его малолетнему сыну Александру, при котором был сформирован Регентский совет во главе с Й. Ристицем (в него вошли генералы К. Протич и Й. Белимаркович). Желая успокоить страну, регенты шли на уступки радикалам, позволили вернуться политическим эмигрантам, включая Н. Пашича, не препятствовали их партийной деятельности и агитации. В результате после выборов в скупщину радикалы получили в ней подавляющий перевес и сформировали правительство во главе с генералом С. Груичем. Когда в 1892 г. умер Протич, скупщина должна была выбрать его преемника. Дабы пре-

дотвратить избрание в регентский совет радикала, Ристич при поддержке бывшего короля Милана совершил в августе 1892 г. переворот – распустил скупщину, сформировал либеральное правительство и начал преследование радикалов, благодаря чему либералам удалось одержать победу на новых выборах в скупщину. Между тем 13 апреля 1893 г. Александр Обренович под влиянием своего отца и при помощи военных объявил себя совершеннолетним, арестовал во время торжественного приема регентов и министров, распустил скупщину и сформировал коалиционное правительство из напредняков и радикалов, которое возглавил бывший наставник короля Л. Докич.

¹⁵⁵ Воспоминания гр. А.А. Толстой о конце царствований Александра II см.: *Толстая А.А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе.* М., 1996. Любопытно, что Д.А. Милютин в них не упоминается.

¹⁵⁶ «Сорок лет тому назад, Дмитрий Алексеевич, довелось мне сойтись с Вами, – писал Б.Н. Чичерин. – Я был еще совсем молодым человеком, а Вы были тоже молодым еще профессором Военной академии. С первого знакомства зародились во мне то глубокое сочувствие и почтение, которое испытывает всякий, кому приходится видеть Вас близко. Дальнейшее сближение с Вами могло только укрепить эти чувства, которые на старости лет особенно мне дороги» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Ед. хр. 53. Л. 3–4).

«В прошлом 1893 году мы праздновали золотую свадьбу этого достойного и почтенного человека, оказавшего России незабвенные услуги, – вспоминал Борис Николаевич. – Его ялтинские друзья поднесли ему медный щит, символ защиты отечества, и в нем пятьдесят роз, в знак юбилейного торжества. При этом я написал ему письмо, вылившееся из души, которое, по-видимому, его тронуло. Он напоминает мне не только хорошие дни моей молодости, но и лучшее время для русской земли, эпоху пробуждения и преобразований, которых он был одним из крупных участников. И после всех почестей он остался все тем же, каким я знал его сорок лет тому назад, скромный, мягкий, сердечный, с живыми интересами, с искренней любовью к просвещению, чуждый всего мелочного, что так часто прилепляется к человеку, призванному действовать в высших правительственных сферах» (*Чичерин Б.Н. Воспоминания.* Т. 2. М., 2010. С. 457).

¹⁵⁷ Письмо П.Н. Тарновской, написанное 23 мая 1893 г., см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 5.

¹⁵⁸ Телеграмму, посланную Милютиным императором и императрицей из Гатчины 23 мая 1893 г., см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 79. Ед. хр. 8. Л. 4. Телеграмму, отправленную 23 мая 1893 г. из Москвы великим князем Сергеем Александровичем, см.: Там же. Ед. хр. 9. Л. 28.

¹⁵⁹ В 1872 г. в Медико-хирургической академии при поддержке Д.А. Ми-

лютина был учрежден «особый женский курс для образования ученых акушерок». Постепенно программа курсов была расширена до университетского уровня, а срок обучения увеличен с 4 до 5 лет (оканчивающим предоставлялось звание женщин-врачей). С 1876 г. их перевели в Николаевский военный госпиталь. С 1882 г. прием на курсы был прекращен, а в 1887 г. их окончательно закрыли, после безуспешной попытки передать в ведение Министерства народного просвещения или Министерства внутренних дел.

¹⁶⁰ В Пюхтице («Святое место» – *эст.*) находится Богородицкая гора, на нижнем уступе которой с давних времен существовала Успенская часовня, построенная по случаю обретения у протекавшего вблизи источника иконы Успения Божией Матери. В 1880-е гг. здесь выстроили еще одну часовню, обращенную в 1885 г. в храм во имя Успения Божией Матери. В 1887 г. в Иевве под председательством кн. Е.Д. Шаховской было открыто отделение Прибалтийского православного братства Христа Спасителя и Покрова Божией Матери. Главную задачу братство видело в призрении и воспитании православных сирот, а также оказании медицинской помощи сельскому населению без различия вероисповедания. Отделение в Иевве с самого начала заботилось также об устройстве женской обители на Богородицкой горе. Кн. С.В. Шаховской содействовал передаче Богородицкой горы в собственность духовного ведомства. Соответствующий Высочайший указ был подписан 29 апреля 1891 г., а 3 июля того же года последовал указ Святейшего Синода об учреждении в Пюхтице Успенской женской общины, открытой 15 августа 1891 г. К этому дню «заботами» кн. Е.Д. Шаховской был закончен дом для сестер, а Александр III передал «богатые священнические облачения в Пюхтицкую церковь». Иеввенское братство приобрело для общины два земельных участка с хозяйственными постройками и инвентарем. 23 октября 1893 г. Пюхтицкая женская община по распоряжению Св. Синода была преобразована в монастырь. По словам биографа князя С.В. Шаховского С.И. Уманца, князь «буквально» спас Пюхтицу «для православия и русской народности». «...Если бы читатели знали, – писал он, – сколько борьбы со стороны подпольной немецкой интриги пришлось претерпеть ранее, чем создать православный монастырь в центре немечества и лютеранства Эстляндской губернии, они были бы поражены энергией покойного эстляндского губернатора князя С.В. Шаховского и пережившей его вдовы княгини Е.Д. Шаховской, выказавших в этом деле редко встречающиеся в нашем современном обществе качества – верность своим национальным убеждениям твердость в достижении раз намеченной цели» (*Уманец С.И.* Воспоминания о князе С.В. Шаховском и балтийские очерки. СПб., 1899. С. 9–12, 133). См. также: Пюхтицкий Успенский женский монастырь. Положение Православия в Пюхтицком крае в его прошлом и настоящем. СПб., 1893. С. 10–11; *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 123–132.

- ¹⁶¹ О дружеских отношениях семей графа Л.Н. Толстого и Олсуфьевых см.: *Петров Ф.А.* Л.Н. Толстой и Олсуфьевы // Ново-Басманная, 19 / Сост. Н. Богомолов. М., 1990. С. 633–641.
- ¹⁶² Здание Верхних торговых рядов (ныне «Торговый дом ГУМ») было построено архитектором А.Н. Померанцевым в 1889–1893 гг. на Красной площади по типу популярных во второй половине XIX в. пассажей. Три торговые галереи, покрытые металло-стеклянными сводами, образовали громадное здание, занимавшее целый квартал. Декор внешних фасадов и стены галерей воспроизводят прообразы XVII в. См.: *Иконников А.В.* Тысяча лет русской архитектуры. М., 1990. С. 337, 338.
- ¹⁶³ В мае 1890 г. Александр III утвердил проект памятника Александру II (авторы – скульптор А.М. Опекушин, художник П.В. Жуковский и архитектор Н.В. Султанов), который по решению московского губернского земства и городской думы предполагалось установить в Кремле, напротив Малого Николаевского дворца, где в 1818 г. родился вел. кн. Александр Николаевич. 14 мая 1893 г. состоялась закладка монумента и начались строительные работы, продолжавшиеся до 1898 г. Подробнее см.: *Михайлов К.* Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 196–200.
- ¹⁶⁴ Тильбюри (*фр.*) – коляска в одну лошадь.
- ¹⁶⁵ Коренная Рождество-Богородичная пустынь была основана в конце XVI в. на месте явления в 1295 г. чудотворной иконы Знамения Богоматери. С 1598 г. образ находился в Знаменском монастыре в Курске, и с 1618 г. ежегодно переносился при громадном стечении паломников из города в Коренную пустынь, находившуюся в 27 верстах к северу от него.
- ¹⁶⁶ Опера Джузеппе Верди «Трубадур» (Il Trovatore). Дуэттино № 16 Азучены и Манрико из 4-го действия оперы. См.: Клавир оперы / Издание П. Юргенсона. М., 1891. С. 222.
- ¹⁶⁷ Составленный доктором Ф.А. Гребнером проект создания на южном берегу Крыма санаторного пансиона для детей см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 48. Ед. хр. 4.
- ¹⁶⁸ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археографической комиссии. Т. 1–4. СПб., 1884–1893.
- ¹⁶⁹ В дневнике Д.А. Милютина допущена описка. Подготовка к печати «розыскного дела» Ф.Л. Шакловитова была поручена А.Н. Труворову в феврале 1883 г. не Археологической, а Археографической комиссий. Впервые на хранившийся в московской Оружейной палате запечатанный ящик с подлинным «делом» Шакловитова обратил внимание в 1837 г. Николай I, повелевший передать его для рассмотрения и доклада Д.Н. Блудову. Блудов ознакомился со свитками розыскного

приказа до конца 1843 г., после чего они были переданы в Министерство народного просвещения для публикации в «Актах» Археографической комиссии. Тогда же они стали известны исследователям. Однако сбор дополнительных материалов продолжался до декабря 1881 г.

Императорская Археографическая комиссия, состоящая при Министерстве народного просвещения (в настоящее время – Археографическая комиссия РАН), учреждена в 1834 г. для издания памятников русской истории, собранных экспедицией П.М. Строева, а с 1837 г. преобразована в постоянно действующее учреждение, занимавшееся выявлением и публикацией исторических документов, созданных до 1700 г. Подробнее см.: Семидесятипятилетие Императорской Археографической комиссии. СПб., 1909.

¹⁷⁰ Телеграмму генерала М.И. Драгомирова см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 79. Ед. хр. 10. Л. 21–22.

¹⁷¹ Поздравительные телеграммы, полученные Д.А. Милютиным по случаю 60-летнего юбилея его службы в офицерских чинах см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 79. Ед. хр. 10–11. Среди них находятся телеграммы от вел. кн. цесаревича Николая Александровича (Ед. хр. 11. Л. 2) и вел. кн. Михаила Николаевича (Ед. хр. 10. Л. 38).

¹⁷² Печатный адрес от Военно-юридической академии по случаю 60-летия офицерской службы Д.А. Милютина, подписанный 8 ноября 1893 г., см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 85. Ед. хр. 77. В адресе были, в частности, отмечены проявленные Д.А. Милютиным «особые заботы к коренному изменению отправления правосудия в русской армии: взамен военных комиссий появились самостоятельные военно-судебные учреждения и под влиянием устности, гласности и состязательного начала изменился весь строй военного судопроизводства». В нем говорилось также, что «преобразованный в 1878 году по Вашим указаниям план учебного дела в Академии... останется несокрушимым памятником Ваших забот о преуспевании Военно-юридической академии...»

¹⁷³ Печатный адрес от конференции Николаевской академии Генерального штаба по случаю 60-летия офицерской службы Д.А. Милютина, подписанный 8 ноября 1893 г. (в том числе и генерал-фельдмаршалом вел. кн. Михаилом Николаевичем), см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 85. Ед. хр. 76.

¹⁷⁴ К подлиннику дневника автор приложил вырезку из газеты «Русский инвалид» (№ 247), где были опубликованы тексты адресов, направленных Д.А. Милютину по случаю 60-летия его службы в офицерских чинах Николаевской академией Генерального штаба, Военно-юридической академией и Императорским русским техническим обществом.

- ¹⁷⁵ см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 79. Ед. хр. 10. Л. 27.
- ¹⁷⁶ Военный совет (1832–1918) – коллегиальный орган военного ведомства, занимавшийся рассмотрением отчетов, законопроектов, касающихся армии, а также распоряжений, связанных с ведением военного хозяйства. Заседал под председательством военного министра. О Д.С. Мордвинове подробнее см.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Память о членах Военного совета: Портреты и биографические очерки. СПб., 1907. С. 527–530.
- ¹⁷⁷ Имеется в виду вел. кн. Елена Павловна.
- ¹⁷⁸ История и памятники византийской эмали. Сочинение Н. Кондакова, профессора С.-Петербургского университета и старшего хранителя Эрмитажа. СПб., 1892. Издание А. Звенигородского. В том же году книга была также издана на немецком и французском языках во Франкфурте-на-Майне и в Париже. См.: *Стасов В.В.* История книги «Византийские эмали А.В. Звенигородского». СПб., 1898.
- ¹⁷⁹ Имеется в виду Ялтинская община сестер милосердия «Всех скорбящих радость», созданная 26 октября 1884 г. при местном комитете Российского общества Красного Креста. Подробнее о ней см.: *Клейнмихель В.В., Клейнмихель Е.П.* В тени царской короны. Симферополь, 2009. С. 39–50, 340–342.
- ¹⁸⁰ Пароход «Великий князь Алексей» (с 1920 г. – «Пестель») был построен на средства Русского общества пароходства и торговли в 1890 г. в Англии. Совершал рейсы на линии Одесса – Батум. Потоплен немцами в 1944 г.
- ¹⁸¹ Об имении Архангельское, купленном в 1810 г. кн. Н.Б. Юсуповым у князей Голицыных, подробнее см.: *Юсупов Ф.Ф.* Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993. С. 14–21.
- ¹⁸² Имеется в виду московский Богородице-Смоленский женский монастырь 1-го класса, расположенный на Девичьем поле в Хамовниках. Ныне Новодевичий женский монастырь, действует с 1994 г., находясь в ведении митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова).
- ¹⁸³ *Джанишев Г.А.* Из эпохи великих реформ. 4-е изд. вновь дополненное. М., 1893; 5-е изд., доп[олненное]. М., 1894.
- ¹⁸⁴ Милютинский переулок в Москве получил свое название в XVIII в. по имени домовладельца Алексея Яковлевича Милютина (родного брата деда Д.А. Милютина), купившего землю между Сретенкой и Мясницкой и построившего большое каменное здание для своей шелковой мануфактуры. В 1927 г. переулок был переименован в улицу Мархлевского (по имени польского коммуниста Ю. Мархлевского), в 1994 г. ему вернули историческое наименование. До настоящего времени сохранились два дома А.Я. Милютина (по современной нумера-

ции – 14 и 16). *Муравьев В.* Московские улицы. Секреты переименований. М., 2006. С. 202–203. См. также: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 46–48.

¹⁸⁵ Имеется в виду храм во имя Христа Спасителя в Москве (архитектор К.А. Тон), освященный 26 мая 1883 г. и взорванный 5 декабря 1831 г. Воссоздан в 1994–1999 гг.

¹⁸⁶ Братство святителя Николая – старейшее московское братство, открытое 16 октября 1865 г. при Николаевской церкви на Арбате (в память о скончавшемся в 1865 г. цесаревиче вел. кн. Николае Александровиче). Занималось преимущественно попечением о нуждах детей беднейших священников, обучавшихся в духовно-учебных заведениях. Больше всего стипендиатов братства училось в Донском и Заиконоспасском училищах (33 и 30 человек соответственно). См.: *Колоухин С.О.* Православные братства как попечители малоимущих учащихся духовных школ Московской епархии (последняя треть XIX – начало XX в.) // Вестник МГОУ. Сер. «История и политические науки». 2012. № 4. С. 86–91.

¹⁸⁷ Буссоль (от фр. *boussole*) – геодезический инструмент для измерения горизонтальных углов между магнитными меридианами и направлением на какой-либо предмет.

¹⁸⁸ В декабре 1893 – январе 1894 гг. Александр III перенес тяжелое воспаление легких. Выздоровление происходило очень медленно, все встречавшие императора в 1894 г. запомнили его непривычно болезненный вид. По свидетельству заведующего канцелярией министра императорского двора В.С. Кривенко, уже летом 1894 г. во время торжеств по случаю свадьбы вел. кн. Александра Михайловича и вел. кн. Ксении Александровны «заговорили о нефрите». (*Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 233). Однако царь решительно отказывался от лечения. В августе, когда ему пришлось все же пройти обследование, которое проводили доктора Г.И. Гирш и Г.А. Захарьин, болезнь была уже признана ими слишком запущенной и практически неизлечимой. Захарьин сразу же доложил об этом императору и императрице. При этом Захарьин полагал, что всему виной неисполнение требований врачей, «постоянное утомление умственными занятиями, а весьма нередко и телесное», недостаточный сон и крайне холодное и сырое лето 1894 г., проведенное в Петергофе. Профессор Н.А. Вельяминов, беседовавший в сентябре 1894 г. с вел. кн. Михаилом Николаевичем о болезни царя, также высказал свое «глубокое убеждение, что главная причина столь быстро наступившего ухудшения в состоянии здоровья Государя, это переутомление и постоянные душевные волнения». Поэтому врач настоятельно советовал, обеспечив уход за больным в южном климате, «дать ему продолжительный отдых и возможно меньше утомлять его государственными делами»

(Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 290–291).

Схожего мнения придерживались и члены императорской фамилии. Цесаревич вел. кн. Николай Александрович в письме к своей невесте Алисе Гессенской писал в августе 1894 г. о болезни отца: «...Слава Богу, можно не волноваться. Это перенапряжение – он работал все эти годы по ночам. Старый доктор из Москвы [Захарьин. – *Прим. публ.*] говорит, что он должен пару месяцев отдохнуть и на некоторое время переменить климат. Поэтому ему будет полезно поехать в Польшу, где сухой воздух...» (цит. по: *Мейлунас А., Мироненко С.В.* Николай и Александра: Любовь и жизнь. М., 1998. С. 106). В своем дневнике сперва 9, а затем 11 августа цесаревич отметил, что «Захарьин долго сидел у Папа, но ничего серьезного, слава Богу, у него не нашел: ему необходим отдых и сухой воздух!». Впрочем, он видел, что «Папа сам пал духом при мысли о необходимости лечения». Только 7 сентября Захарьин объяснил наследнику престола и вел. кн. Владимиру Александровичу «состояние болезни дорогого Папа (хронич[еское] воспаление почек)». Однако цесаревич явно недооценивал опасность положения отца, понимая данный диагноз как «скверное продолжительное нездоровье». 15 сентября приехавший из Берлина по вызову императрицы доктор «Лейден нашел у Папа воспаление почек в том состоянии, в кот[ором] их увидел Захарьин, но кроме того и нервное расстройство – переутомление от громадной и неустанной умственной работы» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 106–107, 113–115). По-видимому, и в сентябре императора собирались лечить прежде всего от переутомления. «...Доктора, эти всегда оптимистически настроенные лейб-медики, говорили, что недопомогание Государя – следствие его усиленных трудов, – вспоминал зять Александра III. – Они предписали отдых и свежий воздух. Зачарованные его богатырским сложением, они просмотрели смертельный недуг почек» (Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 2004. С. 126).

Между тем при вскрытии тела скончавшегося 20 октября 1894 г. монарха, по свидетельству Вельяминова, «была найдена очень значительная гипертрофия сердца и жировое перерождение его при хроническим интерстициальном воспалении почек». «Из лечивших врачей, подписавших прижизненный диагноз, присутствовал при вскрытии я один, – вспоминал профессор, и могу сказать, что о столь грозном увеличении сердца врачи, бесспорно, не знали, а между тем в этом и крылась главнейшая причина смерти. Изменения в почках были сравнительно незначительны». Как утверждал Вельяминов, «неточность распознавания не принесла больному ни малейшего вреда, ибо бороться с такими изменениями в сердце мы не имели средств, но что диагноз был неточен – это факт бесспорный». «Одно можно сказать, –

добавлял он, – что найденное поражение сердца было очень давнего происхождения и что, если бы оно было распознано своевременно, то следовало бы настоять на коренном изменении режима, при котором Государь жил уже годами, и в таком случае, может быть, печальный конец мог бы быть отсрочен на некоторое время». Однако до 1894 г. Александр III вовсе не допускал к себе врачей, а в последние месяцы жизни соглашался лишь на беглое обследование (Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 308–309).

Современные медики, напротив, считают, что увеличение сердца, обнаруженное при вскрытии, носило вторичный характер, а причиной смерти стала почечная недостаточность вследствие быстро прогрессирующего нефритического синдрома, вызванного, скорее всего, бактериальной инфекцией (*Зимин И.В., Лукичев Б.Г., Клечиков В.З.* История болезни и смерти императора Александра III // *Нефрология.* 2002. № 1; Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX в. М., 2008. С. 132–133). Подробнее см.: *Крылов А., Барковец А.* Неизвестный император. М., 1997. С. 56–59; Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX в. М., 2008. С. 118–124.

¹⁸⁹ «Добровольный флот» – судоходное общество, созданное весной 1878 г. по инициативе Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству и при поддержке правительства. В условиях обострения русско-английских отношений на завершающем этапе Восточного кризиса середины 1870-х гг. предполагалось, что суда «Добровольного народного флота» (пожертвования на создание которого собирались по всей стране) могут быть использованы для крейсерства в случае войны между Великобританией и Россией, а в мирное время будут служить для торговых операций и дальних перевозок. С 1879 г. Общество Добровольного флота состояло в ведении Министерства финансов, получало правительственную субсидию и могло безвозмездно использовать казенные земли для постройки своих верфей и зданий; команды разрешалось комплектовать из матросов и офицеров военного флота. Кроме того, Обществу было предоставлено исключительное право поддерживать регулярное сообщение между Одессой и российскими портами на Тихом океане. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. Общество было обязано ежегодно совершать согласно расписанию не менее 7 рейсов до Владивостока и Сахалина. В 1880–1890-е гг. пароходы Добровольного флота выполняли также задания морского ведомства. Подробнее см.: *Поггенполь М.* Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время 25-летнего его существования. СПб., 1903.

- ¹⁹⁰ С мая 1894 г. лечением вел. кн. Георгия Александровича руководил профессор Г.А. Захарьин. На полное выздоровление великого князя он не рассчитывал, но надеялся, что при правильном режиме у больного останется лишь «незначительный кашель». Однако после приезда в Беловеж в августе 1894 г. у вел. кн. Георгия Александровича возобновилось кровохарканье. В Ливадии профессор Э. Лейден выявил у него вторую стадию неизлечимого туберкулеза (*Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 84*). Подробнее см.: Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX в. М., 2008. С. 141–144.
- ¹⁹¹ Гр. Ф.Ф. Сумароков-Эльстон женился на кн. З.Н. Юсуповой – последней представительнице своего рода. После смерти его тестя кн. Н.Б. Юсупова Феликсу Феликсовичу (старшему) и его жене было повелено с декабря 1891 г. именоваться князьями Юсуповыми графами Сумароковыми-Эльстонами. В дальнейшем титул и фамилию Юсуповых должен был наследовать старший представитель их рода. Подробнее см.: *Юсупов Ф.Ф. Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993. С. 5, 27, 209.*
- ¹⁹² О совещаниях врачей в Ливадии в октябре 1894 г. подробнее см.: Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 297–308; *Зимин И.В., Лукичев Б.Г., Клечиков В.З. История болезни и смерти императора Александра III // Нефрология. 2002. № 1; Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX в. М., 2008. С. 126–132.*
- ¹⁹³ Как вспоминал Н.А. Вельяминов, П.А. Черевин еще 1 октября признал, что «положение почти безнадежно». На следующий день (после того, как Вельяминов случайно увидел выезжавшего на прогулку царя) между врачом и дежурным генералом состоялся откровенный разговор: «... – Да П[етр] А[лександрович], ведь все разговоры здесь одни пустяки, ведь все кончено, это ведь умирающий человек... – Я это давно знаю, – ответил мне Черевин со слезами на глазах, а этого здесь, дураки, не понимают; даже Воронцов не понимал, пока не поговорил с Вами, а теперь засуетился. Я Вам нарочно ничего не говорил, хотел посмотреть, что Вы скажете сами»: (Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 292–296).
- ¹⁹⁴ «Таинственность», окружавшая последнюю болезнь Александра III, больше всего беспокоила врачей. Н.А. Вельяминов в начале октября «настаивал на необходимости оповестить публику тем или иным путем». Г.А. Захарьин даже требовал открыто обсуждать ход болезни им-

ператора в печати, что вызвало возмущение императрицы. Министр императорского двора И.И. Воронцов-Дашков долго отказывался публиковать бюллетени, которые необходимо было бы показывать царю. Тем не менее с 4 октября бюллетени, составлявшиеся после посещения больного Вельяминовым, Захарьиным и Лейденом и последующего совещания под председательством Воронцова-Дашкова, посылались в «Правительственный вестник». Одновременно был издан циркуляр, запрещающий помещать в газетах какую-либо информацию о болезни монарха, кроме официальных бюллетеней. См.: Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 293–298; Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX в. М., 2008. С. 133–134. Как рассказывал уже в конце октября 1894 г. Захарьин, «приходилось каждый день сочинять бюллетени, в которых нельзя было, конечно, говорить о безнадежности положения больного, т. к. Александр III до самого, кажется, последнего дня своей жизни просматривал и русские, и иностранные газеты, и не мог не видеть, что о нем пишут..., приходилось ежедневно выдумывать такие отчеты о здоровье, которые обманывали прежде всего самого больного, а за ним и весь мир, причем мир специально медицинский имел полное основание утверждать, что больного “не так лечат”...» (Каменев М. Воспоминания о проф. Захарьине // Врачебная газета. 1910. № 4–5; Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX в. М., 2008. С. 133).

¹⁹⁵ Часть некогда обширного архива С.В. и Е.Д. Шаховских находится в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге в личном архивном фонде русского этнографа и собирателя автографов русских и иностранных ученых Я.И. Денмана (фонд 245).

¹⁹⁶ Имеется в виду взятие русскими войсками под командованием М.Д. Скобелева Геок-Тепе 12 января 1881 г. Во время штурма обе стороны понесли большие потери. По данным командовавшего главной штурмовой колонной А.Н. Куропаткина при Геок-Тепе из строя выбыло 398 солдат и офицеров (за все время осады и штурма русские войска потеряли убитыми и ранеными 1104 человека). Погибших текинцев насчитывалось свыше 6 тысяч. «...Внутри крепости, – писал Куропаткин, – нами взято до 5000 женщин и детей. Все мужчины были убиты или бежали, осталось только до 500 персов-рабов, закованных в цепи...». Впоследствии их, расковав, отправили на родину. См.: *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (поход в Ахалтеке в 1880–1881 гг.) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899. С. 210–212.

- ¹⁹⁷ Елизаветинский институт (один из 4-х московских женских институтов I разряда) – закрытое учебное заведение, в котором на средства казны воспитывались девушки из дворянских семей, а за собственный счет – дочери купцов, почетных граждан и др. Состоял в ведомстве учреждений императрицы Марии. Программа обучения в нем соответствовала курсу женских гимназий, но с усиленным преподаванием иностранных языков.
- ¹⁹⁸ О нелегальных изданиях, вышедших в связи с кончиной Александра III, см.: Каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Ч. 1, 2. М., 1981; № 88, 297, 1211, 1319; Сводный каталог русских нелегальных и запрещенных изданий XIX в. Листовки. М., 1977. Ч. 1–3. № 551–554, 564–565.
- ¹⁹⁹ В 1892–1895 гг. должность градоначальника в С.-Петербурге занимал генерал-лейтенант В.В. фон Валь. Командующим войсками Московского военного округа в 1894 г. являлся генерал-адъютант, генерал от артиллерии А.С. Костанда. Варшавский генерал-губернатор – И.В. Гурко.
- ²⁰⁰ Весьма характерно, что говоря в октябре 1894 г. с Н.А. Вельяминовым о цесаревиче вел. кн. Николае Александровиче, гр. И.И. Воронцов-Дашков сказал: «...это мальчик 14 лет, а ему 26». У самого Вельяминова также осталось впечатление, что в Ливадии наследник престола «для будущего самодержца держал себя слишком пассивно, ни в чем не проявлял своей личности» (Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 295–309). В.И. Гурко в эмиграции вспоминал о своем разговоре 20 октября 1894 г. в Петербурге с управлявшим Морским министерством: «...Передайте Вашему отцу, – добавил Чихачев, – что будущее представляется нам здесь чрезвычайно смутным. Наследник – совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определено детскими, и во что они превратятся, сказать невозможно. Военная строевая служба – вот пока единственно, что его интересует. Руль государственного корабля [выпал] из твердых рук опытного кормчего, и ничьи другие руки в течение, по всей вероятности, продолжительного времени им не овладеют. Куда при таких условиях направит свой курс государственный корабль – Бог весть» (*Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 29).

Сам Николай II в конце октября 1894 г. также жаловался великим князьям Владимиру Александровичу и Александру Михайловичу на свою неподготовленность к управлению империей вследствие «отдаления от дел, в коем его доселе держали» (Из дневника А.А. Половцо-

ва // Красный архив. 1934. Т. 6(67). С. 170; Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 164).

²⁰¹ Текст манифеста 20 октября 1894 г. см.: ПСЗ-III. Т. XIV. СПб., 1898. № 11014.

²⁰² 20 октября 1894 г. гр. В.Н. Ламздорф привел в своем дневнике слова, сказанные незадолго до смерти Александра III британским послом в Петербурге Ф.К. Ласселсом: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезнет как раз в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие». Сам Ламздорф также полагал, что «хорошей стороной прошлого царствования была, безусловно, внешняя политика, восстановившая мир в умах и путем весьма ловких и подходящих средств сумевшая препятствовать всему, что было бы способно этот мир нарушить. Весь цивилизованный мир в конечном счете проникся доверием к огромной империи, которая, сохраняя верность программе, возвещенной при восшествии на престол Александра III, трудилась над развитием собственного процветания и силы, делая из них орудие умиротворения, а не разрушения и авантюры». По мнению графа, «лояльный и твердый характер покойного государя бесспорно играл в этом большую роль», как и усилия Н.К. Гирса (*Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 76*). Любопытно, что в этих отзывах полностью стусеживалось и ослабление позиций на Балканах, и ухудшение отношений с соседними империями (выражавшееся еще в начале 1890-х гг. в постоянных разговорах о близкой войне), и хорошо известное гр. Ламздорфу намерение царя-миротворца «исправить ошибки прошедшего и разгромить Германию при первой возможности» (*Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892. М., 1934. С. 299*).

²⁰³ Свадьба Николая II и Александры Федоровны состоялась 14 ноября 1894 г. (через неделю после погребения Александра III, совершенного 7 ноября). По случаю траура никаких торжеств после обряда венчания не было. Поскольку ни в одном из дворцов не было приготовлено помещений, молодые супруги первое время жили в Аничковом дворце у вдовствующей императрицы Марии Федоровны. «Александр III, – вспоминал заведующий канцелярией министра императорского двора В.С. Кривенко, – желал при жизни своей женить сына, и потому принцесса спешно и вызвана была в Ливадию. После смерти его, казалось, свадьбу надо было отложить до конца траура, но не тут-то было. Жених и невеста не желали ждать, стали торопить под видом выполнения воли скончавшегося... Гр. Воронцов пробовал возражать, но Николай II закинулся, остался недоволен. Весьма возможно, что это выступление министра послужило первопричиной охлаждения отношений к нему царя...» (*Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 236*).

- ²⁰⁴ Имеется в виду Петербургский международный коммерческий банк – один из крупнейших коммерческих банков Российской империи, учрежденный в 1869 г. и пользовавшийся в 1890-е гг. особым расположением Министерства финансов.
- ²⁰⁵ См.: Бакунин П.А. Основы веры и знания. СПб., 1886.
- ²⁰⁶ См.: Сочинения графа Л.Н. Толстого. Изд. 9-е. Т. 1–14. М., 1893–1898. В 1893 г. было издано 13 томов, (14-й том вышел в 1898 г.). В 13-й том вошли «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Крейцера соната», «Первые воспоминания», статьи по поводу голода («О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», «Помощь голодным» и др.).
- ²⁰⁷ 14 ноября 1894 г. М.О. Микешин писал Д.А. Милютину о том, что сделал для него рисунок, на котором «Ангел – *строго печальный* спрашивает *отчета* у страдающей и расплакавшейся России». Этот замысел он противопоставлял образу Ангела, благословляющего Россию, который был создан им для установленного в Новгороде в 1862 г. памятника в честь тысячелетия России. Как сообщил Микешин, «многие разумные люди, видевшие этот рисунок, много раз мне заявляли, что это настоящий сюжет для монумента Александра II, вместо бессмысленного памятника, кот[орый] собираются еще ставить в Москве». 8 января 1895 г., очевидно, отвечая на письмо Милютина, художник утверждал, что, посылая этот рисунок, искренне желал «чем-нибудь отслужить Вам милости, испытанные мною от Вас, Ваше сиятельство, при императоре Александре II, моем благодетеле, в память коего я ежегодно один одинешенек служу панихиду в Казанском соборе» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 68. Ед. хр. 66. Л. 16–17, 18). В фонде Д.А. Милютина рисунок М.О. Микешина не обнаружен.
- ²⁰⁸ Данное письмо в фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ не обнаружено.
- ²⁰⁹ Письмо О.Б. Рихтера, написанное 11 ноября 1894 г., см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 1. Л. 11–11 об. На письме сохранилась помета Д.А. Милютина, сделанная карандашом: «Получено 26 ноября, по возвращении моем в Симеис».
- ²¹⁰ Как вспоминал А.Н. Куломзин (в 1883–1901 гг. управляющий делами Комитета министров), «идеям Н.Х. Бунге до известной степени соответствовали резолюции и указания, которые Николай II писал в первые месяцы своего царствования на прочитываемых им губернаторских и генерал-губернаторских отчетах». О том, что Николай II сразу же после возвращения в Петербург «постоянно совещался с Бунге и обсуждал с ним важнейшие вопросы» пишет и современный исследователь В.Л. Степанов. По его словам, «вопреки бюрократической традиции, председатель Комитета министров даже на некоторое время получил право регулярного утреннего доклада», а «всеподданнейшие доклады министров императору проходили теперь в его присутствии»

(*Степанов В.Л.* Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники.* СПб., 2009. С. 152–153. А.В. Ремнев полагал, что хотя «Бунге имел в первое время ежедневные утренние доклады у молодого царя», о его присутствии на докладах министров Д.А. Милютин писал в дневнике, «по всей вероятности, выдавая желаемое за действительное» (*Ремнев А.В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 402–403).

Однако, судя по камер-фурьерскому журналу, в конце 1894 г. Бунге был у Николая II только 3, 10, 30 ноября и 14 декабря. Его присутствии на чьих-либо докладах никем не зафиксировано. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4. С. 122–123.

- ²¹¹ Как вспоминал Е.М. Феокистов, поддерживавший с И.В. Гурко доверительные отношения, варшавский генерал-губернатор в декабре 1894 г. «вполне сознавал, что при крайне болезненном своем состоянии непригоден для службы» и «приехал в Петербург с твердым намерением подать просьбу об отставке». По словам мемуариста, «это была постоянная его тема в разговоре с нами». Толки о том, что «Гурко пришлось покинуть свой пост в Царстве Польском» из-за отказа Николая II назначить его старшего сына В.И. Гурко правителем генерал-губернаторской канцелярии, Феокистов называл нелепостью. Между тем, как пишет тот же Феокистов, в сентябре 1894 г. И.В. Гурко просил о данном назначении Александра III (и даже получил согласие), а на первом докладе Николаю II заявил: «...Мне кажется только, что мой сын принес бы значительную пользу, если бы ему была предоставлена должность правителя моей канцелярии» [*Феокистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 372–375]. Трудно поверить, что, собираясь оставить должность, Гурко стал бы столь настойчиво хлопотать о замене правителя канцелярии и к тому же добиваться назначения своего сына, который оказался бы тогда в полной зависимости от нового генерал-губернатора. Сам В.И. Гурко утверждал, что увольнение его отца состоялось «под влиянием императрицы Марии Федоровны» (*Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 36).

«...Гурко приехал в Петербург, – рассказывал позднее Витте, – явился к молодому императору и поставил ему род ультиматума, сделал это в твердой и довольно резкой форме, заключающегося в том, чтобы его сын был назначен управляющим канцелярией, или же он уходит. Государь согласился на последнее...» Как считал Витте, «согласие Государя на увольнение Гурко произошло, с одной стороны, оттого, что

Гурко поставил очень резко вопрос, а с другой стороны, потому что Его Величество по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолголюбивал и даже не переносил лиц, представляющих собою определенную личность, т. е. лиц твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 409–410). По-видимому, отставка Гурко стала своего рода показательной реакцией молодого императора на попытку оказать на него прямое давление.

²¹² Как утверждал С.Ю. Витте, вместе с И.Н. Дурново способствовавший назначению А.К. Кривошеина министром путей сообщения, «Кривошеин, собственно говоря, министерством не занимался..., он был делец большой руки, постоянно продавал имения, продавал всякие продукты и проч., – словом, это был именно тип дельца» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 412). О Кривошеине см. также: *Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 240–242.

Расследование, проведенное государственным контролером Т.И. Филипповым, выявило злоупотребления, допущенные Кривошеиным при заключении казенных сделок о поставках и проч. Доклад Филиппова (использовавшего и данные, поступившие от министра юстиции Н.В. Муравьева) рассматривался в особой комиссии под председательством Д.М. Сольского, а затем – в Комитете министров. 10 декабря 1894 г. император «принял Филиппова по поводу весьма грустного и некрасивого дела Кривошеина», а 14 декабря, посоветовавшись с Н.Х. Бунге, дал К.К. Ренненкампфу (управляющему Собственной е.и.в. канцелярией) указание «объявить Кривошеину, чтобы он подал в отставку». Кривошеину было сообщено об этом в разгар торжественного приема по случаю его именин и освящения домово́й церкви в министерстве. «Он уже шесть месяцев как у нас с отцом был на замечании», – заявил Николай II, поясняя отставку министра, лишённого к тому же придворного звания гофмейстера. Вдовствующей императрице Марии Федоровне он говорил о своем возмущении Кривошеиным и нежелании его видеть. По мнению Д.А. Андреева, демонстративной отставкой Кривошеина царь «желал преподнести хороший урок сановникам». Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4. С. 122–123. «Это был первый случай в начале царствования императора Николая II, – вспоминал Витте, – который, вероятно, заставил многих лиц такого же пошиба, как и Кривошеин, призадуматься» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 412).

²¹³ «Русские ведомости» – общественно-политическая газета либерального направления, издавалась в 1863–1918 гг. в Москве (с 1868 г. – ежедневно). В 1883 г. перешла в собственность издательского товарище-

ства (Г.А. Джаншиев, А.С. Посников, В.Ю. Скалон, В.М. Соболевский, А.И. Чупров и др.). Подробнее см.: *Локшин А.Е.* Газета «Русские ведомости» в общественной жизни Москвы в период политической реакции 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в. // *Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX вв.* Рязань, 1981.

²¹⁴ «Вестник Европы. Журнал истории, политики и литературы». В 1866–1908 гг. издавался и редактировался в С.-Петербурге М.М. Стасюлеви-чем (в 1909–1916 гг. – М.М. Ковалевским, в 1918 г. – Д.Н. Овсяннико-Куликовским). См.: *Слонимский Л.З.* Хозяйственные вопросы // *Вестник Европы.* 1894. Кн. 11; *Он же* (под псевдонимом Z). Торжество миролюбия // Там же. Кн. 12. О «Вестнике Европы» подробнее см.: *Китаев В.А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004. С. 160–356; *Он же.* Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1860–1880-е гг.) // *Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка.* М., 2008. С. 531–549.

²¹⁵ Подробнее см.: *Никитенко А.В.* Записки и дневник (1826–1877). Т. 1–3. СПб., 1893; *Он же.* Дневник. Т. 1–3. М., 1955–1956.

²¹⁶ Беспорядки в Московском университете начались в конце октября 1894 г. Радикально настроенные студенты рвали подписные листы на венки Александру III, составляли и обсуждали прокламации и петиции к Николаю II. При этом лишь меньшинство требовало введения в стране конституции, тогда как большая часть участников сходок желала только изменения университетского устава 1884 г. и дарования учащимся корпоративных прав. 27 октября 47 руководителей 23 московских землячеств были арестованы, однако ознакомившись с текстом петиции, полиция ограничилась внушением. В ноябре нескольких активных участников студенческого движения на 3 года выслали из Москвы, но подготовка текста петиции продолжалась. 30 ноября часть студентов устроила хулиганскую выходку на лекции В.О. Ключевского, протестуя против речи, произнесенной им в память об Александре III вначале в университете, а затем в Обществе истории и древностей российских, где он восхвалял «мировое значение этого недолгого царствования» и заявлял, что «каждый европейский народ светлой страницей занесет царствование императора Александра III в свою историю», поскольку «царь русского народа был и государем международного мира и порядка». «Протестующие» свистели, кричали, шикали, после чего вынуждены были удалиться, так и не сумев сорвать лекцию популярного профессора. Тем не менее трое из них были исключены из университета без права повторного поступления в него. Возмущенные этим студенты устроили сходку, на которой полиция арестовала еще 49 человек (некоторые из них были высланы из города). Намечалась новая сходка. Желая ее предотвратить, 42 профессора, включая Ключевского, 18 декабря 1894 г. обратились с пети-

цией к вел. кн. Сергею Александровичу с просьбой о снисхождении к провинившимся. В результате из 49 арестованных 11 получили право вновь поступить в Московский университет, 25 – могли поступить в другие высшие учебные заведения империи, и только 13 лишались возможности продолжать обучение и заниматься педагогической деятельностью в России. Студенты не раз позволяли себе безобразные выходки и в последующие годы. Подробнее см.: *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 348–356; *Щетинина Г.И.* Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 200–202.

- ²¹⁷ См. Приложение I. О земских адресах, поданных Николаю II в 1894–1895 гг., см.: *Мирный С. (Шаховской Д.И.)* Адреса земств и их политическая программа. Женева, 1896; *Шлемин П.И.* Земско-либеральное движение и адреса 1894–1895 гг. // Вестник МГУ. Серия IX (история). № 1. 1973; *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 158–162.
- ²¹⁸ С.-Петербургское славянское благотворительное общество создано в 1877 г. на основе петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, образованного еще в 1868 г., но действовавшего без официально утвержденного устава. В 1880–1890-е гг. занималось преимущественно оказанием помощи молодым славянам, обучавшимся в России, а также развитием духовных, научных и литературных связей со славянскими странами. Общество также вело активную благотворительную, просветительскую и издательскую деятельность. В 1888–1908 гг. его председателем являлся гр. Н.П. Игнатьев.
- ²¹⁹ См. Приложение II. Речь профессора В.И. Ламанского, посвященная памяти Александра III, была произнесена 10 ноября в Чрезвычайном торжественном собрании С.-Петербургского славянского благотворительного общества, состоявшемся под председательством графа Н.П. Игнатьева в зале городского Кредитного общества, а затем опубликована 12 ноября 1894 г. в газете «Новое время» (№ 6720, поправка к речи – № 6722). В своей речи В.И. Ламанский сравнивал политику Николая I и Александра III и указывал на «исторические заслуги» минувшего царствования: восстановление Севастополя и возрождение Черноморского флота, «умно, последовательно, гуманно и твердо поведенные... преобразования», направленные на то, чтобы «отменить всюду прежнее привилегированное положение немецкого элемента в России» (не только в Прибалтике, но и в поселениях немецких колонистов, в Академии наук и т. д.), обеспечение мира в Европе благодаря сближению с Францией. По мнению профессора, эти меры не только «доставят русскому народу и русскому царю глубокую признательность латышей и эстов», но и откроют для России, переставшей «отождествлять свои интересы с интересами домов Гогенцоллернов и Габсбургов», «эру мирных трудов» (*Ламанский В.И.* Геополитика

панславизма. М., 2010. С. 480–490). Отклики на речь Ламанского см.: Вестник Европы. 1894. Кн. 12. С. 895–897; *Гейсман П.А.* Несколько мыслей по вопросу об отношениях стратегии к политике. По поводу речи В.И. Ламанского в общем собрании членов Славянского общества 10 ноября 1894 г. СПб., 1895; Новое время. 1894. 25 ноября (см. также: *Суворин А.С.* В ожидании века XX. Маленькие письма (1889–1903). М., 2005. С. 448–450).

²²⁰ Представитель умеренных республиканцев Ж.-П.-П. Казимир-Перье был избран президентом Франции 27 июня 1894 г., после того как 24 июня итальянский анархист Казерио убил в Лионе президента С. Карно. Глава правительства Ш. Дюпюи, несмотря на возражения радикалов и социалистов, добился от Сената и палаты депутатов одобрения чрезвычайных мер, ставивших вне закона любого, заподозренного в анархизме. Однако положение министерства оставалось неустойчивым из-за возраставших разногласий между умеренными и радикалами, получившими в декабре 1894 г. незначительное большинство в палате депутатов. К тому же, резкие выступление Ж. Жореса, ставшего одним из лидеров социалистов, создавали вокруг деятельности кабинета атмосферу непрекращающегося скандала. На Рождество дело дошло до дуэли между Жоресом и министром общественных работ Л. Барту. Сложными были и отношения министров с президентом, вмешивавшимся в текущую работу. 15 января 1895 г. Казимир-Перье по неизвестной причине подал в отставку, ссылаясь на то, что французские законы предоставляют президенту недостаточно полномочий. 17 января президентом был избран Ф. Фор. См. также: Новое время. 1895. 5(17) января. № 6772.

²²¹ Через месяц после смерти Н.К. Гирса, скончавшегося 14 января 1895 г., министром иностранных дел был назначен А.Б. Лобанов-Ростовский. «Несчастный дорогой министр! – записал 15 января в своем дневнике старший советник Министерства иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф. – Ничто не могло его заставить ни навести хоть некоторый порядок в министерстве, прежде чем его покинуть, ни подготовить себе преемника, способного продолжить его труд вместе с молодым и неопытным Государем» (*Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 124).

²²² Произнося эту речь, Николай II заглядывал в барашковую шапку, в которой находился подготовленный заранее текст. Авторство его до сих пор вызывает споры. Скорее всего, он был написан К.П. Победоносцевым, однако нельзя исключить и участие в его составлении вел. кн. Сергея Александровича и И.Н. Дурново. По мнению В.Л. Степанова, «речь в Зимнем дворце отчасти сыграла роль манифеста 29 апреля 1881 г.». Впрочем, по своему стилю и содержанию она напоминала скорее заявления, сделанные Александром II в Варшаве 10–11(22–23) мая 1856 г.: «Я желаю, чтобы порядок, установленный

моим отцом, не был изменен нисколько... господа, оставьте мечтания... я сумею остановить порывы тех, кто бы вздумал увлечься мечтами... все, что мой отец сделал, хорошо сделано; мое царствование будет продолжением его царствования» (*Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. М., 2008. С. 132–136).

Как в обществе, так и в правительственных сферах слова Николая II вызвали заметное недовольство и раздражение, что способствовало сплочению либеральной оппозиции. Однако наиболее близкие к молодому монарху люди были в восторге от сказанного. Вел. кн. Сергей Александрович в тот же день записал в памятной книжке, что «Ники... сказал *великолепно* все, все – я ликую!». Великий князь был убежден, что речью его племянника недовольны только «грибоедовские типы». При таком отношении действительно оставалось только сетовать на «глупый город», где «огульно все хулят», и на то, что «закваска в Москве такая нехорошая». См.: Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 278–279. Подробнее см.: *Степанов В.Л.* Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 156; *Боханов А.Н.* Император Николай II. М., 1998. С. 105; *Фирсов С.Л.* Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010. С. 101–108.

²²³ С начала 1870-х гг. М.Н. Катков неоднократно выступал с критикой институтов и норм, введенных судебным уставами 1864 г. Как утверждал Катков, «под видом администрации и суда у нас образовались две политические партии, которые находятся между собою в борьбе», а «недомолвки и некоторые неясности новых судебных уставов послужили основанием для возмутительной в своей нелепости доктрины о независимости судов от правительства в его высшем выражении, о несменяемости судей, об абсолютной непререкаемости окончательных судебных решений, о самодержавии судебной корпорации» (*Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московский ведомостей. 1884 год. М., 1898. № 70. С. 139). «...Благодаря этой смуте понятий, – писал он 14 января 1884 г., – возникли у нас удивительные аномалии. Самая чудовищная есть, конечно, водворившаяся у нас судебная доктрина, в силу которой новосозданные суды должны составлять из себя как бы некую самодержавную республику в пределах Русского Царства, обязанного содержать и чествовать ее, предоставляя ей полную власть над своим народом... Она может иметь свою политику, с политикой Русского Царства не согласную... Выходит так, что под видом льгот и обеспечений граждане отданы на произвол самодержавной корпорации должностных лиц...» (*Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московский ведомостей. 1884 год. М., 1898. № 12. С. 22–23; см. также: № 24. С. 43–46). Подробнее см.: *Твардовская В.А.* Идеоло-

гия пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 141–148, 243–252.

Слова о том, что Катков «честил» Сенат и Государственный совет «революционными учреждениями» – явное преувеличение. Поскольку в Государственном совете нередко большинство членов высказывалось против мер, поддерживаемых Катковым, он в 1880-е гг. в ряде статей упорно доказывал, что наличие большинства голосов в законосовещательном учреждении не имеет никакого значения, а стремление опереться на него часто приводит к компромиссам и соглашениям, ухудшающим законопроекты. Подобная «игра в парламент» признавалась им неуместной (*Катков М.Н. Собрание передовых статей Московский ведомостей. 1886 год. М., 1898. № 162. С. 301–303; № 123-б. С. 238–240; 1884 год. М., 1898. № 12. С. 20–25).*

²²⁴ Летом 1892 г. А.А. Абаза получил длительный отпуск, а затем вынужден был покинуть пост председателя Департамента государственной экономии Государственного совета, будучи скомпрометирован в глазах императора обвинениями в использовании служебных полномочий для биржевой игры. Соответствующие сведения были представлены Александру III С.Ю. Витте, получившем их от одесского банкира А.Ф. Рафаловича, являвшегося доверенным лицом Абазы и угрожавшего скандалом в случае, если Министерство финансов не выдаст ему ссуду для расчета с кредиторами. И хотя комиссия под председательством Н.Х. Бунге не нашла в действиях Абазы ничего противоречившего государственным интересам, Витте удалось убедить императора в их недобросовестности (рассказ самого Витте см.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 204–212). Конфликт с Абазой возник у Витте еще при его назначении управляющим Министерством путей сообщения (Абаза рассчитывал, что этот пост займет близкий ему М.Н. Анненков). Став министром финансов и не имея еще прочных связей в правительственных сферах, Витте не мог не опасаться противодействия со стороны Абазы, пользовавшегося большим влиянием в Государственном совете. Т.И. Филиппов в сентябре 1892 г. даже предполагал, что «Абаза захочет травить Витте в высших учреждениях» (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 47–48). Приезд Рафаловича (впоследствии – агента Министерства финансов в Париже) с дерзкими угрозами был как нельзя кстати. Однако после смерти Александра III Абаза, по-видимому, решил вернуться к активной государственной деятельности. «...Меня удивило, – вспоминал в декабре 1911 г. Витте, – что император Николай отнесся к нему особенно любезно и милостиво». Министру финансов вновь пришлось прилагать усилия для дискредитации своего давнего противника (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 402–403).

О карточной игре, которую Абаза вел в Петербурге, Париже, Висбадене и Монте-Карло, ходили легенды (Головнин в своих воспомина-

ниях называл его «одним из главных игроков в Висбадене» в 1866 г.). В 1871 г. репутация заядлого игрока едва не стала препятствием для его назначения государственным контролером. Александр II требовал тогда от гр. П.А. Шувалова, выступавшего посредником, чтобы Абаза обещал, «во-первых, никогда не играть более ни в какую игру, и, во-вторых, никогда не быть в халате после 9 часов» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 19. Л. 73–74; *Головнин А.В.* Записки для немногих. СПб., 2004. С. 392, 493; Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 268).

²²⁵ Активизация железнодорожного строительства являлась важной частью экономической политики, проводившейся С.Ю. Витте. В 1893–1900 гг. было построено 20,5 тыс. верст новых железных дорог (из них 9,5 тыс. – на казенный счет). Железнодорожная сеть насчитывала теперь около 50 тыс. верст (из них свыше 34 тыс. принадлежало казне). Происходило быстрое укрупнение частных железнодорожных компаний. При этом казна постепенно выкупала частные дороги (только в 1893–1900 гг. выкуплено более 14 тыс. верст у 21 акционерного общества) и строила стратегические линии преимущественно в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. В 1890-е гг. на строительство и реконструкцию железных дорог правительство выделило 2,5 млрд руб., тогда как во все остальные отрасли промышленности было вложено лишь 2,1 млрд руб. Доля железнодорожных займов составляла почти 82 % общей суммы внешнего государственного долга России. Хотя и в 1890-е гг. казенная железнодорожная сеть оставалась убыточной, ее значительное расширение способствовало развитию топливно-металлургической промышленности и машиностроения, а также укреплению внутрисоссийского рынка. Однако, как признавали еще дореволюционные исследователи, достигнуто это было «огромными жертвами населения, насущнейшие нужды которого остались без удовлетворения». Подробнее см.: *Мигулин П.П.* Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902). Харьков, 1903; *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 3. СПб., 1902. С. 184–327; Т. 4. СПб., 1902; *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 234–292; *Мартынов С.Д.* Путь С.Ю. Витте // *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. М., 2002. С. 43–77; *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1–2. М., 2004. С. 488–530.

²²⁶ Подробнее см.: *Monsieur Witté et les finances russes. D'après des documents officiels et inédits.* Par E. de Cyon. Paris, 1895; *Les finances russes et l'épargne française: Réponse à M. Witte.* Par E. de Cyon. 2-me. ed. Paris, 1895; *Цион И.Ф.* С.Ю. Витте и его проекты злостного банкротства пред Государственным советом. Париж, 1896; *Он же.* Куда вредник Витте ведет Россию? Париж, [1896].

В 1872 г. Д.А. Милютин по рекомендации И.М. Сеченова, С.П. Боткина и начальника Медико-хирургической академии Н.И. Козлова, отменив результаты выборов, назначил И.Ф. Циона профессором по кафедре физиологии. Это вызвало недовольство большинства конференции Медико-хирургической академии и негодование в либеральной печати, поскольку Цион, ранее преподававший в Петербургском университете, был известен не только как талантливый ученый, но и как критик теории Ч. Дарвина. Занимавшийся под его руководством в университете И.П. Павлов позднее восхищался «мастерски простым изложением самых сложных физиологических вопросов и его поистине артистической способностью ставить опыты», утверждая, что «такой учитель не забывается всю жизнь» (*Павлов И.П.* Полное собрание сочинений. Т. 5. М.; Л., 1949. С. 371). В 1873 г. Цион выпустил первый в России учебник по физиологии, однако уже в конце 1874 г. вынужден был уехать за границу из-за конфликта с радикально настроенными студентами, отказавшимися посещать его лекции. В 1875 г. он окончательно покинул Академию. После неудачных попыток продолжить свою научную деятельность в Париже занялся публицистикой и биржевой игрой, поддерживал тесные связи с М.Н. Катковым и в 1887 г. поступил на службу в Министерство финансов, став его представителем во Франции, но уже в 1888 г. был уволен в связи с обвинениями в получении взятки. О И.Ф. Ционе подробнее см.: *Артемов Н.М.* Илья Фаддеевич Цион: Краткий биографический библиографический указатель. Н. Новгород, 1996.

²²⁷ «Bulletin russe de statistique financière et de législation» (Русский бюллетень статистики, финансов и законодательства) – орган Министерства финансов России, издававшийся в С.-Петербурге в 1894–1904.

²²⁸ С.Ю. Витте не ограничился опровержением. В апреле 1895 г. по его инициативе для обсуждения деятельности И.Ф. Циона, подрывавшей русский кредит во Франции, было созвано Особое совещание (помимо самого министра финансов, в нем приняли участие И.Н. Дурново, Н.В. Муравьев и К.К. Ренненкамф). В мае министры высказались за привлечение Циона к уголовной ответственности, однако он, ссылаясь на болезнь, отказался вернуться в Россию и 26 июля 1895 г. был исключен из русского подданства.

²²⁹ См. Приложение III.

²³⁰ 11(23) апреля 1895 г. представители России, Германии и Франции в Токио рекомендовали Японии пересмотреть условия Симоносекского договора, завершившего японо-китайскую войну 1894–1895 гг., и отказаться от Ляодунского полуострова. Англия отказалась присоединиться к действиям континентальных держав. 10(22) мая японцы согласились принять предъявленные им требования, несколько увеличив при этом размер контрибуции, которую должен был выплатить Китай. Вместе с тем данная уступка, воспринятая Николаем II как

личный успех, убедила японское правительство в необходимости наращивания военной мощи и существенно осложнила русско-японские отношения (тогда как еще в 1894 г. Япония готова была в обмен на нейтралитет России признать ее интересы в Китае). В русской печати, как консервативной, так и либеральной, действия дипломатов, добившихся пересмотра Симоносекского договора, в целом оценивались положительно. Подробнее см.: *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 370–373; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 415–423; *Сунь Чжинцин.* Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008. С. 117–147. Впоследствии Д.А. Милютин и Б.Н. Чичерин возобновили обсуждение русской политики на Дальнем Востоке в своей переписке. Чичерин решительно выступал против дальнейшего вмешательства России в дела Китая и Кореи, строительства Манчжурской железной дороги и проч. (ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Д. 54. Л. 21–30).

²³¹ Новые пассажирские тарифы (значительно пониженные в тех случаях, когда расстояние составляло свыше 300 верст, особенно для пассажиров III класса и специальных поездов IV класса) были введены в декабре 1894 г. Одновременно отменялись все льготы для должностных лиц, служебные обязанности которых не требовали постоянных разъездов по железным дорогам. См.: *Вутте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 2. М., 2003. С. 216–218.

²³² Николаевское кавалерийское училище – привилегированное учебное заведение для подготовки офицеров, основанное в 1823 г. вел. кн. Николаем Павловичем. С 1864 г. составляло эскадрон со штатом в 200 юнкеров, к которому в 1890 г. была присоединена казачья сотня (120 юнкеров). Выпускники, окончившие училище по I разряду, поступали в армейские части корнетами с годом старшинства в чине, а особо отличившиеся из них зачислялись в гвардейские полки. Барон М.А. Таубе являлся начальником училища в 1865–1874 гг. См.: *Шкот П.П.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. 1823–1898. СПб., 1898; *Смирнов Р.В.* «Дикий обычай» славной гвардейской школы: Цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М., 2010.

²³³ Имеется в виду Православное прибалтийское братство Христа Спасителя и Покрова Божией Матери, отделение которого было открыто в 1887 г. в Иевве под председательством кн. Е.Д. Шаховской. Подробнее см. коммент. 160.

²³⁴ Пятый Международный тюремный конгресс проходил в Париже 18–27 июня (30 июня – 9 июля) 1895 г. На его заседаниях особое внимание уделялось деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних и учреждений для воспитания беспризорных детей.

Российскую делегацию возглавлял М.Н. Галкин-Врасский, избранный вместе с французским и нидерландским представителями председателем (президентом) конгресса. Подробнее о вопросах, рассматривавшихся на конгрессе, и его решениях см.: Отчет по Главному тюремному управлению за 1895 г. СПб., 1897. С. 72–86. До этого конгрессы (сессии) проходили в 1872 г. – в Лондоне, в 1878 г. – в Стокгольме, в 1885 г. – в Риме и в 1890 г. – в Петербурге. См. также коммент. 380.

²³⁵ В сентябре 1895 г. группа русских офицеров во главе с генерал-адъютантом М.И. Драгомировым по приглашению французского правительства посетила военные учения, проводившиеся в Мирекуре. В Контрексевиле (недалеко от Мирекура) отдыхал тогда российский министр иностранных дел кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, которого также пригласили присутствовать на маневрах. С согласия царя князь согласился приехать в Мирекур, где оказался вместе с Драгомировым в ряду почетных гостей – рядом с главой Министерства иностранных дел Франции Г. Аното и президентом республики Ф. Фором. На состоявшемся затем банкете, в присутствии столь авторитетной российской делегации, Фор произнес речь, носившую явно антигерманский характер и вызвавшую болезненную реакцию в Берлине. 26 сентября Вильгельм II отправил Николаю II собственноручное письмо, в котором жаловался на военные демонстрации французов и участие в них кн. Лобанова и Драгомирова, «словно Россия, как и Франция, намерена придерживаться по отношению к Германии наступательного образа действий, причем Франция может надеяться на помощь со стороны России» (*Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 245–247).

18(30) сентября Николаю II пришлось заверять Х. фон Мольтке, доставившего послание кайзера, что кн. Лобанову поручалось «влиять на французов в успокоительном духе» и «охлаждать французский шовинизм повсюду, где будет с ним сталкиваться». «До сих пор я недостаточно представлял себе, насколько легко загораются французы, – говорил царь. – Если бы я мог это знать и предвидеть, я не позволил бы ни Лобанову, ни Драгомирову ехать в отпуск во Францию, и впредь буду осмотрительнее со своими людьми». При этом он, немного путаясь в датах, напомнил своему собеседнику, что «между Германией и Россией сто пятьдесят лет не было войн»: «Германия воевала почти со всеми соседями, кроме нас, и мысль о войне между Германией и Россией вздорна, потому что у двух этих стран нет конфликтующих интересов» (*Мольтке Х.* Русские письма. СПб., 2008. С. 47–50). Николай II, по-видимому, искренне полагал, что русско-германские отношения осложняют лишь газетные публикации. В декабре 1914 г. он признавался барону М.А. Таубе, что даже за полгода до начала Первой мировой войны «был твердо уверен, что если когда-нибудь дело дойдет до столкновения с Германией, то это будет, во всяком случае, уже не при мне» (*Таубе М.А.* «Зарницы»: воспоминания о

трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 190).

Между тем Вильгельм II, получив доклад Х. фон Мольтке о его поездке в Петербург и мирных заверениях, сделанных Николаем II и вел. кн. Владимиром Александровичем, окончательно убедился в том, что «у России с Францией существует соглашение и она вооружается против нас». В сентябре 1895 г. Николай II поручил кн. Лобанову-Ростовскому, возвращавшемуся в Россию, добиться в Берлине аудиенции у Вильгельма II и загладить инцидент. Приняв кн. Лобанова, кайзер пытался увлечь его идеями монархической солидарности и занятия Константинополя, однако его предложения были встречены собеседником довольно холодно. Со своей стороны, князь упорно доказывал, что тесные русско-французские отношения заметно способствуют сохранению мира в Европе. (Подробнее см.: *Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 31–35). Еще до своего отъезда в Контрексевиль он заявлял в Петербурге в частной беседе с германским канцлером кн. Х. Гогенлоэ: «В сущности мы оказали большую услугу Европе тем, что вступили в соглашение с французами. Бог знает, что бы они натворили, если бы мы не держали их на вожжах». Кн. Гогенлоэ записал по этому поводу в дневнике: «Я нахожу, что в этом есть доля правды» (Мемуары кн. Гогенлоэ. М., 1907. С. 245–246). Тем не менее, если в октябре Вильгельм II говорил с кн. Лобановым о возможности возрождения Союза трех императоров, то уже в середине ноября 1895 г. кн. Гогенлоэ заверил австрийских дипломатов в том, что они могут рассчитывать на помощь Германии, когда сочтут задетыми существенные интересы Австро-Венгрии (*Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 374).

Весьма характерна была и реакция П.С. Ванновского на поездку кн. Лобанова и Драгомирова в Мирекур. «Военный министр в ужасе от присутствия Лобанова на французских маневрах, – записал 2 октября в дневнике гр. В.Н. Ламздорф, – по его словам, он с удовольствием запретил бы и Драгомирову ехать на эти маневры! Драгомиров сейчас в отпуску; он как-то раз сильно выпил вместе с одним французским генералом, и тому взбрела в голову неудачная мысль пригласить Драгомирова и всячески его расхваливать. Генерал Ванновский особенно поразился, когда узнал, что Лобанов поехал с благоговременным разрешением Государя...» (*Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 257).

М.И. Драгомиров – один из наиболее известных русских генералов и военных теоретиков конца XIX в. – занимал тогда пост командующего войсками Киевского военного округа. Он был известен своим экстравагантным поведением и пользовался репутацией рьяного «друга Франции», демонстративно третировавшего немецких офице-

ров, даже русофильски настроенных (*Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Минск, 2005. С. 137–138). Именно поэтому его появление в Мирекуре носило явно вызывающий характер.

- ²³⁶ По-видимому, имеются в виду «Известия Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству», издававшиеся в 1879–1913 гг.
- ²³⁷ Устав «Общества для содействия русскому торговому мореходству» был Высочайше утвержден 25 сентября 1873 г. Помимо собственно торгового мореходства, Общество проявляло интерес к развитию внутреннего судоходства, судостроения и водных промыслов России. Согласно уставу размещалось в Москве (образованное в конце 1874 г. петербургское отделение в 1898 г. было преобразовано в самостоятельное Общество судоходства, с 15 января 1899 г. именовавшееся «императорским»). См.: ПСЗ-II. Т. 48. Отд. 2. № 52659.
- ²³⁸ Принц Фердинанд Саксен-Кобургский, избранный в 1887 г., вопреки воле Александра III, князем Болгарии, не был официально признан ни султаном (вассалом которого он формально являлся), ни иностранными государствами, хотя его избрание поддерживалось Англией, Австро-Венгрией и Италией. В мае 1894 г. князь отстранил от власти С. Стамболова (вскоре погибшего от рук террористов), а после вступления на престол Николая II начал упорно добиваться примирения с Россией, заявляя о своей преданности ее монарху и интересам. В июле 1895 г. Петербург посетила представительная делегация во главе с митрополитом Тырновским Климентом. Делегаты, возложившие венок и отслужившие панихиду на могиле Александра III, были благосклонно приняты Николаем II. Митрополит Климент просил его простить болгарский народ, провинившийся перед покойным императором, так как он «был введен в заблуждение врагами», но теперь «раскаивается и желает заслужить прощение». Русская пресса тогда же приветствовала сближение с Болгарией. С осени 1895 г. в дипломатических кругах обсуждалась возможность признания болгарского князя Россией в том случае, если его сын и наследник Борис, родившийся в 1894 г., будет присоединен к православной Церкви (условием брака принца Фердинанда с принцессой Марией-Луизой Бурбон-Пармской являлось воспитание детей в католической вере, для этого была даже изменена конституция Болгарии, требовавшая, чтобы ее правители, за исключением основателя династии, непременно были православными). Со своей стороны, Николай II согласился стать свидетелем-восприемником при миропомазании Бориса (*Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 82–83, 91, 138–139, 169, 207, 227–230, 236–239, 264–265, 301–313, 320, 331, 341, 344, 356, 366).

23 января (4 февраля) 1896 г. в Болгарии был опубликован княжеский манифест о предстоящем переходе наследника престола в право-

славие, перепечатанный 24 января в русских газетах. «Итак, у нас на руках оказывается “крестник”!, – констатировал в тот же день в своем дневнике гр. В.Н. Ламздорф. – Остается только выяснить, стоит ли нам радоваться этому и не создается ли для нас тем самым источник будущих весьма запутанных осложнений... Мы оказываемся связанными с судьбой бедного двухлетнего мальчугана, в особенности если Государь согласится взять на себя роль крестного отца. Я был бы склонен скорее признать отца по просьбе со стороны болгар, чем усыновлять сына, который останется неизвестной величиной еще в течение целых 15 лет! К тому же отводимая нам роль мало соответствует достоинству России! Было бы гораздо выгоднее простить болгар и направить к ним, подобно другим великим державам, официального представителя, вместо того, чтобы заставлять Фердинанда добиваться своего признания путем свершения акта, противоречащего его совести и принятым на себя обязательствам. Мы снова имеем тут дело с очень шумным, но лишенным внутреннего содержания успехом, причем сущность положения от него несколько не меняется» (*Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 374–375*).

Для присутствия на обряде миропомазания были направлены Свиты генерал-майор гр. А.А. Голенищев-Кутузов и д. с. с. Н.В. Чарыков, ставший дипломатическим представителем России в Софии. 2(14) февраля «состоялась торжественная церемония обращения принца Бориса в православие», после чего послу России в Константинополе А.И. Нелидову было поручено «сообщить турецкому правительству, что свершившийся факт устраняет... основные препятствия, имевшиеся до настоящего времени на пути признания принца Фердинанда Саксен-Кобургского князем Болгарским». «Отныне, – говорилось в телеграмме, – мы не видим больше никаких препятствий к тому, чтобы двор сюзерена предпринял соответствующие шаги для получения согласия на указанное признание от всех держав, подписавших Берлинский трактат» (*Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 376–377*). В течение 1896 г. князь Фердинанд был признан всеми европейскими державами. В то же время римский папа отлучил князя вплоть до совершеннолетия его наследника. Подробнее см.: *Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994. С. 97*.

В феврале 1896 г. русско-болгарские отношения широко освещались в российской прессе. См., в частности: Новое время. 1896. 3(15) февраля. № 7160; 10(22) февраля. № 7166, и др.; *Косик В.И. Восстановление русско-болгарских официальных отношений в освещении русской печати 1894–1896 гг. // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 85–99*.

²³⁹ Письмо, отправленное профессором Московского университета гр. Л.А. Камаровским к Д.А. Милютину 28 марта 1895 г. (с приложе-

нием проекта устава «Общества мира» и пояснительной записки к нему), см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 1–3. Целью общества, согласно проекту устава, должна была стать «научная разработка и популяризация основ международного права и распространение в обществе здравых понятий о международном мире и о разрешении международных столкновений путем третейского суда или другими мирными способами». Для этого его членам следовало «печатным и живым словом знакомить публику с фактами сближения народов на политическом, научном, экономическом, литературном и благотворительном поприщах..., распространять гуманные воззрения на пленных, раненых, женщин и детей в военное время, а также заботиться о сохранении в неприкосновенности памятников религии, наук, искусств и благотворительности» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 66. Ед. хр. 4. Л. 3).

Милютин отвечал Камаровскому, что, ознакомившись с его проектом, «не находит в нем ни одного пункта, по которому мог бы сделать замечание», сочувствует данному предприятию и желает ему успеха. Дмитрий Алексеевич также выразил готовность встретиться в Крыму с кн. Долгоруким «для более подробной беседы» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 52. Ед. хр. 112. Л. 1).

- ²⁴⁰ Упомянутые в тексте брошюры и журнальные статьи, касающиеся «пропаганды в пользу мира и против войны», в личном архивном фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ не обнаружены. Среди них, скорее всего, были работы гр. Л.А. Камаровского «О политических причинах войны в современной Европе» (М., 1888), «Война или мир?» (Одесса, 1895).

О кн. П.Д. Долгорукове см.: *Шелохаев В.В., Канищева Н.И.* Петр Дмитриевич Долгоруков // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 68–79.

- ²⁴¹ Уведомление главного церемониймейстера кн. А.С. Долгорукого об обязанностях Д.А. Милютина во время коронации императора Николая II см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 46. Ед. хр. 9. л. 1.

- ²⁴² См. коммент. 30.

- ²⁴³ О русско-китайских и русско-японских отношениях в 1890-е гг. см.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 82–278; *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 179–266; *Рыбаченок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. С. 477–542.

22 мая (3 июня) 1896 г. в Москве был подписан русско-китайский союзный договор, который предусматривал, что в случае нападения Японии как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи «обе высокие договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими

силами» и «не заключать сепаратного мирного договора», при этом порты Китая будут открыты для русских военных судов. «Чтобы облегчить русским сухопутным войскам доступ в угрожаемые пункты и обеспечить их съестными припасами», китайское правительство соглашалось на «сооружение железнодорожной линии через китайские Амурскую и Гириинскую провинции в направлении на Владивосток». Постройка и эксплуатация этой железной дороги была предоставлена Русско-китайскому банку. См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. № 44. С. 292–294. Об обстоятельствах подготовки договора см. также: *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 380. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 437–450.

²⁴⁴ Об императрице Александре Федоровне подробнее см.: *Буксгевден С.* Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России: Воспоминания фрейлины в трех книгах. М., 2012; *Она же.* Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. Комментарии к воспоминаниям. М., 2012; *Боханов А.Н.* Сумерки монархии. М., 1993. С. 50–94; *Он же.* «Святая царица». М., 2006; *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917): Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. С. 108–112.

²⁴⁵ С.Ю. Витте рассказывал позднее: «...Я графа Милютина знал еще с детства, когда был еще мальчиком; будучи на Кавказе я был в хороших отношениях с его сыном, который был старше меня... Когда я и мои братья бывали у Милютина, то, играя с его сыном, которого граф сильно любил, мы постоянно бегали в кабинете графа, и тогда он оставил во мне, как мальчике, самое лучшее впечатление; но потом вследствие тех разногласий, которые произошли между ним и моим дядей [Р.А. Фадеевым, – прим. публ.], я и все мои родные отделились от семейства Милютиных и в течение многих десятков лет я совсем с ним не встречался». Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 46.

²⁴⁶ Особняк Английского клуба на Тверской улице был построен в 1811–1817 гг. (центральная часть – еще в конце XVIII в.). Основанный в 1772 г. московский Английский клуб, в котором, по словам П.И. Бартенева, «соединялись главные представители знати и образованного общества», арендовал здание с 1831 г. С 1924 г. в нем находился музей революции (с 1992 г. Музей современной истории). См.: Памятники архитектуры Москвы: Земляной город. М., 1989. С. 184–185.

²⁴⁷ В 1893–1895 гг. вел. кн. Петр Николаевич приобрел в Кореизе 13 десятин земли, построив на них в 1895–1897 гг. имение «Дюльбер» (в переводе с тюркского «Великолепный»). См.: Романовы и Крым. М., 1993. С. 138–139.

²⁴⁸ Имеется в виду Большой Кремлевский дворец, построенный в 1838–1850 гг. по инициативе императора Николая I на месте прежнего двор-

ца XV–XVI вв. Автор проекта – К.А. Тон, архитекторы – Н.И. Чичагов, В.А. Бакарев, Ф.Ф. Рихтер.

²⁴⁹ Имеется в виду лента ордена св. апостола Андрея Первозванного.

²⁵⁰ Анализ коронационных торжеств 1856, 1883 и 1896 гг. см.: *Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2.* Princeton, 2000. P. 29–48, 212–234, 344–364. Русский перевод: *Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии.* Т. 2. М., 2004. С. 52–76, 293–321, 465–492.

Х. фон Мольтке (младший), сопровождавший принца Генриха Прусского на коронацию Николая II, 15 (27) мая 1896 г. делился с женой своими впечатлениями и размышлениями: «Нечто величественное есть в этих торжествах, весть о которых все присутствующие делегации разнесут по бескрайним степям империи: они расскажут, что видели Белого Царя во всем блеске его власти, Царя, который шел впереди сотен покоренных князей, которого благословил Бог, велевший ради него сиять солнцу, которого восхваляло духовенство, которого с ликованием приветствовал весь народ, который был осыпан земными сокровищами, – высшее существо, держащее в своей деснице судьбы неисчислимых миллионов людей. Этот народ и эта империя нуждаются в подобных представлениях, и русские поступают мудро, сохраняя освященный древностью обряд во всех деталях. Религия и светская власть здесь так прочно слились, что одну от другой нельзя отделить без того, чтобы обе не истекли кровью. Все это надо было увидеть, чтобы понять, почему в России подчинения православной Церкви часто добиваются драконовскими мерами, и постичь, каким образом возможно объединять и удерживать эту бесконечную империю, простирающуюся от вечных льдов Севера до вечного солнца Юга. Лишь абсолютная власть, опирающаяся на всеобщую православную Церковь, может править Россией, и от любой трещины меж двух этих столпов рухнуло бы все гигантское здание» (*Мольтке Х. Русские письма.* СПб., 2008. С. 70–71).

²⁵¹ Николай II писал в дневнике: «14-го мая. Вторник. Великий, торжественный, но тяжкий в нравственном смысле для Аликс, Мама и меня день! С 8 ч. утра были на ногах; а наше шествие тронулось только в ½ 10. Погода стояла, к счастью, дивная; Красное крыльцо представляло сияющий вид. Все, что произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!! Вернулись к себе в половину второго. В 3 часа вторично пошли тем же шествием в Грановитую палату к трапезе. В 4 часа все окончилось вполне благополучно; душою, преисполненною благодарностью к Богу, я вполне потом отдохнул. Обедали у Мама, которая, к счастью, отлично выдержала все это длинное испытание. В 9 час. пошли на верхний балкон, откуда Аликс зажгла электрическую иллюминацию на Иване Великом, и затем последовательно осветились башни и стены Кремля, а также про-

тивоположная набережная и Замоскворечье. Легли спать рано». См.: Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 273.

Яркое описание коронации оставил в своем дневнике гр. С.Д. Шереметев: «...Перед тем, чтобы надеть порфиру, нужно было оправить цепь [ордена] святого Андрея, затем порфиру завязать кистями на груди. Государь сам не мог справиться, нервно подошел Владимир Александрович и стал завязывать и опрavlять цепь, но толку не было, и конца не было этим стараниям. Кончилось тем, что Владимир Александрович сломал одно из звеньев цепи, и оно упало на пол... Императрица Мария Федоровна едва сдержала глухой крик и покачнулась, но звено было поднято, и, наконец, все приведено в порядок. Она стояла, облакачиваясь на мою левую руку, и так почти все время. Великий князь Владимир Александрович особенно раздражал все время своею суетой... Впереди, перед Государем, стояли граф Милютин, Набоков, Делянов, Стояновский, Саломон, последний стоял удивительно. Стояновский чуть не потерял штанов, с Набоковым и князем Салтыковым сделалось дурно... Шувалов, казалось, дремал под сению государственного знамени. Гринвальд застыл на часах. Иностраный “зверинец” отличался разнообразием, все стояли внимательно. Мои глаза встречались то и дело со стоявшим насупротив Муравьевым (Н.В.), что-то вызывающее в его выражении. Сипягин стоял умиленный, Филиппов – невозмутимый, Победоносцев – безмятежный Кашей с лицом цвета пергамента и выражением недобрый. Эстрады были полны необычайной для Успенского собора публикой...» («Картина была потрясающая!»: Из дневника гр. С.Д. Шереметева о коронации Николая II // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 85–89).

²⁵² Красное крыльцо – парадный вход с Соборной площади Кремля в Святые сени великокняжеского дворца и Грановитую палату. Заложено в 1487 г. одновременно с палатой итальянскими зодчими Марко Фрязином и Пьетро Антонио Солари. Главное назначение крыльца – царские «выходы» из дворца во время наиболее торжественных государственных церемоний, в том числе для шествий в Успенский собор. В середине 1930-х гг. уничтожено, воссоздано к 12 июня 1994 г. (Мухайлов К. Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 229–245).

²⁵³ Присутствовавший на коронационных торжествах Х. фон Мольтке (младший) на следующий день, 15(27) мая, писал своей жене: «Вечером Москва была празднично иллюминирована. Трудно описать, что это такое. Весь Кремль сиял электрическим светом. Башни и ворота словно состояли из миллионов лампочек, от основания до самых шпилей с крестами. Они казались видениями из иного мира. По зубцам окружной стены во всю ее восьмикилометровую длину были прикреплены лампочки. Все это море зажигается рукой императрицы. Она берет букет, и в мгновение ока все вспыхивает. С террасы Кремля мы смотрели на город огня. Дома, башни, мосты в сверкающих искрах

сияли синим, красным, зеленым светом. По берегам Москвы-реки, насколько доставал взгляд, тянулись гирлянды лампочек. Это была столь неопишуемая роскошь, что мы ею совершенно оглушены. Передать впечатление от нее совершенно невозможно. Дай полную волю своей фантазии, и то еще далеко не достигнешь этой реальности. Тут пасует всякое воображение. Даже когда видишь эту иллюминацию, она кажется невероятной. Берешься за голову и спрашиваешь себя, в своем ли ты уме или у тебя горячечный бред. И три вечера подряд это зрелище должно возобновляться!» (*Мольтке Х. Русские письма*. СПб., 2008. С. 72–73).

Здание для Городской думы (распорядительного органа самоуправления Москвы) было построено в 1890–1892 гг. у Воскресенских ворот архитектором Д.Н. Чичаговым в «русском стиле», с использованием декоративных деталей московского зодчества XVII в. С 1930-х гг. в нем размещался музей В.И. Ленина, в настоящее время оно передано Государственному историческому музею. Здание для Российской благородного собрания (или Дворянское собрание) перестроено в 1784–1787 гг. архитектором М.Ф. Казаковым из дома кн. Долгорукого, находившегося на углу улиц Б. Дмитровка и Охотный ряд, восстановлено после пожара в 1814 г. А.Н. Бакаревым, в 1903 г. перестроено А.Ф. Мейснером. В настоящее время известно как «Колонный зал» (концертный зал Московской государственной филармонии).

- ²⁵⁴ Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 1–10, 12. М., 1877–1911. «Окраины России» составили 8–10 тома. Вышедший в 1896 г. т. 10 включал исследования «Крестьянский вопрос в Лифляндии» («Окраины России, выпуск VI») и «Православные латыши. Период второй (1845–1848)». Последняя работа, оставшаяся незаконченной, являлась продолжением книги Ю.Ф. Самарина «Православные латыши. Период первый (1841–1845)» («Окраины России», выпуск III).
- ²⁵⁵ Подробнее см.: *Джанишев Г.А.* Эпоха Великих реформ. Изд. 6-е. М., 1896; *Он же.* Патриарх-кафоликос Мкртич I. М., 1893; *Диев Гр.А.* [Джанишев Г.А.] Армянский вопрос в Турции: (Из переписки с стамбульским публицистом). М., 1893; Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896.
- ²⁵⁶ Фирман эмира Бухарского Сеид-Абдул-Ахада о награждении Д.А. Милютина орденом Бухарской короны см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 85. Ед. хр. 12.
- ²⁵⁷ Николай II записал в дневнике 17 мая: «...поехали в Большой театр на торжественный спектакль. Давали по обыкновению 1-й и последний акты “Жизнь за царя” и новый красивый балет “Жемчужина”...» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 274). «Давали один акт из оперы “Жизнь за царя”, – писал жене Х. фон Мольке (младший). – Костюмы были немисливо роскошными, и вообще роскошь, демонстрируемая здесь, затмевает все,

что я видел до сих пор». (*Молитве* Х. Русские письма. СПб., 2008. С. 74)

²⁵⁸ Николай II писал в своем дневнике: «18-го мая. Суббота. До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки, и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10 ½ ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 ½ ч. завтракали, и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном “народном празднике”. Собственно там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и “Славься”. Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутатов, и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям двор[ьянства]. Обойдя столы, уехали в Кремль». Вел. кн. Александр Михайлович рассказывал вел. кн. Константину Константиновичу, что царь «вышел к обеду заплаканный и глубоко расстроенный» (*Дневники императора Николая II (1894–1918)*. Т. 1. М., 2011. С. 274, 319–320).

Как вспоминал министр-резидент России в Ватикане А.П. Извольский (прибывший на коронацию и тесно общавшийся со своими родственниками гр. К.И. Паленом и Н.В. Муравьевым), «Николай II был опечален происшедшим, и первой его реакцией было желание прекратить празднества и удалиться в один из монастырей в окрестностях Москвы» (*Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 164). Вечером император и императрица собирались ехать в больницы, где находились покалеченные в давке. Однако великие князья и сановники убедили их в необходимости отправиться на заранее назначенный бал у французского посла гр. Г.Л. Монтебелло. Как утверждает Извольский, посол готов был его отменить или отложить, но ему дали понять, что это излишне. «...Я отчетливо помню напряженность атмосферы на этом празднестве, – писал Извольский. – Усилия, которые делались императором и императрицей при появлении их в публике, ясно отражались на их лицах» (*Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 165). «В 10 поехали на бал к Montebello, – отметила в дневнике вел. кн. Ксения Александровна. – Конечно, мы были расстроены и совсем не в подобающем расположении духа! Ники и Аликс хотели уехать через полчаса, но милые дядюшки (Сергей и Владимир) умоляли их остаться. Сказав, что это только сентиментальность (“поменьше сентиментальности”!) и сделали скверное впечатление! Вздор! Бедные Н[ики] и А[ликс] были совсем грустные, конечно, Государь уехал с бала после ужина в 2 ч. ночи». 19 мая Николай II, импера-

трица Александра Федоровна и вел. кн. Сергей Александрович ездили в Старо-Екатерининскую, а 20 мая – в Мариинскую больницу; посещала больницы и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Семьям пострадавших Николай II повелел выделить по 1000 руб. См.: Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 274–275, 319–320.

²⁵⁹ 18 мая вел. кн. Сергей Александрович писал в дневнике, что число жертв составляло «около тысячи убитых и 400 раненых». Министр юстиции Н.В. Муравьев в докладе о расследовании, проведенном судебным следователем по особо важным делам при московском суде П.Ф. Кейзером, сообщал, что всего в давке пострадало 2630 человек, 1389 из них умерли. Толпа, собравшаяся в ночь с 17 на 18 мая на Ходынском поле, насчитывала 400–500 тыс. человек (ГА РФ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 720; Ф. 543. Оп. 1. Д. 652; Ф. 648. Оп. 1. Д. 32. Л. 73–74). По другим данным, погибло 1282 человека (*Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 56).

²⁶⁰ Еще 18 мая 1894 г. вел. кн. Сергей Александрович сетовал в дневнике на то, что «все падет на об[ер]-полиц[мейстера], когда распорядилась там исключительно Корон[ационная] комиссия с Бером». Действительно, как в толпе на Ходынском поле, так и в окружении императора в случившемся сразу же обвинили А.А. Власовского, не имевшего связей при дворе и в обществе и пользовавшегося в Москве репутацией жесткого и до грубости своенравного начальника. Между тем еще в марте 1895 г. проведение народного праздника на Ходынском поле было поручено Н.Н. Беру, возглавившему «Особое установление по устройству коронационных народных зрелищ и увеселений», а само поле полностью передано в ведение Министерства императорского двора. «Великому князю, как хозяину столицы, конечно, это не могло быть приятным, – вспоминал его адъютант В.Ф. Джунковский, – он реагировал на это тем, что совершенно устранился от всякого вмешательства не только по отношению устройства самого гулянья, но даже и по отношению сохранения порядка, отказываясь от преподачи каких-либо указаний по этому поводу. Обер-полицмейстер, очевидно, видя такое отношение со стороны хозяина столицы, также без должного внимания отнесся к принятию мер безопасности на Ходынке во время гуляний» (Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 329).

Великий князь ограничился лишь формальным напоминанием Власовскому о том, что для охраны порядка, в том числе и во время праздника на Ходынском поле, тот может вызвать на помощь полиции войска. Однако Власовский, по-видимому, полагал, что направлять и координировать действия полиции и войск должны распорядители праздника, несущие ответственность за его организацию (к тому

же, в момент катастрофы Бер, его помощник и лагерный комендант находились на поле). «За несколько дней до начала коронационных торжеств, – вспоминал А.А. Лопухин, занимавший тогда пост товарища прокурора Московского окружного суда, – по окончании одного происходившего под председательством Власовского заседания (мне в этом заседании пришлось участвовать) зашла частная беседа об этих торжествах. Власовский стал перечислять трудные для полиции дни коронационного периода и при этом пропустил народный праздник на Ходынке. Один из присутствовавших обратил его внимание на это. Тогда Власовский спросил, чем же день этот может быть для полиции труден, и на указание на неизбежность большого скопления народа и возможность давки, ответил: “А мне какое до этого дело? Мне в этот день придется думать только о том, как проезд Государя обеспечить, а это не так уж трудно”» [*Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 35–36, 41–42]. Ходынское поле обер-полицмейстер явно считал, обоснованно или нет, находящимся вне его юрисдикции.

В свою очередь, и в Министерстве императорского двора меньше всего были готовы к случившемуся. «В голову мне тогда не приходила возможность Ходынской катастрофы с тысячами жертв, – признавался позднее В.С. Кривенко, возглавлявший канцелярию министра, – меня беспокоила мысль о весьма возможных нареканиях на Министерство двора за угощение народа гнилой дешевкой, нареканиях на то, что кто-то из дворцовых руки нагрел себе» (*Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 241). В результате ночью и утром 18 мая толпа оказалась предоставлена самой себе.

Попытка вел. кн. Сергея Александровича и его старших братьев переложить ответственность за ходынскую трагедию с московских властей на дворцовое ведомство сразу же вызвала возмущение и отпор со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны и младшего поколения великих князей (прежде всего вел. кн. Александра Михайловича, его жены и братьев), считавших, что «главным ответчиком» должен стать генерал-губернатор [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 327–333].

Слух о том, что многие погибли, провалившись в ямы, оставленные при подготовке праздника, распространявшийся сторонниками великого князя, впоследствии был опровергнут следствием (ямы находились в стороне от того места, где стояла толпа, и ни одного трупа в них не обнаружили). Скопление народа на поле наблюдало несколько десятков городских, сотня казаков, 400 гренадер и 13 офицеров. Однако их уговоры и отдельные попытки разредить толпу не имели успеха; помочь удавалось лишь немногим. Полиция вела себя пассивно [*Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний»

гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 25–26, 33–34; Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 229–233, 242–247].

- ²⁶¹ О положении Великого княжества Финляндского в 1880–1890-е гг. и управлении гр. Ф.Л. Гейдена см.: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса». Вып. 1–3. М., 1891–1897; *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982.
- ²⁶² После убийства 19 апреля 1896 г. шаха Наср-эд-дина персидским шахом стал его второй сын Мозаффер-эд-дин.
- ²⁶³ Правивший в Бухаре в 1885–1910 гг. эмир Сеид-Абдул-Ахад отличался гуманностью и умеренным либерализмом (отменил рабство и кровную месть за убийство родственников, ликвидировал подземные тюрьмы, редко прибегал к казням). В 1895 г. он был произведен Николаем II в генерал-лейтенанты и зачислен в Терское казачье войско.
- ²⁶⁴ «Легкомысленным повесой» считал в свое время князя Фердинанда и Александр III. См.: *Вознесенский В.Д.* Кобурги в Болгарии // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 115; *Кияпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994. С. 97. О князе Фердинанде см. также: *Исаева О.Н.* Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский // До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 103–116.
- ²⁶⁵ Точная дата возведения и первоначальные владельцы особняка князей Юсуповых в Харитоньевском переулке не известны. По преданию, записанному кн. Ф.Ф. Юсуповым (младшим), «дом был построен в 1551 г. царем Иваном Грозным»: «Тогда он был окружен лесами и служил ему охотничьим приютом. Многокилометровый подземный ход связывал его с Кремлем. Строили дом Барма и Постник, которым Москва обязана своим знаменитым храмом Василия Блаженного... Царь никогда не жил в этом доме подолгу. Он устраивал там великолепные праздники и возвращался в Кремль подземным ходом. Этот лабиринт секретных помещений имел множество выходов, позволявших ему появляться в то время и в том месте, где его меньше всего ожидали... После смерти Ивана Грозного это здание оставалось заброшенным более полутора веков. В 1729 г. Петр II подарил его князю Григорию Юсупову. Реставрационные работы, предпринятые моими родителями в конце прошлого века, открыли знаменитый подземный ход. Проникнув туда, обнаружили длинное помещение, где к стенам были прикованы ряды скелетов. Дом был выкрашен в яркие цвета, в старом московском стиле... Мы не любили этот дом, где трагическое прошлое было столь живо» (*Юсупов Ф.Ф.* Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993. С. 58–59). В XIX в. реконструкция дворца и отделка его интерьеров велись по проекту архитектора Н.В. Султанова.

²⁶⁶ По-видимому, речь идет об опере Э. Гумпердинка (Хумпердинка) «Пряничный домик или Гензель и Греттель» (либретто по мотивам сказки братьев Гримм, декорации К.Ф. Вальца, дирижер – И.К. Альтани), премьеры которой состоялась 28 января 1896 г. На сцене Большого театра спектакль шел недолго.

²⁶⁷ Вопрос об ответственности за гибель людей на Ходынском поле вызвал острые споры в придворных и правительственных сферах. Судебный следователь П.Ф. Кейзер, проводивший официальное расследование, был утвержден в своей должности (и соответственно несменяем) и в силу этого, а также личных качеств, достаточно независим. Однако ход его работы и дальнейшее направление дела во многом зависели от министра юстиции Н.В. Муравьева, пользовавшегося покровительством вел. кн. Сергея Александровича, и поэтому не вызывавшего доверия. Уже 21 мая Муравьев сообщил московскому генерал-губернатору, что «выясняется прямая вина комиссии [Бера] и косвенная Власовского». С 20 по 26 мая министр юстиции почти ежедневно бывал у великого князя [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 330–332]. Одновременно в Москве распространялся слух, будто император на Власовского «не сердится», так как «Воронцов сознался, что он один во всем виноват». Гр. И.И. Воронцову-Дашкову об этом было известно (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 235).

По-видимому, именно министр императорского двора вместе со вдовствующей императрицей добивались создания особой комиссии, которая, по сути, контролировала бы действия и заключения Муравьева. Выбор в качестве ее председателя гр. К.И. Палена, игравшего видную роль во время коронационных торжеств и одновременно – старейшего из министров юстиции (о том, что он никогда не отличался знанием Судебных уставов, успели уже позабыть), скорее всего, не был случаен. Следствие еще не было завершено, комиссия еще даже не формировалась, а ее предполагаемый председатель (официально так и не назначенный), как вспоминал С.Ю. Витте, «имел неосторожность сказать во дворце..., что там, где великие князья занимают ответственную должность, всегда происходит или какая-нибудь беда, или крайний беспорядок» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 454). Это немедленно вызвало возмущение великих князей. Уже 25 мая Николай II отметил в дневнике «брожение в семействе по поводу следствия, над кот[орым] назначен Пален» [Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 276]. Великие князья «Владимир и Павел говорили Палену, что всех их хотят разогнать», а вел. кн. Сергей Александрович, поддержанный братьями, сообщил императору через министра внутренних дел И.Л. Горемыкина о своем намерении подать в отставку, если будет подписан рескрипт о назначении гр. Палена председателем след-

ственной комиссии. Московский генерал-губернатор даже сравнивал ее с Верховной комиссией, действовавшей в 1866 г. под председательством гр. М.Н. Муравьева-Вилenskого [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 331–333].

В итоге Николай II так и не подписал будто бы уже составленный рескрипт, комиссия создана не была, а гр. Палену поручалось лишь дать свое заключение о результатах расследования Кейзера.

²⁶⁸ Ильинское – подмосковное имение на берегу Москвы-реки (недалеко от имения кн. Юсуповых Архангельское), принадлежавшее императрице Марии Александровне, а затем – вел. кн. Сергею Александровичу.

Отъезд императора и императрицы в Ильинское являлся своего рода демонстрацией поддержки великому князю, против которого было настроено тогда большинство членов Императорской фамилии и общественное мнение «...В 8 ч. [вечера] проводы на Брестском вокзале..., – записал 26 мая в дневнике гр. С.Д. Шереметев. – Гос[ударь] бледен и озабочен, но холоден и к провожающим как бы безучастен. Поезд тронулся – в Ильинское!... Гробовое молчание сопровождало мрачный отъезд. Не раздалось ни единого крика ура. Я не запомнил [другого] такого царского отъезда из Москвы» [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 332]. В Ильинском Николай II провел почти месяц (с 26 мая до 21 июня).

²⁶⁹ Александровский (с 1903 г. – императора Александра II) кадетский корпус был открыт в 1882 г. на основе С.-Петербургской 3-й военной гимназии, созданной в 1873 г. по докладу Д.А. Милютин и пользовавшейся большим успехом (за несколько лет число воспитанников выросло с 220 до 560, несмотря на увеличение платы за обучение с 40 до 100 руб.). Постановка учебного дела и внеклассных занятий в Александровском кадетском корпусе считалась образцовой и в 1880–1890-е гг. Подробнее см.: *Крутецкий А.Д.* Александровский кадетский корпус за первые 25 лет существования. СПб., 1898.

²⁷⁰ Ярмарочный комитет – распорядительный орган Нижегородской ярмарки, избиравшийся уполномоченными от купечества и занимавшийся сборами с торгующих и ярмарочным хозяйством. Председатель ярмарочного комитета одновременно председательствовал и в биржевом комитете (временная биржа действовала в ярмарочные дни). С.Т. Морозов возглавлял ярмарочный комитет с 1891 по 1897 г.

²⁷¹ Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде открылась 28 мая 1896 г. С 1829 г. производственные выставки проводились в Москве, С.-Петербурге, Варшаве. в 1893 г. Александр III утвердил Положение об открытии 16-й выставки в

Нижнем Новгороде. Для подготовки ее проведения была создана особая комиссия под председательством министра финансов С.Ю. Витте (вице-председатель – директор Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевский), которой выделялось 3 млн руб. на организацию выставки и 1 млн – на благоустройство города. Для размещения выставки было построено 357 объектов (из них 125 государственных). Действовало 20 отделов: I – сельскохозяйственный; II – коннозаводство и коневодство; III – домашние животные; IV – садоводство, плодородство и огородничество; V – охотничьи, пушные и рыбные промыслы; VI – лесное хозяйство; VII – горное дело и металлургия; VIII – изделия из волокнистых веществ; IX – заводские, фабричные и ремесленные изделия; X – художественно-промышленный отдел; XI – кустарный отдел; XII – машины, аппараты, машиностроение и электротехника; XIII – Сибирь и торговля России с Китаем и Японией; XIV – средняя Азия и торговля России с Персией; XV – военный отдел; XVI – военно-морской отдел; XVII – строительство и инженерное дело, морское и речное торговое судоходство; XVIII – художественный отдел; XIX – народное образование, охранение народного здоровья, благотворительность, подача помощи страждущим и спасение на водах; XX – Крайний Север. Кроме того, в отдельных павильонах были представлены предприятия Нобелей, И.Д. Сытина, Товарищества Кексгольмской мануфактуры, завода «Сормово» и др. В оформлении павильонов приняли участие художники и архитекторы Л.Н. Бенуа, А.Н. Векшинский, К.А. Коровин, А.Н. Померанцев, И.П. Ропет, В.В. Суслов, В.О. Шервуд, инженер В.Г. Шухов и др. Выставка закрылась 1 октября 1896 г. За 4 месяца ее посетили около 1 млн человек (в том числе министры С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкин, А.С. Ермолов и кн. М.И. Хилков, а также дипломаты, ученые, промышленники, художники и др.). На выставке было прочитано около 200 публичных лекций. См.: Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. СПб., 1896; Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде, 1896. Путеводитель. СПб., 1896; *Барановский Г.В.* Здания и сооружения на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1897; Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Очерки истории. Нижний Новгород, 1996; *Бубнов Ю.Н.* Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде. К 100-летию со дня открытия. Нижний Новгород, 1996; *Никитин Ю.А.* Промышленные выставки России XIX – нач. XX века. Череповец, 2004.

²⁷² О посещении Парижской всемирной выставки см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 328–340.

²⁷³ Организация выставки существенно осложнялась конфликтами среди начальствующих лиц. Служивший во временном делопроизводстве

по устройству Всероссийской выставки В.Б. Лопухин вспоминал про «атмосферу чрезвычайного бюрократического напряжения» в Нижнем: «Баранов интриговал против Ковалевского и Кази... В порядке охраны Баранов был облечен чрезвычайными полномочиями. Пользуясь ими, он тормозил все начинания Ковалевского и Кази, взяв в подозрение все выставочное управление. Для ознакомления с выставочными делами он перлюстрировал *всю деловую* корреспонденцию выставки... Вставление палок в колеса проделывалось со всем свойственным Баранову искусством». Желая нейтрализовать губернатора, В.И. Ковалевский пообещал выхлопотать ему крупную денежную награду после посещения выставки царем. Впоследствии, однако, Н.М. Баранов был разочарован размером полученной суммы (20 тыс. руб.) и даже «разгневался очень». Не менее сложными были отношения Ковалевского с генеральным комиссаром выставки В.И. Тимирязевым, который «был неизменно внешне корректен», но «всею душою ненавидел Ковалевского» и «интриговал» против него. См.: *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 61–62. «Выставка эта, – вспоминал С.Ю. Витте, – была сделана по моему почину, и хотя она была устроена очень хорошо, но имела средственный успех – может быть, потому, что был выбран неудобный момент после коронации. Я открыл выставку 28 мая; она еще почти не была окончена. Комиссаром выставки мною был назначен агент Министерства финансов в Берлине Тимирязев, который представляет собой тип чиновника, вершащего все дела лишь на бумаге, а поэтому в таком живом деле он всюду и опоздал. Выбрал же я Тимирязева потому, что ранее, при моих предшественниках, он занимался выставками» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 457–458).

²⁷⁴ В 1896 г. должность инспектора народных училищ в Нижегородской губернии занимал статский советник Михаил Степанович Степанов.

²⁷⁵ Нижегородская ярмарка была открыта в 1817 г. под Нижним Новгородом, куда перенесли Макарьевскую ярмарку, действовавшую с середины XVI в. у Макарьева монастыря на Волге. До 1917 г. ярмарка действовала ежегодно в июле–августе, в XIX в. играла важную роль в товарообороте России. В 1893 г. ее оборот составлял 152 млн руб. (основные товары – металл, ткани, хлопок, краски, пушнина, хлеб, рыба, лес, чай). Наряду с русскими купцами в ярмарке участвовали торговцы из стран Востока и Западной Европы. В художественном оформлении ее пространства принимал участие известный русский архитектор Ф. Шехтель, по проекту которого были построены триумфальные арки и капитальный въезд в гостиный двор с Московской улицы, а также декорирован интерьер Главного ярмарочного дома. См.: *Мельников А.П.* Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Н. Новгород, 1993; *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка.

Исторический очерк. Н. Новгород, 1991; *Шумилкин С.М.* Нижегородская ярмарка. Н. Новгород, 1996.

²⁷⁶ Имеется в виду Спасо-Преображенский собор в Нижегородском кремле, заложенный в 1225 г. князем Георгием Всеволодовичем, а затем несколько раз перестраивавшийся в византийском стиле (в последний раз – по повелению Николая I). В усыпальнице под храмом находится гробница Косьмы Минина. У северной стены собора в 1878 г. по проекту архитектора Л.В. Даля был поставлен памятник Минину. См.: Всероссийская выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. Путеводитель. Город–ярмарка–выставка. СПб., 1896. С. 36–39.

²⁷⁷ Николай II приехал в Нижний Новгород вместе с императрицей и вел. кн. Алексеем Александровичем 17 июля. В тот же день, а также 18 и 19 июля они осматривали выставку (царя «всего более заинтересовали отделы железодельный и горный»), а 20 – ярмарку, после чего покинули город (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 285–286). За эти дни император провел смотр войск, встретился с дворянством и купечеством, посетил благотворительные учреждения, приют для престарелых, вдовий дом и училище при нем, а также дом трудолюбия Рукавишниковых. Перед отъездом Николай II признал, что «выставка отвечает государственным цензам, предуказанным императором Александром III, наглядно иллюстрирует состояние различных отраслей народного труда и отечественной производительности, дает необходимые данные для выработки дальнейших мероприятий к развитию этих отраслей» (*Бубнов Ю.Н.* Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде: К 100-летию со дня открытия. Нижний Новгород, 1996. С. 28).

²⁷⁸ С.Ю. Витте вспоминал про М.И. Кази: «...Он всю свою жизнь занимался или морскими вопросами, или вопросами близкими к морским; по уму и по характеру он был человек выдающийся, человек больших способностей, но греческого происхождения и был в значительной доле наполнен стремлением к интригам – это была его слабая сторона. Кази был врагом режима, который существовал в Морском министерстве, в этом отношении он был совершенно прав, и я ему вполне сочувствовал...»

Тем не менее, несмотря на «в высшей степени дружеские отношения», Витте в декабре 1894 г. решительно воспротивился назначению Кази министром путей сообщения (о чем будто бы уже даже был составлен указ), ссылаясь на то, что он совершенно не знает специфики железнодорожных дел. В середине 1890-х гг. Кази, по свидетельству Витте, имел большое влияние на великих князей Александра Михайловича и Константина Константиновича. Конфликт между ними и вел. кн. Алексеем Александровичем летом 1896 г. едва не привел к его отставке, однако Николаю II удалось найти компромисс: генерал-адмирал остался на посту главного начальника флота и морского ве-

домства, а управляющего Морским министерством Н.М. Чихачева 13 июля сменил П.П. Тыртов. См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 396–398, 412–414.

Внезапная смерть М.И. Кази вскоре обросла в обществе самыми фантастическими слухами. Как вспоминал В.Б. Лопухин, Кази скончался «в расцвете здоровья и сил». «...Злая молва, – писал он, – связывала смерть Кази с именем Шабельской и с особенностями ее темперамента. Но Ковалевский представлял дело иначе. С Кази давно не ладил Баранов. Были у них счеты в прошлом, с того времени, когда оба служили во флоте. Баранов рьяно воспротивился назначению Кази генеральным комиссаром выставки, заявив, что в случае такого назначения он слагает с себя ответственность за порядок в Нижнем и за безопасность в нем имевшего прибыть на выставку царя. Назначение Кази... поэтому не состоялось. Но он все-таки прибыл на выставку и играл на ней видную роль. Баранов не скрывал своего раздражения. Стал с Кази на ножи. Но он боялся Кази. Опасался каких-то компраметантных с его стороны разоблачений. Совпадение или что, чему не хочется верить... Баранов неожиданно приглашает Ковалевского и Кази к себе на обед. Ковалевский уговорил Кази поехать. Вернувшись с обеда, Кази стал жаловаться на нездоровье. Ковалевский и Кази жили в гостинице в двух смежных номерах. Утром Ковалевский пришел к Кази и нашел его мертвым. Днем приезжал Баранов и театрально манифестировал не вытекавшие из его отношений к покойному *слишком* шумные сожаления. Ввиду невыясненности причины смерти, Ковалевский настаивал на вскрытии тела. Но этого не было сделано» (Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 62).

²⁷⁹ Имеются в виду два указа, подписанные Николаем II 15 июля 1896 г. (ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 1. № 13167, 13168. С. 596). «...Горячо принимая к сердцу все, что касается этого горестного события, – говорилось в первом из них, – мы, в постоянной заботе о правде, признали необходимым лично рассмотреть произведенное по этому делу предварительное следствие и ныне, тщательно сообразив обстоятельства, выясненные затем следствием, мы признали за благо, не обращая дело к судебному порядку, разрешить его нашею непосредственною властью». Во втором указе повелевалось «всем министрам, всем главноуправляющим отдельными частями, всем генерал-губернаторам, всем губернаторам и всем начальствующим лицам всех ведомств направлять свои действия и распоряжения к единству и иметь неослабное наблюдение, дабы подчиненные им учреждения и лица, не допуская между собою соперничества, неуклонно оказывали друг другу содействие, для пользы службы» (там же).

По-видимому, еще во время пребывания Николая II в Москве стало ясно, что во избежание скандала расследование трагедии на Хо-

дынском поле не может закончиться судебным процессом. Однако П.Ф. Кейзер, «получив предупреждение начальства, что дело это будет изъято из ведения суда, и он получит соответствующий ордер..., предупредил, что такой ордер оставит без исполнения и направит дело в порядке, установленном законом..., начальству пришлось выждать, когда следствие было доведено до конца и из рук Кейзера выбыло» [Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 32–33].

По окончании следствия Н.В. Муравьев направил его материалы вместе с собственным докладом императору, передававшему их гр. К.И. Палену, а также, для ознакомления, некоторым высшим сановникам. В своей «Записке» министр юстиции обвинял в «бездействии власти» служащих московской полиции (А.А. Власовского, И.Н. Руднева и А.Р. Будберга) и дворцового ведомства (Н.Н. Бера и В.В. Николая). Вместе с тем Муравьев рекомендовал направить дело на рассмотрение Комитета министров. Подробнее см.: ГА РФ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 720; Ф. 543. Оп. 1. Д. 652; Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 242–247. См. также материалы расследования катастрофы на Ходыньском поле, проводившегося в Департаменте полиции: ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1895. Д. 1422. Т. 1–6; 2 делопроизводство. 1895. Д. 126. Ч. 2.

11 июля Николай II «принял гр. Пален, который окончил порученное ему расследование следствия по Ходыньскому несчастью» [Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 284]. «Пален не покривил душой, – вспоминал В.С. Кривенко, – и удостоверил преступную небрежность московской полиции к своим прямым обязанностям. Таким образом, министр двора оказался неповинным, а катастрофа переваливалась на голову великого князя. Истина была установлена...» (Кривенко В.С. В Министерстве двора: Воспоминания. СПб., 2006. С. 245).

Как писал А.А. Лопухин, гр. Пален «не ограничился разговорами в дворцовых гостиных, а в официальном докладе Николаю II заявил, что вина в Ходыньской катастрофе ложится и на великого князя Сергея Александровича, своим индифферентизмом к участи народа посеявшего такой же индифферентизм в своих подчиненных и своей безответственностью посеявшего в них уверенность и в их безответственности». «Пален, – утверждал Лопухин, – настаивал на том, чтобы на его докладе в резолюции о назначении наказания Власовскому Николай II высказал такое порицание великому князю Сергею, которое заставило бы его оставить генерал-губернаторскую должность. Но в резолюции оказалось только исключение Власовского из службы, вместо грозившего ему по суду заключения в исправительные отделения. О великом князе резолюция умалчивала...» [Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 40]. С.Ю. Витте рассказывал, что «доклад этот

с резолюцией Государя, которая графа Палена опечалила, находится у него в архиве, в его деревне около Митавы» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 454). Исследователями данный доклад до сих пор не обнаружен. Тем не менее его содержание стало широко известно в правительственных сферах, чем, вероятно, объяснялось, заметное охлаждение Николая II к гр. Палену.

«Причину несчастья, – говорилось в указе, подписанном Николаем II 15 июля, – следует искать в том, что московские власти, обязанные охранять порядок и безопасность столицы, не приняли своевременно должных мер для направления массы народа, стремившегося на Ходынское поле». Тем же указом московский обер-полицмейстер был уволен со службы. Своей вины он, однако, никогда не признавал. «Относительно других должностных лиц» министрам императорского двора и внутренних дел поручалось принять «меры взыскания, соответствующие обнаруженным упущениям» (ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 1. № 13167. С. 596). Бер и Николая практически не пострадали, Руднев и Будберг сделали впоследствии успешную карьеру. Вел. кн. Сергей Александрович еще 30 июня попросил Николая II предоставить ему заграничный отпуск, 15 июля он на несколько месяцев покинул Россию. Указ «о смещении Власовского» был воспринят великим князем как «точка всей этой грязной интриги» [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 339–344].

²⁸⁰ Согласно ст. 61 Берлинского трактата 1878 г. Османская империя обязывалась «осуществлять, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов». Более того, Турции следовало «периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением». Однако правительство султана не только не проводило в Западной Армении никаких преобразований, но активно переселяло туда беженцев-мусульман с Балкан, изменяло границы вилайетов так, чтобы в каждом из них армяне оставались в меньшинстве, и увеличивало численность хамидие – иррегулярной кавалерии, состоявшей преимущественно из черкесов и курдов. В 1890-е гг. части хамидие, выведенные из-под контроля местной администрации, под предлогом «наведения порядка» терроризировали христианское население. Только в 1894–1896 гг. в ходе массовых погромов погибло, по разным подсчетам, от 60 тыс. до 300 тыс. армян. Это вызвало резкое возмущение в Европе, особенно – в Великобритании, позиции которой в Константинополе после захвата Кипра и Египта заметно ослабли (тогда как влияние Германии и Франции, напротив, росло). Созданные в Лондоне еще в 1880-е гг. армянские комитеты развили бурную деятельность, добиваясь вмешательства держав и прекра-

щения резни. Под давлением англичан Абдул-Гамид в конце 1894 г. вынужден был согласиться на создание специальной комиссии для расследования убийств в Сасуне (где было уничтожено более 40 сел и около 10 тыс. человек) и включить в нее представителей Англии, Франции и России. При этом российские и французские дипломаты более всего опасались появления британского флота в проливах и такого обострения кризиса, которое стало бы, как писал тогда русский посол в Константинополе А.И. Нелидов, «началом или опасной восточной войны, или трудного раздела турецкого наследства, к чему никто не подготовлен». Поэтому, даже когда Абдул-Гамид II отверг разработанный послами трех стран проект преобразований, державы смогли (и то не сразу) договориться только о том, чтобы послать в Мраморное море по два стационара для демонстрации и обеспечения безопасности своих подданных.

Кн. А.Б. Лобанов-Ростовский 1 августа 1895 г. радовался тому, что «английское правительство понимает невозможность создания у наших границ какой-то привилегированной провинции», и не скрывал желания «свести к нулю работу послов», возложив «всю полноту ответственности» за реформы на Турцию (*Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 235, 415, 426-427*). Султан же давал только общие обещания без каких-либо гарантий и шел лишь на частные уступки (смещение наиболее скомпрометированных убийствами должностных лиц, назначение бывшего посла в Петербурге Шакир-паши верховным комиссаром в Армении, амнистия армян, осужденных за неповиновение властям). Тем временем погромы продолжались как в Малой Азии, так и в самом Константинополе. Фактически именно русская дипломатия под руководством кн. Лобанова-Ростовского сорвала попытки британского кабинета организовать вмешательство европейских держав в турецко-армянский конфликт. Франция, гораздо более России заинтересованная в сохранении Османской империи (основным кредитором которой она являлась), формально лишь поддерживала позицию Петербурга. На самостоятельные действия против Турции, чреватые вооруженным столкновением с Россией и Францией, правительство Р.Солсбери не решилось. В ноябре 1895 г. британский флот, крейсировавший у входа в Дарданеллы, был выведен из Эгейского моря. Подробнее см.: *Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М., 1948; Арутюнян Г.М. Англия и армянский вопрос в середине 90-х годов XIX в. // Новая и новейшая история. 1956. № 6. С. 82–92; Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 369–384; Георгиев В.А., Кинятина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 258–268; Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 59–96.*

²⁸¹ 18 августа 1896 г. кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, сопровождавший Николая II, возвращавшегося из Вены, в его заграничном путешествии, внезапно скончался от разрыва сердца в вагоне царского поезда, на станции Холм, по дороге в Киев. «Смерть его страшно поразила нас всех, – записал в дневнике император, – для меня это почти незаменимая потеря, вдобавок в самом начале нашего путешествия! Весь вечер не мог прийти в себя от этого несчастья» [Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 291].

²⁸² В.Б. Лопухин, служивший в 1896 г. в Министерстве финансов (а впоследствии перешедший в Министерство иностранных дел), вспоминал: «Князь Лобанов считался трудно заменимым. За него говорил его большой служебный опыт. Он был и дипломатом, и одно время губернатором, и товарищем министра внутренних дел, и опять дипломатом, в последнее время – послом в Вене. Импонировали его широкий ум, большая самостоятельность и независимость богатого человека и большое барство. Перечисленного было более чем достаточно, чтобы создать ему солидный престиж. Петербург был в восторге, когда узнал, что Лобанов круто повернул министра финансов Витте, приехавшего к нему предложить услуги для испрошения у царя соответствовавшего видам Лобанова содержания по случаю назначения министром иностранных дел. Лобанов спровадил Витте, резко и сухо заметив, что ни в каком содействии в этом отношении не нуждается, будет довольствоваться тем, что ему как министру полагается по закону. Он был не совсем прав, т. к. в определенной цифре оклад содержания был закреплен за должностью министра иностранных дел только впоследствии. Ранее же, не в пример прочим министрам, у которых были штатные оклады, содержание министру иностранных дел присваивалось персональное, по усмотрению царя, в порядке доклада министра финансов. Притом богатому Лобанову было легче, чем кому-либо, проделать жест столь эффектного бескорыстия...» [Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 71]. См. также: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 417–420; Рыбаченок И.С. А.Б. Лобанов-Ростовский во главе российского МИД // Новая и новейшая история. 1992. № 3.

²⁸³ Владимирский собор – трехнефный, восьмистолпный, крестовокупольный храм – был возведен в честь 900-летия Крещения Руси и освящен 20 августа 1896 г. Собор заложили в 1862 г. по проекту архитектора А.В. Берети, в 1866 г. строительство было приостановлено и возобновлено лишь в июле 1876 г. (по измененному проф. Р.Б. Бернгардом проекту). Производителем работ стал академик архитектуры В.Н. Николаев, росписи выполняли художники В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, П.А. Сведомский, М.А. Врубель, В.А. Котарбинский,

А.С. Мамонтов, Н.К. Пимоненко. Их работой руководил известный специалист по истории искусства профессор А.В. Прахов.

²⁸⁴ «Союзный совет» Московского университета, объединявший с 1880-х гг. студенческие землячества, призвал студентов явиться 18 ноября 1896 г. на Ваганьковское кладбище, где были похоронены жертвы Ходынки, чтобы выразить «сочувствие жертвам небрежности администрации» и «протест против существующего порядка, допускающего возможность подобных печальных фактов». Несмотря на проведенные накануне аресты, более 500 студентов направились на кладбище, но были остановлены и переписаны полицией (при этом 26 человек арестованы). Ночью арестовали еще 56 студентов. Аресты и вывешенное университетской администрацией объявление о запрещении «сборищ» вызвали взрыв возмущения учащихся и сходки 19, 20, 22 ноября. За эти дни было арестовано свыше 750 человек (26 из них исключены из университета, 97 – преданы суду или высланы в административном порядке, 600 – получили предупреждение о немедленном исключении «в случае нового участия в сходках или недозволенных сообщениях»). В беспорядках заметно ощущалось влияние революционных кружков. Подробнее см.: История Московского университета. Т. 1. М., 1955. С. 495, 498.

²⁸⁵ Столь резкая характеристика членов и деятельности Государственного совета в конце XIX в. представляется односторонней и несколько предвзятой. Необходимо учесть, что сам Д.А. Милютин в конце XIX – начале XX в. лишь понаслышке знал о положении дел в правительственных сферах. В.И. Гурко, служивший в 1895–1902 гг. в Государственной канцелярии, напротив, полагал, что «при всей внешней мертвенности старого Государственного совета роль этого учреждения не была тем не менее ничтожна, но сводилась она преимущественно к весьма добросовестному рассмотрению деталей обсуждавшихся законоположений, причем в этих деталях, поскольку они касались политики, большинство Совета неизменно стояло на устранении произвола администрации, на введении большей законности, на ограждении прав частных лиц от их нарушения по личному усмотрению власти» (*Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 42). Подробнее о Государственном совете конца XIX – начала XX в. см.: *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; L., 1989.

²⁸⁶ К моменту своего назначения 1 января 1897 г. управляющим Министерством иностранных дел гр. М.Н. Муравьев, внук виленского генерал-губернатора, находился на дипломатической службе почти 33 года (он начал свою карьеру, не имея еще и 19 лет). Большая часть их прошла в Берлине (более 12 лет), Париже (5 лет), Гааге (около 5 лет с перерывом на командировку в распоряжение вел. кн. Николая

Николаевича в 1877–1878 гг.) и Копенгагене (около 4 лет). При этом в действительные статские советники он был произведен на несколько лет позже гр. В.Н. Ламздорфа, ставшего 2 января 1897 г. товарищем министра. Старше его по службе были и послы России в Берлине, Вене и Константинополе. (*Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 132*).

Неудивительно, что назначение гр. Муравьева сопровождалось значительными перестановками в личном составе министерства: в 1897 г. сменилось руководство канцелярии, свои посты покинули директора Азиатского департамента, Департамента личного состава и хозяйственных дел и Департамента внутренних сношений (гр. Д.А. Капнист, М.Н. Никонов и барон Ф.Р. Остен-Сакен). По словам В.Б. Лопухина, перешедшего в Министерство иностранных дел в 1898 г., на своем посту оставался лишь директор Государственного и Петербургского главных архивов барон Д.Ф. Стюарт. В конце 1897 г. основные департаменты Министерства иностранных дел были реорганизованы.

Среди чиновников дипломатического ведомства на нового министра смотрели как на человека, «лишенного всяких талантов», за которым «решительно не было ничего, кроме отличавшего большинство дипломатов светского лоска и лично его, Муравьева, забавной способности одним движением бровей схватывать на лету подброшенный к глазу монокль» (*Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 72–73*).

Современники и исследователи обычно весьма критически отзывались о гр. Муравьеве и его политике. По мнению одного из его незадачливых преемников в Копенгагене, а затем и на министерском посту – А.П. Извольского, гр. Муравьев был «человек весьма средних способностей», «льстивость которого поддается сравнению только с его поразительным невежеством в государственных делах». «Он заявлял всем, кто хотел его слушать, – с явным неодобрением писал Александр Петрович, – что является только исполнителем воли своего Государя и что император, глубокое искусство которого в дипломатических делах он превозносил при каждом удобном случае, совершенно самостоятельно решает все мельчайшие вопросы международной политики» (*Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 13, 168–169*).

То, что гр. Муравьев «с улыбкою и поклоном соглашается на всякую заявленную Государем мысль», отмечал в своем дневнике и А.А. Половцов – близкий друг и большой почитатель его предшественника на министерском посту – кн. А.Б. Лобанова-Ростовского. Впрочем, в своих как всегда хлестких суждениях (человек «с несомненным умом и большою проницательностью в достижении личных целей», «лакей в галунах, а не министр», «лгать, обманывать ему нипочем», поскольку «это он называет дипломатией») Половцов был не всегда точен и, вероятно, писал с чужих слов. Так, он утверждает, что граф «не получил иного образования, как в каком-то юнкерском училище или что-

то в этом роде», тогда как тот после окончания полтавской гимназии слушал лекции в Гейдельбергском университете и никогда не учился в военно-учебных заведениях [Из дневника А.А. Половцова (1895–1900) // Красный архив. 1931. Т. 3. С. 120, 123, 127].

С.Ю. Витте, борющийся с гр. Муравьевым за влияние на российскую политику на Дальнем Востоке, и вовсе называл его назначение главой Министерства иностранных дел «роковым», утверждая, будто «оно привело к самым ужасным последствиям, которые перевернули историю России, навлекши на нее громадные бедствия». Вспоминая в 1912 г. о гр. Муравьеве, Витте не жалел красок: это был «светский человек и светский забавник» с «плоскими рассказами и манерами», «человек литературно малообразованный, если не сказать – во многих отношениях просто невежественный», который «весьма мало знал и понимал общемировую дипломатию» и к тому же «имел слабость хорошо пообедать и во время обеда порядочно выпить» и «поэтому после обеда граф Муравьев весьма неохотно занимался делами и вообще обыкновенно ими не занимался», так как «относительно занятий он был очень скуп и посвящал им очень мало времени», «больше занимался жуирством, нежели делом». При этом Витте не мог не признать, что граф пользовался особым доверием молодого императора и императрицы. Для Витте это был явно более опасный противник, нежели кн. Лобанов-Ростовский, не говоря даже о гр. Ламздорфе. Уже в 1897–1898 гг., как отмечает И.В. Лукоянов, «действия М.Н. Муравьева показали, что монополии С.Ю. Витте на дальневосточные дела пришел конец» (Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 322–323).

Любопытно, что в своих рассказах Витте ссылаясь на мнение бывшего посла в Берлине гр. П.А. Шувалова, который будто бы «отозвался о способностях графа Муравьева крайне скептически, сказавши: “Все, что могу сказать Вам про графа Муравьева, – это то, что он жуир”» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 480). В какой степени гр. Шувалов был откровенен, а Витте – точен в передаче его слов, судить, конечно, трудно. Между тем в декабре 1894 г., получив предложение занять пост варшавского генерал-губернатора, гр. Шувалов в беседе с императором не только характеризовал гр. Муравьева (служившего тогда уже в Копенгагене) как «ловкого и дельного дипломата», но и ходатайствовал о его назначении своим преемником в Берлине. Едва ли он стал бы рекомендовать человека, которого хорошо знал (Муравьев около восьми лет служил при нем советником посольства), если бы действительно оценивал его «скептически». Однако назначение гр. Муравьева в Берлин не состоялось, поскольку император считал, что «туда более подходит военный посол» (Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 99).

Человека «весьма сведущего и очень умного» видел в гр. Муравьеве и французский посол в Петербурге граф Г. де Монтебелло

(*Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 133). В 1920-е гг. кн. Б. Бюлов вспоминал о гр. М.Н. Муравьеве, которого близко знал еще по службе в Париже в 1880-е гг.: «...Его смерть была для нас потерей, потому что он обладал двумя хорошими качествами: он был достаточно умен, чтобы предвидеть, что большая война будет во всех трех империях и в особенности в России опасным испытанием для монархической формы правления, кроме того, он был преисполнен недоверия и глубокой антипатии к Польше...». По свидетельству Бюлова, гр. Муравьев говорил ему еще в 1897 г.: «Европейская война... таит в себе серьезные опасности для русской внутренней политики. Ошибаются те, кто ожидает от большой войны усиления династических чувств в русском народе и укрепления авторитета царя и самодержавия. Результатом будет как раз обратное...». Подобная же перспектива представлялась гр. Муравьеву совершенно неприемлемой. «Вы знаете, – говорил он Бюлову, – что я монархист до мозга костей и считаю самодержавие единственно возможной формой правления для России. Я не хочу этим сказать, что в России невозможны и не нужны реформы, но чисто парламентская, радикальная система привела бы к анархии и разложению». Признавая русско-французский союз совершившимся фактом (и вместе с тем не скрывая своих сомнений в его целесообразности «с точки зрения внутренней русской политики и прочности династии»), гр. Муравьев исходил из того, что России следует удерживать Францию, а Германии – Австро-Венгрию «от непоправимых глупостей». В беседе с Бюловым гр. Муравьев даже заявлял, что «Россия не собирается также вытеснять Австрию с Балканского полуострова» и признает ее право на аннексию Боснии и Герцеговины, хотя и «Австрия не должна предпринимать на Балканском полуострове никаких враждебных действий против России», признав за ней право проводить военные корабли через Дарданеллы (*Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 73–76, 176).

При этом гр. Муравьев, конечно, не был германофилом. В Берлине в середине 1890-х гг. русского посла в Копенгагене, пользовавшегося расположением вдовствующей императрицы Марии Федоровны, подзревали скорее в нерасположенности к Германии (*Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 99). Так или иначе, утвердившаяся в отечественной, а отчасти и в зарубежной историографии оценка гр. Муравьева, опирающаяся на суждения Витте и Половцова, представляется несколько односторонней. См.: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в конце XIX – начале XX века. (Россия перед вызовами новой эпохи.) М., 2011. С. 47–49); *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 253; *Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 132–133).

- ²⁸⁷ Память святой великомученицы Татианы, пострадавшей в 226 г. во время гонений на христиан при императоре Александре Севере, празднуется 12 января. Она почитается покровительницей Московского университета, учрежденного в этот день в 1755 г.
- ²⁸⁸ Телеграмму, направленную московскими студентами Д.А. Милютину 13 января 1897 г., см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 76. Ед. хр. 60. Л. 1.
- ²⁸⁹ 16 января 1897 г. Н.Н. Обручев писал Д.А. Милютину: «Послы всех держав, пребывающие в Константинополе, так изнервлены происшедшей даже на их глазах резней и всякими угрожающими письмами, что в один голос твердят о возможности серьезного кризиса и, пожалуй, в очень близкое время. Очень страшились начала января, теперь с беспокойством ожидают рамазана в половине февраля. Думаем, что Бог даст, и февраль пройдет спокойно, и существование Турции продлится еще на несколько лет. Но все же надо быть готовым, если история внезапно позовет нас к экзамену. Первые шаги как будто и не представляют опасности, ибо решено обратиться к употреблению силы не иначе, как с совокупного согласия держав, обоснованного лишь крайними обстоятельствами. Но что будет дальше? Тут является серьезная опасность, ибо трудно предвидеть, чтоб взгляды держав не разошлись при окончательном решении восточного вопроса. С нашей стороны установлен вполне твердо тот факт, что мы не хотим ни Константинополя, ни Дарданелл, а удовольствуемся лишь гарантией нашего положения в верхнем Босфоре. Но чем ответят на это другие державы? Какой явится у них аппетит, или какое проявят они сопротивление? Тут остается место лишь всяким догадкам, которых лучше не трогать» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Ед. хр. 64. Л. 17–18). Письмо Милютину, на которое отвечал Обручев, не обнаружено.
- ²⁹⁰ Зимой 1896/97 гг. кризис, в котором находилась Османская империя, казалось, достиг максимальной остроты. После очередного всплеска погромов и репрессий против армян в августе и сентябре 1896 г. Англия вновь заявила о целесообразности интервенции, которая заставила бы султана провести необходимые реформы. Программу их предполагалось обсудить уже после военной демонстрации на конференции послов великих держав в Константинополе. В Петербурге в конце 1896 г. всерьез опасались появления британского флота в Мраморном море и обсуждали возможность захватить Босфор с помощью десантной операции, на чем настаивали посол в Константинополе А.И. Нелидов, начальник Главного штаба Н.Н. Обручев и военный министр П.С. Ванновский. Одобрив их предложения на заседании Особого совещания 23 ноября, Николай II уже в начале декабря решил занять выжидательную позицию до достижения «общего соглашения держав», поскольку попытка овладеть Босфором могла осложнить или вовсе испортить отношения с Парижем и привести к изоляции России. Министр иностранных дел Франции Г. Аното от-

крыто предупреждал русских дипломатов, что им не следует рассчитывать на помощь республики, если из-за проливов начнется война (поддержать Россию в ее стремлении овладеть проливами французы были готовы лишь в случае возвращения им Эльзаса и Лотарингии, т. е. после крупномасштабной европейской войны с непредсказуемыми последствиями). Вместе с тем в середине декабря Аното выразил согласие на проведение конференции послов при условии сохранения территориальной целостности Османской империи, а также отказа держав от несогласованных действий и силового давления на султана до завершения работы над программой реформ. Россия вынуждена была солидаризироваться с решением Франции. К этому времени лорд Р. Солсбери, не получивший согласия своего кабинета на отправку флота в Дарданеллы, окончательно отказался от мысли о вооруженной демонстрации. в январе 1897 г. он уже рассматривал восточный вопрос «как имеющий небольшой интерес для Англии» и был нацелен на «усиление наших позиций на Ниле и по возможности отказ от всех обязательств в Константинополе» (*Науменков В.А.* Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб., 2004. С. 273–274).

В этих условиях переговоры послов в турецкой столице быстро зашли в тупик, никто из них не мог предложить четкого плана действий. Между тем в начале 1897 г. в Константинополе опять назревали волнения как армянского, так и мусульманского населения, а на Крите уже начались столкновения между греческими повстанцами и турецкими войсками. Не желая начинать военные действия, в Петербурге продолжали готовить десант на Босфоре на случай вступления европейских эскадр в Дарданеллы или массовых беспорядков в Константинополе. Для обсуждения плана операции 8 января было даже создано Особое совещание под председательством генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича. Подготовительные работы активно велись как в Севастополе, так и в Одесском военном округе. Гр. М.Н. Муравьев вскоре после назначения министром иностранных дел (и еще не успев войти в курс дел) по поручению Николая II отправился в Париж и Берлин для обмена мнениями о возможных последствиях восточного кризиса. Вернувшись, министр заверил императора в том, что ни Германия, ни Франция не окажут России противодействия при захвате проливов. Предполагалось, что решительные действия придется предпринять в феврале, если Абдул-Гамид отклонит согласованный конференцией послов проект реформ. Однако послы так и не представили его султану из-за обострения обстановки на Крите и начавшейся затем греко-турецкой войны. Подробнее см.: *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 382–383; *Георгиев В.А., Кинятина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И.* Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 268–276; *Кинятина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике

России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994. С. 182–188; *Рыбаченко И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 108–144; *Она же.* Н.Н. Обручев о геополитических интересах России // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века: Очерки. М., 2003; 113–117; *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 274–288; *Он же.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 428–437.

²⁹¹ Имеется в виду басня И.А. Крылова «Собачья дружба», в которой, в частности, сказано: «Свет полон дружбою такую. / Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша, / Что в дружбе все они едва ль не одинаки: / Послушать, кажется, одна у них душа, – / А только кинь им кость, так что твои собаки!»

²⁹² Критический очерк подготовки и проведения Первой всеобщей переписи населения России см.: *Котельников А.* История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909. Служивший в середине 1890-х гг. в Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел А. Котельников, по его словам, «был свидетелем того, как научно-общественное дело, грандиозное по своим размерам и чрезвычайно важное по своей сущности, стоившее государству 6–7 миллионов рублей, обратилось в руках чиновников в простую канцелярскую работу, исполняемую по указанию начальства, без всякой любви к ней, без интереса и знания» (Там же. С. 17–19). На местах проведение переписи, к которому ни население, ни администрация не были готовы, вызвало массу недоразумений и слухов (см.: *Плющевский-Плющик Я.А.* Отчет уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях // Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. № 45. СПб., 1898; *Сафронов А.А.* Отношение населения к проведению Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г.: слухи, толки, волнения // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов. Вып. 2. Екатеринбург, 2002).

Едва ли не труднее всего, как вспоминал служивший в Главной переписной комиссии В.П. Семенов-Тянь-Шанский, было «обеспечить выполнение ее достаточным количеством культурных работников»: «Прежде всего, из опытных переписей выяснилось, что на нормальную оплату труда счетчиков, при огромном проценте безграмотного населения в стране, сильно увеличивавшего количество записей, возлагаемых на самих счетчиков, ассигнованных миллионов не хватает, а на дополнительные ассигнования надежда была плоха. В этом случае на помощь пришел министр Горемыкин: он находчиво придумал бронзовую медаль для награждения ею тех счетчиков, которые согласятся

исполнять свои обязанности безвозмездно. Стоимость медали едва ли превышала 5 копеек. Но это оказалась магическая удочка для удовлетворения людского честолюбия, на которую охотно пошла не только масса интеллигентных военных, но и интеллигентного гражданского населения, в том числе и значительная часть студенчества, причем большинство этих добровольцев исполняло свои обязанности не за страх, а за совесть». В Сибири, где «не хватало местных интеллигентных сил для производства переписи вообще», к нему по настоянию председателя Статистического совета П.П. Семенова-Тян-Шанского привлекли политических ссыльных. Между тем откладывать перепись было рискованно: «к 1897 г. финансовое ведомство находило возможным выделить на это дело нужные миллионы из государственного бюджета, а за 1900 год поручиться заранее было невозможно». При этом даже определить дату переписи оказалось непросто: «Надо было выбрать такое время, в которое население в провинции наиболее устойчиво сидит в жилищах и в то же время наиболее трезво. Поэтому дата 1-го января, как слишком близкая к рождественским праздникам с их разездами и обычными в это время попойками, была отвергнута Главной переписной комиссией. Вместе с тем, надо было устроить перепись до масляницы, когда попойки возобновляются. В результате обсуждения этого вопроса срок приурочения переписи был установлен на 28 января 1897 года, хотя это и не совпадало с обычными сроками западно-европейских переписей и американских цenzов». Однако в целом П.П. Семенов, инициировавший проведение переписи и фактически руководивший им, остался доволен полученным результатом. «При этом он выражал мнение, – вспоминал его сын, – что материал оказался в общем лучше, чем он ожидал, и что большего нельзя было и требовать при современных общих культурных условиях России и ее колоссальных необследованных пространствах...» (*Семенов-Тян-Шанский В.П.* То, что прошло. Т. 1. М., 2009. С. 394–403). См. также: *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Первая всеобщая перепись // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1897. № 21; *Он же.* Характерные выводы из первой всеобщей переписи // Известия Императорского Русского Географического общества. 1897. Вып. 3).

²⁹³ В бумагах Д.А. Милютина сохранился ряд документов, относящихся к проведению в 1897 г. «Первой всеобщей переписи населения». См.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 49. Ед. хр. 12.

²⁹⁴ Главная переписная комиссия была образована в Петербурге под председательством министра внутренних дел на основании «Положения о Первой всеобщей переписи населения Российской империи», утвержденного Николаем II 5 июня 1895 г. (ПСЗ-III. Т. XV. СПб., 1899. № 11803. С. 397–402). На нее возлагалось руководство подготовкой переписи, распределение выделенных для ее проведения средств, составление форм переписных листов и инструкций, образование пере-

писных районов и командирование в них лиц для координации действий местных комиссий (губернских, уездных и «особых» – в наиболее значительных городах), наблюдение за их деятельностью, рассмотрение жалоб на нее и т. д. (ст. 20). Члены комиссии назначались императором, причем министру, на которого возлагалась ответственность за «общее руководство переписью», предоставлялось право «привлекать к делу переписи членов как вверенного ему министерства, так и других ведомств, по соглашению с последними, а равно приглашать к участию в сем деле лиц, не состоящих на государственной службе» (ст. 6–7, 10). Фактическим руководителем комиссии (и главным инициатором проведения переписи) был председатель Статистического совета Министерства внутренних дел П.П. Семенов-Тянь-Шанский, заменявший не появлявшегося на заседаниях министра. Управляющим делами и непременным членом комиссии являлся директор Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Н.А. Тройницкий (бывший губернатор, далекий от статистики и назначенный в свое время на эту должность гр. Д.А. Толстым вопреки мнению П.П. Семенова, рекомендовавшего Ю.Э. Янсона). Помимо Семенова и Тройницкого в ядро комиссии входили И.И. Вильсон, представлявший Русское географическое общество, В.О. Струве – от Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, П.В. Охочинский – от Министерства финансов, профессор статистики Николаевской академии Генерального штаба (а с января 1897 г. начальник Главного управления казачьих войск) П.О. Щербов-Нефедович – от военного ведомства и И.В. Рутковский, служивший в Государственном контроле. Активную роль играл также секретариат комиссии (А.А. Достоевский, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.В. Степанов, Н.А. Федулов и Г.К. Цур-Мюлен). Собственно же «плenum комиссии, состоявший из большого количества представителей ведомств и науки», по свидетельству В.П. Семенова-Тянь-Шанского, собирался «очень редко для утверждения всего того, что выработало рабочее ядро комиссии». Заседания этого «ядра» происходили по вечерам на квартире П.П. Семенова, где специально для этого провели электричество и установили телефон (*Семенов-Тянь-Шанский В.П.* То, что прошло. Т. 1. М., 2009. С. 372–373, 377–378). Всего состоялось 98 пленарных заседаний комиссии. См.: Журналы Главной переписной комиссии. 18 ноября 1895 – 30 мая 1897 гг. СПб., 1898. Работа комиссии существенно осложнялась напряженными взаимоотношениями между П.П. Семеновым и Н.А. Тройницким. После того как 8 июня 1897 г. Семенов был назначен членом Государственного совета и освобожден от обязанностей председателя Статистического совета Министерства внутренних дел, Тройницкий, ставший его преемником, прекратил деятельность комиссии, передав обработку данных, полученных в ходе переписи, в Центральный статистический комитет, во главе которого он оставался до 1904 г.

²⁹⁵ После приезда Д.А. Милютин на коронацию П.А. Сабуров, видимо, не исключал возможности его возвращения к активной государственной деятельности. А.А. Сабуров рассказал брату, что «здоровье и силы» Милютина «сохранились», а молодой император, казалось, благоволил к сановникам царствования Александра II. С июля 1896 г. П.А. Сабуров регулярно сообщает Д.А. Милютину свои соображения и записки «по поводу предполагаемой денежной реформы», делится размышлениями о международном положении и внешней политике России. В 1896 г. он отправил в Симеиз три письма (9 июля, 2 августа и 8 ноября), в начале 1897 г. – еще два (29 января и 1 февраля). Критически относясь к замыслам С.Ю. Витте, Сабуров сетовал 9 июля на слабость оппозиции ему в Департаменте государственной экономии Государственного совета («17 за проект министра, 11 против»). По его словам, «в числе последних двое только хорошо понимают вопрос: это Верховский (новый член) и Шидловский», тогда как «покойному Александру Агтевичу [Абазе. – *Прим. публ.*] не суждено было дожить до этой минуты, чтоб дать правильный ход нашей финансовой политике и задержать опасные эксперименты». «Витте, – полагал Сабуров, – при всех своих дарованиях молод и честолюбив, а потому слишком тороплив и не обращает внимания на те залого успеха, которые приносит время» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 22. Л. 1–2). При этом сенатор явно рассчитывал на противодействие министру финансов со стороны военного ведомства (а также, возможно, и на содействие в этом со стороны Милютина, поддерживавшего доверительные отношения с Н.Н. Обручевым – ближайшим сотрудником П.С. Ванновского).

«Мне говорили, – писал Сабуров Милютину 2 августа, – что военный министр против проекта; и это понятно, потому что, с его точки зрения, золотой фонд имеет также характер военного фонда, как в Австрии и Германии». Обострение же международной обстановки во второй половине 1896 г. требовало от России особой осторожности (Там же. Л. 3–4). «Ход турецких дел является новой помехой для реформы, – отмечал Петр Александрович 8 ноября. – На согласие между державами в виду сохранения мира полагаться опасно. Мы имеем пример Константинопольской конференции 1876 года. Покойный император Александр II тогда тоже рассчитывал на согласие между державами и на сохранение мира. Вышло другое. Смерть Лобанова большое несчастье для Государя, и не вижу, кто мог бы его заменить. Нелидов, говорят, не имеет шансов. Его Лобанов не любил. Он сюда приехал для свадьбы своего сына и воротится в Константинополь. Положение такое, что надо смотреть в оба. Еще новая резня, – и вряд ли тогда можно будет удержать поток событий. А тогда, кто в Европе умнее, тот и пан (Там же. Л. 10). Впрочем, в январе 1897 г. Сабуров признал свое поражение в борьбе с министром финансов. «Вы, конечно, знаете из

газет, что вопрос о денежной реформе решен Высочайшим указом, – сообщал он 29 января. – Это положило конец всем запискам, которые за последнее время составили целую литературу. Я также, – каюсь в грехе, – написал другую записку, но, конечно, ничего больше печатать не буду» (Там же. Л. 14). Подробнее о позиции П.А. Сабурова и его полемики с С.Ю. Витте см.: *Vitte С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 3. Кн. 2. М., 2007. С. 25–27, 337–414.

Со своей стороны, Милютин благодарил Сабурова за присылаемые им материалы, однако всячески уклонялся от каких-либо суждений по существу поставленных в них вопросов. «Мне весьма дорого, – писал он 19 июля, – что Вы вспомнили старого инвалида, доживающего в полнейшем уединении в деревенской глуши... Записку Вашу я прочел с полным вниманием, но высказать Вам какое-либо свое мнение не решаюсь. Впрочем, Вы, конечно, и не ожидаете суждений о таком сложном деле, какова предполагаемая денежная реформа, от такого дилетанта, как я, притом лишенного даже возможности следить за положением наших дел по финансовой части, ни выслушать объяснения кого-либо из специалистов. Скажу Вам только, со всею откровенностью, что при чтении Ваших доводов против предположенной реформы встречал я некоторые места, возбуждавшие во мне недоумение; но в общем заключительном выводе остается у меня такое впечатление – что было бы осторожнее не торопиться в столь важном деле, а вести его исподволь параллельно с улучшением общего экономического положения России» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 6). Тем самым Милютин осторожно солидаризировался с противниками Витте. Ответ министра финансов на записку Сабурова Дмитрий Алексеевич считал далеко не исчерпывающим проблему. «...Это не есть полное возражение на Вашу записку по существу дела», – отмечал он в письме сенатору 18 ноября (с этим согласны и современные исследователи: *Андрюшин С.А.* Введение // *Vitte С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 3. Кн. 2. М., 2007. С. 25–27).

²⁹⁶ Трудно сказать, о каком именно указе, следовавшем «на днях», писал Д.А. Милютин. Скорее всего, он имел в виду подписанный 3 января 1897 г. именной Высочайший указ министру финансов «О чеканке и выпуске в обращение золотой монеты, с означением на империалах цены 15 рублей и на полумпериалах цены 7 рублей 50 копеек и об утверждении описания внешнего вида означенных монет» (ПСЗ-III. Т. 17. СПб., 1900. № 13611. С. 1).

Этим указом фактически была проведена девальвация рубля, утратившего треть своей номинальной стоимости. Впрочем, еще 8 августа 1896 г. С.Ю. Витте добился от Николая II Высочайшего повеления, согласно которому временно вводился фиксированный курс при покупке и продаже золота Государственным банком (15 руб. за золотой империа, номинальная стоимость которого составляла 10 руб.). По-

скольку целесообразность введения в денежном обращении золотого стандарта и особенно – девальвации кредитного рубля вызвала бурные споры как в печати, так и в Государственном совете (несколько членов которого выступили с обстоятельной критикой предложений министра финансов), Витте убедил императора осуществить реформу на основании указов, в обход Государственного совета. В частности, решение о девальвации рубля было принято 2 января 1897 г. после формального обсуждения на расширенном заседании Комитета финансов под председательством Николая II и при участии председателя государственного совета вел. кн. Михаила Николаевича. 29 августа 1897 г. последовал указ, устанавливавший свободный обмен кредитных билетов на золото и регулировавший эмиссионные операции Государственного банка (Там же. № 14504. С. 575). С 1897–1898 гг. выпускались новые золотые монеты достоинством в 15 и 10 руб. (с меньшим содержанием золота, нежели в прежних имперiales и полумперiales, чеканка которых в 1899 г. была прекращена). Подробнее о подготовке денежной реформы 1897 г. и ее обсуждении в правительственных сферах см.: *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 3. Кн. 1. М., 2006; Кн. 2. М., 2007; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 463–369; *Шванбах П.Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901; *Мигулин П.П.* Реформа денежного обращения и промышленный кризис (1893–1902). Харьков, 1902; *Он же.* Русский государственный кредит (1769–1906 г.): Опыт историко-критического обзора. Т. 3. Харьков, 1907; *Кашкаров М.Н.* Финансовые итоги последнего десятилетия (1893–1901). СПб., 1903; *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 39–41; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 72–73.

²⁹⁷ 29 января 1897 г., коснувшись в письме к Д.А. Милютину восточного вопроса, «который в нынешнем году готовит нам великие решения», П.А. Сабуров отмечал: «С нашего времени все условия изменились в Европе и, кажется, к лучшему для нас. Что прежде казалось несбыточным, теперь кажется возможным, лишь бы не искать, как говорят французы, *midî à quatorze heures* [полудня в два часа (т. е. невозможного). – *фр.*], и не воевать там, где можно обойтись без войны» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 22. Л. 11–14). Между тем еще 9 июля 1896 г. он не без грусти писал, сравнивая себя с С.Ю. Витте: «Я также был молод и честолюбив, и одно время мечтал, как Вам известно, о возможности решить нашу Восточную задачу в наше поколение. С годами привыкаешь к более далеким расчетам, не ограничивая их нашей короткою жизнью» (Там же. Л. 2). В январе те же интонации звучат в его письмах уже совсем по-другому: «Как сожалее я теперь, что прошло то время, глубокоуважаемый Дмитрий Алексеевич, когда работал под Вашим руководством! Мы и теперь сослужили бы с Вами полезную службу Государю и Отечеству. Но, Бог даст, и молодое поколение

сумеет справиться с грядущими событиями». Под «молодым поколением» подразумевался, видимо, «наш новый министр иностранных дел» гр. М.Н. Муравьев, который, по словам Сабурова, «имеет преимущество молодости». «Я его лично почти не знаю, – признавал сенатор, – но, говорят, что он умен и сметлив. Но он уже застал ход дел в известном направлении; а весь вопрос в том, какое направление наилучшее» (Там же. Л. 11–14). «...Из Ваших писем, – отвечал ему 5 февраля Милютин, – как из последнего, так и предшествовавшего [т. е. 8 ноября 1896 г. и 29 января 1897 г., – прим. публ.], убеждаюсь в полном согласии наших взглядов на нынешнее положение дел по восточному вопросу. Несомненно, момент – критический; нам следует, как говорят, держать ухо востро, в отношении к просвещенным мореплавателям, которых всегдашняя политика коротко выражается поговоркою: в мутной воде рыбу ловить. Система эта никогда еще не выказывалась с таким наглым цинизмом, как в последнее и настоящее время. Целый ряд беззастенчивых проделок англичан [зачеркнуто: «во всех частях света»], кажется, должен бы, наконец, вразумить все европейские кабинеты, откуда грозит настоящая общая опасность. Любопытную эпоху переживаем мы: по всей вероятности, мне не дожить до развязки или хотя до разъяснения наступившей в политике перипетии. А кто знает – не близки ли мы к какому-нибудь критическому моменту...» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 15).

²⁹⁸ После увольнения в 1874 г. с должности министра путей сообщения гр. А.П. Бобринский увлекся проповедью лорда Г. Рэдстока, затем примкнул к «секте пашковцев» и стал активным участником «Общества поощрения духовно-нравственного чтения». Пытаясь привлечь к пашковцам гр. Л.Н. Толстого, в феврале 1876 г. ездил в Ясную Поляну, где «очень поразил» писателя «искренностью и жаром своей веры». «...Никто никогда лучше мне не говорил о вере, чем Бобринский, – писал он своей тетке гр. А.А. Толстой в конце марта 1876 г. – Он неопровержим. Потому что ничего не доказывает, а говорит, что он только верит, и чувствуешь, что он счастливее тех, которые не имеют его веры...» (Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903). М., 2011. С. 330). В 1884 г. (после того, как «Общество» было закрыто, а его руководители В.А. Пашков и гр. М.М. Корф высланы из России) отдан под надзор полиции. Во время голода 1891–1892 гг. оказывал помощь крестьянам. См.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Библиографический справочник. СПб., 2002. С. 97–99. В своих воспоминаниях и дневнике Д.А. Милютин не раз критически отзывался о государственной деятельности и личных качествах гр. А.П. Бобринского: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – начало 1873. М., 2006. с. 416–417; *Он же.* Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 126–130.

²⁹⁹ В письме, написанном 1 февраля 1897 г. и отправленном Д.А. Милютину «по оказии», П.А. Сабуров подробно излагал свои взгляды

на международное положение и внешнюю политику России. «При заключении союзного договора с Францией в прошлом царствовании, – писал он, – можно было уже предвидеть неудобство этого союза в случае возникновения Восточного вопроса. Нейтрализовать Австрию может только Германия; Франция же может только воздействовать на Австрию, затянув себя и нас в общеевропейскую войну, чего нам, по моему мнению, следует избегать. С другой стороны, у меня сложилось убеждение, что Франция никогда не решится на войну против Англии из-за наших интересов и даже из-за Египта». «Следовательно, – заключал Петр Александрович, – я не вижу, каким образом союз с Францией может облегчить нам решение Восточного вопроса. А между тем этот союз лежит в настоящее время в основании наших будущих действий». Сознавая, что имеющиеся у него сведения «весьма неполны», Сабуров прямо указывал «на наш союз с Францией как на слабую сторону того направления, по которому мы идем». Отметив, что «авансы, сделанные королевой Викторией и лордом Салисбюри в бытность Государя в Балморале, по-видимому, остались без последствий, и им было предпочтено общее соглашение с державами» (а «в этом соглашении Франция играла в начале руководящую роль»), и упомянув о недоразумении между Россией и Францией из-за сперва одобренного царем, а затем отклоненного им «по настоянию Нелидова и, кажется, Ламсдорфа» предположения «об учреждении в Константинополе международной финансовой комиссии, как в Египте», Сабуров сообщал: «В бытность здесь Нелидова было решено, в случае неисполнения султаном европейских требований, прибегнуть сообща к принудительным мерам в виде занятия некоторых пунктов. На нашу долю кажется, имеется в виду, на первых порах, занятие Бургаса. Сверх того Нелидов вытребовал для себя разрешение вызвать по телеграфу нашу черноморскую эскадру, если найдет это нужным по местным обстоятельствам. Это одно уже доказывает, что с Англией у нас предварительного соглашения не существует. Впоследствии разрешение, данное Нелидову, показалось опасным и было уничтожено, особенно вследствие настояний министра финансов. Итак, в настоящее время готовятся действовать сообща, но при этом Англия, по-видимому, сохранила за собою некоторую свободу действий; остальные же четыре державы покуда действуют заодно». «Здесь особенно замечательно, – говорилось в письме, – то, что германский император пользуется этим случаем, чтоб сблизиться с Францией и стараться загладить неприязненные чувства между обеими нациями». По словам Сабурова, данное положение «уже было создано прежде назначения Муравьева, который, таким образом, стал орудием его дальнейшего развития в том же направлении».

Направление это П.А. Сабурова явно не устраивало. «До последнего времени, – признавался он, – я никогда не верил в возможность

соглашения с Англией по Восточному вопросу; я всегда думал, что без войны с ней нам не обойтись, и только желал, чтоб Россия была поставлена в наиболее выгодных условиях в виду такой войны, которая мне казалась рано или поздно неизбежной. Но теперь я верю в возможность соглашения; верю, потому что на этот раз не Россия, а Англия возбудила Восточный вопрос; не Россия, а Англия желает изгнать турок из Европы. А потому можно ожидать, что она пошла бы на всякие сделки для достижения этой цели». «Теперь спрашивается: что выгоднее?, – рассуждал сенатор, – действовать с державами, которые в известный момент могут остаться позади и смотреть сложа руки на наш поединок с Англией из-за Проливов? Или же предварительно войти с Англией в сделку, обезопасив себя таким образом от военных случайностей? Для меня сомнения нет, которое из этих двух направлений следует выбрать, особенно с тех пор, как я несколько вник в шаткость нашего экономического и финансового положения». «Но тут-то и запинка, – констатировал автор письма. – Согласиться с Англией, это значит окончательно предоставить ей Египет и осуществить заветную мысль Николая I. Но здесь мы связаны французским союзом». Поэтому «настоящая задача нашей политики» виделась Сабурову «в изыскании средств обойти это препятствие». Об этом он даже пытался толковать «в частных разговорах с некоторыми влиятельными лицами, кажется, не без успеха». Тем не менее у него не вызывало сомнений то, что «в наивысшей сфере в настоящее время союз с Францией преобладает» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Д. 22. Л. 15–18).

7 апреля 1897 г. вновь возвращаясь к «восточному вопросу» в письме, отправленном Д.А. Милютину с Д.А. Капнистом, П.А. Сабуров отмечал: «Сходство с 1876 годом все становится поразительнее. Наш министр иностранных дел предлагает меры для предупреждения войны. Державы их единодушно принимают, как принимали предложения Игнатьева в Константинопольской конференции 1876 года. На это греки отвечают вторжением в Македонию, и вот возгорается война, которую никто предупредить не сумел. Новые министры – те же дети, не умеющие пользоваться опытом отцов. Европейские концерты не раз были испробованы и всегда оказывались не состоятельными. У нас уже в среде самого министерства проявляются два течения: грекофильское и туркофильское. Я бы желал третьего, которое как будто утопает в общей суматохе: а именно *руссофильского!*». При этом сенатору казалось, что «франко-русскому союзу также что-то нездоровится»: «У нас, как всегда, нет ни ясной цели, ни решительности, и только бессильное желание сохранить мир. Дошли до того, что видят в вероятном разгроме греков лучшее ручательство в сохранении этого жалкого мира». «А что мы будем делать, если в силу каких-нибудь тайных соглашений между балканскими народностями сербы пойдут за греками, и Австрия вздумает умиротворить сербов? – недоумевал

Петр Александрович. – Ведь занятие Сербии австрийскими войсками всегда считалось нами *casus belli*. Вообще трудно и предвидеть всевозможные осложнения, когда ведутся переговоры с Европейским концертом, а не с одной какой-нибудь державой, как по-моему следовало». «На Пасхе ждут австрийского императора», – тут же добавлял он (Там же. Л. 19–20).

³⁰⁰ Отвечая 25 апреля 1897 г. на письма П.А. Сабурова (написанные 1 февраля и 7 апреля), Д.А. Милютин не стал «входить в самую суть их содержания, чтобы не наговорить чепухи, похожей на бред больного», и уклонился от суждений «об общем направлении политики нашей». В то же время, рассуждая о сложившейся международной обстановке, он писал: «Насколько это положение запутано и для нас неудобно – в этом не может быть двух разных мнений; но вопрос в том, каким способом выйти из этого хаоса, сколь можно выгоднее для русских интересов и сообразно с историческими традициями – представляется мне чем-то вроде квадратуры круга. Соглашение с Англией, если б и было выгодно для нас, едва ли осуществимо: мешает этому не союз наш с Францией, а то, что сама Великобритания не пожелает связать себе руки какими-либо обязательствами. Основанием ее политики всегда было – *avoir les coudées franches* [иметь свободу действий (*фр.*)]. Да и возможно ли какое-либо обоюдно выгодное соглашение между мирными береговыми обывателями и хищными морскими пиратами?». «Впрочем, из Вашего письма видно, что таково же было прежде и Ваше собственное убеждение, – напоминал Дмитрий Алексеевич своему корреспонденту. – Мне кажется, что оно и теперь совершенно верно. Притом нельзя не признать, что при настоящих условиях устранение общей европейской войны есть первостепенная задача дипломатии, стоящая выше решения частного вопроса Восточного. Если, несмотря на все усилия дипломатии сохранить так называемый “концерт” европейский, все-таки разразится война (вероятнее всего, благодаря безграничному нахальству Англии), то и в таком случае наше относительное положение едва ли было бы выгоднее, если б Россия оставалась по-прежнему изолированной, свободной от союза с Францией». Милютину представлялось, что «Восточный вопрос мог бы со временем быть решен благоприятно для России только путем общего дипломатического соглашения между всеми большими державами». «Если же и в будущем такое соглашение невозможно, – допускал он, – то рано или поздно распадение Оттоманской империи поведет неизбежно к общей кровавой катастрофе, которую ныне дипломатия с такими усилиями старается устранить». Когда это письмо было написано, Д.А. Капнист уже уехал из Ялты, и Д.А. Милютин, «не предвидя другого близкого и верного случая», отправил его в Петербург по почте (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 9–12).

Соглашаясь с тем, что «устранение общей Европейской войны» важнее «решения частного вопроса Восточного», который «мог бы со

временем быть решен благоприятно для России только путем дипломатического соглашения между великими державами», П.А. Сабуров 26 мая констатировал: «В настоящее время задача дипломатии исполнена; европейский мир сохранен; занавес на начатую драму опускается, и решение вопроса снова отложено в долгий ящик. Конечно, если не умеешь решить задачи или если невозможно решить ее без общей Европейской войны, то всего лучше отложить ее на неопределенное время, и ласкать себя надеждой, что следующий Восточный кризис совпадет с появлением какого-нибудь гениального русского Бисмарка, который сумеет повести дело!». Однако, по мнению сенатора, «такое объяснение доказывает только несостоятельность нашей политики»: «Обстоятельства изменились! Да они изменяются каждый день. Если цель в самом деле была задумана, и достижение ее зависело от изменчивых обстоятельств, то она была плохо задумана и расчет был неверен. Ряд изменяющихся обстоятельств не помешал ни Италии, ни Германии достигнуть своего объединения. Но в нашей истории всегда повторяется то же самое. В 1878 году мы не вошли в Константинополь, потому что между приказанием его занять и получением этого приказания в Сан-Стефано обстоятельства, по уверению тогдашнего главнокомандующего, также изменились!». «Да, грустно вспоминать об ошибках, – заключал Петр Александрович, – и приходится, пожалуй, мириться с фаталистическим взглядом Победоносцева, сказавшего когда-то, что вся наша история сложилась из ошибок. По крайней мере, то утешительно, что на сей раз это была “бескровная” ошибка» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 22. Л. 22–25).

Получив это письмо, Милютин 4 июня заверил Сабурова в совпадении их взглядов «относительно значения дипломатической кампании за последнее время»: если был шанс «для решения восточного вопроса *без общей Европейской войны*», то можно лишь сожалеть, что им не воспользовались. Но о том, «действительно ли нашу дипломатией упущен был благоприятный для России случай к мирному разрешению Восточного вопроса», Дмитрий Алексеевич не решался судить по газетам, «не ведая ничего о закулисных отношениях личных и дипломатических. Надежда же на появление в будущем «русского Бисмарка» вызывала у него сомнения. В черновике данного письма сохранился выразительный фрагмент, исключенный затем автором из окончательного текста: «Хотя я не разделяю мнение Победоносцева, будто бы вся русская история сложилась из одних ошибок (при этом еще сомневаюсь, действительно ли можно признать ошибками то, что он считает ошибочным), однако ж, мне кажется, слабою стороною нашей политики, особенно внешней, было почти всегда (за редкими исключениями) отсутствие инициативы и определенного плана действий, пассивность, с которою мы обыкновенно приноравливаемся к ходу событий, совершающихся помимо нас. Как в военном деле давно признана невыгодность действий оборонительных, так и во внешней

политике не может ожидать успеха тот, кто заботится только о том, чтоб оберегаться от чужих замыслов, о том только, чтоб “все обстояло благополучно”» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 13–14).

³⁰¹ Взаимоотношения между христианами и мусульманами на о. Крит, и без того напряженные, в середине 1890-х гг. заметно обострились по мере затягивания ближневосточного кризиса и усиления давления великих держав на Османскую империю. Слабость турецкой администрации провоцировала столкновения общин и расширение повстанческого движения, подавить которое войскам султана не удалось. Активное участие в нем принимали добровольцы, прибывавшие из Греции. Опасаясь вооруженного вмешательства европейских держав (прежде всего, Англии и России), султан вынужден был идти им на уступки, обещая провести реформы, осуществлять которые он не желал, поскольку они подрывали турецкий суверенитет над островом, и не имел реальной возможности из-за воинственного настроения местного мусульманского населения. После вооруженного столкновения с турецкими войсками в январе 1897 г. греческие повстанцы объявили о низложении султана и присоединении Крита к Греции. Турки в ответ на это устроили погром, вызвавший возмущение и национальный подъем в Греции. Афинское правительство не без колебаний решилось в феврале поддержать восстание и направить на остров свои войска, отклонив посредничество держав, настаивавших на предоставлении Криту автономии под властью султана. В марте 1897 г. соединенный флот Англии, Франции, России, Италии, Германии, Австро-Венгрии, направленный ранее к берегам Крита и уже контролировавший наиболее крупные его города, блокировал побережье и обстрелял повстанцев, добываясь от них признания верховной власти султана. Греции пришлось вывести свои корабли из критских вод, а затем и отозвать помогавший повстанцам корпус. На остров начали высаживаться войска великих держав. Мобилизация греческой армии и отправка добровольческих отрядов в Македонию, где весной 1897 г. начались волнения, заставили султана, согласившегося уже на автономию Крита, объявить Греции войну. В ходе боевых действий, продолжавшихся в течение месяца, греки потерпели ряд поражений в Фессалии и Эпире и в беспорядке отступили. Греческий король обратился к Николаю II с просьбой о посредничестве, результатом которого стало перемирие, заключенное 8(20) мая. В ходе последующих переговоров (предварительные условия мира удалось согласовать лишь в сентябре, а мирный договор был подписан только 4 декабря 1897 г.) державы заставили турок вернуть оккупированную Фессалию, кроме нескольких перевалов и одной деревни, и более чем вдвое сократить контрибуцию. Програв войну, Греция согласилась признать автономию Крита в составе Османской империи. Воспользовавшись этим, мусульмане подняли в сентябре мятеж в Кании, спалив христианские кварталы и убив бо-

лее 600 христиан (включая 15 англичан – вице-консула и 14 моряков). Для подавления беспорядков с блокировавших остров кораблей пришлось направить дополнительный десант. В ноябре 1898 г., после нового ультиматума держав, турецкая армия покинула Крит. В конце того же года блокада острова была снята, а управление им перешло, при номинальном сюзеренитете султана, к верховному комиссару четырех держав (Германия и Австро-Венгрия еще зимой 1897/98 гг. устранились от участия в решении критского вопроса и отозвали свои войска и корабли), которым стал принц Георг, второй сын греческого короля. Подробнее см.: *Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 231–259; *Соколовская О.В.* Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 236–247; *Айранетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 437–441.

³⁰² Переписку с Ялтинской уездной земской управой по делам школы, построенной на средства Д.А. Милютина в Симеизе, и документы, связанные с ее строительством (описание работ, проект, смета расходов), см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 87. Ед. хр. 8.

³⁰³ Греческий король Георг I весной 1897 г. действительно вынужден был начать войну с Турцией под давлением развернувшегося в стране националистического движения, которое направлялось полулегальным «Народным товариществом» (*Ethnikè Hetairia*), формировавшим отряды добровольцев и требовавшим немедленного завоевания Крита. Еще 30 января (11 февраля) 1897 г. греческая королева Ольга Константиновна писала в Петербург своему брату вел. кн. Константину Константиновичу: «Мне кажется, что теперь или революция, или помощь кандиотам». Вместе с тем присоединение острова «по инициативе греческой династии» должно было укрепить ее шаткое положение. Однако поражение в войне вызвало новый всплеск антидинастических настроений. Вина за отступление разбитой греческой армии возлагалась на короля и его сыновей, покинувших войска. В обществе обсуждалась возможность революции и установления республики. По-видимому, неприязнь между греческими политиками и королевской семьей была взаимной: «Как удивительно меня сблизили с народом последние обстоятельства, – писала в апреле 1897 г. королева Ольга, – этот народ чудный, но зато высшие классы, все эти политики да западники – это сущее омерзение!.. Я всех этих политических деятелей ненавижу всей душой, т. к. они, единственно они, виноваты во всех страданиях бедной Греции, и они не умеют любить свой народ, а ставят личные и партийные интересы выше пользы своей страны». Опасаясь за судьбу своих родственников, Николай II даже направил в греческие воды в распоряжение королевской семьи броненосец «Император Николай I». В то же время участие России в блокаде Крита

давало повод для грубых антирусских демонстраций: толпа набрасывалась с оскорблениями на русских моряков, а в броненосец даже стреляли (после чего премьер-министр лично прибыл на корабль с извинениями). Своеобразным отголоском греко-турецкой войны стало и первое покушение на короля Георга, совершенное 26 февраля 1898 г. Король и его дочь лишь чудом остались живы. Для умиротворения населения Георгу I пришлось совершить длительное путешествие по стране. См.: *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга – «Под молотом судьбы». М., 2011. С. 39–40, 108–112; *Скальковский К.А.* Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1901. С. 392–393, 397–399.

³⁰⁴ 29 января 1897 г. Б.Н. Чичерин опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 28) статью «О современном положении русского дворянства». В ней, высоко оценивая роль дворянства в прошлом и будущем России, публицист характеризовал разорение дворян-землевладельцев как бедствие для страны. При этом он призывал их найти выход из затруднительного материального положения, не обращаясь к правительству за поддержкой и льготами. Только это, по его мнению, могло обеспечить дворянству независимость и влияние на местные и государственные дела. В своем отклике на эту статью кн. П.Н. Трубецкой отметил, что из нее трудно понять, написана ли она защитником или противником дворянства. Со своей стороны, князь находил помощь дворянству со стороны правительства вполне естественной. Именно против этого утверждения и была направлена вторая статья Чичерина «Еще несколько слов о современном положении русского дворянства (Ответ князю П.Н. Трубецкому)» (Санкт-Петербургские ведомости. № 86). В ней вновь доказывалось, что дворянство способно самостоятельно выйти из кризиса, а от правительства требуется только устранить административный произвол и не стеснять частную инициативу.

Этот взгляд разделял и Д.А. Милютин. «...Статья Ваша прекрасная, – писал он Чичерину 26 июня 1897 г., – и совершенно кстати при настоящих нахальных вождедениях известной группы ярых вожаков ультра-дворянской партии. Признаюсь Вам, что я очень опасаюсь, чтобы им не удалось добиться кое-чего из уродливых их идеалов и окончательно извратить главные реформы шестидесятых годов. Столько уже удавалось им, что и впредь можно ожидать самого худшего. Грустно, очень грустно» (ОР РГБ. Ф. 334. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 9–10). Подробнее см.: *Чичерин Б.Н.* Вопросы политики. М., 1903. С. 8–33; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 252–259; *Искра Л.М.* Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме. Воронеж, 1999. С. 74–77.

³⁰⁵ Имеется в виду Особое совещание по делам дворянского сословия, учрежденное 13 апреля 1897 г. под председательством И.Н. Дурново

для изыскания «способов обеспечить за первенствующим в империи сословием то преобладающее значение, которое искони принадлежит ему в судьбах государства и предоставить ему возможность и впредь с достоинством и пользой служить престолу и Отечеству». «Материалы особого совещания по делам дворянского сословия (сообщения об учреждении Совещания, программа занятий, журнал заседаний и записки разных лиц). 3 апреля 1897–1901 г.» см.: ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 138. О работе совещания подробнее см.: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 249–251, 270–376; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979. С. 274–279.

7 апреля 1897 г. П.А. Сабуров писал Д.А. Милютину: «Составлена комиссия под председательством И.Н. Дурново, чтоб спасти разорившееся дворянство. Со дня на день ожидают рескрипта, объявляющего нечто в роде *мораториума* на несколько лет, чтоб дать передохнуть землевладельцам. Может быть, вспыхнувшая на Востоке война помешает осуществлению этой мысли, которую в последнее время Государь принял близко к сердцу» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 22. Л. 20).

³⁰⁶ 10(22) июля 1897 г. П.А. Сабуров сообщал Д.А. Милютину о том, что в Петербурге произвели «сильную сенсацию новые разоблачения, появившиеся в “Revue de Paris”». Имелась в виду анонимная статья «Русские у Константинополя. 1877–1878», опубликованная 15 июля 1897 г. (№14). Посылая журнал Милютину, Сабуров упомянул, что, хотя автор статьи не известен, «в правящих сферах подозревают Нелидова или Игнатьева». Сам Сабуров не верил в то, что Нелидов, будучи послом, «мог совершить такой важный проступок». «Надо скорее полагать, – считал он, – что в составе тогдашней дипломатической канцелярии при главнокомандующем нашелся мелкий чиновник, который списывал для себя эти телеграммы, а теперь продал их за деньги в “Revue de Paris”». «Но что всего страннее, – добавлял сенатор, – это то, что наша цензура свободно пропускает статью, подымающую на смех наше тогдашнее правительство. Вот впечатление, которое эта статья произвела на меня, и которое она, вероятно, произведет на всю читающую Россию. У книгопродавца [Meless] этот номер распродается нарасхват, и до сих пор со стороны цензуры никаких мер не принимается, чтобы положить предел такому скандалу» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 22. Л. 26–27).

Нельзя исключать, что данная публикация была подготовлена для косвенной дискредитации А.И. Нелидова (сразу же заподозренного в причастности к ее появлению), взгляды которого на решение «восточного вопроса» не соответствовали видам правящих кругов Французской республики. Незадолго до этого, 1(13) июля 1897 г., Нелидов был назначен послом в Рим и ожидал перевода из Константинополя, где ему пришлось, однако, задержаться до осени. В Петербурге к этому времени также уже не сочувствовали идее захвата проливов. «Здесь

считают Восточный кризис оконченным, – в том же письме отмечал Сабуров, – и если найдутся державы, которые пожелают возвратиться к вопросу о турецких реформах, то мы, со своей стороны, будем вторить им весьма умеренно» (Там же).

³⁰⁷ 28 июля (9 августа) 1897 г. барон Л.А. Фредерикс писал Д.А. Милютину. «6 августа 1869 года, во время путешествия Вашего за границей, Вы встретились в поезде около Бадена с бароном Финó (Baron Finot), бывшим французским генеральным консулом в Тифлисе (а впоследствии таковым же в Варшаве). Барона Фино сопровождал тогда молодой человек, его соотечественник, отправлявшийся в дальнейшее путешествие по России. Вам угодно было обратить Ваше внимание на этого молодого человека и, поинтересовавшись предположенным им путешествием, посоветовать ему непременно посетить Крым и Кавказ, причем, Вам угодно было, весьма благосклонно, вручить ему Вашу визитную карточку, с надписью на ней нескольких слов, рекомендации к местным властям. Молодой человек в точности последовал Вашим указаниям и, благодаря Вашему доброму участию к нему и Вашей благосклонной рекомендации, вынес неизгладимо отрадное воспоминание о совершенном им путешествии по Крыму и Кавказу и о радушно приеме оказанном ему у нас. Этот молодой человек, ныне президент Французской республики, Феликс Фор. Все вышеизложенное было лично сообщено мне президентом, во время моего пребывания у него в гостях в Гавре; причем я обещал ему напомнить Вам об этом обстоятельстве, о котором он, почти тридцать лет спустя, вспоминает с большою благодарностью. Моя недавняя поездка в Гавр была вызвана назначением меня, по Высочайшему повелению, состоять при президенте во время предстоящего путешествия его в Россию и сопровождать его морем в Кронштадт. Это назначение меня очень радует, так как поездка эта несомненно составляет знаменательный исторический момент» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Ед. хр. 3. Л. 19–19 об.).

³⁰⁸ 23–27 сентября (5–9 октября) 1896 г. президент Ф. Фор принимал во Франции императора Николая II и императрицу Александру Федоровну. 11(23) августа 1897 г. он прибыл в Петербург с ответным визитом, продолжавшимся три дня. Во время прощального завтрака на борту французского крейсера «Rothuau» Николай II заявил: «Я счастлив, что Ваше пребывание между нами создает новые узы между нашими двумя народами дружественными и союзными, одинаково решившими содействовать всеми своими силами сохранению всеобщего мира, основанного на законности и справедливости» [Санкт-Петербургские ведомости. 1897 г. 16(28) августа]. Это было первое официальное провозглашение русско-французского союза. Как вспоминал Б. Бюлов, еще за две недели до этого гр. М.Н. Муравьев предупредил его в частной беседе, что в ходе визита Ф. Фора «в гостях будет говориться не о дружественных, а именно о союзных нациях» (Бюлов Б. Воспомина-

ния. М.; Л., 1935. С. 73). О визите Ф. Фора подробнее см.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 488–490; *Бильдеринг А.А. Президент Французской республики в России в 1897 г.* СПб., 1899; К приезду президента Французской республики г. Феликса Фора. Spb., 1897; *Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в.* М., 1993. С. 162–165.

- ³⁰⁹ В 1904 г., сообщая гр. И.И. Воронцову-Дашкову о состоянии своего имения в Симеизе, Д.А. Милютин писал, что «для снабжения водой устроена обширная сеть водопроводов» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 51. Ед. хр. 50. Л. 10–10 об.). По свидетельству крымского историка и краеведа А.А. Галиченко местные жители пользовались этим водопроводом и в конце XX в.: Пилигримы Крыма. Осень 98. Международная научная конференция: Материалы. Симферополь. Крымский архив, 1999. С. 33–37.
- ³¹⁰ Кабинет е. и. в. Министерства императорского двора заведовал финансами и хозяйственными делами особ Императорской фамилии (заведующим кабинета являлся министр императорского двора). Камеральное отделение занималось сбором ясака, заготовлением и продажей мехов, а также драгоценностей для подарков. Оно же отвечало за хранение царских регалий и завещаний членов российского Императорского дома, вело его родословную книгу. Подробнее см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. СПб., 2002. С. 149–151.
- ³¹¹ Главное управление уделов (до 26 декабря 1892 г. Департамент уделов) – учреждение, управлявшее имениями Императорской фамилии. Существовало с 1797 г. (в 1826–1852 и 1856–1917 гг. входило в состав Министерства императорского двора), не раз меняя наименование, структуру и компетенцию. В конце XIX в. заведовало дворцами, винодельческими имениями, покупкой, продажей, обменом и межеванием удельных земель, ведением на них лесного хозяйства и проч. В 1891–1898 г. главным виноделом удельного ведомства состоял кн. Л.С. Голицын. Подробнее см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. СПб., 2002. С. 189–193; Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996. С. 199–200.
- ³¹² В 1911 г. С.Ю. Витте вспоминал: «Когда же я сделался министром финансов, то, проводя вместе с Государем несколько осенних месяцев в Ялте, я бывал у Милютина и там часто имел случай говорить с ним о многих вопросах совершенно откровенно. Граф Милютин вообще человек очень большого ума; человек крайне систематических мнений и очень большого образования, но в деловом смысле человек сухой и большой систематик» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 46).

- ³¹³ 26 сентября 1897 г. в Феодосии праздновалось 60-летие художественной деятельности И.К. Айвазовского (в этот день в 1837 г. он окончил курс Императорской Академии художеств). 31 августа Айвазовский писал конференц-секретарю Академии художеств: «В Петербург мне приехать невозможно, доктора не советуют в данное время. Я желал в день моего юбилея устроить у себя в картинной галерее обед для горожан и приезжих..., уже обед дает город и посылает приглашения, даже думают напечатать в газетах приглашения на этот день». Подробнее см.: Айвазовский: Документы и материалы. Ереван, 1967. С. 284–291. 6 сентября 1897 г. феодосийский городской голова Л. Дуранте направил Д.А. Милютину приглашение на торжество (ОР РГБ. Ф. 169. К. 66. Ед. хр. 6. Л. 1–2).
- ³¹⁴ Изготовленный на пергаменте и переплетенный адрес по случаю 60-летия зачисления Д.А. Милютина в Генеральный штаб в его личном фонде в ОР РГБ не обнаружен.
- ³¹⁵ В подлинник дневника вложена копия телеграммы, направленной Д.А.Милютину Николаем II из Царского села 28-го октября 1897 г. в 10 час. 46 минут по полудни: «Сегодня исполнилось 60 лет со дня зачисления Вашего в Генеральный штаб и мне приятно вспомнить по этому поводу Вашу замечательную служебную деятельность. Ваши выдающиеся государственные заслуги, беззаветная преданность Ваша интересам отечества и его армии, неутомимая и высокоталантливая работа Ваша быстро и по достоинству довели Вас до высших постов военного управления и сделали Вас одним из ближайших и довереннейших сотрудников моего покойного деда, который горячо любил и уважал Вас. С такими же чувствами искреннего уважения к высоким качествам Вашего ума и сердца я в сегодняшнюю знаменательную годовщину шлю Вам мой привет и сердечно желаю да продлит Господь Вашу маститую старость, осеняемую отрадным сознанием честно исполненного долга пред отечеством. Николай». Подлинник и копию телеграммы см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Ед. хр. 40. Л. 3–7.
- ³¹⁶ Поздравительные телеграммы Д.А. Милютину в связи с 60-летием его службы в Генеральном штабе (в т. ч. от вел. кн. Николая Николаевича, Военно-юридической академии, Александровского кадетского корпуса, Корпуса военных топографов и др.) см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 79. Ед. хр. 12. Л. 4, 11, 14, 16.
- ³¹⁷ В 1870-е гг. кн. А.А. Ливен стремительно делал карьеру. Два года проведя на посту московского губернатора, он был назначен в 1872 г. товарищем министра государственных имуществ, а в 1880 г. возглавил министерство. До этого он рассматривался в качестве кандидата на должность министра юстиции (после отставки гр. К.И. Палена) и министра народного просвещения (в связи с ожидавшейся отставкой гр. Д.А. Толстого). «Ливен был ростом очень высок и во всех отноше-

ниях крупный человек, – вспоминал о нем К.Ф. Головин, – и чертами лица, и размерами черепа, и богатством мысли под этим черепом. Никогда не было, я думаю, в России губернатора, столь далекого от бюрократизма: широкая, открытая любезность, полное равнодушие к форме и отсутствие всякой заурядности в способе мыслить и выражаться. Многие, как я потом узнал, отзывались о нем неблагоприятно, припоминая какие-то прошлые юношеские погрешности. Иными словами, у Ливена было много врагов, едва ли только главным источником этой вражды не была зависть к его крупному таланту. Очень жаль, что этому выдающемуся, государственному человеку не дано было доиграть своей роли до конца, во всяком случае он был бы теперь одним из украшений Государственного совета» (*Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. 1. СПб.; М., 1908. С. 233*). «Он человек умный, очень образованный. Умеющий говорить и весьма консервативного образа мыслей», – писал о кн. Ливене в мае 1878 г. А.А. Половцов. Консерватизм князя выражался порою даже несколько аффективно. Однажды на балу в Зимнем дворце он так поцеловал протянутую ему императором руку, что «поцелуй раздался на всю комнату», и тот же Половцов сказал своему соседу: «Видно, не мы присоединили Хиву, а Хива нас» (*ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 13. С. 204–205*).

Е.А. Перетц в марте 1881 г. заметил, что кн. Ливен «человек хотя не глупый, но взбалмошный и притом подлый»: «нет низости, которой бы он не сделал, чтобы понравиться и угодить сильным мира» [*Дневник Е.А. Перетца (1880–1883) М.; Л., 1927. С. 54*].

«Что погубило кн. Ливена, это чрезвычайная самоуверенность, заносчивость, а главное, недостаток этики и выдержки в обращении как с подчиненными, так и на стороне», – полагал А.Н. Куломзин, служивший при князе товарищем министра государственных имуществ. Впрочем, на Куломзина кн. Ливен производил «приятное впечатление дельностью своих взглядов»: «Он был несомненно умный человек, знал слабые стороны министерства и желал подвинуть наше земледелие вперед; он имел все данные, чтобы достигнут многого и принести России пользу. Останься кн. Ливен у власти, он был бы неизмеримо более полезным министром, чем Островский и Ермолов, ибо обладал сильною волею, энергиею и настойчивостью» (*РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189. Л. 8–9*).

В 1880 г. кн. Ливен резко дистанцировался от политики своего предшественника – гр. П.А. Валуева, которому был обязан своим назначением. Вместе с тем он был далек и от окружения гр. М.Т. Лорис-Меликова (перед которым, по словам Куломзина, князь «лебезил»). В результате, уже осенью Б.М. Маркевич сообщал М.Н. Каткову, что «про Ливена идут самые некрасивые толки... и очень сильно начинают поговаривать о его смене» (*ОР РГБ. Ф. 120. К. 8. Ед. хр. 8. Л. 54*). Формальным поводом для этих разговоров стала ревизия сенатора

М.Е. Ковалевского, начавшего расследование расхищения казенных земель в Оренбургском крае. В ходе ревизии было установлено, что в 1870-е гг. в Оренбургской и Уфимской губерниях было роздано и распродано по незаконно пониженной оценке свыше 400 тыс. десятин. Производилось это с ведома и с санкции Александра II, однако выделение участков и их оценка оставляли большой простор для злоупотреблений (к примеру, строевой лес оценивался как «заросли»), чем и пользовались генерал-губернатор Н.А. Крыжановский и служащие Министерства государственных имуществ.

Характерно, что П.А. Валуев и М.Х. Рейтерн отказались от получения оренбургских земель, сознавая, что император не имеет точного представления о размерах подобного пожалования, однако сами ходатайствовали о пожаловании ими своих ближайших сотрудников (С.А. Грейга, кн. А.А. Ливена, П.И. Шамшина и др.). В частности, кн. Ливен приобрел в Оренбургской губернии 3894 десятины за 12 тыс. руб., причем, по словам Валуева, «выбрал себе участки довольно ценные» [*Валуев П.А. Дневник (1877–1884)*. Пг., 1919. С. 45–46]. Как писал Куломзин, участок был выделен, вопреки закону, из «устроенных лесов» (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 189. Л. 107). «Как мне говорили, – вспоминал Ф.Г. Тернер, – князь Андрей Александрович сам об этом доложил императору Александру II; государь на это ответил ему: “ну что же, твое счастье”» (Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Т. 2. СПб., 1911. С. 184). Тем не менее толки об этом скомпрометировали князя, и он стал одним из первых министров, уже в марте 1881 г. отстраненных от должности Александром III. Ему не помогли ни попытки отмежеваться от действий Валуева, ни готовность вернуть полученный участок в казну, ни запоздалая замена управляющего Временным отделом по поземельному устройству государственных крестьян Ф.Д. Климова, отвечавшего за оценку земель. По окончании ревизии Ковалевского кн. Ливен представил документы, позволившие Валуеву избежать суда, однако самому князю, состоявшему членом Государственного совета, было приказано подать прошение об увольнении со службы (Крыжановского и Климова император уволил и вовсе без прошения). Подробнее см.: *Гетманский А.Э. Российский министр европейского типа (политические взгляды и государственная деятельность П.А. Валуева в 70–80-е годы XIX в.)* Тула, 2001. С. 127–145.

«Замечательно, с какою твердостью духа князь Андрей Александрович перенес эту тяжелую невзгоду, – отмечал Ф.Г. Тернер. – Он посвятил себя всецело занятиям естественными науками и астрономией и, при его выдающемся уме, сделался, можно сказать, выдающимся ученым, особенно в области астрономии, в которой он сделал даже некоторые замечательные открытия. Он долго жил совершенным отшельником в своем имении, в котором у него была устроена род обсерватории, а затем переселился в Ялту, где он приобрел не очень

большую, но чрезвычайно красиво расположенную дачу с чудным видом на ялтинскую бухту. Все свободное от научных занятий время он посвящает садоводству и так как все, что он делает, он делает очень основательно, то его небольшой сад превратился в замечательный питомник самых интересных растений; особенно замечательна его культура хризантем самой разнообразной величины и цветов». «Мне редко, – признавался Тернер, – приходилось встречать человека с таким обширным умом и такую разнообразную начитанностью. Он знакомится почти со всем, что только появляется в области естественных наук и литературы; обладая удивительной памятью, он может интересно говорить обо всем и в разговоре с ним всегда научишься чему-нибудь новому; по крайней мере, я из разговора с ним всегда выносил немало познаний» (Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Т. 2. СПб., 1911. С. 184–185). Увлечение астрономией дорого стоило князю. По словам В.Ф. Джунковского, «наблюдая солнце в зените, он не принял необходимых мер предосторожности и ослеп на правый глаз, благодаря чему должен был прекратить эти занятия» (*Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 159).

Тернер сетовал, что «такой человек вот уже десятки лет удален от всякой государственной деятельности, в такое время, когда Россия не особенно изобилует выдающимися государственными деятелями» (Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Т. 2. СПб., 1911. С. 185). Лишь в 1910 г. кн. Ливен вновь был назначен членом Государственного совета, а в 1912 г. – главноуправляющим собственной е.и.в. канцелярией по учреждениям императрицы Марии. «Это был широко образованный человек, настойчивый в преследуемых им целях, властный, и, несмотря на свои 74 года, он ревностно принялся реформировать порученное ему дело, но смерть не дала ему этой возможности», – писал о князе Ливене Джунковский, который, по собственному признанию, «его хорошо знал и глубоко уважал» (*Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 158–159).

³¹⁸ 16 октября 1897 г. М.М. Стасюлевич телеграфировал Д.А. Милютину: «Глубоко тронут Вашим лестным для меня вниманием и добрым приветом». К данной телеграмме Милютиним был приложен отгиск письма, написанного Стасюлевичем 16 ноября 1897 г. в городскую училищную комиссию и затем опубликованного в «Вестнике Европы» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 75. Ед. хр. 51. Л. 9, 10, 12). Направленную Д.А. Милютину поздравительную телеграмму за подписью 33 лиц, собравшихся 1 ноября 1897 г. на чествование юбилея М.М. Стасюлевича см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 79. Ед. хр. 12. Л. 18, 22.

³¹⁹ См.: *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 1–4. СПб., 1897–1898.

³²⁰ В фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ данный документ не обнаружен. Сохранились лишь более поздние завещания Н.М. Милютиной, да-

тированные 18 мая 1904 г., 19 ноября 1905 г. и 4 июня 1909 г. (Ф. 169. К. 90. Ед. хр. 9).

³²¹ С.Ю. Витте впоследствии вспоминал: «Генерал-адъютант Ванновский ушел с поста министра, как значилось и как говорили, по болезни; в действительности же он ушел потому, что чувствовал, что он не может управлять военным ведомством так авторитетно, как он им управлял при покойном императоре Александре III, так как с воцарением молодого императора великие князья начали приобретать такой авторитет и так вмешивались в дела, что генерал-адъютант Ванновский не мог этого переносить и потому выходили постоянные трения. С другой стороны, надо сказать, что генерал-адъютант Ванновский был человек твердого, авторитетного и упрямого характера; он был военным министром в течение всего царствования Александра III, а потому имел такой авторитет в глазах молодого императора, который не мог не стеснить Его Величество, вследствие чего государь император, со своей стороны, был доволен избавиться от одного из министров его отца, которые в отношении молодого государя держали себя иногда не как министры, а как лекторы» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 509). Между тем служивший тогда помощником начальника канцелярии Военного министерства А.Ф. Редигер указывал, что уже в октябре 1897 г. П.С. Ванновский «стал очень уставать», «едва был в состоянии довести до конца прием представлявшихся», тогда же «пошли сведения о том, что он по вечерам уже не в состоянии заниматься». При этом «кандидатов на его место называли разных, чаще всего – Обручева, и только в конце декабря стали говорить о Куропаткине» (Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 260–261). Ни о «трениях» с великими князьями, ни о желании царя избавиться от авторитетного министра А.Ф. Редигер в связи с отставкой П.С. Ванновского не упоминает.

³²² В 1866–1880 гг. гр. Д.А. Толстой одновременно занимал посты обер-прокурора Св. Синода и министра народного просвещения. Кроме того, в 1817–1824 гг. духовное и учебное ведомства входили в состав «сугубого» Министерства духовных дел и народного просвещения, которое возглавлял бывший обер-прокурор Св. Синода кн. А.Н. Голицын. В XIX в. подобное объединение нередко встречалось и в европейской практике.

³²³ Указы об увольнении П.С. Ванновского и назначении А.Н. Куропаткина военным министром, а П.Л. Лобко членом Государственного совета см.: Правительственный вестник. 1898. № 1. 1(13) января; Московские ведомости. 1898. № 3. 2(14) января; № 4. 3(15) января. Одновременно с П.Л. Лобко членами Государственного совета были назначены А.Н. Куропаткин и сенаторы Н.Н. Герард (с 1886 г. председательствовавший в Межевом, затем – в 3-м департаменте) и В.П. Череванский,

в октябре 1897 г. оставивший пост товарища государственного контролера из-за разногласий с Т.И. Филипповым. По-видимому, именно назначение Череванского, устроенное по протекции и заметно выбивавшееся из обычного порядка, могло показаться Д.А. Милютину неожиданным.

³²⁴ 8 января 1898 г. Н.Н. Обручев писал Д.А. Милютину: «Еще в прошлом году, перед коронацией, соображая свои лета и силы, я просил в[оенного] м[инистра] устроить заранее мое положение в Гос[ударственном] сов[ете]. На 50-м году службы, на 68-м году жизни мне не следовало и думать об ответственном несении еще более тяжких обязанностей. Молодому Государю нужны и молодые силы, нужен на пост в[оенного] м[инистра] человек, который служил бы не 1–2 года, а как Вы, 20 и >[более] лет. Выбор Куропаткина вполне хорош; думаю, что он отлично справится со своей задачей, особенно если не будет расходовать себя на самые мелочные подробности. Мое же личное положение определилось столь благоприятно, что могу ему лишь радоваться. Я награжден Государем свыше всяких заслуг и получил неоценимую возможность пользоваться жизнью и отдыхом. Теперь в нашем скромном, но милом уголке во Франции могу проводить не недели, а месяцы, могу уделять часть вакационного времени на путешествия, и легко может быть, загляну и туда, куда непрерывно обращаюсь душою, чтоб обнять мой идеал человека, всем нам служащего примером высочайшего благородства и достоинства» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Ед. хр. 64. Л. 21–22).

³²⁵ О прощании П.С. Ванновского с чинами Военного министерства см.: Русский инвалид. 1898. № 4. 6 января. В конце своей краткой прощальной речи 4 января 1898 г. Ванновский сказал: «...Расставаясь с вами с сожалением, вынужденный к тому уверенностью, что силы мои начинают мне изменять, и опасением нанести ущерб делу, я уношу отрадное впечатление о продолжительной нашей совместной работе и уверен, что при моем преемнике, вносящем в дело свежие силы, и при вашем дружном содействии, дорогая нам армия достигнет еще лучших результатов на пути своего совершенствования. Прошу Вас помнить мой последний завет: “Не войска созданы для управлений, а управления для войск”...»

После отъезда Ванновского к собравшимся обратился А.Н. Куропаткин: «Сознавая огромность и ответственность предстоящей мне деятельности, я нахожу и утешение, и поддержку в том глубоком убеждении, что мне, в особенности в первое время, предстоит не создавать, а поддерживать и развивать уже созданное в течение многих поколений. Наша военная система получила определенность, устойчивость и законченность за последние 37 лет во время управления Военным министерством высокочтимых всею Россиею государственных работников: графа Дмитрия Алексеевича Милютина и только что

простившегося с Вами нашего бывшего отца-начальника Петра Семеновича Ванновского». Отметив «выдающиеся успехи», достигнутые после 1877–1878 гг., Куропаткин заявлял: «Ныне размер нашей армии и ее боевая готовность достигла пределов еще небывалых... Но как ни много уже сделано, нам предстоит впереди та же неустанная работа, какая выпадала на нашу долю и до сих пор. Мы не можем остановиться на достигнутых результатах, а обязаны всемерно развивать и продолжать их» (Там же).

³²⁶ В своей речи А.Н. Куропаткин говорил, насколько он «тронут, что некоторые из моих ближайших помощников, будучи значительно старше меня годами и чином, ради пользы дела выразили желание продолжать работать со мною»: «В числе их высокочтимый бывший учитель мой Павел Львович Лобко, несмотря на достигнутое им высокое звание члена Государственного совета, остается согласно милостивого желания государя императора во главе канцелярии Военного министерства и составит мне твердую опору во всех сложных вопросах военного хозяйства и законодательства. Мне не стыдно признаться, что в этих делах на первое время я просил не только содействия, но и руководства Павла Львовича» (Русский инвалид. 1898. № 4. 6 января). Перед этим Куропаткин также упомянул, что «тридцать пять лет неустанной деятельности по обороне государства бывшего учителя и начальника моего Николая Николаевича Обручева придали нашим соображениям по сему главнейшему делу систему, стройность, выполнимость; выяснили наши слабые стороны и задачи ближайшего будущего» (Там же). В 1871–1874 гг., обучаясь в Николаевской академии Генерального штаба, штабс-капитан Куропаткин слушал лекции профессора военной статистики генерал-майора (а с 1873 г. генерал-лейтенанта) Обручева и профессора по кафедре военной администрации полковника Лобко.

Лобко еще в январе 1898 г. предупредил своего помощника А.Ф. Редигера, что «он оставлен в должности на полгода или на год», дабы «ориентировать Куропаткина». Впрочем, «руководство» Куропаткин понимал несколько своеобразно. По свидетельству Редигера, несколько раз присутствовавшего на докладах Лобко, «Куропаткин докладов почти не слушал, а по поводу каждого дела сам говорил с безапелляционной самоуверенностью», и «кроме того, по поводу самых пустых дел он подымал суету и спешку, мешавшую серьезной работе». В июле 1898 г. Лобко покинул Военное министерство, передав пост начальника канцелярии Редигеру (*Редигер А.Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра*. Т. 1. М., 1999. С. 263–264).

³²⁷ В сентябре 1894 г. французская контрразведка установила факт шпионажа в пользу Германии, вскоре подозрения пали на капитана артиллерии А. Дрейфуса, стажировавшегося в Генеральном штабе. Поскольку прямых улик против него не было, обвинение изначально держалось

исключительно на авторитете военного министра, начальников Генерального штаба и военной контрразведки (хотя эксперты-графологи изначально ставили под сомнение принадлежность Дрейфусу компрометирующего письма к германскому военному агенту). В декабре того же года военный трибунал единогласно приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге в Гвиане. Одновременно правительство Ш. Дюпюи, боровшееся с террором анархистов, добилось восстановления смертной казни за политические преступления. Между тем в 1897 г. новому начальнику контрразведки Ж. Пикару удалось выявить истинного шпиона – майора Ф. Эстергази, служившего ранее в Иностранном легионе. Однако в Генеральном штабе, опасаясь скандала, решили умолчать о допущенной ошибке, удалили Пикара в Тунис и сфальсифицировали улики против Дрейфуса. Тем временем, благодаря семье Дрейфуса, Пикару и вице-президенту Сената О. Шерер-Кестнеру, «дело Дрейфуса» получило широкую огласку. В январе 1898 г. власти республики вынуждены были провести суд над Эстергази, который был оправдан и освобожден из-под стражи. 13 января в левой газете «L'Аугог», вышедшей тиражом в 300 тыс. экземпляров, была напечатана резкая статья Э. Золя «Я обвиняю!», в которой писатель, обращаясь к ярому «антидрейфусару» – президенту Ф. Фору, открыто бросал руководителям военного ведомства обвинение в беззаконии, выражая готовность предстать перед судом присяжных. В феврале 1898 г. состоялся суд над Золя. Присяжные, не решившись осудить Генеральный штаб, признали автора и издателя статьи виновными в клевете, и суд приговорил их к штрафу и нескольким месяцам тюремного заключения (что не помешало Золя бежать в Лондон). Но уже в апреле приговор был кассирован и намечалось новое разбирательство. Все это вынудило нового военного министра, убежденного в виновности Дрейфуса, летом 1898 г. опубликовать имевшиеся улики, когда же выяснилось, что они сфальсифицированы, скандал разгорелся с новой силой – военный министр и начальник Генерального штаба вынуждены были уйти в отставку. Начальника контрразведки, совершившего подлог, арестовали (и на следующий же день нашли в тюрьме мертвым), Эстергази спешно уехал в Лондон. Летом 1899 г. суд окончательно установил, что письмо к германскому военному агенту написано не рукой Дрейфуса. Затем военный трибунал пересмотрел дело Дрейфуса и вновь признал его виновным, сократив, однако, срок каторги до 10 лет. Приговор был вынесен уже после того, как Эстергази открыто признался в Лондоне в связях с германской разведкой и составлении письма, приписанного ранее Дрейфусу. В результате, 19 сентября 1899 г. новый президент П.М. Вальдек-Руссо амнистировал Дрейфуса, который принял амнистию, понимая, что стал заложником чужой политической игры. В 1906 г. его полностью реабилитировали. Подробнее см.: *Прицкер Д.П. Жорж Клемансо: Политическая биография.* М., 1983. С. 125–139.

³²⁸ Село Никольское-Горушки Дмитровского уезда Московской губернии – подмосковное имение графов Олсуфьевых.

³²⁹ В условиях активизации соперничества великих держав на Дальнем востоке в конце XIX в., и особенно после захвата германским флотом 2(14) ноября 1897 г. стратегически важного порта Киао-Чао (Цзяочжоу), права пользования которым добивались ранее русские дипломаты, Россия нуждалась в выгодно расположенной военно-морской базе, способной обеспечить ее позиции и влияние в Китае. Морское ведомство с конца 1880-х гг. присматривало в Китае и Корее незамерзающую гавань для Тихоокеанской эскадры (зимовавшей обычно в японских портах). 4(16) декабря 1897 г. с согласия Пекина, рассчитывавшего на помощь против Германии, русские корабли вошли на рейд Порт-Артура, что объяснялось желанием предотвратить высадку там англичан (в подобном намерении не сомневались тогда ни китайские чиновники, ни русские представители в Поднебесной). Согласно конвенции с Китаем, заключенной после длительных переговоров 15(27) марта 1898 г., Россия арендовала на 25 лет Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Даляньванем (Дальним). Занятие Порт-Артура позволяло России, обеспечив свои интересы и не испортив отношений с Китаем, избежать в ближайшие годы столкновения с Германией (из-за спора о Киао-Чао) и Японией (что было бы почти неизбежно, если бы русский флот обосновался в Корее). Вместе с тем данное приобретение требовало в дальнейшем колоссальных расходов и решения сложнейших военных и административных проблем. Подробнее см.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008. С. 299–327.

³³⁰ В направленной Д.А. Милютину брошюре «Офицерское собрание армии и флота в Санкт-Петербурге» (СПб., 1898) освещалась деятельность Высочайше учрежденной под председательством вел. кн. Владимира Александровича комиссии, занимавшейся устройством Общего офицерского собрания, целью которого «должно было стать сближение офицеров разных родов войск и разных мест службы и развитие между ними товарищеских отношений в духе требований военной службы». На обложке брошюры было изображено здание, построенное для собрания на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы. См. также: Отчет офицерского собрания Армии и флота за 1898 г. СПб., 1899; То же. За 1899 г. СПб., 1900.

³³¹ 29 мая Николай II телеграфировал Д.А. Милютину: «Двадцать пять лет тому назад отряды, направленные из округов Туркестанского, Кавказского и Оренбургского победоносно заняли Хиву и тем внесли на страницы русской военной истории новый славный подвиг, доказавший готовность наших войск к полному самоотвержению и способность их перенести тяготы, труды и лишения почти сверхъестественные. С гордостью и благодарностью вспоминая об этом подвиге,

я не могу забыть об энергическом и плодотворном участии Вашем на должности военного министра, в обсуждении и организации тех подготовительных мер, без которых совершение похода по песчаным, безводным пустыням было бы немыслимо и губительно. Все было верно предвидено, правильно рассчитано, энергически приведено в исполнение и, с помощью Божией, увенчалось блестящими результатами. Мне приятно в сегодняшний день еще раз напомнить Вам, что Вашею самоотверженною, талантливою и патриотическою деятельностью Вы навсегда связали Ваше имя с историею России и ее доблестной армии. Посылаю Вам мой сердечный привет и поздравление. Николай» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Ед. хр. 40. Л. 19). Ответную телеграмму Д.А. Милютину см.: Там же. Л. 9. 31 мая 1898 г. телеграммы Николая II и Д.А. Милютину были опубликованы в газете «Русский инвалид» (№ 115).

Письмо военного министра, отправленное Милютину 24 мая 1898 г. по случаю юбилея занятия Хивы и подписанное: «всегда помнящий ласку и внимание Ваше А. Куропаткин» см.: Там же. К. 66. Ед. хр. 75. Л. 3–3 об.

³³² См. коммент. 327. С конца 1897 г. «дело Дрейфуса» активно использовалось французскими социалистами и радикалами для дискредитации правительства умеренных республиканцев и консерваторов, военного ведомства, Генерального штаба, католического духовенства; пока не появилась возможность нанести удар своим политическим противникам, тот же Ж. Клемансо, ставший затем ярким «дрейфусаром», ни о каком Дрейфусе не желал и слышать. Их противники, весьма неуклюже защищаясь, опирались на шовинистические и антисемитские настроения (Дрейфус был еврейского происхождения). Общественное мнение разделилось. Толпа, собиравшаяся в феврале 1898 г. у Дворца правосудия, кричала «Смерть Золя!», и, по словам Клемансо, готова была совершить самосуд, если бы писателя оправдали; с заседаний он возвращался под градом камней и угроз (*Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 132). Неудивительно, что в России невиновность Дрейфуса отнюдь не казалась бесспорной.

В «Новом времени» А.С. Суворин не раз обращался в 1897–1898 гг. к «делу Дрейфуса», утверждая, «что это – борьба еврейства с христианством, а не борьба из-за человека, неправильно осужденного»: «...Это – целый поход, приготавливавшийся целых три года, в глубокой тайне, это – заговор, страшный по солидарности своих членов, по их богатству и по влиятельному их общественному положению... Изменины никто не отрицает. В измене убеждены почему-то все. Но изменил не еврей, а христианин. Вот что важно для еврейской плутократии и ее лакеев – обвинить христианина и оправдать еврея...» (*Суворин А.С.* В ожидании века XX. Маленькие письма (1889–1903). М., 2005. С. 626–632, 638–640, 648–651, 666–668). Другой видный публицист

«Нового времени», близко знакомый с французскими политическими кругами, К.А. Скальковский (в 1891–1896 гг. директор Горного департамента Министерства государственных имуществ), и в начале XX в. заявлял, что «в виновности еврейского капитана никто серьезно не сомневался, особенно в кругу компетентных лиц». «Делом Дрейфуса, – писал Скальковский, – в действительности близко интересовались немногие, кроме, конечно, лиц денежно заинтересованных, как журналисты, адвокаты, Зола и т. п., но имя Дрейфуса, как имя Буланже, стало знаменем, за и против которого разделилась вся страна на два резко разграниченных лагеря. Все, что было заинтересованного в существовании парламентарной республики, приняло, конечно, сторону Дрейфуса; наоборот, консервативные и здоровые элементы нации, а также армия и духовенство перешли в лагерь антидрейфусаров» (*Скальковский К.А. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1911. С. 25–26.*)

«Вестник Европы», в 1897 г. освещавший «дело Дрейфуса» более нейтрально и даже с некоторой симпатией к несчастному капитану (*Вестник Европы. 1897. № 12. С. 815–817*), в феврале 1898 г. также констатировал: «Читатели наших газет могут подумать, что Франция живет теперь делом Дрейфуса, что она разделилась на два враждебных лагеря, из которых одним командует таинственный еврейский синдикат, а другим – патриот Рошфор с антисемитом Дрюмоном». При этом и Рошфор, и Дрюмон характеризовались в либеральном журнале резко отрицательно, действия же сенатора-дрейфусара Шерера-Кестнера, напротив, всячески одобрялись. В целом же «Вестник Европы» обстоятельно и весьма иронично раскрывал пристрастность и тенденциозность процессов Дрейфуса и Эстергази, указывая на надуманность и неопределенность «улик» в первом случае и неожиданность оправдания во втором. Вывод при этом делался весьма неллицеприятный: «Нет такой политической нелепости, которую нельзя было бы увлечь французскую толпу... Самое дело Дрейфуса состоит сплошь из загадок; оно бросает яркий свет на ту путаницу понятий и впечатлений, которая господствует в умах значительной части французского общества... Мысль о пересмотре процесса с целью исправления допущенной ошибки возбуждает ярость патриотов и выдается за опаснейшее посягательство на честь французской армии; все приверженцы такого пересмотра, кто бы они ни были, провозглашаются врагами отечества, подкупленными еврейством... Лучше примириться с осуждением невиновного, чем колебать авторитет военного суда. Такова сущность патриотической идеи, вдохновляющей ныне многих и очень многих французоз...» (*Вестник Европы. 1898. № 2. С. 817–831*). Но, сочувствуя дрейфусарам, «Вестник Европы» резко противопоставлял корректность требований Шерера-Кестнера бесцеремонности и демагогичности обвинений, брошенных суду, армии и правительству Э. Золя (*Вестник Европы. 1898. № 3. С. 391–402*).

У «дела Дрейфуса» была и другая черта, которая не акцентировалась в печати, но едва ли ускользала от русских читателей: такие яркие антидрейфусары, как генерал Р. Буадефр, П. Дерулед, президент Ф. Фор – были активными сторонниками русско-французского союза, а дрейфусары, например, тот же Ж. Клемансо, выступали за сближение с Англией и не скрывали своей враждебности к царизму.

- ³³³ 31 мая 1898 г. генерал от инфантерии В.Н. Троцкий телеграфировал Д.А. Милютину из С.-Петербурга: «Участники Хивинского похода, празднуя двадцатипятилетие покорения Хивы, и осчастливленные монаршим вниманием, с живейшей благодарностью вспоминают, что Вашим государственным первоначальным предначертанием этого похода мы (на бланке ошибочно написано «мне», – *прим. публ.*) обязаны достигнутым блестящим результатом. Искренно поднимаем бокалы за здоровье Вашего сиятельства на многие лета» (ОР РГБ. К. 76. Ед. хр. 46. Л. 1).
- ³³⁴ Имеется в виду Александровский (бывший Царскосельский) лицей в Петербурге.
- ³³⁵ Чаир – горный сад, луг; впоследствии так называлось имение вел. кн. Николая Николаевича, славившееся парком с уникальной коллекцией роз. Подробнее см.: Романовы и Крым. М., 1993. С. 139.
- ³³⁶ Кавалерские флигели (или корпуса) – служебные здания при Большом Кремлевском дворце, располагавшиеся между Потешным и Теремным дворцами. Построены в 1817–1819 гг. архитектором В.П. Стасовым. В XIX – начале XX в. в них располагалась сопровождавшая императора свита. С весны 1918 г. в Кавалерских корпусах разместились лидеры большевиков В.И. Ульянов (Ленин), Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин и др. В одном из корпусов тогда же находилась тюрьма для особо важных заключенных. В 1959–1960 гг. при строительстве Дворца съездов два Кавалерских флигеля были снесены, сохранился лишь тот, где весной 1918 г. находилась первая кремлевская квартира Ленина. Подробнее см.: *Михайлов К.* Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 266–273.
- ³³⁷ Нескучный (Александринский) дворец, примыкающий к Нескучному саду, был построен в 1756 г. архитектором П. Иестом для П.А. Демидова, а в 1839 г. выкуплен Николаем I и перестроен архитекторами И.Л. Мироновским и Е.Д. Тюриным. В конце XIX – начале XX в. в нем находилась резиденция московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. С 1935 г. в здании размещался президиум академии наук СССР.
- ³³⁸ Адреса московского дворянства и земства Николаю II по случаю открытия в Москве памятника Александру II см.: Московские ведомости. 1898. 17(29) августа.

- ³³⁹ Московский кафедральный Чудов (Алексеевский – Архангело-Михайловский) монастырь, основанный в 1357 г., находился в Кремле, около Малого дворца, на месте бывшего ханского конюшенного двора, подаренного митрополиту Алексию (Бяконту) ханом Джанибеком. Обитель всегда находилась в ведении московских митрополитов и патриархов. В конце XIX в. она включала церкви Чуда Архистратига Михаила, святителя Алексия, Благовещения Пресвятыя Богородицы и св. апостола Андрея Первозванного. В 1929–1931 гг., несмотря на неоднократные протесты реставраторов, монастырь был уничтожен большевиками. Подробнее см.: *Михайлов К.* Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 77–135.
- ³⁴⁰ Генерал-майор Д.А. Милютин был зачислен в Свиту 17 апреля 1855 г. «Награда, которой я удостоен 17 апреля, – вспоминал он позднее, – была для меня совершенно неожиданна. Я был так мало к ней подготовлен, что накануне вечером, когда фельдъегерь от военного министра вручил мне конверт с извещением о царской милости, жена моя чуть не заплакала, вообразив себе, что новое звание оторвет меня навсегда от той скромной, замкнутой жизни, с которой привыкли мы связывать наше семейное счастье. Опасение это, конечно, было напрасное: ни служебные мои занятия, ни образ жизни нисколько не изменились. Крайне редкие дежурства при особе Государя, которыми ограничивалась вся служба по Свите Его Величества, составляли, можно сказать, лишь почетную обязанность» (*Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 352–353). О назначении Д.А. Милютина товарищем военного министра подробнее см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 435–440, 463–478.
- ³⁴¹ Кремлевский собор Преображения (или Спаса на бору) был, по утверждению Н.М. Карамзина, древнейшей церковью Москвы. По преданию деревянная церковь была построена на Боровицком холме еще князем Даниилом Александровичем. По Пискаревскому летописцу, собор был заложен 10 мая 1330 г., став четвертой по времени основания каменной церковью Москвы. В XIV–XIX вв. он неоднократно перестраивался и реставрировался. В 1817 г. его приписали к дворцовому храму Спаса Нерукотворного. После 1917 г. службы в нем прекратились, в 1932–1933 гг. собор был разрушен большевиками. Царские врата Спасского иконостаса (XVI в.) сохранились в Церкви Ризоположения в Кремле, храмовая икона Преображения находится в Оружейной палате. Подробнее см.: *Михайлов К.* Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 51–76.
- ³⁴² 16 августа 1898 г. Николай II записал в дневнике: «Чудный, но тяжелый день. В 10½ ч. собрались наверху в зеленой гостиной и пошли выходом в Успенский собор. После архиерейской обедни прошли чрез Чудов монастырь в Николаевский дворец, где был фамильный завтрак. Я вышел, чтобы обойти войска; были взводы от всех гвардейских ча-

стей и от шефских армейских *Аннапа*. В 2 часа шествие вышло на площадь и направилось к *памятнику*; статуя была еще завешана. Перед “вечной памятью” я сошел с помоста и скомандовал всем войскам “на караул”. В это время занавесь упала и предстала великолепная бронзовая статуя Аннапа. Минута была чрезвычайно трогательная и величественная. Осмотревши памятник со всех сторон и пройдя вокруг галереи, стал во главе войск пред д[ядей] Сергеем, который командовал парадом. Прошел церемон[иальный] марш перед памятником Аннапа. В 3¼ все торжество было окончено. Из комнат своих вышли на двор у Спаса на Бору к обеду волостных старшин и отставных георгиевских кавалеров. В 4 ч. могли наконец отдохнуть у себя. Пили чай и затем я читал. В 8 ч. был парадный обед в Георгиевской зале и длинные разговоры с бывшими Свиты Аннапа» [Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 426].

15 сентября 1898 г. Д.А. Милютин делился с Б.Н. Чичериным «тем отрядным чувством, которое довелось мне испытать на старости лет, в качестве одного из старейших представителей достопамятной эпохи великих реформ царствования Александра II, на торжестве 16 августа»: «Да, в том именно и заключалось значение этого торжества, что оно было официальным, всенародным воздаянием <...> достодолжной справедливости той славной эпохе, так бессмысленно и нагло опороченной в последующее время. Признаюсь, мне было утешительно видеть в массе публики, военной и невоенной, приветствовавшей меня по случаю получения мною награды, выражение искреннего сочувствия, не ко мне лично, а к тому прошлому, которое вспоминалось в моем лице» (ОР. РГБ. Ф. 334. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 17–17 об.)

³⁴³ Имеется в виду София, жена наследного принца Константина, урожденная принцесса Прусская.

³⁴⁴ Высочайший рескрипт о пожаловании Д.А. Милютину чина генерал-фельдмаршала с собственноручной подписью императора: «Искренно уважающий Вас и искренно благодарный Николай. 16 августа 1898» см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 84. Ед. хр. 47. Л. 15–17 об.

³⁴⁵ В 1860–1861 гг. по инициативе кн. В.Ф. Одоевского и Н.В. Исакова было решено перевести из Петербурга в Москву музей, основанный графом Н.П. Румянцевым. 19 июня (1 июля) 1862 г. Александр II подписал «Положение о Московском публичном музееме и Румянцевском музееме», согласно которому в него должен был поступать обязательный экземпляр всех издаваемых в России произведений печати. В 1869 г. был утвержден и Устав музеев. Первоначально музеем, располагавшийся в Доме Пашкова, состоял из 8 отделений (рукописей и редких книг, печатных книг, изящных искусств и древностей, христианских древностей, а также минералогическое, зоологическое, этнографическое, нумизматическое), в дальнейшем его структура, названия отделений и самих музеев не раз изменялись. С 31 декабря

1894 г. покровителем музеев являлся Николай II. В 1921–1927 гг. расформирован. Подробнее см.: На благое просвещение: к 250-летию со дня рождения графа П.Н. Румянцева. Альбом-каталог. Ч. 1–2. М., 2004–2005; *Молчанов В.Ф.* Государственный канцлер России Н.П. Румянцева. М., 2004; *Иванова Е.А.* Московский публичный и Румянцевский музей // Эра Румянцевского музея. Картинная галерея: Из истории формирования собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2010. С. 11–79; *Автономова Н.Б.* Государственный Румянцевский музей в 1917–1924 годы // Там же. С. 80–99.

³⁴⁶ Московский Главный архив Министерства иностранных дел (до 1832 г. – Московский государственной коллегии иностранных дел архив) – старейший архив России, учрежденный 5 августа 1724 г. при Московской конторе Коллегии иностранных дел. В него были переданы документы Посольского приказа, включавшие материалы великокняжеского и царского архива XV–XVI вв. С 1868 г. размещался в доме Нарышкиных на Воздвиженке (в настоящее время на этом месте находятся корпуса Российской государственной библиотеки), в 1922 г. переведен в здание бывшего московского архива Министерства юстиции на Девичьем поле, где теперь располагается и хранит его документы Российский государственный архив древних актов. Подробнее см.: *Автократова М.И., Буганов В.И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 25–48; *Автократова М.И., Долгова С.Р.* К 260-летию создания Московского главного архива МИД // Советские архивы. 1984. № 4. С. 39–41 и др.

³⁴⁷ 19 августа 1898 г. Николай II отмечал в дневнике: «Около 10 час. поехал с д[ядей] Сергеем в Архив Мин[истерства] иностр[анных] дел. Осматривал его с большим удовольствием. Затем посетил новый Исторический музей, где увидел проект памятника папа, сделанный Опекушиным. Оттуда вернулись в Кремль с Аликс. В 12½ отправились на жел[езную] дор[огу], где семейство и все другие собрались проститься» (Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 427). Вел. кн. Сергей Александрович также ничего не сообщает в своем дневнике о посещении Румянцевского музея Николаем II [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 440], очевидно Д.А. Милютин ошибся, спутав его с Историческим.

³⁴⁸ 10 сентября 1898 г. Николай II записал в дневнике: «После завтрака поехал с Мейендорфом в Симеиз к графу Милютину. Оттуда доехали до Алупки» [Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 432].

³⁴⁹ Имеется в виду мать вдовствующей императрицы Марии Федоровны королева Дании Луиза (Вильгельмина-Фредерика-Каролина-Августа-Юлия).

- ³⁵⁰ Великая княгиня Милица Николаевна, с детства проживавшая с сестрами в России, окончила в Петербурге Смольный институт благородных девиц.
- ³⁵¹ Как вспоминал позднее вел. кн. Александр Михайлович, его двоюродный брат «Петр Николаевич вел скромный образ жизни в рядах офицеров л.-гв. Драгунского полка»: «Его серьезная болезнь – туберкулез легких – заставила его жить продолжительное время в Египте. Он бросил службу и начал заниматься архитектурой. Это был застенчивый молчаливый человек, и разговоры его за семейным столом поддерживались его супругой, великой княгиней Милицей Николаевной (дочерью князя Николая Черногорского). Милица и ее сестра Стана (супруга Николаши [вел. кн. Николая Николаевича (младшего). – *Прим. публ.*]) имели дурное влияние на Императрицу. Суеверные, простодушные, легко возбудимые, эти две черногорские княжны представляли собою легкую добычу для всякого рода заезжих авантюристов» (Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 2004. С. 141).
- ³⁵² Для каждого императорского ордена был установлен особый праздник в день того святого, в память которого он учреждался.
- ³⁵³ Осенью 1898 г. императрица Александра Федоровна была беременна 3-й дочерью – великой княжной Марией Николаевной, родившейся 14 июня 1899 г.
- ³⁵⁴ Еще в мае 1898 г. в «Иностранном обозрении» «Вестника Европы» отмечалось, что «война между великою северо-американскою республикою и какою-либо из европейских держав казалась еще недавно чем-то совершенно невероятным и фантастическим»: «...Американские Соединенные Штаты были до сих пор свободны от военных увлечений и не обнаруживали склонности к предприимчивой внешней политике; и первый опыт их в этом роде тем более поразителен, что и в старой Европе вышли уже из моды внезапные войны между культурными державами». В либеральном журнале не без наивности утверждалось, что «американцы поступили по образцу европейцев прежних поколений, а не современных; в наше время едва ли какая-либо из великих европейских наций предприняла бы войну с такою беспринципною легкостью, как это сделало правительство Соединенных Штатов по отношению к Испании» (Вестник Европы. 1898. № 5. С. 379, 386–387).

В середине 1890-х гг. экспансионистские настроения в правящих кругах США заметно усилились. В 1897 г. один из лидеров и идеологов экспансионистов, Т. Рузвельт, грозивший Англии завоеванием Канады в случае ее вмешательства в определение границ Венесуэлы, стал заместителем военно-морского министра. В том же году ему удалось убедить президента аннексировать Гавайские острова и на-

чать подготовку к отправке экспедиционного корпуса на Кубу (еще в 1896 г. воевавшие с испанцами кубинские повстанцы были признаны конгрессом США воюющей стороной). После ряда провокаций 20 апреля 1898 г. президент У. Мак-Кинли, опираясь на резолюцию конгресса, предъявил Испании ультиматум, потребовав отказаться от власти над Кубой и вывести с острова войска. Вскоре начались боевые действия, но уже в июле, потерпев поражение в Карибском море и на Тихом океане, Мадрид вынужден был пойти на переговоры, завершившиеся 10 декабря 1898 г. подписание Парижского мирного договора. В соответствии с ним Испания отказывалась от своих прав на Кубу, острова Вест-Индии и о. Гуам, а также продавала США за 20 млн долларов Филиппинские острова. Подробнее см.: История США. Т. 2. М., 1985. С. 165–173; *Уткин А.И.* Теодор Рузвельт: Политический портрет. Свердловск, 1989. С. 72–92.

³⁵⁵ С августа 1898 г. в дипломатических кругах обсуждалась программа Первой Гаагской конференции мира, созванной по инициативе России в мае 1899 г. и рассматривавшей меры для предупреждения вооруженных столкновений между народами и облегчения бремени, связанного с ростом военных бюджетов. В конференции участвовали представители 27 стран (включая все великие державы, США, Японию и др.), подписавшие конвенции о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях войны, о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г., а также ряд деклараций. Подробнее см.: *Мартенс Ф.Ф.* Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. № 3. С. 5–28.

³⁵⁶ Николин день – день памяти святителя Николая Чудотворца, именины Николая II.

³⁵⁷ В подлинник своего дневника Д.А. Милютин вложил вырезанную из газеты «Русский инвалид» статью «Относительно предстоящего изменения устава о воинской повинности в Финляндии», опубликованную 7 октября 1898 г. На вырезке Милютин сделал карандашом пометку «NB» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 5. Ед. хр. 39).

³⁵⁸ Историю составления финляндского устава о воинской повинности подробно осветил в своем всеподданнейшем докладе 22 мая 1898 г. А.Н. Куропаткин (печатный оттиск его сохранился в библиотечном фонде РГБ). После того как в 1870 г. было принято решение о введении всесословной воинской повинности в России, Александр II поручил финляндскому генерал-губернатору гр. Н.В. Адлербергу подготовить соответствующий законопроект и для Великого княжества Финляндского. Месяц спустя, 12 февраля 1871 г., Д.А. Милютин составил записку, в которой формулировались основные положения будущего устава, полностью исключавшие создание обособленной финляндской армии. Записка тогда же была одобрена Александром II.

Военный министр настаивал также, чтобы устав о воинской повинности в Финляндии был введен императором без участия сейма. Однако гр. Н.В. Адлерберг, угрожая отставкой, настоял на вынесении данного вопроса на рассмотрение земских чинов. В результате заседавшая в Гельсингфорсе Особая комиссия, включавшая представителей всех сословий Финляндии, составила проект, игнорировавший волю императора и мнение военного ведомства. Характеризуя его в своем официальном отзыве 21 января 1876 г., Милютин прямо указывал, что речь идет о попытке узаконить «существование в пределах империи совершенно отдельного самостоятельного войска, которое не будет иметь ничего общего с русскими войсками, т. е. с армией того государства, в политический состав которого входит Великое княжество». Тем не менее сейм 1877–1878 гг. одобрил проект, предусматривавший, что финляндские войска служат лишь для защиты Великого княжества и подчиняются исключительно его властям. Передавая на заключение сеймовый проект устава и поддерживавшее его мнение сената Финляндии, статс-секретарь барон Э.К. Шернваль-Валлен, как отмечал Куропаткин, «сообщил гр. Милютину, что сейм просит о внесении в устав необходимых изменений через 10 лет, почему военный министр смотрел на весь устав, как на временное законоположение и в виду этого обстоятельства высказался за его утверждение», тогда как «на самом же деле ходатайство сейма о причислении некоторых параграфов к разряду основных законов Финляндии, превращало часть Устава в самый постоянный, самый устойчивый и неизменный закон, каковое обстоятельство осталось совершенно неизвестным гр. Милютину». По-видимому, на отношение к данному вопросу повлияла и напряженная международная обстановка 1878 г., и малочисленность финляндских войск (5 тыс. человек). Любопытно, что в 1878 г. Д.А. Милютин вовсе не упоминал об этом деле в своем дневнике. 6 декабря 1878 г. Александр II утвердил закон о всеобщей воинской повинности в Великом княжестве, в 1881 г. он вступил в силу. Когда же «десятилетний опыт применения устава подтвердил опасность гр. Милютина», П.С. Ванновский в 1891 г. поднял вопрос о его изменении и составлении нового проекта, над которым в Главном штабе работали до 1898 г. В соответствии с ним финляндские войска соединялись с императорской армией и подчинялись не местному сенату, а военному министру России. Новый Устав о воинской повинности в Финляндии Николай II подписал 29 июня 1901 г. Подробнее см.: Материалы по вопросу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском. СПб., 1905; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – начало 1873. М., 2006. С. 358–361; *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время императора Александра II. СПб., 1908. С. 378–392; *Он же.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрíkова. СПб., 1905. С. 77–97; *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического

развития Финляндии (50–70-е гг. XIX в.). Л., 1979. С. 96–99; *Он же*. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982. С. 47–55.

³⁵⁹ Очевидно, Д.А. Милютин имеет в виду немецкое издание мемуаров: *Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismark*. Stuttgart, 1898.

В подлиннике дневника упомянутая Д.А. Милютиным вырезка из «*Journal des Debats*» отсутствует.

В свои воспоминания о заключении Тройственного союза кн. О. Бисмарк включил письмо, отправленное им 10 сентября 1879 г. из Гаштейна баварскому королю. В нем, в частности, Бисмарк писал: «...стремления России по-прежнему остались беспокойными и воинственными; влияние панславистского шовинизма на настроения императора Александра усилилось, и вместе с серьезной, по-видимому, немилостью к графу Шувалову, император осудил и его дело – Берлинский конгресс. Руководящим министром, если таковой вообще имеется в настоящее время в России, является военный министр Милютин. По его требованию теперь, после заключения мира, последовали громадные вооружения, хотя России в настоящее время теперь никто не угрожает... Военный министр откровенно заявил, что России надобно готовиться к войне «с Европой»» (*Бисмарк О. Мысли и воспоминания*. Т. II. М., 1940. С. 216).

В этом же письме германский канцлер убеждал Людвига II, что «европейские затруднения, с которыми Россия может встретиться на этом пути, не могут испугать таких министров, как Милютин или Маков, если справедливы опасения консерваторов России, что партия движения (*Bewegungspartei*), стараясь втянуть Россию в тяжелые войны, стремится не столько к победе России над границей, сколько к перевороту внутри России» (Там же). Трудно сказать, что именно заставило Бисмарка отнести министра внутренних дел Л.С. Макова, придерживавшегося достаточно консервативных взглядов, к некоей «партии движения» (само это выражение скорее напоминает о Франции начала 1830-х, нежели о России конца 1870-х годов). Тем более что никакого влияния на формирование русской внешней политики он не оказывал. Пожалуй, единственное, что объединяло Д.А. Милютина, Л.С. Макова, а также прежнего министра внутренних дел А.Е. Тимашева (ближайшим помощником которого в 1870-е гг. и являлся Маков) – это критическое отношение к привилегиям и особому положению Остзейского края. Возможно, именно это и заставляло подозревать их в антинемецких настроениях. Впрочем, нельзя исключать и того, что Бисмарк попросту запугивал баварского короля, ссылаясь на имя сравнительно малоизвестного русского сановника.

³⁶⁰ Павловское военное училище было образовано в 1863 г. из специальных классов Павловского кадетского корпуса, дополненных вос-

питанниками других корпусов. Первым его директором стал последний начальник Павловского кадетского корпуса П.С. Ванновский. С 1864 г. шефом училища являлся Александр II (вторым шефом с 1874 г. был цесаревич вел. кн. Александр Александрович), с ноября 1894 г. – Николай II. В училище принимались выпускники военных гимназий (затем – кадетских корпусов) и средних учебных заведений, не моложе 16–17 лет. Курс обучения занимал два года и включал как общеобразовательные, так и специально-военные дисциплины (основное внимание уделялось тактике, артиллерии, фортификации, военной истории, топографии, администрации и законоведению). Право преподавать в училище военные предметы предоставлялось офицерам Генерального штаба и выпускникам Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной академий. Большое значение придавалось физической и строевой подготовке воспитанников, навыкам верховой езды, фехтования, стрельбы, гимнастике и танцам. Подробнее см.: *Петров А.Н.* Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома. СПб., 1898; *Н.Р.* Павловское военное училище. 1863–1898. СПб., 1898.

³⁶¹ Отношение министра императорского двора барона В.Б. Фредерикса (№ 11679), направленное 30 декабря 1898 г. Д.А. Милютину вместе с фельдмаршалским жезлом, см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 70. Ед. хр. 1. Л. 1–1 об.

³⁶² Отправляя 24 января 1899 г. Д.А. Милютину III том книги М. Буша, П.А. Сабуров в сопроводительном письме особо обращал его внимание на опубликованные в ней на с. 257–289 письма Вильгельма I к кн. О. Бисмарку. «В конце книги, – отмечал он, – также интересно видеть, каким образом Бисмарк писал свои мемуары» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 24. Л. 4). «Касательно же вышедших записок самого Бисмарка, я несколько разочарован, – признавался Сабуров Милютину еще 30 декабря 1898 г. – Это уже не первый пример, что великий политический деятель оказывается весьма посредственным историком. Там для меня интересна только одна глава, касательно будущей германской политики по вопросу о занятии Россией Константинополя. В этом его мысли не изменились со времени моих с ним разговоров. Впрочем, с новым поворотом нашей политической деятельности, вопрос этот, кажется, сделался более вопросом прошедшего, нежели будущего» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 23. Л. 2–3).

Хотя Сабуров сразу же предлагал «не затрудняться возвратом этой книги, так как она мне вовсе не нужна», Милютин уже 13 февраля отправил ее обратно. При этом издание характеризовалось им как «чрезвычайно интересная книга, драгоценный материал для будущего историка» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 20). Упомянув о своем долгом разговоре с Вильгельмом I в Александрове в 1879 г., Милютин

вспоминал: «Разговор этот был тогда же записан мною по горячим следам, хотя и не во всей полноте; но то именно, что составляло существенное содержание его, император не счел нужным сообщить своему канцлеру. Как военный, я мог говорить с полною откровенностью, а император выслушивал с необыкновенным добродушием, и только по временам прерывал меня, как бы оправданием образа действий Берлинского кабинета... Император Вильгельм простился со мною чрезвычайно любезно, хотя, может быть, и не было полной искренности в его благоволении. Но все эти беседы и объяснения были, как об стену горох. Вам лучше, чем кому-либо памятно, как тогда велась политика Германии помимо старика-императора. Последовавшие потом Ваши переговоры прямо с Бисмарком выказали наглядно, что прежние дружественные отношения между Берлином и Петербургом, благодаря личным, совершенно субъективным побуждениям железного канцлера, расторгнуты бесповоротно» (Там же. Л. 20–22).

Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. М., 2010. С. 81–86. Сделанный кн. Е.Д. Шаховской перевод фрагмента книги «Bismark: Some secret pages of his history, by D-r Morits Busch» (Vol. III. London, 1898. P. 257–289) см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. М., 2010. С. 505–528).

³⁶³ Подписанный Николаем II 3 февраля 1899 г. манифест, объявлявший об утверждении «Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского» см.: ПСЗ-III. Т. XIX. Отд. 1. СПб., 1902. № 16447. Манифест оставял в силе «существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд Финляндского края относящихся», общеимперские же законы, действующие в том числе и в Финляндии, должны были до их утверждения императором рассматриваться Государственным советом при участии финляндского генерал-губернатора, министра статс-секретаря Великого княжества, «а также тех сенаторов Императорского Финляндского Сената, кои по Высочайшему избранию будут особо к тому назначены». В Государственный совет также вносились заключения финляндского сената и сейма, если рассматриваемый вопрос, согласно законам Великого княжества, входил в их компетенцию.

Основные положения готовились с начала 1890-х гг. в Особых совещаниях под председательством Н.Х. Бунге и вел. кн. Михаила Николаевича. Подробнее см.: *Бородкин М.М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрíkова. СПб., 1905. С. 98–104; *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982. С. 29–47.

³⁶⁴ После длительного романа кн. А.И. Барятинский женился на Е.Д. Давыдовой (урожденной кн. Орбельяни) – получившей развод жене полковника В.А. Давыдова, служившего ранее при фельдмаршале на

Кавказе. Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 124, 205; *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С. 183–189.

³⁶⁵ Еще 30 декабря 1898 г. П.А. Сабуров с беспокойством обращал внимание Д.А. Милютина на «положение Франции»: «Оно меня беспокоит не столько ввиду наших союзных с нею отношений, сколько в виду других случайностей. Там полная правительственная анархия; и Англия этим дерзко пользуется, чувствуя свою силу. Уже в вопросе о Фашоде Франция доказала свою дипломатическую несостоятельность». «Говорят, – добавлял Сабуров, – готовится переворот в смысле военной диктатуры; называют генерала Галлиени, бывшего начальника Мадагаскарской экспедиции. Все будет лучше настоящей анархии, где внешней политикой орудуют бессильные руки». Он допускал, что «под влиянием нового дипломатического поражения может завязаться война, последствием которой будет уничтожение французского флота; и всякая возможность морского равновесия между Англией и другими державами надолго исчезнет». Но больше всего его страшило возможное «примирение французского народа с Германией» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 23. Л. 2–3). 13 февраля 1899 г. Д.А. Милютин писал П.А. Сабурову: «Сердце обливается кровью, когда вдумываешься в теперешнее состояние бедной Франции. Она в болезненном пароксизме, который может иметь исход крайне опасный» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 22).

³⁶⁶ 8 февраля петербургские студенты обычно шумно праздновали годовщину основания университета. Так, в 1898 г. около 700 студентов, прорвав полицейское ограждение, вышли на Невский проспект и орали «Дубинушку». Николай II, беспокоившийся о самочувствии жены, которая, вынашивая третьего ребенка, сильно простудилась, приказал министру внутренних дел И.Л. Горемыкину не допускать никакого шума около дворца. Еще 1 февраля ректор университета проф. В.И. Сергеевич и градоначальник столицы Н.В. Клейгельс в специальном объявлении предупредили студентов о недопустимости нарушения порядка. Когда 8 февраля 1899 г. толпа подгулявших студентов после безобразной выходки на годичном акте (где освистали и согнали с трибуны ректора) двинулась с пением «Марсельезы» и «*Gaudeamus igitur*» в центр города, полиция не допустила ее на Дворцовый мост. Затем студентов не пустили и на Николаевский мост. Молодежь вела себя агрессивно, полицейским пришлось применить нагайки. 9–10 февраля состоялись сходки, в которых приняли участие 2–2,5 тыс. студентов, протестовавших против примененного к ним насилия и объявивших Петербургский университет закрытым. 11 февраля началась «забастовка», в ходе которой студенты, преимущественно младших курсов, вламывались в университетские аудитории и срывали проходившие там занятия, требуя «уважать волю большинства».

На следующий день забастовка охватила уже 17 высших учебных заведений Петербурга, а во второй половине месяца распространилась и на остальные, включая духовную академию и некоторые военные училища. Тогда же она перекинулась и на другие города (забастовщики направляли делегатов в Москву, Киев, Харьков, Одессу). Несмотря на постоянную борьбу между сторонниками и противниками возобновления занятий, беспорядки продолжались до конца апреля. Тем не менее 4 марта желающие получили возможность приступить к занятиям. 17 марта министр народного просвещения Н.П. Боголепов распорядился уволить из Петербургского и Московского университетов всех активных участников забастовки (каковых насчитывалось несколько тысяч). Только из Москвы было выслано 2160 студентов.

Тем временем «студенческая история» получила большой резонанс в правящих кругах империи. Первоначально сановники были настроены по отношению к участникам волнений довольно решительно. Однако уже в середине февраля, когда выяснилось, что вдовствующая императрица Мария Федоровна, вел. кн. Ксения Александровна и вел. кн. Александр Михайлович открыто защищают перед императором пострадавшую от полиции молодежь, настроения стали меняться. С.Ю. Витте решил, воспользовавшись ситуацией, дискредитировать Боголепова и Горемыкина (державшихся в правительстве достаточно независимо). Ему удалось убедить Николая II назначить расследование причин студенческих беспорядков. 17 февраля руководить расследованием было поручено П.С. Ванновскому. Забастовщики восприняли подобные действия власти как свою победу, что придало волнениям новый импульс. Тогда Витте, ко всеобщему изумлению, вновь начал настаивать на строгом наказании их участников.

«Здесь общее внимание погружено студенческой историей, – писал 25 февраля Д.А. Милютину из Петербурга П.А. Сабуров. – Все общество возмущено полицейскими распоряжениями. Государь поручил Ванновскому сделать расследование о происшедшем. В числе пострадавших от нагаек студентов находился один американский подданный, который обратился с жалобой к своему посольству. Говорят уже об отставке городоначальника и министра народного просвещения» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 24. Л. 5).

Подробнее см.: Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899. Лондон, 1900; Доклад комиссии московских профессоров. Лондон, 1900 (2-е изд.: СПб., 1901); *Иорданский Н.И.* Миссия П.С. Ванновского (из воспоминаний о студенческом движении 1899) // *Былое*. 1907. № 9(21); *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 131–139; *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 30–38; *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой–весной 1899 года // *Российская история*. 2012. № 1. С. 59–68.

³⁶⁷ Б.Н. Чичерин передал Д.А. Милютину через княжну Трубецкую написанное 7 марта 1899 г. письмо, в котором излагал «безотрадное и удручающее впечатление», вынесенное из поездки в Петербург. «Ни одной живой мысли, ни одного бескорыстного чувства, ничего, кроме личных расчетов и полного хаоса понятий, я там не встретил, – сетовал Борис Николаевич. – Один человек, который прежде производил на меня впечатление живого и сильного, хотя весьма не подготовленного ума, С.Ю. Витте, в нынешний проезд представился мне с весьма невыгодной стороны. Он представил совершенно невежественную и раболепную записку о несовместимости земских учреждений с самодержавием, и защищал эту тему так, что я не могу верить, чтобы он, при своем уме, мог действительно это думать». Чичерина также смутило, что Витте «восторженно прочил в министры в[нутренних] д[ел] Сипягина», о котором еще в 1898 г. рассказывал анекдоты, обличающие всю низость его образа мыслей». Кроме того, министр внутренних дел «самым иезуитским образом толковал манифест о Финляндии, уверяя, что этим вовсе не нарушается финляндская конституция». Манифест 3 февраля 1899 г. произвел на Чичерина «тяжелое впечатление». «Так попирать ногами торжественно утвержденные права и с высоты престола данные обещания, и притом без всякого повода, – негодовал он, – это нечто неслыханное. Мне было стыдно и больно за отечество. Ничего, кроме притеснения, оно не приносит соединенным с ним племенам. Теперь можно пройти всю русскую землю, от Колы до Арарата, и не встретить ни одного отрадного явления и ни одного довольного человека; а тут был уголок, в котором люди жили благополучно, довольные своею судьбою и своими учреждениями; надобно же было все это раздавить, как раздавлено у нас все». По мнению ученого либерала, «никакие военные соображения, во всяком случае весьма второстепенные при сравнении Финляндии с Россией, не могут перевесить первой потребности русского государства – не делать себе врагов из подвластных народностей, и равно и того неизмеримого зла, которое проистекает из легкомысленного презрения к собственному царскому слову». Любопытно, что о позиции самого монарха в Петербурге ходили взаимоисключающие слухи. Одни уверяли, будто «на представлении финляндского статс-секретаря Прокопе о том, что новые правила противоречат финляндской конституции, была сделана надпись: “Пора забыть старые законы”». По словам других, «Прокопе представил отзывы немецких газет, в которых доказывается, что этот манифест есть клятвopеступление», и «тогда будто бы Государь заплакал и сказал: “Меня три юриста уверяли, что этим вовсе не нарушается конституция”». «Несчастливого молодого человека, вовсе не подготовленного к правлению и не имеющего ни малейшего понятия о делах, обманывают со всех сторон без всякого зазрения совести», – заключал Чичерин (ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Ед. хр. 54. Л. 1–3). Между тем едва ли эти рассказы соответствовали действительности.

Судя по дневнику Николая II, зимой 1898/99 гг. он с большим энтузиазмом работал над финляндскими делами вместе с Н.М. Бобриковым и В.Б. Прокопе, и описанные Чичериным сцены были практически невозможны [Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1. М., 2011. С. 449–457].

В студенческих волнениях Чичерин отмечал «и бестактность университетского начальства, и наглость полиции, и не знающий границ произвол, и господствующий у нас хаос понятий»: «С одной стороны, сотнями исключают и высылают молодых людей без всякого суда, даже их не допросивши; с другой стороны, убоявшись дружных манифестаций, всех их опять возвращают назад и разрешают им не только сходки, но и целую организацию с парламентскими прениями, с подачею голосов и с выбором исполнительного комитета». «Министр нар[одного] пр[освещения], – писал один бывший московский профессор о другом, – оказался несравненно ниже того, что могли ожидать от него те, которые, не высоко ставя его способности, ценили его честность. Его отсутствие на университетском акте было справедливо сочтено непозволительною трусостью». При этом Чичерин видел, что «в Петербурге все высшее общество и даже великие князья стоят за студентов, которые сознали свою силу и торжествуют победу»: «Профессорская коллегия совершенно раздавлена уставом 1884 года; назначаемые правительством власти оказались ниже всякой критики, а молодежь научается путем манифестаций вынуждать свои, в существе дела весьма справедливые требования об ограждении личности от произвола. Но как удовлетворить этим требованиям, когда личность нигде не ограждена и повсюду царит один произвол?» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Ед. кр. 54. Л. 3–4).

Заканчивалось письмо драматически. «Куда это мы идем, Дмитрий Алексеевич? – вопрошал Чичерин. – И что сулит будущее нашему бедному отечеству? Наверху совершенно неспособные лица, правительство, состоящее из людей, преследующих только личные цели, равнодушное и раблепное общество, наконец, революционная молодежь и нищенствующее крестьянство; что может выйти из таких элементов?». Далее следовали слова, воспроизведенные Милютиным в дневнике, после чего Чичерин вновь жаловался на преследующие его «даже в деревенской глуши» «гнусные деяния не только администрации, но и суда». В частности, он возмущался «судебным убийством, совершенным Тамбовским окружным судом, который приговорил к лишению всех прав состояния двух ни в чем не повинных сектантов» (Там же).

Отвечая Б.Н. Чичерину 1 апреля 1899 г., Д.А. Милютин признавался, что не мог «не поддаться тому удручающему впечатлению, которое произвело на Вас недавнее посещение Петербурга», однако отказывался «в письме (по почте) войти в какие-либо суждения по существу дела». «Скажу только, – добавлял он, – что все, что навело на Вас та-

кое грустное настроение, на мой взгляд, не представляет ничего нового, для нас неожиданного; ко всему этому мы уже давно подготовлены. Конечно, это неутешительно, и то заключение, к которому Вы пришли в конце Вашего письма, нахожу я совершенно верным. К нему пришел я уже давно и даже осуществил его на деле. Оно-то в собственных моих глазах и оправдывает ту пассивную бездейственную жизнь, на которую я обрек свои старческие годы» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 55. Ед. хр. 63. Л. 3).

³⁶⁸ В 1896–1898 гг. на основании императорских пометок на губернаторских отчетах и особого поручения Государственного совета в Министерстве внутренних дел разрабатывался проект введения земских учреждений в Западном крае, а также Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях. Отношение к нему как в печати, так и в правительственных сферах было неоднозначным. Намерения министра внутренних дел резко критиковались в «Московских ведомостях», против его предложений высказались министр юстиции Н.В. Муравьев, министр народного просвещения Н.П. Боголепов и обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев, прямо заявивший в своем отзыве, что «наше население не подготовлено к самоуправлению». В этих условиях С.Ю. Витте решил, обострив обсуждение вопроса, добиться отставки И.Л. Горемыкина, рассчитывая в дальнейшем распространить влияние Министерства финансов на Министерство внутренних дел.

22 апреля Горемыкин направил на заключение Витте проект представления в Государственный совет о введении земских учреждений в Архангельской губернии. Выждав до 9 декабря, Витте выступил против намеченной реформы, настаивая на «нежелательности территориального расширения земских учреждений». Обосновывая свою позицию, он составил и широко распространил в декабре 1898 г. «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений», в которой утверждалось, что «самоуправление не соответствует самодержавному строю государства», а «строю русского государственного управления, до введения земских учреждений, были чужды начала самоуправления». Критикуя земство, Витте указывал, в частности, и на то, что руководство народными школами, находящимися в ведении как земских управ, так и духовного ведомства, неэффективно и обременительно для крестьян. В 1899 г. он заявлял на официальных совещаниях, что «ему безразлично, будут ли отобранные у земства школы церковно-приходскими или министерскими, лишь бы они были государственными». Еще с 1896 г. при поддержке Витте и Т.И. Филиппова было значительно расширено финансирование церковно-приходских школ.

Подробнее см.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. М., 1984. С. 93–107; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 100–104; Власть и реформы: От самодер-

жавной к Советской России. М., 2006. С. 389–392; *Боголепова Е.А.* Н.П. Боголепов. Записки Е.Б. М., 1912. С. 190, 277–288; *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2003. С. 236–237.

³⁶⁹ Проведя расследование причин студенческих беспорядков, П.С. Ванновский пришел к заключению, что они были фактически спровоцированы неоправданно жесткими действиями полиции. Однако министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, при активной поддержке вел. кн. Сергея Александровича и К.П. Победоносцева, сумел отстоять своих подчиненных и убедить императора в том, что движение изначально являлось антиправительственным. При этом он занял довольно жесткую позицию, не только игнорируя выводы расследования Ванновского, но и представив столичного градоначальника Н.В. Клейгельса к награде. В «правительственных сообщениях», публиковавшихся весной 1899 г., волнения молодежи признавались «политическими», а полицейские меры – «неумелыми» и «несоответственными». Одновременно студентам обещалось снисхождение, а чинам полиции не предъявлялось никаких претензий. Вместе с тем, одержав победу над Ванновским и Витте в «студенческом деле», Горемыкин предельно обострил отношения со вдовствующей императрицей и ее окружением, что, в конечном счете, способствовало его скорой отставке. См.: *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой–весной 1899 года // *Российская история.* 2012. № 1. С. 64–68.

³⁷⁰ По-видимому, речь идет о записке, подготовленной для И.Л. Горемыкина в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел в феврале 1899 г. Ее основная мысль четко формулировалась в названии первого же раздела: «Местное самоуправление как основание государственной администрации России». Подробно доказывая данный тезис, авторы записки ссылались на труды и мнения Б.Н. Чичерина и А.Д. Градовского, А.С. Хомякова и Ю.Ф. Самарина, К.С. и И.С. Аксаковых и даже зачем-то приводили слова из письма К. Маркса к Н.К. Михайловскому. В заключении записки указывалось на необходимость введения земских учреждений для сближения Западного края с внутренними губерниями. Придав служебной записке публицистическую хлесткость, И.Л. Горемыкин тем самым открыто вступил в полемику с декабрьскими «объяснениями» С.Ю. Витте. Именно это, похоже, и нужно было министру финансов, занявшему в споре более выигрышную позицию защитника самодержавия. Возражая Горемыкину, Витте подготовил свою знаменитую «секретную записку», вскоре опубликованную за границей: Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С.Ю. Витте (1899). С предисловием Р.Н.С. [П. Струве]. Печатано «Зарей». Stuttgart, 1901; (2-е изд.: Редакция «Освобождение». С предис-

словием Петра Струве. Stuttgart, 1903).

Подробнее см.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. М., 1984. С. 107–113; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 104–109.

³⁷¹ О Гаагской конференции мира 1899 г. см. коммент. 355.

Еще 13 февраля 1899 г. Д.А. Милютин писал по этому поводу П.А. Сабурову: «Что ожидает Европу в близком будущем, предвидеть трудно; но ожидать можно всего, и притом мало хорошего. Общее положение дел и настроение большей части государств – самое неподходящее к предстоящему открытию конгресса мира» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 22).

³⁷² См.: Коронационный сборник / Сост. под редакцией В.С. Кривенко. Иллюстрирован Н. Самокишем, Е. Самокиш-Судковской и С. Васильковским. С приложением воспроизведений с оригиналов А. Бонуа, В. Васнецова и др. Т. 1. СПб., 1899.

³⁷³ Имеются в виду утвержденные 29 июля 1899 г. Николаем II «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» (ПСЗ-III. Т. XIX. Отд. 1. СПб., 1902. № 17484). В соответствии с ними учащиеся высших учебных заведений, участвовавшие в беспорядках или упорно, по уговору, уклонявшиеся от занятий (а также подстрекавшие к волнениям и забастовкам), если они не могли быть привлечены к судебной ответственности, подлежали «удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности, хотя бы они имели льготу по семейному положению, либо по образованию, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребию номер, освобождающий от службы в войсках» (ст. 1). «Оказавшийся по медицинском освидетельствовании неспособным к службе в строю», зачислялся в войска нестроевым (ст. 8). Решение об удалении студента принимало Особое совещание, создававшееся при каждом высшем учебном заведении из его преподавателей и представителей Министерства внутренних дел, а также военного и судебного ведомств. Оно же определяло и срок воинской службы (от года до трех лет). Председателя Особого совещания назначал министр, в ведении которого находилось данное учебное заведение, он же направлял дела на рассмотрение Особого совещания и окончательно утверждал его решения (ст. 2–6). Военному министру предоставлялось право ходатайствовать об освобождении от воинской службы тех бывших студентов, которые, прослужив год, отличились, по мнению начальства, «одобрительным поведением» (ст. 9). Проступки отбывших военную службу предавались «полному забвению», и они могли вновь поступать в учебные заведения (ст. 10). Данные правила были выработаны в Особом совещании, в состав которого входили Н.П. Боголепов, С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкин, А.С. Ермолов,

А.Н. Куропаткин и управляющий Министерством юстиции П.М. Бутковский. Во время заседаний Куропаткин безуспешно пытался протестовать против превращения войск в арестантские роты. Подробнее см.: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 138; *Орлов В.И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934.

Первая же попытка применить «Временные правила», предпринятая в Киеве зимой 1900/01 гг., вызвала новый всплеск студенческих волнений («вторую всероссийскую студенческую забастовку»). С апреля 1901 г. новый министр народного просвещения П.С. Ванновский добился приостановки действия «Временных правил», и более к ним не прибегали. Летом 1901 г. по случаю рождения великой княжны Анастасии Николаевны более 200 отправленных ранее в войска студентов были освобождены от воинской службы. Подробнее см.: *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 42–60.

³⁷⁴ 19 августа 1899 г. Б.Н. Чичерин писал Д.А. Милютину, возмущаясь несправедливостью и неразборчивостью правительственных мер против студенческих волнений: «Но хуже всего то, что преобразованная русская армия снова превращается в арестантские роты. Мы возвращаемся к худшим преданиям дореформенного времени. И в то время это делалось в исключительных случаях всякий раз по особому Высочайшему повелению. Теперь же это возводится в правило и судьба юношей всецело отдается на произвол министров». Чичерин явно пытался склонить Милютину к открытому выступлению против «Временных правил» 29 июля 1899 г. «Вы совершенно были правы, – отмечал он, – удалившись от среды, в которой возможны такие явления; но иногда думается, что именно в этом случае голос человека, занимающего в русской армии такое положение, как Вы, мог бы иметь вес. Кто же, как не составитель воинского устава, тот, кто возвысил и облагородил русскую армию, мог бы с большим авторитетом вступить за ее честь? Все взоры невольно обращаются к Вам, и многие жалеют о Вашем удалении от дел». «Это, – полагал Чичерин, – может служить Вам некоторым утешением в настоящее печальное время. Тяжело, Дмитрия Алексеевич, жить в такую пору, особенно старикам, которые видели зарю новой жизни и сами прилагали руку к великому делу. Хотелось бы от всего этого отвернуться, а никак нельзя; жизнь вопиет слишком громко» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Ед. хр. 54 Л. 5–6).

Две недели спустя, 2 сентября 1899 г., сожалея о расстроенном состоянии здоровья Милютина, Чичерин вновь пытался склонить его к активным действиям и громким заявлениям. «Еще прискорбнее в общественном отношении, – утверждал он, – то полное изолирование, которому Вы обрекли конец Ваших славных дней. В наше печальное время утешительно думать, что жив еще человек, который может ска-

зять авторитетное слово, ибо я твердо верю, Дмитрий Алексеевич, что слово честного человека, особенно пользующегося заслуженным весом, никогда не пропадет даром, хотя бы из него не вышло немедленного практического результата». « Это убеждение, – признавался Борис Николаевич, – одно поддерживает меня в моей многолетней ученой деятельности. Вы, по крайней мере, имеете сознание, что совершили такое великое дело, которого не уничтожит никакое искажение; а я пятьдесят лет тяну ляжку и не вижу никаких результатов своей работы. Писать книги в России самое неблагодарное ремесло. Напишешь газетную статейку, и об ней кричат; а книги читают разве только некоторые старики, сохранившие привычки книжного времени. Да и господствующие общественные течения вовсе не подходят к моему направлению: с одной стороны, реакция и раболепство, с другой стороны бессмысленные социалистические утопии. Умеренная и разумная мысль в России не находит отзыва. И все-таки продолжаешь тянуть эту ляжку в уверенности, что искреннее и правдивое слово даром не пропадет. В печальном состоянии отечества это – одна услуга, которую могут оказать ему люди, сознающие свое бессилие помочь положению дел» (Там же. Л. 7–8).

Письма Чичерина заставили Милютина подробно изложить свой взгляд на происходящие события: «Вполне сочувствую Вам, дорогой Борис Николаевич, – отвечал он 19 сентября 1899 г., отметив «теперешнее мрачное настроение» Чичерина, – есть отчего придти в уныние и скорбь. Пожалуй, скажут, что в прошлые времена бывало гораздо хуже теперешнего. Да, но в те суровые времена, пережитые прежними поколениями, отчасти и нами самими, переносимые невзгоды облегчались, по крайней мере, надеждами на перемену к лучшему в будущем, верою в исторический прогресс. Теперь же иллюзии потеряны, наступило общее разочарование. Какой перемены к лучшему можем мы ожидать, когда в самом обществе, даже в молодежи, отброшены всякие идеалы и взяли верх узкие эгоистические инстинкты. И не мы одни страдаем этим недугом; такие же грустные симптомы проявляются и в передовых странах Западной Европы. То, что творится во Франции, та пиратская политика захватов, которая вошла в обычай Англии, тот неограниченный милитаризм, который обуял Германию, так же как неожиданный поворот в политике Северо-Америк[анских] Соед[иненных] Штатов, и так далее, до наглого самодурства экс-короля маленькой Сербии – во всем проявляется полное распадение основных понятий права, справедливости, общественной этики, всего, что прежде признавалось и в науке, и в жизни основою цивилизации и общественного строя». «В такую безотрадную эпоху, какую мы теперь переживаем, – констатировал Милютин, – можно ли ожидать полезного действия от какого бы то ни было авторитетного слова. Всякое покушение на подобное воздействие было бы просто донкихотством.

Наоборот, единственное средство, какое еще остается для возможного врачевания общественного недуга это – наука и печатание. Чрез них только может быть дано лучшее направление образованию и воспитанию нашего юношества, отуманенного двумя противоположными, одинаково зловредными течениями: с одной стороны – в семейном быту – ретроградными и эгоистическими вожделениями старшего поколения, с другой – в науке и литературе, – возникающими чуть не ежедневно новыми, большею частью шаткими, умствованиями расплодившихся реформаторов, поколебавших в молодых умах доверие и уважение к настоящей, рациональной науке». «Читающая и любознательная часть нашей молодежи, соблазненная новыми заманчивыми взглядами, иногда крайне рискованными гипотезами, замысловатую диалектикой с новоизобретенным греческим названием, с пренебрежением смотрит на учебник, как на анахронизм, обязательный только для сдачи экзаменов, – сетовал Дмитрий Алексеевич. – Такое воззрение даже поддерживается некоторыми из учителей и профессоров, а доморощенные наши философы открыто проповедают презрение к самой науке вообще».

Милютин признавал, что «серьезные книги находят мало читателей» и даже почти не упоминаются в журналах. Вспоминая «Курс государственной науки» Чичерина, Милютин писал, как не раз желал, читая его, «чтобы такие страницы были прочитаны нашими держащими властями»: «К сожалению, они-то и не читают *книг*, да им и некогда читать». «Вы справедливо замечаете, – соглашался Милютин, – что ныне читают не книги, а только статьи газетные и журнальные. С этим фактом надо помириться и воспользоваться им, как последним остающимся еще средством воздействия на общественное разумение». «Ваши собственные статьи, – напоминал он Чичерину, – появившиеся в последнее время, о дворянстве, о земстве и другие – сколько мне известно, произвели все-таки некоторое впечатление. Побольше таких статей, по разным жгучим вопросам дня и, как можно надеяться, они имели бы *a la longue* благое влияние на публику, пролили бы сколько-нибудь света на помраченное сознание нашего общества» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 55. Ед. хр. 63. Л. 6–9).

³⁷⁵ Созванная по инициативе России Брюссельская международная конференция проходила 15(27) июля – 15(27) августа 1874 г. под председательством барона А.Г. Жомини. Ее участники обсуждали возможности ограничить бедствия войны посредством точного определения взаимных прав и обязанностей воюющих государств, поведения войск во время войны вообще и на неприятельской территории в частности. путем кодификации международных военных законов и обычаев предполагалось сократить насилие и хоть как-то оградить жизнь и собственность мирных граждан. Однако из-за разногласий между державами русский «проект декларации об обычаях и законах войны» не получил юридической силы. 27 августа был подписан «окончательный протокол» конференции. Помимо Жомини Россию представляли

на ней генерал-майор Г.А. Леер и профессор Ф.Ф. Мартенс. Подробнее см.: *Мартенс Ф.Ф.* Брюссельская международная конференция [СПб., 1874]; *Он же.* Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878. СПб., 1879. С. 129–141.

Об участии Д.А. Милютинина в подготовке Брюссельской конференции Ф.Ф. Мартенс писал и в своей статье «Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк» (Вестник Европы. 1900. № 3. С. 16).

³⁷⁶ В феврале 1897 г. Англия и Соединенные Штаты Венесуэлы подписали в Вашингтоне конвенцию об учреждении третейского трибунала для решения вопроса о проведении границы в Гвиане, между реками Эссеквибо и Ориноко. Члены арбитры трибунала (по 2 представителя от каждой страны) единогласно избрали его супер-арбитром и председателем Ф.Ф. Мартенса. Заседания суда проходили в Париже с июня до 21 сентября 1899 г. Рассматривался спор о 60 тыс. кв. миль, длившийся с конца XV в. и отразившийся в 2650 документах. В результате, Англия сохранила за собой значительную часть спорной территории, но уступила реку Ориноко и ее устье Венесуэле. США в данном конфликте активно поддерживали интересы Венесуэлы. См.: *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2. СПб., 1905. С. 499–500.

³⁷⁷ Имеется в виду Училище святой Анны (Annenschule), действовавшее при Лютеранской церкви святой Анны с середины XVIII в. С 1852 г. была приравнена к классическим гимназиям. В 1852–1879 гг. находилась под покровительством герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого (мужа великой княгини Екатерины Михайловны). Среди воспитанников, помимо Ф.Ф. Мартенса, были А.Ф. Кони, П.Ф. Лесгафт, Н.Н. Миклухо-Маклай, Ф.Ф. Зелинский, В.В. Струве, В.Я. Пропп и др. Подробнее см.: *Дедюлин В.И., Китарский Г.Р.* Анненшуле. Важнейшие даты из жизни школы. СПб., 1992.

³⁷⁸ В конце 1899 г. готовилась реорганизация Департамента Государственной экономики Государственного совета, в котором рассматривались законопроекты, касающиеся развития финансов, торговли, промышленности и народного просвещения, а также государственная роспись доходов и расходов, представления ведомств об ассигновании средств, их финансовые сметы, дела об учреждении акционерных обществ. В связи с явной и постоянно нараставшей перегруженностью Департамента было решено образовать в Государственном совете Департамент промышленности, наук и торговли, который и был создан 1 января 1900 г. В связи с появившимися вакансиями сенатор П.А. Сабуров тогда же был назначен членом Департамента государственной экономики.

К этому времени из критика С.Ю. Витте он превратился в его сторонника. «Цифры убедили меня в том, – писал Петр Александрович Д.А. Милютину еще 24 января 1899 г., – что наше финансовое управ-

ление теперь находится в надежных руках, хотя я и остаюсь при мнении, что денежная реформа могла состояться при более выгодных условиях, если б наперед дали нашему рублю возможность постепенно подняться». Особое внимание в это время Сабуров уделял в своих работах «крестьянскому вопросу, «который считал «гораздо важнее дворянского, где решительно ничего практического не придумаешь сколько бы комиссий над ним не трудились». «Часть дворян, – признавал Сабуров, – разорились по своей вине, и им нужны деньги, а не какие-нибудь привилегии; а правительство не есть благотворительное общество». «Другое дело крестьянский вопрос, – делился он своими соображениями с Д.А. Милютиним. – Печальное положение крестьян в чисто земледельческих губерниях является каким-то стихийным бедствием, имеющим свои исторические причины. Во всех европейских государствах земледельческое население было поставлено на ноги сравнительно недавно; во Франции это было делом революции 1789 года; в Германии оно совершилось законодательным порядком, но также отчасти под влиянием революции 1848 года. У нас вопрос решен только наполовину в 1861 году; крепостная зависимость упразднена, но не образовано еще класса зажиточных земледельцев, как в других государствах. Тому мешают экономические и юридические условия, в которых поставлено крестьянское население». Сообщая Милютину об обсуждении положения крестьян в Комитете министров и предполагаемом образовании Особой комиссии, Сабуров отмечал, «что некоторые находят опасным приступать к этому вопросу», но «министр финансов не разделяет этих опасений, как Вы могли сами видеть по его всеподданнейшему отчету, опубликованному 1 января»: «Он считает необходимым положить предел дальнейшему разорению крестьян. Нельзя этому не сочувствовать, и надо надеяться, что на сей раз правительство не ограничится какой-нибудь одиночной мерой, а приступит к рассмотрению вопроса в полном его объеме» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 24. Л. 2–4).

Любопытно, что письмо со столь лестной характеристикой Витте (и без единого упоминания о И.Л. Горемыкине, считавшемся в правительстве одним из лучших знатоков крестьянского дела) было написано Сабуровым 24 января 1899 г., когда борьба между министрами еще только разгоралась. 25 февраля Сабуров послал Милютину только что отпечатанную в Петербурге свою книгу «Материалы для истории русских финансов 1866–1897», написанную, по его же словам, «более для специалистов Государственного контроля». «Главные выводы следующие, – поясняет он Милютину. – До 1893 года мы жили с постоянными дефицитами вследствие железнодорожной горячки. Замечательный рост доходов дал нам возможность справиться. Величина гос[ударственного] долга, рассмотренного по составным частям, не представляет до сих пор большой опасности. Выкуп железных дорог казной представляется весьма удачно операцией. Главную язву в

нашем экономическом строе составляет бедственное положение крестьянского населения; и этим вопросом следует неотложно заняться» (Там же. Л. 6)

Милютин в своих письмах одобрял работы Сабурова. «Можно быть уверенным, – писал он ему 13 февраля, – что в важнейшем в настоящее время вопросе – крестьянском, Вы станете на точку зрения не узких сословных притязаний, а общих условий современного цивилизованного государства» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 23). Уже к 17 марта Милютин «с большим любопытством» прочел книгу Сабурова, признав, что она имеет значение не только «для специалистов». Дмитрий Алексеевич сожалел лишь о том, что Сабуров не рассмотрел сколько-нибудь подробно конверсии государственных займов, проведенные в 1890-е гг. Со своей стороны, «как профан в финансовых делах», Милютин выражал опасение, что они «наносит чувствительный ущерб всем частным владельцам бумаг», мало помогают русским финансам и только иностранным банкирам «принесли крупные барыши» (Там же. Л. 24–25). Сабуров, обсуждавший данный вопрос с Д.М. Сольским и В.М. Маркусом 22 мая, в целом был вынужден согласиться с оценкой Милютина: держатели бумаг «несомненно понесли от конверсий большой ущерб», тогда как прибыли банкиров от обмена облигаций, разницы курса и повышения фондов составили до 130 млн руб. При этом выплаты по государственному долгу после конверсии сократились незначительно. Но и тут Сабуров уклонился от критики финансового ведомства и даже попытался его защитить: «Таким образом, можно сказать, что конверсии принесли только временную пользу, поставив правительство в возможность выкупить железные дороги без увеличения ежегодных платежей по государственному долгу» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 24. Л. 7–10).

Неудивительно, что в своем письме 20 ноября он фактически приветствовал назначение Д.С. Сипягина: «Многие надеются, что перемена министра внутренних дел подвинет вперед назревший крестьянский вопрос, так как теперь по-видимому легко достигнется соглашение между новым министром и министром финансов по этому предмету. Я этому буду искренно радоваться» (там же. Л. 16).

³⁷⁹ На своем участке родового имения в с. Сабурово (Покровское) Козловского уезда Тамбовской губернии П.А. Сабуров в конце 1890-х гг. «завел обширную плантацию, требующую летом постоянного личного присмотра». «Я вознамерился, – писал он Д.А. Милютину 15 июля 1899 г., – покончить с хозяйственными порядками наших дедов, ведущими к постепенному обнищанию здешних помещиков, не умеющих ничего производить, кроме ржи и овса». Сабуров отвел 100 дес. «на яблочные плантации», окружив их высокой оградой из провололочной сетки, посадил защитные деревья, устроил питомники, из которых ежегодно высаживал по 2–3 тыс. яблонь (в 1899 г. на участке насчи-

тывалось 17 тыс. яблонь, а в 1900 г. их должно было стать уже 20 тыс.). Соответственно, если сдача в аренду 100 десятин приносила в уезде не более 600 руб. в год, то, имея на них 20 тыс. яблонь, каждое дерево можно было сдавать по рублю. Затраты на обзаведение составили за 8 лет около 40 тыс. рублей. Оставшиеся 400 дес. Сабуров продолжал сдавать в аренду, но в дальнейшем собирался их «употребить на заведение молочного хозяйства» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 24. Л. 11–12).

Милютин 24 июля писал Сабурову, что его успех должен служить уроком тем хозяевам, «которые только плачут и жалуются на судьбу». Сам он, однако, был тогда далек от оптимизма: «Живу в полном уединении; по целым неделям и месяцам не вижу посторонних лиц. Чтение газет опротивело, и все, что приходится узнавать о современном ходе дел – наводит скорбь» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 26).

³⁸⁰ Главное тюремное управление создано в 1879 г. для централизованного управления местами заключения, ссылки и каторги; до 1895 г. находилось в составе Министерства внутренних дел, затем передано в ведение министра юстиции. С 1893 г. управление издавало журнал «Тюремный вестник».

³⁸¹ Свой взгляд на проведение Гагской конференции 1899 г. и характер русской политики на Дальнем Востоке в конце XIX в. С.Ю. Витте подробно выразил позднее в своих воспоминаниях. См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 498–508, 513–522; Кн. 2. СПб., 2003. С. 554–556).

³⁸² Кавказский комитет (1833–1882) – высший законосовещательный и административный орган по делам Кавказа. Рассматривал проекты организации управления в Закавказском крае и Кавказской области, а с 1845 г. – все вопросы, решение которых превышало власть наместника, министров и главноуправляющих. Журналы Кавказского комитета предоставлялись на Высочайшее утверждение. С 17 июля 1865 г. все законодательные дела были переданы из Кавказского комитета в Государственный совет. 23 января 1882 г. закрыт в связи с упразднением наместничества.

³⁸³ Наиболее подробно политика России в Финляндии освещена в работах М.М. Бородкина. См., в частности: *Бородкин М.М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрिकова. СПб., 1905; *Он же.* История Финляндии. Время императора Александра II. СПб., 1908; *Он же.* История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915. См. также: *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии (50–70-е гг. XIX в.). Л., 1979; *Он же.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982.

³⁸⁴ Вероятно, речь идет о начавшейся в октябре 1899 г. англо-бурской войне (1899–1902). Стремясь обеспечить свои позиции и интересы в

Южной Африке, Великобритания фактически вынудила Оранжевое Свободное государство и Трансвааль начать боевые действия. После подписания 31 мая 1902 г. мирного договора обе бурские республики стали британскими колониями. Несмотря на то, что боевые действия в этой войне развязали именно буры, симпатии русского общества были целиком на их стороне. См.: Англо-бурская война 1899–1902 гг.: по архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. М., 2001; Сборник материалов по Англо-бурской войне в Южной Африке. 1899–1902. Вып. 1–21. СПб., 1900–1905; Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 1–13. М., 2012.

³⁸⁵ См.: *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. Т. 1–4. СПб., 1899–1912.

³⁸⁶ Записку П.А. Сабурова см.: РГИА. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 251. В переработанном виде она позднее составила предисловие к его книге: *Sabouroff P.* Ma mission à Berlin. 1879–1884. SPb., 1914. В начале XX в. он также изложил свое видение русско-германских и русско-французских отношений 1870–1880-х гг. в статье: «Записка П.А. Сабурова. Россия. – Франция. – Новая Германия. 1870–1880» (Русский архив. 1912. № 3. С. 468–480).

Д.А. Милютину Сабуров писал 1 октября, что составлял записку в 1890 г. «с целью защитить политику Александра II против нападок, которым она подверглась после его кончины». «Я намеревался, – общал он, – представить эту записку его преемнику, чтоб выяснить, что собственно можно ожидать от французского союза, который тогда уже подготавливался, а также доказать необходимость ограничить этот союз в известных пределах, дабы сохранить возможность соглашения с Германией на случай Восточного кризиса. К сожалению, случая представить записку Александру III не оказалось. Она была, впрочем, прочитана нынешним Государем в 1895 году» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 24. Л. 13).

Об этой записке Сабуров впервые вспомнил в переписке с Милютиним еще 24 января 1899 г.: «В 1890 году я, томясь в бездействии, написал исторический обзор наших сношений с Германией с 1870 года; и уже тогда мне казалось, что во франко-русском союзе кроется роковое недоразумение: с одной стороны, скрытая надежда возратить потерянные провинции; с нашей же – намерение упрочить мир и сохранить *statu quo*, а следовательно и ту вражду между двумя нациями, которая с 1870 года так высоко поставила нашу европейскую роль. Этим политическим капиталом мы живем уже 29 лет. Сохраним ли мы его за собой, если когда-нибудь произойдет искреннее сближение между ними – в том я сильно сомневаюсь. А такой поворот нам всегда следует иметь в виду. Такие инциденты, как Фашода, начинают производить свое действие на умы французов; и может быть, недалеко время, когда они окончательно помирятся с событиями 1870 года. Тогда

наступит конец франко-русскому союзу; и, может быть, окажется, что мы напрасно сошли с пути, по которому нас вел император Александр Николаевич» (Там же. Л. 1–2).

Посылая записку Милютину, Сабуров просил его указать на возможные неточности в характеристике политики Александра II. «Я всегда считал, – писал Сабуров, – привлечение Ваше к делам иностранной политики в последние годы его царствования, как самую благородную черту его характера в политическом отношении: воспитанный в николаевском духе тесной дружбы с Пруссией, он как будто не доверял самому себе после Берлинского конгресса и чувствовал необходимость проверять свои мысли при посредстве чисто русского человека, которого так верно оценил покойный граф Мантейфель после Александровского свидания» (Там же. Л. 14).

Впоследствии Сабуров собирался сохранить записку в своем архиве, переведя ее на русский язык, «с исключением некоторых слишком резких суждений касательно Н.К. Гирса, который хотя и не был гениальный политик, но все-таки имел весьма полезные качества» (Там же. Л. 13–14).

³⁸⁷ Возвращая 20 октября П.А. Сабурову его «Aperçu historique», Д.А. Милютин дал ему восторженную оценку: «Я прочел эту записку с восхищением, некоторые места даже перечитывал вторично. Это – верная, сжатая, мастерски набросанная картина нашей политики за минувшие двадцать, тридцать лет». «Весьма желал бы, – добавил он в конце письма, – чтобы она не оставалась слишком долго секретным материалом для истории европейской политики». Неточностей в записке Дмитрий Алексеевич не усмотрел, «кроме разве одного частного пункта, требующего разъяснения, а именно – относительно довольно распространенного мнения, что в начале 1878 года большим с нашей стороны промахом было неисполнение в[еликим] кн[язем] главнокомандующим армии Высочайшего повеления о занятии Константинополя нашими войсками». «Смею быть иного мнения, – решительно заявлял бывший военный министр. – ...Вступление русских войск в Константинополь было бы сигналом общей войны России не с одною только Англией, но с целою коалицией, войны при крайне невыгодной для нас обстановке. Трудно представить себе, к каким печальным для нас результатам могла бы привести эта новая война изолированной, уже истощенной России против целой Европы. Взвешивая ожидавшие нас тогда последствия, можем несомненно признать блистательным даже и такой конец, каковым оказался потом Берлинский конгресс, на который так негодовали московские патриоты». Кроме того, Милютин напоминал Сабурову, что приказ занять Константинополь был дан в ночь с 28 на 29 января «не безусловно», «а с оговоркою – в случае приближения к Босфору английской эскадры, стоявшей в то время в Дарданеллах». Впрочем Милютин тут же признавался, что самой те-

леграммы Александра II не видел («до сих пор, сколько мне известно, никто ее не видел»). Так или иначе, вступление русских войск в турецкую столицу во время напряженных переговоров в Сан-Стефано, при едва ли не ежедневной телеграфной переписке царя и султана и угрожающих известиях из Лондона и Вены представлялось ему совершенно неуместным (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 30–32).

В этом же письме Милютин счел нужным возразить против «стро-гого приговора», вынесенного в сабуrowsкой записке Н.К. Гирсу: «Он имел много прекрасных качеств, и как человек, и как чиновник. Не он же виноват в том, что [зач.: «попал на пост министра иностранных дел»] поставлен был не на свое место» (Там же. Л. 32). Милютин не возражал против намеченной в последних главах сабуrowsкой записки «политической комбинации», оговорив лишь, что видит в ней не «предстоящий нам в ближайшем будущем выход из нынешней невыгодной для нас обстановки, а только... единственный возможный вдали идеал» (Там же).

³⁸⁸ В письме к П.А. Сабурову 20 октября 1899 г. Д.А. Милютин указывал, что «в вопросе о занятии Константинополя едва ли мог иметь какое-либо влияние ген.-ад. гр. Н.П. Игнатъев». По словам Милютина, «в то время, о котором здесь говорится, Игнатъев уже не пользовался никаким влиянием на дела»: «В Министерстве иностранных дел его не жаловали, сам Государь ценил его довольно верно, смотря на Игнатъева как на специалиста по делам восточным, от которого можно с пользой получать требуемые справки. В таком качестве он и приглашался иногда на совещания. Когда же дошло дело до переговоров о мире с побежденным врагом, тогда всего естественнее было возложить ведение этих переговоров на того же Игнатъева как на знатока дела и опытного дипломата». Описав далее на основе своего дневника и рассказов Н.К. Гирса историю составления Игнатъевым инструкции самому себе, которую кн. А.М. Горчаков категорически отказывался внимательно изучить, Милютин недоумевал: «Спрашивается, на чью же голову должна пасть вся тяжесть обвинений в непредусмотрительности и недостатках Сан-Стефанского договора? При этом остается неразъясненным вопрос: были ли даны Игнатъеву при отправлении его в Сан-Стефано указания насчет хранившихся в глубокой тайне Рейхенбергских условий, заключенных лично между императорами Александром II и Францем-Иосифом? На вопрос мой по этому предмету добрейшему Николаю Карловичу Гирсу он отвечал незнанием» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 54. Ед. хр. 82. Л. 31–32). См. также: *Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. М., 2010. С. 364–368, 636–637.*

³⁸⁹ В декабре 1899 г. Н.Н. Обручев, с запозданием поздравляя Д.А. Милютина «с фельдмаршалством», сожалел, что из-за болезни не смог сделать это в Москве в 1898 г. «Вы от него отговаривались, – писал Николай Николаевич. – Но наша радость была общая. Только ре-

скрипт был скороспелый и не сказал того, что в день торжественного открытия памятника Александру II сказать Вам следовало. Кто же, на первых же порах служения своему Государю, достиг усмирения Польского восстания и дал достойный России отпор всей Европе. Кому же обязана Россия покорением Кавказа и блистательным решением среднеазиатского вопроса с подчинением туркмен, Бухары, Хивы и Ахал-Теке. Кто же создал нашу молодую, сильную армию, подготовил ее ко всяким испытаниям, и когда в войне с Турцией неумелые, слабые руки чуть было ее не опозорили, своим твердым словом не дал ее обесчестить и помог царю довершить войну победоносно. Да, такие заслуги повыше и фельдмаршалских». «Как далеко это время, но какие живые, горячие о нем воспоминания, – отмечал Обручев, – а для меня и благодарные, как к Вам, так и к незабвенному нашему Государю. Вы обратили на меня его милости, и это лучшее утешение в моей склоняющейся жизни».

От ностальгического панегирика генерал переходил к текущей политике: «А картины перед нами все меняются и меняются. Намерения наши всегда прекрасны, только как найти для них верный путь; то мы все сдерживаем, то начинаем идти вскачь, влево, вправо». «Существую я теперь более как зритель, – признавался он. – Сажу в Гос[ударственном] совете, но интересуют меня исключительно только вопросы, касающиеся народного благосостояния. Имперский бюджет возрос до 1½ миллиарда, а земля обеднела. Каким могуществом наградил народ империю, а сам все сидит перед разбитым корытом». «По поводу выкупных платежей пришлось однажды крепко за него вступить», – рассказывал Милютину Обручев. Витте несколько раз приходилось защищать свое представление. «Но в конце концов, – констатировал Николай Николаевич, – сила все-таки осталась на их стороне, а мне уступили лишь крохи, правда, добавив к ним обещания, которые должны будут удовлетворить меня в практическом применении нового закона о рассрочках и отсрочках выкупных платежей». Тут же он сообщал: «Рекомендованный Ванновским П.Л. Лобко – государственный контролер. Ему 62 года, а работа перед ним куда нелегкая; прощай клубы...» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Ед. хр. 64. Л. 23–24).

³⁹⁰ 22 октября Б.Н. Чичерин отправил Д.А. Милютину свою брошюру «Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампа» (Берлин, 1899). «Не знаю, как Вы смотрите на эти вопросы, – отмечал он в сопроводительном письме, – но я, чем старше я становлюсь, тем больше я дорожу справедливостью, и тем ненавистнее делается мне всякое притеснение. Самая любовь к отечеству, в моих глазах, только через это получает цену. Ныне она состоит, кажется, единственно в том, чтобы проявлять свою силу и все подчинять своей власти. А я полагаю ее в том, чтобы облагородить свой народ и постараться смыть с него всякое лежащее на нем пятно». «По-

этому, – прибавлял он, – я никак не могу примириться с тем, что делается в Финляндии. За что раздавили эту несчастную страну? Да еще требуют от нее, чтобы она не смела жаловаться, и считать права свои нарушенными. А мы принуждены молчать!». Чичерин не сомневался уже, что «как ни печально наше положение», оно лишь «переходное состояние» и «мы из него выберемся». «Прогресс человечества, – рассуждал он, – представляется непоколебимою истиной; только оно идет не ровной дорогой, а через доли и горы. Ныне мы находимся в периоде реализма, когда взоры прикованы к земле и из нее добывается богатый материал. Зато исчезли все высшие точки зрения, которые требуют, чтобы люди взошли на высоту. Отсюда падение идеалов или господство таких идеалов, которые имеют целью удовлетворение физических потребностей». Впоследствии, уверял Чичерин, «восстановятся и святые идеалы нашей молодости, идеалы свободы и права, которым суждено окончательно восторжествовать в человечестве», а «с тем вместе снимутся и оковы с угнетенных народностей, которые призовутся к новой жизни». «Таково самое глубокое мое убеждение, – признавался Борис Николаевич, – и я никак не могу думать, что это только мечта. Ведь видели же мы возрождение Италии и Германии. Как ни мало то, что они дали в сравнении с тем, что ожидалось, все же их положение в тысячу раз лучше, нежели во времена Меттерниха. И нам ныне открыт простор для деятельности, о каком мы в нашей молодости и не мечтали. Может быть, 70-летнему старику и не подобает предаваться отдаленным надеждам, но прошлое служит мне ручательством за будущее, и я твердо на этом стою» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 72. Ед. хр. 54. Л. 9–10).

Между тем Д.А. Милютин, как и следовало ожидать, отнесся к присланной брошюре весьма критично. Радуясь, что прежнее «грустное расположение духа» у Чичерина прошло и видя у него «даже почти склонность к оптимизму», Дмитрий Алексеевич 13 ноября писал: «Душевно желаю, чтобы Ваши надежды когда-нибудь оправдались; но во всяком случае не только мы не доживем до желанного перерождения нашей матушки России, но даже и наши внуки и правнуки едва ли будут участниками этой метаморфозы. Что касается до тех двух бедовых вопросов (польского и еврейского), по которым высказан Ваш взгляд в присланной брошюре, то я заслужил бы от Вас упрек в неискренности, если б не высказал своего мнения со всею откровенностью. Скажу, что с точки зрения чисто этической – Вы совершенно правы; мне кажется, что ни в чем и нельзя возразить, за исключением разве неверных оговорок, преимущественно по вопросу еврейскому. Но ведь этика и политика два понятия различные, можно сказать, две величины несоизмеримые. Никто лучше Вас самих не объяснил этого различия. Вся история, так называемая политическая, есть непрерывный ряд нарушений основных понятий этики, непрерывный ряд на-

силей одного народа над другим, такая же борьба за существование, как и во всем мире органическом». «Все существующие государства, – напоминал Милютин, – зиждутся на прошлых правонарушениях и насилиях. Возможно ли когда-либо восстановление всех прежде нарушенных прав? Во всякой борьбе неизбежны взаимные поочередные правонарушения; к которому моменту былой борьбы отнести восстановление нравственного права над материальной силой? Так, напр[имер], что справедливее с точки зрения этической: возвращение ли Эльзаса Франции, от которой он отвоеван Германиею в 1870–71 году, или оставление его за Германией, которой он составлял часть до XVII столетия? Все прежние и все современные большие государства образовались из смеси разных племен и народов; возможно ли с практической точки зрения домогаться восстановления всех бывших некогда народностей к первоначальной их обособленности и самостоятельности, подобно химическому разложению сложных веществ на простые элементы?». «Применение такого процесса к политике, – предостерегал Милютин, – было бы разгромом существующих государств и результатом его был бы всеобщий хаос и анархия». По мнению Милютина, «все, что возможно практически в будущем, это установление в каждом государстве разумного и гуманного *modus vivendi* между различными его составными частями и народностями; а также международное соглашение (более серьезное, чем Гаагское) в смысле обуздания всяких новых злоупотреблений силою во имя так называемых интересов государственных». «Далее этого, – полагал Дмитрий Алексеевич, – не могут идти наши *ria desideria*, иначе мы впадем в отвлеченные, непрактичные мечтания». В заключении письма он выразился еще резче: «...Позволю себе даже высказать, что все, кому дорого Ваше имя, глубоко уважающие его, пожалеют о появлении брошюры, дающей новое оружие врагам России. Считаю крайне желательным, чтобы Вы напечатали какое-нибудь разъяснение Ваших взглядов, чтобы парализовать впечатление, которое брошюра Ваша наверно произведет в публике. Откровенность, с которою пишу Вам, должна послужить лучшим выражением моего к Вам глубокого уважения и душевной преданности» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 55. Ед. хр. 63. Л. 11–14).

Чичерин, вероятно, был несколько обескуражен такой отповедью. В своем письме, отправленном Милютину 22 ноября, он настаивал на том, что и в брошюре, и в одобренном Милютиным «Курсе государственной науки» «высказываются совершенно те же взгляды и то же направление». «Вы говорите, что политика и нравственность две совершенно разные вещи. Это верно, – признавал он, – но в чем же могут состоять стремления и надежды людей, носящих в себе идеал справедливости и гуманности, как не в том, чтобы эти начала признавались и в политике, которая без этого ограничивается интересами весьма невысокого свойства? Я, по крайней мере, желаю для своего

отечества не умножения силы, которой у него в избытке, а именно этих благ, которых у него недостает». О принадлежности Эльзаса Чичерин предлагал бы спросить эльзасцев, если бы только это было возможно, а поскольку это не так, то «вопрос может быть разрешен только оружием». «Польша, – утверждал он, – находится в совершенно ином положении. Это не завоеванная провинция, а народ, имевший свою многовековую историю и составлявший самостоятельное государство». История Польши изображалась им с сентиментальной наивностью: «Благодаря внутренней анархии, которую поддерживали иноземные козни, хищные соседи разобрали ее по карманам, без малейшего повода с ее стороны. Это одна из самых позорных страниц всемирной истории». Как казалось тамбовскому дворянину Чичерину, «можно много дать, чтобы смыть с русского народа это пятно братоубийства»: «Чем более я люблю свое отечество, тем более я чувствую, что мы перед поляками в неоплатном долгу, отнявши у них то, что есть самого святого на земле. Никакие гуманные меры не могут заменить потери отечества. Таково мое глубокое убеждение, и я считаю существенно важным для нравственного достоинства русского народа, чтобы это было высказано именно русским человеком, всею душою преданным своей родине. Думаю, что гораздо благороднее откровенно исповедовать свои прегрешения, нежели защищать их, ссылаясь на практические интересы, не имеющие никакого права на нравственное сочувствование». Дать оружие врагам России ученый либерал не боялся, надеясь, что тогда «это оружие нам же послужит в пользу, как послужила в пользу Крымская кампания»: «Оно пробудит в нас нравственное сознание и тем поможет нам излечиться от разъедающих нас язв». Для евреев Чичерин добивался уже не государственности, а только «равенства перед законом», так как пока им запрещается селиться, где угодно, и заниматься, чем пожелают, «до тех пор мы от крепостного права и крепостных понятий не ушли». Конечно, Борис Николаевич не ожидал, что его брошюра изменит положение дел, но считал своим долгом «передать молодым поколениям те мысли и чувства, которые нас одушевляли». Напомнив о том, как стремительно менялась Россия в середине XIX в., он спрашивал Милютина: «А кто нам ручается, что через недолгое время не последует новая, стол же глубокая перемена? Будущее в руках истории, а наше дело его готовить и, прежде всего, высоко держать нравственное знамя. Оно одно дает силу для совершения подвигов и мужество для перенесения невзгод. С этими убеждениями я сойду в могилу. А потому я не боюсь осуждения. Вы сами признаете, что с этической точки зрения против сказанного мною нечего возразить. Стало быть, правда на моей стороне, а от всяких от нее уклонений мы слишком много страдали и страдаем». Подвиги и невзгоды его не страшили. Впрочем, Чичерин осознавал, что отношение к его брошюре было далеко не единодушным.

«Прибавлю, – сообщал он Милютину, – что и в русском обществе моя брошюра во многих вызвала горячее сочувствие, хотя должен сказать, что некоторые из весьма близких мне людей не на моей стороне» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Ед. хр. 54. Л. 11–14).

В следующем письме, посланном 3 декабря, Милютин уже не скрывал того, что не рад завязавшейся полемике: «Раскаиваюсь в том, что в этом письме затронул такой вопрос, который трудно разобрать в тесной рамке письма». «Поэтому, – признавал он, – не следовало бы мне и продолжать беседу на ту же тему». Однако желание объясниться оказывалось сильнее. К тому же его, видимо, задело указание Чичерина на различие в оценке «Курса» и брошюры. «И теперь, как прежде, скажу, – разъяснял Милютин, – что книга эта есть прекрасное руководство для политического деятеля, но из этого не следует, что все заключающиеся в ней разумные и благие *принципы* могут и должны быть всегда и везде безусловно осуществляемы в *практическом применении*, не взирая ни на какие усложняющие дело соображения... Тем более считаю невозможным требовать, чтобы означенные *научные* принципы имели обратную силу в применении к событиям давно минувшим». Милютин настаивал на том, что «нельзя переделывать историю, нельзя восстанавливать государства, давно исчезнувшие или поглощенные другими, более живучими народностями». «Невозможность эта – полагал он, – выступает всего нагляднее и очевиднее именно в применении к поднятому в брошюре Вашей польскому вопросу. Можно, пожалуй, рассуждать о том, какой может быть установлен режим в управлении Польским краем, вошедшим в состав империи Российской, но никак не о восстановлении Королевства Польского. Такая постановка вопроса, по моим понятиям, совершенно недопустима, с какой бы стороны ни взглянуть на дело: где граница возрожденной Польши? Где элементы для нового государственного устройства в стране, которая уже более столетия, благодаря неурядице, перестала жить собственной жизнью? Что скажут соседние государства: Германия и Австро-Венгрия? Последуют ли они беспримерному великодушию России или возьмутся за оружие? Как взглянет и народ русский на совершаемую над его отечеством ампутацию? Да и для самого *народа* польского будет ли благодетельно возвращение его к прежней неурядице?». Все эти вопросы убеждали Милютина в том, что и сам Чичерин, будь он «русским министром иностранных дел», не решился бы «на рекомендуемый опасный эксперимент». В конце письма вновь выражалось опасение, как бы «дальнейшими возражениями не подать повода к новым недоразумениям». Милютин даже рекомендовал порвать письмо, если оно будет отрывать Чичерина от более насущных дел (ОР РГБ. Ф. 169. К. 55. Ед. хр. 63. Л. 15–18).

Однако 14 декабря Чичерин возобновил спор. «...Политика, – утверждал он, – по-моему, должна состоять в том, чтобы осущест-

влять свои цели, применяясь к обстоятельствам, а не в том, чтобы делать совершенно противоположное тому, что требует теория, опирающаяся на высшие начала правды и добра. Если б я мог склониться к этому взгляду, я почувствовал бы себя несчастным человеком, ибо в душе моей оказалось бы неисцелимое противоречием между тем, что я считаю безусловным нравственным долгом и практическими требованиями политики... Я глубоко убежден, что пока мы в отношении к подвластным нам народам не руководимся требованиями справедливости и гуманности, мы этих начал не утвердим у себя. Но неужели же наше отечество навеки обречено на то, чтобы видеть у себя только произвол и притеснение?» «Освобождение Польши» Чичерин признавал «не только безусловным нравственным требованием, но и единственным практическим исходом из невозможного положения»: «Чем более мы будем давать полякам простора и свободы для развития своей народности, тем более они будут стремиться к полной независимости, и это стремление мы не можем не признать вполне законным. Стало быть, приходится или решиться на этот шаг, или вечно держать Польшу в цепях: иного исхода нет». Между тем «возрождение Италии», освобождение греков и славян от турецкого ига, национальный подъем среди чехов свидетельствовали, по мнению Чичерина о том, как «история переделывает то, что было учинено человеческим насилием и неправдою». Народного ропота Борис Николаевич не опасался: «Об этом можно было бы говорить, если б это была ампутация живого, органического члена; но для нас это ампутация внешнего нароста, который был искусственно привит к организму и который, вследствие своего ненормального положения гниет и заражает здоровые части своими соками». Признавая, что для Германии и Австро-Венгрии освобождение Польши будет «жестоким ударом», Чичерин уверял, что «именно это и придает нам громадную силу»: «Это разом поставит нас во главе славянского движения. Мы перестанем быть пугалом для Европы, представителями грубого права силы, а сделаемся носителями высших человеческих начал. В этом, по моему глубокому убеждению, и состоит истинное призвание России, и это одно способно сломить гегемонию Германии и положить конец господству милитаризма в современном мире». Чичерину даже казалось, что «если б у нас явился государственный человек в роде Бисмарка, с широкими и смелыми взглядами, он последовал бы именно этой политике, ибо она одна может поднять Россию на новую высоту». О границах, формах организации власти и проч. Чичерин не рассуждал, считая, что «это вопросы второстепенные, которые можно обсуждать тогда, когда ясно намечена цель и утвердилось сознание в ее необходимости». При этом Борис Николаевич особо настаивал на том, что в основе его представлений о внешней и внутренней политике, сформировавшихся в ходе многолетних размышлений, лежат «не отвлеченно научные начала,

и даже не одни нравственные требования, а сознание исторических и практических задач русской жизни». Это не мешало ему, впрочем, считать их разногласия с Милютиным «чисто теоретическими», поскольку за оставшиеся годы жизни «мы, конечно, никакой перемены политики не можем ожидать», и «все это дело будущего» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 77. Ед. хр. 54. Л. 15–18).

27 декабря Милютин воспользовался этими словами для завершения спора: желая Чичерину в новом году благополучия и уменьшения поводов «к грустному настроению Вашей души», он добавлял: «С этою целью отказываюсь от продолжения той полемики, которая было возникла в последних наших письмах, тем более, что Вы сами признаете спорный вопрос “чисто теоретическим”, вопросом будущего; следовательно, нам теперь ничего другого и не остается, как поставить большой вопросительный знак» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 55. Ед. хр. 63. Л. 19).

Подробнее о публицистике и взглядах Б.Н. Чичерина в конце XIX в. см.: *Щетинина Г.И.* Идейная жизнь русской интеллигенции: конец XIX – начало XX в. М., 1995. С. 112–117; *Китаев В.А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004. С. 110–141; *Он же.* XIX в.: пути русской мысли. Н. Новгород, 2008. С. 307–327.

³⁹¹ В черновом оригинале дневника Д.А. Милютина данная фраза, а также слово «Конец» отсутствуют. Вероятно, решение завершить дневник на 1899 г. было сделано не сразу, а в процессе его переписывания. В списке, составленном А.М. Перцовой, после слова «конец» сделана приписка: «Тридцать две переплетенных тетради “Воспоминаний” и “Дневника” генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, переписанные при жизни и под руководством графа для печати, передаются нами, его дочерьми, Императорской Николаевской Военной Академии. 14 марта 1912 г. Княгиня Е. Шаховская. Графиня О. Милютина. Княгиня Н. Долгорукая» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 7. Ед. хр. 4. Л. 103).

Тем не менее Д.А. Милютин и после 1899 г. продолжал делать отдельные дневниковые записи (до середины 1900 г. сравнительно регулярные). См.: Приложение IV.

Приложения

**ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ АДРЕСЫ ГУБЕРНСКИХ
ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ ПО СЛУЧАЮ ВОЦАРЕНИЯ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II**

а) Тверского

Ваше Императорское Величество!

В знаменательные дни начала служения Вашего русскому народу земство Тверской губернии приветствует Вас приветом верноподданных.

Разделяя Вашу скорбь, Государь, мы надеемся, что в народной любви, в силе надежд и веры народа, обращенных к Вам, Вы почерпнете успокоение в горе, столь неожиданно постигшем Вас и страну Вашу, и в них найдете твердую опору в том трудном подвиге, который возложен на Вас Провидением.

С благодарностью выслушал народ русский те знаменательные слова, которыми Ваше Величество известило о вступлении своем на престол. Мы вместе со всем народом русским проникаемся благодарностью и упованием на успех трудов Ваших к достижению великой цели Вами поставленной – устроить счастье Ваших верноподданных. Мы питаем надежду, что с высоты престола всегда будет услышан голос нужды народной. Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крепнуть при неуклонном исполнении законов как со стороны народа, так и представителей власти, ибо закон, представляющий в России выражение монаршей воли, должен стать выше случайных видов отдельных представителей этой власти. Мы горячо веруем, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо сохранены.

Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигнуть выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского. Мы ждем, Государь, что в Ваше царствование, Россия двинется вперед по пути мира и правды со всем развитием живых общественных сил. Мы верим, что в общении с представителями

всех слоев русского народа, равно преданных престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдет новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных предначертаний Вашего Императорского Величества.

б) Тульского

Всемиловейший Государь!

Велико и свято в своей животворящей силе и своем величии слово живой любви, павшее ныне с высоты престола от благодати державного царя своему народу.

Одухотворяющая сила слова державной воли Вашей, Государь, призывающая «беспредельную преданность народа к единению со своим царем», как живым покровом охватило земство. В началах единения таятся духовные силы народа русского; они легли в основание силы и крепости святой Руси и теперь, когда громады государства связались в одно целое, несокрушимое для внешней вражды, те же начала под благословением закона Христова призываются Вами «на мирное внутреннее преуспевание дорогой России и устроение счастья всех верноподданных».

Люди земские, Государь, живущие в недрах самого народа, с горячей любовью в сердце к родной земле, к родному народу, проникнутые сознанием своего дела в деле местного общественного служения во имя истинной любви к царю и его народу, несут к престолу царскому чувство беспредельной преданности в духе любви и правды. Стоя между жизнью частной и государственной, они глубоко сознают, что внутренняя цельность жизни государства только в единении царя и народа, во взаимной их преданности и любви. Связанные с лицом народа, сознавая себя живую часть великого единого целого и призванные к местной общественной деятельности, мы, люди земские, глубоко верим, что местные потребности могут быть удовлетворены лишь при посредстве местных людей и просим доверия своего царя, которое необходимо для плодотворного служения родине, просим открытого доступа голоса земства к престолу.

Мы верим, что только освященное живым общением царя, совокупное единство работы возбудит новые живые силы и воссылаем горячие молитвы к Богу за Вас, Государь, и да ниспошлет Он и нам силы на честный и плодотворный труд в исполнении предначертаний Ваших, согретых и укрепленных единением любви и правды.

**ВЫПИСКА ИЗ АНОНИМНОГО ПИСЬМА
от 16–18 ноября 1894 г.
К ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ ЛАМАНСКОМУ
ПО ПОВОДУ СКАЗАННОЙ ИМ В СЛАВЯНСКОМ
ОБЩЕСТВЕ РЕЧИ ПРИ ВОЦАРЕНИИ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II**

...Вы ничего не говорили о земстве, о положении, которое оно должно занимать в русской жизни... Недаром Иваном Сергеевичем Аксаковым сказаны знаменательные слова: «Кто говорит царь, говорит и земство». В стенах самого Славянского общества я живо помню еще в 80-х годах горячие отзывы о земстве Ореста Федоровича Миллера в речи, посвященной памяти князя Васильчикова. В № 10 известий Общества за 1887 г. было написано: «Без помощи и поддержки народа, без участия и соединения общества ни одно государство не может стоять, не только развиваться». Не могу поверить, чтобы в настоящее время славянофилы отказались от земства, от этого единственного проявления непосредственного участия в заботах об общем благе и в работе на него; земства, немало сделавшего для более справедливого распределения податного бремени, создавшего народную школу, двинувшего просвещение народа и несущего посильную работу для улучшения его материального благосостояния; земства, являющегося до сих пор лучшим представителем на русской почве того личного, нечиновничьего почина, о значении которого Вы так красноречиво говорите в Вашей речи. Внутренней политики прошлого царствования Вы почти не касаетесь, очевидно, по внешним условиям, при которых приходилось говорить. Вы ограничиваетесь сопоставлением с царствованием имп[ератора] Николая I; между тем именно по этому вопросу Ваше слово является особенно ценным. От представителей славянофильских взглядов Русское общество вправе ожидать, скажу больше – требовать правдивой оценки *всего* современного положения дел. Только прямым указанием недоче-

тов и бедствий современной действительности славянофильство может искупить пред русским обществом грех, который оно взяло на себя 13 лет тому назад. Несомненно, только благодаря союзу славянофилов с общественным течением, представляемым у нас Катковым и Дмитрием Андреевичем Толстым, государственная жизнь получила у нас то направление, свидетелями которого мы были. Славянофилам удалось достигнуть своей первой, ближайшей цели – воспрепятствовать появлению в России слабого подобия западноевропейских правовых и представительных форм. Но что дало стране то направление, которому они помогали одержать верх? На этот вопрос со стороны беспристрастных, правдивых наблюдателей русской жизни, не увлеченных сословными или другими личными интересами, может быть дан только один ответ – и ответ в высшей степени печальный. За все последнее десятилетие стояли заботы о дворянстве, о том сословии, о котором И.С. Аксаков еще в «Дне» писал: «Русские дворяне должны проникнуться сознанием, что дальнейшее существование дворянского сословия, как сословия, невозможно». Создается особенный покровительственный земельный банк; он выдает дворянам ссуды почти на 400 миллионов, принимает на себя обязательства безнадежно запутавшегося Золотого банка на 170 миллионов слишком, взимает со своих заемщиков процент меньший, чем уплачиваемый им самим по своим обязательствам. Когда эти первые льготы оказались недостаточными, банк оказывает все новые и новые, в виде понижения процентов, всяких отсрочек, зачетов – и все это рядом с банком крестьянским, который начал действовать тремя годами раньше, но имел возможность выдать ссуд всего на 60 миллионов с небольшим, взимал с крестьян по 7½ и 8½ процентов, вместо 5¼ и 6¼ банка дворянского, и был вынужден совершить ряд неумолимых продаж, в корень разоривших целые деревни. Дворянство в прямом противоречии со взглядами, определенно выраженными в «Руси» Аксакова, выделяется формальным образом из остального земства и получает подавляющее большинство голосов. Предпринимается реформа земских начальников. Эти же интересы имеют в виду при издании правил 1887 года о сельских рабочих.

Все эти мероприятия не увеличили рядов истинных общественных деятелей, во многих случаях разрешили их, не подняли общественного и правительственного значения дворянства, не остановили даже его разорения. Задолженность землевладения в частных акционерных банках в настоящее время выше, чем при

учреждении дворянского банка, и все выданные им сотни миллионов легли новым бременем на землю. Развились за то сословные узкоэгоистические дворянские инстинкты, выражающиеся в ходатайствах о даровании все новых материальных льгот, сбавки процентов по платежам, освобождении от налога на наследства, в проектах о возможной замкнутости сословий – и рядом с этим развилось другое очень печальное явление, почти отсутствовавшее в русской жизни – рознь между сословиями и вполне естественная враждебность к классу привилегированному.

Толков о крестьянстве – этом носителе русских народных начал и заветов родной старины – слышать приходилось немало; но осуществлялись в жизни по отношению к нему исключительно мероприятия ограничительные и запретительные. Цель их – подчинить рано отпущенных на полную свободу взрослых детей и нерадивых работников строгой опеке и «благотворительному» надзору чиновничества, быстро сменяющего разорившихся дворян: ограничение семейных разделов, ограничение прав пользования землей, ограничение самостоятельности сходов и всего крестьянского самоуправления, уничтожение права непосредственно выбирать гласных в земские собрания, подчинение всего строя жизни опеке земских начальников. Для поднятия материального благосостояния крестьянства направление, господствовавшее в последнее десятилетие не сделало ничего. Не от него исходил ряд мероприятий, выполненных в начале царствования, имеющих в виду уравнение податного бремени и интересы рабочих масс: отмена подушной подати, понижение выкупных платежей, некоторые льготы при аренде казенных земель, устройство крестьянского банка, введение 5-процентного сбора с доходов от денежных капиталов, сбора с имуществ, переходящих безвозмездно, введение податной и фабричной инспекций – все это самым тесным образом примыкает к государственной программе конца царствования имп[ератора] Александра II и в большинстве случаев является ничем иным, как измененным и суженным выполнением предначертаний этого периода. Министр, проводивший эти реформы*, был выдвинут также в предшествовавшее царствование; он ушел 1887 году, после того как определенно заявил о невозможности дальше увеличивать податное бремя. На смену ему явился госу-

---

* Н.Х. Бунге

дарственный деятель*, который в том же году повысил ряд налогов и начал совершенно другую финансовую политику. Цель и значение ее заключались в пополнении сундуков государственного казначейства деньгами, без всякого соображения с условиями, при которых эти деньги вносятся плательщиками. Мне, как вероятно всей России, совершенно достоверно известны факты выколачивания (в буквальном смысле слова) недоимок из населения, только что пережившего ужасный голодный год. Самое широкое распространение получает участие государства в биржевых операциях, сомнительные конверсии при участии лиц вроде Циона и усиленное покровительство крупной промышленности. Таможенные тарифы почти запретительные, покровительство синдикатам (сахарному, нефтяному), может быть, и развили сильно капиталистическое производства (хотя отзывы панегиристов в роде Менделеева преувеличены до лживости), но, несомненно, не были сообразованы с настоящими нуждами земледелия и народных масс. О степени внимания нового министра финансов к народным нуждам ярко свидетельствует проект 1893 года возобновления соляного акциза – проект, имевший одно время даже более вероятия пройти, чем налог подоходный, указанный еще в 1884 году Н.Х. Бунге, но до сих пор далекий от осуществления.

Как на важное мероприятие в пользу землевладельческой России указывают на учреждение Министерства земледелия, но одно это учреждение, прямо вынужденное бедствиями, раскрытыми голодным годом, как и восстановление Земледельческих академий Петровской и Александрийской, ничего еще не предпрещает. Пока мы знаем только, что в его распоряжении находятся крайне незначительные средства, что заботы об экономических нуждах населения предполагается не сосредоточивать в руках его представителей, а поручить коллегии чиновников, точно так же, как предполагается изъять из ведения земства и дело продовольственное и непосредственное заведывание им же созданной народной медицины.

Пережитый нами период характеризуется самым пышным расцветом всеопекающей бюрократии и чиновничества, борьбе с которыми столько было посвящено сил славянофилами – И.С. Аксаковым и Ю.Ф. Самариним. Наряду с бесчисленным полчищем чиновников всяких департаментов и канцелярий, стоит теперь

---

* И.А. Вышнеградский

чиновник-учитель, чиновник-священник, чиновник-профессор; создается новый многочисленный класс чиновников, опекунов народа, земских начальников. Первоначально предполагалось, как известно, в лице их создать независимую, самостоятельную власть, тесно связанную с корпорацией местного дворянства: личному усмотрению этих начальников, нерегулированному точным законом, предоставлялся самый широкий простор; в предположении более живого непосредственного характера их деятельности, она избавлялась от всяких юридических формальностей. В самое короткое время земские начальники превратились в чиновников-исполнителей Министерства внутренних дел, вполне подчиненных губернаторам и проявляющих свою самостоятельность исключительно в отдельных актах произвола по отношению к подведомственному крестьянству.

Поприще общественной деятельности, предоставленное^{*} выборным, становится все уже. Закон 1890 года зачисляет выборных представителей и членов управ в определенные классы табели о рангах и подчиняет их отчасти губернаторам; закон 1891 года делает то же самое по отношению к управам городским; печатаются проекты облечь в мундиры представителей крестьянского самоуправления. Общественные деятели, не состоящие непосредственно на государственной службе: народные учителя, врачи, земские техники и прочие лица, служащие по городским и земским учреждениям, а в последнее время даже выборные члены училищных советов, могут заниматься своим делом только официально допущенные местной властью, от усмотрения которой, часто самого своеобразного, зависит, не давая ни объяснения, ни отчета, допускать человека заниматься делом, составляющим его жизненное призвание и дающим ему насущный кусок хлеба, или лишить того и другого. Чем шире распространялся всесильный авторитет министра внутренних дел и область административных распоряжений и рассмотрения, тем более сокращались значение и компетентность суда, нелицеприятного статуса права и правды. Сколько усилий было положено за истекший период на ограничение суда совести, суда независимого и беспристрастного, равного для всех, – этого драгоценного наследия царствования императора Александра II. Усилия эти, к сожалению, далеко не остались бес-

---

* Первоначально «русским чиновникам», затем рукой Д.А. Милютина исправлено на «выборным» (прим. публ.).

следными, несмотря на самое горячее противодействие сторонников суда, среди которых такое видное место занимал И.С. Аксаков. Ослабление суда повлекло за собою, в свою очередь, большое распространение всевозможных правонарушений и превышений власти, остающихся без возмездия. Широкою случайною огласку получают только отдельные, особенно яркие факты, как циркуляры и распоряжения Анастасьева, Баранова, Валя, Неклюдова, массовые сечения при холерных и аграрных беспорядках, обстоятельства, вызывающие печальные процессы о сопротивлении властям. А сколько крупных и мелких административных мероприятий, противоречащих закону и правде, совершается в провинции, да и не только в провинции, но и в столицах, если судить, например, по процессу околоточного надзирателя Годжело и по многим приказам градоначальников.

Если мы теперь обратимся к совершенно другой области – к народному образованию, то увидим, что истекшее десятилетие принесло нам: университетский устав 1884-го года, программы для факультетов юридического и историко-филологического, грозившие превратить этот последний в приготовительную школу учителей древних языков; закрытие женских медицинских и прочих женских курсов, циркуляры о закрытии приготовительных классов при гимназиях, «привлекающих в среднеучебные заведения детей кучеров, лакеев, прачек, поваров, мелких лавочников и тому подобных людей», циркуляр, разрешающий в гимназии розги, и наконец правила о церковно-приходских школах – этот законодательный акт первостепенной важности, изданный помимо Государственного совета. Какого бы мнения ни держались мы о желательном характере начальной школы, не можем не признать следующих фактов: церковно-приходская школа безусловно задержала в 1880-х годах правильное развитие народной школы; распространялась она под усиленным давлением свыше, часто вопреки желаниям непосредственных исполнителей, – и что всего важнее – церковно-приходская школа способствовала широкому развитию в делах народного образования лжи и погони за внешней показной стороной дела.

В области свободы совести и слова протекшие годы принесли нам новые стеснения. Они не давали возникать свободным периодическим изданиям, способным правдиво отражать жизнь; они погубили целый ряд других изданий, служивших выразителями определенных течений русской жизни; за то открыли ши-

рокий простор бесстыдным разглагольствованиям «Гражданина». Не останавливаюсь на второстепенных мероприятиях, как то на правилах о библиотеках, на изъятии книг, разрешенных общецензурой, на стеснениях самых естественных выражений общественного сочувствия, празднования юбилеев; ношение венков при похоронах... Тот же период отмечен широким расцветом «принужденного православия», о необходимости прекращения которого так красноречиво писал в 1885 году в «Руси» П. Б. Д. – Незначительные льготы раскольникам 3-го мая 1883 года, как известно, были ограничены в жизни всевозможными истолкованиями и административными мероприятиями.

Если мы обратимся в заключение к основной посылке славянофильского государственного мировоззрения – к вопросу о правде в общественной жизни и доверии между царем и народом, то нарисуетя ужасающая картина. Никогда со времен Николая I официальная лож не находила такого распространения и значения, как в недавнем прошлом. О степени ее достаточно ясно говорят общеизвестные факты, например: причина, по которой неурожай 1891 года привел к таким печальным последствиям. Сколько времени не разрешалось громко говорить о голоде; сколько времени министры не решались доложить Государю о действительном положении вещей. Недоверие к обществу проявлялось в бесчисленном ряде крупных и мелких подробностей. Чтобы взять примеры из нашей губернии, укажу на неутверждение председателя земской управы, лица бывшего 12 лет подряд предводителем дворянства, и одновременное неутверждение членом той же управы другого местного лица, 8 лет занимавшего это место. И какой же результат всего этого? – а то, что царь Русский находит единственные часы отдыха и отрады в финляндских шхерах и в Дании, в Фреденсборге, – и рядом с этим – бесстыдная ложь и лицемерие, пошлая лесть, которыми наполнена теперь почти вся наша печать.

Факты, о которых пишу Вам, известны всякому, кто хоть сколько-нибудь следит за ходом русской жизни. И молчать теперь среди общей лжи – значит присоединиться к ней. От славянофилов мы имеем право ждать правдивого, веского слова. Вы, уважаемый Владимир Иванович, один из их представителей, сказали уже многое, но далеко не все. Славянофилы говорили правду в царствование Николая I; они приветствовали резкой правдой Александра II; они нашли возможным деятельно вмешаться в ход русской жизни при воцарении Александра III; неужели же теперь,

когда это всего нужнее, когда переживаемое тяжелое настоящее является в значительной степени делом славянофилов, – не найдется у них сил для раскрытия полной правды?

Ждать ответа придется не долго; ответ неопровержимый дает нам теперь русская жизнь. Она разъяснит нам и другой, гораздо более общий вопрос, по своей важности далеко превосходящий все упомянутые отдельные факты. Пред этим вопросом бледнеют и возможный упадок земледелия, и ослабление промышленности, и целые ряды неудачных законопроектов и административных стеснений. Роковой вопрос, на котором и мысленно остановиться страшно, это – не ослабели ли за истекший период нравственные жизненные силы народа? Не ослабело ли в сознательно живущей его части понимание требований совести и жизни, чувство общественного долга? И если случилось это несчастье, худшее из бедствий, могущих постигнуть народ, живущий государственною жизнью, то не скоро дождется Россия осуществления благих пожеланий, с которыми все мы встречаем новое царствование.

Ответ даст нам жизнь, ближайшее будущее. Что раскроет оно перед нами? Ложь, лесть и раболепство русского общества и общественных учреждений, нравственный их упадок, или – правду, искренно прочувствованную и открыто, громко заявленную.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

Вы сказали свое слово, которое разнесется теперь по всей России, по всему культурному миру. До сих пор Вы были никому не известны; со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет больше места «бессмысленным мечтаниям». Мы не знаем, понимаете ли Вы то положение, которое Вы создали своим твердым словом. Но мы думаем, что люди, стоящие не так высоко и не так далеко от жизни, как Вы, и потому могущие видеть то, что происходит теперь в России, легко разберутся и в Вашем, и в своем положении.

Прежде всего Вы плохо осведомлены о тех течениях, против которых Вы решились выступить с Вашей речью. Ни в одном земском собрании не слышалось ни одного голоса против самодержавной власти и никто из земцев не ставил вопрос так, как его поставили Вы. Наиболее передовые земства и земцы настаивали, или вернее, просили лишь об единении царя с народом, о непосредственном доступе голоса земства к престолу, о гласности и о том, чтобы закон всегда стоял выше административного произвола. Вот те стремления земских людей, которые Вы, только что вступивший на престол, неопытный и несведующий, решились заклеить названием «бессмысленных мечтаний». Для всех сознательных элементов русского общества ясно, кто подвинул Вас на этот неосторожный шаг. Вас обманули, Вас запугали представители той именно бюрократически придворной стены, с самодержавием которой не помирится никогда ни один русский человек, и Вы отчитали земских людей за слабый крик, вырвавшийся из их груди против бюрократически полицейского гнета.

Вы увлеклись так далеко в ненужном охранении того самодержавия, на которое ни один земский человек не думал посягать, что в участии представителей земства в делах внутреннего управления усмотрели опасность для самодержавия. Такой взгляд не соответствует даже тому положению, в которое земство поставлено

Вашим отцом и при котором оно является необходимым участником и органом внутреннего управления.

Но Ваше неудачное выражение не просто редакционный промах: в нем сказалась целая система. Русское общество прекрасно поймет, что 17-го января говорила Вашими устами вовсе не та идеальная самодержавная власть, носителем которой Вы себя считаете, а ревниво оберегающая свое всемогущество бюрократия. Этой бюрократии, начиная с Комитета министров и кончая последним урядником, ненавистно распространение общественной самодеятельности даже на почве существующего государственного порядка. Она держит самодержавного монарха вне свободного общения с представителями народа, и самодержец оказывается лишенным всякой возможности видеть их иначе, как ряженными представителями, с иконами и подношениями. И речь Ваша еще раз доказала, что всякое желание представителей общества и сословий быть чем-нибудь большим, всякая попытка высказаться перед престолом, хотя бы в самой верноподданнической форме, о наиболее вопиющих нуждах русской земли – встречает лишь грубый крик... Русская общественная мысль напряженно и мучительно работает над разрешением коренных вопросов народного быта, еще не сложившегося в определенные формы со времени великой освободительной эпохи и недавно, в голодные годы, пережившего тяжелое испытание. И вот в такое время, вместо слов, обещающих действительное и деятельное единение царя с народом и признания с высоты престола гласности и законности, как основных начал государственной жизни, представители общества, собравшиеся со всех концов России и ожидавшие от Вас одобрения и помощи, услышали лишь новое напоминание о Вашем всеисилии и вынесли впечатление полного отчуждения царя от народа...

Верьте, что и на самых смиренных людей такое обращение могло произвести только удручающее и отталкивающее действие. День 17-го января уничтожит тот ореол, которым многие русские люди окружали Ваш неясный, молодой облик. Вы наложили руку на Вашу популярность.

Но дело идет не только о Вашей личной популярности. Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя со всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного положения об усиленной охране – дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае

в недалеком будущем, падет под напором живых общественных сил.

Вы сами своими словами, своим поведением задали обществу такой вопрос, одна ясная и гласная постановка которого – есть уже страшная угроза самодержавию. Вы бросили земским людям и с ними всему русскому обществу вызов; им теперь не остается ничего другого, как сделать сознательный выбор между движением вперед и верностью самодержавию.

Правда, своею речью Вы усилили полицейское рвение тех, кто службу самодержавному царю видит в подавлении общественной самостоятельности, гласности и законности. Вы вызвали восторги тех, кто готов служить всякой силе, ни мало не думая об общем благе и в безгласности и произволе находя лучшие условия торжества личных и узкословных выгод. Но всю мирно стремящуюся вперед часть общества Вы оттолкнули. А те деятельные силы, которые неспособны довольствоваться полной сделок и уступок, трудной и медленной борьбой на почве существующего порядка – куда попадут они!

После Вашего резкого ответа на самые скромные и законные пожелания русского общества чем, какими доводами удержит оно на законном пути и охранит от гибели самых чутких и даровитых, неуклонно рвущихся вперед своих детей?

Не говоря о ликующих, в ничтожестве и общественном бессилии которых Вы сами убедитесь скоро, Ваша речь в одних вызвала чувство обиды и удрученности, от которого, однако, живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других – она обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами.

Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать...

Петербург. 19 января 1895 года

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ Д.А. МИЛЮТИНА
1900, 1909 годов

1900-й год

6-го февраля. Воскресенье. – В первый раз с наступления нового года открываю свой дневник для того только, чтобы занести в него – отъезд обеих дочерей: Лизаветы и Ольги, временно гостивших у нас в Симеизе: первая прибыла с 29 октября, а последняя – с 28 декабря. Снова остаемся мы втроем – с младшей дочерью – Надеждой Долгорукой. Грустные прощания.

Первый месяц наступившего года провели мы совершенно спокойно, в полном уединении. Только раза два посетили нас Самарины и Мария Алексеевна Кочубей, раз с* графом Дмитрием Алексеевичем Капнистом. Во все время погода была теплая; по временам дождливая. Мое здоровье настолько поправилось, что я мог почти каждый день выходить на работы. С большим, чем обыкновенно, любопытством следили по газетам за известиями с театра войны в Южной Африке. Замечательно всеобщее, во всех странах света, сочувствие, выказываемое к трансвальским «бурам», так же как и проявившееся повсюду негодование, злорадство и ненависть в отношении англичан. Неудачи, встреченные неожиданно последними в борьбе с маленькими республиками, почти окруженными британскими владениями, наносят сильный удар гордому и высокомерному Альбиону, обнаружив** слабые стороны возродившейся в последнее время мании «имперьялизма». В самой Англии нашлись честные люди (хотя и немногие), открыто признающие*** затеянную войну несправедливую, жестокою, даже унижительною для достоинства Великобритании. С другой стороны, твердая и

---

* братом ее

** бессилие

*** возникшую

успешная оборона двух маленьких республик против могущественной державы, заслуживает общего удивления.

По поводу наступления 1900-го года возникло в публике всех стран и в газетной полемике очень странное недоразумение: спорят о том, считать ли этот год последним годом XIX столетия или первым годом нового XX века? Как ни странно даже ставить подобный вопрос, однако ж до сих пор он остается еще для многих не совсем ясным. Одним из первых сбитых с толку был сам император Германский, который поспешил авторитетно объявить в Германии о наступлении XX столетия, тогда как папа со своей стороны провозгласил с равною авторитетностью, что новое столетие начинается лишь через год. Замечательно, что такое же недоразумение возникало и в начале XVIII и XIX столетий: в такую же ошибку, в какую впал император Вильгельм II, вдалились наш великий император Петр I, а веком позже – Павел I.

С марта наступившего 1900-го года наш старый стиль будет отставать от общепринятого в остальной Европе летосчисления, уже не на 12 дней, как было доселе, а на 13. Если у нас так боязливы, что не решаются прямо и без всяких уловок перейти от Юлианского летосчисления к Григорианскому, то весьма жаль, что упустили случай, чтобы, по крайней мере, устранить прибавку еще лишнего 13-го дня в счислении разности между нашим старым стилем и новым: для этого стоило бы только в нашем календаре на 1900-й год признать этот год невисокосным. Такое отступление, кажется, не могло бы подать повода ни к каким опасениям со стороны невежественного фанатизма.

24-го февраля. Четверг. – В понедельник первой недели Великого поста с раннего утра все местное население было встревожено объявлением полицейского начальства о поспешном сборе на службу всех чинов запаса. Внезапное это распоряжение застигло рабочий люд в похмелье после только что кончившейся широкой масленицы, в такое время, когда большая часть** рабочих*** еще была не в состоянии выйти на работу. Несмотря на то, все подлежащие призыву как у нас в имении, так и в соседних, ушли сегодня же на сборный пункт в Ялту, в том числе ушел и один из домашней нашей прислуги. Разумеется, пошли всякие толки,

---

* ныне

** наших

*** вовсе даже и не явилась <не вышла> на работу

догадки; заговорили о войне... и вся эта тревога продолжалась до нынешнего утра. Только теперь обыватели успокоены* дошедшим, наконец, известием из Ялты, что призванные люди вернутся в скором времени. Стало быть, производится только примерная или поверочная мобилизация.

6-го марта. Понедельник. – Приехала и временно поселилась у нас в доме больная учительница Александра Михайловна Перцова, о которой писала нам дочь Ольга. Особу эту рекомендует Матильда Павловна Моллас для чтения вслух слепой жене моей. Познакомимся, увидим, пригодится ли она к такому занятию, а пока отдохнет у нас на покое, необходимом ей после выдержанной тяжелой болезни.

Наступивший март месяц принес нам холодную и серую погоду.

По ночам температура спускается чуть не до нуля.

1-го апреля. Суббота. – Образ жизни наш так однообразен, что я намеревался не раз прекратить совсем ведение своего дневника, проставив отметку: *finis*. Но сила привычки берет свое. Кажется, как будто не исполнил своей обязанности, если не занес в свой дневник самого ничтожного случая, сколько-нибудь нарушающего однообразие и пустоту жизни.

Почти во все продолжение марта месяца погода держала меня в заключении. Я должен крайне остерегаться малейшего повода к простуде, а потому выходил из дома редко и только на работы поблизости дома. До последних дней не видали никого посторонних. Только на этой неделе посетил нас приехавший сосед Николай Сергеевич Мальцов; также временно поселившийся в Алупке генерал Зуров с двумя своими дочерьми. К праздникам наедут и другие посетители. В Ялте, как говорят, уже начался обычный к Пасхе съезд. Но державшиеся во всю зиму толки о предполагаемом приезде в Ливадию Их Величеств – наконец умолкли.

Оказывается, что царская семья проведет Страстную и Святую недели в Москве.

Приехавшая к нам в начале месяца марта г-жа Перцова предложила мне заняться перепискою начисто моего дневника, если не всего, то, по крайней мере, за те годы, в которые содержатся в нем наиболее любопытные данные в смысле исторического матерьяла. Я принял с удовольствием это предложение, вполне полагаясь

---

* дошедшими наконец слухами

на скромность Александры Михайловны. С завтрашнего дня она приступает к работе, начиная с дневника за 1876 год.

8-го апреля. Суббота. – Последние четыре дня провел у нас Федор Константинович Гершельман. Приехал он из Батума морем во вторник утром, и уехал обратно вчера вечером.

Поселившаяся у нас больная Александра Михайловна Перцова приступила к переписыванию моего дневника, начав с 1876 года. Выбрал я этот год для начала работы в том соображении, что* годы 1876–1879** в моем дневнике заключают в себе наиболее интересный материал для будущего историка.

Сегодня первый ясный и теплый день. Погода как будто улыбнулась пред наступлением завтрашнего Светлого Воскресения.

13-го апреля. Четверг. – Вчера утром обрадованы были приездом сына; но ненадолго: пробыл с нами ровно сутки, сегодня утром он уже уехал обратно в Курск.

По случаю праздников посетил нас генерал Лауниц из Ялты; обедал у нас. Виделись еще с семьей Зуровых и Мальцовыми.

15-го апреля. Суббота. – Ездил я в Алупку, отдать визит Зуровым. Это первый мой выезд с ноября 1898-го года. Нашел много перемен в Алупке и на дороге: выстроены новые дома, один безобразнее другого.

Вчера обедали у нас все трое братьев Мальцовы.

21-го апреля. Четверг. – Получил из Феодосии телеграмму с прискорбным известием о скоропостижной кончине в ночь с 19 на 20 число Ивана Константиновича Айвазовского. Известие это сегодня же появилось и в ялтинской газете. Айвазовский до конца жизни проявлял необыкновенную бодрость и деятельность; с юношескою энергией продолжал он работы свои, истинно художественные. Плодовитость его изумительная. Смерть его была самая счастливая: она застигла его во сне!

Мои приятельские отношения с Айвазовским установились с давних времен, с пятидесятих годов. Первые встречи наши были у нашего друга юности Ивана Павловича Арапетова, который был также, как и Айвазовский, армянского происхождения.

8-го мая. Понедельник. – Столетний юбилей кончины знаменитого нашего полководца Суворова праздновался во всей России с особенным торжеством. По этому случаю удостоился я по-

---

* эпоха

** есть наиболее интересные

лучить весьма лестные телеграммы: одну – вчера из Петербурга от председателя юбилейной комиссии генерала Сухотина, начальника Николаевской академии Генерального штаба; другую – из Москвы, за подписью профессора Герье, профессоров Ключевского и Якушкина от имени состоящего при Московском университете Исторического общества, которое оказало мне высокое внимание избранием в свои почетные члены. Эта почесть особенно мне приятна.

Наконец дождались мы теплых дней. Сидим с открытыми окнами и дверями на балкон. Под вечер неожиданно посетили нас великий князь Александр Михайлович с великой княгиней Ксенией Александровной. Очень симпатичная чета!

19-го мая. Пятница. – На этой неделе пришлось мне сделать первые поездки вдаль: во вторник ездил в Ай-Тодор, к великому князю Александру Михайловичу и великой княгине Ксении Александровне; не застал их дома, расписался; а сегодня – решился съездить в Ялту, где давно уже мне было нужно побывать по делам у нотариуса. Кстати повидался со всеми нашими тамошними приятелями: Марией Алексеевной Кочубей, Самариными, князем и княжной Ливен, баронессой Н.М. Фредрихс и другими.

Полтора года не был я в Ялте – и нашел много перемен, множество новых построек, как в самой Ялте, так и по пути. Погода очень благоприятствовала первому моему дальнему выезду.

20-го мая. Суббота. – Сегодня приглашен был к завтраку в Ай-Тодор у великого князя Александра Михайловича и Ксении Александровны. Кроме домашних лиц великокняжеского двора находился приезжий офицер (не запомнил его имени), только что возвратившийся из Южной Африки, от буров. К сожалению, не много пришлось мне слышать из его рассказов.

28-го мая. Воскресенье. – Редкий день проходит без гостей. Вчера у нас ночевали и провели часть дня Мальвина Егоровна Лаврентьева с племянницей, а сегодня приехали к обеду князь Ливен с дочерью и баронессой Фредрихс. Далек не всех посетителей занову в свой дневник. Чем дальше, тем все менее охоты вести его.

13-го июня. Вторник. – Надя уехала в свои рязанские имения; предполагает быть в отсутствии недели три. Газеты наполнены известиями и рассуждениями о страшных неурядицах в Китае. Никто не ожидал такого серьезного оборота дел.

Война в Южной Африке и судьба несчастных «буров» – отошли на второй план.

20-го июня. Вторник. – Приезд моего внука Дмитрия Гершельман. Окончив с блестящим успехом экзамен для перехода в старший (последний) класс Лицея, пользуется каникулами для поездки в Закавказье, к своему отцу.

27-го июня. Вторник. – Отъезд Дмитрия Гершельман, а вслед за тем приезд двух барышень Праховых из Киева.

Под вечер пошел я пешком к соседям Мальцовым; порядочно устал, так что провел потом плохую ночь. Вижу на опыте, что дальние прогулки уже не по моим летам.

5-го июля. Среда. – Возвращение дочери Нади из Рязанской губернии.

Газеты переполнены, почти исключительно, страшными вестями о переполохе в Китае. Из последних известий видно, что опасность угрожает уже русским границам. Народное восстание перешло уже в открытое нападение на Благовещенск и другие пограничные наши пункты. Работы на Манчжурских железных дорогах, конечно, прекращены.

Какой неожиданный и внезапный катаклизм! Сама Европа – виновница страшного взрыва; она расшевелила дремавшие стихийные силы; нелегко будет успокоить их.

1909-й год

10-го декабря. – Государь удостоил своим посещением, около 3 часов пополудни. Оставался недолго, чтобы не слишком утомлять меня. Как всегда в разговоре своем выказал большую благосклонность и доброту*.

На днях Государь едет в Севастополь, куда ожидается прибытие тела покойного великого князя Михаила Николаевича, из Канна.

Погребение в Петропавловском соборе назначено на 23 декабря.

Ровно за неделю до посещения Его Величества приезжал состоящий при Е. В. лейб-медик Боткин – один из сыновей

---

* **10-го декабря.** – посещение Государя, в начале 4-го часа.

Оставался недолго, «чтобы не утомлять» меня. Чрезвычайно любезен, добр и прост в обхождении.

почтенного Сергея Петровича. Очевидно, приезд его имел целью – предварительно осведомиться о моем болезненном состоянии.

Указатели

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Александр Аггеевич (1821–1895), действительный тайный советник (1874), гофмейстер двора великой княгини Елены Павловны (1867); в 1871–1874 гг. – государственный контролер, в 1874–1880 и 1884–1893 гг. – председатель Департамента государственной экономики Государственного совета, в 1880–1881 гг. – министр финансов; шурин Н.А. Милютина 351
- Адельсон Николай Осипович (1829–1901), генерал от кавалерии; с 1874 г. – и. д. второго коменданта Петербурга; с 1882 г. – и. д., с 1888 г. – комендант Петербурга 317
- Адлерберг Екатерина Николаевна (1822–1910), статс-дама, жена графа А.В. Адлерберга 404
- Айвазовский Иван Константинович (1817–1900), русский художник-маринист 34, 422, 459
- Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. 294, 464
- Александр I (1876–1903), король сербский с 1889 г.; сын князя Милана IV Обреновича 249
- Александр II (1818–1881), российский император с 1855 г. 8–10, 12, 13, 15, 219, 272, 342, 349, 397, 436, 453, 482, 483, 485, 486, 487, 489–491, 506, 531
- Александр III (1845–1894), российский император с 1881 г. 8, 9, 13, 251, 316, 331, 332, 342, 344, 349, 366, 463, 491, 533
- Александр Баттенбергский (1857–1893), принц, в 1879–1886 гг. князь Болгарский 281
- Александр Михайлович (1866–1933), великий князь, генерал-адъютант, адмирал; четвертый сын великого князя Михаила Николаевича, внук императора Николая I 34, 35, 310, 312–315, 370, 371, 498, 502
- Александр Невский (1220–1263), святой, князь, с 1252 г. великий князь Владимирский 39
- Александра Иосифовна (1830–1911), великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская (Фредерика Генриетта Паулина Марианна Елизавета), с 1848 г. – жена великого князя Константина Николаевича 319, 321, 322, 383, 486
- Александра Петровна (1838–1900), великая княгиня, дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, с 1856 г. – жена великого князя Николая Николаевича (Старшего); в монашестве Анастасия, настоятельница Киевского Покровского женского общежительного монастыря 494, 508

- Александра Федоровна (1872–1918), императрица; урожденная Алиса Виктория Елена Луиза принцесса Гессен-Дармштадская; с 1894 г. жена императора Николая II 34, 321–324, 329, 380, 388
- Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, четвертый сын императора Александра II; генерал-адъютант (1880), адмирал (1888); с 1873 по 1881 г. – командир Гвардейского экипажа; в 1877–1878 гг. – начальник всех морских команд на Дунае; в 1881–1905 гг. – главный начальник флота и морского ведомства с правами генерал-адмирала; член Государственного совета 319, 321, 371, 384, 418, 486
- Алексин Александр Николаевич (1862–1925), врач из Ялты, специалист по лечению туберкулеза 259–262, 516, 520
- Алексия (Пляшкевич Анна Михайловна) (1847–1923), в 1897–1921 гг. игуменья Пюхтицкого женского монастыря 497
- Али, бей (1759–1782), правитель Туниса 186
- Алиса Гессенская, см. *Александра Федоровна*
- Алышевский, Владимир Иасонович, лейб-медик (1845–1909) 35, 211
- Альффонс VI (1643–1683), с 1656 по 1667 г. король Португалии 135
- Анастасия Михайловна (1860–1922), великая княжна, дочь великого князя Михаила Николаевича, с 1879 г. – жена Фридриха Франца, наследного принца Мекленбург-Шверинского 407
- Анастасия Николаевна (1868–1935), дочь короля Николая I
- Негоша Черногорского, в первом браке (1889) с герцогом Георгом Максимилиановичем Лейхтенбергским, князем Романовским; во втором браке (1907) с вел. кн. Николаем Николаевичем (Младшим) 503
- Анджело (Angelo), фактотум российского посланника в Афинах М. Ону 204
- Анненков Михаил Николаевич (1835–1899), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1876–1884 гг. – член и управляющий делами Комиссии для исследования железнодорожного дела в России; в 1877–1884 гг. – член временного исполнительного комитета по передвижению войск; с 1884 г. – член Совета министра путей сообщения; в 1891–1892 гг. – глава временного Особого управления общественными работами, предпринятыми правительством для помощи населению, пострадавшему от неурожая; член Военного совета 97, 106, 127
- Антоний, святой 141
- Анциферов Павел Григорьевич (1851–1897), действительный статский советник, в 1889 г. – инспектор Уманского училища земледелия и садоводства; с 1891 г. – директор императорского Никитского ботанического сада 428, 432
- Апраксин 411
- Арапов Иван Андреевич (1849–1913), генерал-лейтенант, шталмейстер; в 1860–1870-е гг. адъютант военного министра; член Совета министра земледелия и

- государственных имуществ, с 1905 г. в отставке 97, 301, 485
- Араповы, семья 227
- Аристарх-бей, посланник Турции в Вашингтоне 95
- Арсеньев Константин Константинович (1837–1919), публицист, юрист, историк русской литературы; с 1900 г. – почетный академик; общественный деятель 464
- Арцимович Виктор Антонович (1820–1893), действительный тайный советник, сенатор; с 1858 г. – калужский губернатор; с 1864 г. – вице-председатель Государственного совета Царства Польского; с 1865 г. – чиновник Уголовного кассационного департамента Сената; с 1880 г. – первоприсутствующий в 1-м департаменте Сената 464
- Базилевские, московские домовладельцы 298, 299, 308, 310**
- Баранов Николай Михайлович (1837–1901), флигель-адъютант, капитан 1-го ранга (1877 г.), генерал-лейтенант (1897); участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1880–1881 гг. – ковенский губернатор, в марте–августе 1881 г. – петербургский градоначальник, в 1881–1882 гг. – архангельский, в 1882–1897 гг. – нижегородский губернатор; сенатор 412, 414–416
- Баратынская Софья Михайловна, жена М.В. Долгорукого 25, 284
- Баратынские, владельцы имения в Тамбовской губернии 25
- Барбуши Магомед, владелец магазина в Тунисе 184
- Барковский, юрисконсульт русского посольства в Париже 72
- Барсов Александр Андреевич (1823–1908), генерал от артиллерии (1896); в 1877–1878, 1889–1892 гг. – начальник артиллерии 9-го армейского корпуса; в 1879–1889 гг. – начальник артиллерии 12-го армейского корпуса; в 1892–1896 гг. – командир 9-го армейского корпуса; с 1893 г. – товарищ генерал-фельдцейхмейстера вел. князя Михаила Николаевича; с 1899 г. – член Военного совета 436
- Бартенева Надежда Арсеньевна (1821–1902), фрейлина императрицы Александры Федоровны, жены императора Николая I, и императрицы Марии Александровны, жены Александра II 34, 36, 396
- Барятинский Виктор Иванович (1823–1904), князь, в 1856 г. капитан 1-го ранга; с 1857 г. в отставке 29
- Барятинский Владимир Анатольевич (1843–1914), князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, егермейстер, обергофмейстер при дворе вдовствующей императрицы Марии Федоровны; в 1879–1883 гг. – командир лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона; в 1890–1891 гг. – руководитель путешествия цесаревича Николая Александровича на Восток 315, 404
- Басаргин Владимир Григорьевич (1838–1893), вице-адмирал (1892); 1867–1877 гг. – коман-

- дир фрегата «Князь Пожарский»; с 1880 г. – командир броненосца «Петр Великий»; с 1883 г. – командир броненосного фрегата «Дмитрий Донской»; с 1885 г. – начальник Учебно-артиллерийского отряда Балтийского флот; с 1886 г. – контр-адмирал с назначением флаг-капитаном императора Александра III; в 1890–1891 гг. – флагман отдельного отряда кораблей, сопровождавших цесаревича Николая Александровича в плавании от Триеста на Дальний Восток 54, 248–250
- Бахметьев Юрий Петрович (1844–1928), надворный советник, камер-юнкер; с 1874 г. – 2-й секретарь миссии в США; с 1879 г. – 2-й секретарь посольства во Франции; с 1883 – 1-й секретарь российской миссии в Греции; с 1897 г. – посланник в Болгарии; в 1906–1908 гг. – посол в Японии; в 1911–1917 гг. – посол в США 47, 48, 52
- Бахметьев, флотский офицер в свите вел. князя Георгия Александровича 250
- Бахметьева, жена Ю.П. Бахметьева 48
- Бахметьевы, Ю.П. Бахметьев и его жена 48, 53, 205
- Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921), граф, флигель-адъютант (1878), генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1905), обер-гофмаршал (1912), сенатор; с 1871 г. служил в лейб-гвардии Конном полку; в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – ординарец главнокомандующе-
- го действующей армией великого князя Николая Николаевича (Старшего); с 1912 г. заведовал гофмаршалской частью Министерства императорского двора и уделов 315, 321
- Бенявский (Беневский) Аркадий Семенович (1840–1910), генерал-лейтенант, с 1875 заведующий отделением по мобилизации войск Главного штаба; в 1878–1880 гг. – командир 19-го пехотного Костромского полка; с 1880 г. – помощник начальника штаба Восточно-Сибирского, с 1884 г. – Приамурского военного округа; с 1886 г. – военный губернатор и командующий войсками Амурской области и наказной атаман Амурского казачьего войска; в 1892–1894 гг. – начальник штаба Киевского военного округа; с 1894 г. – помощник начальника Главного штаба, с 1898 г. – помощник приамурского генерал-губернатора, с 1903 по 1905 г. – член Военного совета 462
- Бер Николай Николаевич (1844–1904), действительный статский советник, шталмейстер, с 1887 г. – чиновник для особых поручений при министре Императорского двора и уделов; в 1896 г. – распорядитель на коронационных торжествах 435
- Бергель, жена одного из офицеров канонерки «Уралец» 53, 66
- Берлинер Макс, житель Петербурга, коммерсант 209
- Бернов Евгений Иванович (1855–1917), генерал-майор (1907); с 1898 г. – полковник лейб-гвардии Кавалергардского пол-

- ка; с 1904 г. – командир 22-го Астраханского драгунского; с 1907 г. – командир Кирасирского ее величества полка; с 1912 г. – командир 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии; с 1914 по 1917 г. состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части принце А. П. Ольденбургском; друг семьи Юсуповых и Сумароковых-Эльстон 369, 533, 534
- Бессоль, французский генерал, командир корпуса в Алжире 175, 176
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897), историк, публицист, академик Петербургской Академии наук 235
- Бильдерлинг Александр Александрович (1846–1912), генерал от кавалерии (1901), с 1875 г. начальник Тверского кавалерийского юнкерского училища; с 1877 г. – командир 12-го драгунского Стародубовского полка; в 1878 г. – и. д., с 1881 г. – начальник Николаевского кавалерийского училища; с 1891 г. – помощник начальника Главного штаба; с 1899 г. – командир 17-го армейского корпуса; в 1905 г. – командир Восточного и Западного отрядов, временный командующий 2-й и 3-й Маньчжурскими армиями; с 1905 г. – член Военного совета 386, 409, 429, 461, 462
- Бисмарк фон Шенгаузен Отто Эдуард Леопольд (1815–1898), князь, немецкий государственный деятель, в 1859–1862 гг. – прусский посланник в Петербурге, с 1862 г. – министр-президент и министр иностранных дел, в 1871–1890 гг. – первый рейхсканцлер Германской империи 231, 232, 507, 508, 514
- Блудова Антонина Дмитриевна (1813–1891), графиня, дочь государственного деятеля и литератора Д.Н. Блудова; писательница, благотворительница, с 1863 г. – камер-фрейлина 30
- Бобриков Георгий Иванович (1840–1924), генерал от инфантерии, член Военно-ученого комитета, военный писатель; с 1880 г. прикомандирован к Главному штабу; с 1881 г. член Военно-ученого комитета, с 1885 г. – генерал для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округ; с 1898 по 1901 г. командир 1-й гвардейской пехотной дивизией; с 1902 г. – член Александровского комитета о раненых, заведующий Московской Измайловской военной богадельней 462
- Бобриков Николай Иванович (1839–1904), генерал-майор, с 1884 г. – начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, с 1898 г. – финляндский генерал-губернатор 315, 462
- Бобринская Александра Алексеевна (1843–1905), урожденная Писарева, графиня, с 1861 г. жена графа А.П. Бобринского 380
- Бобров Александр Алексеевич (1850–1904), профессор московского университета по кафедре оперативной хирургии 227, 259–262

Богуславская Софья Ивановна 411

Богуславский Иван Николаевич (? – 1904), сосед Д.А. Милютина по Симеизу 270, 271, 304, 411

Бота (Ботта) Франческо, скульптор, в 1855 г. удостоен звания классный художник от Петербургской Академии художеств 257

Брандт Александр Андреевич (1855–1933), профессор, инженер путей сообщений, с 1885 по 1893 г. – старший инженер комиссии по устройству коммерческих портов; с 1889 г. – профессор Института инженеров путей сообщения по кафедре паровых машин; с 1896 по 1901 г. – инспектор Института инженеров путей сообщения, с 1906 по 1911 г. – директор Института инженеров путей сообщения по избранию; с 1911 г. – член инженерного совета министерства путей сообщения 50

Брюлов 464

Буадефр Рауль Франсуа Шарль (1839–1919), французский генерал, с 1878 г. – военный агент в России; в 1896 г. – временный посол Франции в России; в 1894–1898 гг. – начальник Генерального штаба Французской республики 398

Бугров Николай Александрович (1839–1911), крупный предприниматель, мануфактур-советник, меценат; в 1896 г. – член особой комиссии под председательством С.Ю. Витте для организации и проведения Всероссийской художественной и

промышленной выставки в Нижнем Новгороде 416

Будде Виктор Эммануилович (1836–1903), генерал от инфантерии (1900); с 1879 г. – командир 1-й бригады 12-й пехотной дивизии; с 1885 г. – командир 2-й бригады 12-й пехотной дивизии; с 1890 г. – командующий 31-й пехотной дивизией 360

Бунге Николай Христианович (1823–1895), общественный и государственный деятель, ученый-экономист, действительный тайный советник, с 1862 г. управляющий Киевской конторой Государственного банка; с 1863 по 1864 гг. преподавал теорию финансов вел. кн. Николаю Александровичу, с 1859 по 1862 гг., затем с 1871 по 1875 г. и с 1878 по 1880 г. – ректор Университета св. Владимира, в 1880 г. – товарищ министра финансов, с 1881 по 1886 г. – министр финансов; с 1887 г. – председатель Комитета министров и член Государственного совета 9, 341

Бутенев Михаил Апполинариевич (с 1893 г. граф Хрептович-Бутенев) (1844–1897), тайный советник (1896), камергер; дипломат, в 1870-е гг. – секретарь русского посольства во Франции, в 1885–1895 гг. – советник посольства в Лондоне, в 1895–1897 гг. – посланник в Баварии и Саксен-Кобурге 77, 78, 520

Бутеневы, семья 21, 22, 25

Бухарский эмир, см. *Сеид-Абдул-Ахад-хан*, в 1885–1910 гг. – эмир Бухарский

- Бюжо (Bugeaud) (1784–1849), герцог Ислийский, маршал Франции; в 1836 г. одержал победу в Алжире над Абд-эль-Кадером; в 1841 г. – генерал-губернатор Алжира; в 1844 г. одержал победу над марокканцами в сражении при р. Ислии 172
- Ваганова**, возможно Агриппина Яковлевна (1879–1951), российская балерина 255
- Вагнер**, врач окулист в Одессе 283
- Ваксель** Ольга Александровна, племянница Марии Милотиной 318–320
- Валуев** Петр Александрович (1815–1890), граф (1880), действительный тайный советник (1866); в 1861–1868 гг. – министр внутренних дел, в 1872–1879 гг. – министр государственных имуществ; в 1879–1881 гг. – председатель Комитета министров; член Государственного совета 463
- Валь фон Виктор** Вильгельмович (1840–1915), генерал от кавалерии, в 1879 г. – гродненский губернатор; в 1879 г. – харьковский губернатор; в 1880 г. – витебский губернатор; в 1884 г. – подольский губернатор; в 1885 г. – волынский губернатор; с 1889 по 1892 г. – курский губернатор; в 1892–1895 гг. – Петербургский градоначальник; с 1902 г. – товарищ министра внутренних дел; с 1904 г. – член Государственного совета 226
- Ванновский** Петр Семенович (1822–1904), генерал от инфантерии (1883), генерал-адъютант (1878); в 1868–1871 гг. – начальник 12-й пехотной дивизии, в 1871–1876 гг. – начальник 33-й пехотной дивизии, в 1876 г. – командующий 12-м армейским корпусом, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1881–1897 гг. – военный министр; в 1901–1902 гг. – министр народного просвещения; член Государственного совета 281, 462, 469–471, 473, 474, 517, 520, 527
- Варвара** (Блохина Елисавета Дмитриевна) (1843–1915), в 1888–1897 г. – игуменья Пюхтицкого женского монастыря 305, 307, 326, 409, 410
- Васко да Гама** (Vasco da Gama) (1469–1524), португальский мореплаватель; в 1497–1499 г. – совершил плавание из Лиссабона в Индию, обогнув Африку и впервые проложив путь из Европы в Южную Азию; в 1502–1503 и в 1524 гг. совершил еще несколько путешествий в Индию 135
- Васмунд** Георгий Робертович (1838–1904), генерал-майор; в 1889 г. – флигель-адъютант; с 1890 г. – командир лейб-гвардии Измайловского полка; с 1893 г. – командир 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии; с 1898 г. – командир 1-й гвардейской пехотной дивизии; с 1898 г. – начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа 167, 168
- Васнецов** Виктор Михайлович (1848–1926), русский художник 429
- Васяткин**, житель города Алупка 256, 259

- Вейнберг Петр Исаевич (1830–1908), поэт, переводчик, литературовед 464
- Веласкес Родригес де Сильва Веласкес Диего (1599–1660), испанский живописец 124, 129
- Веляминов Николай Александрович (1855–1920), профессор медицины; с 1890 г. – лейб-хирург; учредитель и издатель первого в России медицинского журнала по хирургии «Хирургический вестник» 320
- Веселовский, причетник русской церкви в Лондоне 75, 77
- Вильгельм I (1797–1888), с 1861 г. король прусский, с 1871 по 1888 г. император германский 508, 514
- Вильгельм II (1859–1941), с 1888 по 1918 г. – император Германский и король Пруссии 222, 231, 232, 242, 505
- Виртц (Wiertz) (1806–1865), бельгийский художник 85, 86
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), граф, статс-секретарь (1896), действительный тайный советник (1899); с 1886 г. – управляющий Юго-Западной железной дороги, с 1889 г. – директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов и председатель тарифного комитета, с 1892 г. – управляющий Министерством путей сообщений, с 1892 по 1903 г. – министр финансов, с 1903 по 1905 г. – председатель Комитета министров, в 1905 г. – глава российской делегации на мирных переговорах с Японией в Портсмуте, в 1905–1906 гг. – председатель Совета министров, член Государственного совета по назначению, с 1906 по 1915 г. – председатель Комитета финансов (1906–1915) 232, 314, 353, 390, 405, 443, 458, 459, 520, 522, 526, 529, 530, 532
- Владимир Александрович (1847–1909), великий князь, третий сын императора Александра II; генерал от инфантерии (1880), генерал-адъютант (1872); в 1874–1880 гг. – начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – командир 12-го армейского корпуса, с 1881 г. – командующий, с 1884 по 1905 г. – главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, с 1876 г. – президент Академии художеств, член Государственного совета 126, 167, 319, 321, 383, 385, 478, 494
- Влангали Александр Егорович (1823–1908), русский дипломат, географ, генерал-майор (1870), с 1863 по 1873 г. чрезвычайный посланник в Пекине, в 1873 г. оставил службу по болезни, с 1882 г. товарищ министра иностранных дел, с 1891 по 1897 г. русский посол в Италии; член Государственного совета 69
- Власова, ревельская знакомая семьи Шаховских 355
- Власовский Александр Александрович (1842–1899), полковник, московский обер-полицмейстер (1893–1896), уволен после трагедии на Ходынке 399, 400, 420, 421, 435
- Волжанинов А.В., чиновник управления уделов, занимался закуп-

- ками вина в Крыму 458, 459, 475, 484, 499, 524, 526
- Волков Иван Харитонович, нотариус 232, 234, 465
- Волкова Варвара Петровна (1870–1920), урожденная графиня Гейден, дочь Петра Александровича Гейдена; замужем за В.А. Волковым; помещица Орловской и Смоленской губерний 430
- Волковы, владельцы имения в Курской губернии 273, 274
- Волконский Михаил Сергеевич (1832–1909), князь, гофмейстер, крупный землевладелец; попечитель Петербургского учебного округа; в 1882 г. – товарищ министра народного просвещения; с 1885 г. – сенатор; с 1896 г. – член Государственного совета 106, 397
- Вонлярлярский Николай Михайлович (1846–1906), генерал-лейтенант; с 1875 по 1883 г. адъютант военного министра; командир 2-й бригады 13-й кавалерийской дивизии; с 1902 г. – командир 5-го армейского корпуса 412, 414–416
- Воронин Виктор Иванович, техник, служил в Ливадии 425–428, 430, 433
- Воронцова Мария Васильевна (1819–1895), светлейшая княгиня, урожденная княгиня Трубецкая; в первом браке замужем за Алексеем Григорьевичем Столыпиным; во втором браке замужем за Семеном Михайловичем Воронцовым 459, 354
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1875); с 1861 г. – адъютант великого князя Александра Александровича, в 1867–1872 гг. – командир лейб-гвардии Гусарского Е. В. полка, с 1874 г. – начальник штаба Гвардейского корпуса, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – начальник кавалерии Руцукского отряда, в 1881–1897 гг. – главноуправляющий государственным коннозаводством и министр Императорского двора и уделов, в 1905–1915 гг. – кавказский наместник и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа; член Государственного совета 210, 247–249, 315, 400, 406, 408, 436, 462
- Воронцовы, семья 356, 481
- Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895), профессор, инженер, предприниматель; в 1887 г. – управляющий Министерством финансов; в 1888–1892 гг. – министр финансов 232, 353
- Вюртембергский, принц 392
- Вяземская Мария Владимировна (1859–1938), (урожденная графиня Левашова) княгиня, жена Вяземского Леонида Дмитриевича 368, 457
- Вяземские 319, 371, 372, 459–461
- Вяземский Леонид Дмитриевич (1848–1909), князь, генерал от кавалерии (1906), флигель-адъютант; с 1871 г. – полковой адъютант лейб-гвардии Гусарского полка, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командующий 2-й бригадой болгарского ополчения, в 1888–1890 гг. –

- астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска, в 1890–1892 гг. – управляющий Департаментом уделов Министерства императорского двора, в 1892–1899 гг. – начальник Главного управления уделов; член Государственного совета 34, 314, 315, 493
- Гагарин Григорий Григорьевич (1810–1893), князь, генерал-майор, обер-камергер; с 1859 по 1872 г. – вице-президент Императорской Академии художеств; художник, исследователь истории искусства 34
- Гаевская Евгения Ивановна 31, 212, 219, 227, 230, 257, 260, 263, 311, 359, 369
- Галкин-Врасский Михаил Николаевич (1834–1916), действительный тайный советник (1895), с 1868 г. – эстляндский губернатор; с 1870 г. – саратовский губернатор; с 1879 г. – начальник Главного тюремного управления; с 1896 г. – член Государственного совета 368
- Галл Гай Вибий Афиний Требониан (206–253), с 251 по 253 г. римский император 103
- Гамбургер (Амбургер), Андрей Федорович (1821–1899), тайный советник, статс-секретарь; чиновник для особых поручений при министре иностранных дел; в 1870–1879 гг. – директор Департаментом личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел, в 1879–1896 гг. – посол в Швейцарии; с 1871 г. – вице-президент Русского исторического общества 97
- Ганецкий (Гонецкий) Николай Степанович (1815–1904), генерал от инфантерии (1878); в 1877–1878 гг. – командир 7-го армейского корпуса, с 1878 г. – командир 8-го армейского корпуса, с 1882 г. – Гренадерского корпуса, с 1886 по 1895 г. – командующий войсками Виленского военного округа; член Государственного совета 29
- Гарфорт (Гардфорд), в 1880-е гг. – британский консул в Севастополе; затем британский консул на Канарских островах и Новой Каледонии 355, 356, 481
- Гауссман де Жорж Эжен (Haussmann de Geriges-Eugene) (1809–1891), барон, с 1849 по 1852 гг. – префект в разных департаментах; с 1852 по 1870 гг. – префект департамента Сены; занимался городским строительством в Париже; с 1881 по 1885 гг. – депутата в Палате депутатов 120
- Гедеонов Иван Михайлович (1816–1907), граф, генерал от инфантерии (1883), сенатор; в 1862–1870 гг. – управляющий Межевым корпусом 462
- Гейден Дмитрий Федорович (1862–1926), граф, младший сын Ф.Л. Гейдена; в 1891 г. – окончил Николаевскую Академию Генерального штаба; в 1905 вышел в отставку полковником 390, 406
- Гейден Елизавета Николаевна (1833–1894), урожденная графиня Зубова, жена графа Ф.Л. Гейден 293

- Гейден Логгин Логгинович (1806–1901), генерал-адъютант, адмирал, с 1895 г. член Государственного Совета и вице-председатель Александровского комитета о раненых 390
- Гейден Николай Федорович (1856–1918), граф, генерал-лейтенант (1906); в 1878–1886 адъютант военного министра; сын графа Ф.Л. Гейдена 228, 390, 406
- Гейден Ольга Федоровна (1864–1917), графиня 390, 404
- Гейден Федор Логгинович (1821–1900), граф, генерал от инфантерии (1870), генерал-адъютант (1862); с 1856 г. – начальник штаба Гренадерского корпуса; с 1861 г. – дежурный генерал Главного штаба, в 1866–1881 гг. – начальник Главного штаба и председатель Военно-ученого комитета, в 1881–1897 гг. – финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа; член Государственного совета 390, 400, 401, 405, 408, 439, 458, 462, 485
- Гельфрейх Мария Оскаровна, племянница М.Е. Лаврентьевой 355, 423, 479, 485
- Гельфрейхи 290
- Генрихсен (Генрихсон) Герман Романович, действительный статский советник, российский генеральный консул в Пире 50, 53
- Георг I (1845–1913), греческий король с 1863 по 1913 г.; сын короля Дании Христиана IX, с 1867 г. муж великой княгини Ольги Константиновны 60, 199
- Георг (1869–1957), принц Греческий; второй сын короля Георга I и королевы Ольги Константиновны; с 1907 г. женат на принцессе Марии Бонапарти 47
- Георгиевич, посланник Сербии в Греции 205
- Георгий Александрович (1871–1899), великий князь, третий сын императора Александра III; с 1894 г. – наследник престола 34, 35, 37, 174, 175, 210, 211, 213, 246, 247, 250, 252, 313–318
- Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий (Георг Александр Михаил Фридрих Вильгельм Франц Карл) (1859–1909), генерал-майор Свиты (1906); с 1902 г. – командир лейб-гвардии Драгунского полка; с 1906 г. – командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии; с 1907 г. – в распоряжении главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа 292, 486
- Герасимов Алексей Александрович, управляющий имением Мальцевых в Крыму 465
- Гершельман Константин Иванович (1825–1898), генерал от инфантерии (1895); генерал-адъютант; служил в Генеральном штабе; с 1876 по 1880 г. – командир 24-й пехотной дивизии; член Главного комитета по устройству и образованию войск 504
- Гершельман Федор Константинович (1853–1918), генерал от кавалерии (1911); военный писатель; в 1877 г. причислен к Генеральному штабу и назначен в штаб 14-го армейского корпуса; в 1879–1880 гг. – помощ-

- ник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа; с 1880 г. – штаб-офицер Генерального штаба при Главном штабе; с 1881 г. – начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища; в 1885–1891 гг. – начальник Тверского кавалерийского юнкерского училища; с 1891 г. командир 38-го драгунского Владимирского полка; с 1893 г. – начальник войскового штаба Кубанского казачьего войска; в 1898–1901 гг. – кутаисский военный губернатор; с 1901 г. – начальник штаба Варшавского военного округа; в 1905–1912 гг. – помощник командующего войсками Варшавского военного округа; член Военного совета; с 1916 член Верховного военно-уголовного суда; с 1917 г. в отставке; муж Е. Д. Милутиной 319, 320, 379, 409, 446, 482
- Гершельман Юлия Константиновна, сестра Федора Константиновича Гершельмана 482
- Гершельманы, семья 409, 483
- Герье Владимир Иванович (1837–1919), в 1869–1900 гг. – профессор Московского университета; с 1900 г. – директор Московских высших женских курсов 464
- Гессе, урожденная Козлянинова, жена генерал-лейтенанта Петра Павловича Гессе 499
- Гирс Николай Карлович (1820–1895), действительный тайный советник (1878), статс-секретарь (1879), сенатор (1875); с 1875 г. – товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом; с 1882 г. – министр иностранных дел; член Государственного совета 348, 349
- Гиш Густав Иванович (1828–1907), с 1883 г. – лейб-хирург 316
- Гишман Леонид Леопольдович (1839–1921), врач-окулист, с 1868 г. – приват-доцент Харьковского университета; с 1872 г. – профессор кафедры глазных болезней и директор глазной клиники Харьковского университета; с 1875 г. – экстраординарный; с 1884 г. – ординарный профессор Харьковского университета; с 1905 г. занялся частной лечебной практикой; с 1908 г. работал в Харьковской городской глазной больнице 281, 287–289, 295
- Гладстон Уильям Юарт (1809–1898), английский государственный деятель в 1852–1855, 1859–1861 гг. – министр финансов Великобритании; в 1868–1874, 1880–1885, 1892–1894 гг. – премьер-министр; лидер Либеральной партии (с 1868 г.) 294
- Глинка-Маврин Борис Григорьевич (1810–1895), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1856–1866 гг. начальник штаба инспектора стрелковых батальонов; в 1867–1869 гг. – командующий войсками Казанского военного округа; с 1872 г. – член Военного совета 354
- Глиноецкий Николай Павлович (1830–1892), генерал-лейтенант (1883), военный историк; с 1856 г. – адъюнкт-профессор, а затем профессор Николаевской академии Генерального штаба,

- с 1877 г. – начальник штаба 1-го армейского корпуса, с 1883 г. – начальник 23-й пехотной дивизии; с 1888 г. – начальник 13-й пехотной дивизии; постоянный сотрудник «Русского инвалида» и «Военного сборника» 230–232
- Голенищев-Кутузов Александр Васильевич (1846–1897), князь, граф, генерал-майор (1887), генерал-адъютант (1896), гофмаршал (1893); во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял при 2-й пехотной дивизии; с 1886 г. военный уполномоченный при германском императоре Вильгельме I 251, 391
- Голенищевы-Кутузовы, Аглаида Васильевна (1853–1915) и Мария Васильевна (1851–1915), графини, камер-фрейлины 210, 248, 315
- Голицын Иван Михайлович (1835–1896), князь, тайный советник, гофмаршал; с 1880 г. – вице-президент Придворной конторы; в 1881 г. назначен состоять при имп. Марии Федоровне 403
- Голицын Лев Сергеевич (1845–1915), князь, владелец крупных имений в Крыму («Новый Свет» под Судаком) и в Закавказье; винодел; с 1889 г. – вице-председатель экспертного комитета на конкурсе вин во Франции; с 1891 г. – заведующий удельным виноделием и виноградарством 503
- Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907), князь, генерал от инфантерии (1896), генерал-адъютант (1897), сенатор (1885); с 1872 г. – командир лейб-гвардии Финляндского полка, в 1876–1880 гг. – военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска, в 1880 г. – временно исполняющий должность оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками Оренбургского военного округа, в 1897–1904 гг. – главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа и наказной атаман Кавказского казачьего войска; член Государственного совета 440
- Голицына Мария Сергеевна (урожденная Сумарокова) (1830–?), княгиня, жена князя Николая Михайловича Голицына 314, 319
- Голицына-Прозоровская, княгиня, вероятно Голицына-Прозоровская Александра Александровна (1823–1918), фрейлина 255, 314, 319, 504
- Голохвостовы 446
- Гольцев Виктор Александрович (1850–1906), литератор, редактора журнала «Русская мысль» 464
- Гончаровы, владельцы имения в Кореизе 214
- Горбунов Николай Павлович, до 1882 г. – управляющий императорским имением Ливадия 264, 269, 299, 379, 380, 383, 416, 418, 420, 422, 485, 497
- Горбуновы, Николай Павлович и Юлия Александровна 264, 269, 272, 299, 300, 310, 334, 381, 383, 391, 401, 403, 412, 485, 493
- Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), действительный

- тайный советник (1896), действительный тайный советник 1-го класса (1916); с 1867 г. – вице-губернатор Плоцкой губ, в 1869–1873 гг. – вице-губернатор Келецкой губ, с 1882 г. – обер-прокурор 1-го департамента, с 1884 г. – 2-го департамента Сената, с 1891 г. – товарищ министра юстиции, с 1894 г. – сенатор, с 1895 г. – товарищ министра внутренних дел, в 1895–1899 гг. – министр внутренних дел, в 1905–1906 гг. – председатель Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения, в 1906, 1914–1916 гг. – председатель Совета министров, с 1910 г. – статс-секретарь Его Величества; член Государственного совета 387, 388, 407, 521, 522
- Горемыкин Федор Иванович (1813–1850), в 1835 г. окончил Императорскую военную академию; с 1836 по 1847 г. – офицер Генерального штаба; профессор тактики в военной академии 388
- Горлов Михаил Павлович (1832–1911), тайный советник (1880) с 1865 по 1871 г. – председатель Варшавского комитета по крестьянским делам; в 1865 г. член Центральной комиссии по крестьянским делам; в 1871 г. – управляющий делами Комитета по делам Царства Польского; в 1872 г. – помощник статс-секретаря Государственного Совета 231, 232, 531
- Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), светлейший князь (1871), канцлер Российской империи (1867); в 1856–1882 гг. – министр иностранных дел; член Государственного совета 348, 349, 454, 532
- Горчаков Михаил Александрович (1839–1897), князь, тайный советник; сын Александра Михайловича Горчакова; с 1872 по 1878 г. – посланник в Берне; в 1879 г. – посланник в Дрездене; с 1879 по 1896 г. – посланник в Мадриде 126
- Греков Николай Данилович, коллежский советник, полковник, исправник в г. Ялте 256
- Грециано, статс-дама румынской наследной принцессы 396
- Григорьев Александр Васильевич (1848–1908), секретарь Императорского русского Географического общества 237
- Громакова 31, 227, 259, 261
- Громбчевский Бронеслав Людвигович (1855–1926), генерал-лейтенант (1903); с 1873 г. на военной службе; в 1875 г. окончил Варшавское пехотное училище; в 1876 г. получил назначение в штаб Туркестанского военного округа; в 1880 г. перешел на службу по военно-народному управлению, заняв должность помощника начальника Маргиланского уезда, затем старший чиновник по особым поручениям при военном губернаторе Ферганской области; в 1885–1890 гг. организовал несколько географических экспедиций в Кашгар, Тянь-Шань, на Памир, в Северо-Западный Тибет; с 1892 г. начальник Ошского уезда Ферганской области; с 1896 г. – пограничный комиссар Амурской области; с

- 1899 г. – пограничный комиссар Южно-Уссурийского края; в 1900 г. – гражданский комиссар Квантунской области в Китае; с 1903 по 1906 г. – астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска; с 1905 г. в отставке; в 1908–1909 гг. в качестве представителя русского «Красного Креста» находился в Марокко; участник гражданской войны в России 35
- Грот Александра Николаевна (? – 1891), (урожденная Юханцева); в первом браке за З.Н. Мухортовым; во втором за Константина Карловича Грота 32
- Грот Константин Карлович (1815–1897), действительный тайный советник (1879); статс-секретарь (1863); в 1877–1879 гг. – председатель Особой комиссии при Государственном совете для рассмотрения дела о преобразовании тюремной части и наказаниях; в 1881–1882 гг. – председатель Совета по тюремным делам; в 1882–1884 гг. – главноуправляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по делам ведомства учреждений императрицы Марии; член Государственного совета 32
- Гудим-Левкович Ольга Ивановна (урожденная Сухомлинова), жена П.К. Гудим-Левковича 395, 428
- Гудим-Левкович Павел Константинович (1842–1907), генерал от инфантерии; помощник начальника штаба Петербургского военного округа; профессор Академии Генерального штаба; в 1891 г. – помощник управляющего Департаментом уделов Министерства императорского двора; с 1893 г. – управляющий кабинетом Е. И. В. 230, 318, 428
- Гудим-Левковичи, семья 392, 393, 402, 405
- Гурко(Ромейко-Гурко)ИосифВладимирович (1828–1901), генерал-фельдмаршал (1894), генерал-адъютант (1877); с 1869 г. – командир лейб-гвардии Конногренадерского полка, с 1875 г. – командующий 2-й гвардейской кавалерийской дивизией; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командующий войсками гвардии, в 1879–1880 гг. – помощник главнокомандующего войсками Петербургского военного округа и временный петербургский генерал-губернатор; в 1882–1883 гг. – командующий войсками Одесского военного округа и временный одесский генерал-губернатор; в 1883–1894 гг. – варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа, член Государственного совета 339–341, 383, 384, 486
- Гусейн (Хусейн) (1773–1838), последний алжирский бей, в 1830 г. вынужден был отречься и передать управление Алжиром французской военной администрации 171
- Дельви́г Дмитрий Николаевич (1847–1916), барон, надворный советник; в 1893–1896 гг. – голова Нижнего Новгорода; в 1896 г. – член особой комиссии под председательством

- С.Ю. Витте по организации и проведению всероссийской художественной и промышленной выставки; в 1901–1904 гг. – томский губернатор 416
- Делянов Иван Давыдович (1818–1897), граф (1888), камергер (1849), сенатор (1865), действительный статский советник (1851), тайный советник (1858), действительный тайный советник (1873); с 1867 г. – статс-секретарь Его Величества, член Государственного Совета; в 1858–1861, 1862–1866 гг. – попечитель Петербургского учебного округа, с 1861 г. – директор Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения, в 1861–1882 гг. – директор Публичной библиотеки, сенатор, в 1866–1874 гг. – товарищ министра народного просвещения, с 1882–1897 гг. – министр народного просвещения 394, 470
- Де-Понт Кастен Карлович (1849–1929), полковник (1885), генерал-майор (1896), флигель-адъютант (1880); в 1868 г. поступил прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; с 1885 г. – командир 5-го Куопиоского Финского стрелкового батальона; с 1887 г. – командир 8-го Выборского Финского стрелкового батальона; с 1895 г. – командир лейб-гвардии 3-го Финляндского стрелкового батальона; с 1897 по 1900 г. – нюландский губернатор; с 1906 по 1910 г. – вазаский губернатор 391
- Дервиз фон Дмитрий Григорьевич (1829–1916), действительный тайный советник (1902); сенатор, с 1860 г. – обер-секретарь 4-го Департамента Сената; с 1866 г. – обер-прокурор Гражданского кассационного департамента Сената; с 1881 г. – сенатор; с 1884 г. – член Государственного совета 390
- Дерюжинский (Дерожинский) Николай Федорович (1855–1915), тайный советник (1906); с 1892 г. – помощник статс-секретаря Государственного Совета; с 1894 г. – преподаватель Военно-юридической академии; с 1904 г. – статс-секретарь Государственного совета 464
- Джаншиев Григорий Аветович (1854–1900), публицист, историк 300, 396, 464
- Дирин Сократ Николаевич (1846–1924), действительный статский советник, камер-юнкер; с 1892 по 1903 г. – вице-губернатор Эстляндской губернии; в 1891–1893 гг. – предводитель дворянства Старорусского уезда Новгородской губернии; в 1903–1914 гг. – вице-губернатор Новгородской губернии 333
- Дмитриев Владимир Николаевич (1837–1904), ялтинский врач-климатолог 283
- Дмитрий Константинович (1860–1919), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича; генерал от кавалерии, в 1897–1905 гг. – главноуправляющий государственным коннозаводством 383
- Долгорукий, см. *Долгоруков*
- Долгоруков Василий Андреевич

- (1804–1868), князь, генерал-адъютант, в 1852–1856 гг. – военный министр; в 1856–1866 гг. – шеф Корпуса жандармов и начальник III отделения Е. И. В. канцелярии 243
- Долгоруков Владимир Ростиславович (1837–1894), сын Ростислава Алексеевича Долгорукова; муж Надежды Дмитриевны Милютиной 19, 21, 22, 223, 256, 261, 265, 283, 284, 287, 291, 299, 300, 301, 303, 308, 310, 324, 325, 354, 460
- Долгоруков Михаил Владимирович, князь, сын Владимира Ростиславовича Долгорукова, отставной лейтенант 22, 25, 32
- Долгоруков Михаил Ростиславович (1841–1916), князь, коллежский советник; либеральный земский деятель; почетный мировой судья в Тульской губернии; публицист 21, 22, 28, 266, 283, 278, 299, 379, 434, 447, 479, 486
- Долгоруков Петр Дмитриевич (1866–1943), князь, общественный и политический деятель; почетный мировой судья; член кадетской партии 377
- Долгорукова Лидия Алексеевна (1847–1916), княгиня, урожденная Писарева, жена М.Р. Долгорукова 26, 376
- Долгорукова Надежда Дмитриевна (1850–1913), урожденная Милютина, дочь Д.А. Милютина 11, 19–23, 70, 125, 223, 225, 256, 257, 261, 265–267, 269, 271, 274, 278, 282, 283, 287, 288, 290, 292, 298, 300–303, 308, 309, 324, 325, 327, 329–337, 339, 342, 343, 347, 354, 356, 367, 369, 372, 379, 380, 395, 396, 418, 420, 433, 435, 445, 446, 449, 450, 460, 466, 476, 482, 498, 499, 501, 509, 513, 516, 517, 521, 522, 524
- Долгорукова Ольга Ростиславовна (1835–1899), жена Д.А. Олсуфьева 299, 300, 308, 309, 371, 460
- Долгоруковы, Михаил Владимирович и его жена Софья Михайловна, урожденная Баратынская 284, 287, 336
- Долгоруковы, Михаил Ростиславович и Лидия Алексеевна 19, 20, 23, 25, 27, 28, 30, 278, 280, 282–284, 291, 292, 293, 343, 347, 354–356, 371, 435, 444
- Доминикини (Доменчине) Георг, вице-консул в г. Занте Греция 55, 56
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893), князь, генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1869); с 1869 по 1878 г. – киевский генерал-губернатор; в 1877–1878 гг. – командующий 13-м армейским корпусом; с апреля 1878 г. – императорский комиссар в Болгарии, с февраля 1879 г. – командующий русским оккупационным корпусом в Болгарии; с февраля 1880 г. – временный харьковский генерал-губернатор, с января 1881 г. – временный одесский генерал-губернатор, с 1882 по 1890 г. – главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа 222, 223, 479
- Дондуков-Корсаков Михаил Александрович (1853–1901), князь, сын А. М. Дондукова-Корсакова,

- полковник (1891); в 1874 г. поступил в Кавалергардский полк, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1885 г. – командир 2-го Екатеринодарского казачьего полка, с 1891 г. – 1-го Екатеринодарского казачьего полка, с 1896 г. – полковник Кубанского казачьего полка 223
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель 336
- Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал от инфантерии (1891); в 1863–1869 гг. – профессор Николаевской академии Генерального штаба, в 1864–1867 гг. одновременно – начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 1869–1873 гг. – начальник штаба Киевского военного округа, в 1873–1877 гг. – командир 14-й пехотной дивизии, с 1878 г. – начальник Николаевской академии Генерального штаба, в 1889–1903 гг. – командующий войсками Киевского военного округа, в 1898–1903 гг. – киевский, подольский и вольнский генерал-губернатор; с 1903 г. – член Государственного совета 214, 279, 369
- Драгумис, министр иностранных дел Греции 198
- Дрейфус Алфред (1859–1935), офицер французского Генерального штаба 476, 480
- Дубровин Николай Федорович (1837–1904), академик, историк, генерал-майор; член Военно-ученого комитета Главного штаба; с 1891 г. – экстраординарный академик, с 1893 г. – непреременный секретарь Императорской Академии наук 12, 27, 28
- Дурново Александр Дмитриевич (? – 1906), тайный советник, шталмейстер; в 1893–1905 гг. – курский губернский предводитель дворянства 273
- Дурново Иван Николаевич (1834–1903), действительный тайный советник (1890); в 1889–1895 гг. – министр внутренних дел; с 1886 г. – член Государственного совета 224, 232, 449
- Дурново Петр Павлович (1835–1918), генерал от инфантерии (1890), генерал-адъютант (1905); с 1866 по 1870 г. – харьковский губернатор; с 1872 по 1878 г. – московский губернатор; с 1878 по 1882 г. служил в Министерстве внутренних дел; с 1882 по 1884 г. – управляющий Департаментом уделов; с 1885 по 1904 г. – в Военном министерстве; в 1905 г. – московский генерал-губернатор 394
- Дурного, см. *Дурново* И.Н.
- Духовской Евгений Михайлович, инженер 223
- Евреинов Леонид Дмитриевич (1847 – после 1919), генерал от инфантерии (1914), с 1881 по 1890 г. – делопроизводитель канцелярии Военного министерства; с 1890 г. – управляющий удельным имением «Массандра» в Крыму; в 1891–1892 гг. – управляющий Ливадско-Массандровским удельным управлением; с 1892 по 1904 г. – управляющий имением Его Величества «Ливадия»; в 1904–1917 гг. – почетный опе-

- кун совета учреждений ведомства Имп. Марии по Санкт-Петербургскому присутствию 24–26, 28, 231, 315, 376, 418–421, 425, 426, 454, 524
- Евреинев Сергей Николаевич (1849–1920), генерал-лейтенант (1916), шталмейстер, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; с 1878 г. – адъютант вел. кн. Николая Николаевича (старшего); с 1891 по 1897 г. – адъютант вел. кн. Михаила Николаевича; с 1894 г. – управляющий двором вел. кн. Александра Михайловича и Ксении Александровны 312, 313, 502
- Евреинова Елена Осиповна, жена Л.Д. Евреинова 279, 310, 318, 347, 446, 524
- Евреиновы, Леонид Дмитриевич и Елена Осиповна 27, 30, 31, 35, 38, 40, 211, 216, 223, 231, 232, 234, 253, 257, 258, 262, 263, 278, 282, 291, 293, 297, 321, 343, 344, 354, 355, 357, 371, 379, 321, 431, 432, 451, 465, 474, 479, 499, 524
- Екатерина Михайловна (1827–1894), великая княгиня, герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны; с 1851 г. замужем за герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким 292
- Елизавета (Амалия Евгения Елизавета) (1837–1898), принцесса Баварии, жена императора Франца Иосифа I, с 1854 г. – императрица Австрии, королева-консорт Венгрии; с 1867 г. – императрица Австро-Венгрии 61
- Елизавета Маврикиевна (1865–1927), великая княгиня, уроч-
- денная принцесса Саксен-Альтенбургская; с 1884 г. замужем за вел. князем Константином Константиновичем 493
- Елизавета Федоровна (1864–1918), великая княгиня, урочденная принцесса Гессен-Дармштадская; с 1884 г. – замужем за великим князем Сергеем Александровичем; с 1892 г. – председатель Елисаветинского благотворительного общества; с 1905 по 1917 г. – председатель Императорского русского Православного Палестинского общества 321, 322, 383, 485
- Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917), действительный тайный советник (1896); с 1883 г. – директор Департамента неокладных сборов Министерства финансов; с 1892 г. – товарищ министра финансов; с 1894 по 1905 г. – министр земледелия и государственных имуществ; член Государственного совета 384, 398
- Ефрем, слуга в доме Милютиных в Симеизе 289, 461
- Ефремов А.П., управляющий имением Понсе, муж А.Е. Понсе 338
- Ефремова Анна Евгеньевна, см. *Понсе А.Е.*
- Ефремова Олимпиада Петровна, золовка А.Е. Ефремовой 358
- Жадовский** Валериан Всеволодович, действительный статский советник; с 1890 по 1897 г. – советник в российском посольстве в Константинополе 43
- Жилинский Иосиф Ипполитович (1834–1916), генерал от ин-

- фантерии; в 1873–1903 гг. – начальник Западной экспедиции по осушению Пинских болот, с 1875 г. – начальник триангуляционных работ в Полесье, с 1877 г. – член Военно-ученого комитета, в 1894–1909 гг. – управляющий Отделом земельных улучшений Министерства земледелия и государственных имуществ, с 1895 г. – начальник экспедиции по осушению и мелиоративному и водохозяйственному обустройству Барабинской низменности 235
- Житков, инженер-полковник** 236
- Жданов Евгений Александрович** (1839–1892), генерал-лейтенант; с 1867 г. – помощник начальника кавказского военно-топографического отдела; в 1886–1892 гг. – начальник военно-топографического отдела Кавказского военного округа 33
- Жозе I (Дом-Жозе I)** (1715–1777), с 1750 г. – король Португалии 133
- Забелин Иван Егорович** (1820–1909), историк, археолог; с 1879 г. – председатель Московского общества истории и древностей российских; с 1884 г. – товарищ председателя Императорского русского исторического музея; а с 1904 г. – управляющий Императорским российским историческим музеем 223, 226
- Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфеньевич** (1808–1881), экономист, статистик, писатель, действительный тайный советник (1877); в 1856–1859 гг. – директор Департамента земледелия Министерства государственных имуществ, в 1859–1860 гг. – член Редакционных комиссий по крестьянскому делу, с 1859 г. – член Совета министра государственных имуществ, председатель Ученого комитета того же министерства, в 1863–1867 гг. – статс-секретарь Департамента государственной экономии Государственного совета, управляющий делами Департамента государственной экономии Государственного совета, с 1875 г. – член Департамента государственной экономии Государственного совета 301
- Захарьин Григорий Антонович** (1829–1897), профессор, в 1864–1896 гг. – доктор терапевтической клиники Московского университета 228, 313, 316, 320
- Звенигородский Александр Викторович** (1837–1903), коллекционер византийских и среднеазиатских медалей, библиофил 295
- Золя (Зола) Эмиль** (1840–1902), французский писатель 476, 480
- Иванов Иван Александрович** (1835–1908), тайный советник; с 1868 г. – консул в Адрианополе; в 1877–1878 гг. состоял при канцелярии заведующего гражданскими делами при главнокомандующем действующей армией; в 1878–1894 гг. – первый драгоман русского посольства в Стамбуле; в 1894–1905 гг. – начальник Учебного отделения восточных языков при Азиат-

- ском (1-м) департаменте Министерства иностранных дел 43
- Иванов, врач в Алушке 252, 256, 259, 283, 359–366, 445
- Иванова Мария Ивановна, жена первого драгомана русского посольства в Константинополе И.А. Иванова 42–44
- Иванова, дочь И.А. Иванова, первого драгомана русского посольства в Константинополе 43
- Ивашенко Виктор Алексеевич, генерал от артиллерии 380
- Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф, дипломат, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1861–1864 гг. – директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1864 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр, а в 1867–1877 гг. – посол в Турции, в 1879–1880 гг. – генерал-губернатор Нижнего Новгорода, с марта 1881 г. – министр государственных имуществ, в 1881–1882 гг. – министр внутренних дел, с 1877 г. – член Государственного совета 27, 454, 464, 533, 534
- Изабелла Кастильская (1450–1504), дочь короля Кастилии Иоанна II, с 1474 г. – замужем за королем Фердинандом V Католиком 151
- Икскуль фон Гильденбандт Юлий Александрович (1853–1918), барон, действительный тайный советник (1912), с 1885 г. – помощник статс-секретаря Государственного совета, с 1893 г. – исправляющий должность статс-секретаря, а с 1895 г. – статс-секретарь Государственного Совета, с 1899 г. – товарищ министра земледелия и государственных имуществ; с 1904 г. – государственный секретарь, с 1909 г. – член Государственного совета; с 1912 г. – почетный опекун; с 1917 г. – член и первоприсутствующий особого присутствия по отчуждению недвижимого имущества для государственной и общественной пользы 379
- Имеретинский (Багратион-Имеретинский) Александр Константинович (1837–1900), светлейший князь (1865), генерал от инфантерии (1891), генерал-адъютант (1878); с 1873 по 1875 г. – начальник штаба Варшавского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – начальник 2-й пехотной дивизии, затем начальник штаба действующей армии, с 1879 по 1881 г. – начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1880 г. – член Верховной распорядительной комиссии, с 1881 по 1891 г. – начальник Главного военно-судного управления и главный военный прокурор, с 1897 г. – варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; с 1892 г. – член Государственного совета 439
- Инглези, русский консул в Кефалонии 57
- Иоанн (Жуан) II Совершенный (1455–1495), король Португалии и Алгарве в 1477 г. и в 1481–1495 гг. 135
- Иоанн Кронштадский (Сергиев Иван Ильич) (1856–1848), про-

- тоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, причислен РПЦ к лику святых 322
- Иоанна Безумная (Jeanne) (1479–1555), с 1495 г. – замужем за Филиппом I Красивым 151
- Ирод Аттический Тиберий Клавдий Аттик Ирод, наместник провинции Азия 47
- Исаев, управляющий в Симеизе 263
- Исаков Николай Васильевич (1821–1891), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1865); в 1859–1863 гг. – попечитель Московского учебного округа, в 1863–1881 гг. – начальник Главного управления военно-учебных заведений; с 1881 г. – член Государственного совета 24
- Кази Михаил Ильич (1839–1896), капитан первого ранга; служил в «Русском обществе пароходства и торговли»; с 1876 по 1892 г. – директор Балтийского завода; с 1893 г. – председатель Комиссии по развитию в России судоходства и торговли; в 1896 г. – один из организаторов Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде 370, 371, 397, 411, 412, 414, 416, 417
- Казимир Перье (Casimir Perier), Жан-Поль-Пьер (1847–1907), французский политический деятель, консервативный республиканец; с 1898 г. – президент палаты депутатов, в 1893–1894 гг. глава кабинета; с 1894 по 1895 г. – президент республики 347
- Калинский, секретарь греческого короля Георга 199
- Камознс Луиш ди (1524/1525–1580), португальский поэт, автор поэмы «Лузиады» 133, 135
- Капнист Василий Алексеевич (1838–1910), граф, тайный советник (1908), гофмейстер; в 1882 г. – лебедянский уездный предводитель дворянства; с 1881 по 1891 г. – харьковский уездный предводитель дворянства 282
- Капнист Дмитрий Алексеевич (1837–1904), граф, тайный советник (1885); с 1881 г. – старший советник Министерства иностранных дел; с 1891–1897 г. – директор Азиатского департамента; с 1897 г. – первоприсутствующий в 1-м общем собрании Сената 446, 477, 478, 523
- Кареев Николай Иванович (1850–1931), историк, с 1910 г. – член-корреспондент Петербургской Академии наук 464
- Карелин Андрей Осипович (1837–1906), мастер фотоискусства 416
- Карл V (1500–1558), король Испании, император Священной Римской империи 144, 147, 148
- Кармалин Николай Николаевич (1824–1900), генерал от инфантерии в 1849 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба и командирован в главную квартиру действующей армии в Венгрию; в 1851 г. – старший адъютант штаба гвардейского пехотного корпуса; в 1852 г. переведен в штаб Главнокомандующего гвардейским и гренадерским корпусами; в 1854 г. – дивизионный квартирмейстер 1-й легкой гвардей-

- ской кавалерийской дивизии; в 1856 г. – обер-квартирмейстер гвардейского пехотного корпуса; в 1857 г. – начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии; с 1859 г. – начальник штаба 3-го армейского корпуса; с 1862 г. – генерал-квартирмейстер Кавказской армии; с 1865 г. – военный начальник Средне-го Дагестана; в 1869 г. – Эриванский военный губернатор и управляющий гражданской частью губернии; в 1873 г. – начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска; с 1882 г. – член Военного совета 462
- Картавцев Евгений Эпафродитович (1850–1932), действительный тайный советник; экономист; управляющий Крестьянским и Дворянским поземельными банками; член совета Русского для внешней торговли банка; член правления Русского судостроительного общества 464
- Карцов Александр Петрович (1817–1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1849 г. – профессор тактики в Императорской военной академии; в 1856 г. – генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего гвардейским и гренадерским корпусом и обер-квартирмейстер гвардейского корпуса; в 1860 г. командирован в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией; в 1865 г. – помощник главнокомандующего Кавказской армии; с 1868 г. – член Военного совета; с 1869 г. – командующий войсками Харьковского военного округа 456, 476
- Карцов Петр Александрович (1852–1919), сын А.П. Карцова, генерал-лейтенант, с 1873 г. на военной службе; с 1896 по 1900 г. – командир 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска 476
- Карцовы, братья Владимир Александрович и Петр Александрович Карцовы, дети Александра Петровича Карцова 476
- Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, издатель и редактор газеты «Московские ведомости» (1850–1855, 1863–1887) и журнала «Русский вестник» (1856–1887) 8, 350, 472
- Кауфман Абрам Евгениевич (1855–1921), русский журналист, публицист 212
- Кауфман Михаил Петрович, фон (1821–1902), инженер-генерал (1878), генерал-адъютант (1869); с 1860 г. – начальник Николаевской инженерной академии и училища, с 1862 г. – член Особого комитета о преобразовании военно-учебных заведений, Комитета об изменении численности войск, Комитета для составления военно-судебного устава, Комитета по устройству и образованию войск, в 1866–1879 гг. – главный интендант Военного министерства и начальник Главного интендантского управления, в 1879–1882 гг. – товарищ генерал-инспектора по инженерной части и начальник Главного инженерного управления; с 1882 г. – член Государственного совета; с 1883 по

- 1898 г. – председатель Главного управления Российского общества Красного Креста 405
- Квитка Андрей Валерианович (1849–1932), полковник (1905), с 1874 г. – адъютант командующего войсками Харьковского Военного Округа; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1878–1882 гг. – служил в Башкирском конном полку; с 1883 по 1884 г. – служил в 1-м Хоперском полку Кубанского казачьего войска; с 1884 г. – в отставке; участник русско-японской войны 1904–1905 гг. 282
- Квитка Вера Дмитриевна (Мартынова), жена Андрея Валериановича Квитка 461
- Келлер, графиня 465
- Келлер, племянница М.Е. Лаврентьевой 452
- Келлер Федор Эдуардович (1850–1904), граф, генерал-майор; в 1876 г. – начальник штаба дивизии в сербском добровольческом корпусе; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1882–1890 гг. – командир лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона; с 1890 г. – заведующий мобилизационной частью Главного управления казачьих войск; с 1893 г. – директор Пажеского корпуса; с 1899 г. – Екатеринославский губернатор; в 1904 г. – командир 2-го Восточно-Сибирского корпуса 227
- Келлер Эдуард Федорович (1819–1903), действительный статский советник; сенатор (1863); в 1858–1861 гг. – минский губернатор; с 1891 г. – присутствующий в судебном и межевом департаменте Правительствующего Сената 227
- Кимон (? – 449 г. до н. э.), афинский полководец 47
- Кирилл Владимирович (1876–1938), великий князь, старший сын великого князя Владимира Александровича; с 1915 г. – контр-адмирал; в 1915–1917 гг. – командир гвардейского флотского экипажа; с 1917 г. – в эмиграции 401
- Киселев Николай Дмитриевич (1802–1869), граф, действительный тайный советник, камергер, дипломат; с 1841 по 1854 г. – посланник во Франции; в 1864–1869 гг. – посланник в Италию; дядя Д.А. Милютин 301, 302
- Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, генерал от инфантерии (1834), генерал-адъютант (1823); в 1837–1856 гг. – министр государственных имуществ, в 1856–1862 гг. – посол во Франции, с 1862 г. – в отставке; член Государственного совета; дядя Д.А. Милютин 27, 301, 302
- Киселев Павел Сергеевич (1831–?), сын Сергея Дмитриевича Киселева; двоюродный брат Д.А. Милютин 30, 31, 399
- Клейнмихель Екатерина Петровна (урожденная княжна Мещерская) (1843–1925), графиня, жена генерал-майора свиты графа В.П. Клейнмихеля, владелица имения в Кореизе 34, 37, 297, 315

- Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869), граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1841); с 1819 г. – начальник штаба военных поселений; с 1842 г. – член Государственного совета; в 1842–1855 гг. главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями 342
- Кобургская, герцогиня, см. *Мария Александровна*
- Ковалевский Владимир Иванович (1848–1934), тайный советник; в 1892–1900 гг. – директора Департамента мануфактур и торговли; директор Департамента окладных сборов Министерства финансов; в 1900–1902 гг. – товарищ министра финансов; в 1906–1916 гг. – председатель Русского технического общества 413, 416
- Ковалевский Павел Иванович (1850–1931), профессор психиатрии Харьковского университета; с 1894 г. – ректор Варшавского университета 29
- Козлов, доктор 259
- Колумб (Коломб) Христофор (1446–1506), испанский адмирал, знаменитый мореплаватель, открывший Америку 119
- Кольцов, врач в Ялте 242, 283, 291, 445
- Комаровский (Камаровский) Леонид Алексеевич (1846–1912), граф, юрист-международник, с 1910 г. – член корреспондент Петербургской АН; профессор Московского университета 377
- Комков К.К., управляющий в имении Симеиз 526
- Комкуль 465
- Кони Анатолий Федорович (1844–1927), судебный деятель, писатель и публицист; с 1885 по 1896 г. – обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената; с 1891 г. – сенатор 7, 12, 224–226, 464, 493
- Константин (1868–1923), сын короля Георга I и королевы Ольги Константиновны; наследный принц Греческий, в 1913–1917 г., 1920–1922 гг. – король Греции Константин I 47
- Константин Константинович (1858–1915), великий князь; сын великого князя Константина Николаевича; генерал-адъютант, генерал от инфантерии; с 1899 г. – президент Петербургской Академии наук; в 1900–1910 гг. – главный начальник военно-учебных заведений; с 1910 г. – генерал-инспектор военно-учебных заведений 383
- Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал, генерал-адъютант; с февраля 1855 г. по званию генерал-адмирала на правах министра управлял флотом и Морским министерством; с 1860 г. – председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862–1863 гг. – наместник Царства Польского и главнокомандующий войсками в Царстве Польском, в 1865–1881 гг. – председатель Государственного совета 219, 436, 472
- Копачева Ольга Александровна, дочь А.П. Карцова 456
- Корешков Иван, каменщик 432, 448

- Корф Александр Павлович (1846–1900), барон, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Уланского полка 487
- Корф Модест Николаевич, барон, коллежский асессор, камер-юнкер; младший секретарь российского посольства в Мадриде 125–127
- Косов, управляющий имением Мальцевых в Симеизе 450
- Котенков Михаил Иустинович, ялтинский архитектор 425
- Коцебу Эрнст Карлович (1838–1914), тайный советник, камергер; с 1868 г. – атташе во Франкфурте и Берлине; в 1873–1884 гг. – секретарь посольства в Берлине; в 1884–1891 гг. – советник российского посольства в Париже; в 1892–1895 гг. – посланник в Бадене, Вюртемберге и Саксен-Кобург-Готском герцогстве; в 1895–1897 гг. – посланник в Вашингтоне 72
- Кочубеи 21–23, 27, 30, 40, 216, 222, 223, 226, 241, 244, 245, 248, 254, 256, 263, 278, 293, 297, 321, 343, 354, 355, 431, 435, 449, 481
- Кочубей Василий Аркадьевич (1826–1897), статский советник, камергер 36, 296, 431, 479
- Кочубей Мария Алексеевна (1848–1925), графиня, урожденная Капнист; жена Василия Аркадьевича Кочубея 32, 36, 244, 249, 282, 287, 291, 297, 376, 379, 380, 431, 466, 472, 474, 477, 478, 480, 504, 528
- Краснов Николай Петрович (1864–1939), архитектор; с 1887 по 1899 г. – архитектор г. Ялты; с 1911 г. – архитектор Высочайшего двора; с 1919 г. в эмиграции; с 1922 г. – инспектор Министерства строительства Югославии 37
- Кривенко Василий Силыч (1854–1928), тайный советник; заведующий канцелярией министра Императорского двора 524
- Кривошеин Аполлон Константинович (1833–1902), гофмейстер; в 1892–1894 гг. – министр путей сообщения 232, 340, 342
- Кропоткина (Крапоткина), княжна, в замужестве графиня Гейден 228
- Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888), генерал-адъютант, генералотартиллерии; в 1861 г. – варшавский генерал-губернатор и заведующий Особой канцелярией наместника Царства Польского; в 1864–1865 г. – помощник командующего войсками Виленского военного округа, в 1865–1881 гг. – оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками Оренбургского военного округа; член Военного совета 463
- Крюков Адриан Александрович (1849–1908), врач-окулист; в 1878 г. организовал Московское офтальмологическое общество; с 1886 г. – приват-доцент, с 1892 г. – экстраординарный профессор глазных болезней в Московском университете; заведующий лечебницей глазных болезней 266, 272, 275, 281, 288, 295–299, 301, 303, 309, 351, 384, 484

- Ксения Александровна (1875–1960), великая княгиня, старшая дочь императора Александра III; с 1894 г. – жена великого князя Александра Михайловича 34, 310, 312, 313, 315, 386, 498, 502
- Кузнецов Вавила Алексеевич (1829 – ?), генерал-лейтенант; с 1855 г. – адъютант князя А.И. Барятинского; с 1886 г. – начальник Дворцового управления в Москве 384, 494
- Кузьмин-Караваев (Кузьмин-Караваев) Владимир Дмитриевич (1859–1927), общественный деятель и публицист; генерал-майор; в 1890–1900-е гг. – земский деятель в Тверской губернии; гласный Петербургской городской думы; член кадетской партии; с 1919 г. в эмиграции 464
- Кук Томас (1808–1892), основатель первого туристического агентства 137, 194, 198
- Кутайсов Павел Ипполитович (1837–1911), граф, генерал-лейтенант; член Совета министров внутренних дел; в 1873–1880 гг. – нижегородский губернатор; в 1903–1905 гг. – Иркутский генерал-губернатор; член Государственного совета 398
- Лаврентьев Александр Егорович, племянник А.И. Лаврентьева; доктор-окулист 456
- Лаврентьев Александр Иванович (1830–1894), генерал-майор, военный писатель, редактор «Военного сборника» 38–40, 70, 95, 96, 97, 199, 227, 232, 263, 277, 290, 292, 456
- Лаврентьева Мальвина Егоровна, урожденная Гельдрейх; жена А.И. Лаврентьева 227, 278, 290, 292, 293, 312, 355, 357, 368, 370, 423, 425, 426, 432, 449, 450, 452, 454, 456, 460, 479, 482, 484, 485, 525, 533
- Лаврентьева Софья Ивановна (1836 – после 1912), сестра А.И. Лаврентьева; писательница 291–293, 312, 368, 449, 450, 452, 454, 456, 460, 525, 533
- Лавреньевы, Александр Иванович и Мальвина Егоровна 38–40, 227, 230–232, 236, 262, 263, 277, 278, 282, 291
- Лавров Григорий Иванович, купец 1-й гильдии; с 1891 по 1893 г. – курский городской голова 457
- Лазарев Петр Михайлович (1850 – после 1917), с 1885 по 1889 г. – урский вице-губернатор; с 1889 по 1901 г. – Таврический губернатор; с 1901 г. – сенатор в департаменте герольдии; с 1905 г. – член Государственного совета 34, 36, 254, 321, 432, 501, 502, 504, 513
- Лазарев, кадет Морского корпуса, внук Е.С. Сумароковой-Эльстон 382
- Лазарева Елизавета Феликсовна, жена Лазарева Петра Михайловича 34, 254, 432, 501, 502, 504, 513
- Лазаревы, см. *Лазарев* Петр Михайлович и *Лазарева* Елизавета Феликсовна
- Ламанский Владимир Иванович (1833–1914), академик, филолог и историк-славист; с 1865 по 1899 г. – профессор славянской филологии в Петербургском

- университете; с 1905 г. – заслуженный профессор Петербургского университета; почетный член Славянского благотворительного общества 8, 344
- Ламздорф (Ламсдорф) Владимир Николаевич (1844–1907), граф, в 1880–1897 гг. – директор канцелярии министра иностранных дел; в 1897–1900 гг. – товарищ министра иностранных дел; в 1900–1906 гг. – министр иностранных дел 533
- Лауниц, генерал 462, 521
- Лебедев Михаил Петрович, земский врач в селе Сарай Рязанской губ. 266
- Левицкая, сестра Т.В. Олсуфьева 270, 304
- Леер Генрих Антонович (1829–1904), генерал от инфантерии; с 1859 г. – в Генеральном штабе, с 1864 г. – профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1870 г. – член конференции Михайловской артиллерийской академии и училища, член Военно-ученого комитета Главного штаба, в 1881–1884 гг. – член Комитета по устройству и образованию войск, в 1889–1898 гг. – начальник Николаевской академии Генерального штаба; член Военного совета 281, 283, 462
- Лейден (Leyden) Эрнст (1832–1910), немецкий врач, профессор Кенигсбергского, Страсбургского и Берлинского университетов; в 1894 г. – лечил Александра III и других членов императорской семьи 89, 320
- Лейхтенбергская Евгения Максимилиановна Романовская (1845–1925), в замужестве принцесса Ольденбургская 503
- Лейхтенбергский Евгений Максимилианович (1847–1901), герцог, князь Романовский; второй сын герцога Лейхтенбергского и великой княгини Марии Николаевны; с 1868 г. – женат на Дарье Константиновне Опочининой; с 1869 г. – женат вторым браком на Зинаиде Дмитриевне Скобелевой (графиня Богарне) 392
- Лемберт, техник 509
- Леопольд II (1835–1909), с 1865 г. король Бельгии 85
- Ливен Андрей Александрович (1839–1913), князь, статс-секретарь; в 1879–1881 гг. – министр государственных имуществ; член Государственного совета 463, 465, 479, 481, 484, 521, 524, 530
- Лисовский Николай Михайлович, коллежский секретарь, чиновник канцелярии Военного министерства 407
- Лихачев Иван Федорович (1826–1907), адмирал; с 1844 по 1849 г. – служба на кораблях Черноморского флота; с 1851 по 1853 г. – капитан корвета «Оливуца»; с 1853 по 1854 г. – помощник редактора журнала «Морской сборник»; в 1854 г. – участник боя пароходофрегата «Бессарабия» с англо-французскими пароходами; в 1857 г. – начальник штаба заведующего морской частью Николаевского порта; в 1858 г. – адъютант генерал-адмирала ве-

- ликого князя Константина Николаевича; в 1860 г. – командир русской эскадры в китайских водах; с 1863 по 1867 г. – командир первой русской броненосной эскадры; в 1867–1883 гг. – морской агент во Франции и Великобритании с 1866 г. – член Артиллерийского отделения Морского технического комитета 464
- Лихтенштейн Франц (1844–1898), посол Австро-Венгрии в России 392, 487
- Лобанова, фрейлина 534
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь, действительный тайный советник (1879), статс-секретарь (1870), сенатор (1867), камергер; в 1867–1878 гг. – товарищ министра внутренних дел, в 1878 г. – посол в Турции, затем посол в Лондоне, с 1882 г. – посол в Вене, в 1895 г. – министр иностранных дел 391, 411, 423, 424
- Лобко Павел Львович (1838–1905), генерал от инфантерии (1900); с 1867 г. – адъюнкт-профессор, с 1870 г. – профессор, с 1883 г. – заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре военной администрации; с 1868 г. – делопроизводитель канцелярии Военного министерства, с 1877 г. состоял при военном министре во время поездки Е. И. В. на театр военных действий, с 1881 г. – помощник, с 1884 по 1898 г. – начальник канцелярии военного министра, с 1881 г. – управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба; с 1898 г. – член Государственного совета 276, 419, 427, 462, 471, 473, 474, 493, 497, 498, 527
- Локмария (Locmaria), французский полковник 175
- Лопец (Lopez) Карлос Антонио (1790–1862), латиноамериканский политический деятель; с 1840 г. – второй консул Парагвая; в 1844 и 1854 г. избирался в президенты Парагвая 119
- Лубэ (Loubet) Эмиль (1838–1929), французский государственный и политический деятель; в 1897–1906 гг. – президент Французской республики 516
- Лузанов Петр Фомич (1848 – после 1917), генерал от инфантерии (1910), заслуженный профессор Военно-юридической академии; с 1886 по 1892 г. – правитель канцелярии Главного военно-судного управления; с 1892 по 1893 г. – помощник начальника Главного военно-судного управления; с 1905 г. – сенатор 280, 281
- Луи-Филипп (1773–1850), в 1830–1848 г. – король Франции 189
- Лункевич Петр Иванович, полковник, чиновник ведомства государственного коннозаводства; в 1896 г. – на Нижегородской промышленной выставке заведующий вторым отделом (коннозаводство и скотоводство) 412
- Львов Владимир Евгеньевич (? – 1913), князь, надворный советник; первый секретарь российского посольства в Мадриде; в 1902–1913 гг. – директор Московского главного архива Министерства иностранных дел 126, 127

Людовик IX Святой (1214–1270), с 1226 г. – король Франции 189

Маврокордато, греческий дипломат; до 1889 г. – посланник Греции в Петербурге; затем в Константинополе 49

Маков Лев Савич (1830–1883), действительный тайный советник (1880), статс-секретарь (1878); с 1865 г. – правитель Особенной канцелярии министра внутренних дел, с 1876 г. – товарищ министра внутренних дел, в 1878–1879 гг. – управляющий Министерством внутренних дел, в 1879–1880 гг. – министр внутренних дел, в 1880–1881 гг. – министр почт и телеграфов и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий; член Государственного совета 507

Малиновский Антон Иванович, двоюродный брат князя В.Р. Долгорукого 22, 300

Мальцов Иван Сергеевич (1847–1920), в 1891 г. – полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка; штаб-офицер для поручений при Императорской Главной квартире 369, 371, 425, 427, 428, 430, 432, 433, 436, 444, 450, 460, 461, 464, 465, 480, 482, 499–501, 503, 523, 529, 531, 533, 535

Мальцов Николай Сергеевич (1849–1939), генерал-майор, шталмейстер; чиновник кодификационного отдела Государственного совета 369, 371, 377–380, 425, 432–434, 436, 439–441, 444, 450, 461, 463–466, 471, 475, 482, 500, 503, 523, 529, 534, 535

Мальцов Сергей Иванович (1810–1893), генерал-майор, промышленник, владелец ряда крупных заводов 20, 22, 32, 36, 210, 225, 236, 242, 252, 255, 276, 277, 284, 289

Мальцов Сергей Сергеевич, сын Сергея Ивановича Мальцова; капитан артиллерии 289, 371, 436, 440, 444, 464, 465, 480, 482, 500, 503, 523, 534, 535

Манасеин Николай Авксентьевич (1835–1895), с 1880 г. – сенатор, в 1885–1894 гг. – министр юстиции, член Государственного совета 464

Манзей Константин Николаевич (1821–1905), генерал от кавалерии (1885); генерал-адъютант (1875); с 1869 г. – командующий 4-й кавалерийской дивизией; командир лейб-гвардии Конногренадерского полка; с 1875 г. – начальник 7-й кавалерийской дивизии; с 1878 г. – командир 13-го армейского корпуса; с 1889 г. – командир Гренадерского корпуса, затем в том же году командир Гвардейского корпуса 315

Мария Александровна (урожд. принцесса Гессен-Дармштадская Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария) (1824–1880), российская императрица, супруга императора Александра II 349

Мария Александровна (1853–1920), вел. кн., дочь Александра II, с 1874 г. жена английского принца Альфреда Эдинбургского 407

Мария Оскаровна, см. *Гельфрейх* М.О.

- Мария Павловна (1854–1920), великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская; с 1874 г. – жена великого князя Владимир Александровича 126, 321, 407, 486, 493, 494
- Мария Федоровна (Мария София Фредерика Дагмара) (1847–1928), жена наследника престола Александра Александровича, с 1881 г. российская императрица 387, 389, 391, 395, 403
- Маркахов Алексей Леонтьевич, капитан парохода «Россия» Русского общества пароходства и торговли 44
- Маркетти (Marchetti) Николай, русский консул на Корфу, богатый землевладелец 60
- Маркетти, урожденная Ралли, жена консула Николая Маркетти 61
- Мартенс Федор Федорович (1845–1909), тайный советник, дипломат, юрист, публицист; в 1873–1905 гг. – профессор международного права Петербургского университета; в 1873 г. – чиновник особых поручений при государственном канцлере А.М. Горчакове; с 1881 г. – неперменный член Совета министра иностранных дел; с 1884 г. – постоянный представитель России на международных конференциях Красного Креста; с 1885 г. – вице-президент европейского Института международного права; в 1899 и 1907 гг. – представитель России на 1-й и 2-й Гаагской конференции мира 464, 527, 528
- Мартынов Виктор Николаевич, заведующий виноделием удельного ведомства 503
- Матвеева Вера Петровна, врач, выпускница первого выпуска женских врачебных курсов при Медико-хирургической академии, служила в земской больнице в имении М.П. Долгорукого в Рязанской губернии 266
- Мевес фон Ричард Троянович (1839–1901), генерал-майор, с 1878 г. – командир лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона; с 1884 г. – командир лейб-гвардии Павловского полка; с 1894 г. – командир 23-й пехотной дивизии; с 1897 г. – командир 2-й гвардейской пехотной дивизии; с 1899 г. – командир 20-го армейского корпуса 333
- Медина Чели, герцог 142
- Мейендорф Феофил Егорович (1838–1919), барон, генерал-адъютант (1902), генерал от кавалерии (1898), с 1870 г. – командир Тверского драгунского полка; с 1874 г. – командир лейб-гвардии Гусарского полка; с 1884 по 1892 г. – начальник 2-й кавалерийской дивизии; с 1892 по 1896 г. – для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа; с 1896 г. – командир 1-го армейского корпуса 498
- Мекленбургский, принц см. *Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий*
- Мелас Михаил, кандидат на пост мэра г. Афин на выборах в 1891 50, 51
- Мелин Феликс Жюль (1838–1925), французский политиче-

- ский деятель; в 1896–1898 гг. – премьер-министр 516
- Меншуткин Николай Александрович (1842–1907), доктор химии, заслуженный профессор по кафедре химии в С.-Петербургском университете 464
- Мерказин Дмитрий Александрович, полковник, командир 121-го пехотного Пензенского полка; в 1891 г. – полковник лейб-гвардии Измайловского полка 360
- Мец Михаил Федорович (1846–1910), публицист, редактор и издатель журнала «Русское судоходство, торговое и промышленное на реках, озерах и морях»; председатель Петербургского отдела Общества торгового судоходства 370, 371
- Мец Федор Федорович, инспектор, затем директор Малолетнего кадетского корпуса в Царском Селе 370
- Мещерские, князь и княгиня 529, 530
- Мика, см. *Понсе* Михаил Евгеньевич
- Микешин Михаил Осипович (1835–1896), русский скульптор и живописец 338
- Милица Николаевна (1866–1951), великая княгиня, дочь короля Черногории Николая I Негоша; с 1889 г. – жена великого князя Петра Николаевича 503, 513
- Миллер, адъютант военного министра Д.А. Милютина; в 1894 г. – чиновник Министерства государственных имуществ 290, 314
- Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904), граф, генерал-майор; с 1865 г. – флигель-адъютант, офицер лейб-гвардии Конногренадерского полка, в 1892–1902 гг. – курский губернатор; сын Д.А. Милютина 21, 23, 31–33, 35, 70, 97, 222–224, 226–229, 231, 235, 255–259, 262, 264, 266, 269, 273–277, 289, 295, 298, 300, 301, 310, 318–320, 323, 324, 335, 337, 381, 417, 429, 431, 451, 459, 460, 477, 478, 485, 493, 498, 499, 520, 521, 523, 530, 533, 536
- Милютин Алексей Михайлович (1780–1846), отец Д.А. Милютина 230
- Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), действительный тайный советник, сенатор; с 1852 г. – директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в 1859 г. – член и один из руководителей Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1864–1866 гг. – статс-секретарь по делам Царства Польского, член Государственного совета; брат Д.А. Милютина 108, 230, 243, 425, 441
- Милютин Юрий Николаевич (1856–1912), сын Н.А. Милютина, племянник Д.А. Милютина 20, 21, 32, 212, 230, 256, 259, 260, 262, 339, 343, 382, 383, 390, 409, 513, 534
- Милютина Елена Дмитриевна (1857–1882), младшая дочь Д.А. Милютина; в замужестве Гершельман 482
- Милютина Елизавета Дмитриевна (1844–1939), дочь Д.А. Милютина; в замужестве Шаховская, жена кн. С.В. Шаховского 11, 70, 125, 255–257, 259, 260, 266–268,

- 271, 274, 294, 298, 300, 301, 303–306, 324–326, 329–331, 335, 357, 367–369, 408–410, 420, 422, 427, 429, 430, 463, 466, 477, 496, 497, 510, 514, 517, 534
- Милютинa Мария Николаевна (1858 – ?), дочь Н.А. Милютинa 318–320
- Милютинa Надежда Дмитриевна, см. *Долгорукова Н.Д.*
- Милютинa Наталья Михайловна (? – 1912), урожденная Понсе (Понсэ), жена Д.А. Милютинa 11, 20, 39, 174, 226, 227, 235, 252, 255, 257, 258, 261, 264, 274, 275, 281, 283, 294, 296–298, 303, 309–311, 338, 351, 357–359, 362, 363, 365, 367, 372, 375, 395, 427–429, 431, 459, 480
- Милютинa Ольга Дмитриевна (1848–1926), дочь Д.А. Милютинa 11, 23, 31, 59, 71, 125, 215, 222, 237, 242, 244, 245, 255–257, 259, 264, 266–272, 278, 280, 282–284, 289, 298–301, 304, 305, 309, 310, 318, 325, 329, 330, 336, 338, 343, 347, 369, 371, 372, 376, 377, 381, 383, 384, 386, 390–393, 395, 397–399, 401–403, 405, 407, 409–411, 417, 428, 431, 432, 439, 444, 445, 447–450, 454, 456–459, 465, 466, 474, 476, 485, 486, 491, 493–495, 497, 499, 500, 504, 509, 518, 520, 522, 523, 536
- Милютинa Прасковья Николаевна (1858–1929), дочь Н.А. Милютинa; фрейлина Высочайшего двора 425–430, 432, 434, 436, 441, 443, 486, 491, 493, 525, 528, 534
- Милютинa Прасковья Осиповна (? – 1895), в первом браке Иванова; жена Б.А. Милютинa 333, 369
- Мингрельская, княжна, Саломе-Миа Николаевна Дадиани 404
- Минин Кузьма (? – 1616), нижегородский земский староста; в 1611–1612 гг. – один из руководителей Нижегородского ополчения; с 1613 г. – думной дворянин 416
- Миткевич, врач-окулист в Одессе 283, 357, 358
- Михаил Михайлович (1861–1929), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича; офицер лейб-гвардии Егерского полка 26, 27, 36
- Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер, почетный член Петербургской АН; в 1862–1881 гг. – наместник Кавказа, в 1862–1865 гг. – главнокомандующий Кавказской армией, в 1865–1881 гг. – главнокомандующий войсками Кавказского военного округа, в 1881–1905 гг. – председатель Государственного совета; с 1892 г. – председатель Александровского комитета о раненых 26, 33–37, 280, 281, 312–314, 321, 324, 384, 385, 472, 492, 493, 502
- Моллас Матильда Павловна 499, 504
- Моллас Петр Павлович, капитан второго ранга; командир канонерки «Уралец» 50, 52, 53, 59, 61, 66, 68, 205, 206
- Мольтке Гельмут Карл Бернгард (1800–1891), граф, генерал-фельдмаршал; в 1858–1888 гг. – начальник Генерального штаба

- Пруссии и Германской империи 30
- Монпансье Антуан Мари Филипп Людовик (1824–1890), герцог Орлеанский; младший, 5-й сын короля Франции Луи-Филиппа, участник алжирских походов 142
- Монтебело Густав (1838–1907), в 1891–1903 гг. – посол Франции в России 106, 397, 398, 403
- Мордвинов Дмитрий Сергеевич (1820–1894), генерал от артиллерии, генерал-адъютант; в 1865–1881 гг. – начальник канцелярии Военного министерства 287
- Мордвинов Семен Александрович (1825–1900), тайный советник, председатель Саратовской судебной палаты; с 1864 г. – начальник Одесского таможенного округа; с 1876 г. – старший председатель Петербургской судебной палаты; член Государственного совета; зять Д.А. Милютина 368
- Моренгейм Артур Павлович (1824–1906), барон, дипломат, действительный тайный советник (1886); с 1858 г. – советник российской дипломатической миссии в Пруссии, в 1867–1882 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Дании; в 1882–1884 гг. – чрезвычайный и полномочный посол в Великобритании; в 1884–1898 гг. – посол России во Франции 403
- Мороз, инспектор сельского хозяйства на Кавказе 40
- Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905), русский предприниматель, владелец текстильных мануфактур; меценат и благотворитель 412, 413, 415, 416, 501, 502
- Морозовы, Савва Тимофеевич и Зинаида Григорьевна 501
- Морьер Роберт, английский дипломат; в 1884–1893 г. – посол Великобритании в России 250, 254
- Мосолов, полковник гвардейской конной артиллерии; в 1894 г. – помощник начальника Главного управления почт и телеграфов 295
- Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900), дипломат, гофмейстер; с 1873 г. – старший секретарь российской миссии в Стокгольме; в 1874–1877 гг. – секретарь миссии в Гааге; в 1880–1889 гг. – первый секретарь русского посольства в Париже; в 1889–1893 гг. – советник посольства в Берлине; в 1893–1897 гг. – посол в Дании; в 1897–1900 гг. – министр иностранных дел 439, 478
- Муравьев Николай Валерианович (1850–1908), юрист, дипломат; с 1877 г. – прокурор в Ярославском окружном суде; с 1879 г. – товарищ прокурора судебной палаты Петербурга; с 1881 г. – прокурор Петербургской судебной палаты; с 1884 г. – прокурор Московской судебной палаты; в 1892–1893 гг. – государственный секретарь; в 1894–1905 гг. – министр юстиции; в 1905–1908 гг. – посол в Риме 314, 390, 408, 526, 528, 530
- Муравьева-Амурская Екатерина Николаевна, графиня 108, 110
- Мурильо (Murillo) Бартоломео Эстебан (1617–1682), ис-

- панский живописец 124, 128, 141, 142
- Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910), профессор римского права; с 1877 по 1884 г. – преподаватель в Московском университете; гласный Московской городской думы; гласный Московского и Тульского губернских и земских собраний; с 1880 г. – председатель Московского юридического общества; в 1906 г. – председатель Первой Государственной думы 464
- Мусин-Пушкин Александр Иванович (1827–1904), граф, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1874); с 1866 г. – командир лейб-гвардии Кавалергардского полка; с 1890 г. – командующий войсками Одесского военного округа 36, 315, 317, 319, 321
- Муханова Мария Александровна (1852 – ?), урожденная Ковалькова, жена Дмитрия Ильича Муханова 371
- Мухортова, см. *Грот* А.Н.
- Мюрат, французский принц, женат на Сомовой, в 1880-х гг. жил в Крыму 25
- Мясоедов Петр Александрович, действительный статский советник; член Временного управления казенных железных дорог 219
- Мясоедова Е.А., жена П.А. Мясоедова 219
- Мясоедовы, Петр Александрович и его жена 227
- Набогльц Георгий Иванович (? – 1883), московский фотограф, совладелец фирмы «Шерер, Наборглц бывшая А. Бергне-ра» 405
- Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), статс-секретарь, сенатор, с 1853 г. – вице-директор Комиссариатского департамента Морского министерства; в 1867–1871 гг. – управляющий Собственной Е. И. В. канцелией по делам Царства Польского; в 1878–1885 гг. – министр юстиции; член Государственного совета 394, 395
- Назимов Андрей Евгеньевич, статский советник, консул России в Алжире 170, 173–176
- Нарышкин Эммануил Дмитриевич (1813–1902), действительный тайный советник (1884), обер-камергер (1884), меценат в области народного образования, был женат на Александре Николаевне (1839–1919), урожденной Чичериной 355
- Наталия, королева Сербская (1859–1941), урожд Кешко; с 1875 г. жена Милана, короля Сербского 248–250
- Нахимов, мичман, зять И.С. Мальцева 499, 501, 504
- Незнамов Емельян Андреевич (1861 – ?), врач-окулист, доктор медицины (1892), с 1901 г. – профессор Варшавского университета 296
- Нелидов Александр Иванович (1835–1910), дипломат; в 1883–1897 гг. посланник в Константинополе; в 1897–1903 – в Риме; в 1903–1910 гг. – в Париже 43, 208, 213, 250, 454
- Нелидов, владелец дома в г. Курск 273

Нелидова Елизавета Ивановна, сестра русского посла в Константинополе А.И. Нелидова 42, 43

Нелидова Ольга Дмитриевна (урожденная княжна Хилкова) (1839–1918), переводчица, жена А.И. Нелидова 43

Немм Ад. Еп., выпускник Дерптского университета, специалист по виноделию и виноградарству 245, 263, 375, 398

Никитенко Александр Васильевич (1805–1877), академик, профессор, историк литературы, цензор Петербургского цензурного комитета 342

Николай (1872–1940), третий сын греческого короля Георга I и королевы Ольги Константиновны, принц Греческий 47, 53

Николай I (1796–1855), с 1825 г. – российский император 9, 342, 396

Николай II (1868–1918), с 1894 г. – российский император 8, 329, 344, 393, 489

Николай Александрович, наследник, цесаревич см. *Николай II*

Николай Константинович (1850–1918), великий князь, старший сын великого князя Константина Николаевича; в 1874 г. был обвинен в краже драгоценностей признан психически больным и выслан из Петербурга; сослан в Оренбург, затем в Ташкент; занимался ирригацией и железными дорогами 26

Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, внук императора Николая I, старший сын великого князя Михаила Николаевича; генерал-адъютант, ге-

нерал от инфантерии; в 1897 г. – командующий Кавказской гренадерской дивизией; историк, энтомолог; с 1892 г. – председатель Русского географического общества; с 1910 г. – председатель русского исторического общества; доктор философии Берлинского университета, доктор русской истории Московского университета 12, 324

Николай Николаевич (Младший) (1856–1929), великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), генерал от кавалерии; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – офицер для особых поручений при главнокомандующем Дунайской армией, с 1878 г. – командир эскадрона, затем дивизиона, с 1884 г. – командир лейб-гвардии Гусарского полка, в 1890 г. – командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1895 г. – генерал-инспектор кавалерии; с 1905 по 1908 г. – председатель Совета государственной обороны, с 1905 по 1914 г. – главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1914–1915 гг. – верховный главнокомандующий русской армией, с 1915 г. – наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом 29, 31, 453, 462

Николай Николаевич (Старший) (1831–1891), великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), генерал-адъютант (1856); с 1856 г. – генерал-инспектор по инженерной части и начальник

- 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии, с 1859 г. – командир гвардейского резервного кавалерийского корпуса, в 1862–1864 гг. – командир отдельного гвардейского корпуса, в 1864–1880 гг. – главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – главнокомандующий русской армии, действовавшей на балканском театре военных действий; член Государственного совета 25, 26, 28, 36
- Нисен Генрих, русский консул в Тунисе 182
- Нормец Антон Карлович, управляющий в имени Симеиз с 1897 г. 474, 475, 503
- Ностиц Григорий Иванович (1862–1926), граф, сын И.Г. Ностица; с 1885 г. на военной службе, в 1893 г. окончил Николаевскую академию генерального штаба, с 1896 по 1898 г. – старший адъютант штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1898 по 1900 г. – штаб-офицер для поручений при штабе генерал-инспектора кавалерии, с 1908 по 1912 г. – военный агент во Франции, с 1912 по 1915 г. – начальник штаба Гвардейского корпуса, с 1915 по 1917 г. состоял в распоряжении начальника Генерального штаба 462
- Ностиц Иван Григорьевич (1824–1905), граф, генерал-лейтенант (1874), флигель-адъютант (1860); с 1857 по 1863 г. – командир Нижегородского драгунского полка; фотограф-художник 40, 234, 235, 278, 282, 371, 416, 429, 462, 465, 505, 520, 234
- Оболенская-Нелединская-Мелецкая Александра Александровна (1851–1943), княгиня, урожденная графиня Апраксина; жена князя Владимира Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого 35
- Оболенский 235
- Оболенский Николай Николаевич (1833–1898), князь, генерал-лейтенант (1888), генерал-адъютант (1896), с 1874 г. – командир лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона; с 1876 по 1887 г. – командир лейб-гвардии Преображенского полка; с 1889 г. – командир 1-й гвардейской пехотной дивизии; в 1897 г. – командир Гвардейского корпуса 496
- Оболенский-Нелединский-Мелецкий Владимир Сергеевич (1847–1891), князь, генерал-майор (1891), гофмаршал (1882) 35, 213
- Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, почетный член Петербургской АН; с 1857 г. – профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1867 г. – главноуправляющий Военно-ученым комитетом, в 1881–1897 гг. – начальник Главного штаба, председатель Военно-ученого комитета; член Государственного совета 83, 97–101, 363, 384, 386, 390, 397, 409, 419, 440, 469–472, 485, 535
- Обручева Мария Николаевна, урожденная Millot; с 1862 г. –

- жена Николая Николаевича Обручева 99–101, 386, 390, 409
- Овсяный, доктор в г. Ялте 32, 205
- Огарев, племянник Д.А. Милютина 252
- Озеров Александр Петрович (1817–1900), дипломат, обергофмейстер; в 1857–1861 гг. – посол в Греции; в 1861–1869 гг. – посол в Швейцарии; с 1880 г. состоял при императрице Марии Александровне 34
- Озерова Александра Сергеевна, фрейлина Ольги Федоровны; с 1894 г. гофмейстерина великой княгини Ксении Александровны 313
- Озерова Софья Сергеевна, фрейлина императрицы 210, 247, 253
- Олив Вильгельм Александр Захария (Вивиан) Вильямович (1847–1896), действительный статский советник, камергер; полковник лейб-гвардии Гусарского полка, с 1881 по 1887 гг. – Таврический губернский предводитель дворянства 321
- Олсуфьев Адам Васильевич (1833–1901), генерал-лейтенант 270, 271, 304, 397, 410, 411, 495, 499, 504, 522
- Олсуфьев Александр Васильевич (1843–1897), граф, генерал-адъютант, помощник командующего Императорской главной квартирой 35, 211, 247, 248, 270, 271, 304, 315, 318, 504
- Олсуфьева Анна Михайловна (1835–1899), графиня, урожденная Оболянинова; жена Александра Васильевича Олсуфьева 270, 271, 319, 411, 495, 499, 504, 522, 523
- Олсуфьева Елизавета Адамовна (1857–1898), графиня, дочь Адама Васильевича Олсуфьева 270, 271, 300, 304, 392, 393, 397, 411, 476, 500
- Олсуфьева Ольга Ростиславовна, см. *Долгорукова* О.Р.
- Олсуфьева Татьяна Васильевна 270, 271, 304, 305
- Олсуфьевы 270, 222, 248, 270, 304, 319, 410, 411, 500–504
- Ольга Константиновна (1851–1926), великая княгиня, старшая дочь вел. князя Константина Николаевича; с 1867 г. королева Греческая 36
- Ольга Николаевна (1895–1918), великая княгиня, дочь императора Николая II 372
- Ольга Федоровна (1839–1891), великая княгиня, урожденная принцесса Цецилия Баденская; с 1857 г. супруга великого князя Михаила Николаевича 26, 36, 313
- Ольденбургская Евгения Максимилиановна (1845–1925), урожденная герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская; дочь великой княгини Марии Николаевны; жена принца Александра Петровича Ольденбургского 407
- Ольденбургские, принцы; сыновья принца Петра Георгиевича Ольденбургского (1812–1881) – Александр Петрович (1844–1932) и Георг Петрович (1852–1912) 392
- Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932), принц, генерал-адъютант; в 1870–1875 гг. – командир лейб-гвар-

- дии Преображенского полка; в 1885–1889 г. – командир Гвардейского корпуса; основатель Института экспериментальной медицины в С.-Петербурге 507, 508
- Ону Михаил Константинович (1835–1901), в 1870-х – 1880-х гг. – 1-й драгоман, а затем советник российского посольства в Турции; с 1889 по 1901 г. – посланник в Афинах 32, 38, 39, 43, 45, 46, 49, 52–55, 57, 59, 60, 66, 97, 174, 194, 204, 205
- Опекушин Александр Михайлович (1838–1923), скульптор 491
- Орлеанский Фердинанд-Филипп (1810–1842), с 1830 г. – герцог, старший сын короля Луи-Филиппа I, в 1830–1842 гг. наследник французского престола 172
- Орлов, генерал-майор, гофмаршал двора вел. кн. Николая Николаевича старшего 25, 29
- Орлов, топограф 26, 33
- Орлов, ялтинский фотограф 258
- Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург; член-корреспондент Петербургской Академии наук 403
- Островский Михаил Николаевич (1827–1901), действительный тайный советник, сенатор; с 1854 г. – чиновник особых поручений при государственном контролере; в 1859 г. – делопроизводитель затем в 1860 г. член Комиссии по устройству кассового и ревизионного порядка; с 1863 г. – управлял временной Ревизионной комиссией Государственного контроля; с 1871 г. товарищ государственного контролера, в 1874–1875 гг. провел ревизию контрольных палат западных губерний и Царства Польского; с 1881 по 1893 г. министр государственных имуществ; с 1893 по 1899 г. – директор Департамента законов Государственного совета 233, 242
- Островский, врач-окулист 291, 380
- Остроумов Алексей Александрович (1844–1908), врач-терапевт; профессор Московского университета 365–367
- Охромченко Сергей Федорович, винодел 429
- Павел Александрович (1860–1919), великий князь, младший сын императора Александра II, генерал от кавалерии; в 1890–1896 гг. – командир лейб-гвардии Конного полка; в 1898–1902 гг. – командир Гвардейского корпуса 321, 322, 383
- Павлов Платон Петрович (1834–1904), генерал-лейтенант, в 1877–1878 гг. – начальник штаба Кавказской армии; с 1878 по 1882 г. – начальник штаба Кавказского военного округа; с 1890 г. – командир 7-го армейского корпуса, помощник командующего войсками Варшавского военного округа 37, 41, 462
- Павлов, винодел, служащий в имени Семеиз 428, 429, 433
- Пален Константин Иванович фон-дер (1833–1912), граф, обер-камергер; в 1864–1867 гг. – псковский губернатор, в 1867 г. – товарищ министра юстиции; в 1868–1878 гг. – министр юсти-

- ции; в 1883 г. – член Государственного совета; в 1896 г. – верховный маршал на коронационных торжествах 384, 407, 408
- Панина Анастасия Сергеевна (1850–1936), графиня, урожденная Мальцева; во втором браке Порункевич 277, 427, 428, 430, 457, 499
- Пантелеев Александр Ильич 464
- Педро IV (1798–1834), с 1816 г. – принц Бразильский; с 1821 г. – регент Бразилии; с 1822 г. – император Бразилии Педро I; с 1826 г. – король Португалии Педро IV 133
- Перцова Александра Михайловна, учительница 11, 289
- Петр I Великий (1672–1725), с 1682 г. – русский царь, с 1721 г. – российский император 6, 92, 93
- Петр Николаевич (1864–1931), великий князь, второй сын великого князя Николая Николаевича; генерал-лейтенант; в 1904–1909 гг. – генерал-инспектор по инженерной части; член совета главного управления государственного коннозаводства 391, 431, 501, 503, 508, 509, 513
- Петрушевский Александр Фомич (1826–1909), историки, служил в канцелярии Военного министерства 32
- Пешков Николай Николаевич, полковник Генерального штаба; в 1893–1900 г. – военный агент России в Турции 43, 44
- Пивоварова, учительница народной школы в Симеизе 458
- Пиллар Анна Ивановна, баронесса 215, 216, 227, 231, 232, 234, 277, 281, 314, 319, 431, 461, 464, 465, 500, 503, 509
- Пиллар фон Пильхау Анна (Нина) Карловна (1832–1885), баронесса, фрейлина императрицы Марии Александровны 79
- Пиллар фон Пильхау Николай Николаевич, надворный советник, камер-юнкер, российский консул в Ливерпуле 79
- Пильц 464
- Писарев 520
- Плавтов Петр Васильевич, земский врач в Московской губ., домашний врач Олсуфьевых 271
- Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), в 1894–1899 гг. – государственный секретарь; в 1900–1902 гг. – статс-секретарь Великого княжества Финляндского; в 1902–1904 гг. – министр внутренних дел 314, 384, 390
- Плетнев 464
- Плец (Плетц) Виктор Александрович, полковник, в 1882–1890 гг. – управляющий императорским именем Ливадия 24, 216, 231, 465, 474, 509
- Плец, супруги 216, 223, 461, 474, 477, 509, 514, 521
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), действительный тайный советник, сенатор, юрист и литератор; с 1860 г. – профессор Московского университета; с 1865 г. – член Консультации, при Министерстве юстиции, в 1880–1905 гг. – обер-прокурор Синода и член Комитета Министров; с 1894 г. – статс-секретарь; член Государ-

- ственного совета 232, 301, 387, 470
- Подчиненова Лариса Алексеевна, классная дама в Московском Елизаветинском институте 357, 358
- Полежаев, землевладелец в Крыму 391
- Половцов Александр Александрович (1867–1944), старший сын Александра Александровича Половцова; с 1896 г. – чиновник особых поручений Министерства внутренних дел; в 1906–1907 гг. – генеральный консул в Бомбее; в 1917 г. – товарищ министра иностранных дел, была женат на гр. Софье Владимировне Паниной 427, 428
- Половцов Анатолий Викторович (1849–1905), историк, чиновник земского отдела Министерства внутренних дел, заведующий общим архивом Министерства императорского двора 423
- Понсе (Понсэ) Анна Евгеньевна (1857 – ?), дочь Евгения Михайловича Понсе, племянница Д.А. Милютина; в замужестве Ефремова 252, 262, 263, 282, 292, 294, 297–299, 335, 338, 358, 359, 362, 363, 365, 454, 456, 510, 514
- Понсе (Понсэ) Дарья (Дора) Михайловна, сестра жены Дмитрия Алексеевича Милютина 252, 260, 355, 357, 433, 461, 464
- Понсе (Понсэ) Евгений Михайлович, шурин Дмитрия Алексеевича Милютина 256, 259, 366, 433
- Понсе (Понсэ) Михаил Евгеньевич, сын Евгения Михайловича Понсэ, племянник Дмитрия Алексеевича Милютина 256, 262, 325, 477
- Понтий Пилат 142
- Попандопуло, строительный подрядчик в Ялте 425
- Попов Алексей Николаевич, с 1896 г. – управляющий именем в Симеизе; с 1897 г. – члена Ялтинской земской управы 376, 378, 412, 416, 418–422, 424, 444, 447–450
- Попов Лев Васильевич (1845–1906), врач-терапевт; с 1890 г. – профессор Военно-медицинской Академии; с 1892 г. – лейб-медик, состоял при великом князе Георгии Александровиче 316, 321
- Потапенко Сергей Никифорович, винодел в имении Симеизе 500, 504, 525, 526
- Потехин 464
- Пражнецова 271
- Прахов Николай Адрианович (Кока), сын Адриана Викторовича Прахова 263, 460, 461, 517
- Прахова Эмилия Львовна, урожденная Лестель, внебрачная дочь М.А. Мордвиновой, сестры Д.А. Милютина 276
- Праховы 263, 433, 460
- Преображенский Петр Александрович, титулярный советник; секретарь русского генерального консула в Турции 43
- Преображенский, профессор архитектуры 329
- Проскуряков Федор Иванович (1830–1904), тайный советник, сенатор 259
- Протасов-Бахметьев Николай Алексеевич (1837–1907), граф, генерал-лейтенант; командир

- лейб-гвардии Конного полка; в 1890–1906 гг. – главноуправляющий собственной Е. И. В. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии; член Государственного совета (1891) 100, 363
- Пыпин Александра Николаевич (1833–1904), академик, историк литературы 464
- Радолин Гуго (1841–1917), князь, германский дипломат; в 1895–1900 гг. – посол Германии в России; в 1900–1910 гг. – посол во Франции 405
- Ралли, в замужестве Маркетти 61
- Рауш фон Траубенберг, полковник, русский военный агент в Афинах 43, 44, 46–49, 52, 53, 205, 206
- Рафаэль Санти (Raphael Santi) (1483–1520), итальянский художник и архитектор 77, 124
- Реброва 306, 332
- Рембрандт (1606–1669), голландский художник 92
- Ринек Александр Христианович (1837 – ?), доктор, хирург; профессор по кафедре оперативной хирургии университета Св. Владимира; член общества русских врачей в С.-Петербурге и общества киевских врачей 278, 282
- Ристич Йован (1831–1899), сербский историк; в 1861–1867 гг. – представитель Сербии при Порте, в 1867 г. – председатель Совета министров и министр иностранных дел Сербии, премьер-министр Сербии в 1873, 1878–1880, 1887 г., в 1868–1872 гг. – член регентства при малолетнем князе Милане Обреновиче, в 1889–1893 гг. – при князе Александре Обреновиче 249
- Рихтер Оттон Борисович (1830–1908), генерал от инфантерии; генерал-адъютант; с 1858 г. – воспитатель цесаревича Николая Александровича, затем великих князей Александра и Владимира Александровичей; с 1866 г. – управляющий делами Императорской главной квартиры и начальник штаба Петербургского военного округа, затем начальник 13-й пехотной дивизии; в 1881–1898 гг. – командующий Императорской главной квартирой и начальник Военно-походной Е. И. В. канцелярии; член Государственного совета 247–250, 252, 253, 316, 321, 332, 339, 366, 462
- Рихтер, сын Оттона Борисовича, морской офицер; в 1893 г. служил на крейсере «Витязь» 253
- Рогожина 259
- Рожественский, священник русской православной церкви в Париже 70
- Роллер Иван Карлович, капитан парохода «Олег» 41, 208
- Ротшильд Альфонс (1827–1905), барон, сын Джемса Ротшильда; глава Парижского банкирского дома Ротшильдов 71
- Рубатино, владелец итальянской железнодорожной компании 187
- Рубенс Питер Пауль (1577–1640), фламандский живописец 86, 124, 128, 129

- Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), композитор, пианист, дирижер; в 1859 г. организовал Русское музыкальное общество; в 1862 г. основал Петербургскую консерваторию 203
- Рудановский Константин Васильевич, генерал-майор; в 1878–1900 гг. – директор Александровского кадетского корпуса 72, 73, 75, 77, 245
- Рудановский Петр Константинович, сын К.В. Рудановского; в 1895–1896 гг. – третий секретарь канцелярии Министерства иностранных дел 72, 73, 75, 77, 80, 83
- Руденко Степан Иванович, инженер путей сообщений; с 1887 г. – руководитель строительства морского порта в Ялте 425, 449, 479
- Рыбицкий В.Н., председатель Ялтинской земской управы 419, 420, 447, 464, 465
- Сабина Марфа Степановна, одна из создательниц Благовещенской общины сестер милосердия Красного Креста в имении Джемиет в Крыму, соседка баронессы Фредерихс 34, 36
- Сабуров Петр Александрович (1835–1918), дипломат, сенатор; с 1870 по 1879 г. русский посол в Греции, с 1879 по 1884 г. – в Германии; член Государственного совета 442, 443, 446, 448, 453, 454, 514, 528, 533, 534
- Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), секретарь русского посольства в Лондоне; в 1910–1916 гг. – министр иностранных дел; в 1917 г. – посол в Лондоне 75–77
- Сакс Георгий Александрович, русский консул на Мальте 193
- Салова Александра Семеновна (Ина), урожденная Мордвинова, племянница Дмитрия Алексеевича Милютина (1893) 256, 259, 305, 325, 332, 333, 369, 410, 496, 521, 524
- Саломон Александр Петрович (1853–1908), шталмейстер; начальник Главного тюремного управления; член Государственного совета 369, 526, 529
- Саломены, супруги 234, 261, 263, 369, 526
- Сальков Павел Николаевич 411
- Самарин Дмитрий Федорович (1831–1901), русский общественно-политический деятель, славянофил; гласный Московской губернской земской управы; сотрудник газеты «День», «Москва», «Московский ведомости» 396
- Самарин Петр Федорович (1830–1901), действительный статский советник; в 1876–1879 гг. – тульский губернский предводитель дворянства; брат Ю.Ф. Самарина 21, 30, 37, 320, 354, 522
- Самарин Юрий Федорович (1819–1876), философ, историк, публицист, общественный деятель, славянофил; в 1859–1860 гг. – член-эксперт Редационных комиссий по крестьянскому делу, в 1863–1864 гг. участвовал в подготовке проекта крестьянской реформы в Царстве Польском, в 1866–1876 гг. – гласный Московской городской

- думы и губернского земского собрания 396
- Самарина Александра Павловна, жена Петра Федоровича Самарина 320, 354
- Самарины, Петр Федорович и Александра Павловна 21, 22, 27, 30, 222, 223, 226, 241, 244, 245, 250, 254, 256, 278, 282, 291, 317, 320, 321, 338, 343, 354, 355, 371, 379, 435, 446, 449, 465, 479–481, 504, 521, 523
- Сахаров Виктор Викторович (1848–1905), генерал-лейтенант, генерал-адъютант; в 1897 г. – начальник Главного штаба; в 1904–1905 гг. – военный министр 472
- Свербеев Александр Дмитриевич (1835–1917), сенатор; в 1879–1891 гг. – Самарский губернатор 431
- Свечин Александр Иванович 236
- Свечин Николай Иванович (1816–?), друг детства Д.А. Милютина 208, 210, 236
- Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825–1899), князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1860–1863 гг. – начальник Терской области, затем – кутаисский генерал-губернатор, в 1876–1880 гг. – помощник кавказского наместника; член Государственного совета 383
- Сеид-Абдул-Ахад-хан (1857 или 1859–1910), с 1885 г. – эмир бухарский 395, 397, 402–403
- Селифонтов Николай Николаевич (1836–1900), тайный советник, статс-секретарь, сенатор; в 1872–1875 гг. – председатель СовеЩательного комитета Министерства путей сообщений; с 1872 по 1880 г. и с 1885 по 1889 г. товарищ министра путей сообщения 394
- Семяк Владимир Саввич (1816–1897), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1856 г. – начальник штаба 3-го армейского корпуса, с 1861 г. – командир 6-й пехотной дивизии, в 1870–1879 гг. – командующий войсками Одесского военного округа; член Военного совета 383, 394
- Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, пятый сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант; в 1891–1905 гг. – Московский генерал-губернатор; член Государственного совета 257, 321, 322, 382, 383, 400, 401, 412, 435, 485, 492, 493
- Сержпутовский Антон Адамович, русский генеральный консул в Неаполе 66
- Сиамский принц 213
- Сипягин Владимир Всеволодович, чиновник Министерства императорского двора; начальник Камерального отделения Кабинета Е. И. В. 394, 396, 457
- Сипягина Александра Ивановна, урожденная Шамшина; жена Владимира Всеволодовича Сипягина 457, 459
- Скалон Анна Михайловна (1845–1893), урожденная Лазарева; жена Н.А. Скалона 167
- Скалон Дмитрий Антонович (1840–1919), генерал от кавалерии, председатель Русского военно-исторического обще-

- ства, военный писатель; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял адъютантом главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича старшего 453
- Скалон, офицер лейб-гвардии Гусарского полка, сын генерала от кавалерии Н.А. Скалона 167, 168
- Скарятины, семья 232, 236
- Скрипицына Елизавета Валерьевна 71, 72, 96
- Слонимский Людвиг Зиновьевич (1850–1918), юрист, публицист; редактор Политической энциклопедии, изданной в 1907 г. 342, 464
- Смелов, владелец имения-пансиона в Лименской долине 277
- Смирнов Алексей Александрович, секретарь русского посольства в Турции 43
- Соболевский Алексей Иванович (1856–1929), академик, профессор русской словесности Петербургского университета, сотрудник журнала «Живая старина» 464
- Сократ (469 – 399 г. до н. э.), греческий философ 47
- Соллогуб Василий Иустинович (1848–1917), генерал-лейтенант; профессор Академии Генерального штаба 462
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ 464
- Сомова, жена французского принца Мюрата 25
- Сотириадес, русский консул в г. Патрас 199, 200
- Спасович Владимир Данилович 464
- Сталь (Стааль) Егор Егорович (Георгий Георгиевич) (1822–1907), барон, действительный тайный советник (1886); в 1871–1884 гг. – посланник в Вюртемберге; в 1884–1902 гг. – посол в Лондоне; член Государственного совета 77, 411
- Сталь (Стааль) Софья Михайловна (1835–1917), урожденная княжна Горчакова, жена Е.Е. Стала 411
- Стасов Дмитрий Васильевич (1828–1918), председатель совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты 464
- Стасюевич Михаил Матвеевич (1826–1911), историк, публицист, общественный деятель; с 1852 по 1861 г. – профессор С.-Петербургского университета; в 1866–1909 г. – редактор «Вестника Европы»; издатель серии «Русская библиотека»; с 1881 г. – гласный С.-Петербургской городской думы; в 1887–1899 гг. – почетный мировой судья в С.-Петербурге 463, 464
- Статковский, инженера путей сообщений, служил на Кавказе 476
- Степанов, московский врач 494
- Стольпины, семья 97, 106, 383, 384
- Страхов, офицер корпуса топографов 410
- Стюрлер, генерал-лейтенант 214
- Суворов Александр Васильевич (1730–1800), граф Рымникский, светлейший князь Италийский, генералиссимус 32, 237

- Сумарокова-Эльстон Александра Феликсовна, с 1891 г. – жена Ю.Н. Милютинина 20, 21, 212, 260, 262
- Сумарокова-Эльстон Елена Сергеевна (1829–1901), графиня, дочь графа Сергея Павловича Сумарокова 20, 215, 276, 280, 282, 299, 314, 319, 372, 424, 428, 430–432, 434, 436, 439, 441, 443, 459, 503, 528, 534
- Сумарокова-Эльстон Зинаида Николаевна (1861–1939), старшая дочь князя Николая Борисовича Юсупова 72, 280, 465
- Сумароков-Эльстон Николай Феликсович (1882–1908), граф, князь Юсупов 215, 224, 465
- Сумароков-Эльстон Павел Феликсович, граф, князь Юсупов 260, 262, 369, 371
- Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1856–1928), граф, князь Юсупов; с 1883 по 1885 г. причислен к Министерству внутренних дел; в 1886–1904 гг. – адъютант великого князя Сергея Александровича; с 1904 г. – командир Кавалергардского полка; в 1908–1911 гг. – командир 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии; в 1914–1915 гг. – московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа 276, 280
- Таганцев Николай Степанович (1843–1921), доктор уголовного права, сенатор; с 1905 г. – член Государственной думы, почетный член Петербургской Академии наук 464
- Тарновская Прасковья Николаевна, урожденная Козлова; жена профессора В.М. Тарновского 257, 259, 262, 263
- Тарновский Вениамин Михайлович (1837–1906), врач, профессор Медико-хирургической академии и Военно-медицинской академии 259, 262, 263, 527
- Таубе Максим Антонович (1826–1910), барон, генерал от кавалерии; с 1863 по 1865 г. – командир 3-го драгунского Новороссийского полка; с 1865 по 1873 г. – начальник Николаевского кавалерийского училища; с 1873 по 1875 г. – начальник 3-й кавалерийской дивизии; с 1875 по 1881 г. – командир 5-й кавалерийской дивизии; с 1881 по 1889 г. – командир 12-го армейского корпуса; с 1889 г. – генерал-губернатор Степной области; командующий войсками Омского военного округа 367
- Текинская Татьяна Михайловна, крестница Е.Д. Милютиной 357, 358, 365
- Темиршаев, землевладелец в Симеизе, сосед Д.А. Милютинина 232–234, 236
- Теодор, землевладелец в Кефисии 49
- Тернер Федор Густавович (1833–1906), сенатор; с 1872 г. – член совета Министерства финансов; в 1887–1892 гг. – товарищ министра финансов; член Государственного совета 235, 263, 264
- Тетюшинова, урожденная Васяткина, домовладелица в Алушке 259
- Тимашев Александр Егорович (1818–1893), генерал от кавалерии

- лерии (1872), генерал-адъютант (1859); в 1867–1868 гг. – министр почт и телеграфов, в 1868–1878 гг. – министр внутренних дел; член Государственного совета 243
- Тимирязев Владимир Иванович (1849–1919), действительный тайный советник (1909), обер-гофмейстер (1909); агент Министерства финансов в Берлине; в 1896 г. – генеральный комиссар Всероссийской художественной и промышленной выставки в Нижнем Новгороде; в 1902–1905 гг. – товарищ министра финансов; в 1909 г. – министр торговли и промышленности 413
- Титов Владимир Павлович (1807–1891), действительный тайный советник, дипломат, писатель и литературный критик; посол в Константинополе; состоял при Министерстве иностранных дел; председатель Археографической комиссии при Министерстве народного просвещения; член Государственного совета 34
- Тициан Вечеллио (1477–1576), живописец венецианской школы 124, 129
- Тобин, врач 357
- Токмаков 231, 232, 259, 260
- Токмаковы 261
- Толстая Софья Андреевна (1827–1892), урожденная Бахметьева, графиня, жена поэта А.К. Толстого 48
- Толстая Софья Андреевна (1824–1895), графиня, сестра А.А. Толстой 278, 282
- Толстая Александра Андреевна (1817–1904), графиня, фрейлина великой княгини Марии Николаевны, затем императрицы Марии Александровны, воспитательница великой княгини Марии Александровны; писательница 251, 254, 261, 262, 278, 282
- Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф, поэт, писатель и драматург; член Петербургской Академии наук 48
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф; в 1865–1880 гг. – обер-прокурор Святейшего Синода, в 1866–1880 гг. – министр народного просвещения, с мая 1882 г. – министр внутренних дел; с 1822 г. – почетный член и президент Петербургской АН 8
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф, писатель 271, 336, 539, 567, 577, 623
- Транзе, полковник, командир Крымского татарского дивизиона 35
- Траубенберг, полковник, см. *Рауш фон Траубенберг*
- Траубенберг Александра Федоровна, урожденная графиня Гейден 404
- Траян (53–117), с 98 г. – римский император 69
- Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906), генерал-майор; в 1896–1905 гг. – московский обер-полицмейстер; с января 1905 г. – Петербургский генерал-губернатор; с мая 1905 г. – товарищ министр внутренних дел, директор Департамента

- полиции и командующий Отдельным корпусом жандармов; с октября 1905 по 1906 г. – дворцовый комендант 435
- Троцкий Виталий Николаевич (1835–1901), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1866 г. – начальник штаба войск Туркестанской области; с 1869 г. – помощник командующего войсками Сырдарьинской области; в 1878–1893 гг. – военный губернатор Сырдарьинской области; с 1897 г. – виленский генерал-губернатор 481
- Трубецкая, княжна, племянница Самариных 291, 477, 521
- Трубецкие, семья 356, 500
- Трубецкой, князь 236
- Трубецкой Александр Васильевич (1813–1899), генерал-майор 459
- Трубецкой Петр Николаевич (1858–1911), князь, камергер; в 1887–1893 гг. – московский уездный предводитель дворянства; в 1896–1906 гг. – московский губернский предводитель дворянства; с 1906 г. – член Государственного совета по выборам от московского дворянства 449, 481, 487
- Труворов Аскалон Николаевич (1819–1893), археограф; с 1865 г. – член Археографической комиссии для разбора дел, хранящихся в архиве Св. Синода; с 1886 г. – директор Археографического института 278
- Туманов, князь, офицер Крымского дивизиона 211, 321
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель 336
- Тюрр, генерал, глава компании по сооружению Коринфского канала 50
- Уатт Джейм (1736–1819), английский инженер изобретатель универсальной паровой машины 74
- Унковский Сергей Семенович, генерал-лейтенант, комендант Москвы 383
- Урсова Мария Сергеевна, княгиня, дочь С.И. Мальцева 36, 252, 255
- Фан-дер-Флит Петр Петрович (1839–1904), физик; с 1880 г. – профессор Петербургского университета 464
- Фельдман Федор Александрович (1835–1902), генерал от инфантерии, генерал-лейтенант; в 1876–1881 гг. – военный агент России в Вене; с 1881 г. – управляющий делами военнo-учетного комитета, члена комитета по мобилизации войск и заведующий офицерскими курсами восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел; в 1896–1900 гг. – директор императорского Александровского лицея; с 1900 по 1902 г. – почетный опекун, попечитель Александрo-Мариинского училища слепых и мастерской для взрослых имени К.К. Грота 318, 321, 384, 386, 409
- Фердинанд I, князь Болгарский (1861–1948), младший сын принца Августа Кобургского; с 1887 по 1908 г. – князь Болгар-

- ский; с 1908 по 1918 г. – царь Болгарский 376, 404
- Фердинанд II Арагонский, Фердинанд Католик (1452–1516), с 1474 г. – король Кастилии и Леоны, с 1479 г. – король Арагона, король Валенсии, король Сицилии, с 1503 г. – король Неаполя; супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской 151
- Филипп II (1527–1598), с 1554 г. – король Неаполя и Сицилии; с 1555 по 1581 г. – король Испании и Нидерландов; с 1581 г. – король Испании 129
- Филипп II, король Кастилии (?) 141
- Филипп III, король Кастилии (?) 141
- Филопаппос 47
- Философова Софья Алексеевна (1847–1901), урожденная Писарева 380
- Фино (Finot), барон, в 1869 г. – консул Франции в Тифлисе 455
- Фор (Faure) Франсуа Феликс (1841–1899), французский политический деятель и коммерсант, с 1881 г. – член Палаты депутатов, с 1894 по 1895 г. – морской министр; в 1895–1899 гг. – президент Французской республики 455, 514, 515
- Фрауенштейн, штабс-капитан фельдъегерского корпуса 462
- Фредерикс (Фредрихс) Владимир Борисович (1838–1927), барон, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, с 1875 по 1883 г. – командир лейб-гвардии Конного полка; в 1893–1897 гг. – товарищ министр императорского двора; в 1898–1917 гг. – министр Императорского двора 488, 493, 513
- Фредерихс (Фредрихс) Лев Александрович (1839–1914), барон, полковник, адъютант Д.А. Милютина, с 1876 по 1899 г. – российский военный агент в Париже 38, 40, 66, 70, 72, 81, 83, 95, 97, 170, 173, 397, 455, 456
- Фредерихс (Фредрихс) Варвара Андреевна, баронесса, жена Л.А. Фредерихса 70, 72, 75, 81, 95, 98, 125, 173
- Фредрихс (Фредрихс) Мария Петровна (1832–1903), баронесса, фрейлина, владелица имения Джемиев 34, 36, 248, 528
- Фредерихс (Фредрихс) Наталья Модестовна, баронесса 479, 481, 484, 521, 528, 530
- Хвощинский, адъютант Д.А. Милютюна 40, 262, 376
- Хитрово Михаил Александрович (1837–1896), действительный статский советник, в 1879–1880 гг. – генеральный консул в Солониках; с 1880 г. – дипломатический представитель России в Болгарии; с 1883 г. – посол в Египте, в 1896 г. – в Японии 397
- Хоментовский, генерал интендантской службы 311, 312
- Хрущов Павел Дмитриевич (1849–1909), химик, профессор Харьковского университета, почетный член Общества физико-химических наук 20, 25, 216, 223, 252, 530
- Хрущовы, семья 26, 27, 29, 216, 222, 223

- Церетели, князь, подполковник Генерального штаба 397
- Цинкаловская Зинаида Николаевна, учительница школы в Леонтьеве имени Е.М. Понсе 366, 372
- Цион Илья Фаддеевич (1842–1912), физиолог, публицист, в 1870-х гг. – профессор Петербургской медико-хирургической академии 353
- Чагин Николай Иванович (1831–1915), генерал от артиллерии 71, 72
- Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор 281
- Черевин Петр Александрович (1837–1896), генерал-лейтенант, генерал-адъютант; с 1876 по 1880 г. – командир собственного Е. И. В. конвоя; в 1880–1883 гг. – товарищ министра внутренних дел; начальник охраны императора Александра III 247, 315, 319–322
- Чихачев Николай Матвеевич (1830–1917), адмирал; в 1888–1896 гг. – морской министр 315, 371, 418
- Чичагов, генерал-майор, военный агент в Бельгии и Голландии 319, 321
- Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), юрист, философ, профессор Московского университета, земский деятель; московский городской голова 10, 28, 30, 31, 223, 229, 248, 250, 257, 355, 376, 379, 449, 472, 518–520, 526, 535
- Чичерин Петр Николаевич (1838 – после 1914), брат Б.Н. Чичерина 376
- Чичерины, семья 21, 22, 25, 27, 28, 30, 32, 222, 223, 241, 244–246, 248, 250, 254–256, 278, 354–356, 379, 380, 446, 449, 449, 474
- Шателер Владимир Андреевич, лейтенант, адъютант великого князя Александра Михайловича 313
- Шакловитый Федор Леонтьевич (? – 1689), ближайший советник царевны Софьи Алексеевны 278
- Шамшин Иван Иванович, тайный советник, управляющий Межевой частью Министерства юстиции 390, 458
- Шауфус Николай Константинович (1846–1911), генерал-лейтенант (1906); с 1892 г. – начальник Московско-Курской железной дороги, с 1899 г. – начальник Николаевской железной дороги, в 1906–1909 гг. – министр путей сообщения 497
- Шаховская, княгиня, урожденная Велеурская, жена А.И. Шаховского 214
- Шаховская Александра Павловна (1823–1903), княгиня, мать князя С.В. Шаховского 272, 299, 308, 334, 381, 398, 497
- Шаховская Варвара Михайловна, урожденная Каткова (1855 – ?), жена Л.В. Шаховского 326, 327
- Шаховская Елизавета Дмитриевна, см. *Милютин* Е.Д.
- Шаховская (урожденная Озерова) (1843–1924), княгиня, вторая жена князя А.И. Шаховского 215

- Шаховской, сын князя Льва Владимировича, племянник С.В. Шаховского 409, 420
- Шаховской Александр Иванович (1822–1891), князь, генерал-лейтенант 214, 215
- Шаховской Лев Владимирович (1849–1897), литератор 326, 409, 420
- Шаховской Николай Владимирович (1856–1906), князь, коллежский асессор; с 1889 г. – чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел; с 1901 г. – председатель Главного управления по делам печати 272, 307, 325, 327, 329, 368, 369, 381, 395, 399, 403, 409, 416, 422, 423, 425–427, 455, 458, 485, 498, 499, 525, 530
- Шаховской Сергей Владимирович (1852–1894), в 1881 г. – уполномоченный Красного Креста, с 1885 г. – эстляндский губернатор 226, 294, 304–307, 324, 333, 409
- Швец Дмитрий Сергеевич, управляющий именем Симеиз 416, 418, 420, 422, 428, 429, 433, 441, 474, 475
- Шереметев Сергей Алексеевич (1836–1896), граф, генерал-лейтенант, генерал от кавалерии; с 1890 г. – главноначальствующий гражданской частью на Кавказе; с 1896 г. – член Государственного совета 429, 436, 440
- Шереметева Мария Федоровна, графиня, урожденная графиня Гейден 405, 426, 427, 429, 432
- Шернваль-Валлен Эмилий Карлович (1806–1890), барон, с 1875 по 1881 г. – министр-секретарь великого княжества Финляндского 506
- Шидловский Николай Владимирович (1843–1907), действительный тайный советник (1902); с 1884 г. – статс-секретарь Департамента государственной экономики Государственного совета по законодательной части; с 1892 г. – сенатор 390
- Шильдер Николай Карлович (1842–1902), историк, генерал-лейтенант, член-корреспондент Академии наук; в 1855 г. – адъютант ген-ад. Э.И. Тотлебена; в 1879–1885 г. – директор Гатчинского Николаевского сиротского института, с 1886 г. – директор Николаевского инженерного училища и академии; в 1892–1893 гг. – редактор «Русской старины»; с 1899 г. – директор Императорской Публичной библиотеки 464
- Ширинкин Евгений Николаевич, полковник, начальник дворцовой полиции 321
- Шишкин Николай Павлович (1830–1902), действительный тайный советник (1902); с 1875 по 1880 г. – посланник в США; с 1880 г. – посланник в Греции; в 1884–1890 гг. – посланник в Швеции и Норвегии; в 1891 г. – товарищ иностранных дел; с 1896 г. – статс-секретарь Е. И. В.; с 1896 по 1897 г. – временно управлял Министерством иностранных дел; член Государственного совета 52
- Шкляревский, киевский художник 255
- Шмидт, врач-окулист в Севастополе 283, 294–296, 351, 358, 362, 367

- Штубендорф фот Отто Эдуардович (1837–1918), генерал-лейтенант; управляющий картографического отделения военно-топографического отдела Главного штаба 462
- Шувалов Павел Андреевич (1830–1908), граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; в 1885–1894 гг. – посол в Берлине; с 1894 г. – варшавский генерал-губернатор и командующий войсками округа 340, 341, 436, 439, 501
- Шувалов Петр Андреевич (1827–1889), граф, генерал от кавалерии, с 1861 г. – управляющий III отделением, начальник штаба корпуса жандармов; в 1864–1866 гг. – Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор; в 1866–1874 гг. – шеф жандармов; в 1874–1879 гг. – посол в Великобритании; член Государственного совета 243
- Щербинский Илья Степанович, офицер гвардейской конной артиллерии 231, 269, 272, 301
- Эвмен II, царь Пергама (правил в 197–159 гг. до н. э.) 47
- Эмир Бухарский, см. *Сеид-Абдул-Ахад-хан*
- Эстергази, офицер французской армии 476
- Юрьевская Екатерина Михайловна (1847–1922), светлейшая княжна, урожденная княжна Долгорукая; с 1880 г. – морганатическая супруга императора Александра II 527
- Юстин (Иустин) (в мир Иван Яковлевич Охотин) (1823–1907), с 1879 г. – епископ Харьковский и Ахтырский; с 1882 г. – епископ Подольский и Брацлавский; с 1887 г. – епископ Курский и Белгородский, с 1893 г. – архиепископ Херсонский и Одесский 274
- Юсупов Николай Борисович (1827–1891), гофмейстер, член опекунского совета учреждений ведомства императрицы Марии 72, 276, 319, 369
- Юсуповы, семья Ф.Ф. и З.Н. Юсуповых 299, 319, 322, 369, 371, 372, 405, 430, 431, 432, 434, 465, 501, 502, 504, 509, 532, 535
- Яковлев Дмитрий, строительный подрядчик из Ялты 451
- Янжул Иван Иванович (1846–1914), экономист и статистик 464
- Яньшев Иоанн Леонтьевич (1826–1910), протопресвитер; с 1856 г. – профессор богословия в Петербургском университете; с 1883 г. – заведующий придворным духовенством и протопресвитер Большого собора в Зимнем дворце и Благовещенского собора в Московском Кремле, духовник царской семьи 211, 212, 247, 396
- Benyunes Joseph, гид 159
- Самбоп, генерал-губернатор Алжира 174
- Сампатежар, маркиза 149
- Cheveau (Шево) Зинаида Ивановна (1809–1893), княгиня,

- урожденная Нарышкина, в первом браке Юсупова, бабушка З.Н. Сумароковой-Эльстон 72
- Duparc de Locmaria**, полковник французской армии, начальник штаба 19-го корпуса в Алжире 170, 173
- Dufaure du Bessol**, генерал французской армии, командир 19-го корпуса в Алжире 175
- Fe d'Ostiani**, итальянский посланник в Афинах 49, 66
- Greenville-Smith**, англичанин, приятель барона и баронессы Фредерихс 81
- Herculano Alejandro**, португальский поэт 135
- Heredia San Jose**, владелец сада в пригороде города Малага 154
- Lallemand**, французский инженер 72
- Lavigerie**, кардинал Тунисский, Алжирский 187, 188
- Loring**, англичанин, владелец сада в пригороде г. Малага 154
- Poolaert**, бельгийский архитектор 85
- Ramos Teller**, владелец винного завода в Малаге 155
- Rivera, Fadrique de, Marquiso de Farifa** 142

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абас-Туман (ныне Абастумани), великокняжеская резиденция (ныне город) в Грузии 214
- Австралия 196
- Адур, р. 104
- Азия, см. также *Малая Азия* и *Средняя Азия* 35, 74, 477, 480
- Ай-Петри, вершина Главной гряды Крымских гор, в районе Алупки 230, 482
- Ай-Тодор, мыс на южном берегу Крыма к юго-западу от Ялты, одноименное имение великого князя Михаила Николаевича 26, 310, 313, 324, 357, 502, 503, 507
- Акарнания, горы в Западной Греции 201
- Александрия, г. (Египет) 44, 310
- Алжир, г., адм. центр франц. колонии Алжир 5, 7, 38, 39, 66, 72, 162, 167–174, 179–181, 185, 191, 210, 317
- Алжирский зал. 170, 176
- Алупка, поселок на Южном берегу Крыма 25, 28, 30, 31, 36, 40, 149, 194, 208, 210, 226, 236, 241, 244, 252, 256, 259, 261, 276, 278, 281, 289, 292, 296, 297, 318, 319, 329, 339, 354–356, 362, 365, 367, 368, 371, 372, 378, 426, 434, 436, 439, 442, 448, 460, 477, 481, 482, 498–500, 504
- Алушта, г. на Южном берегу Крыма 33
- Алфей (ныне Алфиос), р. 202
- Альмада, форт в Португалии 132
- Альпы, горы 114
- Америка 80, 338, 356, 505, 527
- Амстердам, г. 6, 88–91, 94, 547
- Англия 56, 61, 67, 71, 77, 78, 81, 82, 87, 99, 100, 175, 196, 200, 355, 370, 443, 447, 505, 513, 522, 527, 533
- Ангулем, г. 98
- Андалузия 139, 140, 152
- Андрос, о. 45
- Антверпен, г. 86
- Аргостоль (Аргостолион), г. 57
- Аркадийский зал. (древнее назв. Коринфского залива) 55
- Архангельское, усадебный ансамбль вблизи Москвы 299
- Ассирия, древнее государство в Северной Месопотамии 74, 95
- Атлас, горы в северо-западной Африке 168, 176, 190
- Аттика, п-ов на юго-востоке Средней Греции 45
- Афганистан 507
- Афины, г. 5, 32, 38, 43–49, 66, 175, 194, 199, 200, 202–204
- Африка 7, 153, 160, 164, 181, 190, 532
- Ахульго, аул и укрепление 71

- Бадахос, г. 138
- Баден, земля в юго-западной части Германии 455
- Байдарские ворота, перевал через гряду Крымских гор 276
- Байона, г. 103–106
- Байрам-бахчи, участок земли в Симеизе, по соседству с именем Д.А. Милютина 420, 421, 425, 427, 431, 432, 434, 441, 451, 452, 456, 457, 459, 461, 479
- Балаклава, поселок на Южном берегу Крыма 232
- Балтийский край 10, 245, 531
- Барселона, г. 117–123, 155
- Бардо, г. 186, 187
- Батум (ныне Батуми), г. 167, 212, 262, 371, 498, 525, 531
- Бахчисарай, г. 231
- Безикская гавань 45
- Белград, село вблизи Константинополя 43
- Беловеж, г. 314
- Беловежская пуца 313
- Бельбек, р. 477
- Бельгия 71, 86, 95, 100, 139, 319, 354
- Бендеры, г. 464
- Бени-Мансур, станция в Алжире 176, 177
- Берлин, г. 320, 340, 514
- Бессарабия, ист. область между реками Прут и Днестр 259, 260, 299, 358, 363, 366, 372, 433, 454, 514
- Биариц (Биарриц), г. 104–106, 548
- Бибан, горы в Алжире 177
- Бизерга, г. 175, 554
- Бирмингем, г. 78
- Бискайский зал. 104
- Бискара, г. 173, 175
- Блида, г. 168–170, 173
- Бобадилла, Bobadiela, Bobadilla, станция на ж.-д. линии Гренада–Малага 146, 151, 152
- Богородицкая гора, вблизи дер. Пюхтица в Эстонии 266, 305, 307, 324, 325, 329, 333, 339, 369, 496
- Болгария 44, 376
- Большая Кабилия, см. *Кабилия*
- Бона, г. 178–181, 191
- Бордо, г. 98, 101–104, 115
- Босфор, пролив 5, 41–44, 207, 209
- Бреда, г. 94
- Бриндизи, г. 46, 66, 178, 189, 193, 194, 196, 198
- Брюк, дер. в Нидерландах 94
- Брюссель, г. 83–86, 94
- Буира, г. 176
- Буфарик, г. 169
- Бухара, г. 403
- Буюк-Дере (Буюкдере, т.е. большая долина), дер. в Турции, на европейском берегу Босфора; в летнее время – резиденция части дипломатического корпуса 41–43, 45, 208, 214
- Ваал, р. 86
- Вавилон, развалины древнего города, столицы Древнего и Нового Вавилонского царства, на р. Ефрат, в Ираке 74, 95
- Валенсия (Валенция), г. 155
- Варшава, г. 328, 439
- Васильевский о. (часть Санкт-Петербурга) 120

- Ватикан 69
- Вашингтон, г. 95
- Вега, равнина в Испании 149
- Везувий, вулкан 65
- Великое княжество Финляндское, см. *Финляндия*
- Вена, г. 235, 347, 423, 463, 513, 534
- Венесуэла 527
- Венеция, г. 90
- Версаль, г., летняя резиденция французской королевской семьи, вблизи Парижа 516
- Вильна, ныне Вильнюс, г. 481
- Виндзор, г., загородная резиденция английской королевской семьи, вблизи Лондона 77
- Виши, г. 38
- Владивосток, г. 253, 370, 371
- Воробьевы горы (часть Москвы) 300
- Гаага, г. 86–89, 94, 522
- Гавр, г. 455
- Галло, мыс на севере о. Сицилия, вблизи Палермо 54, 104
- Гарлем (Харлем), г. 89
- Гаронна, р. 102, 103, 115
- Гаспра, поселок на Южном берегу Крыма 427, 428, 433, 457, 460
- Гатчина, г., императорская резиденция в окрестностях Санкт-Петербурга 305, 307, 324, 326, 333, 334, 407, 409, 410, 497
- Гвадалквивир, р. 139, 143, 146
- Гвадиана, р. 139
- Гелеспонт (Геллеспонт), античное название пролива Дарданеллы 207
- Гельсингфорс, г. 506
- Геок-Тепе, станция и название трех селений в Ахалтекинском у. Закаспийской обл. 325, 326
- Германия 40, 232, 355, 507, 522, 533
- Гибралтар, г. 153, 157–160, 164
- Гидра, о. 53
- Гимет, горный хребет в Аттике 48
- Голландия 6, 56, 67, 70, 71, 86–88, 94, 99, 100, 106, 200, 319
- Грац, г. 281
- Гренада, г. 143, 145–153
- Греция 5, 32, 38, 39, 51, 52, 59, 60, 74, 174, 199, 200, 204, 447, 477
- Гринвич, г. 76
- Грязи, станция и г. в Тамбовской губ. 356
- Дагестан 191
- Дальний Восток 387, 478, 530
- Данков, г. 330
- Дарданелы (Дарданеллы), пролив 5, 45, 206, 207
- Дармштадт, г. 315
- Дельфт, г. 86
- Джамир, о. 191
- Джениль, р. 150
- Джуржур, горный хребет в Алжире 176
- Дордонь, Dordogne, департамент во Франции 83, 97, 101
- Дортрехт, г. 86
- Дувр, г. 6, 73, 83
- Евпатория, поселок (ныне город-курорт) в Крыму 423
- Европа 5, 6, 31, 51, 85–87, 91, 110, 114, 118, 145, 150, 153, 154, 157, 158, 160, 164, 186, 200, 222, 229,

- 313, 332, 342, 351, 377, 379, 429, 443, 447, 456, 463, 464, 532
- Египет 74, 228, 242, 317
- Екатери́нинская гавань в устье р. Колы 370
- Екатеринодар, ныне Краснодар, г. 379
- Закавказье** 214, 477
- Закаспийский край 72, 471
- Зальцбург, г. 36
- Зандам, Саардам, Zaandam, г. 92–94
- Зант, г. 46, 55–57, 59
- Западная Европа 31, 229, 351
- Зафра, станция на юго-западе Испании 139
- Зейский канал 45
- Зея, р. 45
- Золотой Рог, бухта 5, 41, 44, 207, 208
- Зюйдерзее, залив 89
- Ивановское**, дер. в Рязанской губ. 261, 264, 265, 267–269, 271, 282, 292, 306–309, 325, 327, 331, 332, 335–337, 445
- Иеве (Иевве), станция Балтийской ж.-д., вблизи Ревеля 266, 267, 305, 307, 325, 329, 333, 407, 409, 410, 497
- Иерусалим, г. 71, 142
- Ильинское, село Звенигородского у. Московской губ. 407, 409, 412
- Индия 32, 74
- Ионические о-ва 46, 55, 56, 58, 60
- Испания 5, 38–40, 66, 70, 72, 83, 104, 112, 114, 117–119, 121, 126, 131–133, 136, 139, 143, 144, 146, 151–157, 163, 167, 168, 351
- Иссар, р. 176
- Исхия, ныне Искья, о. 67, 68
- Италия 6, 119, 175, 179, 191, 192, 347, 351, 513
- Кабилия**, Большая Кабилия, г. 173, 175, 176
- Кавказ 7, 11, 37, 40, 50, 114, 167, 190, 191, 211, 225, 230, 233, 257, 319, 320, 370, 380, 425, 426, 433, 436, 440, 446, 455, 459, 476, 482, 484, 488, 490, 524, 526, 534
- Кадикс, г. 143, 154
- Казатин, г. 423
- Казамичиола, Casamiciola, г. 67
- Каир, г. 44
- Калабрия, область в Италии 63
- Кале, г. 73, 83
- Каликлопуло, залив 61
- Канарские о-ва 355, 481
- Канны, г. 32, 299, 460
- Капри, о. 65
- Каркасон, г. 116, 117
- Карлсбад (ныне Карлови-Вари), курорт в Чехии 235
- Карфаген, развалины древнего города на севере Туниса 187, 189
- Каскаэс, Cascaés, курортное местечко в Португалии 134
- Кацерес, Saceres, ныне Касерес, станция (ныне город) в области Эстрамадура, в Испании 127
- Кефалления, о. 46, 57, 58
- Кефалония, см. *Кефалления*
- Киев, г. 279, 380, 423, 429, 433, 458, 460
- Кикенеис, станция в Крыму 25
- Кисловодск, г. 228

- Киссинген, ныне Бад-Киссинген, г. 167
- Китай 356, 387, 530
- Кола, р. 370
- Компъен, г. 94
- Конак-Калеси, форт в районе пролива Дарданеллы 45
- Константина, станция (ныне город) на севере Алжира 170, 176–178, 180
- Константинополь, Царьград, ныне Стамбул, г. 32, 38, 39, 41–44, 49, 69, 179, 183, 199, 205–208, 210, 213, 228, 250, 310, 533–535
- Контрексвиль, г. 369
- Копенгаген, г. 199, 439, 499
- Кордова, г. 143–147, 150, 151, 153
- Кореис (Кореиз), поселок на Южном берегу Крыма 214, 215, 224, 259, 260, 262, 276, 280, 282, 283, 315, 319, 322, 329, 372, 391, 424, 428, 431, 432, 434, 459, 465, 501, 504, 509
- Коринф, г. и порт 204
- Коринфский канал, соединяющий Эгейское море с Ионическим 50, 204
- Корсика, о. 38, 39, 173
- Корфу, ныне Керкира, о. и г. 46, 52, 59, 60, 62, 63, 198, 199, 317, 321
- Котрэ, Cauterets, курортное местечко вблизи Пьерфита, в Испании 106–112
- Крит, о. 478
- Круб (Хруб), станция в Алжире 177, 178
- Крым, п-ов 7, 15, 24, 25, 31, 32, 38, 70, 173, 174, 189, 190, 193, 208, 210, 213, 214, 222, 225, 247–249, 252–254, 262, 263, 273, 277–280, 284, 290, 309, 310, 313–315, 317, 319, 325, 326, 328, 331, 332, 335, 336, 355–358, 365, 369, 370, 372, 377, 379, 380, 391, 396, 399, 404, 412, 425, 427, 430–432, 446, 455, 458, 459, 466, 474, 476–478, 481, 483, 484, 493, 497, 502, 504, 507, 520, 523, 524, 526–528, 530, 533, 535
- Кубанская обл. 319
- Кубань 532
- Курск, г. 226, 227, 259, 264, 266, 272–277, 283, 300, 301, 310, 318, 323, 324, 337, 381, 417, 431, 433, 460, 477, 478, 497, 499, 520, 523, 533, 536
- Курская губ. 377
- Кутаис, ныне Кутаиси, г. 482
- Кучук-Ламбат 25
- Лавалет, Ла Валлета, ныне Валлетта, г., столица Мальты 192, 193, 195
- Лейден, г. 89, 320
- Леонтьево, имение в Бессарабии 366, 433
- Лерида, г. 121
- Либава, г. 371
- Ливадия, императорская резиденция вблизи Ялты 8, 24, 25, 27, 28, 34–38, 40, 173, 189, 209–211, 213, 214, 216, 231, 232, 234, 245, 247–251, 253, 261, 262, 278, 279, 282, 291, 293, 313–315, 317, 320–324, 329, 344, 349, 354, 372, 376, 379, 416, 418, 419, 421, 425, 426, 428, 431, 454, 459, 498, 499, 501, 504, 506–508, 524, 532
- Ливерпуль, г. 78–80
- Ликабет, гора в Аттике 48
- Лилль, г. 83
- Лимен, Лиман, бухта у мыса Кеке-нез вблизи Симеиза 25

- Лименская долина 277
- Липарские о-ва 64
- Лиссабон, г. 127, 130–138
- Лозовая, село и станция на пересечении Лозово-Севастопольской и Юго-Восточной ж. д., в Харьковской губ. 264, 536
- Лондон, г. 6, 70, 72–81, 83, 84, 97, 356, 411
- Лурд, г. 107, 108, 110
- Люшон 7, 110–112, 114, 115
- Магарач, урочище в Ялтинском у. Таврической губ., принадлежавшее Никитскому училищу садоводства и виноделия 234, 263, 376, 500, 526
- Мадрид, г. 121–125, 129, 130, 132, 136, 146
- Малага, г. и порт 143, 146, 151–154, 156–158, 164
- Малая Азия 74, 477, 542, 609
- Малороссия, см. также *Украина*
- Мальта, о. 66, 160, 179, 182, 189, 191–194
- Манчестер, г. 78–80
- Мариуполь, г. 57
- Марокко 185
- Марса, дер. вблизи Туниса 186–188, 190
- Марсель, г. 153
- Масандра (Массандра), императорская резиденция вблизи Ялты 232, 293, 431, 475, 476
- Мегара, г. 204
- Меджерда, р. 181
- Мелида (ныне Мелилья), испанская крепость (ныне город) на севере Марокко 157, 165
- Менервиль, станция на севере Алжира 176
- Мерида, г. 139
- Мессина, г. и порт 64, 66, 178, 179, 182, 194
- Мессинский пролив 64
- Метиджи, равнина в Алжире 169, 176
- Мисхор, станция и дер. в Ялтинском у. Таврической губ., на побережье Черного моря, на границе с Алупкиным парком 226, 231, 232, 242, 357, 361, 368, 372, 379, 391, 426–429, 501, 503, 526, 530, 531
- Митилена, ныне Митилини, гл. г. на о. Лесбос 45
- Мобеж, г. 94
- Модан, г. 70
- Мон-Сенис, перевал в Западных Альпах 46
- Монс, г. (Белг.) 94
- Моонзунд, о. 371
- Морея, средневековое название п-ва Пелопонесс 46, 54
- Москва, г. 19, 20, 25, 31, 125, 173, 224, 254, 257, 259, 261, 264, 266–269, 272, 274, 275, 289, 296–298, 300–303, 308–310, 320, 326, 327, 329, 333–335, 342, 343, 347, 354, 357, 365, 369, 370, 376, 379–382, 387, 391, 392, 402, 407–409, 411, 412, 414, 416–418, 420, 421, 426, 427, 431, 434, 435, 440, 444, 449, 450, 456, 458, 460, 474, 477, 482–485, 487, 492–494, 497, 498, 501, 503, 506, 509, 516, 521, 522, 526
- Москва, р. 300
- Мраморное море 44, 207
- Мураевня, дер. в Рязанской губ. 267, 268, 314, 324, 325, 327, 335

- Мурманск, г. 371
- Наварин, г. и крепость на месте античного Пилоса 46
- Наваринская бухта 54, 55
- Нарова, р. 306
- Наташино, имение в Крыму 227, 231, 232, 262, 277, 292, 293, 296, 312, 355, 357, 425, 426, 432, 449, 450, 454, 456, 458, 459, 479, 484
- Неаполитанский залив 65, 68
- Неаполь, г. 6, 46, 65–69, 196
- Невада, горный хребет в Андалузских Кордильерах 152
- Немур, г. 153, 157, 165
- Неокаструм, гора в Греции 54
- Нижний Новгород, г. 397, 411, 412, 416, 417
- Никита, дер. вблизи Ялты 529, 532
- Никитский сад (Никитский ботанический сад) на Южном берегу Крыма 260, 428, 431, 432
- Никольское, усадьба в Московской губ. 266, 270, 271, 304, 305, 410, 411, 476, 494, 495, 523
- Нимф, гора в Аттике 48
- Ниневия, развалины древнейшего города Ассирийского царства, на левом берегу р. Тигр, на севере Ирака 74
- Ница (Ницца), г. 219, 260, 277, 351
- Новая Каледония, группа о-вов в Меланезии 356, 481
- Новороссийск, г. и порт 167
- Од, р. 116
- Одесса, г. 31, 212, 224, 225, 234, 235, 252, 259, 264, 281–283, 295, 313, 318, 319, 347, 357, 358, 363, 369, 433, 454, 458, 464, 514, 517, 526, 534
- Ока, р. 415
- Олеис, поселок на Южном берегу Крыма 231, 232
- Олимпия, развалины святилища Зевса в Элиде, место проведения Олимпийских игр 199, 201, 202, 204
- Оран, г. 153, 157, 166–168, 170, 173, 176
- Орел, г. 377
- Орианда (Ореанда), великокняжеская резиденция на Южном берегу Крыма 216, 231, 322
- Орлеан, г. 98
- Орлеанвилль, Orleanville, г. 169, 170
- Ост-Индия 196
- Павловск, г. в Санкт-Петербургской губ., императорская и великокняжеская резиденция 47
- Паксос, о. 63
- Палестина, Святая Земля 5, 45, 228
- Пантеллярия, о. 191
- Париж, г. 6, 32, 38, 40, 46, 66, 67, 69–73, 77, 79, 83, 84, 94, 95, 97–99, 102, 116, 153, 173, 184, 235, 260, 353, 354, 368, 413, 480, 527
- Парнас (Парнес), горный массив в Центральной Греции 48
- Патрас, ныне Патры, г. 46, 66, 178, 194, 196, 198–201, 203, 204
- Пентелик, горы в Аттике 48
- Пера, европейская часть Константинополя 41, 208
- Перигё, Perigeux, гл. г. Перигора 101

- Перигор, ист. область во Франции 101
- Перпиньян, г. 117
- Петербург, см. *Санкт-Петербург*
- Пиргос, г. 201
- Пирей, порт Афин на Сароническом заливе 39, 41, 45, 48, 50, 53, 179, 192, 199, 205, 206
- Пирейская гавань 45
- Пиренеи, горы 39, 104, 106–112, 114, 118, 121, 123
- Пиренейский п-ов 122, 156
- Пникс, холм в западной части Афин 48
- По, Рау, г. в Верхних Пиренеях 106–108
- Подольск, уездный г. Московской губ. 303
- Подсолнечная, станция Николаевской ж. д. 267, 269, 272, 304, 305, 407, 409, 410, 412, 494, 495
- Полесье 235
- Помпеи, руины античного города вблизи Неаполя у подножия Везувия 202
- Порос, о. 53
- Порт-Артур, крепость на Ляодунском п-ве (ныне Люйшунь) 478, 530
- Португалия 130–133, 135, 136
- Принцевы о-ва 45
- Прочида, о. 67
- Пуатье, г. 98
- Пьерфит, Pierrefitte, местечко в долине Пиренеев 107, 108, 110
- Пюхтица, дер. в Эстонии 267, 305, 306, 324, 325, 357, 409, 410, 495
- Ревель (ныне Таллин), г. 125, 164, 226, 259, 267, 268, 271, 298, 301, 304, 306, 307, 324, 325, 327, 333, 355, 369, 410, 522, 524
- Реджио ди Калабрия (Реджо-ди-Калабрия), провинция в Италии, на крайнем юго-западе Апеннинского п-ва, и город на берегу Мессинского пролива 194
- Рейн, р. 94
- Ремизово, станция вблизи Тулы 264, 308, 309, 335, 337
- Ривьера 69
- Рикасоли, Ricasoli, форт на Мальте 195
- Рим, г. 6, 46, 67, 69, 137, 144, 191, 347, 443, 525, 528, 534, 535
- Розендаль, г. 86, 94
- Россия 5–8, 10, 11, 13, 15, 34, 44, 52, 56, 57, 60, 88, 97, 129, 130, 167, 184, 204, 224, 313, 328, 332, 344, 350, 353, 356, 376, 401, 403, 415, 443, 455, 456, 463, 470, 490, 491, 507, 510, 514, 519, 520, 531
- Роттердам, г. 86
- Румель, р. 178
- Рязск, г. Рязанской губ. 264, 269, 309, 310, 335, 337
- Рязанская губ. 39, 223, 299, 307, 311, 331, 369, 522
- Рязань, г. 269, 308, 334–336, 494
- Саардам, см. *Зандам*
- Саксония 206
- Саламин, о. и г. 48
- Саламинский пролив 48
- Самарская губ. 270
- Сан-Себастьян, г. и порт на севере Испании, на берегу Бискайского залива 104, 105, 126
- Сан-Стефано (ныне Ешилькёй), г. на берегу Мраморного моря,

- вблизи Константинополя 44, 207
- Сарагоса, г. 121, 122
- Сарай, село (ныне город) в Турции 266
- Сардиния, о. 38, 39
- Сароникский залив (Сароникос, зал.) 204
- Сахель, р. 176
- Святая Земля, см. *Палестина*
- Себка, оз. в Алжире 168
- Святого Николая, мыс 58
- Севастополь, г. 7, 20, 21, 23, 30, 31, 33, 35, 37–41, 122, 160, 167, 179, 194, 205, 207–210, 213, 214, 222, 224, 226, 228, 234, 235, 237, 238, 250, 254, 255, 259, 261–264, 275, 276, 282, 283, 288, 289, 292, 294, 299, 309, 310, 315, 320, 323, 337, 342, 347, 351, 355, 356, 358, 359, 362, 368, 376, 377, 380, 417, 429, 433, 444, 450, 461, 464, 474, 481, 485, 493, 497, 498, 504, 509, 522, 535
- Северная Америка 356
- Северо-Американские Штаты 505, 527
- Севилья, г. 138–144, 147, 151
- Сент-Готард, горный массив и перевал в Лепонтийских Альпах 237
- Сербия 484
- Сетиф, станция (ныне город) в Алжире 177
- Сибирь 167
- Симеис (Симеиз), поселок на Южном берегу Крыма 5, 7, 15, 16, 22, 25, 31, 35–37, 40, 41, 208, 221, 223, 227, 228, 233, 247, 250, 251, 259–263, 273, 275–278, 283, 284, 289, 291, 297, 298, 310, 330, 337, 338, 351, 377, 381, 395, 417, 425, 426, 429, 430, 450, 456, 460, 484, 485, 497, 499, 508, 533
- Симферополь, г. 33, 234, 236, 259, 262, 277, 290–292, 320, 372, 513
- Синельниково, станция 510
- Сицилия, о. 63, 119, 175, 179, 191
- Скарманга, горы в Алжире 48
- Скопин, г. в Рязанской губ. 337
- Скутари, г. 45, 207
- Соренто (Сорренто), г. 65
- Сочи, поселок (ныне город-курорт) 532
- Спартивенто, Spartivento, мыс на юге Апеннинского п-ва 63, 64
- Средиземное море 39, 53, 66, 159
- Средняя Азия 35, 480, 585, 603
- Стамбул, см. *Константинополь*
- Стилло, мыс 63
- Стромболи, о. 64
- Сухум, ныне Сухуми, г. 369, 532
- Сфагия, ныне Сфактерия, о. 54
- Схевенинг, г. 88, 106
- Сыренец, село в Псковской губ. 306
- Сьерра-Морена, горный массив на юге Испании 139
- Сьерра-Эльвира, Sierra-Elvira, горный хребет вблизи Гренады 149, 152
- Таганрог, г. 57
- Таго, р. 131–134, 136, 137
- Тангер, ныне Танжер, г. 153, 157, 160–165
- Тарб, Tarbes, г. 110

- Татой, г. 47, 60
Телятниково, село 265, 308
Темза, р. 73, 76
Тенедос, ныне Бозджаада, о. 45
Терапия, г. 43, 44
Тизи-Узу, г. 176
Тильбург, г. 94
Тиррентское море 64
Тифа, ущелье в Алжире 170
Тифлис, ныне Тбилиси, г. 26, 191, 212, 214, 259, 339, 343, 390, 455, 482, 513
Тихий океан 481
Толедо, г. 127
Тосна, станция Николаевской ж. д. 305, 307, 324, 334, 407, 409, 410, 497
Трансвааль, бывшая провинция Южно-Африканской республики 532
Троя, древний город на северо-западе Малой Азии 5, 45
Туапсе, окружной г. и порт на Черном море 532
Тула, г. 264, 266, 337
Тулуза, г. 112, 113, 115–117
Тульская губ. 271
Тунис, г. 176, 178–182, 187–190
Туниссия (Тунис) 5, 7, 38, 39, 66, 174, 180–182, 185, 191
Тунисское оз. 181, 185, 187
Тур, г. 98
Турецкая империя, см. *Турция*
Турин, г. 70, 120
Туркестан, Туркестанский край 471, 480, 507, 526
Турнэ, Tournai, г. 83
Турция 44, 396, 423, 447, 490
Украина 474
Улиса, скала на о. Керкира 61
Умань, г. 245, 526
Умет, станция вблизи Тамбова 32
Урзуф, ныне Гурзуф, поселок в Ялтинском у. Таврической губ. 16, 33, 260, 317, 368, 460
Утрехт, г. 94
Фалеры, ныне Фалерон, гавань и местечко вблизи Афин 48–50, 53
Феодосия, г. 167, 228, 229, 459
Финикия, древнее государство на части сирийского побережья 95
Финляндия 506, 507, 515, 531, 532
Флоренция, г. 46
Флориана, Floriana, предместье г. Лавалета 193–195
Франция 7, 38–40, 45, 60, 70, 95, 97, 101–103, 106, 107, 112, 115–119, 168, 169, 172, 173, 184, 200, 241, 347, 351, 355, 369, 397, 398, 472, 476, 480, 481, 505, 514–516
Халдея, земля народа калду на юге Месопотамии 95
Харьков, г. 21, 22, 26, 33, 222, 224, 264, 281, 283, 287, 288, 295, 296, 381, 478
Херсонская губ. 274
Хива, г. 480
Ходынское поле, пригород г. Москвы, ныне в черте города 300, 386, 398, 399, 403, 407–409, 411, 420, 434, 435
Хруб, см. *Круб*
Цареград, Царьград, см. *Константинополь*

- Царское Село 227, 370
 Царство Польское 224
 Цейлон, о. 32, 195
 Цинтра, Cintra (Синтра, Sintra), дер. (ныне город) в Португалии 134, 137, 138
 Цитера, см. *Черуго*
- Черуго**, Цитера, о. 54
 Чудское озеро 306
- Швейцария** 96, 97, 237
 Шельда, р. 86
 Шелифа (Шелифф), р. 169
- Щелково**, станция и поселок вблизи Москвы 266, 268–272, 300, 301, 303–306, 310, 410, 411
- Эвбея**, о. 45
 Эгалеос, горы в Аттике 48
 Эгина, о. 53
 Эксуриал, Эскориал (Эскурьяль), г. 128, 129, 132
 Элевзинская (Элефсинская) бухта 48
 Элевзис, ныне Элефсина, г. 204
 Эль-Ашир, станция в Алжире 177
 Эпир, ист. область на северо-западе Греции 59, 198
 Эстляндия, Эстония 266, 307, 336, 369, 407, 429, 477, 494, 498, 517
 Эстляндская губ. 39
 Эстремадура, ист. область в Испании 139
 Этна, влк. 191
- Этолия, гористая местность в центральной части Греции 201
- Южная Африка** 532
 Южная Италия 119
 Южная Франция 351
- Яйла**, самая высокая гряда Крымских гор 250, 434
 Ялта, уездный г. Таврической губ. 20–32, 34, 36, 37, 40, 209, 212, 2131, 216, 219, 222, 223, 226, 227, 229–235, 241, 244–246, 248–250, 252–260, 262, 263, 276–278, 281–284, 287, 288, 290, 291, 293, 294, 296, 297, 309, 310, 312, 313, 315–319, 321, 324, 338, 343, 347, 354–357, 359, 367–369, 371, 376–379, 417, 419, 421–423, 425, 426, 429–432, 434, 435, 439, 441, 443–447, 449, 450, 454, 458, 459, 461–466, 474, 476, 478, 479, 481, 484, 489, 494, 505, 514, 517, 521, 523, 527, 530–532, 534
 Япония 34, 356, 387, 397
- Affreville, г. 169
 Aix-les-bains (Экс-ле-Бэн), курортное местечко 47
 Algéciras, г. на испанском побережье Гибралтарского пролива 158
 Aude, см. *Од*
- Badajos**, см. *Бадахос*
 Bagnères de Luchon, см. *Люшон*
 Baisieux, станция на франко-бельгийской границе 83
 Berchtesgaden 36
 Biarritz, см. *Биарриц*

- Bircacara, предместье Лавалета 196
- Birkenhead, предместье Ливерпуля 79
- Blida, см. *Блида*
- Bobadilla, см. *Бобадилла*
- Bougie, станция в Алжире 177
- Broek, см. *Брюк*
- Caceres, см. *Кацерес*
- Carcassone, см. *Каркасон*
- Casamicciola, см. *Казамиччиола*
- Cascaés, см. *Каскаэс*
- Cauterets, см. *Котрэ*
- Ceuta, г. 164
- Charing-Cross, станция вблизи Лондона 73
- Cordova, см. *Кордова*
- Coutras, станция в Южной Франции 98, 101
- Darra, р. 150
- Dordogne, см. *Дордонь*
- Duvivier, станция в Алжире 178–180
- Fabrica del Pedroso, станция в Испании 139
- Floriana, см. *Флориана*
- Fort National, местечко в черте г. Большая Кабилия, в Алжире 173
- Gave de Pau, р. 107
- Ghardimaou, станция вблизи г. Тунис 181
- Gourmi, предместье Лавалета 196
- Guadarama, горный хребет в Пиренеях 122
- Humette, см. *Гимет*
- Ieve, см. *Иеве*
- Jenil, см. *Джениль*
- La Goulette, г. и порт в Тунисе 187–190
- Lourdes, см. *Лурд*
- Lys, р. 112, 113
- Maison Carreé, станция вблизи г. Алжир 170, 176
- Maladeta, гора в Пиренеях 114
- Malga, станция вблизи г. Тунис 188, 189
- Malia, мыс на п-ве Морея 54
- Manresa, г. 122
- Marsa-Muscet, бухта на Мальте 195
- Marvaou, станция на испано-португальской границе 131
- Mersey, р. 79
- Montserrat, горная вершина в Пиренеях 122
- Mont Cenis, горный перевал через Западные Альпы, на границе Франции и Италии 70
- Monte Epomeo, гора на о. Искья 68
- Montjuich, холм в Барселоне 119
- Montréjeau (Монтрё), г. 110, 115
- Neuvic, станция в Южной Франции 99, 101
- Nive, р. 104
- Orléanville, см. *Орлеанвиль* 169
- Oux-les-bains 38

- Pas de Calais**, пролив 83
Пау, см. *По*
Perigeux, см. *Перигё*
Pierrefitte, см. *Пьерфита* 107, 110
Pilos, гавань в Мессении 54
Pique, р. 112
Pointe d'Europe, южная оконечность мыса Гибралтар 158, 164
Port-Von, станция на франко-испанской границе 117, 118
Port-Vendres, станция на франко-испанской границе 118

Ricasoli, см. *Рикасоли* 195
Rue d'Enfer, горное ущелье в Пиренеях 113

San-Rogue, г. на испанском побережье Гибралтарского пролива 158
Santa Cruz, форт в Оране 166

Sliema, предместье Лавалета 195
Senglea, предместья Лавалета 195
Sierra-Elvira, см. *Сьерра-Эльвира*
Siera Nevada (Сьерра-Невада), горный хребет в Испании 152
Sliema, г. 195
Spartivento, см. *Спартивенто*
St. Gregoire, форт в Оране 166
St. Jean de Luz, г. на юге Франции 104

Tarbes, см. *Тарб*
Tournai, см. *Турнэ*

Venezia, см. *Венеция*
Venosque, перевал в Пиренеях 112
Vignemale, гора в Пиренеях 109
Vittoriosa, предместье Лавалета 195

Zaandam, см. *Зандам*
Zafra, см. *Зафра*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Князь В.Р. Долгорукий и княгиня Н.Д. Долгорукая
Н.В. Исаков
Великий князь Михаил Михайлович, графиня С. де Торби и их дочь
Великий князь Николай Николаевич Старший
Великий князь Михаил Николаевич и Д.А. Милютин
Константинополь
О. Корфу
Неаполь
С.Д. Сазонов
Лондон
Национальный музей в Амстердаме
Домик Петра I
Лувр. 1890-е годы
Н.Н. Обручев
Бордо
Байона
Люшон
Тулуза
«Пропась Бунё» под Люшоном. 1908 г.
Каркасон
Князь М.А. Горчаков
Лиссабон
Синтра
Алькасар
Альгамбра
Рынок в Алжире
Константина
Главная мечеть в Тунисе Джама Цитуна
Окончание молитвы в мечети Джама Цитуна

Кафедральный собор в Тунисе
Лавалетта
Золотой Рог
Особы императорской фамилии в Ливадии
Князь А.И. Шаховской
Великий князь Константин Николаевич
Библиотека Д.А. Милютина в Симеизе
А.Ф. Кони
Граф А.Д. Милютин
Рабочий стол Д.А. Милютина в Симеизе
А.Е. Тимашев
Великий князь Георгий Александрович
Император Александр III в кругу семьи в Ливадии. 1893 г.
Д.А. и Н.М. Милютины среди гостей и родственников
И.Е. Репин. Крестный ход в Курской губернии
Вид на Кремль
Великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Ксения Александровна
Прибытие Александра III в Ялту 21 сентября 1894 г.
П.А. Черевин
М. Зичи. Прибытие принцессы Алисы Гессенской в Ливадию
Император Александр III в гробу
И.В. Гурко
Н.Х. Бунге
Д.А. Милютин и Н.К. Гирс с супругой
А.А. Абаза
Спальня Д.А. Милютина
Стол в спальне Д.А. Милютина
Великий князь Сергей Александрович
Императрица Александра Федоровна
Вдовствующая императрица Мария Федоровна
Коронация императора Николая II
Граф Ф.Л. Гейден
Бухарский эмир Сеид-Абдул-Ахад
Граф И.И. Воронцов-Дашков
Князь А.Б. Лобанов-Ростовский

Дом Милютиных в Симеизе

П.А. Сабуров

Визит Ф. Фора в Россию

Гостиная в доме Милютиных в Симеизе

П.С. Ванновский

П.Л. Лобко

А.Н. Куропаткин

Открытие памятника императору Александру II в Москве

Император Николай II

Д.А. Милютин в Москве. 1898 г.

Великий князь Петр Николаевич

Князь О. Бисмарк

Ф. Фор

Б.Н. Чичерин

И.Л. Горемыкин

С.Ю. Витте

Д.А. Милютин в саду

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГИА – Российский государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Г. Захарова Предисловие
5

От редактора
15

1891-й год
17

1892-й год
217

1893-й год
239

1894-й год
285

1895-й год
345

1896-й год
373

1897-й год
437

1898-й год
467

1899-й год
511

КОММЕНТАРИИ
537

ПРИЛОЖЕНИЯ
679

УКАЗАТЕЛИ

701

Указатель имен

703

Указатель географических названий

756

Список иллюстраций

769

Список сокращений

772

*Дмитрий Алексеевич
Милютин*

**ДНЕВНИК
1891–1899**

Редактор *А. А. Комзолова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Титова*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.10.2013
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 48,5.
Тираж 800 экз. Заказ № 1916.

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1.
Тел.: (499) 685-15-75

ОАО «Областная типография «Печатный двор»,
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

1891

Д. А. Милютин ДНЕВНИК

1899